

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета**
2017. № 414. Январь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- HISTORY
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
2017. № 414. January

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.;
О.В. Петрин, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потеев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прокументов**, д-р юрид. наук, проф.;
З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слизов**, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ;
С.П. Сушенко, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.;
О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.;
Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasily P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Диденко В.В. Выявление валентных слотов фрейма толерантности (в немецкой, американской и русской лингвокультурах)	5
Павлович К.К. Эстетика и лирика А.Н. Майкова 1840–1850-х гг. в художественном сознании И.А. Гончарова	14
Поршнева А.С. «Иосиф и его братья» Томаса Манна в контексте немецкого эмигрантского романа	20
Тупова Е.В. Полемическое переосмысление сочинений Л.Н. Толстого и А.И. Солженицына в поэме Давида Самойлова «Струфиан»	29

ИСТОРИЯ

Адамов А.А. Серебряные украшения из Тобольского Прииртышья (по материалам могильника Ивановский 10)	34
Безнин М.А., Димони Т.М. Трансформация источниковой базы исследований истории социально-экономических процессов советского периода	40
Данилов П.Г., Турова Н.П. Детские погребения с русского поселения «Деревня Яркова» в Тобольском Прииртышье	45
Дёмин Ю.А. Ф.А. Ротштейн и первые шаги советской дипломатии в Иране (1921–1922 гг.)	52
Евтехов Р.А. «Буде нужда того требует, то губернию разделить на провинции...» (внедрение новой схемы управления Забайкальским трансграничьем 1775–1784 гг.)	62
Елизарова В.О. Внешние и внутренние факторы формирования советской миграционной политики на Камчатке в середине – конце 1920-х гг.	67
Иерусалимская С.Ю. Ярославский Демидовский юридический лицей в начале XX в.	73
Маклюков А.В. У истоков гидроэнергетики Дальнего Востока: из истории гидротехнических изысканий и исследований 1930-х гг.	77
Мальцев Р.К. Факторы и предпосылки изучения памятников наскального искусства Среднего Енисея (1940–1990-е гг.)	87
Мамкина И.Н., Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Программы развития системы образования в Азиатской России в материалах Второго Сибирского комитета	92
Петров Д.М. Освоение бассейна реки Вилюй якутскими родами в XVI–XVIII вв.	98
Подрезов М.В. История Чуйского тракта: обзор основной литературы	103
Почекаев Р.Ю. Государственность и право среднеазиатских ханств в записках российских путешественников XVIII в.	108
Сайнаков Н.А. Изгойство и маргинальность в социальном пространстве Древней Руси	114
Сарин Д.П. Борьба с жилищным кризисом в Кузбассе в период 1920–1922 гг.	121
Соколов В.Ю. Сетевое взаимодействие «школа – ведущий исследовательский университет»: идентификационные аспекты	129
Стась И.Н. Дрейф этничности в процессе нефтегазового освоения и урбанизации Ханты-Мансийского округа (1960–1980-е гг.)	134
Титова Е.В. Этнокультурная адаптация мигрантов-студентов в Еврейской автономной области	141
Томилов И.С., Федотова Д.Ю. Традиции празднования юбилейных дат в Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в.	145

CONTENTS

PHILOLOGY

Didenko V.V. Revealing of potential slots of the frame <i>tolerance</i> (in German, American and Russian linguocultures)	5
Pavlovich K.K. A.N. Maikov's aesthetics and lyrics of the 1840s–1850s in I.A. Goncharov's artistic consciousness	14
Porshneva A.S. Thomas Mann's <i>Joseph and His Brothers</i> in the context of the German exile novel	20
Tupova E.V. Polemic rethinking of works by L.N. Tolstoy and A.I. Solzhenitsyn in David Samoylov's poem "Strufian"	29

HISTORY

Adamov A.A. Silver decorations from the Tobolsk Irtysh region (based on the materials from the Ivanovsky 10 burial ground)	34
Beznin M.A., Dimoni T.M. The transformation of the source base of research on the history of socio-economic processes of the Soviet period	40
Danilov P.G., Turova N.P. Children's burials at the Russian settlement Yarkova in the Tobolsk Irtysh region	45
Demin Yu.A. T.A. Rothstein and the first steps of Soviet diplomacy in Iran (1921–1922)	52
Evtekhov R.A. "If necessary, the government be divided into provinces . . ." (implementation of the new control scheme, the Transbaikal transboundary, 1775–1784)	62
Elizarova V.O. External and internal factors of the Soviet migration policy formation in Kamchatka in the middle and late 1920s	67
Ierusalinskaya S.Yu. Yaroslavl Demidov Juridical Lyceum at the beginning of the 20th century	73
Maklyukov A.V. At the source of electricity in the Russian Far East: from the history of hydraulic engineering studies of the 1930s	77
Maltsev R.K. Factors and the background of the study of rock art monuments of the Middle Yenisei (1940s–1990s)	87
Mamkina I.N., Dameshek L.M., Dameshek I.L. Asian Russia education system development programs in the Second Siberian Committee records	92
Petrov D.M. Exploration of the Viluy River basin by Yakut clans in the 16th–18th centuries	98
Podrezov M.V. The history of the Chuya Highway: review of the main literature	103
Pochekaev R.Yu. The state structure and law of Central Asia khanates in the notes of Russian travelers of the 18th century	108
Sainakov N.A. Izgoistvo and marginality in the social space of Ancient Russia	114
Sarin D.P. The struggle against the housing crisis in Kuzbass in 1920–1922	121
Sokolov V.Yu. The "school and leading research university" network interaction: identification aspects	129
Stas I.N. Ethnicity drift in the oil and gas development and urbanization of the Khanty-Mansi Okrug (1960s–1980s)	134
Titova E.V. Ethno-cultural adaptation of migrant students in the Jewish Autonomous Oblast	141
Tomilov I.S., Fedotova D.Yu. The tradition of celebrating anniversaries in Tobolsk Province in the late 19th – early 20th centuries	145

Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Томск – центр защиты диссертационных работ на востоке СССР в годы Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг.	148	Fominykh S.F., Stepnov A.O. Tomsk as the center of dissertation defenses in the East of the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945	148
Шаламов В.А. Здравоохранение в Забайкальской области во время режима атамана Г.М. Семенова (осень 1918 – весна 1919 гг.)	156	Shalamov V.A. Health care in Zabaikalskaya Oblast during the regime of Ataman G.M. Semenov (fall 1918 – spring 1919)	156
Щеглова Т.К. Дикие и домашние животные в стратегиях выживания и адаптационных практиках земледельческого населения юга Западной Сибири в 1941–1945 гг.: ответ устной истории на антропологические вызовы	167	Shcheglova T.K. Wild and domestic animals in the survival strategies and adaptation practices of the agricultural population of the south of Western Siberia in 1941–1945: oral history answers to anthropological challenges	167

ПРАВО

Алексеева Т.А. Факторы, определяющие особенности устной речи допрашиваемого: личность допрашиваемого и ситуация допроса	174	Alekseeva T.A. Factors determining the features of the oral speech of the interrogated: the identity of the interrogated and the situation of interrogation	174
Головко И.И. Особенности участия прокурора в рассмотрении судом его заявления об обращении имущества в доход Российской Федерации как средство пресечения и предупреждения коррупции	181	Golovko I.I. Features of prosecutors' participation in the court examination of their statements on forfeiture to the Russian Federation of property as a means to stop and prevent corruption	181
Нехороших М.Е. Изменение перечня кассационных оснований пересмотра приговора, постановленного в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве	187	Nekhoroshikh M.E. A change in the list of the grounds for a cassation review of a verdict ruled by a court in a special order owing to a pre-trial cooperation agreement	187
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	193	BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	193

LAW

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'37

В.В. Диденко

ВЫЯВЛЕНИЕ ВАЛЕНТНЫХ СЛОТОВ ФРЕЙМА *ТОЛЕРАНТНОСТЬ* В НЕМЕЦКОЙ, АМЕРИКАНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Исследованы фреймы *Toleranz*, *tolerance* и *толерантность* в рамках фреймовой семантики. Рассматривается общая структура фрейма, особое внимание уделяется такому компоненту, как валентные слоты, или предикационный потенциал фрейма. Обосновывается использование метода выявления валентных слотов, разработанного и описанного немецкими лингвистами К.-П. Конердингом и А. Цимом, – метода редукции по типам гиперонимов. Производится анализ фрейма *толерантность* на основе данного метода. В результате конструируется матричная модель фрейма, необходимая для последующего рассмотрения актуализации фрейма в конкретных текстах и дискурсах, анализа конкретных наполнителей и выявления заданных значений как элементов имплицитного культурного знания.

Ключевые слова: фреймовая семантика; фреймовый анализ; структура фрейма; слоты.

Введение. Толерантность как сложный и многоаспектный феномен, соотносящийся со многими сферами человеческого общества, в настоящее время подвергается пересмотру. На такое переосмысление влияют прежде всего события глобального характера, происходящие в современном мире: повсеместная миграция, «кризис беженцев» в Европе, обострение проблем, связанных с терроризмом, и, как следствие, столкновения между представителями западной (и американской) и исламской культур. На фоне этих событий феномен толерантности активно обсуждается как в средствах массовой информации, так и в научных исследованиях различной направленности.

В начале XXI в. можно говорить о возрождении интереса к исследованию толерантности и рассмотрению её в новых аспектах и ракурсах. В XVIII в. Вольтер в труде «О толерантности» [1] рассматривает данное явление в контексте религиозных противоречий, в XX в. толерантность изучается как элемент политического дискурса (ср. труды западных политических философов М. Уолцера [2], У. Кимлика [3], Р. Коэн-Альмагора [4]). Настоящую ситуацию на этом фоне можно обозначить как методологический плюрализм. Толерантность становится предметом философских, социально-политических, педагогических, культурологических и лингвистических исследований. В последнее время российские исследователи также всё чаще начинают обращаться к теме толерантности, проводя свои изыскания в том числе и в лингвистическом ключе.

Первым опытом разработки проблемы толерантности в лингвистическом плане стало исследование коммуникативного аспекта толерантности И.А. Стерниным и К.М. Шилихиной. В дальнейшем исследование толерантности в ракурсе лингвистики проводилось О.А. Михайловой, А.Д. Шмелевым, О.П. Ермаковой, А.Д. Голевым [5–8]. Стернин и Шилихина изучают явление толерантности в двух аспектах – через анализ языковых средств, объективирующих его в языке, и на коммуникативном уровне, описывая явление толерантности как особенность межличностного общения [9]. По их словам, в конце XX в. слово «толерантность» окончательно вошло в русский язык, однако концепт *толерантность* до сих пор является

лакунарным в русской национальной концептосфере. Стернин и Шилихина в ходе своих исследований устанавливают положительную эмоционально-оценочную характеристику концепта *толерантность* и считают, что русскому сознанию требуется данный концепт, однако его принятие вызывает споры и дискуссии [9].

Настоящее исследование соответствует современной тенденции рассматривать и сопоставлять социальные и культурные явления сквозь призму языка. Однако в отличие от предыдущих авторов, использующих для рассмотрения *толерантности* инструментарий когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и прагматики и выполняющих лингвистическое описание, оперируя термином «концепт», мы применяем методологию и теоретические положения фреймовой семантики и описываем *толерантность* с помощью модели фрейма, так как конечной целью работы является конструирование аналитической модели фрейма *толерантность* в русских, американских и немецких медиадискурсах на тему миграции. Использование теории фреймовой семантики для достижения поставленной цели можно обосновать следующим образом:

1. В теории фреймовой семантики принято положение, что значение языкового знака обладает концептуальным единством, относящимся ко всей области знания и содержащим ряд элементов, которые поддаются категориальному описанию.

2. Фрейм как основная категория фреймовой семантики представляет концептуальное единство в долговременной памяти, и вместе с этим он соединён с языковым знаком, через который актуализируется.

3. Фрейм может не только выступать в качестве когнитивной репрезентации структуры знания, но и служить также средством лингвистического семантического и лингвокультурного анализа.

4. В качестве подобных видов анализа могут применяться основные элементы структуры фрейма: слоты, конкретные наполнители, заданные значения.

5. Модель фреймов релевантно использовать в качестве семантической модели и метода описания, так как она позволяет рассматривать структуры фонового знания, необходимого для понимания значения языковых единиц, актуализирующихся в текстах и дискурсах.

6. Фреймы представляют потенциал контекстуализации концептов и могут более детально показать концептуализированное знание. Фреймы, рассматриваемые в методическом плане как систематически составленные списки вопросов, дают доступ к потенциалу концептуализации понятия.

При этом основное внимание исследования на данном этапе фокусируется на уровне фрейма, обладающего наибольшей степенью абстракции – валентных слотах. Задачей настоящей работы, таким образом, являются выявление и аналитическое описание слотов фрейма *толерантность*. По мнению таких исследователей, как Д. Буссе и А. Цим, именно слоты занимают одно из центральных положений при проведении лингвистического анализа, так как они не имеют когнитивного коррелята и в их случае речь идёт лишь о чисто аналитических величинах [10, 11]. Выявление и группирование слотов представляют собой создание самой аналитической структуры, «каркаса» фрейма, который затем заполняется эмпирическим материалом.

Аспекты исследования фреймов в рамках фреймовой семантики. Фреймовая семантика является по сути не отдельно стоящей дисциплиной, а объединением различных методов, теорий, концепций, пересекающих дисциплинарные границы разных областей знаний. Если обратиться к идеям, которые легли в основу возникновения и развития теории фреймов, то окажется, что они первоначально появились в рамках таких дисциплин и направлений, как лингвистика, когнитивные науки, психология, исследования искусственного интеллекта, философия. Фреймовая семантика становится одним из многих направлений, в рамках которых рассматриваются фреймы. Таким образом, фреймовая семантика как лингвистическая теория (или теория, имеющая лингвистические основания и способная служить для исследования лингвистических феноменов) является лишь одним из возможных подходов или аспектов, в свете которых можно рассматривать фреймы в их отношении к пониманию языка в целом.

В рамках фреймовой семантики **фрейм** понимается как структура организации знаний, в которой вокруг структурного ядра, также называемого предметом или темой фрейма, сгруппировано определенное количество элементов знания, которые именно в этой перспективе выступают как фреймообразующие элементы [10. С. 540]. Эти элементы знания не являются величинами, полностью заполненными конкретной информацией, а выступают как элементы для заполнения (слоты), которые при актуализации фрейма заполняются конкретными наполнителями [Там же. С. 540, 553]. К таким актуализациям причисляются все случаи вербализации, при которых фрейм либо отдельный его элемент выражаются с помощью языкового знака или целых языковых выражений. Фреймы представляют собой структуры из концептов, которые, в свою очередь, являются фреймами со своими структурами. Так как фреймы специфицируют возможности присоединения других элементов фрейма, их структура поддается описанию как организация эпистемных отношений [11. С. 13–22]. Немецкий

лингвист Й. Кляйн характеризует структуру фрейма как набор слотов и наполнителей, категории которых заполняются прототипично. Фреймы, относящиеся к одной и той же лексеме, могут изменяться согласно числу и типу их элементов в зависимости от дискурсов, где эти фреймы реализуются [12. С. 157–163].

В последние годы, особенно среди зарубежных лингвистов, всё большее развитие получает тенденция приложения теории фреймовой семантики для исследований лингвокультурологической направленности, касающихся семантического анализа предложений, текстов, дискурсов. Среди основных исследователей данного направления можно выделить Й. Кляйна [12], К. Фраас [13], Д. Буссе [10], А. Цима [11]. В их работах прослеживается попытка использовать богатый аналитический потенциал фреймовой семантики, не ограничиваясь лишь построениями логико-семантических моделей значения того или иного фрейма, а делая упор на том, что ещё Филлмор называл «понимающей», или «интерпретативной», семантикой.

Основные положения исследования фреймов в рамках фреймовой семантики можно сформулировать следующим образом:

1. Проведение фреймового анализа основывается на допущении, что доступ к имплицитному знанию определённой лингвокультуры обеспечивается через актуализированные предикаты.

2. Слоты понимаются как списки релевантных вопросов, которые систематически определяют выражения, активируемые данным фреймом.

3. Слоты (или вопросы), которые принадлежат фрейму, определяются посредством редукции по типам гиперонимов того выражения, которое отсылает к данному фрейму.

4. Предикаты понимаются как языковые реализации концептуального содержания выражения, поэтому на их основе представляется возможным получить доступ к когнитивным аспектам знания.

5. Точные высказывания о содержании данного фрейма позволяют, с одной стороны, выявить актуализированные предикаты (конкретные наполнители) посредством качественного анализа, а с другой – количественный анализ отдельных предикатов (экземпляров) показывает, какие заданные значения присущи данному фрейму.

Природа предикационного потенциала (валентных слотов). Различие между слотами и наполнителями составляет неоспоримое ядро любой модели фреймов, которая вообще выделяет фреймы как таковые и отличает их от других моделей знания. Понятия «слоты» и «наполнители» берут начало из исследований практической направленности и в настоящее время считаются общепринятыми. Наиболее существенной особенностью слотов является степень их абстракции и связанная с ней «открытость», или необходимость заполнения. То есть речь идет об элементе, месте какого-либо фрейма, которое служит исключительно для того, чтобы быть заполненным чем-то иным. Однако будет ошибкой расценивать слоты лишь как пустые пространства – они обладают определенной формой и структурой. Конкретный слот не может заполнить все, что угодно, а лишь то, что

соответствует его форме, чему позволено или необходимо вступить на его место. Минский говорит об условиях, которые налагает фрейм на определенные элементы, которые могут быть или должны быть заполнены конкретным содержанием (наполнителем) [14. С. 55–57]. Так как такие условия имплицитно предопределяют, наполнители какого типа должны заполнить тот или иной слот, можно говорить о том, что каждый слот имеет «области значений», которые специфицирует условия для присоединяемых наполнителей. Поэтому слоты не только являются вариативными, но и сами состоят из твердого ядра (установленной области значений) и изменяемых элементов (конкретных значений, которые возникают из установленной области значений и присоединяются к актуализированному фрейму) [10. С. 553–565].

А. Цим, которому принадлежат наиболее поздние разработки в области фреймовой семантики, соединяет концепции более ранних авторов и дает относительно полную характеристику структуры фрейма. Обращаясь к определению природы слотов (Leerstellen), Цим исходит из концепций Поленца, Филлмора и Минского. Он сравнивает слоты с референтными точками (Bezugsstellen). Данное понятие ввел Поленц, и оно обозначает когнитивные и культурные предпосылки, которые предопределяют любое коммуникативное действие. Они относятся к ситуативному, контекстному, социальному знанию (ко всему энциклопедическому знанию). Как референтные точки, так и слоты коррелируют между собой и эвоцируются из целого языкового выражения как некие целостности. Недостающую информацию реципиент извлекает на основе данных, находящихся в его распоряжении [11. С. 299–308]. Так как фреймы представляют собой языковые актуализации знаний и привязаны к ситуативному, текстуальному и когнитивному контексту, то их слоты (как и референтные точки в теории Поленца) невозможно выявить лишь на уровне предложений. Тексты или дискурсы представляют собой доступ к возможным слотам и референтным точкам. Фреймы описывают не просто значение слов, а значение слов в текстах или дискурсах [Там же]. Кроме того, Цим определяет слоты как вопросы, которые представляется релевантным задать по отношению к референтному объекту. Причем чем более абстрактен данный объект (и, соответственно, вопросы к нему), тем меньшее количество таких вопросов можно выявить [Там же. С. 299–300]. Фрейм *толерантность* обладает высоким уровнем абстракции, поэтому его матричная модель будет состоять из меньшего количества слотов, чем модель какого-либо конкретного фрейма.

В данном исследовании мы придерживаемся нижеизложенной рабочей концепции о природе слотов, разработанной вследствие анализа работ упомянутых выше авторов. Главным образом она сформулирована на основе более поздних исследований Д. Буссе и А. Цима.

Слоты представляют собой такие элементы структуры знания, привязанные к установленному набору элементов данного фрейма, конструирующие этот фрейм и определяющие его референтный объект (тему), которые в своем эпистемологическом облике не полностью конкретизированы, а служат лишь как условия, которым должны соответствовать конкрет-

ные, специфичные элементы знания в качестве конститутивных признаков или составных частей фрейма, призванные сделать его полностью специфицированной (инстанцированной) организацией знания (фреймом). Так как слоты устанавливают конкретизирующие условия для особенностей наполнителей, их можно также определить как «набор условий заполнения», или «набор условий присоединения». Природа слота не является данной любому элементу знания, а реализуется лишь в подчинительных отношениях с определенным фреймом. Рассматриваемые изолированно, подобные элементы знания сами представляют отдельные фреймы с собственными подчиненными слотами. Это означает, что важные для анализа слоты представляют собой такие предписания одних концептов другим концептам, по отношению к которым в данном лингвокультурном обществе существует принятое соглашение. Если для каких-либо слотов в данном контексте не специфицированы конкретные наполнители, то они заполняются заданными (стандартными) значениями. Очевидно, в такой форме фреймы хранятся и в памяти. Так как фреймы являются динамическими, вариативными и зависящими от контекста структурами, набор условий присоединения того или иного фрейма может варьироваться. Слоты определяют область, из которой могут изыматься наполнители (область значений). Такая область значений может включать абстрактные условия, например, «слот должен быть заполнен» (положительные), «слот не должен быть заполнен» (отрицательные), «заполнение нерелевантно» и т.д.

Анализ фрейма толерантность методом редукции по типам гиперонимов. Для анализа фрейма *толерантность* в настоящем исследовании используется метод редукции по типам гиперонимов, предложенный К.-П. Конердингом. Он представляется наиболее релевантным для выявления слотов фрейма, так как конкретные актуализации (гипонимы) являются спецификациями фреймов (гиперонимов) и включают больше деталей. Это означает, что гипонимы и гиперонимы в общем имеют одни и те же слоты, предикативные предписания которых, однако, варьируются в зависимости от их информативной плотности [15. С. 139–217]. В терминах фреймовой семантики это означает, что хотя гипонимы и гиперонимы отсылают к одному и тому же фрейму, их слоты, заполненные конкретными наполнителями и заданными (стандартными) значениями, обладают различной степенью абстракции и спецификации. Тем самым, при нахождении ограниченного числа высших гиперонимов, оказывается возможным выявить возможные слоты любого фрейма [Там же. С. 308–318]. Выявленные посредством такого метода слоты могут быть представлены в виде систематически построенного списка вопросов, на основании которых затем выявляется предикационный потенциал фрейма.

Первым этапом редукции по типам гиперонимов является выявление типов высших гиперонимов на основе словарных определений. Гипероним обычно является основным элементом словарного толкования. После его идентификации следует обратиться к словарному толкованию найденного гиперонима и т.д. Такой процесс следует продолжать до тех пор,

пока идентификация следующего гиперонима не окажется проблемной. Это происходит, когда идентифицированные гиперонимы начинают ссылаться сами на себя. Выявленные согласно такой тенденции наиболее часто встречающиеся высшие гиперонимы являются типами высших гиперонимов.

Редукция по типам гиперонимов исследуемых фреймов производится на базе немецко-, англо- и русскоязычных толковых словарей и тезаурусов «Duden Online-Wörterbuch» [16], «Grimm digitales Wörterbuch» [17], «Cambridge Dictionary» [18], «Oxford Dictionary, Thesaurus, and Wordpower Guide» [19], «Word.Net: A Lexical Database for English» [20], «Словарь методических терминов» [21], «Большой толковый словарь» [22], «Толковый словарь Ожегова» [23], «Учебный фразеологический словарь» [24]. Для наших целей кажется наиболее релевантным не оставаться в рамках одного словаря, а сравнивать словарные определения и находить наиболее полные из них. Следует отметить, что использование лексемы *толерантность* в качестве специального термина (медицинского или технического) в данном исследовании не рассматривается. Что касается английской лексики *tolerance*, нам, кроме того, следовало сделать выбор между такими общеупотребительными значениями, как:

1. *Действие или практика терпения или переносимости боли или трудностей; способность или воз-*

можность выносливости; выносливость. (The action or practice of enduring or sustaining pain or hardship; the power or capacity of enduring; endurance).

2. *Действие допущения, позволения, разрешения, осуществляемое властями. (The action of allowing; licence, permission granted by an authority).*

3. *Действие или практика терпимости; терпимость; склонность быть терпимым и снисходительным к чужим мнениям или практикам; свобода от нетерпимости или чрезмерной строгости в осуждении поведения других; снисходительность; широта взглядов. (The action or practice of tolerating; toleration; the disposition to be patient with indulgent to the opinions or practices of others; freedom from bigotry or undue severity in judging the conduct of others; forbearance; catholicity of spirit).*

Для проведения редукции по типам гиперонимов было выбрано последнее значение, так как именно оно соответствует общеупотребительным значениям русской и немецкой лексики и представляется подходящим для ракурса дальнейшего исследования, направленного на рассмотрение актуализации фрейма *толерантность* в дискурсе миграции.

В соответствии с предложенным методом в словаре происходит поиск гиперонимов до тех пор, пока они не начнут ссылаться друг на друга. Некоторые примеры выявления гиперонимов методом редукции по типам гиперонимов представлены в табл. 1–3.

Таблица 1

Примеры редукции по типам гиперонимов фрейма *Toleranz*

первая редукция: Toleranz: das Tolerantsein, Duldsamkeit	гипероним: Duldsamkeit
вторая редукция: Duldsamkeit: duldsames Wesen, Verhalten; Toleranz	гиперонимы: <i>Wesen, Verhalten, Toleranz</i> (цепь замкнулась)
третья редукция: Wesen: Summe der geistigen Eigenschaften, die einen Menschen auf bestimmte Weise in seinem <i>Verhalten</i> , in seiner <i>Lebensweise</i> , seiner <i>Art</i> , zu denken und zu fühlen und sich zu äußern, charakterisieren Verhalten: <i>Art und Weise</i> , wie sich ein Lebewesen, etwas verhält	гиперонимы: Eigenschaften, <i>Verhalten</i> (цепь замкнулась) Art, Weise
... и так далее до восьмой редукции:	
восьмая редукция: das Kennzeichnen: etwas, wodurch etwas gekennzeichnet wird Ausführung: das Ausführen, Verwirklichen, Realisieren etwas: bezeichnet ein nicht näher Bestimmtes, eine [gewisse] Sache, ein Ding, <i>Wesen</i> o. Ä. Benennen: <i>Art, wie sich jemand benimmt; Verhalten, Betragen</i>	гиперонимы: <i>etwas</i> (цепь замкнулась) das Verwirklichen, Realisieren Sache, Ding, <i>Wesen</i> (цепь замкнулась) <i>Art, Verhalten</i> (цепь замкнулась), Betragen
девятая редукция: das Verwirklichen: das Realisieren das Realisieren: das Realisiertwerden Sache: Ding, Gegenstand, <i>Etwas</i> Ding: nicht näher bezeichneter <i>Gegenstand</i> , nicht näher bezeichnete <i>Sache</i> Betragen: <i>Benennen; Verhalten</i>	гиперонимы: <i>das Realisieren</i> <i>das Realisiertwerden</i> (цепь замкнулась) <i>Ding</i> (цепь замкнулась), Gegenstand, <i>Etwas</i> (цепь замкнулась) Gegenstand, <i>Sache</i> (цепь замкнулась) <i>Benennen, Verhalten</i> (цепь замкнулась)

Таблица 2

Примеры редукции по типам гиперонимов фрейма *tolerance*

первая редукция: Tolerance: the action or practice of tolerating; the disposition to be patient with indulgent to the opinions or practices of others; freedom from bigotry or undue severity in judging the conduct of others; forbearance; catholicity of spirit; willingness to accept behaviour and beliefs that are different from your own, although you might not agree with or approve of them	гиперонимы: <i>action, practice, disposition</i> <i>willingness, acceptance</i>
вторая редукция: Action: the state of being active Willingness: readiness, compliance Acceptance: general agreement that something is satisfactory or right, or that someone should be included in a group	гиперонимы: state readiness compliance agreement

<i>третья редукция:</i> Compliance: conformity, submission Sate: a condition or way of being that exists at a particular time Readiness: willingness or a state of being prepared for something Agreement: the situation in which people have the same opinion, or in which they approve of or accept something	<i>гиперонимы:</i> conformity, submission condition willingness (цепь замкнулась), state situation
<i>четвертая редукция:</i> Conformity: compliance Submission: the condition of having submitted to control by someone or something else Condition: the particular state that something or someone is in Situation: the set of things that are happening and the conditions that exist at a particular time and place	<i>гиперонимы:</i> compliance (цепь замкнулась) state (цепь замкнулась) set (of things), conditions

Таблица 3

Примеры редукции по типам гиперонимов фрейма *толерантность*

<i>первая редукция:</i> Толерантность: 1. Особенность поведения субъекта в процессе общения. 2. Терпимость человека к кому-либо или к чему-либо. В культурологии и социологии этот термин используется для обозначения понимания и уважения к другой культуре	<i>гиперонимы:</i> особенность (поведения) терпимость понимание, уважение
<i>вторая редукция:</i> Особенность: Характерное, отличительное свойство, качество, признак кого-, чего-л. Терпимость: Умение жить без вражды, терпеливо относиться к чужому мнению, взглядам, поведению. Понимание: Та или иная точка зрения на что-л., то или иное толкование, объяснение чего-л. Уважение: Уважительное отношение к законам, порядкам, правилам, интересам и чувствам других людей и т.п. ... и так далее, до десятой редукции:	<i>гиперонимы:</i> свойство, качество, признак умение точка зрения отношение
<i>десятая редукция:</i> Способ: Образ действий, прием, применяемый при исполнении какой-л. работы, метод достижения чего-л. Строй: Система построения чего-л. Облик: Характер, душевный склад, совокупность внутренних качеств кого-л. Путь: Средство, способ достижения чего-л. Событие: То, что произошло, случилось, значительное явление, факт общественной или личной жизни. Факт: Истинное событие, действительное происшествие или реальное явление; пример, случай.	<i>гиперонимы:</i> образ (действий) (цепь замкнулась) характер, склад, совокупность (качеств) (цепь замкнулась) способ (цепь замкнулась) явление, факт (цепь замкнулась) событие (цепь замкнулась)

На втором этапе происходит группировка выявленных типов высших гиперонимов (которые чаще всего оказываются существительными) на «субстантивные типы». Результатом является список семантически сходных групп. Субстантивные типы соответствуют высшим гиперонимам, т.е. тем существительным, к которым можно свести все остальные существительные. Полученная типология будет соответствовать структуре матричного фрейма. Для фреймового анализа построение такой типологии имеет следующее значение: если предположить, что предикативный потенциал языкового выражения (т.е. слоты того фрейма, который активируется данным языковым выражением) относится к гиперонимичным выражениям, и что выявленные существительные выражают высшие гиперонимы, то можно прийти к выводу о том, что слоты того фрейма, который актуализируется тем или иным словом, соответствуют слотам фрейма того субстантивного типа, на который указывает выражение, выведенное посредством редукции по типам гиперонимов [11. С. 308–318].

Таким образом, высшими типами гиперонимов фрейма *Toleranz* являются следующие существительные: *Art und Weise* (способ, образ, манера вести себя), *Verhalten* (поведение, отношение), *Handlung* (действие, поступок), *Benahmen* (поведение). Высшие типы гиперонимов фрейма *tolerance* представлены су-

ществительными, как *action* (действие), *state* (состояние, положение), *condition* (состояние), *situation* (ситуация). Что касается фрейма *толерантность*, то его высшие типы гиперонимов выражены такими существительными: *событие, явление, способ / образ действий, совокупность качеств, характер*.

Третий шаг состоит в определении возможных слотов выявленных типов гиперонимов, или субстантивных типов. А. Цим понимает под слотами такие аспекты знания, которые представляется релевантным приписать референтному объекту [11. С. 310]. Это ожидаемые, узальные отношения, которые можно связать с субстантивными типами. Такие отношения выясняются с помощью подобных вопросов: «Является ли релевантным и подходящим по смыслу связывание глагола Y категории Z с типичным референтным объектом существительного X?» [Там же. С. 310–311].

Валентные слоты представляются в виде вопросов, так, чтобы эти вопросы указывали на требуемые наполнители. На данном этапе перед исследователем встаёт следующий вопрос, требующий пояснения: как и по какому принципу составляются такие списки вопросов и возможно ли их каким-то образом редуцировать для исследовательских целей, так как количество вопросов и, следовательно, открытых слотов любого фрейма весьма велико.

По мнению А. Цима, несмотря на указанные трудности, выявить и сгруппировать валентные слоты фрейма представляется возможным, так как все слоты никогда не обладают одинаковой релевантностью. Только те слоты, которые часто получают наполнители в конкретных дискурсах и текстах, обладают большей релевантностью (салиентностью, *salience*) [11]. Слоты, которые редко получают наполнители, размываются, или становятся неактивными, т.е. нерелевантными. Таким образом, в рамках целей исследования рассматриваются не все возможные слоты, получаемые лишь на основе словарных определений слов, отсылающих к данному фрейму, а наиболее релевантные слоты, в дальнейшем выводимые из текстов и дискурсов, где фрейм получает актуализацию. Примеры возможных вопросов, приведённые в

табл. 4–6, следует рассматривать, принимая во внимание вышеизложенные замечания. На первом этапе список вопросов кажется довольно обширным, и некоторые вопросы совпадают друг с другом. В дальнейшем, при рассмотрении конкретных наполнителей фрейма на материале определенных дискурсов, количество вопросов (слотов) подвергается редукции за счёт опущения нерелевантных (не получающих наполнения) вопросов / слотов. Однако уже на данном этапе при составлении вопросов возможно отталкиваться от специфики дискурсов (в нашем случае – посвящённых теме миграции) и составлять вопросы, представляющие большую релевантность в рамках данного ракурса.

Примеры возможных вопросов представлены в табл. 4–6.

Т а б л и ц а 4

Вопросы к высшим гиперонимам фрейма *Toleranz*

Высшие гиперонимы	Релевантные вопросы
Art und Weise (способ, образ, манера вести себя) Handlung (действие) Verhalten / Benehmen (отношение, поведение)	– В какой форме проявляется отношение / поведение? – При каких условиях возникает? – Как далеко распространяется? – При каких условиях прекращается? – Что выражает? – Условием чего является? – К чему обязывает / принуждает? – Кто выполняет данное действие / чей это поступок? – На кого направлено действие / поступок? – К чему приводит действие / поступок? – Как проявляется это отношение? – Кто проявляет это отношение? – Как оценивается это отношение? – Каковы условия этого отношения? – Кому присуще такое поведение? – В чем выражается это поведение? – Как возникает это поведение? – Почему избирается такой способ, а не другой?

Т а б л и ц а 5

Вопросы к высшим гиперонимам фрейма *tolerance*

Высшие гиперонимы	Релевантные вопросы
Action (действие) State / Condition (положение / состояние) Situation (ситуация)	– Кто находится в этом состоянии? – Что происходит с тем, кто находится в этом состоянии? – Каковы признаки этого состояния? – Каковы условия возникновения этого состояния? – Как выйти из этого состояния? – Отрицательно или положительно оценивается это состояние? – Каковы условия возникновения этой ситуации? – Каковы признаки этой ситуации? – Кто находится в этой ситуации? – Какие последствия этой ситуации? – Когда происходит действие? – Кто является субъектом действия? – Кто является объектом действия? – Что вызывает данное действие? – В чем заключается действие? – К чему ведет действие?

Т а б л и ц а 6

Вопросы к высшим гиперонимам фрейма *толерантность*

Высший гипероним	Релевантные вопросы
Событие / явление Способ / образ действий Совокупность качеств / характер	– Когда происходит событие? – С кем происходит событие? – Где происходит событие? – В чем заключается событие? – Каковы причины события? – Каковы последствия события? – Насколько распространено это явление? – Что вызывает это явление? – В каких случаях применяется данный способ / образ действий? – Для кого характерен способ / образ действий? – Чем характеризуется способ / образ действий? – Как оценивается способ / образ действий?

Четвёртым, и последним, шагом является распределение списка вопросов согласно их тематике. Каждому конечному члену гиперонимов может соответствовать список вопросов, в результате чего образуются так называемые матричные фреймы – функции высшего типа, которые только вследствие замещения существительных допустимого типа могут стать конкретными фреймами. Это означает, что при отсылке любого существительного к его гиперониму посредством редукции по типам гиперонимов автоматически выявляются слоты фрейма, ассоциированного с данным существительным, так как эти слоты совпадают со слотами выделенного высшего гиперонима. Возможные слоты фрейма соответствуют вопросам, которые релевантно задать по отношению к референтному объекту. На основе сгруппированного списка вопросов разрабатывается модель предикационного потенциала исследуемого фрейма, которая и указывает на его валентные слоты. В результате уже на этом этапе можно сократить количество вопросов, проведя их систематизацию по смысловым группам. Так как вопросы к трём рассматриваемым фреймам оказываются сходными по смыслу, то списки потенциальных предикатов на данном этапе представляется возможным объединить в один. Полученная таким образом модель матричного фрейма *толерантность* имеет следующий вид:

Предикационный потенциал фрейма *толерантность*:

- предикаторы для характеристики деятеля / субъекта; мотивов; отношения к объекту; его положения (социальной / культурной и т.д. принадлежности);
- предикаторы для характеристики того, на кого направлено действие / объекта; причин того, что на него направлено действие; отношения к субъекту; его положения (социальной / культурной и т.д. принадлежности);
- предикаторы для характеристики действия:
 - условий возникновения;
 - условий прекращения;
 - направленности;
 - последствий;
 - мотивов и целей выполнения;
- предикаторы для характеристики особенностей выражения:
 - формы проявления;
 - масштабов распространения;
 - места и времени;

– предикаторы для характеристики особенностей поведения:

- условий и предпосылок формирования;
- группы лиц, для которых оно свойственно;
- условий проявления;
- характера (добровольного или принудительного);
- предикаторы для характеристики оценки данного явления:
 - положительной / отрицательной / нейтральной;
 - условий для каждого типа оценки;
 - причин и обстоятельств изменения.

Такая модель матричного фрейма обладает высокой степенью абстракции и является неотъемлемой частью исследования актуализации фрейма в определённом дискурсе. На основе её заполнения конкретными наполнителями (актуализациями фрейма или его элементов в исследуемом дискурсе) и их количественного анализа представляется возможным выявить в итоге заданные значения фрейма толерантность. Заданные значения как имплицитные элементы структуры фрейма являются не материалом, а целью фреймового анализа. Они дают информацию о неявном, культурно обусловленном знании о фрейме, заключённом как в конкретных дискурсах, так и в общем, надындивидуальном культурном знании. Использование представленной в данной работе матричной модели фрейма, являющейся основным инструментом фреймового анализа, кажется наиболее релевантным для достижения данной цели.

Выводы. Фреймовая структура характеризуется элементами трех уровней: слотами (предикационным потенциалом), конкретными наполнителями и заданными (стандартными) значениями. Выявление валентных слотов представляет первый этап анализа любого фрейма. В данном исследовании рассматриваются валентные слоты фреймов *Toleranz*, *tolerance* и *толерантность*, принадлежащих немецкой, американской и русской культурам соответственно. Для этого используется метод редукции по типам гиперонимов, разработанный и описанный лингвистами К.-П. Конердингом и А. Цимом. В итоге слоты соответствующих фреймов представлены в виде потенциальных предикаторов, сгруппированных тематически. Разница между выявленными высшими гиперонимами указывает на различия в структуре исследуемых фреймов, которая, очевидно, проявится еще отчетливее при анализе их конкретных наполнителей и заданных (стандартных) значений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Voltaire. Über die Toleranz. Suhrkamp Verlag Berlin, 2015. 197 s.
2. Walzer M. On Toleration. Yale University Press, 1997. 127 p.
3. Kymlicka W. Two Models of Pluralism and Tolerance // Analyse & Kritik. 1992. № 14 (1). P. 33–56. URL: http://www.analyse-und-kritik.net/1992-1/AK_Kymlicka_1992.pdf (дата обращения: 29.12.2015).
4. Cohen-Almagor R., Zambotti M. Liberalism, Tolerance and Multiculturalism: The Bounds of Liberal Intervention in Affairs of Minority Culture // Ethical Liberalism in Contemporary Societies, Frankfurt am Main : Peter Lang, 2009. P. 79–98.
5. Михайлова О.А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М. : Олма-Пресс, 2005. С. 99–111.
6. Шмелев А.Д. Терпимость в русской языковой картине мира // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М. : Олма-Пресс, 2005. С. 111–124.
7. Ермакова О.П. Толерантность и некоторые особенности русского менталитета // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М. : Олма-Пресс, 2005. С. 124–132.
8. Голев Н.Д. Толерантность как вектор антиномического бытия языка // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М. : Олма-Пресс, 2005. С. 172–187.

9. Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж, 2000. 110 с.
10. Busse D. Frame-Semantik. Ein Kompendium. Berlin/Boston, 2012. 888 s.
11. Ziem A. Frames und sprachliche Wissen. Kognitive Aspekte der semantischen Kompetenz. Berlin, 2008. 485 s.
12. Klein J. Frame als semantischer Theoriebegriff und als wissensdiagnostisches Instrumentarium // Interdisziplinarität und Methodenpluralismus in der Semantikforschung, 1999. S. 157–183.
13. Fraas C. Frames – ein qualitativer Zugang zur Analyse von Sinnstrukturen in der OnlineKommunikation // Die Dynamik sozialer und sprachlicher Netzwerke. Wiesbaden : VS Verlag, 2011.
14. Minsky M. The Society of Mind. New York, 1986. 324 p.
15. Konerding, K.-P. Frames und lexikalisches Bedeutungswissen. Untersuchungen zur linguistischen Grundlegung einer Frametheorie und zu ihrer Anwendung in der Lexikographie. Tübingen: Niemeyer, 1993. 583 s.
16. Duden Online-Wörterbuch. URL: www.duden.de (дата обращения: 04.07.2016).
17. Deutsches Wörterbuch von Jakob und Wilhelm Grimm. URL: <http://woerterbuchnetz.de/> (дата обращения: 02.09.2016).
18. Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus. URL: <http://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 04.07.2016).
19. Oxford Dictionary, Thesaurus, and Wordpower Guide. New York : Oxford University Press, 2001. 1641 p.
20. WordNet: a lexical database for English. URL: <http://wordnetweb.princeton.edu/> (дата обращения: 04.09.2016).
21. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : Икар, 2009. 448 с.
22. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь. СПб. : Норинт, 2014. 988 с.
23. Ожегов С.И. Большой толковый словарь. URL: <http://slovarozhigova.ru/> (дата обращения: 04.07.2016).
24. Быстрова Е.А. Учебный фразеологический словарь русского языка. Л. : Просвещение, 1984. 271с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 1 декабря 2016 г.

REVEALING OF POTENTIAL SLOTS OF THE FRAME *TOLERANCE* (IN GERMAN, AMERICAN AND RUSSIAN LINGUOCULTURES)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 5–13.

DOI: 10.17223/15617793/414/1

Veronica V. Didenko, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: monikunulo@mail.ru

Keywords: frame semantics; frame analysis; frame structure; slots.

This article is devoted to the study of the frames *Toleranz*, *tolerance* and *tolerantnost'* in German, American and Russian linguocultures. The purpose of the current study is to reveal the potential slots (potential predications) of the three frames and to make an analytical model of the matrix-frame as the research instrument. In addition, the study claims to prove that the step of revealing slots is an essential part of such research that has the epistemological model of frame as its object. The research argues that the frame-semantic theory plays the main role in the modern studies of linguistic models representing the organization of knowledge. It introduces some previous studies of *tolerance* and illustrates the benefits of using the frame semantics methodology. Most of the contemporary research in this field is based on traditional studies of such authors as Ch. Fillmore, M. Minsky, and L. Barsalou. However, some new trends of more recent studies could be traced. They concern the connection of frame and discourse theories and are represented by A. Ziem, K.-P. Konerding, J. Klein, D. Busse and some other researchers. Frame semantics is not a separate discipline, but a united set of different methods, theories, conceptions that transcend the traditional disciplinary borders. It is important to see the difference among the frame aspects depending on the field and nature of a particular research. In this connection, frame semantics can be regarded as one of the many disciplines that have frame as their epistemological object. The difference between such frame elements as slots and fillers represents the undoubted basis of any frame theory. It is the first step of any frame analysis whether concrete or abstract frames are under study. The main methodological tenets of the current research are based on the method of reduction of hyperonymic types proposed and worked out by Ziem and Konerding. The basis of this method is the observance that the nature of relation between hyponyms and hyperonyms is similar to that between contextual actualizations and frames. Reduction of hyperonymic types makes it possible to reveal and systematise potential slots of the frame using substantive hyperonyms found in dictionary explanations. The frame structure consists of three levels of different types of abstraction. The most abstract level is represented by potential slots (potential predications) followed by default (standard) values and contextual fillers (concrete predications). Revealing of potential slots as the first stage of any frame analysis is also the most important one. The result of reduction of hyperonymic types can be represented as a list of sensible relevant questions that can be then transformed into semantic groups of potential predications. The differences between potential slots point out those of structures of the analysed frames. It is supposed that the differences will be seen more clearly after the analyses of contextual fillers and default values. As a conclusion, the analytical model of the matrix-frame of *tolerance* is represented. The highest types of hyperonyms of the three frames can be represented with the lexemes *action*, *state*, *condition*, *situation*. They serve as the basis for the relevant questions that correlate with the potential slots of the frames under study. Constructing the matrix-frame model is the most important part of the frame semantics research since this model is the basis of the following study of the concrete actualizations and default values of the frame *tolerance*.

REFERENCES

1. Voltaire. (2015) *Über die Toleranz* [About tolerance]. Berlin: Suhrkamp Verlag.
2. Walzer, M. (1997) *On Tolerance*. New Haven: Yale University Press.
3. Kymlicka, W. (1992) Two Models of Pluralism and Tolerance. *Analyse & Kritik*. 14 (1). pp. 33–56. [Online] Available from: http://www.analyse-und-kritik.net/1992-1/AK_Kymlicka_1992.pdf. (Accessed: 29 th December 2015).
4. Cohen-Almagor, R. & Zambotti, M. (2009) Liberalism, Tolerance and Multiculturalism: The Bounds of Liberal Intervention in Affairs of Minority Culture. In: Wojciechowski, K. & Joerden, J.C. *Ethical Liberalism in Contemporary Societies*. Frankfurt: Peter Lang.
5. Mikhaylova, O.A. (2005) Tolerantnost' i terpmost': vzglyad lingvista [Tolerance and toleration: a view of the linguist]. In: Kupina, N.A. & Khomyakov, M.B. (eds) *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and linguocultural problems of tolerance]. Moscow: Olma-Press.
6. Shmelev, A.D. (2005) Terpmost' v russkoy yazykovoy kartine mira [Toleration in the Russian language picture of the world]. In: Kupina, N.A. & Khomyakov, M.B. (eds) *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and linguocultural problems of tolerance]. Moscow: Olma-Press.

7. Ermakova, O.P. (2005) Tolerantnost' i nekotorye osobennosti russkogo mentaliteta [Tolerance and some features of the Russian mentality]. In: Kupina, N.A. & Khomyakov, M.B. (eds) *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and linguocultural problems of tolerance]. Moscow: Olma-Press.
8. Golev, N.D. (2005) Tolerantnost' kak vektor antinomicheskogo bytiya yazyka [Tolerance as a vector of the antinomic being of language]. In: Kupina, N.A. & Khomyakov, M.B. (eds) *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and linguocultural problems of tolerance]. Moscow: Olma-Press.
9. Sternin, I.A. & Shilikhina, K.M. (2000) *Kommunikativnye aspekty tolerantnosti* [Communicative aspects of tolerance]. Voronezh: Voronezh State University.
10. Busse, D. (2012) *Frame-Semantik. Ein Kompendium* [Frame semantics. A compendium]. Berlin; Boston: de Gruyter.
11. Ziem, A. (2008) *Frames und sprachliche Wissen. Kognitive Aspekte der semantischen Kompetenz* [Frames and linguistic knowledge. Cognitive aspects of semantic competence]. Berlin; Boston: Mouton de Gruyter.
12. Klein, J. (1999) Frame als semantischer Theoriebegriff und als wissensdiagnostisches Instrumentarium [Frame as a semantic theory of concepts and as a knowledge-diagnostic toolkit]. In: Pohl, I. (ed.) *Interdisziplinarität und Methodenpluralismus in der Semantikforschung* [Interdisciplinarity and method pluralism in semantic research]. Frankfurt: Lang.
13. Fraas, C. (2011) Frames – ein qualitativer Zugang zur Analyse von Sinnstrukturen in der OnlineKommunikation [Frames - a qualitative approach to the analysis of meaning structures in online communication]. In: Mehler, A. & Sutter, T. (eds) *Die Dynamik sozialer und sprachlicher Netzwerke* [The dynamics of social and linguistic networks]. Wiesbaden: VS Verlag.
14. Minsky, M. (1986) *The Society of Mind*. New York: Simon & Schuster.
15. Kernerding, K.-P. (1993) Frames und lexikalisches Bedeutungswissen. Untersuchungen zur linguistischen Grundlegung einer Frametheorie und zu ihrer Anwendung in der Lexikographie [Frames and lexical meaning. Investigations on the linguistic foundation of the frame theory and its application in lexicography]. Tübingen: Niemeyer.
16. Duden.de. (n.d.) *Duden Online-Wörterbuch* [Duden Online Dictionary]. [Online] Available from: www.duden.de. (Accessed: 04th July 2016).
17. Woerterbuchnetz.de. (n.d.) *Deutsches Wörterbuch von Jakob und Wilhelm Grimm* [German dictionary of Jacob and Wilhelm Grimm]. [Online] Available from: <http://woerterbuchnetz.de/>. (Accessed: 02nd September 2016).
18. Dictionary.cambridge.org. (n.d.) *Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus*. [Online] Available from: <http://dictionary.cambridge.org/>. (Accessed: 04th July 2016).
19. Soanes, C., Spooner, A. & Hawker, S. (2001) *Oxford Dictionary, Thesaurus, and Wordpower Guide*. New York: Oxford University Press.
20. Wordnetweb.princeton.edu. (n.d.) *WordNet: a lexical database for English*. [Online] Available from: <http://wordnetweb.princeton.edu/>. (Accessed: 04th September 2016).
21. Azimov, E.G. & Shchukin, A.N. (2009) *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [New dictionary of methodological terms and concepts (the theory and practice of language teaching)]. Moscow: Ikar.
22. Kuznetsov, S.A. (2014) *Bol'shoy tolkovyy slovar'* [Great explanatory dictionary]. St. Petersburg: Norint.
23. Ozhegov, S.I. (2010) *Bol'shoy tolkovyy slovar'* [Great explanatory dictionary]. [Online] Available from: <http://slovarozhegova.ru/>. (Accessed: 04th July 2016).
24. Byistrova, E.A. (1984) *Uchebnyy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Learner's phraseology dictionary of the Russian language]. Leningrad: Prosveshchenie.

Received: 01 December 2016

ЭСТЕТИКА И ЛИРИКА А.Н. МАЙКОВА 1840–1850-х гг. В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ И.А. ГОНЧАРОВА

Рассматривается вопрос о значении критических статей и поэзии А.Н. Майкова в формировании эстетического сознания И.А. Гончарова. Внимание писателя к фигуре Майкова, художественного критика и поэта, специалиста в области изобразительного искусства, способствовало утверждению художественно-эстетического приема живописания. Переходная позиция Майкова в вопросах романтизма и реализма, способы изображения моря оказались плодотворными для Гончарова в процессе создания путевых очерков «Фрегат “Паллада”».

Ключевые слова: Гончаров; «Фрегат “Паллада”»; Майков; Айвазовский; морской пейзаж; Античность; романтизм; реализм.

Отличительной чертой таланта И.А. Гончарова, автора «Фрегата “Паллада”», является его дар живописания, вобравший в себя опыт литературы и изобразительного искусства предшествующих эпох. Одной из ключевых фигур в художественном сознании Гончарова явился А.Н. Майков, поэт и теоретик, творчество которого в 1840–1850-е гг. несет на себе явственно обозначенную печать переходного времени.

Знакомство Гончарова с кружком Майковых в 1835 г. (Гончаров преподавал Аполлону и Валериану латинский язык и отечественную словесность. — *Прим. авт.*) во многом определило отношение писателя к романтизму и к живописи: «Дом его (Н.А. Майкова. — *Прим. авт.*) <...> кипел жизнью, людьми, приносившими сюда неистощимое содержание из сферы мысли, науки, искусств. Молодые ученые, музыканты, живописцы, многие литераторы из круга 30-х и 40-х годов, все толпились в необширных, неблестящих, но уютных залах его квартиры и все, вместе с хозяевами, составляли какую-то блестящую семью или школу, где все учились друг у друга, разменивались занимавшими тогда русское общество мыслями, новостями науки, искусств» [1. С. 234].

Глава семейства Н.А. Майков, академик живописи, интересовал молодого Гончарова как образец художника, живущего искусством. Его творчество было осмыслено писателем во время работы над своим последним «детищем» — романом «Обрыв» (1869), где в центре оказывается романтическая фигура художника Бориса Райского¹. Е.П. Майкова была не только хозяйкой салона, но и «хранительницей очага», чьи душевные качества, отмеченные многими посетителями, располагали к доброжелательной и творческой атмосфере.

В начале сороковых годов в семье и салоне Майковых царила романтическая атмосфера. Она была связана с преклонением перед творчеством популярного в те годы романтического поэта В.Г. Бенедиктова, постоянного гостя майковского кружка, сотрудника журнала «Подснежник» и альманаха «Лунные ночи».

А.Н. Майков вышел на литературное поприще в начале 40-х гг., его дебютом стала книга стихотворений, изданной в 1842 г. На протяжении 1840–1850-х гг. А.Н. Майков был активным участником эстетической полемики, развернувшейся на страницах современных журналов.

Критическая деятельность Майкова отмечена вниманием к изобразительному искусству и на ней лежит печать движения русской эстетической мысли от романтизма к реализму. В статьях-обзорах, посвященных современной живописи, обнаруживается его связь с эстетикой В.Г. Белинского и Валериана Майкова в вопросах общественной и исторической значимости произведений искусства [2]. Майкова особенно волновали вопросы о роли художника, проблемы современного искусства, принципы воссоздания действительности.

Статья «Выставка картина г. Айвазовского в 1847 году» [3] стала критическим дебютом А.Н. Майкова. В статье автор обращается к теоретическим аспектам живописи, проблемам современного состояния искусства и к оценке творчества русского мариниста Айвазовского². Экспонирование морских пейзажей Айвазовского в Императорской Академии художеств Майков называет настоящим «подвигом, за который должно благодарить художника» [Там же. С. 166]. Критик в своих оценках по поводу изобразительного искусства отмечает взаимовлияние литературы и живописи, призванных обозначить важные теоретические и эстетические задачи: «Художник — лицо, принадлежащее обществу; как писатель, он его слуга, его учитель, его образователь, воспитатель и воспитанник: взаимное влияние их одного на другое в наше время уже не подлежит доказательству. Это мы очень хорошо понимаем и давно с этим согласились в отношении к литературе; но в пластических искусствах разве не то же самое?» [Там же. С. 167].

Статья Майкова была направлена против академической живописи. Критик не приемлет фотографического копирования действительности в изобразительном искусстве и противопоставляет ему вдохновенное творчество. Под творческим «вдохновением» Майков понимает «момент полного самообладания», погружения не только в описываемую действительность, но и в самого себя. Майков утверждает романтическое понимание единства человека и природы, которая становится выражением духовной жизни: «...это минута духовного просветления, когда взору нашему вдруг представится ярко и резко то, что вы хотите изобразить, и картина, которую вы пишете, не вне вас, не перед вами, но в вас; вы ее чувствуете; вы ею владеете; вы ее лелеете, храня от постороннего развлеченія, и только вас нудит передать стихом или

кистью так, как она находится в вашем воображении. <...> Вот это-то и есть тайна организма художественного произведения – не *копия частей, сложенных механически в целое, не мозаика, не сколок...*» (курсив наш. – К.П.) [3. С. 171].

Эти художественные принципы А.Н. Майкова об историческом назначении изобразительного искусства в формировании эстетического сознания публики, о природе и о способах ее воссоздания в искусстве совпадают с точкой зрения Гончарова: «Природа слишком сильна и своеобразна, чтобы взять ее, так сказать, целиком, померяться с нею ее же силами и непосредственно стать рядом; она не дастся. У нее свои слишком могучие средства. Из непосредственного снимка с нее выйдет *жалкая, бессильная копия*. Она позволяет приблизиться к ней только путем творческой фантазии. Иначе было бы слишком просто быть художником» [4. С. 107].

Однако в характере понимания «вдохновения художника» между Майковым и Гончаровым проходит очень тонкое, но принципиальное отличие: Майков в этой статье связывает вдохновение со способностью художника восхищаться исключительными, возвышенными явлениями природы. Не случайно героем его первого очерка становится художник Айвазовский. В статье в полемике с «академистами» Майков делает акцент на возможностях романтизма: «Г. Айвазовский отличается именно тем проникновением в природу и тайны ее изменений, которые характеризуют художника, одаренного творческою силою, т.е. способностью воспроизвести в картине то, что в разные моменты его жизни он успел схватить в природе. <...> Нет, художник видел это небо, и тихое, и с северной тучей, и с южной грозой – и запечатлел его однажды – навсегда в своем воображении» [3. С. 172].

Айвазовского Майков называет «художником Нептуна»: «Его воды и бушуют, и распадаются в брызги, и взбегают на отлогий песчаный берег, и сливаются с него обратно, и стоят ровно, прозрачно, подернутые полосой света и как бы плавающим по ним маслом. Мы не без умысла назвали г. Айвазовского художником Нептуна, а не Амфитриты; мы в свиту ему дадим тритонов, а не наяд, резвящихся в береговых тростниках и пугающих внезапным шелестом камыша и внезапным хохотом прикорнувшего на берегу под сенью тенистого кустарника рыжебородого сатира» [Там же. С. 9]. «Нептун», «Амфитрита» в этом контексте знаменуют собой романтический, исключительный аспект в восприятии природы, который близок Гончарову, но, по мысли писателя, не исчерпывает возможности воссоздания этой природы. Поэтому, например, образ Нептуна в тексте «Фрегата “Паллада”» рисуется как объект изображения, равно возвышенно и юмористически. Разыгравшуюся морскую стихию повествователь сравнивает с бушующим великаном – мифологическим богом Нептуном: «В первый день Пасхи, когда мы обедали у адмирала, вдруг с треском, звоном вылетела из полупорттика рама, стекла разбились вдребезги, и кудрявый, седой вал, как сам *Нептун*, влетел в каюту и разлился по полу. Большая часть выскочила из-за стола, но нас трое усидели. Я одною рукою держал тарелку, а дру-

гою стакан с вином. Ноги мы поджали. Пришли матросы и вывели швабрами нежданного гостя вон» [5. С. 115]. Нептун, покровитель морей и потоков, представляется как могучий, повелевающий океаном бог, способный нарушить спокойствие вторгнувшихся в морские пределы моряков. Гончаров с юмором переосмысляет романтическую поэтику, включая созданный образ Нептуна в обыкновенную обстановку. А потому имя И.К. Айвазовского³ встречается во «Фрегате “Паллада”» лишь один раз: «Едучи с корвета, я видел одну из тех картин, которые видишь в живописи и не веришь: луну над гладкой водой, силуэт тихо качающегося фрегата, кругом темные, спящие холмы и огни на лодках и горах. Я вспомнил картины Айвазовского» [Там же. С. 372].

Характерно, что в адрес А.Н. Майкова-поэта Гончаров сделал критические замечания, касающиеся ограничения поэтом круга поэтического наблюдения. Так, по мнению Гончарова, романтики не замечают обыкновенного, жизненного, их не интересует, например, образ английского купца, не отличающегося какой-либо исключительностью: «Ваши музы, любезные поэты, законные дочери парнасских камен, не подали бы вам услужливой лиры, не указали бы на тот поэтический образ, который кидается в глаза новейшему путешественнику. И какой это образ! Не блистающий красотою, не с атрибутами силы, не с искрой демонского огня в глазах, не с мечом, не в короне, а просто в черном фраке, в круглой шляпе, в белом жилете, с зонтиком в руках» [Там же. С. 16]. Обращаясь к «любезному Аполлону Николаевичу», Гончаров описывает природу и обыденную жизнь якутов, подчеркивая отсутствие здесь романтизма: «...и увы! где романтизм?» [Там же. С. 680]; «Где же страшный, почти неодолимый путь?» – спрашиваете вы себя, проехавши тысячу двести верст» [Там же. С. 681].

Во второй статье, посвященной выставке живописи «Годичная выставка в Императорской Академии художеств» [6], Майков вновь обращается к фигуре Айвазовского⁴ и выдвигает главное требование применительно к пейзажу как к жанру живописи – «жизненность и субъективность изображаемой природы» [Там же. С. 62]. В уточнении Майковым значения «субъективности» художника видится романтическое утверждение важности внутренней позиции художника, влияющей на создание картины.

Обратившись к вопросу о выборе предмета изображения, Майков теперь развивает «закон человеческой симпатии» [7. С. 89] художника и утверждает принципы реалистической эстетики. Теперь высокая оценка мастерства Айвазовского не исключает указаний на недостатки, которые Майков видит в отсутствии у Айвазовского обыкновенных картин моря: «...в картинах г. Айвазовского, поражающих вас эффектом, переданным с неподражаемою верностью, нет того свойства, которое бы заставляло к ним привязаться, или симпатизировать им вполне, всматриваться в них все более и более и, наконец, с его природой жить жизнью одною» [3. С. 172].

Майков приводит в пример пейзажи северной природы, не экзотической и исключительной, как у романтика-мариниста, а простые: «Особенно это рез-

ко заметно в его северных видах – Ревеля, Гельсингфорса, Кронштадта. Вы скажете, что тут виновата сама природа: можно ли требовать и от художника, изображающего ее, того, чего она сама не представляет? Конечно, северная природа не представляет тех роскошных и эффектных картин, которыми богата природа юга; но у нее есть своя жизнь, и занимательность пейзажа не состоит в выборе эффектной местности, а в чем-то еще другом» [3. С. 173]. Размышляя о пейзажах швейцарского художника Калама, которые «служат блистательнейшим опровержением, кажется установившемуся у нас мнению о художниках, что очаровать можно только изображением очаровательнейших и потому, разумеется, южных местностей» [Там же]. Майков выдвигает принцип «жизненности» произведений искусства и сопричастности к ним зрителя: «Да, природа бедная, природа грустная; если это лето, то лето северное, лето холодное... Но, боже мой! Отчего же так хочется пофантазировать на этой картине? Отчего везде встречаешь как бы намеки, что происходило или будет происходить, или может происходить на этой местности, и вы, читая в ней эти намеки, дополняете их, и радуетесь, и наконец, вам не оторваться от картины» [Там же. С. 174].

Эта сторона эстетики Майковых была наиболее близка Гончарову, который во «Фрегате “Паллада”» разрабатывает метод поэтического живописания «обыкновенных», с точки зрения романтиков, картин. Писатель возражает В.Г. Бенедиктову, солидаризуясь с идеей, высказанной в статье А. Майкова: «Нужно ли вам поэзии, ярких особенностей природы – не ходите за ними под тропики: рисуйте небо везде, где его увидите, рисуйте с торцов мостовой Невского проспекта, когда солнце, излив огонь и блеск на крыши домов, протечет чрез Аничков и Полицейский мосты, медленно опустится за Чекуши, когда небо как будто задумается ночью, побледнеет на минуту и вдруг вспыхнет опять, как задумывается и человек, ища мысли: по лицу на мгновение разольется туман, и потом внезапно озарится оно отысканной мыслью. Запылает небо опять, обольет золотом и Петергоф, и Мурино, и Крестовский остров. Сознайтесь, что и Мурино, и острова хороши тогда, хорош и Финский залив, как зеркало в богатой раме: и там блестят, играя, жемчуг, изумруды...» [5. С. 372].

Однако в своей лирике Майков оставался романтиком. Его поэзия была для Гончарова образцом романтического искусства. Исследователи творчества Гончарова указали на связь реалистической эстетики писателя с романтизмом [8–12]. В очерках путешествия И.А. Гончарова имя Майкова упоминается трижды. Для Гончарова он прежде всего «поэт Италии»: «Нет, не в Париж хочу, – помните, твердил я вам, – не в Лондон, даже не в Италию, как звучно вы о ней ни пели, поэт» [5. С. 10].

В поэтическом наследии Майкова особое место занимают стихотворения о морской стихии. Начиная с раннего творчества, морская тема находит отражение в майковской лирике: «В.Г. Бенедиктову» (1838), «В. А. С....У» (Опять судьба переселила) (1839), «Гораций» (1841), «И.А. Гончарову» (1855)⁴.

Образ моря связан у Майкова с романтическими традициями: в них господствует представление моря

как символа духовной свободы: «...и вот я ныне / Один – в наполненной тобой одним пустыне...» [13. Т. 1. С. 278] (О море! Нечто есть слышней тебя... (1887); с этим связано родство природы и внутренней жизни человека: «О, если бы и ты, о сердце! / Ты могло дать выбить грохоту тех волн свое-то горе, / Всё, что внутри тебя так стонет тяжело, / Пред чем, как ни ликуй на всем своем просторе, / Бессильно и само грохочущее море!» [Там же. С. 278] (то же стихотворение); эпическая широта изображения морского пейзажа: «Где море тихо опочило в объятьях диких берегов» [13. Т. 2. С. 268] («В.А. С....У. Опять судьба переселила» 1839). Майков использует романтические образы (челнок, паруса, ночь, лебедь), мотивы (тайны «Ночь от вод и от берегов, / Встрепенувшись, отодвинет / Свой таинственный покров...» [Там же. Т. 1. С. 261] (В.Г. Бенедиктову 1838), мечты «И этой грезою упиться на просторе / С тоской зовет тебя нетерпеливый челн...» [Там же. Т. 1. С. 265]. «Точка нахождения» лирического героя, оказавшегося «над» морем, предполагающая созерцание стихии сверху: («Как жадно я на воды моря / С кругого берега взирал») [Там же. Т. 2. С. 268], открывает широкий панорамный обзор, навевает романтические аллюзии.

Судя по датировкам стихотворений, посвященных морской теме, Майков рисует море как истинный романтик, но романтическое творчество Майкова обладает особым качеством, предопределившим его тяготение к «земле», к «реализму», – стихи Майкова носят антологический характер. По словам Белинского, «эллинское созерцание составляет основной элемент таланта г. Майкова: он смотрит на жизнь глазами грека и – как мы увидим ниже и – иначе и не умеет еще смотреть на нее» [17. С. 145]. Ориентация на Античность придавала стихам Майкова праздничность духа, пластичность формы, точность реальных деталей и символический смысл. Так, в переводе «Из Горация. Ода V» (1841) образ моря соотносится со сложной стихией любви:

Но он, неопытный, не знает, как неверно
То море! как оно обманчиво блестит,
Подобно женщине, темно и лицемерно!

[13. Т. 1. С. 48].

Морская стихия уподобляется человеческим страстям, и черты реального моря («Скажи мне: чей челнок к скале сей приплывает?») знаменуют события духовного плана:

Но, боже мой! он бурь не слышит приближенья,
Свирепых моря бурь и страшных бурь любви!

[Там же. Т. 1. С. 48].

В послании к романтику В.Г. Бенедиктову (1838) образ моря создан в контексте античной темы, постоянных упоминаний мифологических имен, образов: «Там есть скромный уголок, Аонидам посвященный» [Там же. Т. 2. С. 261] (Аониды музы искусства), «Не гесперские плоды» (золотые яблоки – лимоны), которые охраняли в своем саду нимфы Геспериды), / Не гремучие тимпаны / С звуком цитры золотым» [Там же], «Песнопевец голосистый – гимн его как арфы звон» (имеется ввиду Орфей. – Прим. авт.). Антологический элемент входит в возвышенной форме старославянской и церковно-славянской лексики в сочетании с античными именами.

Лирика Майкова характеризуется сочетанием пластической формы и романтического содержания, отличающегося философичностью. Характерно стихотворение «Безветрие» (1839). Оно написано смешанным размером (шестистопным и четырехстопным ямбом) и обнаруживает два конфликта. Реальный конфликт строится на противоречивости душевного состояния пловца («молодая мысль» требует действия, движения на море) и безмолвия, штиля на море:

В чертоги вымысла влекут ее порывы, –
Уж вот пред ней блеснит волна,
Корабль готов отплыть, натянуты канаты,
Вот якорь поднят... с берегов
Народ подымлет крик... вот паруса подъяты:
Лишь ветра ждут, чтоб грудь валов
Кормю рассекасть... на палубе дрожащий
Пловец желанием горит:
«Простите, берега!..» <...>

[13. Т. 1. С. 17].

Но этот конфликт углубляется, наполняется философским смыслом, обнаруживая противоречие между страстями человека, навеянными «сна грустным обаянием», молодостью («В чертоги вымысла влекут ее порывы»), и великой силой природы, которая умиротворяет эти желания, вводит их в русло мудрости, красоты, умиротворения:

<...> Но – моря в влаге спящей
Ни зыби вокруг не пробежит,
Не будит ветерок игривыми крылами
Отяжелевших моря вод,
И туча сизая с серебристыми кудрями
Грозы дыханьем не пахнут...
На мачте паруса висят и упадают
Без силы долгу... и пловец
В отчаяньи глядит, как воды засыпают,
Везде недвижны, как свинец;
Глядит на даль... но там лишь чаек слышит крики
И видит резкий их полет.
Вдали теряется в извивах берег дикий:
Там беспредельность настает...

[Там же].

Единство пластичности и романтической приподнятости основывается у Майкова на системе сравнений, метафор, определений: «море во влаге спящей», «отяжелевший моря свод», «волны засыпают», «недвижимы как свинец». По мере того как смиряется пловец («в отчаяньи глядит», «он смотрит с грустью»), разворачивается картина беспредельного моря: «синие небеса», «ночь ложится на водах», «клубы пены облиты месячным лучом». И хотя смысл поэтического конфликта неоднозначен, однако тоска по молодости, бунтарству уравнивается с мыслью о действии великих общих законов жизни, воплощенных в образе моря.

Гончарову была близка эта романтическая экзальтация Майкова, его неистощимое восхищение самой природой. Во «Фрегате “Паллада”» показательной в этом плане является III часть книги «Плавание в Атлантических тропиках» (Письмо к В.Г. Бенедиктову), где Гончаров, вступая в полемику с романтиками, признает значение их одушевленного восприятия природы: «Наступает, за знойным днем, душно-

сладкая, долгая ночь с мерцаньем в небесах, с огненным потоком под ногами, с трепетом неги в воздухе. Боже мой! Даром пропадают здесь эти ночи: ни серенад, ни вздохов, ни шепота любви, ни пенья соловьев! Только фрегат напряженно движется и изредка простонет да хлопнет обессиленный парус или под кормой плеснет волна – и опять всё торжественно и прекрасно-тихо!» [13. Т. 1. С. 129].

Гончаров, постоянно переписывающийся с поэтом и откликающийся на его творчество, на страницах «Фрегата “Паллада”» создает морские пейзажи в духе Майкова. Особое значение античной темы в произведениях Гончарова объясняется не только университетскими увлечениями писателя, но и влиянием Майкова-поэта в области древнего искусства и культуры. Именно тесное общение с поэтом становится еще одним фактором присутствия Античности в художественных текстах Гончарова.

В гончаровских очерках можно обнаружить многочисленные примеры античных упоминаний и ассоциаций. Характерно совпадение: что военный корабль, на котором отправился в плавание писатель, носил имя «Паллада»⁵. Указание на Античность проявляется на разных уровнях⁶. Так, Гончаров рисует большую панорамную картину. Описания неба – «необозримого поля» сопровождаются античными образами: «Вот, смотрите, громада *исполинской* крепости рушится медленно, без шума; упал один бастион, за ним валится другой» [5. С. 125]; «...из огромной *колесницы* уже сложился стан *исполинской женщины*; плеча еще целы, а бока уже отпали» [Там же]; «Но вот луна: <...> Это не зрелая, увядшая красавица, а бодрая, полная сил, жизни и строгого целомудрия дева, как сама *Диана*» [Там же].

В очерке «Через двадцать лет» И.А. Гончаров, давая оценку плаванию и подчеркивая сложность и опасность путешествия, вспоминает античных героев: «Так кончилась эта экспедиция, в которую укладываются вся “Одиссея” и “Энеида” – и ни *Эней*, с отцом на плечах, ни *Одиссей* не претерпели и десятой доли тех злоключений, какие претерпели наши аргонавты, из которых «иных уж нет, а те далече!» [Там же. С. 738].

Морские пейзажи Гончарова отличаются природной гармонией и чувством меры, характерными для антологических описаний А.Н. Майкова: «Вечер был лунный, море гладко как стекло; шкуна шла под малыми парами. У выхода из Фальсебя мы простились с Корсаковым надолго и пересели на шлюпку. Фосфорный блеск был так силен в воде, что весла черпали как будто растопленное серебро, в воздухе разливался запах морской влажности. Небо сквозь редкие облака слабо теплилось звездами, затмеваемыми лунным блеском. Половина залива ярко освещалась луной, другая таилась в тени» [Там же. С. 221].

Образ моря присутствует в личной переписке Гончарова и Майкова. В письме от 11 апреля 1859 г. Гончаров пишет о своем сожалении по поводу того, что Майков не пишет путевых записок⁷, «а надо!» – замечает Гончаров. – «Читая теперь Ваше письмо, с этим свободно-играющим настроением, приправленным юмором, мыслью и легким изложением, я с досадой

думаю: Да отчего ж он не пишет так о море, о морях, о корвете, о берегах...» [4. С. 316]. Гончаров призывает Майкова к написанию своего произведения: «Так жажнут у нас путешествий! Помните, что моя Паллада – уже напечатанная по журналам, – почти вся разошлась! Пишите же и скорей! <...> А говорить об Италии, о Греции – всё это не цель такого путешествия! Море и берега – Ваша поэма, а прочее – роскошь» [Там же].

Таким образом, эстетические статьи А.Н. Майкова 1840–1850-х гг., выдвинувшие на первый план проблему движения искусства к реализму, установившие рамки живописного экфрасиса в изображении природы (и моря), и лирика, отмеченная печатью антологического внимания к реальности и сохранившая высоту романтического пафоса, оказались для Гончарова актуальны и близки. Их осмысление и художественное преломление получили отражение во «Фрегате “Паллада”».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «О Вас, друг мой, Николай Аполлонович, думаю часто, потому что в иных главах моего романа приходилось говорить о живописи и артистах» [14. С. 124].

² Примечательно, что творчество И.К. Айвазовского волновало А.Н. Майкова на протяжении всей жизни.

Стиха не ценят моего
Ни даже четвертью червонца,
А ты даришь мне за него
Кусочек истинного солнца,
Кусочек солнца твоего!
Когда б стихи мои вливали
Такой же свет в сердца людей,
Как ты – в безбрежность этой дали
И здесь, вокруг этих кораблей
С их парусом, как жар горящим
Над зеркалом живых зыбей,
И в этом воздухе, дышащем
Так горячо и так легко
На всем пространстве необъятном, –
Как я ценил бы высоко,
Каким бы даром благодатным
Считал свой стих, гордился б им,
И мне бы пелось, вечно пелось,
Своим бы солнцем сердце грелось,
Как нынче греется твоим! [13. Т. 1. С. 260].

³ По мнению искусствоведа Н.С. Барсамова, Айвазовского особо вдохновляла поэзия А.С. Пушкина и его образы романтического моря: «Юношеские годы Айвазовского прошли под влиянием передовых людей эпохи, которые определили характер и направление его творчества. Поэзия Пушкина вдохновила Айвазовского на создание самых поэтических образов в русской живописи середины XIX в. и сообщила им высокое эмоциональное и идейное звучание» [15. С. 6].

⁴ Море, получив своего певца, получило и своих живописцев. Мы по справедливости можем гордиться именем Айвазовского: его картины ценятся от Лиссабона и Керчи до Петербурга и Лондона» [6. С. 65].

⁵ К морской теме А.Н. Майков обращается на протяжении всей творческой жизни: «На море» (1857), «Всё – серебряное небо!» (1858), «О вечно ропшущий, угрюмый Океан!..» (1859), «Над необъятною пустыней Океана» (1885), «У мраморного моря» (1870), «О море! Нечто есть слышней тебя» (1887), «Всё – горы, острова – всё утреннего пара» (1887), «Мертвая зыбь» (1887), «Айвазовскому» (1887).

⁶ Дочь Зевса, родившаяся из его головы после того, как он проглотил свою первую жену Метиду, т.е. мудрость, и, следовательно, не имевшая матери, – богиня мудрости, искусств и наук, поэзии и рукоделия, покровительница государств, городов и земледелия. Она считалась и богиней войны, изобретательницей флейты. Она была особенной покровительницей г. Афин, который в честь ее и получил свое название. Священными животными Афины считались сова, змея, петух, и ей же была посвящена маслина. Главные праздники в ее честь назывались Панафинейми [16. С. 74].

⁷ Повествователь упоминает героев античной мифологии и деятелей золотого века: «Многие постоянно ведут какой-то арифметический счет – вроде приходо-расходной памятной книжки – своим заслугам и заслугам друга; справляются беспрестанно с кодексом дружбы, который устарел гораздо больше *Птолемеевой географии* и астрономии или *Аристотелевой риторики*; всё еще ищут, нет ли чего вроде *пиладова подвига*, ссылаясь на любовь, имеющую в ежегодных календарях свои статистические таблицы помешательства, покровителя купцов: Зато какая жизнь и деятельность кипит на этой зыбкой улице, управляемая *меркуриевым жезлом!*» [5. С. 40]. В главе «От Манилы до берегов Сибири при описании пейзажа, автор-повествователь вспоминает фигуру знаменитого Лаокоона – троянского жреца бога Аполлона – и его сыновей, которые пытаются освободиться от обвивших их змей: «Усталый, сел я на пеню у шалашей и смотрел на веселую речку: она вся усажена кустами, тростником и разливается широким бассейном. Вода, как хрусталь, прозрачна. Тут наши матросы мыли белье, развешивая его по лианам. Одно огромное дерево было опутано лианами и походило на великана, который простирает руки вверх, как Лаокоон, стараясь освободиться от сетей, но напрасно» [Там же. С. 585].

⁸ В 1855 г. Майков пишет поэтическое послание Гончарову-путешественнику, в котором особое место отводится образу моря. Стихотворение начинается и заканчивается этим образом: «Море и земли чужие, Облик народов земных...»; «Точно в тот миг перед нами Воздухом с моря пахнет» [13. С. 140].

⁹ В 1859 г. А.Н. Майков отправляется во второе путешествие на корвете «Баян». Первое продолжалось с 1842 по 1844 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров И.А. Собр. соч. : в 8 т. М. : Правда, 1952. 541 с.
2. Седелникова О.В. Своеобразие проблематики и жанровой структуры путевого дневника А.Н. Майкова 1842–43 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 333. С. 21–28.
3. Майков А.Н. Выставка картин г. Айвазовского в 1847 году // Отечественные записки. 1847. Т. 51, № 4. Отд. 2. С. 176–186.
4. Гончаров И.А. Собр. соч. : в 8 т. М. : ГИХЛ, 1955. Т. 8. 576 с.
5. Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. СПб. : Наука. 1997. Т. 2. 745 с.
6. Майков А.Н. Годичная выставка в Императорской Академии художеств // Современник. 1847. № 11. С. 56–80.
7. Майков В.Н. Литературная критика. М., 1985. 407 с.

8. Краснощекова Е.А. И.А. Гончаров и русский романтизм 20–30-х годов. М. : Изд-во АН СССР. Сер. литературы и языка. 1975. Т. 34, № 4. С. 304–316.
9. Тихомиров В.Н. «Небывалый приток фантазии»: О романтической лексике в романе «Обрыв» // Русская речь. М., 1975. № 3. С. 34–39.
10. Жиликова Э.М. И.А. Гончаров и В. Скотт (некоторые наблюдения) // Проблемы метода и жанра. Томск, 1986. Вып. 13. С. 197–214.
11. Отрадин М.В. Проза И.А. Гончарова в литературном контексте. СПб., 1994. С. 3–24.
12. Краснощекова Е.А. Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. СПб., 1997. С. 12–81.
13. Майков А.Н. Сочинения : в 2 т. М., 1984. 575 с.
14. Гайнцева Э.Г. Николай Аполлонович Майков и его воспоминания (из круга общения И.А. Гончарова) // Русская литература. 1997. № 1. С. 145–149.
15. Барсамов Н.С. Айвазовский. О мастерстве художника. М. : Искусство, 1967. 110 с.
16. Корш М. Краткий словарь мифологии и древностей. 1894. 201 с.
17. Белинский В.Г. Собрание сочинений : в 9 т. Т. 4 : Статьи, рецензии и заметки. М. : Худ. лит., 1979. С. 130–153.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 ноября 2016 г.

A.N. MAIKOV'S AESTHETICS AND LYRICS OF THE 1840S–1850S IN I.A. GONCHAROV'S ARTISTIC CONSCIOUSNESS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 14–19.

DOI: 10.17223/15617793/414/2

Kristina K. Pavlovich, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pavlovitch.cristina@yandex.ru

Keywords: Goncharov; Frigate Pallada; Maikov; seascape; Aivazovsky; antiquity; romanticism; realism.

The article discusses the question of the meaning of A.N. Maikov's lyrics and his criticism of fine arts in Goncharov's creative realization. Maikov's group had special significance for the aesthetic development of younger Goncharov. Goncharov's art system was taking its shape in the early 1840s, during the crisis of romanticism and the emergence of the new method of realistic image of reality. During 1847, the transition time for Russian literature, Maikov writes critical articles on the exhibition of paintings by I.K. Aivazovsky, in which he points out the movement of fine art to realistic principles and, at the same time, notes the importance of romantic aesthetics and poetics. This interference, dialog with romanticism, can be found in the book of travel essays *The Frigate Pallada* with a variety of seascapes in it. Issues related to the principles of representation of reality, topical issues of contemporary art and the role of the artist-creator concerned Goncharov as well as Maikov. Maikov's works influenced the way Goncharov depicted his seascapes. During his career the author was writing poems on the marine theme. The romantic image of the sea in his lyrics complemented with the ancient tradition (plasticity of forms, mythological names, images and motifs) sparked interest in Goncharov, who thought of antiquity as a cultural pattern and who created numerous paintings of the sea, combining the traditions of antiquity, romantic and realistic art in *The Frigate Pallada*. It is worth mentioning the fact that the deep passion of Goncharov and Maikov in painting indicates the presence of intermedial elements in their works; they both called seascapes a painting, a panorama, a view, noting the beautiful natural images. For example, in the text of travel essays by Goncharov we can find references to the name of the romanticist and marine artist I.K. Aivazovsky, whose manner the narrator imitates in a literary creation of marinas. From romanticists, Goncharov inherited a bright palette of colors, symbolism and psychological characteristics of the element image. The statement of realistic principles by Goncharov included the creative development of artistic experience of romanticists, including Maikov and his sea image. Investigating artistic and critical works by A.N. Maikov provides material for the study of painting, the main artistic and aesthetic method I.A. Goncharov used in his works.

REFERENCES

1. Goncharov, I.A. (1952) *Sobr. soch.*: v 8 t. [Works: in 8 vols]. Moscow: Pravda.
2. Sedel'nikova, O.V. (2010) Apollon Maikov's traveller's diary of 1842–1843: problem pattern and genre structure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 333. pp. 21–28. (In Russian).
3. Maikov, A.N. (1847) Vystavka kartin g. Ayvazovskogo v 1847 godu [Exhibition of paintings of Mr. Aivazovsky in 1847]. *Otechestvennye zapiski*. 51:4:2. pp. 176–186.
4. Goncharov, I.A. (1955) *Sobr. soch.*: v 8 t. [Works: in 8 vols]. Vol. 8. Moscow: GIKhL.
5. Goncharov, I.A. (1997) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem*: v 20 t. [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Nauka.
6. Maikov, A.N. (1847) Godichnaya vystavka v Imperatorskoy Akademii khudozhestv [The year-long exhibition at the Imperial Academy of Arts]. *Sovremennik*. 11. pp. 56–80.
7. Maikov, V.N. (1985) *Literaturnaya kritika* [Literary criticism]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
8. Krasnoshchekova, E.A. (1975) I.A. Goncharov i russkiy romantizm 20–30-kh godov [I.A. Goncharov and Russian romanticism of the '20s–'30s]. In: *Seriya literature i yazyka* [The series of literature and language]. 34:4. pp. 304–316.
9. Tikhomirov, V.N. (1975) "Nebyvalyy prtok fantazii": (O romanticheskoy leksike v romane "Obryv") ["The unprecedented influx of fantasy": (On the romantic lexicon in The Presipice)]. *Russkaya rech'*. 3. pp. 34–39.
10. Zhilyakova, E.M. (1986) I.A. Goncharov i V. Skott (nekotorye nablyudeniya) [I.A. Goncharov and W. Scott (some observations)]. In: Kanunova, F.Z. (ed.) *Problemy metoda i zhanra* [Problems of method and genre]. Vol. 13. Tomsk: Tomsk State University.
11. Otradin, M.V. (1994) *Proza I.A. Goncharova v literaturnom kontekste* [Prose of I.A. Goncharov in a literary context]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
12. Krasnoshchekova, E.A. (1997) *Ivan Aleksandrovich Goncharov: Mir tvorchestva* [Ivan Goncharov: The world of creativity]. St. Petersburg: Pushkinskiy fond.
13. Maikov, A.N. (1984) *Sochineniya*: v 2 t. [Works: in 2 vols]. Moscow: Pravda.
14. Gayntseva, E.G. (1997) Nikolay Apollonovich Maikov i ego vospominaniya (iz kruga obshcheniya I.A. Goncharova) [Nikolai Apollonovich Maikov and his memories (of the communicative circle of I.A. Goncharov)]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 145–149.
15. Barsamov, N.C. (1967) *Ayazovskiy. O masterstve khudozhnika* [Aivazovsky. On the skill of the artist]. Moscow: Iskusstvo.
16. Korsh, M. (1894) *Kratkiy slovar' mifologii i drevnostey* [Concise dictionary of mythology and antiquities]. St. Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina.
17. Belinskiy, V.G. (1979) *Sobranie sochineniy*: v 9 t. [Works: in 9 vols]. Vol. 4. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Received: 08 November 2016

«ИОСИФ И ЕГО БРАТЬЯ» ТОМАСА МАННА В КОНТЕКСТЕ НЕМЕЦКОГО ЭМИГРАНТСКОГО РОМАНА

Рассматривается романная тетралогия Томаса Манна «Иосиф и его братья». Проводится сопоставление романов тетралогии с образцами жанра эмигрантского романа, созданными писателями, покинувшими Германию после событий 1933 г. (Э.М. Ремарк, Л. Фейхтвангер, К. Манн). Учитываются такие аспекты романной поэтики, как пространственная организация, сюжет, типология героев. Обосновывается принадлежность тетралогии Т. Манна к жанровой периферии немецкого эмигрантского романа.

Ключевые слова: эмиграция; эмигрантский роман; Томас Манн; пространство; сюжет; типология героев; жанр.

В XX в. мифотворчество становится одной из характерных черт литературы, происходит мощная реактуализация категории мифа. По словам А.П. Саруханян, «механизм мифотворчества, как на уровне художественного, так и массового сознания, заработал с новой силой, когда обнаружилась несостоятельность рационального объяснения мира на основе причинно-следственных связей» [1. С. 284]. Миф становится чрезвычайно привлекательным для представителей гуманитарных наук, философов и художников [2. С. 305–306], к числу которых принадлежит и Томас Манн – создатель романной тетралогии «Иосиф и его братья», часто определяемой как «роман-миф». При этом миф не только служит автору опорной точкой для рассказываемой истории, но и во многом определяет структуру художественного мира. При детальном же рассмотрении ключевых его компонентов выявляется не только мифологичность одного из важнейших произведений Т. Манна, но и его несомненная связь с теми событиями, которые разворачивались в годы работы над романом.

Пространственные координаты в романах тетралогии «Иосиф и его братья» во многом заданы логикой мифологического мышления, носителями которого являются в той или иной степени все персонажи. При этом романная тетралогия демонстрирует множественность возможных точек зрения и, соответственно, вариантов отсчета пространственных координат. Это обстоятельство фиксируется в Прологе, где ставится вопрос о точке отсчета в художественном мире романов об Иосифе: «Где же находился рай, “сад на востоке”, место покоя и счастья, родина человека, где он вкусил от дурного древа и откуда был изгнан или, вернее, изгнал и рассеял себя самого?» [3. С. 49]. Здесь же приводится несколько возможных вариантов ответа на этот вопрос, и выбор в пользу одного из них обусловлен спецификой воспринимающего сознания:

– «Жители пустыни из Сирии объявляли раем большой оазис Дамаск, не в силах представить себе ничего более чудесного, чем бойкий торговый город, расположенный среди луговых озер, царственных гор и плодовых рощ, утопающий в прекрасном орошенных садах и кишмя кишящий самым разнообразным людом» [Там же];

– «Жители Мицраима заявляли, что сад этот находился, само собой разумеется, в Египте, ибо середина и пуп вселенной – Египет» [Там же];

– «Курчавобородые синеарцы тоже считали, что их столица, которую они называли “Врата бога” и “Союз Неба и Земли” <...> – что Вавилон, стало быть, – это священная середина вселенной» [3. С. 49];

– для Иакова и его семьи «истинные врата неба... подлинный пуп вселенной» [Там же] – «холм Луз со священным каменным кругом, место, которое отец затем назвал Вефиль, Дом Божий, ибо здесь, убегая от Исава, он сподобился самого потрясающего в своей жизни откровения. Здесь, на холме, где Иаков поставил памятником и полил маслом каменное свое изголовье, здесь была с тех пор для близких Иосифа середина вселенной и пуповина, связующая небо и землю» [Там же].

Упомянутый пуп вселенной имеет сакральное значение, являясь «местом происхождения космоса, соответственно творения» [4. С. 216].

Из всех этих возможных пространственных моделей нас интересуют две, поскольку они подробно развернуты в романах тетралогии и имеют важнейшее значение для их художественной концепции. Предметом нашего анализа являются, во-первых, та модель мира, носители которой – отец главного героя Иаков и его близкие; во-вторых, не менее важны пространственные представления героев-египтян.

Иаков ведет отсчет своих пространственных координат от холма Луз. Особый статус этой точки обусловлен фактом общения с богом, «откровения» [3. С. 61], т.е. контактом с сакральным, который, согласно архаическим представлениям, возможен именно в центральной точке мирового пространства [4. С. 193]. Иаков прямо характеризует холм Луз как «самое настоящее место присутствия, ворота величия, соединение неба с землей» [5. С. 130]. Сам Иаков и его семья живут в непосредственной близости от холма Луз – «вне города, на вольном просторе, так что не видел даже крепостных стен Кириаф-Арбы... возле колодца, пещерных могил, дубов и скипидарных деревьев» [3. С. 61]. Эта территория маркирована в сознании Иакова и его близких как сакральная земля, прилегающая к центру мира и ценностно отличная от других территорий. Сам Иаков ведет свою родословную от Авраама, который «открыл... духом своим воистину высочайшего владыку среди богов» [5. С. 110]. «Избранность», особое положение Иакова проявляется в том числе в его богатстве [3. С. 61] и внешности: «Это был владыка и князь милостью божьей, аристократ по духовным своим качествам, обла-

гораживавшим и его внешность. Тут оказало свое действие то самое благородство, которое в глазах народа издавна было приметой преемников или новых воплощений Авраама и, несколько не завися от рождения, основываясь на духе и форме, обеспечивало этому типу людей религиозный авторитет» [5. С. 143].

Вокруг холма Луз, «пула земли», располагается страна Ханаан. В романе «Иосиф в Египте» он назван «промежуточной, проходной страной» [6. Т. 1. С. 578] в том смысле, что она «испытывала... в такой же мере влияние юга, египетской цивилизации, как и восточных, подвластных Вавилону земель» [Там же]. Находясь «между» южными и восточными государствами, родина Иосифа претендует тем самым на центральное положение. В мифологической проекции Ханаан является, соответственно, сакральной землей, а проживающий на ней народ считает себя богоизбранным, что тесно взаимосвязано и взаимообусловлено.

Земли, расположенные за пределами Ханаана, обладают в картине мира Иакова неодинаковым ценностным статусом. Статус соседних с Ханааном азиатских территорий и расположенного в Африке Египта отличается.

На соседних с сакральной землей территориях Иаков наблюдает поклонение языческим богам, «баалам» [5. С. 99], что вызывает у него неодобрение, причем объектом осуждения являются, прежде всего, экстатические ритуалы. Ему самому, как проживающему в центре мира главе богоизбранного народа, присущи «кротость и богомыслие» [Там же. С. 140], «образованность, значительность... души... склонность к далеко идущим ассоциациям» [Там же. С. 141], а различные проявления дикости связываются в пространственном отношении с профанными и враждебными территориями: так, привычки своего брата Исава, вызывающие у Иакова отвращение, он сравнивает с поведением людей «на преисподнем юге» [Там же. С. 132].

Статусом враждебной земли, расположенной в окраинной зоне, в картине мира Иакова наделяется Египет. Для Иакова Египет в аксиологическом смысле более негативен, чем соседние с Ханааном азиатские государства. Иаков, например, владеет вавилонским языком, но не владеет египетским, так как «все египетское ненавидел и осуждал» [7. С. 334]: «То, что он знал об этой стране, заставляло его считать ее родиной и кабаньего гнета, и вместе безнравственности. Подчиненность государству, явно определявшая там всю жизнь, оскорбляла его наследственную любовь к независимости и самостоятельности, а процветавший там внизу культ животных и мертвецов казался ему мерзким и глупым, — особенно культ мертвецов, ибо всякое служение подземному миру, начинавшемуся, впрочем, уже очень рано, уже в мире земном, уже в зерне, плодотворно истлевающим в почве, было для Иакова равнозначно распуштству» [Там же. С. 334–335]. Египет, как пространство хаоса, тем самым уравнивается с пустыней и морем, «полными чудищ хаоса» [Там же. С. 402], и помещается на окраину обитаемой земли.

Обращает на себя внимание неприятие героем «культа животных», распространенного у египтян.

Связь с животным миром вообще является очень важным разграничительным признаком в картине мира Иакова. В главах, посвященных тому, как он обманом получил благословение Исаака (который намерен был сделать своим наследником Исава), упоминается, что Исаав считал себя «архикозлом сеирцев» [5. С. 173], имел животные черты (волосыной покров) и в том числе поэтому благословение получить не мог. У Иакова же животное начало не присутствует, и, как приобщенный к божеству и свободный от остаточной дикости, он по праву получает благословение. По наблюдению В.В. Михайлова, Т. Манн сохраняет заимствованную из Ветхого Завета «основную линию сюжета», в рамках которой «благословение должно достаться достойнейшему» [8. С. 129]. Исаав достойнейшим не является; его, по определению В.В. Михайлова, «духовная несостоятельность» [Там же. С. 128] и животные черты — явления одного порядка, животное начало присуще в мире Иакова профанному и враждебному.

Когда заходит речь о переселении в Египет, Иаков «собирался сейчас и вправду выполнить то, о чем мечтал во времена величайшего своего горя и о чем тогда лихорадочно твердил Елизеру: спуститься в преисподнюю к умершему сыну» [9. С. 622]. Подобные рассуждения — следствие ценностной равнозначности окраины и космического «низа», присущей мифологическому мышлению: и то и другое — места присутствия остаточного хаоса [10. С. 212]. В соответствии с логикой своих пространственных представлений Иаков, хотя и продает перед переселением в Египет часть своего имущества, недвижимое имущество — в том числе усыпальницу в пещере — оставляет за собой как залог последующего возвращения в Ханаан [9. С. 624]. Переселение в Египет связано для него с отходом от истинной веры и поэтому вызывает страх: «Он боялся земли Египетской, и ему крайне необходимо было заверение, что бояться ехать туда ему не следует, потому что бог его отцов не связан с определенным местом и пребудет с ним, Иаковом, в этой преисподней в точности так же, как был с ним в царстве Лавана. Во что бы то ни стало требовалось ему подтверждение, что бог не только спустится с ним, но и возвратит... хотя бы его, Иакова, племя в землю отцов» [Там же. С. 633].

О сохранении Иаковом своих пространственных представлений даже после переселения в землю Гошен свидетельствует и его желание быть похороненным в Ханаане. Он просит об этом Иосифа: «Поклянись мне, что выразишь мне любовь и верность и не похоронишь меня в стране мертвецов. Я хочу лежать с моими отцами и к ним приобщиться. А потому унеси прах мой из Египта и похорони его в их гробнице, что зовется Махпеллах, или Двойная пещера, в земле Ханаанской» [Там же. С. 666].

Носителями этой картины мира являются не только сам Иаков, но и его сыновья. В главах, посвященных избиению Иосифа, его пребыванию в колоде и последующей продаже измаильтянам, идущим в Египет, эта страна — окраина мира Иакова — неоднократно сравнивается с могилой и преисподней, т.е. космический «низ» и окраина аксиологически уравниваются: «Выходом был их путь, путь бог весть откуда в неве-

домые, чужие, безмерно далекие края, вернуться из которых так же невозможно, как из могилы» [7. С. 476]; «Ну, вот, его уже и нет на свете!» [Там же. С. 487] (братья об Иосифе, проданном измаильтянам). Иосиф, увезенный в Египет, «исчез в мире теней, скрылся вне круга жизни» [Там же. С. 523]. Первый раздел романа «Иосиф в Египте» озаглавлен, в соответствии с «преисподним» статусом этой страны, «Путь вниз» [6. Т. 1. С. 527].

Все эти факты позволяют констатировать соответствие картины мира Иакова мифологическим образцам. Она организована вокруг сакральной точки – центра мира, и пространство в ней распадается на центральную (сакральная земля), периферийную (профанная земля) и окраинную (враждебная земля) зоны. В роли центра выступает холм Луз, пространство вокруг которого является сакральным. Остальные территории дифференцируются по удаленности от сакральной земли – Ханаана, причем степень удаленности коррелирует и с их качествами. Если ближайшие к Ханаану земли являются для Иакова профанными и дикими, так как их жители не удостоились религиозного просветления и являются язычниками, то Египет (Кеме), прямо называемый преисподней, – это враждебная земля, жители которой не вполне освободились от связи с животным миром.

В последних двух романах тетралогии Т. Манна – «Иосиф в Египте» и «Иосиф-кормилец» – присутствуют персонажи-египтяне. В их прямой речи, а также в речи повествователя находит свое выражение система представлений о мире, принципиально отличная от той, носителем которой является Иаков. При этом данная система представлений тоже строится в соответствии с законами мифологического мышления, т.е. на основании оппозиций центра и периферии, сакрального и профанного.

«Пупом земли» для египтян является сакральная точка, расположенная на территории Египта, – столица страны Уазе (Египетские Фивы, Но-Амун). Сам Египет имеет, соответственно, статус сакральной земли, расположенной в центре. Поэтому фараон Эхнатон обозначает свое положение в пространстве словами «посреди мира» [9. С. 395]. И если свою страну египтяне – в частности, хозяин Иосифа Потифар и его управляющий Монт-кау – считают «страной богов» [6. Т. 2. С. 67], то Ханаан для них – «нечто очень далекое, пыльное и убогое» [Там же. Т. 2. С. 66]. Перед прибытием в Египет торговец-измаильтянин предупреждает своих спутников, что «дикость приводит их <египтян> в ужас» [Там же. Т. 1. С. 563], и поэтому предписывает им такие действия: «Завтра, перед тем как испрашивать пропуск в крепости Зел, мы должны будем умыться водой и стряхнуть пыль пустыни с нашей одежды, а также очистить от нее уши и ногти, чтобы показаться им людьми, а не какими-то грязными зайцами» [Там же]. Когда Иосифа обвиняют в попытке насилия над женой Потифара, писец Хамат объясняет такой поступок именно его «варварством» [9. С. 302], принадлежностью к еврейскому народу. Из подобных определений в речи героев и повествователя видно, что пространственные представления египтян аксиологически «обратны» тем, которые составляют модель мира Иакова.

Обе пространственные модели мира, представленные в романной тетралогии об Иосифе, организованы по мифологическому образцу. Единой картины мира в романах не представлено: наблюдается множественность точек зрения и представлений о пространстве.

С таким пространственным решением непосредственно связано решение сюжетное. Сюжет об Иосифе у Т. Манна довольно отчетливо делится на три стадии. Первая из них – пребывание в Ханаане – заканчивается потерей Иосифом его высокого положения, которое он, как любимец Иакова, занимает в семье. Вторая стадия связана с жизнью героя в качестве раба. Третья стадия – история возвышения Иосифа до положения первого после фараона лица в Египте. Такой ход сюжета – потеря и возвращение Иосифом своего высокого положения – позволяет утверждать, что сюжетная линия этого героя восходит к циклическому сюжету, поскольку строится по схеме «потеря – поиски – обретение» [11. Т. 2. С. 66]. Однако элемент «обретения» связан для героя Т. Манна не с возвращением в исходную точку, а с максимальным удалением от нее. В пространственном отношении сюжет тетралогии строится не как «путешествие туда и обратно» [Там же. Т. 1. С. 199], а как «путешествие из центра на окраину».

Характерным признаком циклического сюжета является следующая отмеченная С.Н. Бройтманом закономерность: «Среднее звено связано с пребыванием персонажа в чужом для него мире и / или прохождением через смерть» [11. Т. 2. С. 204]. Для Иосифа перемещение на окраину и «обретение», компенсирующее «потери», становятся возможными после символической смерти и воскресения, его «среднее звено» включает в себя символическую смерть с последующим возвращением в мир живых. Смертью для него становится трехдневное пребывание в колодезье, куда он сброшен обезумевшими от ярости братьями. На том, что пребывание Иосифа в колодезье является его временной смертью, неоднократно делается акцент:

– «Я лежу в могиле» [7. С. 455] – Иосиф в колодезье;

– «В его уме понятия “оголенье” и “смерть” находились в близком соседстве» [Там же. С. 463] (комментарий к тому, что братья, перед тем как бросить Иосифа в колодезье, срывают с него одежду);

– «Сказав на своем языке “бор”, братья выразились односложно-многозначительно; слог этот нес в себе и понятие колодезья, и понятие темницы, а последнее, в свою очередь, было настолько тесно связано с понятием низа, царства мертвых, что слова “темница” и “преисподняя” значили одно и то же и употреблялись одно вместо другого» [Там же];

– «Яма была глубока, и о том, чтобы вернуться из нее назад в жизнь, предшествовавшую падению в эти глубины, нечего было и думать; столь же нелепо было бы думать, что вечерняя звезда может вернуться из бездны, куда она закатилась, или что тень может сойти с черной луны, отчего та снова станет вдруг полной. Но представление о смерти звезды, о затемнении и о закате сына, чьим жилищем становится преисподняя, включало в себя представление о восходе, о новом сиянии и воскресении; и поэтому, естественно,

надежда Иосифа на жизнь получала оправдание и перерастала в веру. Эта надежда не предполагала возврата из ямы к прошлому, и все-таки в ней была победа над ямой» [7. С. 464–465].

В ходе символической смерти в колодце Иосиф проходит инициацию, которая завершается его возвращением в мир живых, ощущаемым героем как второе рождение. «Выражение “чувствовать себя заново родившимся” можно было отнести к Иосифу с большим правом, чем, вероятно, к любому другому человеку на свете, начиная от сотворения мира и кончая нашими днями, – ибо разве он и впрямь не родился заново? Его настоящее было отделено от прошлого резко и глубоко – могилой. Поскольку умер он молодым, то по ту сторону ямы силы его легко и быстро восстановились, но это не мешало ему четко отделять свое нынешнее бытие от прежнего, закончившегося ямой, и считать себя уже не прежним, а новым Иосифом» [6. Т. 1. С. 529]. Именно инициационным характером пребывания героя в колодце, когда он умирает для прежней жизни и рождается заново, Т. Манн объясняет его отказ от попыток установить связь с отцом: «Этот упрек путает внешнюю исполнимость с возможностью внутренней и не принимает во внимание трех черных дней, предшествовавших воскресению Иосифа. Они вынудили его с великой болью увидеть смертельную неправильность прежней его жизни и отказаться от возвращения в эту жизнь» [Там же. С. 530].

После «воскресения» из ямы Иосиф (как и Иаков после возвращения в Ханаан) мотивирует отказ от своего прежнего имени такими словами: «Я потерял его, господин мой, ибо я потерял свою жизнь. Мне нельзя знать свое имя, как нельзя знать и свою жизнь, которую бросили в яму» [Там же. С. 535]. Соответственно, герой в полной мере переживает сошествие в мир мертвых и возвращение оттуда, т.е. проходит путь посвящаемого.

Согласно В.Я. Проппу, инициация включает в себя приобретение новых знаний – сакрального знания мифа, которое отделяет прошедшего инициацию от непосвященных, т.е. женщин и детей [12. С. 39–40]. Именно это и происходит с Иосифом в колодце. На первом этапе своего прозрения он осознает, что сам был виновником плохого отношения со стороны братьев: «Да, он понял, что он сам довел их до этого, довел множеством тяжких промахов, совершенных им в убежденности, что все любят его больше, чем самих себя, – убежденности, которой он и доверял и не совсем доверял, но в которой, как бы то ни было, жил и которая теперь – это он четко осознал – привела его в яму» [7. С. 457]. Следующим же этапом становится понимание божественного замысла, для реализации которого попадание в «яму» было необходимым: «Сидя на дне колодца, Иосиф доподлинно знал... что он... не имел никакого права рассказывать братьям свои сны, – это было совершенно недопустимо и до неприличья бестактно. <...> Какой-то неодолимый зуд заставлял его это делать; он должен был это делать; потому что бог специально создал его таким, чтобы он это делал, потому что у бога были насчет него и в связи с ним именно такие замыслы, одним словом, потому, что Иосиф должен был попасть в

яму – и, выражаясь еще проще, хотел попасть в нее. Зачем? <...> В глубине души он был убежден, что у бога прицел более далекий, чем яма, что замыслы Его, как всегда, идут далеко и преследуют отдаленную будущим цель» [7. С. 457–458].

Соответственно, событие в романе Т. Манна функционирует так же, как в повествовании с циклическим типом сюжетной организации: оно представляет собой пересечение границы между качественно разными участками пространства, сопровождающееся прохождением через пороговый (переломный) хронотоп (термин введен М.М. Бахтиным [13. С. 280]). Для Иосифа в роли порогового хронотопа выступает колодец, в котором он обретает новое знание, символически умирает и рождается заново. Именно после «воскресения» из колодца («могилы» [7. С. 455]) для него начинается «путь вниз» [6. Т. 1. С. 527], путешествие на окраину. Временная смерть в колодце отделяет прежнюю жизнь Иосифа от его «второй жизни» [Там же. Т. 2. С. 42] в Египте, колодец является для него границей, зоной перехода из центральной части пространства (Ханаана) в периферийную и затем окраинную (Египет).

Прохождение инициации – общий момент в биографии двух центральных героев тетралогии Т. Манна. На этом делается акцент в тексте романа Иосиф в Египте: «То, что он сейчас переживал, было подражанием и преемничеством; в слегка измененном виде все это уже некогда пережил отец. <...> Ибо мы идем по стопам предшественников, и вся жизнь состоит в заполнении действительностью мифических форм. <...> Он был Иаковом, отцом, вступившим в Лаваново царство, похищенным в преисподнюю, нестерпимым дома, бежавшим от братоубийственной ненависти, от остервенелых притязаний Красного на благословение и первородство – правда, на сей раз, в отличие от образца, у Исава было десять обличей, да и Лаван выглядел в этой действительности несколько иным: он появился на сверкающих колесах и в одежде царского полотна, Потифар <...> Но он был им, это не подлежало сомнению, хотя жизнь и играла все новыми и новыми формами одного и того же. Снова, согласно давнему предсказанию, отпрыск Аврамов оказался пришельцем в чужой стране» [Там же. Т. 1. С. 647–648]. Однако ключевым отличием инициации Иосифа от пребывания в «преисподней» его отца заключается в том, что последний в итоге вернулся в «обетованную» страну Ханаан и обосновался в земле отцов, в то время как для Иосифа итогом инициации стало не возвращение, а переселение на окраину, «вниз».

Сюжет Иосифа, таким образом, представляет собой модификацию циклической сюжетной схемы, сформировавшейся в традиционалистской литературе. В нем сохраняется событийная цепочка «потеря – поиски – обретение», причем поиски связаны с символическим переживанием собственной смерти. Однако в пространственном отношении сюжет Иосифа – это «путешествие из центра на окраину», т.е. следование циклической схеме у Т. Манна полным не является. Сюжет главного героя его тетралогии – это восходящий к циклической схеме катарсический сюжет; этот термин был введен нами в ходе анализа образов

жанра немецкого эмигрантского романа для обозначения сюжета, который сохраняет все важные компоненты циклического, кроме пространственного развертывания [14].

Сопоставление сюжетного решения и его пространственного оформления у Т. Манна и у авторов эмигрантского романа – Э.М. Ремарка, Л. Фейхтвангера и К. Манна – позволяет выявить их сходство по ряду параметров.

Во-первых, прохождение порогового хронотопа в эмигрантском романе обязательно осознается его героями как начало новой жизни и связано с отречением от жизни до эмиграции. Например, герой романа Л. Фейхтвангера «Изгнание» Ганс Траутвайн, переходя границу, символически приносит в жертву свое мюнхенское прошлое: продает микроскоп, один из символов – наряду с яхтой на Аммерзее – прежней жизни в Мюнхене, по которой он «томился» [15. С. 139] в первые годы жизни в Париже. Это решение вызвано тем, что Гансу необходимы деньги на книги для изучения русского языка и сдачи экзамена [Там же. С. 163], так как он готовится переехать в СССР – страну, которая в его картине мира принадлежит к числу «окраинных». Ганс тем самым совершает выбор в пользу новой жизни на окраине, а от прошлой отказывается. В романе Э.М. Ремарка «Возлюби ближнего своего» Рут Холланд, перейдя границу и получив возможность покинуть Европу вместе с Людвигом Керном и получить мексиканское гражданство, говорит: «И я уже не знаю, где находится Германия» [1. С. 319]. В этом немецкий эмигрантский роман расходится с традиционалистским циклическим сюжетом, в рамках которого герой после возвращения из царства мертвых продолжает прерванный жизненный путь. В свою очередь, Иосиф считает пребывание в Египте своей «второй жизнью» [6. Т. 2. С. 42], а себя после спасения из колодца чувствует «заново родившимся», «уже не прежним, а новым Иосифом» [Там же. Т. 1. С. 529].

Во-вторых, сопоставляемые произведения демонстрируют сходство пространственного решения. В немецком эмигрантском романе присутствуют две основные пространственные картины мира, и обе они восходят к мифологическим образцам. В основе пространственного моделирования в романах Ремарка, Фейхтвангера, К. Манна – ценностно окрашенное противопоставление центра и периферии; пространство в сознании всех категорий героев выстраивается concentрическими кругами вокруг центральной зоны [14].

Эти пространственные картины мира выстраиваются из перспективы соответствующих групп персонажей и поэтому обозначены нами как пространство нации и пространство эмиграции. Первое повторяет пространство мифа не только в плане структуры, но и в плане аксиологии: центральная зона (Германия с центром в Берлине или Берхтесгадене) осознается как сакральная земля, за пределами которой располагаются сначала профанные, а затем враждебные территории. Совокупность пространственных представлений, образующих пространство эмиграции, отличается противоположной расстановкой ценностных маркеров: центральная зона представляет собой темный

мир хаоса и насилия, не охваченный разумом и культурой, а зоной разума и порядка является окраина. Множественность возможных пространственных моделей, которые при этом все восходят к мифологическому пространству, – еще один важный момент, сближающий произведение Т. Манна с романами обозначенных писателей.

В-третьих, организация сюжета по катарсической модели создает общую для героев сопоставляемых произведений сюжетную ситуацию. И герои-эмигранты романов о XX в., и изгнанник Иосиф у Т. Манна поставлены перед необходимостью ценностного самоопределения.

Иосиф изначально выступает как носитель пространственных представлений своего отца. Роман «Иосиф в Египте» дает возможность проследить, как заглавный герой знакомится с «египетскими» представлениями об устройстве мира. Иосиф узнает от торговца-измаильянина следующие сведения о Египте и египтянах: «Это благороднейшая страна земного круга <...> У тебя глаза на лоб вылезут, когда ты увидишь все чудеса, всю роскошь и тонкость этой страны, именуемой Кеме, потому что земли ее черны от плодородия <...> А ты говоришь об этой стране так, словно это помойная яма» [6. Т. 1. С. 542–543]. Подобные упреки вызваны именно тем фактом, что Иосиф еще является носителем пространственных представлений Иакова: «Эта привычка – считать Египет преисподней, а его население жителями Шеола – родилась вместе с Иосифом, и ничего другого, особенно от Иакова, он о Египте не слышал» [Там же. С. 543].

Позже, когда Иосиф живет в Египте уже много лет, «земля Египетская» по-прежнему остается для него «страной мертвенного оцепенения и могильных богов» [9. С. 308]. В соответствии с логикой пространственной модели мира, носителем которой является Иаков, Иосиф считает самого себя «мертвецом» [Там же. С. 479] и говорит: «Я здесь умер в 17 лет» [Там же. С. 525].

Иосиф узнает, что Египет в сравнении с Ханааном – страна культурная, ей присущи «изысканные обычаи» [6. Т. 1. С. 542]. Это страна с развитой письменной культурой, один из главных ее богов – покровитель письменности Тот [Там же. С. 563]. В Египте сильно доверие к письменному слову, имеет место «преувеличенный почет, которым... пользовалось в той стране все связанное с письмом» [7. С. 335], и пропуском в страну является именно письмо [6. Т. 1. С. 563]. Сыновья же Иакова (кроме Иосифа, который прекрасно владеет грамотой и знает языки), напротив, не умеют писать. У самого Иакова «собственный... опыт в этой области почти исчерпывался умением начертать свое имя при подписании правовых договоров, да и то в таких случаях он чаще просто ставил печать» [7. С. 335]. Поэтому Иосиф, пришедший из почти неграмотного Ханаана, должен, по мнению торговца, «показаться себе диким быком, перед которым играют на лютне» [6. Т. 1. С. 542].

Все эти новые сведения о Египте показаны глазами героя, за которым «следует» повествователь. В романах «Иосиф в Египте» и «Иосиф-кормилец» ценностные установки героя постепенно трансформируются, меняются его представления о Египте. Приоб-

щение Иосифа к египетской культуре, быту и взгляду на мир проявляется и в том, что он осознает иллюзорность отцовских представлений об этой стране: «Он знал патетическое предубеждение этого исполненного достоинства старца против “Мицраима”, его отчески-детское отвращение к земле Агари, к дурацкой земле Египетской. Добрый старик... держался самых преувеличенных суждений об ужасной глупости детей Египта в делах нравственных, суждений, которые Иосиф всегда подозревал в односторонности и над которыми, оказавшись в Египте, посмеивался как над сказкой» [6. Т. 2. С. 180].

Постепенно герой, как неоднократно подчеркивается и в романе «Иосиф в Египте», и в романе «Иосиф-кормилец», все в большей степени становится египтянином: «Иосиф все больше превращался в египтянина лицом и манерами, и происходило это с ним легко, быстро и незаметно» [Там же. С. 43–44]; «Иосиф давно уже был египтянином и его плоть, как и его одежда, состояла уже сплошь из египетского материала... присущая этой стране идея осторожности и предусмотрительности глубоко вошла в его душу, где она всегда была и по-другому родной» [9. С. 301].

Уже будучи советником фараона и вторым лицом в государстве, Иосиф женится на Аснат – «чистокровной египтянке» [Там же. С. 468]. В их свадебной церемонии активно используется символика плодородия [Там же. С. 472–473], брачный союз героя с Аснат – это на символическом языке бракосочетание с землей. В силу этого свадьба Иосифа, восходящая к ритуалу «бракосочетания царя с пахотной землей» [17. С. 82], является сакральным актом, который, в свою очередь, утверждает сакральный статус египетской территории.

Суждения Иосифа становятся в очень большой степени суждениями египтянина. Так, убеждая братьев сменить место проживания и переселиться в землю Гошен, Иосиф излагает им следующие аргументы: «Я знаю: Ханаан что-то для вас значит, но в конце концов земля Египетская – это большой мир, а Ханаан – глухой угол, где ни в каком смысле не проживешь» [9. С. 578–579]. В романе «Иосиф-кормилец» не египтяне, а братья героя названы «дикарями» [Там же. С. 520], с чем герой склонен согласиться. (При этом, однако, Иосиф выбирает для Иакова и его потомков некий промежуточный вариант и переселяет их в землю Гошен – «еще не настоящий, еще не заправский Египет» [Там же. С. 599], где они могут жить, «не нанося ущерба своей самобытности» [Там же], т.е. он действует с учетом своего знания ценностных ориентиров отцовской картины мира.)

«Двойной» взгляд Иосифа, называемый Т. Манном «внутренней оговоркой» [6. Т. 2. С. 44], многократно фиксируется повествователем, передающим размышления Иосифа, который, с одной стороны, считал пребывание в Египте своей «второй жизнью» [Там же. С. 42], с другой – «считал себя мертвым, принадлежащим царству мертвых, где он теперь рос» [Там же. С. 48]. Когда Иосиф отвергает любовь жены Потифара Мут-эм-энет, он руководствуется желанием соблюсти «наследственную заповедь чистоты» [Там же. С. 179], и это комментируется в романе «Иосиф в Египте» следующим образом: «При всей своей при-

рожденной открытости миру, проявленной им среди детей ила, у которых он положил себе далеко пойти, Иосиф всегда сохранял некую отчужденность, некую сокровенную сдержанность, прекрасно зная, что, по существу, он не должен быть запанибрата с запретным укладом, и прекрасно в общем-то чувствуя, каково он духа дитя и какого отца сын» [6. Т. 2. С. 179].

Вскоре после прибытия в Египет Иосиф фиксирует свое «промежуточное» положение в нем. С одной стороны, он как человек, хорошо владеющий письмом, способен стать своим в стране, базой которой основан на письменной культуре. Он принимает «имя, которое показывало бы, что он человек здешний» [Там же. Т. 1. С. 595], – Озарсиф. Он быстро приходит к выводу, что наиболее подходящим для него городом этой страны является Менфе (Мемфис), «чьим мертвецам незачем переправляться на другой берег, ибо он и сам уже расположен на западном берегу, этот большой город, полный людей, которые удобопроизносимости ради упрощают его могильное имя» [Там же. С. 601]. То есть Иосиф, попадая в страну мертвецов, берет себе «мертвое» имя и отдает свои предпочтения самому «мертвому» из ее городов – это свидетельствует о принятии им специфики Египта. Он видит «картины веселых, плодородных и священных берегов» [Там же. С. 604] – здесь, «следуя» за героем, повествователь фиксирует появляющуюся в его восприятии положительную оценку жизни Египта.

С другой стороны, Иосиф принимает египетскую картину мира не до конца. В частности, он не разделяет представлений об Уазе (Но-Амуне) как о центре мира: «Он сам <город Уаз> считал себя пупом вселенной – хотя это утверждение казалось Иосифу дерзким, да и вообще было спорным» [Там же. С. 612]. Возможность такого двойного взгляда обусловлена тем, что Иосиф в принципе является «пограничным» героем. В частности, акцентируется внимание на его пограничном положении между жизнью и смертью: «Симпатия – это встреча смерти и жизни: истинная симпатия возникает только тогда, когда чувство смерти уравнивается чувством жизни. <...> Двойное благословение, которое было ему дано, благословение небесное свыше и благословение бездны, лежащей долу, о котором Иаков говорил и на смертном одре... <...> В Иосифе результатом встречи жизни и смерти была та симпатия, которая прежде всего и побудила его испросить у фараона разрешения жить в могильном, радующем игрою ума городе Менфе» [9. С. 460–461]. Сам герой неоднократно сравнивает себя с ключевой фигурой циклических мифов – умирающим и воскресающим богом, который спускается в подземный мир и возвращается оттуда. Именно в таком ключе он воспринимает, например, свою отправку в нижнеегипетскую тюрьму по обвинению Мут-эм-энет: «Сейчас мой путь идет вниз. Но разве путь вниз не почетен и не торжествен, и разве эта бычья лабда не кажется тебе стругом Усира? <...> Кто поручится, что я не услышу запаха травы жизни и не выйду завтра из-за края мира, как грядет жених из своей палаты, сияя так, что у тебя заслезятся глаза?» [Там же. С. 304].

Подобное символическое оформление используют и авторы немецких эмигрантских романов, в первую

очередь Э.М. Ремарк и Л. Фейхтвангер. Их герои-эмигранты, как и Иосиф Т. Манна, являются одновременно живыми и мертвыми. Герой романа Ремарка «Возлюби ближнего своего» Людвиг Керн констатирует: «Я тень, я призрак, в гражданском смысле я мертв. <...> Для Германии мы больше не существуем» [16. С. 209–210]. Роберт Росс («Тени в раю») говорит о себе: «Как немецкий эмигрант я и без того с 1933 года был официально мертв» [18. С. 7]. Владимир Мойков («Земля обетованная») так характеризует русскую эмигрантку – «контессу»: «Она живет в прошлом... Время для нее остановилось с момента русской революции 1917 года. С этого самого момента она мертва; только она об этом не знает» [19. С. 99]. Зал ожидания Комитета помощи беженцам в Праге «переполнен людьми» [16. С. 36], но «кажется пустым» [Там же], так как сидящие там эмигранты – не люди, а «тени» [Там же]. По сравнению с людьми, ведущими легальное существование, эмигранты расположены «ниже» их, занимают более низкое положение на пространственной вертикали. Эмигрант – это «тот, кто плавает под водой» [16. С. 73], эмигрантское сообщество – «подземная бригада» [Там же. С. 279]. Ганс Траутвайн, живя в Париже, также чувствует себя в «мире, который был живым только наполовину» [15. С. 637], а его отец Йозеф видит в эмигрантах «теней, которых ищет Одиссей в царстве Аида» [Там же. С. 263].

Итак, как Иосиф, так и эмигранты – это герои одновременно живые и мертвые, занимающие промежуточное между этими полюсами положение. Для выхода из этого состояния эмигрантам – как и герою Т. Манна – необходимо совершить акт ценностного самоопределения. Условием перехода границы и перемещения в окраинную зону является «настройка» системы ценностей героя в соответствии с инвертированной аксиологией пространства эмиграции. Уже упомянутые Людвиг Керн, Рут Холланд, Ганс Траутвайн не чувствуют себя связанными с покинутой родиной и устремлены к тому, чтобы обрести «свое» место именно на окраине, максимально удаленной от темного мира. Наиболее полно эта тенденция реализуется в образе банкира Танненбаума, который хочет «стать американцем, изменить свое имя и забыть Германию» [19. С. 164] и для этого не только добывается американского гражданства, но и берет себе самую «американскую» фамилию Смит. Противоположным образом ведут себя такие герои, как Анна Траутвайн («Изгнание»), Мартин Корелла («Вулкан» К. Манна) и др. Их мучает ностальгия, и тоска по утраченной родине («Heimweh») не позволяет им перейти границу, чтобы обрести новую родину в одной из окраинных стран.

Наконец, еще одна важная точка сходства произведений Т. Манна, Э.М. Ремарка, Л. Фейхтвангера, К. Манна – это биографический контекст. Все упомянутые произведения созданы или завершены в эмиграции. Такие образцы немецкого эмигрантского романа, как «Изгнание» Л. Фейхтвангера, «Возлюби ближнего своего» Э.М. Ремарка, «Вулкан» К. Манна и др., тематически связаны с актуальными событиями

немецкой и европейской истории (приход к власти национал-социалистов, подготовка и начало Второй мировой войны, массовая эмиграция из Третьего рейха евреев, левых политиков и деятелей культуры). Их связь с биографическими обстоятельствами авторов очевидна.

Томас Манн в послесловии к тетралогии также настаивает на прочтении ее романов в биографическом контексте. Ее замысел, по свидетельству автора, возник еще до эмиграции, в Мюнхене [20. С. 702]. В Послесловии даются следующие сведения: «“Былое Иакова” и последовавший за ним “Юный Иосиф” возникли от начала до конца еще в Германии. Работа над третьим томом, “Иосифом в Египте”, совпала с тем временем, когда мой внешний жизненный уклад претерпел резкую ломку: я отправился тогда в путешествие, но не смог вернуться на родину. <...> Этот третий роман об Иосифе был написан в пору прощания с Германией; четвертый был создан в пору прощания с Европой. “Иосиф-кормилец”, завершивший всю тетралогию, объем которой перевалил за две тысячи страниц, возник от начала до конца под небом Америки, главным образом под ясным небосводом Калифорнии, который чем-то сродни египетским небесам» [Там же. С. 707–709]. Томас Манн подчеркивает «своевременность» [Там же. С. 710] своего произведения, его связь с происходящими в мире событиями, и проведение параллелей между «эмиграцией» евреев из Ханаана в Египет и массовой эмиграцией из Германии 1930-х гг. вполне уместно. Актуальность романной тетралогии Т. Манна подчеркивают как отечественные, так и зарубежные исследователи. В частности, С. фон Рор Скафф называет ее «гуманистическим проектом» и объясняет ее замысел обеспокоенностью Манна событиями, разворачивавшимися в Европе в 1930-е гг. [21. С. 177]. По ее определению, «миф Манна ...историчен» [Там же. С. 178]. Об этом же говорит в своей статье «Роман-миф» Б.Л. Сучков [22. С. 5–6, 21].

Все сказанное позволяет уточнить вопрос о жанровой природе тетралогии «Иосиф и его братья». Она, безусловно, очень многопланова. Б.Л. Сучков определяет ее как роман-миф [Там же]. Того же мнения придерживается Э. Хефтрих: по его определению, «Иосиф и его братья» – это роман, полемически заостренный против вагнерианского мифа, с «анти-Зигфридом» в качестве главного героя [23. С. 283]. С.Ю. Кривенцова предлагает отнести тетралогия Т. Манна к жанру исторического романа [24. С. 10], а В.Н. Пашигорев определяет ее как «антитоталитарный роман воспитания» [25. С. 19]. При этом произведение Томаса Манна является также носителем жанровых черт, присущих немецкому эмигрантскому роману. Написанные на ветхозаветном материале романы тетралогии лишены тематической связи с событиями немецкой истории 1930–1940-х гг., но другие жанровые признаки эмигрантского романа в тетралогии присутствуют. Томас Манн создает в лице Иосифа героя-эмигранта, который перемещается из центра на окраину мира и вынужден в связи с этим совершать акт ценностного самоопределения, выбор пространственно-специфичных ценностных ориентиров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саруханян А.П. Новое мифотворчество: У.Б. Йейтс и Дж. Джойс // *Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века*. М., 2002. С. 284–304.
2. Можаяева А.Б. Миф в литературе XX века: структура и смыслы // *Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века*. М., 2002. С. 305–330.
3. Манн Т. Пролог. Сошествие в ад // Манн Т. Иосиф и его братья. М., 1987. Т. 1. С. 29–64.
4. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. 312 с.
5. Манн Т. Былое Иакова // Манн Т. Иосиф и его братья. М., 1987. Т. 1. С. 65–316.
6. Манн Т. Иосиф в Египте // Манн Т. Иосиф и его братья. М., 1987. Т. 1. С. 525–713; Т. 2. М., 1991. С. 3–284.
7. Манн Т. Юный Иосиф // Манн Т. Иосиф и его братья. М., 1987. Т. 1. С. 317–524.
8. Михайлов В.В. Концепция Библии в романе Т. Манна «Иосиф и его братья» // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Сер. Филология. 2001. Вып. 1 (3). С. 125–130.
9. Манн Т. Иосиф-кормилец // Манн Т. Иосиф и его братья. М., 1991. Т. 2. С. 285–701.
10. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Вост. лит., 2000. 408 с.
11. Тмарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы: учеб. пособие: в 2 т. М.: Академия, 2004.
12. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
13. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 121–290.
14. Поршнева А.С. Мир эмиграции в немецком эмигрантском романе 1930–1970-х годов (Э.М. Ремарк, Л. Фейхтвангер, К. Манн). Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2014. 306 с.
15. Feuchtwanger L. Exil. Berlin: Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1976. 794 s.
16. Remarque E.M. Liebe deinen Nächsten. Wien; München; Basel: Verlag Kurt Desch, 1956. 320 s.
17. Альбедиль М.Ф. В магическом круге мифов. Миф. История. Жизнь. СПб.: Паритет, 2002. 336 с.
18. Remarque E.M. Schatten im Paradies. Stuttgart; Hamburg; München: Deutscher Bücherbund Stuttgart, 1971. 480 s.
19. Remarque E.M. Das gelobte Land. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1998. 442 s.
20. Манн Т. Иосиф и его братья. Доклад // Манн Т. Иосиф и его братья. М., 1991. Т. 2. С. 702–715.
21. Rohr Scaff S. von. The dialectic of myth and history: Revision of archetype in Thomas Mann's Joseph novels // *Monatshefte für dt. Unterricht, dt. Sprache u. Literatur*. Madison, 1990. Vol. 82, № 2. P. 177–193.
22. Сучков Б.Л. Роман-миф // Манн Т. Иосиф и его братья. М., 1987. Т. 1. С. 3–26.
23. Heftrich E. Richard Wagner in Thomas Manns Josephs-Tetralogie // *Literaturwissenschaftliches Jahrbuch*. B., 1994. Bd. 35 (1994). S. 275–290.
24. Кривенцова С.Ю. Контрапункт в историко-теоретических воззрениях Генриха Манна и Томаса Манна: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград: [б.и.], 2009. 26 с.
25. Пашигорев В.Н. Роман воспитания в немецкой литературе XVIII–XX веков. Генезис и эволюция: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: [б.и.], 2005. 33 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 5 ноября 2016 г.

THOMAS MANN'S *JOSEPH AND HIS BROTHERS* IN THE CONTEXT OF THE GERMAN EXILE NOVEL

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 20–28.

DOI: 10.17223/15617793/414/3

Alisa S. Porshneva, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: alise-porshneva@yandex.ru

Keywords: exile; exile novel; Thomas Mann; space; plot; typology of characters; genre.

Data for study for the paper is Thomas Mann's tetralogy *Joseph and His Brothers* finished in the American exile in 1943. T. Mann's work is considered to belong to different genres, namely myth novel, historical novel, anti-totalitarian Bildungsroman. In the paper it is compared with the main examples of German exile novel created by exile writers E.M. Remarque, L. Feuchtwanger, K. Mann. The exile novel is a genre where space organization plays an extraordinary important role. Two main kinds of space worldview presented in *Joseph* novels are considered in the article. The bearers of the first one are Jacob and his relatives and the bearers of the second one are Egyptians. The sacred centre of Jacob's world is the Luz hill, and Canaan is considered to be a sacral territory. Secular territories are located around it. As for Egypt, it is outskirts having the same axiological meaning as the underworld. Egyptians' worldview is an axiological inverse of Jacob's one because they accept Egypt as a sacral territory and Canaan as a barbarian country. The authors of the German exile novel also simulate two worldviews which are axiologically opposite. The author refers to them as "Nazi space" and "exile space" because their bearers are Nazi characters and emigrant characters respectively. Yuri Lotman offered such a criterion for constructing the typology of literary characters as their relation to space. Using this criterion in studying the German exile novel enables to define Nazi and emigrant characters as bearers of opposite worldviews and to analyze the situation of choice appearing in every emigrant's life. Emigrants can either accept the axiology of the exile space where the central zone is a "dark" world and outskirts is a sacral rational territory or suffer from being far from their motherland. Emigrant characters from the first group start a new life in one of the outskirts countries while characters from the second group mostly die. A similar self-determination act must be held by Th. Mann's Joseph who accepts Egypt as "his" country and sacral territory. Joseph's moving to outskirts is shown as a symbolic death and a new birth; the same can be found in E.M. Remarque's, L. Feuchtwanger's and K. Mann's exile novels. That is why Th. Mann's Joseph can be defined as an emigrant character and *Joseph and His Brothers* as belonging to the genre periphery of the German exile novel. The tetralogy novels are not thematically related to the events of the 1930s–1940s. But they were a reaction to these events, being created as a "humanistic project". Though Th. Mann used an Old Testament plot he documented the emigrant view in his work, a bearer of which he also was.

REFERENCES

1. Sarukhanyan, A.P. (2002) Novoe mifotvorchestvo: U.B. Yeyts i Dzh. Dzhoys [New mythmaking: Yeats and Joyce]. In: Bazilevskiy, A.B. et al. (eds) *Khudozhestvennye orientiry zarubezhnoy literatury XX veka* [Art landmarks of foreign literature of the twentieth century]. Moscow: IWL RAS.
2. Mozhaeva, A.B. (2002) Mif v literature XX veka: struktura i smysly [Myth in literature of the twentieth century: the structure and meanings]. In: Bazilevskiy, A.B. et al. (eds) *Khudozhestvennye orientiry zarubezhnoy literatury XX veka* [Art landmarks of foreign literature of the twentieth century]. Moscow: IWL RAS.

3. Mann, T. (1987) Prolog. Soshestvie v ad [Prologue. Descent into Hell]. In: Mann, T. *Iosifi ego brat'ya* [Joseph and His Brothers]. Translated from German by S. Apt. Vol. 1. Moscow: Pravda.
4. Biedermann, H. (1996) *Entsiklopediya simvolov* [Dictionary of symbolism]. Translated from German. Moscow: Respublika.
5. Mann, T. (1987) Byloe Iakova [The stories of Jacob]. In: Mann, T. *Iosifi ego brat'ya* [Joseph and His Brothers]. Translated from German by S. Apt. Vol. 1. Moscow: Pravda.
6. Mann, T. (1987) Iosif v Egipte [Joseph in Egypt]. In: Mann, T. *Iosifi ego brat'ya* [Joseph and His Brothers]. Translated from German by S. Apt. Vol. 1. Moscow: Pravda.
7. Mann, T. (1987) Yuny Iosif [Young Joseph]. In: Mann, T. *Iosifi ego brat'ya* [Joseph and His Brothers]. Translated from German by S. Apt. Vol. 1. Moscow: Pravda.
8. Mikhaylov, V.V. (2001) Kontseptsiya Biblii v romane T. Manna "Iosif i ego brat'ya" [The concept of the Bible in Mann's Joseph and His Brothers]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Ser. Filologiya – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Philology*. 1 (3). pp. 125–130.
9. Mann, T. (1991) Iosif-kormilets [Joseph the breadwinner]. In: Mann, T. *Iosifi ego brat'ya* [Joseph and His Brothers]. Translated from German by S. Apt. Vol. 2. Moscow: Pravda.
10. Meletinskiy, E.M. (2000) *Poetika mifa* [The poetics of myth]. Moscow: Vostochnaya literatura.
11. Tamarchenko, N.D., Tyupa, V.I. & Broymann, S.N. (2004) *Teoriya literatury: ucheb. posobie: v 2 t.* [Theory of literature: Textbook: in 2 vols]. Moscow: Akademiya.
12. Propp, V.Ya. (2000) *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [The historical roots of the fairy tale]. Moscow: Labirint.
13. Bakhtin, M.M. (1986) Formy vremeni i khronotopa v romane: Ocherki po istoricheskoy poetike [Forms of time and chronotope in the novel: Essays on the historical poetics]. In: Bakhtin, M.M. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [The literary-critical articles]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
14. Porshneva, A.S. (2014) *Mir emigratsii v nemetskom emigrantskom romane 1930–1970-kh godov (E.M. Remark, L. Feykhtvanger, K. Mann)* [The world of emigration in the German exile novel of the 1930s–1970s (Remarque, Feuchtwanger, Mann)]. Ekaterinburg: UMTs UPI.
15. Feuchtwanger, L. (1976) *Exil* [Exile]. Berlin: Aufbau-Verlag Berlin und Weimar.
16. Remarque, E.M. (1956) *Liebe deinen Nächsten* [Love your next]. Wien; München; Basel: Verlag Kurt Desch.
17. Al'bedil', M.F. (2002) *V magicheskom krughe mifov. Mif. Istoriya. Zhizn'* [The magic circle of myths. Myth. History. Life]. St. Petersburg: Paritet.
18. Remarque, E.M. (1971) *Schatten im Paradies* [Shadows in paradise]. Stuttgart; Hamburg; München: Deutscher Bücherbund Stuttgart.
19. Remarque, E.M. (1998) *Das gelobte Land* [The promised land]. Köln: Kiepenheuer & Witsch.
20. Mann, T. (1991) Iosif i ego brat'ya. Doklad [Joseph and His Brothers. Report]. In: Mann, T. *Iosifi ego brat'ya* [Joseph and His Brothers]. Translated from German by S. Apt. Vol. 2. Moscow: Pravda.
21. Rohr Scaff, S. von. (1990) The dialectic of myth and history: Revision of archetype in Thomas Mann's Joseph novels. *Monatshefte für dt. Unterricht, dt. Sprache u. Literatur*. 82:2. pp. 177–193.
22. Suchkov, B.L. (1987) Roman-mif [The myth novel]. In: Mann, T. *Iosifi ego brat'ya* [Joseph and His Brothers]. Translated from German by S. Apt. Vol. 1. Moscow: Pravda.
23. Heftrich, E. (1994) Richard Wagner in Thomas Manns Josephtetralogie [Richard Wagner in Thomas Mann's Joseph tetralogy]. *Literaturwissenschaftliches Jahrbuch*. 35. pp. 275–290.
24. Kriventsova, S.Yu. (2009) *Kontrapunkt v istoriko-teoreticheskikh vozzreniyakh Genrikha Manna i Tomasa Manna* [The counterpoint in the historical and theoretical views of Heinrich Mann and Thomas Mann]. Abstract of History Cand. Diss. Volgograd.
25. Pashigorev, V.N. (2005) *Roman vospitaniya v nemetskoj literature XVIII–XX vekov. Genezis i evolyutsiya* [The education novel in the German literature of the 18th–20th centuries. Genesis and evolution]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.

Received: 05 November 2016

ПОЛЕМИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СОЧИНЕНИЙ Л.Н. ТОЛСТОГО И А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА В ПОЭМЕ ДАВИДА САМОЙЛОВА «СТРУФИАН»

Анализируется связь проблематики и поэтики поэмы Д. Самойлова «Струфиан» (1974) с сочинениями Л.Н. Толстого и А.И. Солженицына. Обращаясь к сюжету, использованному Толстым в «Посмертных записках старца Федора Кузмича» (1905), Самойлов поднимает два принципиально значимых вопроса: во-первых, об исторической ответственности правителя (линия Александра I), во-вторых, о жизнеучительстве и социальном утопизме (линия Фёдора). Уход Александра I мыслится Самойловым не как следствие духовного прозрения, а как счастливая случайность, сопряженная с моральной безответственностью. Poleмика с идеями А.И. Солженицына не исчерпывается памфлетным переложением «Письма вождям Советского Союза» в трактате Федора, ведется и спор с «Августом Четырнадцатого» (первая редакция, 1971).

Ключевые слова: Д. Самойлов; А. Солженицын; Л. Толстой; «Струфиан»; «Фарс о Клопове»; «Красное Колесо»; «Август Четырнадцатого»; «Посмертные записки старца Фёдора Кузмича».

Дневники, переписка и публицистика Д. Самойлова свидетельствуют об устойчивом интересе поэта к нескольким «идеологическим» сюжетам: роль писателя-проповедника; уход властителя (иногда – накануне важных исторических событий); личный путь к свободе, предполагающий отказ от привычной мирской жизни.

Л.Н. Толстой и А.И. Солженицын – ключевые фигуры при попытках художественного воплощения перечисленных «интеллектуальных сюжетов» в ряде сочинений поэта, в том числе в поэме («недостоверной повести») «Струфиан» (1974), где сходятся все три линии. «Струфиан», как известно, содержит иронические отсылки к «Письму вождям Советского Союза» (1973) Солженицына и «Посмертным запискам старца Фёдора Кузмича» (1905) Толстого. Эти пересечения позволяют зафиксировать сложный диалог Самойлова с Толстым и Солженицыным.

Переписка с Л.К. Чуковской и ряд дневниковых записей позволяют утверждать, что Самойлов понимал: в «Благодатном намеренье об исправленье...» Федора Кузмича¹ современники видят пародию на «Письмо вождям...». 26 ноября 1974 г. Самойлов записывает: «Дописал “Струфиан” и читал его несколько раз – <Е.Л.> Храмову, вечером Л.К. <Чуковской> Первая ее мысль – не печатать. Потом объективность поборола любовь к А <Александру> И <Асаевичу>» [1. Т. 2. С. 82]; 11 ноября 1975 года пишет о реакции Чуковской на «Снегопад»: «Я же, написав “Струфиан” (который тоже ей не понравился, но по другим причинам – из-за Исаича), чувствовал себя в тупике» [Там же. С. 91]. Сам Солженицын определенно и довольно желчно укажет на связь «Струфиана» с «Письмом вождям...»:

«Итак: всю жизнь, в жажде покоя, остерегался Самойлов печатать стихи с общественным звучанием. Но однажды всё-таки не уберёгся, заманчиво – и стезя общественного поэта, и неопасно: ударить по Письму вождям Солженицына: “Дабы России не остаться / Без колеса и хомута, / Необходимо наше царство / В глухие увести места – / В Сибирь, на Север, на Восток...”. Ну, и собрал сколько-то благожелательных хихиканий среди московских образованцев – впрочем, не единомышленников» [2. С. 175].

Ср. также: Давиду очень понравилось переданное мной «мо» Гершуни²: «“Достал “День поэзии” <М., 1975>?” – “А что там?” – “Самойлов, “Письмо во-

ждям”» [3. С. 24]. Реакция читателей была адекватна замыслу поэта³. В письме к Л.К. Чуковской Самойлов, в частности, писал, цитируя строки из «Струфиана»:

«Можно ли накладывать табу на проблему столь жгучую, как проповедь А.И.? Ведь эта проповедь, учитывая его авторитет, одно из важнейших “намерений об исправленье Империи Российской”. Как же избежать разговора об этом “проекте”? И можно ли жить, не оценивая его, прежде всего с нравственной стороны» (14 декабря 1975 г.) [9. С. 37].

В трактате Кузмича действительно можно найти аналоги положениям письма: подобно Солженицыну, Федор Кузмич видит в западном влиянии опасность для «русского смысла» [10. С. 114] (ср. у Солженицына: «Мы и так слишком долго и слишком верно шли за западной технологией» [5. С. 22]), предлагает увести царство в «Сибирь, на Север, на Восток» [Там же]. (Ср.: «И в том – русская надежда на выигрыш времени и выигрыш спасения: на наших широченных северо-восточных земельных просторах, по нашей же неповоротливости четырех веков еще не обезображенных нашими ошибками <...> Эти пространства дают нам надежду не погубить Россию в кризисе западной цивилизации» [Там же. С. 24].) Прежняя идеология, по мнению Фёдора, никуда не годится, ее главный порок – замах на решение глобальных проблем; Кузмич призывает к духовному обновлению общества через восстановление веры. Здесь иронически передаются идеи «Письма вождям...», особенно разделов «5. Развитие внутреннее, а не внешнее» и «6. Идеология».

Пolemика Самойлова с Солженицыным и «толстовский» сюжет «Струфиана» дополняют друг друга. Дважды возникающее в поэме в связи с Фёдором (ставшим в Сибири «старцем») имя Толстого³ ясно указывает на неоконченные «Посмертные Записки старца Федора Кузмича» (1905) как на текст, при свете которого следует читать «недостоверную повесть». Чтобы понять причину обращения Самойлова к Толстому, важно представить специфику отношения к личности и общественной роли Солженицына накануне создания поэмы.

Как отмечает Г.И. Медведева, «Солженицын интересовал Д.С. пристально, пожалуй, как никто из современников. Ведь именно Александру Исаевичу в глухую пору безгласности выпало стать сосредото-

ем и эпицентром политических, социальных и метафизических страстей» [6. С. 694]. Здесь же отмечается, что полемика в поэме «Струфиан» не первая попытка Самойлова вступить в диалог с идеями Солженицына, соположить их с собственными размышлениями. В начале 1970-х гг., вскоре после выхода в свет «Августа Четырнадцатого», Самойлов начал набрасывать «Вопросы» – текст, в котором формулирует свои возражения Солженицыну, вступает в заочный диалог о ряде ключевых философских проблем, поднятых в эпопее. «Вопросы» так и не будут закончены, тем не менее, слухи о работе Самойлова дойдут до автора. Солженицын предложит вынести дискуссию в самиздат, но Самойлов ответит отказом. Несмотря на уход от публичной дискуссии, уяснение собственных позиций по тому кругу идей, который очертил автор в ту пору еще строящегося «Красного Колеса», оставалось для Самойлова актуальным.

Самойлов пристально следил за публикациями художественных и публицистических текстов современника, зачастую записывал свои впечатления в дневнике. Поэт замечает и оценивает как публицистическую, так и художественную составляющую творчества Солженицына, размышляет над их соразмерностью (см. записи в дневнике от 5 марта 1968 г., 16 ноября 1969 г., 20 декабря 1969 г. [1. Т. 2. С. 36, 48]). Для Самойлова Солженицын – не только писатель и публицист, но и представитель определенного типа личности, который интересует его и с философской, и с художественной точки зрения. Примерно в это же время Самойлов задумывает сочинение, которое позднее станет пьесой «Фарс о Клопове, или Гарун аль Рашид»⁴, в центр которой ставит проблему частного человека, открывающего глаза властителю и дающего ему благие советы.

Интерес к фигуре титулярного советника Анатолия Алексеевича Клопова (1841–1927), одержимого идеей исправления империи, Самойлов испытывал с начала 60-х. Клопов с 1898 до 1917 г. находился в переписке с императором Николаем II, сообщая ему свои наблюдения о жизни в столице и провинции и обусловленные ими предложения об исправлении государства. В Клопове Самойлов увидел не только примечательного исторического персонажа, но и типический характер. В дневниковых записях «клоповщина» становится именем нарицательным, используется как синоним мечтательности, идеализма, веры в возможность инициировать словом социальные изменения. Показательно, что имя Солженицына появляется рядом с размышлениями об этом явлении наряду с именем Толстого. Напомним приводившуюся частично выше запись от 1–3 марта 1974 г.: «Солженицын продолжает играть председателя земшара. Он написал свой план переустройства России и отправил его правительству. Вечная “клоповщина”» [Там же. С. 73]. Несколько днями позже, 9 марта, Самойлов вновь рассуждает о «клоповщине»:

«В России великий гражданин обязательно – ругатель. А чтобы ругательство его было услышано, должен и ругать на уровне ругаемых. Кто кого переплюнет. Хуже всего, когда такой герой выступает с положительной программой, да еще и посылает ее ругае-

мым. Тут и лезет “клоповщина”. “Клопова” надо писать в виде повести. Теперь все ясно» [1. С. 74].

Упоминание «клоповщины» и «идеализма» возникает и в связи с другим опытом чтения, немного более ранним. 15 февраля 1971 г.: «Письмо Льва Толстого Николаю II (в “Былом”)». Даже в Толстом “клоповщина”. “Клоповщина” – явление не русского рабства, а русского идеализма. Вот смысл пьесы. Я это чувствовал, но не формулировал так точно» [Там же. С. 50]. При этом Л.К. Чуковской, увидевшей в «Клопове» аллюзию на Солженицына, Самойлов пишет, что его корреспондентка «не так поняла пьесу»:

«Его я не собирался трогать. Тогда я тронул и Льва Николаевича, писавшего Александру III и Николаю II. Я писал о клоповщине, чисто русском явлении, о той вере, что они не знают, а им можно что-то объяснить. И удачливый пример Клопова доказывает, что объяснить ничего нельзя, что история идет своим путем, что поезд тронется и раздавит всех действующих лиц. Пьеса безнадежная» [9. С. 176]⁵.

Толстой и Солженицын для Самойлова были представителями одного типа: великие писатели, последовательно занимавшиеся жизнеучительством (т.е. зараженные «клоповщиной»). Это объясняет логику включения пародийного переложения «Письма вождям Советского Союза» в сюжет, уже использованный Толстым. Самойлов решает несколько задач. Он показывает, что расслышал толстовские «ноты» письма Солженицына, по композиции и интонации близкого толстовскому обращению к Николаю II. В то же время Самойлов напоминает об одной из идей «Посмертных записок...»: люди, находящиеся у власти, потому творят незаконные, что сами находятся под властью греха и безумия. Раскаяние в прежнем, внутренний переворот, по Толстому, могут подвигнуть властителя на уход, отказ от власти. Самойлов, по всей видимости, не верил в возможность того, что власть изменится «изнутри», поэтому предлагает такую интерпретацию легенды, где властитель не переживает нравственный переворот. Если в предыстории русского идеалиста-советодателя Федора Кузьмича читатель может увидеть динамику характера, то Александра I представлен нам абсолютно статичным. Инициатива изменений сначала идет от «советодателя», который несет властителю свой «проект». А затем – от НЛЮ, которое, помимо воли действующих лиц, снимает с Александра I необходимость принимать решение. Тем самым Самойлов вместо истории нравственного переворота предлагает читателю скептическую концепцию отношений власти и советодателя. Сомнения и раздумья об уходе самоейловского Александра I не следствие перелома характера, а реакция на изменения политической и общественной обстановки:

Уход от власти – страшный шаг.
В России трудны перемены
И небывалые измены
Сужают душно свой кушак

[10. С. 112].

Как было замечено, «там, где герой Толстого совершает нравственный выбор, одноименный герой Самойлова получает чудесный подарок» [11. С. 419].

Подарок этот значим лишь для государя: «...история не кончится, а оставшиеся здесь будут мучиться старыми и новыми проблемами, в том числе тобой (и твоим уходом) накликаемыми (вроде едва не разразившейся в декабре 1825 года и тогда дорогой ценой остановленной гражданской войны)».

Возможно, что «актуальный» контекст «Струфиана» не ограничивается отсылкой к «Письму вождям». На это указывает запись от 4 апреля 1974 г. Отмечая возобновление работы над поэмой после десятилетнего перерыва, Самойлов упоминает и о работе над статьей о Солженицыне: «О смерти Александра I (его похищают НЛЮ!) (рассказ, повесть?) <...> О Солженице, об отъездах (памфлеты)» [1. Т. 2. С. 76].

Обратим внимание на два взаимосвязанных факта. В линии Александра I, которая, следуя логики записи, выдвигается на этом этапе как центральная, Самойлов обращается к теме ответственности правителя перед народом, отсутствующей в «Посмертных записках...». В 9-й главке поэмы говорится о готовящемся восстании декабристов – это прямое указание на катаклизмы, поджидающие оставленное отечество. В статье о Солженицыне, опубликованной в 1991 г., но составленной и дополнявшейся с 1971 г., Самойлов также поднимает тему ответственности правителя перед народом и не соглашается с позицией Солженицына, «прощающего» самовольный уход из жизни генерала Самсонова⁶. Весьма возможно, что работа над поэмой, для которой была важна полемика с «Письмом вождям...», актуализировала круг вопросов, волновавших Самойлова в связи с «Августом Четырнадцатого». Таким образом, Самойлов в «Струфиане» ведет не только актуальный спор о «советодательстве» (в линии старца), но и продолжает отложенный, но не менее волнующий разговор о «правителе» (в линии императора).

Не менее интересна связь между поэмой и статьей «об отъездах». В записях Самойлова то и дело звучат размышления о вольных и невольных эмигрантах. 24 марта 1974 г.:

«Рассказывали о выдворении Викт. Некрасова, о заявлениях Литвинова и прочих. Спасая себя, делают вид, что спасают нас». 31 марта: «Приходил Юлик [Даниэль]. Рассказывал об отъездах семьи Солж. И Шрагина.

Я: «Отношение к этому эмоциональное».

Он: «У меня чисто эмоциональное».

Я: «Не пора ли выработать отношение аналитическое?»

Я говорил, что мы не знаем общества, в котором живем» [Там же. С. 75].

Важно подчеркнуть, что отношение Самойлова к изгнанникам и тем, кто сам добивался отъезда, было принципиально разным. Первым он сочувствовал, понимая, что расставание с родиной приносит страдание (среди них был Солженицын); мотивы вторых не принимал. В эссе «Копелев об эмиграции» и «Об отъездах» Самойлов размышлял, в частности, об ответственности интеллигенции перед оставленной страной.

Пишут, дескать, Царство Божие внутри нас, а потому «покидать Россию или не покидать решается почти на бытовом уровне – в зависимости от личного долга перед близкими тебе. Если есть хоть собачка,

которой ты нужен и увезти которую не можешь, оставайся. Если нет живой души, которой необходимо исключительно твоё присутствие в России, беги из мертвецкой скуки». «А народ – это не “живая душа”? А культура – хуже собаки? Писать так – значит чувствовать долг перед мирком, а не миром. Где же Царство Божие?» («Об отъездах») [15. С. 578]⁷.

Добавим, что в 1972 г. эмигрировал человек, с чьим именем связаны первые подступы к сюжету «Струфиана», – И.А. Бродский. В дневнике от 27 февраля 1964 г. находим слова сочувствия затравленному поэту и рядом с ними – замысел фантастической истории: «Придумал рассказ о похищении Александра I марсианами – в духе Всеволода Иванова. Тяжко из-за Бродского» [1. Т. 1. С. 353]. 18 марта 1964 г.: «Приходила жена ленинградского поэта Друскина. Рассказывала о суде над Бродским. Типичный российский суд хамства и самовласти над поэтом. Бродский держался с достоинством» [Там же. С. 354]. В следующей записи, от 3 апреля, Самойлов размышляет о путях исторического развития: людей, верящих в развитие через нравственное изменение, он противопоставляет революционерам, «верившим, что искусственно, “сверху”, путем совершенствования власти можно сделать человечество счастливым». Далее поэт пишет:

«Два человека сумели в России преодолеть страх и видеть будущее – это Толстой и Блок. Первый раньше всех увидел нравственный пути спасения. Второй, предвидя катастрофы, умел быть бесстрашен перед народной стихией, чувствовал ее нравственные основания и был глубже революционеров в том, что, в отличие от них, не верил в конструктивные возможности любого государства» [Там же. С. 355]⁸.

Контекст дневниковых записей позволяет предположить, что, по крайней мере, на первом этапе Самойлов был в большей мере увлечен сюжетом исчезновения или ухода накануне исторических событий и, одновременно, нравственного самосовершенствования, противопоставления революционного (внешнего) и нравственного (внутреннего) пути, чем сюжетом «жизнеучительства». «Струфиан» предполагает три «конкурирующих» интерпретации: Александр похищен НЛЮ насильно, вследствие рокового стечения обстоятельств; Александр добровольно улетает на летающей тарелке; похищен Фёдор, а Александр (вступив в не описанный сговор с генералом Дибичем) скрывается и оказывается в Сибири. На последний вариант намекают строки «Подозревали в нем царя, / Что бросил царские чертоги...» [10. С. 118]. У этого варианта есть логическое продолжение: история про летающий объект записана (или выдумана?) Александром (ставшим старцем Фёдором). Подзаголовок «недоверенная повесть» при этом можно читать не только как намек на шутливый характер поэмы, но и как указание на недоверенность «расшифрованного» «одним знакомым программистом» послания. Несмотря на то что третий сценарий и его развитие кажутся не самым вероятным, открытость для интерпретаций – принципиально важная особенность поэмы. Так автор нивелирует разницу между добровольным и вынужденным «уходами», избегает прямой оценки поступка Александра.

Резюмируем сделанные наблюдения. Знакомство с контекстом создания поэмы помогает понять, что публицистический посыл повести не исчерпывается полемикой с «Письмом вождям...». «Струфиан», с одной стороны, обращен к широкому кругу солженицынских взглядов, выраженных в том числе и в «Августе Четырнадцатого». Самойлов видит в Солженицыне наследника толстовских традиций – не только публицистических, но и художественных⁹.

С другой стороны, немаловажным оказывается контекст эмиграции, вынужденной и добровольной: утопический проект, по Самойлову, не находит приложения не только из-за своего содержания, но и потому, что отсутствует деятель, который мог бы взять на себя ответственность за изменения. Оставляя недоговоренной ситуацию исчезновения, Самойлов смещает акцент с причин сложившегося положения на его возможные последствия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Написание имени старца варьируется: Толстой писал отчество своего героя без мягкого знака (Кузмич), Д. Самойлов – с мягким знаком (Кузьмич).

² Владимир Львович Гершуни (1930–1994) – поэт, диссидент.

³ В записи от 1–3 марта 1974 г., где Самойлов излагает свое отношение к сочинению Солженицына, поэт называет «Письмо вождям...» «планом переустройства России» и дает ему характеристику: «вечная клоповщина», т.е. осмысляет его через историческую призму.

⁴ Во второй главе: «В одной заимке возле Томска / Жил некий старец непростой, / Федором он прозывался. / Лев Николаевич Толстой / Весьма им интересовался»; В восьмой: «А что Кузьмин? Куда девался / Истории свидетель той, / Которым интересовался / Лев Николаевич Толстой?» [10. С. 110–111, 118].

⁵ Первые записи, связанные с замыслом этого сочинения, относятся к зиме 1963 г., но только пять лет спустя, в 1968 г., Самойлов находит необходимую интонацию и приступает к активной работе. Пьеса будет завершена зимой 1981 г. (об этом свидетельствует дневниковая запись от 21 февраля: «Окончил “Клопова!”» [1. Т. 2. С. 154]. В письме к Л.К. Чуковской, датированном мартом 1981 г., пишет: «Уже, кажется, писал Вам, что закончил (совсем) пьесу. И сразу уже начал ее снова перепечатывать, внося разные правки. Надеюсь в конце марта прочитать пьесу Вам. Называется она “Фарс о Клопове, или Гарун аль Рашид”. Название – хотя сейчас на афишу. Но на это надеюсь слабо» [9. С. 161]). В 1981 г. Самойлов читает «Клопова» московским и ленинградским знакомым, фиксирует в дневнике их реакции (28 марта, 10, 20, 26 апреля, 26, 29 июня, 5, 14 июля, 13, 27 августа, 9, 18 сентября [1. Т. 2. С. 155–157, 159–160, 162–163]). Пьеса была принята неплохо, но, видимо, поэт рассчитывал на большее: «Мой замысел не понят... Нужен театр!» (5 июля 1981 г.) [Там же. С. 159]. В 1981 г. пьесу прочли Г.А. Товстоногов и Ю.П. Любимов, в 1985-м – А.В. Эфрос. Однако «Фарс...» так и не был поставлен. Опубликована пьеса была уже после кончины автора (см.: [7, 8]).

⁶ Чуковская не приняла замысел и после разъяснения Самойлова. 14 сентября 1981 г. она отвечает: «Вы утверждаете, что объяснить что-нибудь им, т.е. царям, гонителям – зряшное дело. Вы неправы <...> Ни Герценовские обращения к Александру II, ни Толстовские и Соловьевские – к Александру III – вовсе не были бесполезны, хотя в ту минуту никого не спасли. Они спасают и очищают души тех, кто писал их (это очень важно), и тех, кто читает их *теперь*, да неизвестно и когда может проснуться душа адресата» [1. Т. 2. С. 178].

⁷ В «Августе Четырнадцатого» автор зримо выражает сочувствие генералу Самсонову, объективно виновному в катастрофе, постигшей его армию. Самоубийство Самсонова для Солженицына – поступок трагически вынужденный, но отнюдь не дискредитирующий генерала. В этой связи Самойлов писал: «Вполне современный вариант христианства, без подвига самопожертвования, без сострадания, без любви. Вариант христианства фадеевского, а не толстовского. Фадеев ведь тоже в момент самоубийства сопричастился богу. И значит, мирской подвиг самоубийства из раскаяния или от страха перед судом человеческим есть подвиг, угодный богу? И вина перед людьми, вина нелюбви, незаботы, неспасения, небережения людей искупается нелюбовью к собственному физическому существованию? Достаточно ли одной предсмертной молитвы для искупления пролитой крови? Уж слишком легким было бы искупление, слишком проста амнистия» [15. С. 524]. Допустимо предположить, что эпизод предсмертной молитвы в «Августе Четырнадцатого» (Самсонов обращается к единственной видящейся звездочке) полемически отражен в «Струфиане»: в кульминации поэмы Александр и Федор видят странную звезду, оказавшуюся «НЛО», что круто изменяет их судьбы.

⁸ Оппонент Самойлова до сих пор, кажется, не указанный – Лев Лосев. Самойлов цитирует эссе «После молчания». Эссе было напечатано в № 8–9 «Континента» за 1976 г. и вошло в книгу «Закрытый распределитель» (Эрмитаж, 1984). Здесь Лосев разворачивает несколько идей: равенства людей и условности всяческих социальных и национальных атрибутов.

Самые отважные об этом заговорили, но даже и они сбиваются на рецепты, как всем скопом в Царство Божие войти. Но ведь сказано, что Оно внутри нас». «И нет данной родины – разве только, как в анкетах пишут, М. Р. (место рождения) – если мы сквозь душу свою к ней не пробьемся». Автор, тем самым, оправдывает отъезды:

«В свете этого мужественного и честного самосознания вопрос, покидать Россию или не покидать, решается почти на бытовом уровне – в зависимости от личного долга перед близкими тебе. Если есть хотя бы собака, которой ты нужен и увести которую с собой ты не можешь, оставайся. Если нет живой души, которой необходимо исключительно твое присутствие в России, беги из мертвецкой скуки. А если ты еще можешь спасти из лжи и несвободы кого-то из близких, тем вернее – беги! Прямая возможность бегства за рубеж – счастливая возможность для немногих удачливых. Но есть иные, трудные возможности бегства внутри России, внутреннего отшельничества» [17. С. 448–449].

⁹ Сопоставляя писателей, Самойлов, конечно, отмечал и сходство, и различия. В частности, критикуя «Август Четырнадцатого», Самойлов писал: «В романе, сопоставляемом с “Войной и миром”, нет телесного, органического начала личности, начала, у Толстого оваянного духовностью, где страдание родов, смерти, боли одухотворено и выравнено духовным началом любви. Телесное начало Толстого заменено мужицким сексом, разлитым в романе, – сексуальностью без любви и уважения к женщине, однообразно проявляемой в разных персонажах. Это если и “Война и мир”, то мужицкое, без ленинского “перехода на позиции”, а исконно с мужицких позиций» [15. С. 534–535].

ЛИТЕРАТУРА

1. Самойлов Д.С. Поденные записи : в 2 т. М. : Время, 2002.
2. Солженицын А.И. Давид Самойлов // Новый Мир. 2003. № 6. С. 171–178.
3. Харитонов М. Стенография конца века: Из дневниковых записей. М. : Новое литературное обозрение, 2002.
4. Самойлов. Д. Счастье ремесла: Избранные стихотворения. М. : Время, 2010.
5. Солженицын А.И. Письмо вождям Советского Союза. Париж : YMCA-PRESS, 1974.
6. Медведева Г.И. О составе // Самойлов Д.С. Памятные записки. М. : Время, 2014.
7. Петрополь. Альманах. Санкт-Петербург, 1992 / публикация Г. Медведевой.
8. Самойлов Давид. Над балаганом – небо: Поэзия и театр. М. : Текст, 2015.
9. Самойлов Д., Чуковская Л. Переписка: 1971–1990. М. : Новое литературное обозрение, 2004.
10. Самойлов Д.С. Поэмы. М. : Время, 2005.
11. Немзер А.С. Поэмы Давида Самойлова // Самойлов Д.С. Поэмы. М. : Время, 2005. С. 419.

12. Солженицын А.И. Собрание сочинений : в 30 т. М. : Время, 2014. Т. 7.
13. Солженицын А.И. Август Четырнадцатого. Узел I. Париж : YMCA- PRESS, 1971.
14. Толстой Л.Н. Собрание сочинений : в 22 т. М.: Худ. лит., 1978–1985.
15. Самойлов Д.С. Памятные записки. М. : Время, 2014.
16. Самойлов Д.С. Избранное. М. : Худ. лит., 1980.
17. Лосев Л. Собрание: Стихи. Проза. Екатеринбург : У-Фактория, 2000.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 декабря 2016 г.

POLEMIC RETHINKING OF WORKS BY L.N. TOLSTOY AND A.I. SOLZHENITSYN IN DAVID SAMOYLOV'S POEM "STRUFIAN"

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 29–33.

DOI: 10.17223/15617793/414/4

Ekaterina V. Tupova, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: katya.tupova@gmail.com

Keywords: D.Samoylov; A. Solzhenitsyn; L. Tolstoy; "Strufian"; *The Red Wheel*; *August 1914*; "The Posthumous Notes of the Monk, Fedor Kuzmich".

The article analyses the connection between the problematics and poetics in "Strufian" (1974) by David Samoylov with the works of L.N. Tolstoy and A.I. Solzhenitsyn. When referring to the storyline Tolstoy used in "The Posthumous Notes of the Monk, Fedor Kuzmich" (1905), Samoylov raises two essential issues: first, the issue of the historical responsibility of the ruler (Alexander I of Russia's storyline), and, second, the issue of teaching how to live and of social utopism (Fedor's storyline). It is commonly known that Samoylov used Fedor's narration to pamphletically reword Solzhenitsyn's views expressed in his *Letter to Soviet Leaders* (1973). While tracing the history of the creation of the poem, the author shows in the article that this vein was prepared by Samoylov's previous ten-year-long thinking about Solzhenitsyn's social role and the nature of his talent. In Samoylov's diaries, we often come across Solzhenitsyn's name, in connection with an attempt to characterize a definite personality type, into which Samoylov placed Tolstoy as well. That is a Russian idealist and advice-giver, who combined his publicist talent with believing in the possibility of initiating social changes through discourse. Samoylov, as one can see, did not believe in the possibility of changes occurring "inside" the rulers, and that is why he proposed an interpretation of a legend, where the ruler did not undergo an ethical and moral revolution. It is interesting that at first, before reading the *Letter to Soviet Leaders*, Samoylov was more captured by the storyline of disappearing or leaving, just before some historical events and, at the same time, of moral self-improvement, of opposing a revolutionary (external) and an ethical (internal) way, than by the storyline of "teaching how to live". In between the creating the conception of the poem and its turning into a writing, Samoylov familiarized himself with *August 1914*. Reading the first part of the famous saga prompted Samoylov to start making "Questions" to the author of *One Day*. Despite keeping out of public discussions, the fact of coming to the realization of his own attitudes towards the range of ideas Solzhenitsyn outlined at the time when *The Red Wheel* was still a work in progress obviously remained topical for the poet, and was probably expressed in "Strufian" within the storyline of Alexander I. Samoylov turned to the problem of the responsibility of a ruler to his people, the problem that was lacking in "The Posthumous Notes of the Monk, Fedor Kuzmich". Chapter 9 of the poem tells about the Decembrist uprising that was being prepared. That may be viewed as a direct indication of the catastrophe that the motherland was going to face. In his article about Solzhenitsyn, published in 1991, though it had been prepared and edited since 1971, Samoylov also raised the problem of a ruler's responsibility to the people, and argued with Solzhenitsyn, who "forgave" General Samsonov's self-willed departure from life.

REFERENCES

1. Samoylov, D.S. (2002) *Podennye zapisi: v 2 t.* [Daily notes: in 2 vols]. Moscow: Vremya.
2. Solzhenitsyn, A.I. (2003) David Samoylov. *Novyy Mir*. 6. pp. 171–178. (In Russian).
3. Kharitonov, M. (2002) *Stenografiya kontsa veka: Iz dnevnikovyykh zapisey* [Notes of the end of the century: From the diary]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Samoylov, D. (2010) *Schast'e remesla: Izbrannye stikhotvoreniya* [Happiness of the craft: Selected poems]. Moscow: Vremya.
5. Solzhenitsyn, A.I. (1974) *Pis'mo vozhdym Sovetskogo Soyuz* [Letter to Soviet Leaders]. Paris: YMCA-PRESS.
6. Medvedeva, G.I. (2014) O sostave [On the structure]. In: Samoylov, D.S. *Pamyatnye zapiski* [Memoranda]. Moscow: Vremya.
7. *Petropol'*. (1992). 5.
8. Samoylov, D. (2015) *Nad balaganom – nebo: Poeziya i teatr* [Above the booth the sky: Poetry and theater]. Moscow: Tekst.
9. Samoylov, D. & Chukovskaya, L. (2004) *Perepiska: 1971–1990* [Correspondence: 1971–1990]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Samoylov, D.S. (2005) *Poemy* [Poems]. Moscow: Vremya.
11. Nemzer, A.S. (2005) Poemy Davida Samoylova [Poems by David Samoylov]. In: Samoylov, D.S. *Poemy* [Poems]. Moscow: Vremya.
12. Solzhenitsyn, A.I. (2014) *Sobranie sochineniy: v 30 t.* [Works: in 20 vols]. Vol. 7. Moscow: Vremya.
13. Solzhenitsyn, A.I. (1971) *Av gust Chetyrnadtsatogo* [August 1914]. Paris: YMCA- PRESS.
14. Tolstoy, L.N. (1978–1985) *Sobranie sochineniy: v 22 t.* [Works: in 22 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
15. Samoylov, D.S. (2014) *Pamyatnye zapiski* [Memoranda]. Moscow: Vremya.
16. Samoylov, D.S. (1980) *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
17. Losev, L. (2000) *Sobrannoe: Stikhi. Proza* [Collected works: Poems. Prose]. Ekaterinburg: U-Faktoriya.

Received: 22 December 2016

ИСТОРИЯ

УДК 903-03.571.1

А.А. Адамов

СЕРЕБРЯНЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ ТОБОЛЬСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ИВАНОВСКИЙ 10)

В Тобольском Прииртышье за последние годы было выявлено почти два десятка археологических памятников XII–XIV вв., на которых обнаружены многочисленные изделия из серебра. Целью работы является введение в оборот серебряных украшений, полученных в ходе исследований на грунтовом могильнике Ивановский 10. Анализ формы, приемов сборки, орнамента на перстнях показал, что они существенно отличаются от изделий мастеров Волжской Булгарии. Ряд артефактов не находит аналогий и среди украшений, распространенных на территории Предуралья. Выявленные отличия позволяют поставить вопрос о существовании вблизи устья Тобола в XIII–XIV вв. мастерских по изготовлению ювелирных изделий из серебра.

Ключевые слова: Западная Сибирь; эпоха Средних веков; Волжская Булгария; серебряные перстни с чернью; медальоны со всадником; «сокольный чий».

В 2010 г. совместным отрядом Тобольского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск) и Тобольской государственной социально-педагогической академии были начаты работы на грунтовом могильнике Ивановский 10. Памятник был выявлен «черными копателями», добывавшими здесь изделия из серебра, железные замки, остатки конской упряжи, медные ковши с ручками. Могильник Ивановский 10 расположен в Тобольском районе Тюменской области, в 1 км от пос. Прииртышский на коренной террасе р. Иртыш, высота которой на данном участке достигает 50 м от уровня поймы. Раскоп площадью 108 кв. м был разбит в юго-западной части памятника, вдоль практически свободной от леса края террасы. Поверхность некрополя неровная, заметны могильные западины и следы многочисленных «закопшек», частью значительных по площади.

В результате работ было вскрыто 19 погребений. Как показали проведенные исследования, погребения были основательно потревожены еще в древности. Инвентарь и костные останки погребенных сдвинуты и большей частью выброшены из могил, в фрагментированном виде разбросаны по площади некрополя. Вещевой комплекс могильника Ивановский 10 включает орудия труда и предметы хозяйственно-бытового назначения, оружие, украшения, посуду. Особенно нужно отметить комплекс украшений и принадлежностей костюма, изготовленный из серебра и представленный подвесками, серьгами, перстнями, бусами, подвесками-пуговицами.

Подвески. Плоская монетовидная подвеска с петелькой (рис. 1, 3) массой 0,83 г, с толщиной пластины до 0,27 мм, размером 1,31 × 1,72 см, по краю украшена двумя рядами скани положенными в «елочку». Толщина сканой нити 0,8–0,9 мм. В центре подвески припаян металлический шарик диаметром 2,65 мм, окруженный ободком скани. По краю петельки припаяно колечко из скани, а у ее основания – две шарика зерни диаметром соответственно 1,06 и 1,22 мм. Поле подвески позолочено.

Аналогии такой форме подвески (хотя и не полные) известны из памятников Зауралья [1. Рис. 3, 8].

Нет такого типа украшений в материалах Волжской Булгарии [2. Рис. 105–112] и Предуралья [3. Рис. 30, 33, 41; 4. Рис. 3].

Круглая монетовидная подвеска (рис. 1, 2) массой 1,45 г, размером 1,86 × 1,83 см и толщиной пластины до 0,33 мм. По краю украшена двумя рядами скани (общая ширина 1,91–2,01 мм), положенными в «елочку». В центре напаян округлый шатон с толщиной пластины 0,31 мм, окруженный сканью, вставка не сохранилась. На обратной стороне следы «крест-накрест» от напаянных пластин-держателей.

Круглые монетовидные подвески, украшенные сканью и зернью, а иногда с шатоном в центре, известны на памятниках Предуралья [3. Рис. 41; 4. Рис. 3; 5. Рис. 44; 6. Табл. XII, 3; 7. Рис. 33], однако точные аналогии нашим подвескам отсутствуют, нет их и среди древностей Волжской Булгарии [2] и в коллекциях Зауралья [1. Рис. 2].

Третья монетовидная подвесочка размером 20,09 × 21,21 мм (рис. 1, 1), весом 1,75 г и толщиной пластины до 0,32 мм. По краю украшена одним внешним рядом скани диаметром до 1,35 мм, скрученной из двух проволочек, к которой с внутренней стороны была напаяна прямоугольного сечения проволока толщиной 0,79 мм. На внутренней стороне сохранились следы от припаянной пластинки-держателя, позднее в подвеске было весьма неаккуратно пробито отверстие. На лицевой части было нанесено гравированное изображение животного (?) с большой головой, шеей и небольшим туловищем. С левой стороны от него – солнце, а с правой стороны – месяц (в виде условных солярных знаков: круга и полумесяца).

На данной подвеске (рис. 1, 1), несмотря на примитивизм исполнения, хорошо читается сюжет со всадником и солярными символами, только он нанесен на совсем небольшую монетовидную подвеску весьма небрежно, как будто наспех, и гравёр разместил только самые важные и узнаваемые для него символы – конь (человек?) и солнце с месяцем. Скорее всего, медальон был изготовлен по экстремному случаю для использования в семейном кругу, а не на продажу. Однако нужно отметить, что изображения

наносил гравер-профессионал (или ученик) с помощью специального ювелирного инструмента. В Тобольском Прииртышье выделяется целая группа аналогичных медальонов, где весьма небрежно изображались всадник и солярные символы [8].

При рассмотрении вопроса о назначении данных медальонов, нужно отметить, что большинство из них имеют следы креплений или отверстий для подвешивания. Для того чтобы понять, как же их использовали,

нужно рассмотреть значение рисунков на них. Вряд ли стоит сомневаться в культовом характере такой композиции. Предположение о тесной связи изображений на бляхах со всадником с образом Мир-сусне-хума в культовом искусстве манси и хантов впервые высказал В.Ю. Лещенко [9. С. 119, 125]. Позднее это положение было детально обосновано А.В. Бауло [10. С. 50–54]. Согласно с этим и другие исследователи – Н.В. Шатунов [11. С. 53], Н.Б. Крыласова [12. С. 60–61].

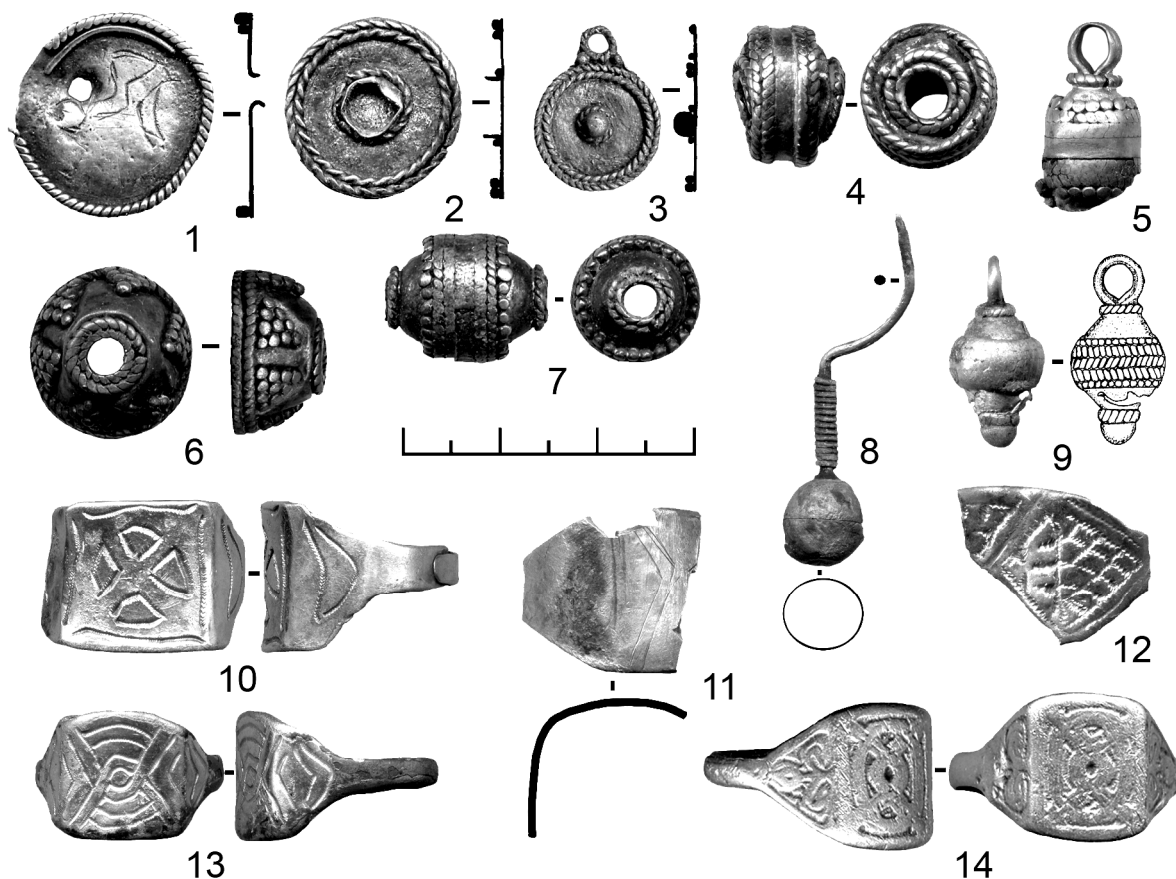

Рис. 1. Украшения из серебра. 1–13 – могильник Ивановский; 14 – Чердынский район Пермского края; 1–3 – подвески; 4, 6, 7 – бусины; 5, 9 – подвески-бусины; 8 – серьга; 10–14 – перстни

Совсем другая точка зрения была высказана А.В. Белаиным, обосновывающим геральдическое значение изображенного всадника, которое придает бляхам особый юридический характер как символу высокого социального положения владельца, как знаку вождя или старейшины [3. С. 95–97]. Эта точка зрения была поддержана Н.В. Федоровой [13. С. 172].

Находка из могильника Ивановский 10 с весьма примитивным изображением, но легко узнаваемым из-за солярных символов, которая использовалась как подвеска, причем длительный срок, при котором припаянная пластинка-держатель отпала и было пробито простое отверстие, позволяет рассматривать их как амулеты с изображением божества Мир-сусне-хума. Эти амулеты использовались в повседневной жизни в качестве украшений, служащих одновременно и оберегами. Подтверждает такую точку зрения и роговой амулет с рисунком всадника и астральными знаками с Рождественского городища [12. С. 58–61].

Серьга (рис. 1, 8) в виде «знака вопроса» из круглой (1,18 мм) в сечении проволоки, с металлической

полый бусиной, размером 8,75 × 9,06 мм, спаянной из двух половинок в стык (толщина стенок 0,23 мм), выше которой навита тонкая проволока (0,39 мм). Подобные серьги получают массовое распространение в погребениях золотоордынских кочевников Восточной Европы второй половины XIII–XIV вв., где являются хронологически определяющим типом [14. С. 116].

Перстни представлены шестью пластинчатыми широкосрединными экземплярами (два целых и четыре в виде фрагментов).

1. Серебряный, пластинчатый широкосрединный с замкнутыми внаклад концами перстень, размером 21,40 × 21,07 мм, размеры прямоугольного щитка 1,8 × 1,58 см. Масса 5,79 г (рис. 1, 10). Орнамент: крест вписанный в круг; круг заключен в квадрат; на боковые стороны нанесен орнамент в виде «галочек».

2. Серебряный, пластинчатый широкосрединный с замкнутыми внаклад концами перстень, размером 20,24 × 20,20 мм, размеры квадратного щитка 13,46 × 13,23 мм. Масса 3,35 г (рис. 1, 13). На щиток нанесе-

ны две взаимно пересекающиеся дуги, поле между которыми заполнено овальными линиями и линиями в виде «галочек». На боковые стороны нанесен орнамент в виде «галочек».

3. От перстня сохранились только часть щитка и одна из боковых сторон, по которым можно судить, что перстень был пластинчатый широкосрединный с шириной щитка 17,15 мм (рис. 1, 12). На щиток был нанесен орнамент в виде крестов, а по всем сторонам шли треугольники с вписанным в них растительным узором – «крином». На боковую сторону был нанесен орнамент в виде треугольника, заштрихованного взаимно пересекающимися линиями.

4. Сохранились только часть щитка и одна из боковых сторон, по которым можно судить, что перстень был пластинчатый широкосрединный с шириной щитка 17,16 мм (рис. 1, 11). Перстень изначально не был орнаментирован. Впоследствии на щиток ножом были нанесены резные линии в виде орнамента из двух взаимно противоположных, не соприкасающихся друг с другом «галочек».

Еще два перстня представлены обломками только дужек, по которым можно сказать, что на одном перстне на боковых гранях был нанесен орнамент в виде «галочки».

На территории Западной Сибири перстней с подобным орнаментом найдено совсем немного. Перстень, декорированный косым крестом, был приобретен С.К. Паткановым в 1888 г. у крестьян д. Скрипуновой [15. Рис. 11, 4]. Аналогии перстню с орнаментом в виде крестов, вписанного в круг, известны из могильников Ликийский [16. Рис. 45, а, б, е], Сайгатинский I [17. № 277, 278], Усть-Балык [18. Табл. 54, 2].

Подобные пластинчатые серебряные перстни, найденные в Приуралье, обычно связывают со славянским миром [7. С. 170; 19. Рис. 12] или с Волжской Болгарией [20. С. 8; 3. С. 103–104]. Серебряные перстни, найденные в Сибири, также связывают как со славянским миром [16. С. 61; 21. С. 94; 22. С. 81], так и с Волжской Болгарией [17. С. 152–153; 23. С. 183]. Анализ формы изделий, орнамент на сибирских перстнях показывают, что они значительно отличаются от изделий русских мастеров [24. Рис. 45–53; 25. Рис. 15, 16], на что уже обращалось внимание [23. С. 183].

Сравнение орнамента перстней с могильника Ивановский 10 с наперсными украшениями собственно Волжской Болгарии, опубликованное К.А. Руденко, показывает их значительное стилистическое отличие. Сходство с болгарскими перстнями наблюдается только в оформлении боковых сторон. Они, так же как и наши, украшались как «галочками» [26. Рис. 1, 17, 46], так и заштрихованными треугольниками [Там же. Рис. 1, 40, 41]. В то же время на щитках перстней Волжской Болгарии отсутствует орнамент как в виде крестов, вписанного в круг, так и крестов, пересекающего круг, что не позволяет рассматривать серебряные пластинчатые широкосрединные перстни могильника Ивановский 10 как продукцию мастеров Волжской Болгарии.

Однако анализ изображений на болгарских перстнях позволяет понять основу, на которой сформировались некоторые типы сюжетов на наших перстнях.

Прежде всего, сюжет с вписанным в круг косым крестом (рис. 1, 10). На перстнях из Волжской Болгарии прослеживается постепенное упрощение сюжета: от детально проработанного трилистника (крин), вписанного в венец (круг с выступами) [26. Рис. 1, 10, 14], до простого креста, вписанного в венец [Там же. Рис. 1, 15, 16]. На нашем перстне, судя по всему, этот сюжет доведен до полного схематизма. Отличается от болгарских аналогов и сам крест, который на наших перстнях косой, в отличие от классического на болгарских. Еще одно упрощение сюжета, прослеживаемое на болгарских перстнях, – два взаимно противостоящих крина [Там же. Рис. 5, 14], которые трансформируются в два соприкасающихся полукруга, пересекающих окружность [Там же. Рис. 1, 17]. На нашем перстне окружности показаны переплетенными, от целого круга осталась половина (рис. 1, 13).

Но может быть перстни в Тобольское Прииртышье поступали из Пермского ювелирного центра, где сложилось собственное производство серебряных черневых перстней [27. С. 48]? Тем более что производство таких перстней продолжалось и в XIII–XIV вв. [28. С. 120]. И действительно, орнаментация щитков перстней могильника Ивановский 10 вполне сопоставима с декором перстней из Предуралья. Перстень 1 (рис. 1, 10) с орнаментом в виде крестов, вписанного в круг, относится к 16-му типу по типологии, охватывающей как болгарские, так и предуральские перстни [27. Рис. 1, 16]. Подобный перстень известен из Плотниковского могильника [3. Рис. 83, 14]. Перстень 2 (рис. 1, 13) можно отнести к 6-му типу [27. Рис. 1, 6]. Близкий к нашему перстень был обнаружен случайно в Чердынском районе Пермского края (рис. 1, 14). Перстень 3 (рис. 1, 12) относится к 13-му типу [Там же. Рис. 1, 13], два близких по орнаментации перстня 13-го типа были обнаружены на Плотниковском могильнике [4; 29. Рис. 2].

Стилистическая близость орнаментации щитков на перстнях могильника Ивановский 10 перстням из Предуралья, вроде бы, свидетельствует, что это изделия пермских мастеров, но украшение боковых граней «галочками» не известно для перстней из Предуралья, а значит, их производство было налажено в другом ювелирном центре. Учитывая огромное количество обнаруженных в последние годы серебряных пластинчатых широкосрединных перстней в Тобольском Прииртышье, а их количество насчитывает уже почти две сотни, этот ювелирный центр вполне мог располагаться близ устья Тобола.

Бусины выполнены из серебра (3 шт.).

1. Боченковидная с «талией» бусина размером 17,39 × 13,77–13,51 мм, массой 4,65 г (рис. 1, 7). Изготовлена из двух полусфер, на широкие края которых были напаяны по два колечка скани в «елочку» шириной 2,37–2,26 мм и ряд зерни диаметром 1,47–1,71 мм. Бусина спаяна с использованием гладкого колечка – «перетяжки» шириной 1,81–2,01 мм. Отверстия бусины укреплены двойными колечками скани, внешняя диаметром 0,94–1,14 мм.

2. Боченковидная с талией бусина (деформирована) размером 11,16 × 14,12–14,85 мм, массой 3,27 г (рис. 1, 4). Изготовлена из двух полусфер, на широкие

края которых были напаяны по два колечка скани в «елочку» шириной 2,24–2,41 мм. Бусина спаяна с использованием позолоченной «перетяжки» шириной 2,04–2,32 мм.

3. Крупная боченковидная бусина (сохранилась половина изделия) размером 9,41 × 17,43–17,72 мм, массой 3,55 г (рис. 1, 6). Украшена по краю двумя рядами скани в «елочку» шириной 2,45–2,54 мм и пирамидками зерни диаметром 1,42–1,51 мм. Отверстие укреплено двумя скаными колечками шириной 2,29 мм. Возможно, что данная полубусина не является половиной, а именно в таком виде и использовалась, как, например, при украшении серебряного очелья, обнаруженного у озера Нанто. Причем и сами половинки бусин на очелье представляют собой точные копии нашей [30. № 43].

Боченковидные серебряные бусины, украшенные сканью и зернью с «перетяжкой», известны на вымских могильниках XI–XIV вв. [7. Рис. 34, 41, 42, 49]. Подобные бусины использовались и для изготовления височных колец [Там же. Рис. 29–34, 37–39]. В Сибири серебряные бусины были обнаружены на Сайгатинском комплексе [1. С. 137–138], правда, они так и остаются неизданными. Близкие бусины использовались при изготовлении височных колец из Сайгатинского комплекса [17. № 244–247, 249], могильников Кинтусовский [Там же. № 250], Моховая 46 [31. № 294], Ликинский [16. № 284–285]. Бусины, имеющие «перетяжку», использовались и для изготовления украшений из поминального комплекса памятника Зеленый Яр [32. С. 141, цв. вкл. 1–3].

Единичные находки, изданные без детального описания, со схематическими рисунками или нечеткими фотографиями затрудняют полноценное сравнение с нашими бусинами. Как считает Э.А. Савельева, серебряные бусы, украшенные сканью и зернью, имеют болгарское происхождение [7. С. 150]. К.А. Руденко, детально рассмотрев украшения из разных регионов, пришел к выводу, что бусины, изготовленные мастерами Волжской Булгарии, отличаются от бусин с «перетяжками», распространенных в Удмуртии, Прикамье на Вычегде [2. С. 154; 33. С. 106, 107]. Боченковидная форма наших бусин, использование «перетяжки», пайка двумя парными скаными поясками, золочение свидетельствуют о том, что данные бусины не являлись продукцией мастеров Волжской Булгарии.

Подвески-пуговицы изготовлены из серебра (2 экз.).

1. Размеры изделия 19,97 × 10,17–9,99 мм (рис. 1, 9). Бусина изготовлена из двух полушарий, скреплен-

ных между собой с помощью трех сканных колечек, спаянных в «елочку», по краям которых идет ряд зерни. Поясок из скани и зерни так прокован и стерт, что с трудом различаются отдельные детали. В верхней полусфере было сделано отверстие, укрепленное сканым колечком, в которое была вставлена серебряная петля из полукруглой в сечении проволоки. На нижнюю полусферу было напаяно сканое колечко с крупным шариком зерни диаметром 3,95–3,66 мм.

2. Подвеска частично повреждена. Диаметр изделия 10,69–10,21 мм, масса 3,50 г (рис. 1, 5). Бусина изготовлена из двух полушарий, на края которых были напаяны по два колечка скани в «елочку» шириной до 2,78 мм и ряд зерни диаметром 1,26–1,66 мм. Бусина спаяна с использованием гладкого колечка – «перетяжки» шириной до 2,12 мм и толщиной 0,61 мм. В верхней полусфере было сделано отверстие, укрепленное сканевым колечком, в которое была вставлена серебряная петля из полукруглой в сечении проволоки. На нижнюю полусферу было напаяно сканое колечко толщиной 1,42 мм, на которое крепился крупный шарик зерни (утерян).

Подобные подвески-пуговицы – достаточно редкая находка. В почти 1 600 погребениях вымских могильников XI–XIV вв. встречено всего 13 аналогичных подвесок [7. Рис. 32, 5–10]. В Сибири подобные подвески использовались в качестве составных изделий и известны в Сайгатинском IV могильнике, где датируются XIII–XIV вв. [17. № 276]. Соотнесение их с болгарским импортом вряд ли правомерно, так как болгарские подвески совсем другой формы и без «перетяжки» [2. Ил. 350, 352, 353; 33. Рис. 81, 85, 87].

Итак, по комплексу серебряных украшений могильник Ивановский 10 можно отнести к эпохе развитого Средневековья и датировать в пределах XIII–XIV вв. В совсем небольшом раскопе был получен широкий спектр изделий из серебра. При этом надо учитывать, что могильник был ограблен, и большая часть изделий собрана копателями. В Тобольском Прииртышье это не единственный памятник, откуда происходит значительное количество изделий из серебра. Как показывает проведенный анализ серебряных украшений из могильника Ивановский 10, эти изделия не являются импортом из средневековых государств – Руси и Волжской Булгарии. Ряд категорий украшений не имеет аналогов и среди изделий Пермского ювелирного центра, что позволяет высказать обоснованное предположение о существовании близ устья Тобола мастерских по изготовлению ювелирных украшений из серебра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федорова Н.В. Булгарские сканные украшения Зауралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990. С. 131–141.
2. Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Казань : Заман, 2015. Т. II. 528 с.
3. Белафин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Приуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000. 200 с.
4. Савельева Э.А., Королев К.С. Торгово-экономические связи Перми Вычегодской с Волжской Булгарией // Известия Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар, 2011. Вып. 3 (7). С. 89–97.
5. Приобретение отдельных предметов древности и коллекций // Отчет Императорской археологической комиссии за 1894 г. СПб., 1896. С. 34–46.
6. Спицин А.А. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых // Материалы по археологии России. 1902. № 26. 150 с.
7. Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1987. 200 с.
8. Адамов А.А. Медальоны с изображением всадника из Тобольского Прииртышья // Тобольск научный-2016 : материалы XIII Всерос. науч.-практ. конф. Тобольск : Принт-Экспресс, 2016. С. 145–147.

9. Лещенко В.Ю. Прикладное искусство и мифология в эпоху разложения патриархально-родового строя (булгарский художественный металл в культуре финно-угров) // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л. : Наука, 1981. С. 105–126.
10. Бауло А.В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 160 с.
11. Шатунов Н.В. Медальон с сокольным из сибирской коллекции Ф.Р. Мартина // Барсова гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург ; Сургут : Урал. изд-во, 2008. С. 50–55.
12. Крыласова Н.Б. Рисунок на амулете с Рождественского городища – очередная страничка средневекового мифа о всаднике // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 1 (49). С. 58–61.
13. Федорова Н.В. Справа от солнца, слева от месяца: бляхи с сокольным (Предуралье и Западная Сибирь, эпоха Средневековья) // Археология Арктики. Екатеринбург : Деловая пресса, 2014. Вып. 2. С. 162–174.
14. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: археологические памятники. М. : Изд-во МГУ, 1966. 276 с.
15. Гордиенко А.В. Археологические исследования С.К. Патканова в Тобольском округе Тобольской губернии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого : сб. ст. / отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск ; Ханты-Мансийск : Изд-во Том. ун-та, 2009. Вып. 7. С. 80–105.
16. Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). Екатеринбург : Квадрат, 2008. 208 с.
17. Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург : Внешторгиздат, 1994. 159 с.
18. Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск : Наука, 2001. 296 с.
19. Савельева Э.А., Истомина Т.В., Королев К.С. Пермь вычегодская // Финно-угры Поволжья и Приуралья в Средние века / под ред. М.Г. Ивановой. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 299–349.
20. Федорова Н.В. Художественный металл Волжской Болгарии // Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки. Каталог временной выставки к 70-летию отдела Востока. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1991. С. 5–10.
21. Морозов В.М., Пархимович С.Г. Городище Перегребное-1 (к вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в начале II тыс. н.э.) // Западная Сибирь в Древности и Средневековье. Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 1985. С. 89–99.
22. Могильников В.А. К проблематике взаимоотношений Руси и Югры в XI–XV веках // Русские старожилы. Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 2000. С. 77–85.
23. Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург : Волот, 2001. 320 с.
24. Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М. : Наука, 1981. 196 с.
25. Макарова Т.И. Черное дело Древней Руси. М. : Наука, 1986. 156 с.
26. Руденко К.А. Булгарское черное искусство: перстни : метод. пособие. Казань : Изд-во МОиНРТ, 2010. 44 с.
27. Адамов А.А. Серебряные перстни с чернением булгарского типа из Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь, 2014. Вып. 9. С. 44–49.
28. Брюханова Н.Г., Подосенова Ю.А., Крыласова Н.Б. Ювелирные изделия Плотниковского могильника родановской археологической культуры (по материалам раскопок 2011–2013 гг.) // Вестник Пермского университета. 2015. Вып. 1 (28). С. 114–131.
29. Брюханова Н.Г., Подосенова Ю.А. Перстни «булгарского» типа из материалов Плотниковского могильника родановской археологической культуры: техника изготовления // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17, № 3. С. 304–311.
30. Сокровища Приобья. СПб. : Изд-во Формика, 1996. 228 с.
31. Сургутский краеведческий музей. Археологическое собрание. Каталог. Екатеринбург ; Сургут : Магеллан, 2011. 152 с.
32. Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи Средневековья в Северном Приобье / коллектив авторов ; под ред. Н.В. Федоровой. Екатеринбург ; Салехард : УрО РАН, 2005. 368 с.
33. Руденко К.А. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселение и материальная культура. Казань : Школа, 2007. 244 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 ноября 2016 г.

SILVER DECORATIONS FROM THE TOBOLSK IRTYSH REGION (BASED ON THE MATERIALS FROM THE IVANOVSKY 10 BURIAL GROUND)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 34–39.

DOI: 10.17223/15617793/414/5

Alexander A. Adamov, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: adamowaa@yandex.ru; profi1204@yandex.ru

Keywords: Western Siberia; Middle Ages; Volga Bulgaria; niello rings; riders lockets; falconer.

The paper aims to introduce the silver jewelry found during archaeological investigations in the Ivanovsky 10 burial ground into the scientific discourse. The monument is located in the Tobolsk district of Tyumen Oblast, near the mouth of the Tobol River. It is not the only archaeological site containing silver jewelry in the Tobolsk Irtys region; a characteristic feature of such jewelry is the use of manufacturing techniques such as filigree, granulation, blackening and gilding. The objectives of the study include analysis of the burial ground jewelry, its comparison with similar artifacts from other regions, identifying jewelry centers where they could be manufactured. The storage of the Ivanovsky 10 burial ground includes a wide range of products, among which are coin-like pendants, lamellar rings, beads and buttoned shaped pendants and a silver earring. Three copies of coin pendants were found. Replicas were discovered only for one of them among the materials from Western Siberia. One of the coin pendants with an engraved image and solar symbols (a circle and a crescent), in spite of the primitive drawing, was made by a jewelry worker using professional tools. The plot on the plaque includes the image of a rider (a falconer). The finding of the Ivanovsky 10 burial ground allows considering these medallions as amulets with the image of the Mir-Susne-Hum deity which served as ornaments. The fragments of the silver plate rings were found in the archeological excavation. Only three bezels contain drawings. They are represented by an oblique crux inscribed in a circle; an oblique crux with triangles containing plant shoots on the sides; two mutually intertwined arcs. Its comparison with the rings made by Russian craftsmen revealed their significant differences. The resemblance to the Volga Bulgaria rings is traced only in the ornament design of the side faces in the form of hatched triangles and “birds”. The ornament on the bezels of the Ivanovsky 10 burial ground resembles the ornament of the rings characteristic of the Ural monuments. However, the ornament in the form of “birds” on the sides of the rings is not known in the Urals. Silver beads and pendants in the shape of buttons found in the burial ground were soldered of two hemispheres using the insert-ring and the beading wires (the filigree). Similar beads are found in the Urals and Siberia, and are unknown in the area of Volga Bulgaria. The silver earring in the form of a question mark, found at the monument, allows age-dating the burial ground within the 13th–14th centuries. So, silver jewelry shows that the Ivanovsky 10 burial ground can be attributed to the era of the developed Middle Ages and age-dated within the 13th–14th centuries. The analysis of silver jewelry from the Ivanovsky 10 burial ground revealed that these products were not imported from the Ancient Rus and Volga Bulgaria, the medieval states. Some items of jewelry are unique among the products of the Perm jewelry center, and the fact allows making a reasonable assumption on the existence of silver jewelry manufacturing workshops near the mouth of the Tobol River.

REFERENCES

1. Fedorova, N.V. (1990) Bulgarskie skanye ukrasheniya Zaural'ya [Bulgar filigree ornaments of Trans-Urals]. In: Khalikov, A. (ed.) *Rannie bolgary i finno-ugry v Vostochnoy Evrope* [Early Bulgarians and Finno-Ugric peoples in Eastern Europe]. Kazan: IYaLI.
2. Rudenko, K.A. (2015) Bulgarskoe srebro. Drevnosti Bilyara [Bulgarian silver. Antiquities of Bilyar]. Vol. 2. Kazan: Zaman.
3. Belavin, A.M. (2000) *Kamskiy trgovyy put'. Srednevekovoe Priural'e v ego ekonomicheskikh i etnol'nykh svyazyakh* [Kama trade route. Medieval Urals in its economic and ethno-cultural ties]. Perm: Perm State Pedagogical University.
4. Savel'eva, E.A. & Korolev, K.S. (2011) Torgovo-ekonomicheskie svyazi Permi Vychegodskoy s Volzhskoy Bulgariyey [Trade and economic relations of Vychegodskaya Perm of Volga Bulgaria]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN*. 3 (7). pp. 89–97.
5. Anon. (1896) Priobretenie ot del'nykh predmetov drevnosti i kollektsiy [Acquisition of separate objects of antiquity and collections]. In: *Otchet Imperatorskoy arkhologicheskoy komissii za 1894 g.* [Imperial Archaeological Committee Report for 1894]. St. Petersburg: Tipografiya glavnogo upravleniya udelov.
6. Spitsin, A.A. (1902) Drevnosti kamskoy chudi po kollektsii Teploukhovykh [Antiquities of the Kama Tschudi by the collection of the Teploukhovs]. *Materialy po arkhologii Rossii*. 26.
7. Savel'eva, E.A. (1987) *Vymskie mogil'niki XI–XIV vv.* [Vymyk burials of the 11th–14th centuries]. Leningrad: Leningrad State University.
8. Adamov, A.A. (2016) [Medallions with the image of a rider from the Tobolsk Irtysh region]. *Tobol'sk nauchnyy-2016* [Academic Tobolsk-2016]. Proceedings of the 12th All-Russian conference. Tobolsk: Print-Ekspres. pp. 145–147. (In Russian).
9. Leshchenko, V.Yu. (1981) Prikladnoye iskusstvo i mifologiya v epokhu razlozheniya patriarkhal'no-rodovogo stoya (bulgarskiy khudozhestvennyy metall v kul'ture finno-ugrov) [Applied art and mythology in the era of the decrease of the patriarchal clan standing (Bulgarian art metal in the culture of the Finno-Ugric peoples)]. In: Leskov, A.M. (ed.) *Aktual'nye problemy izucheniya istorii religii i ateizma* [Topical issues of studying the history of religion and atheism]. Leningrad: Nauka.
10. Baulo, A.V. (2004) *Atributika i mif: metall v obryadakh obskikh ugrov* [Attributes and myth: metal in the rites of the Ob Ugrians]. Novosibirsk: IAE SB RAS.
11. Shatunov, N.V. (2008) Medal'on s sokol'nichim iz sibirskoy kollektsii F.R. Martina [Medallion with falconers from the Siberian collection of F.R. Martin]. In: Trufanov, A.Ya. (ed.) *Barsova gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya* [Barsov mountain: antiquities of the taiga Ob]. Ekaterinburg; Surgut: Ural. izdatel'stvo.
12. Krylasova, N.B. (2012) Medieval Amulet Illustrating the Divine Horseman Myth, Rozhdestveno, Perm Territory. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 1 (49). pp. 58–61.
13. Fedorova, N.V. (2014) Sprava ot solntsa, sleva ot mesyatsa: blyakhi s sokol'nichim (Predural'e i Zapadnaya Sibir', epokha srednevekov'ya) [To the right of the sun, to the left of the moon: falconer plaques (the Urals and Western Siberia, the Middle Ages)]. In: *Arkheologiya Arktiki* [Archaeology of the Arctic]. Vol. 2. Ekaterinburg: Delovaya pressa.
14. Fedorov-Davydov, G.A. (1966) *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov: arkhologicheskie pamyatniki* [Nomads of Eastern Europe under the rule of the Golden Horde khans: archaeological sites]. Moscow: Moscow State University.
15. Gordienko, A.V. (2009) Arkheologicheskie issledovaniya S.K. Patkanova v Tobol'skom okruge Tobol'skoy gubernii [Archaeological studies of S.K. Patkanov in the Tobolsk district of Tobolsk Province]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the mirror of the past]. Vol. 7. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University.
16. Viktorova, V.D. (2008) *Drevnie ugry v lesakh Urala (stranitsy ranney istorii mansi)* [The ancient Ugrians in the forests of the Urals (pages of the early history of the Mansi)]. Ekaterinburg: Kvadrat.
17. Zykov, A.P. et al. (1994) *Ugorskoe nasledie. Drevnosti Zapadnoy Sibiri iz sobraniy Ural'skogo universiteta* [Ugric heritage. Antiquities of Western Siberia from the collections Ural University]. Ekaterinburg: Vneshtorgizdat.
18. Semenova, V.I. (2001) *Srednevekovye mogil'niki Yuganskogo Priob'ya* [Medieval burials of the Yugansk Ob region]. Novosibirsk: Nauka.
19. Savel'eva, E.A., Istomina, T.V. & Korolev, K.S. (1999) Perm' vychegodskaya [Vychegodskaya Perm]. In: Ivanova, M.G. (ed.) *Finno-ugry Povolzh'ya i Priural'ya v Srednie veka* [Finno-Ugric peoples of the Volga and Ural regions in the Middle Ages]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN.
20. Fedorova, N.V. (1991) Khudozhestvennyy metall Volzhskoy Bolgarii [Art metal of Volga Bulgaria]. In: Kramarovskiy, M.G. & Fedorova, N.V. *Vostochnyy khudozhestvennyy metall iz Srednego Priob'ya. Novye nakhodki. Katalog vremennoy vystavki k 70-letiyu otdela Vostoka* [Oriental art metal of the Middle Ob. New finds. Catalogue of the temporary exhibition to the 70th anniversary of the Department of the East]. Leningrad: Izd-vo Gos. Ermitazha.
21. Morozov, V.M. & Parkhimovich, S.G. (1985) Gorodishche Peregrebnoe-1 (k voprosu o proniknovenii priural'skogo naseleniya v Zapadnuyu Sibir' v nachale II tys. n.e.) [Mound Peregrebnoe-1 (on the intrusion of the Ural area population in Western Siberia at the beginning of II millennium AD)]. In: Vasil'evskiy, R.S. (ed.) *Zapadnaya Sibir' v Drevnosti i Srednevekov'e* [Western Siberia in ancient and medieval times]. Tyumen: Tyumen State University.
22. Mogil'nikov, V.A. (2000) [On the problems of mutual relations of Russia and Ugra in the 11th–15th centuries]. *Russkie starozhily* [Russian old-timers]. Proceedings of the III Siberian symposium “The cultural heritage of the peoples of Western Siberia”. Tobolsk; Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 77–85. (In Russian).
23. Zykov, A.P. & Koksharov, S.F. (2001) *Drevniy Emder* [Ancient Emder]. Ekaterinburg: Volot.
24. Sedova, M.V. (1981) *Yuvelirnye izdeliya Drevnego Novgoroda (X–XV vv.)* [Jewelry of Ancient Novgorod (10th–15th centuries)]. Moscow: Nauka.
25. Makarova, T.I. (1986) *Chernevoe delo Drevney Rusi* [Niello craft in Ancient Russia]. Moscow: Nauka.
26. Rudenko, K.A. (2010) *Bulgarskoe chernevoe iskusstvo: perstni* [Bulgarian niello art: rings]. Kazan: Izd-vo MOiNRT.
27. Adamov, A.A. (2014) Serebryanye perstni s cherneniem bulgarskogo tipa iz Predural'ya [Silver niello rings of Bulgarian type from the Urals area]. *Trudy Kamskoy arkhologo-etnograicheskoy ekspeditsii*. 9. pp. 44–49.
28. Bryukhanova, N.G., Podosenova, Yu.A. & Krylasova, N.B. (2015) Plotnikovskiy burial ground jewelry of the Rodanov archaeological culture (based on the 2011–2013 materials). *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya – Perm University Herald. Series “History”*. 1 (28). pp. 114–131. (In Russian).
29. Bryukhanova, N.G. & Podosenova, Yu.A. (2015) Perstni “bulgarskogo” tipa iz materialov Plotnikovskogo mogil'nika rodanovskoy arkhologicheskoy kul'tury: tekhnika izgotovleniya [Rings of the “Bulgarian” type from the materials of the Plotnikovskiy burial ground jewelry of the Rodanov archaeological culture: manufacture techniques]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN – Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 17:3. pp. 304–311.
30. Marshak, B. & Kramarovskiy, M. (eds) (1996) *Sokrovishcha Priob'ya* [Treasures of the Ob area]. St. Petersburg: Izd-vo Formika.
31. Agarkova, A.B. & Trufanov, A.Ya. (2011) *Surgutskiy kraevedcheskiy muzey. Arkheologicheskoe sobranie. Katalog* [Surgut Regional Museum. The archaeological collection. Catalog]. Ekaterinburg; Surgut: Magellan.
32. Fedorova, N.V. (ed.) (2005) *Zelenyy Yar: arkhologicheskii kompleks epokhi Srednevekov'ya v Severnom Priob'e* [Zelenyy Yar: the archaeological complex of the Middle Ages in the Northern Ob]. Ekaterinburg; Salekhard: UB RAS.
33. Rudenko, K.A. (2007) *Volzhskaya Bulgariya v XI – nachale XIII v.: poselenie i material'naya kul'tura* [Volga Bulgaria in the 11th – early 13th centuries: settlement and material culture]. Kazan: Shkola.

Received: 25 November 2016

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00341-а «Социальные отношения в российской деревне 1930–1980-х гг. и их интерпретация в уровнях общественного сознания».

Ставится вопрос о необходимости вовлечения в научный оборот новых источников изучения советской истории. Уделено внимание комплексу работ, выполненных в 1970–1980-е гг. сотрудниками Института экономики АН СССР. Прделанная этими учеными работа представляла собой публикации комплектов статистических таблиц, характеризующих разные стороны социально-экономического развития России (СССР) с 1913 по 1980-е гг. Среди этих материалов присутствовали данные о величине национального дохода страны, стоимости производственных фондов, численности занятых в народном хозяйстве, уровне их образования, общественно-необходимых затратах труда и др. Авторы статьи размышляют, какие материалы исследований экономистов могут быть полезны в исторических исследованиях и какова методика работы с данным источником.

Ключевые слова: История России; советский период; исторические источники; социально-экономическое развитие.

Наблюдающийся в исторической науке застой в изучении социально-экономического устройства СССР вызван рядом причин. Ведущей из них является политическая ангажированность исторической науки, заставляющая либо отстаивать самоидентификацию «социалистического общества», либо проклинать его, тоже называя устройство 1917–1991 гг. социалистическим. Современной историографии, как и в целом обществоведению, никак не выйти на рельсы научного объективизма, находящегося за рамками партийно-политических пристрастий или ценностей, навязываемых грантодающими организациями. Еще одной серьезной причиной отсутствия поступательного движения в изучении истории советского общества является примитивность источниковой базы, на которую опираются исследователи. В ходу экономической историографии по-прежнему сведения о динамике валовой продукции промышленности и сельского хозяйства в абсолютных данных, материально-технической оснащенности советской экономики в тех же показателях, величине пахотных земель и др., в социальной истории превалируют материалы, подтверждающие схему трехчленного деления советского общества, сформулированную в Конституции СССР 1936 г. (рабочий класс, колхозное крестьянство и прослойка интеллигенции).

Авторы данной статьи прошли определенный путь в поиске и мобилизации нового источникового материала для изучения аграрного строя России советского времени. В частности, при подготовке кандидатской и докторской диссертаций М.А. Безниным были привлечены и обработаны такие источники по истории социально-экономического развития российской деревни середины – второй половины XX в., как бюджетные обследования колхозных дворов [1], земельные балансы [2], статистика базарной торговли [3], данные о демографическом развитии сельской семьи [4]. На основании обработанных источников были подготовлены монография «Крестьянский двор Российского Нечерноземья в 1950–1965 гг.» [5] и одноименная статья [6]. Работа по изучению аграрного строя России, системно начатая в 2003 г. [7], потребовала привлечения и интерпретации нового комплекса

источников – балансовой части сводных годовых отчетов сельхозпредприятий, материалов о структуре себестоимости сельхозпродукции, народнохозяйственных балансов СССР и др.

На основании данных источников были подготовлены концептуальные монографии об экономическом развитии российской деревни колхозного периода [8], особенностях регионального развития процесса [9]. Продолжение работы было связано с изучением социального переструктурирования деревни в эпоху капитализации и вовлечением таких источников, как материалы переписей населения СССР, отчетов и аналитики органов власти и управления по социальному развитию, писем, материалов периодической печати, художественной литературы, фольклора и др. Их комплексное использование позволило, наряду с примененными подходами и новациями, получить достаточно новые выводы, состоящие в следующем. История российского общества в XX в. развивалась в рамках процессов модернизации, которые имели в нашей стране яркую специфику. Она проявлялась в темпах первоначального накопления капитала, его методах, соотношении хозяйственных укладов, механизмах эксплуатации. Происходила капитализация российской деревни 1930–1980-х гг. – шел процесс накопления капитала, возрастание роли этого фактора в сравнении с другими факторами производства, прежде всего живым трудом. На основании такого агрегированного показателя советской статистики, как себестоимость сельхозпродукции (рассчитывалась на основе затрат живого труда и капитала на производство продукции), было выявлено, что в РСФСР уже с конца 1960-х гг. капитал начинает играть основную роль среди факторов производства. Анализ особенностей сельских хозяйственных укладов (государственного, колхозного и крестьянского) показал, что через государственный уклад (сюда относились совхозы, МТС) государство апробировало разные схемы капитализации и раскрестьянивания, а вот колхозный уклад сыграл ключевую роль в процессах первоначального накопления капитала в стране. Осуществленный через колхозы повинностный тип эксплуатации позволил производить масштабное выкачивание средств из

сельского хозяйства. Перемена укладного устройства села, когда на первый план в величине капиталов, производимой продукции выходят совхозы (это произошло в 1970–1980-е гг.), свидетельствовала о завершенности процессов складывания государственного капитализма в сельском хозяйстве. Описание социальных классов российской деревни, проведенное на основании экономических и правовых параметров, показало пятичленное деление сельскохозяйственного социума – с наличием классов протобуржуазии, менеджеров, интеллектуалов, рабочей аристократии, пролетариата.

Главное место в социальной пирамиде села авторы отвели сельской *протобуржуазии* [10] (председателям колхозов, директорам совхозов, директорам МТС). Главным признаком данного класса была их наибольшая роль в реализации права собственности. Численность класса протобуржуазии сокращалась, однако объемно-правовой статус расширялся, что отражало происходящие процессы концентрации капитала. В конце советской эпохи сельская протобуржуазия управляла крупным капиталом, решала серьезные задачи трансформации производственных отношений. «Средние» классы российской деревни 1930–1980-х гг. были представлены классами менеджеров (управленцами и распорядителями ресурсов – бригадирами, управляющими отделениями совхозов и др.) [11], интеллектуалов (носителей важнейшего ресурса – интеллектуального капитала: агрономами, зоотехниками, ветеринарами, инженерами-механиками и др.) [12] и рабочей аристократии (квалифицированными работниками – трактористами, комбайнерами, шоферами и др.).

Особенностями данных классов было постепенное освоение собственности через управление и распоряжение отдельными видами капиталов – человеческих, финансовых, интеллектуальных и др. Отличительной особенностью класса сельскохозяйственных интеллектуалов было наличие специального образования, которое через инструмент интеллектуальной капитализации переносилось в себестоимость продукта. В целом роль менеджизма и интеллектуализма в сельской экономике постоянно нарастала. Степень же вычленения класса рабочей аристократии в производственном процессе была достаточно высокой, ее позиции, особенно в период становления колхозного строя, обладали значительной долей престижа. «Низший» класс сельского хозяйства – пролетариат – был непосредственно связан с неквалифицированным физическим трудом. Этот класс наиболее близко стоял к «старокрестьянскому» статусу, он был наиболее бесправный, беспаспортный, опутанный до 1960-х гг. системой повинностей. Труд сельскохозяйственного пролетариата в наибольшей степени эксплуатировался, он был самым экономически обделенным. Анализ социальных отношений в российской деревне 1930–1980-х гг. показал иерархичность социальной пирамиды деревни, наличие социального сотрудничества и социального протеста в деревенском сообществе [13].

В настоящее время авторы статьи ставят задачу изучения социально-экономического строя России 1930–1980-х гг., разрабатывают новые подходы, кон-

кретизируют дефиниции и понятия. Одним из важнейших направлений исследования остается продвижение в плане формирования источниковой базы, что позволит по-новому взглянуть на динамику и существенные характеристики экономической жизни СССР. Данный взгляд может быть основан на интерпретации такой экономической статистики, как балансовые расчеты и сделанные на основе этих данных статистико-экономические выкладки. Об истории народнохозяйственных балансов СССР авторы недавно опубликовали статью [14]. Следующая статья по данной тематике была посвящена осмыслению материалов межотраслевого баланса народного хозяйства СССР [15]. В ней авторы обратились к анализу удельного веса живого и овеществленного труда в совокупных затратах труда за 1975–1985 гг., а также соотношения численности рабочих СССР, занятых механизированным и ручным трудом, за 1975–1985 гг. Данные приведенных таблиц продемонстрировали серьезную разницу между отраслями в соотношении затрат труда и капитала: в промышленности роль капитала была выше, а в сельском хозяйстве не превышала половины от всех затрат труда. В целом же уровень затрат живого труда в материальных отраслях производства СССР был несколько выше, чем уровень затрат капитала.

Следующий комплекс источников, который требует вовлечения в научный оборот для более углубленного изучения экономического устройства СССР, – статистика, которая формировалась под определенные задачи регулирования деятельности экономической системы. К ним относится, в частности, серия материалов, созданных Институтом экономики АН СССР под общей рубрикой «для расчета экономической эффективности общественного производства». Материалы стали создаваться достаточно поздно, на закате функционирования советской экономической модели. Рассмотрим в данной публикации три таких статистические разработки [16–18]. Это разные по объему сводки. Первая, вышедшая в 1979 г., состоит из 46 страниц, вторая (1981 г.) – из 94, третья (1988 г.) – из 102 страниц. Основную часть книг составляют табличные материалы, сопровождающиеся методическими пояснениями по выполненным статистическим разработкам. Отличительной чертой работ является стремление увидеть динамику экономического развития страны за длительный период, часть материалов охватывает процессы развития с 1913 г. Основным разработчиком материалов являлся А.Т. Засухин.

При стремлении к унификации, сравнимости материалов в изданиях есть существенные различия. Начинаются они с формулирования задач. Сборник 1979 г. ставил задачу систематизировать статистические данные за период с 1913 по 1977 г. (хотя и с некоторыми пробелами из-за отсутствия опубликованных источников в отдельные годы). Сборник 1981 г. был в основном сосредоточен на материалах 1960–1979 гг. Значительная часть материала данного издания была призвана послужить «исходником» для расчета общественно необходимых затрат труда общественного продукта. Идеей авторов расчетов являлось сопоставление результатов общественного производства с затратами на них. Они сделали попытку рас-

считать не физический объем затрат, а текущие общественно-необходимые затраты труда, выражающие трудовое отношение общества к результатам производства. Данный материал планировалось использовать в качестве базового для характеристики использования факторов производства – живого труда, орудий и средств труда, сырья, материалов, топлива, электричества, а также для анализа социальных изменений, отражающихся в показателях уровня потребления, уровня образования и т.д. Третий сборник, также планировалось использовать в изучении факторов производства – живого труда, предметов и средств труда.

Остановимся теперь на основных разделах и особенностях отражения источникового материала, характеризующих параметры экономики СССР в рамках этих изданий. В первом из них, выпущенном в 1979 г., рассчитаны индексы и физический объем общественного продукта и национального дохода с 1913 по 1977 г. (табл. 1), величина производственных фондов за этот же период (табл. 2), показана динамика численности занятых в народном хозяйстве и производственной сфере СССР за 1918–1977 гг. (табл. 3), рассчитаны индексы производительности общественного труда с 1913 по 1968 г. (табл. 3.1). Таблицы 4 и 5 посвящены рассмотрению структуры общественного продукта, определившейся по материалам межотраслевого баланса за 1959, 1968, 1972 и 1975 гг. Таблица 7 посвящена определению величины и эффективности капиталовложений в основные средства, таблицы 8–9 – соотношению потребления и накопления. Большой комплект таблиц (10–15) показывает уровень образования населения, занятого в производстве, стоимость образования, величины затрат на науку и внедрение в экономику достижений научно-технического прогресса. Большинство показателей представлены в динамике с 1940 по 1977 г. Величина амортизационных отчислений в народном хозяйстве (с вычленением данных о колхозах и совхозах) представлена в таблице 16. Эти данные даны с 1960 по 1977 г. И, наконец, заключительные таблицы (17 и 18) посвящены расчетам общественно-необходимых затрат труда. Данные рассчитаны за период с 1961 по 1977 г.

Авторы сборника предложили собственную методику расчетов данного показателя, которая заключалась в учете повышения сложности живого труда, определяемой уровнем образования. При этом, по мысли составителей, новая стоимость, созданная таким работником, будет возрастать пропорционально повышению сложности живого труда. Сборник содержит методические пояснения к большинству таблиц, где описываются методика расчетов, возможные расчетные неточности и недоработки, указывается комплекс материалов, по которым были выполнены расчеты, и ставятся задачи для будущих исследований.

Сборник, выпущенный в 1981 г., показывает, что разработчики попытались увеличить число анализируемых показателей, хотя структура книги в основном повторяет сборник 1979 г. Работа 1981 г. содержит 30 таблиц, часть показателей приведена за более длинные хронологические отрезки. В частности, по-

явились аналитические таблицы об индексах производительности общественного труда с 1913 по 1979 г. (табл. 3), оценках расхождения между показателями структуры общественного продукта, рассчитанными по данным ежегодного учета, и межотраслевым балансам (табл. 7), приросте и выбытии основных производственных фондов в сопоставительных ценах 1973 г. (табл. 9), производственных основных и материальных оборотных фондах в ценах 1965 г. (табл. 10). Серьезно увеличен в сборнике 1981 г. перечень таблиц с характеристикой рабочих кадров и затрат на образование, науку и внедрение новой техники (приведены 14 таблиц). По сравнению с предыдущей книгой, появились, например, расчеты среднего уровня образования рабочих промышленности за начало 1950-х и середину 1970-х гг., распределении рабочих и служащих по стажу работы, возрасту, тарифным разрядам (последние два показателя приведены по промышленным рабочим). Проведен расчет соотношения между приростом уровня образования и тарифного разряда рабочих промышленности, дан также расчет воспроизводственных затрат на подготовку кадров для материального производства. Большая таблица раздела посвящена уровню механизации труда в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве (общественное производство) и на транспорте за 1960–1979 гг.

Более подробно в сборнике 1981 г. описаны амортизационные отчисления. Первая таблица, посвященная их величинам, показывает их за период 1958–1979 гг., вторая концентрируется на периоде 1972–1979 гг. Три заключительные таблицы сборника (28–30) посвящены расчету общественно-необходимых затрат труда. По мнению составителей, именно эти данные в конечном счете должны приблизить к выявлению показателя эффективности общественного производства. Как и предыдущий сборник, данная книга содержит краткие методические пояснения к большинству таблиц.

Третий статистический сборник, вышедший в 1988 г., показывает продвижение авторов проводимой работы в деле аналитики общественной эффективности производства. Он содержит 32 таблицы, многие из которых являются сопоставительными, расчетными или вспомогательными. Например, в таблице 1 сопоставлены величины общественного продукта и национального дохода страны за 1913–1988 гг. Так, данная таблица свидетельствует, что национальный доход (в ценах 1983 г.) вырос с 6,5 млрд руб. в 1913 г. до 622 млрд руб. в 1987 г. [18. С. 2–3]. В таблице 1а представлено сравнение величин предметов труда и амортизационных отчислений в составе общественного продукта за 1965–1986 гг. В таблице 13 сравниваются основные производственные фонды и амортизационные отчисления за 1958–1987 гг., таблица 14 посвящена расчету остаточной стоимости основных производственных фондов, определена степень износа основных производственных фондов (на 1987 г. она составила 38%) [18. С. 43–44].

Как и в предыдущих сборниках, большой материал посвящен «уровню образовательной и деловой подготовки кадров и измерению сложности труда».

Тематика таблиц в целом близка к сборнику 1981 г., однако продолжает ряд показателей до 1988 г.

Завершается сборник 1988 г. расчетами общественно-необходимых затрат труда. Они показаны в общем объеме национального дохода (табл. 25), расчетных операционных коэффициентах для определения величины общественно-необходимых затрат труда на производство общественного продукта (табл. 26) и некоторыми другими данными.

Более фундаментальными в данном сборнике выглядят и методические пояснения к таблицам. В частности, авторы высказываются о своей цели – расчете экономической эффективности. По их мнению, данный показатель важен, прежде всего, для «цели управления народным хозяйством». Управлять же им можно «посредством планомерного воздействия на факторы производства... – живой конкретный труд, орудия, средства и предметы труда (сырье, материалы, топливо, энергию). Причинно-следственная связь между этими факторами производства, с одной стороны, и производимым годовым объемом материальных благ, используемых для потребления и накопления – с другой, как раз и отражается в показателе экономической эффективности общественного производства» [18. С. 71].

Обзор источников расчета эффективности советской экономики показывает, что полностью принять методики, выводы авторов в современных исследованиях невозможно. Советская политэкономическая школа обладала большой спецификой в трактовках классических экономических процессов, серьезно расходилась с мировой экономической мыслью, находилась под серьезным идеологическим влиянием. Однако сделанная в 1970–1980-е гг. работа показывает, что вопросы факторов производства, влияния на них государства, других агентов экономики были далеко не безразличны элитам нашего общества. Многие представленные данные и сегодня чрезвычайно полезны. Проведенные подсчеты величин национального дохода почти за 100 лет, производительности труда, стоимости производственных фондов, численности занятых в народном хозяйстве и другие будут востребованы и среди современных исследователей. Большой потенциал заложен также в статистических выкладках об уровне образования, квалификации и затратах на научные исследования в СССР. Эта часть работы позволит более аргументированно высказаться по популярной сегодня проблеме накопления человеческого, интеллектуального капитала в нашей экономической системе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безнин М.А. Материальное благосостояние колхозной семьи в Нечерноземье (1950–1965 г.) // История СССР. 1989. № 1.
2. Безнин М.А. Землепользование крестьянского двора в Российском Нечерноземье в 1950–1965 гг. // История СССР. 1990. № 3.
3. Безнин М.А. Крестьянская базарная торговля в Нечерноземье в 50 – первой половине 60-х годов // История СССР. 1991. № 1.
4. Безнин М.А. Колхозное население в Российском Нечерноземье в 1950–1965 гг. Вологда, 1990. 22 с.
5. Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. М., 1991. 255 с.
6. Безнин М.А. Крестьянский двор Российского Нечерноземья в 1950–1965 гг. // Отечественная история. 1992. № 3.
7. Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России в 1930–1980-е годы : тез. науч. докл. Вологда, 2003. 35 с.
8. Безнин М.А., Димони Т.М. Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов. М., 2009. 127 с.
9. Димони Т.М. Деревня Европейского Севера России в 1930–1960-е годы: процессы экономической модернизации. Вологда, 2006. 152 с.
10. Безнин М.А., Димони Т.М. Социальная эволюция верхушки колхозно-совхозных управленцев России 1930–1980-х годов // Российская история. 2010. № 2.
11. Безнин М.А., Димони Т.М. Менеджеры в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда, 2009. 113 с.
12. Безнин М.А., Димони Т.М. Интеллектуалы в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда, 2010. 122 с.
13. Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М., 2014. 608 с.
14. Безнин М.А., Димони Т.М. Источниковые возможности балансов народного хозяйства в контексте изучения социально-экономической истории СССР (пилотное исследование) // Вестник Вологодского государственного университета. 2016. № 1. С. 6–11.
15. Безнин М.А., Димони Т.М. К вопросу о типе экономического строя СССР // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5. С. 238–250.
16. Статистическая база для расчета экономической эффективности общественного производства (1913–1977). М., 1979. 46 с.
17. Статистические материалы для расчета экономической эффективности общественного производства. М., 1981. 94 с.
18. Экономическая эффективность общественного производства (статистические материалы для расчетов). М., 1988. 102 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 декабря 2016 г.

THE TRANSFORMATION OF THE SOURCE BASE OF RESEARCH ON THE HISTORY OF SOCIO-ECONOMIC PROCESSES OF THE SOVIET PERIOD

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 40–44.

DOI: 10.17223/15617793/414/6

Mikhail A. Beznin, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: beznin@uni-vologda.ac.ru

Tatiana M. Dimoni, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: dimonitm@yandex.ru

Keywords: History of Russia; Soviet period; historical sources; socio-economic development.

The article raises the question of the need to involve in the scientific use of new sources of Soviet history study. The authors refer to their experience of studying sources on the economic history of the Soviet countryside. They emphasize the importance of involving population budgets, demographic statistics, land balances, market trade statistics and other data in the study. The work on the agrarian system of Russia demanded the use and interpretation of a new set of sources: balance sheet of consolidated annual agricultural reports, materials on the cost structure of agricultural production, national accounts of the USSR and others. The article shows the main scientific findings made on the basis of the involvement of sources on the socio-economic history of the village. In particular, the authors write about the importance of the analysis of the factors of production relations (land, labor and capital), which led

them to a conclusion that the factor of capital prevailed in production in the 1960s. Further research on the agrarian system was connected with the study of the social restructuring of the village in the era of capitalization and with involvement of sources such as materials of the USSR censuses, reports and analytical data of authorities and social development management, letters, periodical press materials, literature, folklore and others. Their comprehensive use made it possible to obtain new findings that showed defarming of the 1930s–1980s as the formation of new agricultural classes: proto-bourgeoisie, managers, intellectuals, labor aristocracy, proletariat. In terms of introducing new sources, the authors draw attention to the works carried out in the 1970s–1980s at the Institute of Economics of the USSR Academy of Sciences. The works are publications of statistical tables describing the various aspects of the socio-economic development of Russia (USSR) from 1913 to 1980. The materials present data on the size of the national income, the value of productive assets, the number of employed in the national economy, their level of education, socially necessary expenditure on labor and others. The authors theorize on which materials of economic studies may be useful in historical research and on what the procedure of working with this source is.

REFERENCES

1. Beznin, M.A. (1989) Material'noe blagosostoyanie kolhoznoy sem'i v Nechernozem'e (1950–1965 g.) [Wealth of a collective farm family in the Non-Black Earth region (1950–1965)]. *Istoriya SSSR*. 1.
2. Beznin, M.A. (1990) Zemlepol'zovanie krest'yanskogo dvora v Rossiyskom Nechernozem'e v 1950–1965 gg. [Land use of a peasant household in the Russian Non-Black Earth region in 1950–1965]. *Istoriya SSSR*. 3.
3. Beznin, M.A. (1991) Krest'yanskaya bazarnaya trgovlya v Nechernozem'e v 50 – pervoy polovine 60-kh godov [Peasant market trade in the Non-Black Earth region in '50s – the first half of the '60s]. *Istoriya SSSR*. 1.
4. Beznin, M.A. (1990) Kolhoznoe naselenie v Rossiyskom Nechernozem'e v 1950–1965 gg. [The collective-farm population in the Russian Non-Black Earth region in 1950–1965]. Vologda: [s.n.].
5. Beznin, M.A. (1991) *Krest'yanskiy dvor v Rossiyskom Nechernozem'e. 1950–1965 gg.* [Peasant household in the Russian Non-Black Earth region in 1950–1965]. Moscow; Vologda: [s.n.].
6. Beznin, M.A. (1992) Krest'yanskiy dvor Rossiyskogo Nechernozem'ya v 1950–1965 gg. [Peasant household in the Russian Non-Black Earth region in 1950–1965]. *Otechestvennaya istoriya*. 3.
7. Beznin, M.A. & Dimoni, T.M. (2003) *Agrarnyy stroy Rossii v 1930–1980-e gody* [The agrarian system of Russia in the 1930s–1980s]. Vologda: [s.n.].
8. Beznin, M.A. & Dimoni, T.M. (2009) *Kapitalizatsiya v rossiyskoy derevne 1930–1980-kh godov* [The capitalization of the Russian village of the 1930s–1980s]. Moscow: URSS, Librokom.
9. Dimoni, T.M. (2006) *Derevnya Evropeyskogo Severa Rossii v 1930–1960-e gody: protsessy ekonomicheskoy modernizatsii* [Village of the European North of Russia in the 1930s–1960s: economic modernization]. Vologda: Rus'.
10. Beznin, M.A. & Dimoni, T.M. (2010) Sotsial'naya evolyutsiya verkhushki kolhozno-sovkhoznykh upravlentsev Rossii 1930–1980-kh godov [Social evolution of the top managers of collective and state farms in Russia in the 1930s–1980s]. *Rossiyskaya istoriya*. 2.
11. Beznin, M.A. & Dimoni, T.M. (2009) *Menedzhery v sel'skom khozyaystve Rossii 1930–1980-kh godov (novyy podkhod k sotsial'noy istorii rossiyskoy derevni)* [Managers in Russian agriculture in the 1930s–1980s (a new approach to the social history of the Russian village)]. Vologda: Legiya.
12. Beznin, M.A. & Dimoni, T.M. (2010) *Intellektualy v sel'skom khozyaystve Rossii 1930–1980-kh godov (novyy podkhod k sotsial'noy istorii rossiyskoy derevni)* [Intellectuals in Russian agriculture in the 1930s–1980s (a new approach to the social history of the Russian village)]. Vologda: Legiya.
13. Beznin, M.A. & Dimoni, T.M. (2014) *Agrarnyy stroy Rossii 1930–1980-kh godov* [The agrarian system in Russia in the 1930s–1980s]. Moscow: URSS: LENAND.
14. Beznin, M.A. & Dimoni, T.M. (2016) Possibilities of using balances of the national economy as a research source in the context of studying social and economic history of the USSR (a pilot study). *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1. pp. 6–11. (In Russian).
15. Beznin, M.A. & Dimoni, T.M. (2016) Revisiting the Type of Economic System in the USSR. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz – Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 5. pp. 238–250. (In Russian).
16. Anon. (1979) *Statisticheskaya baza dlya rascheta ekonomicheskoy effektivnosti obshchestvennogo proizvodstva (1913–1977)* [The statistical basis for the calculation of economic efficiency of social production (1913–1977)]. Moscow: [s.n.].
17. Anon. (1981) *Statisticheskie materialy dlya rascheta ekonomicheskoy effektivnosti obshchestvennogo proizvodstva* [The statistical material for the calculation of the economic effectiveness of social production]. Moscow: [s.n.].
18. Anon. (1988) *Ekonomicheskaya effektivnost' obshchestvennogo proizvodstva (statisticheskie materialy dlya raschetov)* [The cost-effectiveness of social production (statistical material for the calculation)]. Moscow: [s.n.].

Received: 13 December 2016

ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С РУССКОГО ПОСЕЛЕНИЯ «ДЕРЕВНЯ ЯРКОВА» В ТОБОЛЬСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ

В научный оборот вводится информация о двух детских погребениях с русского поселения «деревня Яркова» в Тобольском Прииртышье, изученных в ходе археологических исследований. На основе анализа черт погребального обряда захоронения датированы серединой XIX – началом XX в. В связи с отсутствием поблизости других захоронений делается вывод о том, что данные погребения представляют собой «домашнее» (семейное) кладбище некрещеных младенцев, расположенное на огороде у обрыва, на свободном от хозяйственной деятельности участке крестьянской усадьбы. Для интерпретации археологически фиксируемых элементов погребального обряда (перевитие шнуром, захоронение на территории поселения и др.) привлечены данные по этнографии восточных славян.

Ключевые слова: Тобольское Прииртышье; русские; погребальный обряд; детские захоронения.

Изучение русской культуры на территории Сибири по-прежнему остается одной из актуальных задач современной науки, так как русские являются самым многочисленным этносом данного региона. В его формировании приняли участие выходцы практически из всех губерний Европейской России, различные по своей конфессиональной, этнической и социальной принадлежности, в связи с чем существует множество локальных региональных и специфических особенностей в культуре отдельных групп русского населения Сибири. До сих пор не умолкают споры об «особом сибирском типе» русской культуры в Сибири [1. С. 18].

Исследователи отмечают, что, несмотря на кажущееся обилие материалов, такая важная часть русской культуры, как похоронно-поминальная обрядность и связанные с ней представления, изучены еще мало [2. С. 518]. В советской этнографической науке изучение культуры русских Сибири начинается только с середины XX в. [1. С. 18], когда произошли значительная трансформация и утрата многих традиционных элементов культуры.

В данной ситуации ценнейшим источником для реконструкции погребальной обрядности русского населения Сибири могут служить материалы, полученные в результате археологических исследований погребальных русских памятников XVII – начала XX в.

В 2000-х гг. в Западной Сибири наряду с русской городской археологией нового времени началось развитие сельской археологии. Наибольшего развития этот процесс достиг в Омском Прииртышье, где на сегодняшний день изучено пять сельских памятников (в том числе два кладбища), материалы которых опубликованы [3. С. 13]. В Нижнем Прииртышье с 2005 г. проводятся исследования Горноправдинского могильника русских старожилов XVIII–XIX в. [4].

В последние годы в Тобольском Прииртышье ведется работа по выявлению, фиксации и проведению археологических исследований на памятниках периода русского освоения. На правом берегу р. Иртыш тобольскими археологами в результате разведочных работ выявлена деревня Выходцева, основанная в начале XVII в. [5]. Археологические исследования проведены также в Абалакском мужском и Иоанно-Введенском женском монастырях. В границах монастырей исследованы два христианских кладбища XVII–XIX вв. [6]. В 2012 г. в ходе разведочных работ

Н.П. Туровой в Тобольском районе Тюменской области на первой надпойменной террасе правого коренного берега озера Исток были выявлены и получили статус памятников археологии два русских поселения – «деревня Вахрушева» и «деревня Яркова» [7. С. 53–54].

В 2015 г. археологическим отрядом Тобольской комплексной научной станции УрО РАН под руководством А.А. Адамова были проведены археологические исследования на поселении «деревня Яркова». Деревня известна с 20-х гг. XVII в. [8. С. 31, 40]. Сведения о ней встречаются в письменных, картографических источниках и в более позднее время. Деревня просуществовала до конца 60-х гг. XX в. Рекогносцировочный раскоп площадью 50 кв. м был разбит на краю террасы, в юго-западной части поселения. Следов каких-либо капитальных построек не выявлено. Интерес представляют два детских захоронения, обнаруженные в раскопе.

Целью данной работы являются введение в научный оборот материалов двух детских погребений поселения «деревня Яркова», хронологическая атрибуция, интерпретация археологически фиксируемых элементов погребального обряда.

Описание погребений. Погребение 1 (рис. 1) расположено в секторе 1, ориентировано по линии северо-запад – юго-восток, перпендикулярно террасе. Могильная яма подпрямоугольной формы размером 74 × 41 см начала фиксироваться с уровня первого горизонта, заглублена в материк на 9 см, а от уровня дневной поверхности – на 47 см. Колода зафиксирована на уровне материка. Колода размером 58 × 10 см и высотой 9 см имеет подпрямоугольную форму. Ее внутреннее пространство имеет размер 48 × 7–8 см. Подавляющая часть костных останков сохранила анатомическое положение, лишь малая берцовая кость правой ноги и кости черепа смещены с первоначальных мест. Кости черепа значительно сместились к торцевой стенке изголовья колоды. Сохранность костяка хорошая. Ребенок был положен в деревянную колоду вытянуто на спине, головой на северо-запад, руки сложены на животе. В районе плечей, таза и ног выявлены фрагменты жгута из спрессованных нитей светло-коричневого цвета растительного происхождения¹. В области голени на жгуте сохранился узел (рис. 2).

Погребение 2 (рис. 1) находилось в секторе 2, в 3,2 м к северо-западу от погребения 1. Могильная яма

подпрямоугольной формы со скругленными углами, размер 85×28 см, перерезала яму № 32, заполненную пережженной золой и углем. Захоронение совершено в колоде подпрямоугольной формы размером 60×12 – 15 см и высотой около 9 см. Внутреннее пространство колоды имеет «анатомический контур» – расширение под плечевую область; размер 45×8 – 13 см. Колода была установлена на дне углистой ямы на материковый желтый суглинок (из-за стремления поставить колоду на «чистый» суглинок данное погребение отличается от погребения 1 большей глубиной – около 70 см от уровня современной дневной поверхности). Сохранность

костяка неудовлетворительная. Погребение ориентировано по линии ССЗ–ЮВВ. Ребенок был уложен вытянуто на спине, головой на северо-запад, правая рука находилась в области груди, левая на животе, ноги чуть согнуты в коленях, с поворотом вправо. Длина костяка не превышает 37 см. Погребенный был завернут в несколько слоев ткани фабричного производства. Лоскутки ткани небольшого размера, плохой сохранности. Фрагменты черного цвета (плохой сохранности) выявлены на черепе погребенного, изготовлены из сырья растительного происхождения; фрагменты атрибутируются как плотно полотняного переплетения.

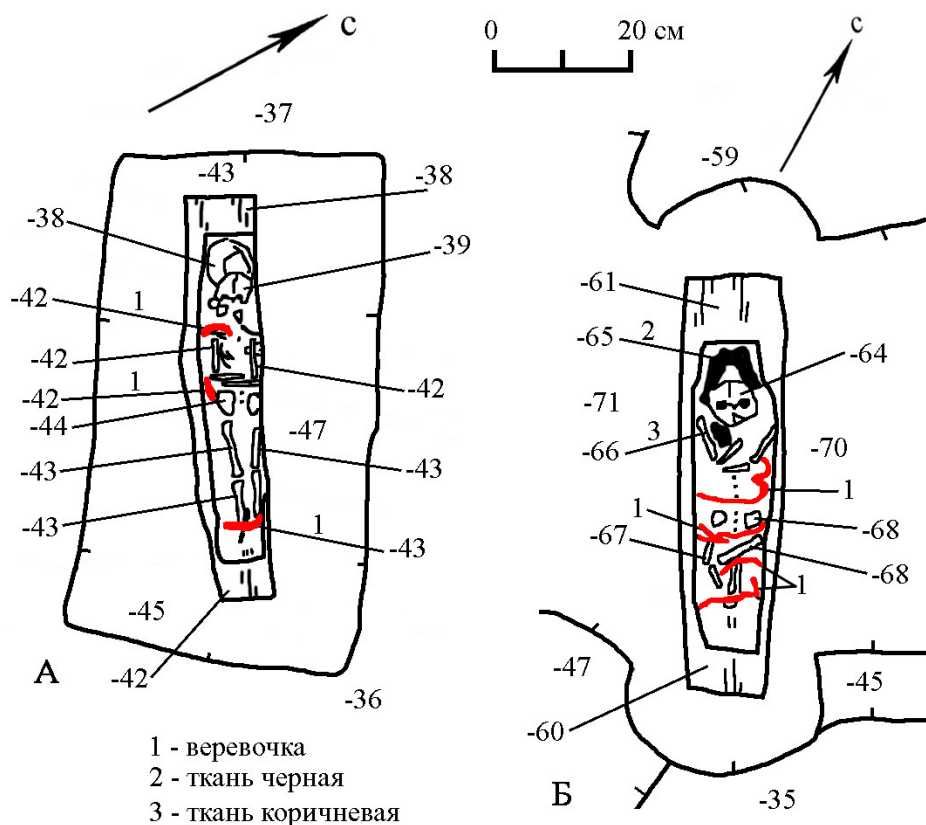

Рис. 1. Планы погребений: А – погребение 1; Б – погребение 2

Рис. 2. Фрагменты свивальников: А – погребение 1; Б – погребение 2

Фрагменты коричневатого цвета с красным оттенком обнаружены в районе грудной клетки ребенка, изготовлены из сырья животного происхождения (шелк). Тип переплетения – полотняный. Фрагменты атрибутируются как шелковое полотно.

Тело ребенка было перевито веревочкой (веревка коричневого цвета из сырья животного происхождения): кресты были в районе груди, таза и ног. В области голеней на веревке сохранились узелок, который фиксировал перевитие, а также «технологический» узелок на конце веревочки (рис. 2).

Хронологическая атрибуция погребений; интерпретация элементов обряда. О времени совершения захоронения судить достаточно сложно, так как отсутствует датирующий материал, а стратиграфические и планиграфические сведения малоинформативны в силу особенностей культурного слоя на изученном участке поселения. Несмотря на разную сохранность костного материала, погребения следует признать одновременными, о чем свидетельствуют их близость, взаиморасположение и сходные элементы погребального обряда. О позднем периоде захоронений (не ранее середины XIX в.) могут свидетельствовать сохранившиеся в погребении 2 фрагменты фабричного текстиля. По данным Г.С. Масловой, у русских крестьян материал для похоронной одежды в XIX в. был домотканым, а к концу XIX – началу XX в. и покупным (фабричным) [9. С. 86].

Подтверждают это и современные исследования образцов тканей из могильников Западной Сибири Изюк I, Ананьино I, Горноправдинского. По мнению Т.Н. Глушковой, исследовавшей образцы тканей из погребений этих могильников, в погребальном обряде в XVII–XVIII вв. использовался домотканый текстиль, изготавливавшийся на месте [10. С. 332]. Со второй половины XIX в. в качестве погребальной одежды наряду с местным стала использоваться одежда фабричного производства [11. С. 283–285].

Исследователи отмечают, что в погребальной одежде восточных славян помимо преобладающего белого цвета встречались и другие цвета: черный, синий, красный [9. С. 96]. Красный цвет для погребальной одежды встречался в украинской похоронной обрядности, имел узколокальное бытование и был связан со спецификой казацкого быта, не имея повсеместного значения. Черный цвет в XIX – начале XX в. стал более активно проникать из города в погребальную и траурную одежду [Там же. С. 97].

Первой «одеждой» новорожденного были пеленка и свивальник. Их изготавливали из поношенных, старых рубашек и других частей одежды взрослых. Свивальник – полоса ткани до 2 м длиной и 9 см шириной. Им свивали ребенка до годовалого возраста и более, иногда он изготавливался из шнура, которым крестообразно обвязывали ребенка, а в некоторых случаях использовали пояс [Там же. С. 104]. Материалы погребений русского поселения «деревня Яркова» демонстрируют традицию перевития тела умершего веревкой (жгутом) таким образом, чтобы веревка перекрещивалась спереди (зафиксировано как минимум три креста: в районе груди, таза, ног). Концы веревки завязывались в районе голеней узлом, кото-

рый не развязывался при погребении – разрезалась сама веревка по месту перекрестий (в погребении 2 все «хвостики» веревочек по центральной оси погребения находились свободнолежащими, т.е. разрезана перевязь была по месту перекрещивания веревочек – по «крестам»).

Подобное обвязывание-пеленание является, видимо, одной из наиболее архаичных черт погребальной обрядности, сохранившейся со времен язычества славян. В научной этнографической литературе этот элемент обряда описан слабо (по детским захоронениям такой информации совсем нет). У русских Сибири руки и ноги умершему связывали нитками или веревочками, которые в гробу развязывались [12. С. 388]. Имеются сведения, что у старообрядцев Западной Сибири завернутое в саван тело сверху обвязывали «нагробными пеленами», которые представляли собой жгут из отбеленных льняных ниток, скрученных вдвое; ими обвязывали все тело по савану тремя крестами: на груди, животе и ногах (при положении в гроб пелены на ногах развязывали) [Там же. С. 387]. По савану пеленали тесьмой – специальным свивальником, и у старообрядцев Пермской губернии; свивали так, чтобы тесьма скрещивалась спереди [9. С. 89]. В Сургутском Приобье «еретикам» или колдунам руки и ноги связывали конским волосом [12. С. 388]; у печорских коми старообрядцев в XX в. ноги и руки умершего связывали, чтобы «не расходились» [13. С. 22]; у оренбургских казаков в начале XX в. умершим связывали руки и ноги нитками [14. С. 118].

Археологические материалы также подтверждают обычай перевязывания покойника веревками. В Тобольске зафиксирован единственный факт перевязывания рук во взрослом погребении, датируемом не позднее начала XVIII в. [15. С. 12]. На Горноправдинском могильнике XVIII–XIX вв. в 9 из 34 погребений руки и ноги у умерших были связаны веревочками [4. С. 25]. В Челябинске на кладбище, датируемом 1736–1771 гг., в одном погребении «колени покойника были стянуты шнуром», еще в нескольких погребениях перевязь не сохранилась [16. С. 135].

Наличие неразвязанных узлов на перевязи на первый взгляд может показаться противоречащим русской погребальной традиции, согласно которой узлы запрещалось делать при изготовлении одежды для умершего [9. С. 86]. Исследователем М.М. Валенцовой, описавшей семантику и функции узла на большом фактическом материале разных славянских традиций, было отмечено, что благодаря значению закрепления и привязывания, узлы не использовались в похоронной обрядности: узлы запрещалось делать при изготовлении одежды и снаряжения для умершего у славян: у русских смертную одежду шили без узлов, чтобы не привязать покойника к этому свету, чтобы он не «пришел» за другим членом семьи; у поляков верили, что узелками можно было привязать грехи умершего, которые затруднят на «том» свете избавление его души, болгары развязывали узлы на одежде мертвеца, чтобы он не спотыкался на «том» свете [17. С. 57]. Вместе с тем исследователь отмечает, что узел оценивается двойственно и имеет как положительное, так и отрицательное значение. Важную

роль при завязывании и развязывании узла играли цель, способ, время, место совершения этих действий. В основе значения узла лежит намерение, с которым он завязывался, выраженное в мыслях или словах [17. С. 53]. Мы не можем достоверно знать о тех намерениях, с которыми завязывались (и не развязывались) эти узлы в детских захоронениях. Следует отметить, что любой погребальный обряд был направлен на обеспечение успешного перехода души умершего в иной мир, а также на защиту живых людей.

Относительно захоронений в колодах в письменных источниках имеются сведения о том, что в XIX в. на Русском Севере, в Забайкалье и в некоторых других местностях были распространены не только дощатые гробы, но и «долбленные из колоды»; к концу XIX в. из колоды делали гробы только детям [2. С. 522].

Зафиксированное в погребении I смещение некоторых костей скелета можно объяснить перемещением гроба после скелетизации останков. Потревоженность скелетов в большинстве детских погребений могильника Изюк I исследователем объясняется тем, что детские погребения были эксгумированы при подзахоронении взрослого при ярусных семейных захоронениях [18. С. 229]. В нашем случае можно предположить, что смещение костей произошло в результате перезахоронения, например, при переезде на новое место жительства (хотя свидетельств о подобных манипуляциях с детскими захоронениями в этнографической литературе нами не встречено).

Анализируя такие археологически фиксируемые элементы погребальной обрядности вышеописанных погребений, как незначительная глубина могильной ямы, отклонение от западной ориентировки погребений, можно было бы говорить об отступлении от канонического христианского погребального обряда. Однако, как показывают исследования русских погребальных памятников Нового времени, такая показательная характеристика христианских погребений, как ориентация могил с запада на восток, глубина захоронения, соблюдались весьма условно, особенно в сельской местности [2. С. 518; 19. С. 196; 20; 21].

Относительно нахождения погребений на площади населенного пункта можно сказать следующее. Этнографические данные фиксируют весьма разнообразные варианты погребального обряда и организации кладбищ у русских. Покойников делили на «чистых», умерших естественной смертью, и «нечистых», «заложных», к которым преимущественно относили некрещеных детей, самоубийц, колдунов, опойц, убитых и пр. В соответствии с представлениями о ритуальной «чистоте» или «нечистоте» умерших и с разными посмертными судьбами их душ, можно условно выделить два типа погребального обряда. Первый, более христианизированный вариант, относится к «чистым» умершим, включает в себя церковное отпевание, захоронение на кладбище, ритуальные формы церковного и домашнего поминовения. Второй обслуживает ситуацию похорон «нечистых» покойников и сохраняет большое количество архаических черт [22. С. 233]. Главной чертой похорон «нечистого» покойника можно назвать запрет на его захоронение на кладбище вместе с другими членами семьи, для их

могил выбирали места, использовавшиеся для захоронений в дохристианскую эпоху. К ним, прежде всего, относятся локусы на территории дома и усадьбы и в природном пространстве. В пределах жилища и усадьбы часто погребали некрещеных детей: для этого избирались места под иконами, печью, в подызбице, сенях, под порогом, фундаментом дома, окном, во дворе, саду (особенно под плодовым деревом – яблоней, грушей, вишней, под калиной или акацией), в огороде, клуне, под сараем, на гумне. В некоторых областях данный обычай сохранялся вплоть до недавнего времени и относился, кроме детей, к другим умершим членам семьи, например к старикам, особенно если они сами завещали такой способ погребения [Там же. С. 234].

Для детей, родившихся неживыми или умершими некрещеными у малорусов существовало особое название: потерна, потерчатко, потерчук = «дитя, умершее без крещения»; хоронить их на кладбище считалось грехом [23. С. 70, 72]. Исследователи отмечают, что у русских дети практически не умирали некрещеными, так как их крестили тотчас после рождения (при отсутствии священника обряд могла выполнить бабка-повитуха) [12. С. 393]. Интересные сведения приводит археолог Л.В. Татаурова, исследовавшая в Среднем Прииртышье могильник Изюк I: даже у младенцев (хотя и не у всех), родившихся недоношенными, были кресты. В одном случае металлический крест заменили кожаным: две полоски кожи (крест-накрест) лежали под головой ребенка [18. С. 233].

Но все же не всех детей успевали покрестить. Сведения о том, как хоронили младенцев в Полтавской губернии, имеются в рукописях XIX в.: «Дети мертворожденные и умершие неокрещенными <...> их хоронят в самой жилой части хаты <...> у порога вхожих дверей», «Мертворожденных детей (недонис, скынута дetyна) закапывают в избе под порогом, веря, что когда священник будет через порог идти с крестом, то сообщит праху младенца силу святыни; иные же закапывают в сенях под верхом, где люди меньше ходят» [24. С. 29]. В Орловской губернии «детей, умерших без крещения, и мертворожденных хоронит отец в саду или на огороде, или на гумне, но так, чтобы никто не знал, когда и как похоронен младенец» [23. С. 73].

Г.Х. Самигулов приводит интересную информацию о том, что в русских населенных пунктах на Мезени намогильные кресты до начала XX в. можно было увидеть не только на кладбище, но и рядом с домом – напротив его переднего угла, около порога, на огороде. Это объясняется «сохранившимся в этом крае до начала XX в. обычаем хоронить родственников рядом с жилищем». Исследователь делает заключение о том, что данная «нерусская» (по мнению некоторых исследователей) погребальная традиция была характерна как раз для части населения Поморья, откуда и шло заселение Сибири в XVII–XVIII вв. [20. С. 163].

Причины смерти младенцев могли быть самыми разнообразными: смертность среди православного населения России до начала XX в. находилась на

очень высоком уровне, в том числе за счет детской смертности. Так, у коми-зырян Ялуторовского уезда Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в. смертность детей до 1 года составляла 72% от общего числа умерших детей, из них 10% умерли на первой неделе после рождения, в так называемый перинатальный период [25. С. 134]. (Перинатальный период – период внутриутробного развития с 28-й недели до первых семи суток после рождения.)

В настоящее время до 70% смертей детей до 1 года приходится именно на этот период. В соответствии с применяемыми в современной медицине показателями параметров физического развития новорожденных, длина тела 37 см, фиксируемая у младенца в погребении 2, соотносится с 28–29-ю неделями внутриутробного развития и массой тела 1 124–1 381 г. По международной классификации ВОЗ, нижней границей нормы для здорового доношенного ребенка является масса 2 500 г. Детей, рожденных с меньшей массой тела, рассматривают как детей с внутриутробной гипотрофией [26. С. 15–16]. В XIX – начале XX в. новорожденные, умершие в первые дни после рождения (до семи суток), записывались в метрические книги в зависимости от того, успели ли их крестить или нет. Основная причина смертности в этот период обозначалась как «младенческая слабость». Встречаются единичные указания на такие причины смерти, как «родимец», «недоносок» [27. С. 41]. Вполне возможно, что погребенные на поселении «деревня Яркова» дети были либо мертворожденными, либо умерли почти сразу после родов и поэтому не были крещены.

Заключение. Отмечаемая исследователями устойчивость погребальной обрядности к изменениям эле-

ментов обуславливает сохранность в ней архаичных элементов (особенно в сельской среде) [22. С. 232]. Это связано с определенной табуизацией сферы смерти и страхом перед ней, заставляющим с особым вниманием относиться ко всем действиям, ритуально оформляющим переход человека в мир иной, следить за правильностью их исполнения, чтобы не помешать душе уйти на тот свет, предотвратить дальнейшие смерти в семье [Там же. С. 232–233].

Материалы детских погребений, выявленных на территории русского поселения «деревня Яркова», демонстрируют как сохранение архаичных черт в погребальном обряде русских – перевитие веревочками, захоронение на огороде, погребение в колодах, небольшая глубина могил; так и изменения, проникшие в погребальную обрядность в XIX в., – использование в обряде тканей фабричного производства, их темная цветовая гамма. По совокупности признаков погребения датированы серединой XIX – началом XX в.

Ввиду отсутствия поблизости других захоронений, а также следов построек, можно сделать заключение о том, что данные захоронения представляют собой «домашнее» (семейное) кладбище некрещеных младенцев, расположенное на огороде, у обрыва, на свободном от хозяйственной деятельности участке крестьянской усадьбы.

Дальнейшие исследования поселенческих и погребальных русских памятников позднего Средневековья и Нового времени позволят раскрыть все многообразие материальной и духовной культуры, в том числе охарактеризовать локальные варианты погребально-поминальной обрядности русского населения Прииртышья.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Технологическое описание фрагментов веревочек и ткани выполнено аспирантом Сургутского государственного педагогического университета Ю.А. Сениориной, за что авторы выражают ей глубокую признательность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жигунова М.А. Изучение русской культуры Сибири во второй половине XX века // Культурологические исследования в Сибири. Омск : Наука, 2005. № 2 (16). С. 18–29.
2. Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. М. : Наука, 1997. С. 517–532.
3. Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVI–XIX вв. по материалам комплекса Изюк I / отв. ред. Н.А. Томилов. Омск : Апельсин, 2010. 284 с.
4. Зайцева Е.А., Кениг А.В. Погребальная обрядность русского старожильческого населения Нижнего Прииртышья XVIII–XIX вв. (по материалам раскопок могильника Горноправдинский) // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. : в 2 т. / под ред. Л.В. Татауровой, В.А. Борзунова. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магеллан, 2014. Т. II. С. 23–27.
5. Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Разведочные работы в устье реки Сибирки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г.). Новосибирск, 2006. Т. XII, ч. I. С. 242–248.
6. Загваздин Е.П. Итоги археологических исследований в монастырях Тюменской области // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. : в 2 т. / под ред. Л.В. Татауровой, В.А. Борзунова. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магеллан, 2014. Т. I. С. 158–163.
7. Турова Н.П. Отчет о проведении археологической разведки в Тобольском районе Тюменской области в 2012 году. Тобольск, 2015 // Научный архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. № 18224.
8. Дозорная книга 1623 г. // Земледельческое хозяйство Западной Сибири в XVII – начале XVIII в. : сб. архивных источников. Тюмень : Изд-во ТГУ, 2001. С. 19–75.
9. Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М. : Наука, 1984.
10. Глушкова Т.Н. Ткани XVII века из русских могильников Изюк I и Ананьино I // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. Омск : Апельсин, 2008. С. 326–332.
11. Глушкова Т.Н., Зайцева Е.А. Текстиль XVIII–XIX вв. по материалам могильника Горноправдинский // Культура русских в археологических исследованиях : междисциплинарные методы и технологии : сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. Омск : Изд-во Омск. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 283–290.
12. Бардина П.Е. Русские // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. С. 383–393.

13. Чувьуров А.А. Похоронно-поминальные обряды печорских коми старообрядцев // Сибирский сборник: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий / отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб. : МАЭ РАН, 2009. Кн. 2. С. 20–28.
14. Голикова С.В. Похоронные обряды русских Урала середины XIX – начала XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 118–122.
15. Баллонов И.В. Погребальный обряд Спасского кладбища г. Тобольска // Диалог культур и цивилизаций. Материалы XI Всероссийской научной конференции молодых исследователей. Тобольск : Изд-во ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2010. С. 12–13.
16. Самигулов Г.Х. Первое Челябинское кладбище (по итогам археологических раскопок) // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. тр. / под ред. Л.В. Татауровой. Омск : Изд-во ОмГУ, 2002. С. 133–137.
17. Валенцова М.М. Узел в традиционной культуре славян // Славяноведение. 2011. № 6. С. 53–59.
18. Татаурова Л.В. Этнокультурные аспекты погребального обряда русских Среднего Прииртышья в XVII–XVIII вв. по данным археологии // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. С. 221–235.
19. Макаров Л.Д. Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск : Наука, 2003. Т. 6. С. 192–232.
20. Самигулов Г.Х. К вопросу о погребальном обряде русских Урала и Сибири XVIII в. // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. С. 154–168.
21. Татаурова Л.В. Об одном из элементов погребального обряда русских по данным археологии // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск ; Ханты-Мансийск, 2002. С. 235–236.
22. Andrunina M.A. Transformation of the Traditional Death Connected Customs: Loss and Modification of Their Elements // Russkaya Starina. 2015. Vol. (16), is. 4. P. 232–241.
23. Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки / вступ. ст. Н.И. Толстого ; подготов. текста, коммент., указ. Е.Е. Левкиевской. М. : Индрик, 1995. 432 с.
24. Бережнова М.Л. К вопросу о генезисе погребального обряда русских сибиряков // Сибирский сборник: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий / отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб. : МАЭ РАН, 2009. Кн. 2. С. 28–33.
25. Машарипова А.Х. Детская смертность у коми-зырян Нижнего Приобья в конце XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 133–137.
26. Хазанов А.И. Клиническая неонатология. СПб. : Гиппократ, 2009. 424 с.
27. Копытова Н.А. Детская смертность в г. Мариинске Томской губернии во второй половине XIX в. (по материалам метрических книг) // Альманах современной науки и образования. 2007. № 2 (2). С. 41–42.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 ноября 2016 г.

CHILDREN'S BURIALS AT THE RUSSIAN SETTLEMENT YARKOVA IN THE TOBOLSK IRTYSH REGION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 45–51.

DOI: 10.17223/15617793/414/7

Petr G. Danilov, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: danilovpg@mail.ru

Natalya P. Turova, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: turova2707@yandex.ru

Keywords: Irtysh territory in Tobolsk region; Russians; funeral ceremony; burials of children.

The research is aimed at a comprehensive analysis of two burials of children found at the Russian settlement Yarkova. These burials were studied during archaeological research. Yarkova (early 12th c. – 1960s) is located in Tobolsk district of Tyumen Oblast on a floodplain terrace on the right bank of Lake Istok. The 50 sq m excavation was made right at the edge of the terrace, in the south-western part of the settlement. Traces of permanent buildings were not found. Burial 1 is oriented perpendicular to the terrace. The grave is 74 x 41 cm, 47 cm deep to the current surface. The log is 58 x 10 x 9 cm in size. The child was laid flat on its back, with its head to the northwest, with its hands folded on the stomach. Some of the skeleton bones were shifted from their initial original positions. The child's shoulders, pelvis and legs were covered with fragments of binder made up from compressed natural strands of light-brown color (the child was wrapped in it). There was a knot on the binder which wrapped the legs. Burial 2 is 70 cm to the current surface; the burial was made in a log of 60 x 12–15 x 9 cm in size. Its inner space is of anatomical contour with a wider space for the shoulder area. The burial was placed along the line NNW – SEE. The child was laid flat on its back, with its head to the northwest, the right hand being on the chest and the left hand on the stomach. The child's legs were slightly bent at its knees, a bit turned to the right. The length of the backbone did not exceed 37 cm. There were fragments of manufactured tissue: natural black ones were found on the child's skull; silk fragments of brownish color with a red hue were found in the area of the child's chest. The body was entwined with a rope (the rope of brown color and of animal origin) that was crossed in the front: in the center of the chest, pelvis and legs. There was a knot on the rope on the child's legs. And though the knot was not untied at the burial, the rope was proved to be cut in the center along the body. In ethnographic literature there is no information found concerning ropes at buried bodies being cut. Burials date back to the middle of the 19th – early 20th centuries. Due to the lack of other nearby graves, as well as the lack of neighboring buildings traces, there is a conclusion that the researched burials are a kind of a “home” (family) cemetery for unbaptized babies, located in the outskirts of a peasant house. Further studies of Russian settlement and burial monuments dated back to the late Middle Ages and to modern time are to reveal all the diversity of the material and spiritual culture of Russian Siberians.

REFERENCES

1. Zhigunova, M.A. (2005) Izucheniye russkoy kul'tury Sibiri vo vtoroy polovine XX veka [The study of Russian culture of Siberia in the second half of the 20th century]. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*. 2 (16). pp. 18–29.
2. Kremleva, I.A. (1997) Pokhoronno-pominal'nye obychai i obryady [Funeral and memorial customs and rites]. In: Aleksandrov, V.A., Vlasova, I.V. & Polishchuk, N.S. (eds) *Russkie* [The Russians]. Moscow: Nauka.
3. Tataurova, L.V. (2010) *Pogrebal'nyy obryad russkikh Srednego Priirtysh'ya XVI–XIX vv. po materialam kompleksa Izyuk-I* [The funeral rite of the Russians in the Middle Irtysh in the 14th–19th centuries based on the complex Izyuk-I]. Omsk: Apel'sin.
4. Zaytseva, E.A. & Kenig, A.V. (2014) Pogrebal'naya obryadnost' russkogo starozhil'cheskogo naseleniya Nizhnego Priirtysh'ya XVIII–XIX vv. (po materialam raskopok mogil'nika Gornopravdinskiy) [Funeral rites of Russian old residents of the Lower Irtysh in the 18th–19th centuries (based on the Gornopravdinsk burial excavation)]. In: Tataurova L.V. & Borzunov, V.A. (eds) *Kul'tura russkikh v arkhеologicheskikh issledovaniyakh: v 2 t.* [Culture of the Russians in archaeological research: in 2 vols]. Vol. 2. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan.

5. Adamov, A.A., Balyunov, I.V. & Danilov, P.G. (2006) [Exploration work at the mouth of the river Sibirka]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology, Siberia and adjacent territories]. Proceedings of the Annual Session of the Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS 2006. Vol. 12. Pt. 1. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS. pp. 242–248. (In Russian).
6. Zagvazdin, E.P. (2014) Itogi arkheologicheskikh issledovaniy v monastyrakh Tyumenskoy oblasti [Results of archeological research in Tyumen Oblast monasteries]. In: Tataurova L.V. & Borzunov, V.A. (eds) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: v 2 t.* [Culture of the Russians in archaeological research: in 2 vols]. Vol. 1. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan.
7. Turova, N.P. (2015) *Otchet o provedenii arkheologicheskoy razvedki v Tobol'skom rayone Tyumenskoy oblasti v 2012 godu* [Report on the archaeological exploration in Tobolsk district of Tyumen Oblast in 2012]. Tobolsk. Scientific Archive of Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve. Item 18224.
8. Balyuk, N.A. (2001) Dozornaya kniga 1623 g. [Patrol book of 1623]. In: *Zemledel'cheskoe khozyaystvo Zapadnoy Sibiri v XVII – nachale XVIII vv.: sb. arkhivnykh istochnikov* [Agricultural economy of Western Siberia in the 17th – early 18th centuries: archival sources]. Tyumen: Tyumen State University.
9. Maslova, G.S. (1984) *Narodnaya odezhda v vostochnoslavianskikh traditsionnykh obyayakh i obryadakh XIX – nachala XX v.* [Folk costumes in East Slavic traditional customs and rituals of 19th – early 20th centuries]. Moscow: Nauka.
10. Glushkova, T.N. (2008) Tkani XVII veka iz russkikh mogil'nikov Izyuk I i Anan'ino I [Fabrics of the 17th century of Russian burials Izyuk I and Ananyino I]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of the Russians in archaeological research]. Omsk: Apel'sin.
11. Glushkova, T.N. & Zaytseva, E.A. (2011) Tekstil' XVIII–XIX vv. po materialam mogil'nika Gornopravdinskiy [Textiles of the 18th–19th centuries. Materials of the burial Gornopravdinsk]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of the Russians in archaeological research]. Omsk: Omsk Institute (Branch) of RSTEU.
12. Bardina, P.E. (1994) Russkie [The Russians]. In: Lukina, N.V. (ed.) *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri* [Essays of the cultural genesis of the peoples of Western Siberia]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
13. Chuv'yurov, A.A. (2009) Pokhoronno-pominal'nye obryady pechorskikh komi staroobryadtsev [Funeral and memorial rites of the Pechora Komi Old Believers]. In: Pavlinskaya, L.R. (ed.) *Sibirskiy sbornik: Pogrebal'nyy obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Siberian collection: funeral rites of Siberia and adjacent areas]. Vol. 2. St. Petersburg: MAE RAS.
14. Golikova, S.V. (2012) Funeral rites with Russians from the Urals in the middle of XIX — early XX centuries. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii – Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 4 (19). pp. 118–122. (In Russian).
15. Balyunov, I.V. (2010) [The funeral rite of the Spassky cemetery in Tobolsk]. *Dialog kul'tur i tsivilizatsiy* [Dialogue of cultures and civilizations]. Proceedings of the XI All-Russian conference of young researchers. Tobolsk: TSSPA. pp. 12–13. (In Russian).
16. Samigulov, G.Kh. (2002) Pervoe Chelyabinskoe kladbishche (po itogam arkheologicheskikh raskopok) [The first Chelyabinsk cemetery (the results of archaeological excavations)]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of the Russians in archaeological research]. Omsk: Omsk State University.
17. Valentsova, M.M. (2011) Uzel v traditsionnoy kul'ture slavyan [Node in the traditional culture of the Slavs]. *Slavyanovedenie*. 6. pp. 53–59.
18. Tataurova, L.V. (2005) Etnokul'turnye aspekty pogrebal'nogo obryada russkikh Srednego Priirtysh'ya v XVII–XVIII vv. po dannym arkheologii [Ethnocultural aspects of the funeral rites of the Middle Irtysh Russians in the 17th–18th centuries according to archeology]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of the Russians in archaeological research]. Omsk: Omsk State University.
19. Makarov, L.D. (2003) Pogrebal'nyy obryad slavyano-russkogo naseleniya Vyatskogo kraja [The funeral rite of the Slavic-Russian population of the Vyatka region]. In: Korusenko, M.A. et al. (eds) *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: Problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic and archaeological complexes: Problems of culture and society]. Vol. 6. Novosibirsk: Nauka.
20. Samigulov, G.Kh. (2005) K voprosu o pogrebal'nom obryade russkikh Urala i Sibiri XVIII v. [On the funeral rite of the Russians in the Urals and Siberia in the 18th century]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of the Russians in archaeological research]. Omsk: Omsk State University.
21. Tataurova, L.V. (2002) Ob odnom iz elementov pogrebal'nogo obryada russkikh po dannym arkheologii [On one of the elements of the funeral rite of the Russians according to archeology]. In: *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archeological and ethnographic research]. Omsk; Khanty-Mansiysk.
22. Andrunina, M.A. (2015) Transformation of the Traditional Death Connected Customs: Loss and Modification of Their Elements. *Russkaya Starina*. 16:4. pp. 232–241. DOI: 10.13187/rs.2015.16.232
23. Zelenin, D.K. (1995) *Izbrannye trudy. Ocherki russkoy mifologii: Umershie neestestvennoyu smert'yu i rusalki* [Selected works. Sketches of Russian mythology: those who died an unnatural death and mermaids]. Moscow: Indrik.
24. Berezhnova, M.L. (2009) K voprosu o genezise pogrebal'nogo obryada russkikh sibiryakov [On the genesis of the funeral rite of Russian Siberians]. In: Pavlinskaya, L.R. (ed.) *Sibirskiy sbornik: Pogrebal'nyy obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Siberian collection: funeral rites of Siberia and adjacent areas]. Vol. 2. St. Petersburg: MAE RAS.
25. Masharipova, A.Kh. (2014) Detskaya smertnost' u komi-zyryan Nizhnego Pritobol'ya v kontse XIX – nachale XX v. [Komi-Zyryan infant mortality in the Lower Tobol in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii – Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 1 (24). pp. 133–137.
26. Khazanov, A.I. (2009) *Klinicheskaya neonatologiya* [Clinical neonatology]. St. Petersburg: Gippokrat.
27. Kopytova, N.A. (2007) Detskaya smertnost' v g. Mariinske Tomskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX v. (po materialam metricheskikh knig) [Infant mortality in the city of Mariinsk of Tomsk Province in second half of the 19th century (based on parish registers)]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 2 (2). pp. 41–42.

Received: 09 November 2016

Ф.А. РОТШТЕЙН И ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ИРАНЕ (1921–1922 гг.)

Статья посвящена деятельности Ф.А. Ротштейна на посту советского полпреда в Иране в 1920–1921 гг. Анализируется роль Ротштейна в ликвидации советской республики в Гиляне, свержении кабинета Кавам эс-Салтане, создании основ «Национального блока», изменении советским руководством подхода к проблеме концессии на нефтяные месторождения Северного Ирана. Отмечены субъективные и объективные факторы, повлиявшие на характер принимаемых полпредом решений. Исследуются участие Ротштейна во внутривосточной жизни Ирана тех лет, его взаимоотношения с представителями иранских правящих кругов, прежде всего с Реза-ханом.

Ключевые слова: Иран; Ф.А. Ротштейн; советско-иранские отношения.

Российско-иранские дипломатические отношения, уходящие корнями во времена Ивана Грозного, не раз пережили в своем развитии ряд поворотных моментов. Так, на рубеже 1920-х гг., когда закладывались основы взаимоотношений между Советской Россией и Ираном, происходило столкновение идеологических догм и практики, поиск новых и использование сложившихся методов и средств дипломатии. В условиях становления внешнеполитической стратегии Москвы, поиска новых форм политических и экономических отношений со странами Востока, быстро изменяющейся внутривосточной ситуации в Советской России и Иране первые советские полпреды были не простыми исполнителями директив, но непосредственными акторами складывающихся межгосударственных отношений.

Ведущие исследователи советско-иранских отношений изучаемого периода (С.Л. Агаев, С.М. Алиев, В.Л. Генис, М.С. Иванов, М.Н. Иванова, М.А. Персиц, А.Н. Хейфец и др.), к сожалению, оставили деятельность Ф.А. Ротштейна на посту полпреда в этой стране слабо освещенной (за исключением его позиции по отношению к советской республике в Гиляне). Более широкую, но, наш взгляд, несколько упрощенную картину деятельности этого полпреда дал З.А. Арабаджян, представивший его «мастером политической интриги», широко использующим различные методы, в том числе и подкуп, в своей деятельности [1. С. 62–64]. Схожую картину Ротштейна, как политика «макиавеллиевского типа», мы находим у М.И. Володарского, который, впрочем, свои некоторые утверждения (как, например, о ведущей роли Ротштейна в свержении кабинета Сеид Зия эд-дина Табатабаи, об увольнении Реза-ханом «под диктовку» полпреда большой группы британских офицеров из иранских воинских частей) не подкрепляет ссылками на какие-либо источники [2. С. 87–89].

Западные ирановеды периода существования СССР (М. Сикер, Тулсирам З. Сепехр, Л. Фишер, Н. Фатем, Х. Капур, Дж. Ленчовский, М. Годс и др.), описывая советско-иранские отношения начала 1920-х гг., упоминали фактически лишь антибританскую пропагандистскую работу Ротштейна и случающиеся на этой почве конфликты с иранскими властями. В постсоветский период в центре внимания ведущих западных ирановедов (Э. Абрахамяна, А. Ансари, Х. Катузияна, Н. Кедди, С. Кронин и др.) оказались собственно иранские внутривосточные процессы. Поэтому

здесь мы можем выделить лишь Х. Чакери, который в своем исследовании истории гилянкой революции указал, что вмешательство Ф.А. Ротштейна и членов его миссии способствовало падению республики в Гиляне и гибели Кучек-хана [3. Р. 349–356, 360–363].

В предлагаемой статье мы даем более разностороннюю картину деятельности Ф.А. Ротштейна в Иране и показываем, что ее результаты оказали влияние на формирование советско-иранских отношений.

Важное стратегическое положение, а позже и природные богатства Ирана привлекали внимание могущественных соседей, прежде всего Российской и Британской империй, ставших доминирующими силами в этой стране к концу XIX в. Оставаясь формально независимой страной, Иран к этому времени был экономически и политически подчинен своим могущественным соседям, которые в 1907 г. поделили его территорию на сферы влияния. Первая мировая война изменила status quo, когда царская Россия, не выдержав ее тягот, рухнула, а пришедшие к власти большевики заявили о своем отказе от прежней империалистической политики в отношении Ирана, аннулировали все неравноправные договоры и соглашения и вывели войска с иранской территории.

Вместе с тем, несмотря на первые дружественные шаги РСФСР и начавшиеся советско-иранские контакты, дальнейшее развитие двухсторонних отношений зашло в тупик, вызванный политикой Великобритании. Воспользовавшись выводом российских войск и дезорганизацией Российского государства, Лондон фактически установил военный, политический и финансовый контроль над этой страной, юридическим оформлением которого должно было стать англо-иранское соглашение 1919 г. В таких условиях попытки Москвы установить дипломатические связи с Ираном через Н.З. Бравина и И.О. Коломийцева оказались безуспешными.

В итоге советское руководство пересмотрело свою первоначальную позицию по отношению к официальному Тегерану (обращение «К рабочим и крестьянам Персии») и начало поиск союзников в этой стране. Таким союзником стал действовавший в Гиляне и знакомый большевикам еще со времен Конституционной революции 1905–1911 гг. лидер дженгелийцев Кучек-хан.

Советизация Азербайджана и уход белогвардейского флота в иранский порт Энзели создали условия для проведения военной операции на территории со-

седнего государства и образования в Гиляне Персидской Советской Социалистической Республики. Вместе с тем правительство РСФСР проявило осторожность и воздержалось от ее официального признания, осуществляя военную и иную помощь через Советский Азербайджан. Также советское руководство согласилось принять иранскую делегацию для ведения переговоров и, таким образом, оставило себе возможность для политического маневра при любом исходе дел.

Заклученный при поддержке большевиков союз дженгелийцев с иранскими коммунистами оказался непрочным, военный поход на Тегеран провалился, и уже осенью 1920 г. в Москве стали понимать, что перспектив для революции в Иране нет. Вместе с тем события в Гиляне оказали серьезное влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в этой стране, похоронив надежды Форин-офис на ратификацию соглашения 1919 г. Кроме того Тегеран стал все более склоняться к политике привлечения третьей силы в Иран, для чего вступил в переговоры с правительством США и представителями американского бизнеса.

В Советской России в это время также происходило изменение внешнеполитической стратегии, направленное на установление дипломатических и торговых отношений с капиталистическими странами. В связи с этим республика в Гиляне вскоре стала предметом торга на советско-британских и советско-иранских переговорах. Используя ее как средство давления на Лондон и Тегеран, Москва добилась заключения торгового соглашения с Великобританией, вывода ее войск из Ирана и подписания 26 февраля 1921 г. советско-иранского договора.

Успешные советско-иранские переговоры поставили вопрос об отправке советской дипломатической миссии в Иран, возглавить которую выпало Федору Ароновичу Ротштейну, назначенному на этот пост при содействии Г.В. Чичерина [4. С. 322]. В логике многолетнего англо-русского соперничества в Иране кандидатура Ротштейна, журналиста и политического деятеля, прожившего в Великобритании около 30 лет, казалось, как нельзя лучше подходила для этого.

Несмотря на подписание договора между РСФСР и Ираном (который еще оставался нератифицированным), практически все важнейшие вопросы и проблемы двухсторонних отношений к моменту приезда миссии Ф.А. Ротштейна в Тегеран оставались неурегулированными. Полпреду необходимо было выстроить отношения с иранскими правящими кругами и в то же время поддержать рабочее движение, иранскую компартию и всех тех, кого в Москве относили к «демократическим элементам». Необходимо было ослабить влияние Лондона на политическую жизнь этой страны и способствовать развитию советско-иранских отношений, в то время как в Гиляне еще существовала советская республика.

За несколько дней до подписания советско-иранского договора в Тегеране произошел переворот, который привел к власти правительство во главе с Сеид Зия эд-дином Табатабаи. Новый премьер, несмотря на публичную денонсацию соглашения 1919 г., решил нанять британских офицеров для реформирования вооруженных сил, а британских должностных лиц – для

работы в министерствах финансов и общественных работ. Эти действия не могли не вызвать беспокойство советского руководства, однако на помощь ему пришла разгоревшаяся борьба за власть, закончившаяся отставкой Сеид Зия и его бегством из Тегерана 25 мая 1921 г.

Как указывает М.И. Володарский, Ротштейн принял активное участие в свержении кабинета Сеид Зия [2. С. 88–89]. На причастность полпреда фактически указывает и З.А. Арабаджян [1. С. 63]. Однако современник тех событий, британский посланник Г. Норман, так и не смог найти каких-либо прямых доказательств участия Ротштейна в свержении Сеид Зия [5. Р. 48]. Дальнейшие события показали, что советский полпред вмешивался в иранскую внутривнутриполитическую жизнь, однако имевшегося с момента прибытия миссии времени (одного месяца) было явно недостаточно, чтобы оказать влияние на ход внутривнутриполитической борьбы.

Вместе с тем Ротштейн решил воспользоваться данной ситуацией и попытался упрочить свое влияние в правительственных кругах. Прежде всего его внимание привлек военный министр и командующий казачьей дивизией Реза-хан, который сравнил решение Сеид Зия нанять британских офицеров с продажей иностранцам «души народа» [Ibid. Р. 47]. Подобные заявления Реза-хана, придавшие ему образ борца с британским влиянием и его контроль над вооруженными силами, подтолкнули Ротштейна к привлечению военного министра на свою сторону. В это время военный атташе советского полпредства Б.П. Рогачев каждый день встречался с Реза-ханом для обсуждения различных вопросов [6. Р. 73]. Кроме того, Ротштейн смог наладить контакты с новым премьер-министром Кавам эс-Салтане и уже 20 июля сообщил Чичерину, что его влияние в Тегеране настолько велико, что он может отклонять или рекомендовать кандидатуры на руководящие должности [7. Л. 26].

Приезд советской миссии в Тегеран пришелся на период пробуждения общественно-политической жизни страны, открытия после длительного перерыва межджлиса, активизации деятельности политических партий и прессы. Общественное мнение начинало играть более заметную роль, и Ротштейн, учитывая и достаточно либеральное законодательство (согласно ст. 20 Основных законов цензура для печатных изданий отсутствовала), решил сделать ставку на печать. Советское полпредство не только оказывало прессе материальную поддержку и предоставляло ей новостные материалы, но и использовало ее для формирования общественного мнения.

Связи Ротштейна с Реза-ханом и Кавам эс-Салтане вскоре, казалось, начали приносить плоды: британские офицеры и советники были уволены, корпус южно-персидских стрелков распущен. Британский посланник Г. Норман в телеграмме Дж. Керзону указывал на растущее влияние РСФСР и высказывал опасение повторного превращения казачьей дивизии в инструмент российского влияния [8]. Однако последующие события показали несостоятельность подобных утверждений и временный характер связей Реза-хана с советским полпредом.

Тесные контакты Ротштейна с иранскими правящими кругами и использование полпредом бывших царских служащих вызвали недовольство части сотрудников советской миссии и представителей иранской компартии. Ротштейна обвиняли в том, что он, увлекшись связями с сановниками, не установил контакты с профсоюзами, студенчеством, представителями национальных и религиозных меньшинств, демократическими и революционными организациями – всеми теми, на кого, по мнению критиков полпреда, он и должен был обратить свое внимание [9. Л. 107–107 об.; 10. Л. 7 об.; 11. Л. 4–4 об.].

Из Народного комиссариата по иностранным делам Ротштейну указывали, что его близость к иранским правящим кругам может негативно отразиться на симпатиях к Советской России со стороны крестьян и «революционных элементов». Полпреду напоминали, что политика РСФСР в Иране не ограничивается освобождением этой страны от «иностранного засилья», а направлена на развитие «всех прогрессивных движений». В связи с этим ему предписывалось обратить больше внимания на установление контактов с городской буржуазией, профессиональными союзами и ремесленниками, представителями религиозных меньшинств и племенами в провинции [12. Л. 14–15; 13. Л. 48–49]. Ротштейн отрицал обвинения в свой адрес, однако его заявления показывали, что он не видел иной альтернативы проводимой им политики. Так, полпред указывал Чичерину, что в Иране «народные низы» не организованы, а мелкая буржуазия, средние слои не представляют активной политической силы и неспособны на самостоятельные выступления [14. Л. 48; 15. Л. 148].

Гилянская республика, тем временем, оставалась одной из важнейших проблем советско-иранских отношений. Политбюро определило свою позицию еще в конце 1920 г., приняв решение о выводе «азербайджанских» войск и прекращении военной помощи Гилян. При этом Г.В. Чичерин напрямую указывал Политбюро на необходимость ликвидации республики [16. Л. 127]. Однако подобное развитие событий не устраивало правительство Советского Азербайджана и руководителя Кавбюро ЦК РКП(б) Г.К. Орджоникидзе, которые продолжали направлять в Гилян оружие и добровольцев.

Сам Ротштейн уже в первые дни пребывания в Тегеране четко обозначил свое отношение к этой проблеме, заявив, что «гилянский Карфаген должен быть разрушен» [17. Л. 27 об.]. Советский полпред пребывал в эйфории от того доброжелательного приема, с которым он встретился в Иране и телеграфировал в Баку, что его «триумфальное шествие» по северу Ирана «закончилось настоящим апофеозом в Тегеране» [18]. Указывая на свои связи и влияние в иранских политических кругах, Ротштейн уверял Чичерина, что «за исключением небольшой придворной клики все... на нашей стороне» [19], а фронт в Гиляне только мешает установлению «теснейших отношений» с иранским правительством, ищущим «спасения» у Советской России от «интриг англичан» [20]. В связи с этим полпред рассматривал гилянскую республику как досадное препятствие на пути проводи-

мой им политики. Чичерин разделял подобные взгляды Ф.А. Ротштейна и позже убеждал В.И. Ленина и М.Д. Гусейнова (наркоминдел АзССР), что отказ от поддержки «инсургентов» ослабил позиции англичан в Иране и что гилянский фронт только мешал влиянию Ротштейна в Тегеране [21, 22].

В деле ликвидации гилянской республики Ротштейн решил действовать двумя путями. С одной стороны, он настойчиво разоблачал попытки Баку посылать в Гилян оружие и добровольцев и требовал от Москвы их пресечения. С другой – полпред решил включиться в переговоры между иранскими властями и Кучек-ханом и ускорить их. Ротштейн стремился добиться ликвидации республики мирным путем и сдерживал порывы Реза-хана провести силовую операцию в Гиляне.

Миролюбие полпреда имело под собой веские основания. Во-первых, Ротштейн опасался возможного ухода Кучек-хана в гилянские леса и продолжения им партизанской войны, в чем сам признавался Г.В. Чичерину [23. Л. 38]. Во-вторых, правительство и вооруженные силы гилянской республики формировали и представители иранской компартии. Иранские коммунисты под руководством Гейдар-хана учли свои прошлые ошибки, провели чистку рядов, приняли новую партийную программу (январь 1921 г.), восстановили единый фронт с Кучек-ханом (май 1921 г.) и не желали сдавать позиции в Гиляне. Наоборот, как указывает В. Генис, Гейдар-хан враждебно относился к переговорам Кучек-хана с Ротштейном и стремился сорвать их, доказывая, что центральное правительство доживает последние дни [4. С. 423]. В таких условиях военная операция Реза-хана привела бы или к крушению республики с уничтожением находящихся в Гиляне коммунистов или, в случае ее неудачи, к затягиванию конфликта. И то и другое было для советского полпреда неприемлемо, и он в ходе переговоров стремился склонить Кучек-хана прийти к соглашению с Тегераном и ликвидировать республику. Аналогичное предложение было сделано и Гейдар-хану 25 сентября 1921 г.

Однако внутренние разногласия в Гиляне привели к тому, что в конце сентября Кучек-хан выступил против своих союзников, единый фронт рухнул, а Гейдар-хан был убит в разгоревшейся междоусобице. Наступило время решительных действий, и уже 2 октября советский консул Хавин, встретившись с Эхсанулла-ханом и Халу-Курбаном, получил их согласие на отказ от вооруженной борьбы и ликвидацию республики [24. Л. 43]. Работа велась и в отношении иранских коммунистов, фактически обезглавленных после гибели Гейдар-хана, и добровольцев из Советского Азербайджана: всем российским и азербайджанским подданным была обещана амнистия [3. Р. 360]. В отношении иранско-подданных амнистия, по просьбе советской стороны, была объявлена и командующим войсками Реза-ханом [25. Л. 76–77]. Оставалось решить вопрос с Кучек-ханом, который не спешил отвечать на ультиматум Ротштейна. Тогда советский полпред оставил свою посредническую позицию, дав возможность Реза-хану приступить к военной операции в Гиляне. Кучек-хан, оставшись без

союзников, проиграл все сражения и попытался скрыться в лесах. До сих пор лесные дебри Гиляна были для него надежным убежищем, однако на этот раз шахские казаки при поддержке бывших дженгелийцев не оставили ему никаких шансов на спасение.

Хосров Чакеи указывает, что вмешательство Ф.А. Ротштейна и членов его миссии способствовало разложению революционного фронта в Гиляне, падению республики и гибели Кучек-хана [3. Р. 349–356, 360–363]. В.Л. Генис также считает, что советский полпред «сыграл немалую роль в разгроме гилянского повстанчества» [4. Л. 425]. Действительно, Ф.А. Ротштейн с первых дней своего прибытия в Тегеране высказывался в пользу ликвидации гилянской республики и приложил для этого немало усилий. Полпред был глубоко убежден в отсутствии революционных перспектив в Иране и питал личную неприязнь к Кучек-хану и другим лидерам гилянской республики (Эхсанулле-хану и Халу-Курбану) [23. Л. 37–39; 26. Л. 39]. Известие о начавшейся в Гиляне кровавой междоусобице он встретил с нескрываемым удовлетворением [23. Л. 37]. Поэтому Ротштейн, не получив от Кучек-хана ответа на свой ультиматум, дал возможность Реза-хану расправиться с ним. Вместе с тем мы согласны с Фредом Хэллидеем в том, что гилянское движение, имея локальный характер и оказавшись расколотым внутренне, могло выжить только опираясь на внешнюю, советскую поддержку, которая в сложившихся международных условиях не могла быть продолжительной [27. Р. 23–24]. Однако сроки и формы процесса ликвидации гилянской республики могли быть иными.

Падение гилянской республики и последовавшая за этим гибель Кучек-хана были не просто ликвидацией очередного антиправительственного восстания, но фактически ознаменовали собой завершение того периода взаимоотношений большевиков с иранскими революционерами, который начался еще во времена Конституционной революции 1905–1911 гг. и с перерывами продолжался до начала 1920-х гг. Большевики, будучи в царской России революционной и внесистемной партией, активно поддерживали революционеров в соседнем Иране. Победив в Гражданской войне и оказавшись в новой внутри- и внешнеполитической ситуации, большевистское руководство предпочло пересмотреть свои прежние взгляды и поддерживать те силы в соседней стране, которые, на его взгляд, стремились к созданию сильного и централизованного государства. С внешнеполитической точки зрения это сулило ослабление влияния империалистических держав в Иране (и, прежде всего, Великобритании), а с точки зрения идеологии – становление Ирана на путь развития капитализма и связанного с ним формирования рабочего класса и буржуазной демократии. «Закрытие» гилянского «проекта», создавшее «ореол победителя» для Реза-хана и ставшее важным шагом на пути его восхождения к единоличной власти в стране, в будущем не оставило Москве большого выбора в поиске возможного лидера, могущего поставить Иран на путь развития и реформ. В первой половине – середине 1920-х гг. в советском ирановедении фактически сложилась целая школа

(укомплектованная в значительной степени из бывших или действовавших сотрудников НКВД – В.А. Гурко-Кряжина, Иранского (С.К. Пастухова), Ирандуста (В.П. Осетрова), Мирзы (Ф.А. Ротштейна)), смотревшая на деятельность Реза-хана как на прогрессивное явление, способствующее усилению независимости Ирана и его переходу от полуфеодальной к буржуазной, капиталистической стадии развития. И даже разгром иранской компартии и профсоюзов и восхождение Реза-хана на шахский трон первоначально не изменили благожелательного отношения к нему Москвы. Наступившее позднее разочарование в конечном счете привело к вторжению советских войск в Иран в 1941 г. и последующим событиям.

Разгром республики и гибель Кучек-хана вызвали резкую критику в адрес Ф.А. Ротштейна. Утверждения полпреда, что он в течение долгого времени «удерживал» шахские войска от наступления на Гилян и пытался «спасти» Кучек-хана [25. Л. 73–75; 26. Л. 38–39], не уберегли Ротштейна и членов его миссии от обвинений в фактическом содействии гибели лидера дженгелийцев и разгрому республики [9. Л. 106–107; 10. Л. 6 об., 8, 10; 11. Л. 4–5 об.; 28]. Ряды противников полпреда пополнил и И.В. Сталин, предложивший Ленину отозвать Ротштейна [29]. Поэтому, несмотря на заступничество Г.В. Чичерина, утверждавшего, что альтернативой была бы «большая война с Англией» [22], единственной возможностью для Ротштейна доказать правильность своих действий оставалось удачное разрешение двухсторонних вопросов и проблем. Однако падение гилянской республики, на наш взгляд, выбило тот серьезный рычаг влияния на Тегеран, который имела советская сторона.

Первый серьезный конфликт Ротштейна с иранским правительством, приведший к публичному скандалу и отставке иранского министра иностранных дел, был связан с делом беглого советского служащего Азрыленко. Арестованный с помощью казаков Реза-хана, он сбежал из-под надзора иранских властей и укрылся на территории французской дипмиссии в Тегеране. Посчитав, что безнаказанность может стать примером для подражания другим, Ротштейн 25 августа предъявил ноту протеста иранскому правительству, угрожая отъездом в Москву и разрывом дипотношений. Личное вмешательство шаха разрядило обстановку, и Ротштейн забрал ноту назад. Тем не менее выступление полпреда спровоцировало министерский кризис и отставку министра иностранных дел, хотя и привело к желаемому результату: 10 сентября 1921 г. дело Азрыленко было передано в иранский суд [30. Л. 153].

Действия Ротштейна в деле Азрыленко хотя и уменьшили вероятность повторения подобных ситуаций, в то же время способствовали министерскому кризису, который затянулся до октября, и испортили отношения с Кавам эс-Салтане, что не замедлило негативно сказаться на ходе советско-иранских дел. В итоге в ситуацию был вынужден вмешаться Г.В. Чичерин, который в ноте от 29 октября 1921 г. указал Мошавер-оль-Мемалеку на уклонение иранской стороны от вступления в переговоры о заключении торгового договора, консульских и почтово-телеграфных соглашений и упрекал Тегеран в затягивании перегово-

воров по использованию рыбных промыслов южного побережья Каспийского моря [31].

Проблемы возникли и с ратификацией советско-иранского договора. Комиссия меджлиса по иностранным делам, приступив 10 ноября 1921 г. к его рассмотрению, высказала несогласие со ст. 13 (запрещающей передачу бывших российских концессий третьим государствам или их гражданам) и ст. 14 (предоставляющей Ирану право свободного экспорта товаров через Россию, но не оговаривающей свободы импорта). В связи с этим 23 ноября Ротштейн обратился с нотой к иранскому правительству, указывая на недопустимость затягивания ратификации договора. Через два дня, 25 ноября 1921 г., он объяснял Чичерину, что подобное поведение Тегерана объясняется его уверенностью «в безнаказанности ввиду нашей внутренней и международной слабости» [32].

Была и другая причина затягивания ратификации договора, о чем Ротштейн также сообщал наркому. За послевоенные годы Великобритания, а также контролируемые англичанами Англо-персидская нефтяная компания (АПНК) и Шахиншахский банк сумели превратиться в единственных кредиторов Тегерана, который уже не мог обходиться без займов. Отставка Сеид Зия эд-дина, увольнение английских советников и офицеров, а также политика, направленная на привлечение финансовой и организационной помощи из США, привели к прекращению финансирования кабинета Кавам эс-Салтане англичанами. В таких условиях американская компания «Стандарт ойл» высказала интерес к возможности получения концессии на нефтяные месторождения северных провинций Ирана в обмен на предоставление займа. Иранское общественное мнение и пресса приветствовали предложение «Стандарт ойл» [33. Л. 149], а 22 ноября 1921 г. самые разнообразные политические силы Ирана, представленные в меджлисе, проголосовали за данный законопроект. Даже в ЦК иранской компартии посчитали, что в случае нахождения у власти «демократического правительства» предоставление концессий иностранным компаниям «было бы лишь желательным и в интересах общей политики РСФСР» [11. Л. 5]. Британский посланник П. Лорейн указывал, что в это время в умах иранцев господствовала мысль о том, что «спасение [Ирана] придет из Америки» и что с помощью США Иран быстро восстановит свое былое величие [34. Р. 364].

Данное решение Тегерана, по мнению Москвы, нарушало условия ст. 13 советско-иранского договора, так как новая концессия включала в себя области, переданные еще в марте 1916 г. российскому подданному А.М. Хоштария. Тегеран в свою очередь отказался признавать советские требования и сослался на недействительность концессии Хоштария, которая была предоставлена российскому подданному без ее ратификации меджлисом.

В числе тех, кто поддерживал получение концессии американцами, был и Реза-хан. Еще летом 1921 г. он озвучил свои планы по строительству новой армии, но все запланированные преобразования требовали больших затрат. Реза-хан мог получить финансы либо захватом источников бюджетных доходов, чем

он и начал заниматься, либо получением иностранных займов. Подобная позиция военмина вызвала недовольство Ротштейна и привела к охлаждению отношений между ними. В беседе с британским военным атташе 7 декабря 1921 г. Реза-хан заявил, что он находится «в плохих отношениях» с Ротштейном, который «был в ярости» от передачи нефтяной концессии американцам [35]. Впрочем, к этому времени Реза-хан сам во многом утратил интерес к Москве, которая не могла обеспечить его финансами, а после падения гилианской республики утратила и возможность влиять на Тегеран силовым путем. Сам Реза-хан прояснил свою позицию британскому военному атташе, заявив, что после победы в Гиляне «он больше не боится русских» [Ibid].

Видя, что правительство и общественное мнение Ирана настроены в пользу предоставления концессии американцам, Ротштейн предложил Москве изменить подход к данной проблеме. Еще 8 ноября 1921 г. он справедливо указывал, что РСФСР не может играть роль «собаки на сене» и посоветовал оказать поддержку в получении концессии «нейтральной» (т.е. не связанной с англичанами) стороне (Бельгия, Германия) [36. Л. 69]. После состоявшегося предоставления концессии американцам Ротштейн предложил Чичерину согласиться с уже вынесенным меджлисом решением, если, конечно, Советская Россия сама не сможет заполучить оспариваемой концессии [37. Л. 89]. Доводы Ротштейна встретили понимание у Чичерина, который обратился лично к В.И. Ленину и в РВС Республики, а также предупредил членов Политбюро ЦК РКП(б), что если Москва не пойдет навстречу Тегерану в его желании передать концессию на разработку нефти в северных провинциях иностранной компании, то правительство Ирана может решить этот вопрос без учета мнения Кремля [38, 39]. Позиция НКВД сыграла свою роль, и советское руководство изменило взгляд на возможность получения концессии на нефть «нейтральной» иностранной компаний.

В свою очередь Ф.А. Ротштейн в ноте от 12 декабря 1921 г. указал на возможность проведения переговоров по изменению ст. 13 и 20 советско-иранского договора [40. С. 799]. Данное обещание удовлетворило Тегеран, и через два дня договор был ратифицирован меджлисом.

Потеряв поддержку в правительственных кругах и прислушиваясь к критике из Москвы, Ротштейн решил интенсивнее работать с профсоюзами, иранской компартией и социал-демократической партией («Эджтемайуне аммийун»), в лице которых он надеялся найти политическую опору. При участии полпреда они начали создавать политическое объединение, получившее впоследствии название «Национальный блок». Первой пробой сил нового объединения стала кампания против кабинета Кавам эс-Салтане. Целью были поставлены его «свержение», создание «благоприятной конъюнктуры» для работы иранской компартии и профсоюзов, телеграфировал позже в Москву Ротштейн [41]. Тяжелая финансовая ситуация благоприятствовала этому замыслу: 24 декабря 1921 г. в Тегеране началась трехнедельная заба-

ставка преподавателей правительственных школ, не получавших заработную плату несколько месяцев, которых поддерживали ученики и студенты. Начались волнения среди солдат, которые также не получали своего жалования. В это время коммунисты с профсоюзами, частью депутатов-социалистов и редакторами некоторых газет образовали стачечный комитет, совместно выступая против кабинета в меджлисе и на улицах Тегерана [33. Л. 152–153; 41]. В итоге 20 января 1922 г. правительство, неспособное справиться с финансовым кризисом, подало в отставку. Новый кабинет возглавил Мошир од-Доуле (Хасан Пирния), который считался «националистом» и сторонником равных взаимоотношений как с РСФСР, так и с Великобританией.

Ротштейн возлагал большие надежды на правительство Мошир од-Доуле. Тридцатого января 1922 г. он писал Чичерину, что «долгожданный кабинет» Мошир од-Доуле воплощает собой «уход от английского влияния и приближение» к РСФСР [15. Л. 143]. Полпред просил у Москвы денег для поддержки нового кабинета, что, по его мнению, могло бы укрепить положение РСФСР в Иране и «уничтожить домогательства Англии». Со своей стороны он обещал способствовать проведению ряда реформ [Там же. Л. 148].

Однако внутривластная обстановка в Иране в этот период не способствовала укреплению советско-иранских отношений и росту влияния Москвы. Те ожидания в отношении новой России, на которые первоначально указывал Ротштейн, постепенно проходили. Советская интервенция в Гилян напоминала о российском империалистическом прошлом, а коммунистическая идеология не находила поддержки у населения и вызывала опасения правящих слоев. Недовольство многолетним господством британцев уступало место трезвому расчету, во всяком случае в правительственных кругах. Так, даже правительство Кавам эс-Салтане, ведя переговоры с американцами и публично дистанцируясь от Великобритании, в то же время неоднократно обращалось за финансовой помощью к британскому представительству и Шахиншахскому банку [42, 43].

Керзон, раздосадованный провалом своей политики в отношении Ирана, первоначально выступал против предоставления займов Тегерану, но затем его позиция смягчилась. После победы шахских войск в Гиляне Лондон посчитал, что он может положиться на Реза-хана в противодействии распространению советского влияния и коммунистической идеологии в Иране. В поддержку этого мнения выступал и новый британский посланник Перси Лорейн [44. Р. 162]. Реза-хану удалось склонить британского посланника на свою сторону, точно так же, как в свое время он сделал это с Ротштейном. Хомаюн Катузиян отмечает способность Реза-хана использовать нужных людей и устанавливать «превосходные» отношения с зарубежными дипломатами на своем пути к власти [45. Р. 280].

В итоге еще в декабре 1921 г. АПНК в рамках соглашения Армитаж-Смита выплатила иранскому правительству 808 тыс. фунтов стерлингов [46. Р. 244]. Кроме того, Лондон подтолкнул АПНК к за-

ключению соглашения со «Стандарт ойл», вынудив тем самым Тегеран аннулировать уже одобренную концессию. И хотя в марте 1922 г. Ирану удалось получить займ в 1 млн долл. от финансового конгломерата J.P. Morgan & Co [47. Л. 25–26], этого было недостаточно, чтобы отказаться от финансовых услуг англичан.

В свою очередь Москва не имела серьезных экономических ресурсов, которые могли бы повлиять на позицию Тегерана. Советско-иранской торговле требовались годы для восстановления от послевоенной разрухи. Кроме того, новый формат российской внешнеэкономической политики вызывал недовольство как официального Тегерана, так и иранского купечества. И хотя в дальнейшем Москва пошла на ряд уступок иранской стороне, серьезные разногласия между ними продолжали сохраняться и привели к затягиванию переговоров по заключению торгового договора более чем на пять лет. Аналогично годами не могли решиться и некоторые другие проблематичные вопросы двухсторонних отношений (о рыбных промыслах, таможенных пошлинах, пограничном водопользовании и др.).

Правительство Мошир од-Доуле, на которое Ротштейн возлагал большие надежды, с одной стороны, отправило в Москву делегацию для ведения торговых переговоров и предоставило советской стороне право на проведение весенней путины на рыбных промыслах юга Каспийского моря, но с другой – предприняло ряд откровенно антисоветских шагов.

Дело в том, что Иран в это время сотрясала волна антиправительственных восстаний (Иранский Азербайджан, Гилян, Хамадан и Луристан). В таких условиях Тегеран, опасаясь поддержки Москвой повстанцев, дал инструкции местным властям следить за деятельностью советских консулов. Советские торговые органы столкнулись с затруднениями, создаваемыми иранской администрацией, а российские граждане подвергались физическому насилию и отъему имущества. Кроме того, иранские власти поддерживали деятельность комитета русских белогвардейцев, а в Гиляне, забыв об амнистии, проводили аресты лиц, причастных к событиям 1920–1921 гг. [48. Л. 281–282; 49. Л. 166–167].

В итоге, когда весной 1922 г. в иранской прессе началась кампания, направленная против режима военного положения и Реза-хана, Ротштейн, будучи недовольным новым правительством, решил ей воспользоваться. Когда в начале марта 1922 г. редакция закрытой правительством газеты «Туфан» села в бестерритории советской миссии, полпред, несмотря на публичное заявление о нейтралитете, фактически оказал ей поддержку [49. Л. 171–172]. В конечном счете 23 мая 1922 г. Мошир од-Доуле, столкнувшись с острой нехваткой финансов, общественными протестами и недовольством Реза-хана, подал в отставку. Новым премьер-министром вновь стал Кавам эс-Салтане, однако к этому времени полпред был вынужден покинуть Тегеран.

Еще 17 ноября 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б), на фоне скандала вокруг разгрома гилянской республики, постановило запросить Ротштейна об удобном для него сроке выезда в Москву на совещание. Однако

виду того, что советско-иранский договор еще рассматривался в меджлисе, выезд было решено отложить. После ратификации договора Политбюро постановило вызвать полпреда в Москву и назначить его заместителем Б.З. Шумяцкого, который прибыл в Тегеран 29 апреля 1922 г.

Сам Ротштейн на пути в Москву 30 мая 1922 г. в интервью газете «Бакинский рабочий» заявил, что провел в Иране большую работу по борьбе с «предубеждениями и опасениями» и освободил важные политические и экономические позиции от «противников» (англичан). В своей записке в Политбюро ЦК РКП(б) полпред отметил, что заслуживает «не порицания, а одобрения и поддержки» и приписал своему влиянию (на наш взгляд, безосновательно) расформирование южно-персидских стрелков, высылку английских инструкторов и советников и формального аннулирования договора 1919 г. [50]. Однако Политбюро 29 июня 1922 г. приняло решение об отстранении его от работы в Иране.

Деятельность Ф.А. Ротштейна на посту советского полпреда в Иране пришлась на переломное время во взаимоотношениях двух стран, которое определило их контуры на последующие годы. Став первым официально признанным иранскими властями дипломатическим представителем новой России, Ротштейн за год с небольшим своего пребывания в Тегеране сумел повлиять на формировавшиеся межгосударственные отношения.

Изучая деятельность Ф.А. Ротштейна, прежде всего, нельзя не заметить его активного участия во внутривнутриполитической жизни Ирана и влияния на эту деятельность личных взглядов. Федора Ароновича нельзя отнести к простому исполнителю директив Москвы. Ориентируясь на решения высших инстанций, он дополнял их своим видением ситуации. Обладая твердым характером, полпред умел настаивать на своей точке зрения и не боялся конфликтов с высокопоставленными лицами большевистского руководства, нажив себе немало недоброжелателей, – позиция, которая в конечном счете способствовала его отставке.

Полагаясь на личные контакты с представителями иранской политической элиты, Ротштейн повел жесткий и последовательный курс на ликвидацию гилинской республики. Действительно, в условиях вывода британских войск с территории Ирана продолжающаяся поддержка Гиляна вызывала недовольство иранской стороны. Однако, как выяснилось позже, республика была тем рычагом влияния, который делал Тегеран более сговорчивым и который Москве оказалось трудно заменить. Кроме того, советская сторона, совершив вооруженную интервенцию в Гилян, с одной стороны, посеяла сомнение в искренности своей политики в иранских правящих кругах, а с другой – фактически способствовал падению республики и

гибели центральной фигуры дженгелийского движения – Кучек-хана, показала себя и ненадежным союзником. И это не могло быть в последующие годы компенсировано экономической составляющей (прежде всего объемом двухсторонней торговли). В свою очередь для Реза-хана уничтожение гилинской республики стало важным шагом на пути к высшей власти в стране, достигнув которой, он стал проводить политику, направленную в том числе и на ослабление советского влияния в Иране.

Аналогично курс Ротштейна на установление личных связей с ведущими фигурами иранской политики повлиял и на его отношение к иранской компартии, профсоюзам и тем, кого в советской терминологии тех лет называли демократическими элементами. Не видя в них серьезной политической силы, полпред первоначально не уделял им достаточного внимания и лишь в последующем вынужден был изменить свою позицию и приступить к созданию политического объединения, впоследствии получившим название «Национальный блок», в котором преемник Ротштейна Б.З. Шумяцкий попытался, правда безуспешно, найти опору советской политики в Иране.

Время показало ошибочность некоторых установок Ротштейна, а критика оппонентов не позволила ему задержаться на посту полпреда. В итоге, добившись ратификации советско-иранского договора и ликвидации гилинской республики, Ротштейн вынужден был покинуть Иран. При этом существовали и объективные факторы, препятствующие росту влияния Советской России в этой стране и усилению двухсторонних связей: финансовая нужда иранского правительства (и неспособность Москвы ее удовлетворить); ориентация Тегерана на привлечение третьей силы в страну; неприятие правящими слоями коммунистической идеологии и их опасениями северного соседа, усиленными советским вторжением в Гилян.

Несмотря на краткосрочность пребывания Ф.А. Ротштейна в Иране, следует отметить, что при его участии закладывались основы советско-иранских отношений, повлиявшие на их ход в последующие годы. Был ратифицирован советско-иранский договор, произошло изменение отношения Москвы к проблеме северной нефти, были заложены основы «Национального блока» – проводника коминтерновской стратегии «единого антиимпериалистического фронта» в Иране, началось выстраивание системы личных контактов советских дипломатов с представителями иранской политической элиты. Произшедшая замена Ф.А. Ротштейна Шумяцким не привела к изменению советской политики в отношении Ирана, которая теперь была направлена на создание централизованной, независимой и дружественной Советской России страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арабаджян З.А. Иран: противостояние империям (1918–1941). М. : ИВ РАН, 1996. 224 с.
2. Володарский М.И. Советы и их южные соседи Иран и Афганистан (1917–33 гг.). London : Overseas Publications Interchange Ltd., 1995. 242 с.
3. Chaqueri Cosroe. The Soviet Socialist Republic of Iran, 1920–1921: Birth of the Trauma. University of Pittsburgh Press, Pittsburgh and London, 1995. 649 p.
4. Генис В.Л. Красная Персия: Большевики в Гиляне, 1920–1921: документальная хроника. М. : МНПИ, 2000. 559 с.

5. Dispatch. Mr. Norman to Earl Curzon. Tehran, June 6, 1921 // British Documents on Foreign affairs: reports and papers from the Foreign Office confidential print. Pt. II, From the First to the Second World War., Ser. B Turkey, Iran and the Middle East, 1918–1939, Vol. 17. Persia II: A troubled year, July 1921 – June 1922 / Editor Robin Bidwell. [Frederick, Md.] : University publications of America, 1990. P. 46–49.
6. Tulsiram Ideology in Soviet-Iranian relations (Lenin to Stalin). New Delhi: Institute for Media Communication, 2003. 215 p.
7. Копия записки Ф.А. Ротштейна Г.В. Чичерину от 20.07.1921 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 159. Оп. 2. Д. 51. Л. 23–29.
8. Telegram. Mr. Norman to Earl Curzon. Tehran, July 1, 1921. // British Documents on Foreign affairs... Vol 17. [Frederick, Md.]: University publications of America, 1990. P. 9.
9. Записка Д.Ю. Гопнера Чичерину от 23.12.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2153. Л. 106–110.
10. Копия письма В.Г. Тардова Л.М. Карахану от 19.02.1922 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р 5402. Оп. 1. Д. 423. Л. 6–10.
11. Доклад ЦК ИКП в Восточный отдел Исполкома Коминтерна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 59. Л. 1–7 об.
12. Копия письма из НКВД Ротштейну от 09.08.1921 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВПРФ). Ф. 04. Оп. 18, пап. 110. Д. 50653. Л. 12–17.
13. Копия письма из НКВД Ротштейну от 04.10.1921 г. // АВПРФ. Ф. 4. Оп. 18. Пап. 110. Д. 50653. Л. 46–54.
14. Копия записки Ротштейна Чичерину от 17.10.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2153. Л. 41–50.
15. Копия доклада Ротштейна Чичерину от 30.01.1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2153. Л. 143–151.
16. Копия записки Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 51. Л. 127–128.
17. Справочно-информационный материал // АВПРФ. Ф. 4. Оп. 18. Пап. 110. Д. 50663. Л. 18–28 об.
18. Телеграмма Левина Чичерину от 30.04.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2198. Л. 13.
19. Телеграмма Ротштейна Чичерину от 15.05.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2198. Л. 15.
20. Телеграмма Ротштейна Чичерину от 19.05.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2198. Л. 18.
21. Телеграмма Чичерина М.Д. Гусейнову от 17.07.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2097. Л. 26.
22. Записка Чичерина В.И. Ленину от 10.11.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 51. Л. 133–134.
23. Копия записки Ротштейна Чичерину от 08.10.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2153. Л. 28–40.
24. Копия доклада Хавина Чичерину от 28.10.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 51. Л. 43–54.
25. Записка Ротштейна Чичерину от 15.12.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 51. Л. 73–83.
26. Копия записки Ротштейна Чичерину от 24.10.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 51. Л. 38–42.
27. Fred Halliday. The Iranian Left in international perspective // Reformers and Revolutionaries in Modern Iran: New perspectives on the Iranian Left / ed. by Stephanie Cronin. London ; New York : Taylor & Francis e-Library, 2004. P. 19–36.
28. Письмо шестое Гопнера Чичерину от 09.10.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2153. Л. 76–79.
29. Записка И.В. Сталина Ленину // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2153. Л. 105.
30. Сводка Информбюро Персии от 18.09.1921 г. // АВПРФ. Ф. 94. Оп. 5. Пап. 106. Д. 31. Л. 151–163.
31. Нота Чичерина Мошавер-оль-Мемалеку от 29.10.1921 г. // Документы внешней политики СССР / МИД СССР; д-р экон. наук А.А. Громыко и др. М. : Госполитиздат, 1960. Т. IV. С. 449–450.
32. Телеграмма Ротштейна Чичерину от 25.11.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2198. Л. 89.
33. Справочно-информационный материал В.П. Осетрова от 26.01.1922 г. // АВПРФ. Ф. 94. Оп. 4. Пап. 105. Д. 1. Л. 148–154.
34. Dispatch. Sir P. Loraine to the Marquess Curzon of Kedleston. Tehran, May 7, 1922 // British Documents on Foreign affairs... Vol. 17. [Frederick, Md.] : University publications of America, 1990. P. 363–370.
35. Telegram. Mr. Bridgeman to the Marquess Curzon of Kedleston. Tehran, December 8, 1921 // British Documents on Foreign affairs... Vol 17. [Frederick, Md.] : University publications of America, 1990. P. 151.
36. Копия записки Ротштейна от 08.11.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 51. Л. 69–72.
37. Записка Ротштейна Чичерину от 21.12.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 51. Л. 88–91.
38. Записка Чичерина Ленину от 06.12.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 51. Л. 144.
39. Записка Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) от 16.01.1922 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 51. Л. 147.
40. Документы внешней политики СССР / М-во иностранных дел СССР; д-р экон. наук А.А. Громыко и др. М. : Госполитиздат, 1960. Т. IV. 836 с.
41. Телеграмма Ротштейна Чичерину для передачи Коминтерну, копия Сталину от 20.01.1922 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 57. Л. 42.
42. Telegram. Mr. Bridgeman to the Marquess Curzon of Kedleston. Tehran, October 6, 1921 // British Documents on Foreign affairs... Vol. 17. [Frederick, Md.] : University publications of America, 1990. P. 80–81.
43. Telegram. Mr. Bridgeman to the Marquess Curzon of Kedleston. Tehran, October 24, 1921 // British Documents on Foreign affairs... Vol. 17. [Frederick, Md.] : University publications of America, 1990. P. 135–136.
44. Houshang Sabahi. British policy in Persia, 1918–1925. London : Frank Cass and company limited, 1990. 269 p.
45. Homa Katouzian. State and Society in Iran: The Eclipse of the Qajars and the Emergence of the Pahlavis. London : I.B. Tauris, 2006. 351 p.
46. Mohammad Gholi Majd. Great Britain and Reza Shah: the plunder of Iran, 1921–1941. Gainesville, FL. : University Press of Florida, 2001. 429 p.
47. Политический бюллетень № 4 Полпредства РСФСР в Персии, март 1922 г. // АВПРФ. Ф. 4. Оп. 18. Пап. 113. Д. 50713. Л. 22–52.
48. Справка Осетрова «Кризис кабинета в Персии» от 15.06.1922 г. // АВПРФ. Ф. 94. Оп. 4. Пап. 105. Д. 1. Л. 273–291.
49. Записка Карахана Ленину от 29.05.1922 г. с прилагаемым письмом (копией) Б.З. Шуляцкого от 21.05.1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2153. Л. 152–188.
50. Копия записки Ротштейна в Политбюро ЦК РКП(б) // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2153. Л. 189–191.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 ноября 2016 г.

T.A. ROTHSTEIN AND THE FIRST STEPS OF SOVIET DIPLOMACY IN IRAN (1921–1922)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 52–61.

DOI: 10.17223/15617793/414/8

Yury A. Demin, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: yademin1980@yandex.ru; ddeminzz@mail.ru

Keywords: Iran; T.A. Rothstein; Soviet-Iranian relations.

The article considers the activities of Theodore Aronovich Rothstein as a Soviet plenipotentiary in Iran. They took place at the turning point in the history of both countries and made an important contribution to the development of Soviet-Iranian relations. Having considerable experience in socio-political activity, Rothstein took an active part in the political life of Iran, and his strong character affected the nature of his decisions. The internal political situation in both Soviet Russia and Iran demanded Rothstein's immediate and decisive actions. So, despite the establishment of diplomatic relations with Iran, a part of the Bolshevik leaders continued to support the Soviet Republic in Gilan. Rothstein made many efforts to stop that support and took an active part in the process of liquidation of the self-declared state. Meanwhile, some serious internal political changes were happening in Iran. The British post-war

occupation of Iran ended, and Rothstein got immediately involved in the active socio-political life of the country. Using the press and his contacts with the Iranian political establishment, the Soviet plenipotentiary tried to solve two main tasks: to weaken the British influence in Iran and to strengthen Soviet-Iranian relations. The February coup d'état in Iran in 1921 made the Cossack officer Reza Khan an important figure in the Iranian political life, and Rothstein made many efforts to win him over. Rothstein's position in the liquidation of the Soviet Republic of Gilan promoted the strengthening of Reza Khan's influence and became an important step on his way to the supreme power in Iran. Rothstein overestimated his personal influence on the Iranian ruling elite, and the collapse of the Soviet Republic of Gilan revealed the relative weakness of the Soviet influence in that country. As a result, the Soviet plenipotentiary had to begin establishing a political union, which later became known as the National Block. Having created the coalition of the Social Democratic and the Communist parties, labor unions and the press, Rothstein contributed to the overthrowing of the government of Qavam al-Saltaneh, hoping that his successor would establish closer relations with Soviet Russia and carry out some reforms. But those Rothstein's hopes were not realized, and in a few months he had to leave Iran. Time showed the falseness of some Rothstein's views, and the current situation hampered the successful realization of the assigned tasks. In spite of the sharp criticism, Rothstein promoted the ratification of the Soviet-Iranian Treaty and the change of Moscow's attitude toward the problem of the oil fields in Northern Iran. With his participation the foundations of the National Block were laid, and the formation of the system of relations of the Soviet representatives with the representatives of the Iranian political elite started. Because of his vigorous activity and outstanding personality, Rothstein went down in the history of Soviet-Iranian relations as one of the most famous Soviet plenipotentiaries.

REFERENCES

1. Arabadzhyan, Z.A. (1996) *Iran: protivostoyanie imperiyam (1918–1941)* [Iran: Confronting the Empires (1918–1941)]. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS.
2. Volodarskiy, M.I. (1995) *Sovety i ikh yuzhnye sosedni Iran i Afganistan (1917–33 gg.)* [The Soviets and their southern neighbors Iran and Afghanistan (1917–1933)]. London: Overseas Publications Interchange Ltd.
3. Chaqueri Cosroe. (1995) *The Soviet Socialist Republic of Iran, 1920–1921: Birth of the Trauma*. Pittsburgh; London: University of Pittsburgh Press.
4. Genis, V.L. (2000) *Krasnaya Persiya: Bol'sheviki v Gilyane, 1920–1921: dokumental'naya khronika* [Red Persia: The Bolsheviks in Gilan, 1920–1921: a documentary chronicle]. Moscow: MNPI.
5. Bidwell, R. (ed.) (1990) Dispatch. Mr. Norman to Earl Curzon. Tehran, June 6, 1921. In: *British Documents on Foreign affairs: reports and papers from the Foreign Office confidential print*. Pt. II, From the First to the Second World War, Ser. B Turkey, Iran and the Middle East, 1918–1939, Vol. 17, Persia II: A troubled year, July 1921 – June 1922. Frederick, Md.: University publications of America.
6. New Delhi Institute of Media Communication. (2003) *Tulsiram Ideology in Soviet-Iranian relations (Lenin to Stalin)*. New Delhi: Institute for Media Communication.
7. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 159. List 2. File 51. pp. 23–29. *Kopiya zapiski F.A. Rotshteyna G.V. Chicherinu ot 20.07.1921 g.* [A copy of the note of T.A. Rothstein to G.V. Chicherin, 20.07.1921].
8. Bidwell, R. (ed.) (1990) Telegram. Mr. Norman to Earl Curzon. Tehran, July 1, 1921. In: *British Documents on Foreign affairs: reports and papers from the Foreign Office confidential print*. Pt. II, From the First to the Second World War, Ser. B Turkey, Iran and the Middle East, 1918–1939, Vol. 17, Persia II: A troubled year, July 1921 – June 1922. Frederick, Md.: University publications of America.
9. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 2153. pp. 106–110. *Zapiska D.Yu. Gopnera Chicherinu ot 23.12.1921 g.* [Note of D.Yu. Gopner to Chicherin, 23.12.1921].
10. State Archive of the Russian Federation. Fund R 5402. List 1. File 423. pp. 6–10. *Kopiya pis'ma V.G. Tardova L.M. Karakhanu ot 19.02.1922 g.* [A copy of the letter of V. Tardov to L.M. Karakhan, 19.02.1922].
11. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 495. List 90. File 59. pp. 1–7 rev. *Doklad TsK IKP v Vostochnyy otdel Ispolkoma Komintern* [Report of the Central Committee of the ICP to the Eastern Division of the ECCI].
12. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVPRF). Fund 04. List 18. Folder 110. File 50653. pp. 12–17. *Kopiya pis'ma iz NKID Rotshteynu ot 09.08.1921 g.* [A copy of the letter of Rothstein to the People's Commissariat for Foreign Affairs, 09.08.1921].
13. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVPRF). Fund 4. List 18. Folder 110. File 50653. pp. 46–54. *Kopiya pis'ma iz NKID Rotshteynu ot 04.10.1921 g.* [A copy of the letter from the People's Commissariat for Foreign Affairs to Rothstein, 04.10.1921].
14. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 2153. pp. 41–50. *Kopiya zapiski Rotshteyna Chicherinu ot 17.10.1921 g.* [A copy of the note from Rothstein to Chicherin, 17.10.1921].
15. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 2153. pp. 143–151. *Kopiya doklada Rotshteyna Chicherinu ot 30.01.1922 g.* [A copy of the report from Rothstein to Chicherin, 30.01.1922].
16. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 159. List 2. File 51. pp. 127–128. *Kopiya zapiski Chicherina v Politbyuro TsK RKP(b)* [A copy of the note of Chicherin to the Politburo of the RCP (B)].
17. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVPRF). Fund 4. List 18. Folder 110. File 50663. pp. 18–28 rev. *Spravочно-informatsionnyy material* [Reference information material].
18. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 2198. pp. 13. *Telegramma Levina Chicherinu ot 30.04.1921 g.* [Telegram. Chicherin to Levin, 30.04.1921].
19. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 2198. pp. 15. *Telegramma Rotshteyna Chicherinu ot 15.05.1921 g.* [Telegram. Rothstein to Chicherin, 15.05.1921].
20. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 2198. pp. 18. *Telegramma Rotshteyna Chicherinu ot 19.05.1921 g.* [Telegram. Rothstein to Chicherin, 19.05.1921].
21. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 2097. pp. 26. *Telegramma Chicherina M.D. Guseynovu ot 17.07.1921 g.* [Telegram. Chicherin to M.D. Guseynov, 17.07.1921].
22. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 159. List 2. File 51. pp. 133–134. *Zapiska Chicherina V.I. Leninu ot 10.11.1921 g.* [Note of Chicherin to V.I. Lenin of 10.11.1921].
23. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 2153. pp. 28–40. *Kopiya zapiski Rotshteyna Chicherinu ot 08.10.1921 g.* [A copy of the note of Rothstein to Chicherin of 08.10.1921].
24. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 159. List 2. File 51. pp. 43–54. *Kopiya doklada Khavina Chicherinu ot 28.10.1921 g.* [A copy of the report from Khavin to Chicherin of 28.10.1921].
25. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 159. List 2. File 51. pp. 73–83. *Zapiska Rotshteyna Chicherinu ot 15.12.1921 g.* [Note of Rothstein to Chicherin of 15.12.1921].
26. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 159. List 2. File 51. pp. 38–42. *Kopiya zapiski Rotshteyna Chicherinu ot 24.10.1921 g.* [A copy of the note of Rothstein to Chicherin of 24.10.1921].

27. Halliday, F. (2004) The Iranian Left in international perspective. In: Cronin, S. (ed.) *Reformers and Revolutionaries in Modern Iran: New perspectives on the Iranian Left*. London; New York: Taylor & Francis e-Library.
28. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 2153. pp. 76–79. *Pis'mo shestoe Gopnera Chicherinu ot 09.10.1921 g.* [Letter 6 from Gopner to Chicherin of 09.10.1921].
29. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 2153. pp. 105. *Zapiska I.V. Stalina Leninu* [Note of I.V. Stalin to Lenin].
30. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVPRF). Fund 94. List 5. Folder 106. File 31. pp. 151–163. *Svodka Informbyuro Persii ot 18.09.1921 g.* [Summary of Persia's Information Office, 18.09.1921].
31. Gromyko, A.A. et al. (1960) Nota Chicherina Moshaver-ol'-Memaleku ot 29.10.1921 g. [Note Chicherin's note to Moshaver-ol-Mamalek of 29.10.1921]. In: *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy]. Vol. 4. Moscow: Gospolitizdat.
32. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1, l. 2198. pp. 89. *Telegramma Rotshteyna Chicherinu ot 25.11.1921 g.* [Telegram. Rothstein to Chicherin of 25.11.1921].
33. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVPRF). Fund 94. List 4. Folder 105. File 1. pp. 148–154. *Spravочно-informatsionnyy material V.P. Osetrova ot 26.01.1922 g.* [Reference information material of V.P. Osetrov of 26.01.1922].
34. Bidwell, R. (ed.) (1990) Dispatch. Sir P. Loraine to the Marquess Curzon of Kedleston. Tehran, May 7, 1922. In: *British Documents on Foreign affairs: reports and papers from the Foreign Office confidential print*. Pt. II, From the First to the Second World War, Ser. B Turkey, Iran and the Middle East, 1918–1939, Vol. 17, Persia II: A troubled year, July 1921 – June 1922. Frederick, Md.: University publications of America.
35. Bidwell, R. (ed.) (1990) Telegram. Mr. Bridgeman to the Marquess Curzon of Kedleston. Tehran, December 8, 1921. In: *British Documents on Foreign affairs: reports and papers from the Foreign Office confidential print*. Pt. II, From the First to the Second World War, Ser. B Turkey, Iran and the Middle East, 1918–1939, Vol. 17, Persia II: A troubled year, July 1921 – June 1922. Frederick, Md.: University publications of America.
36. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 159. List 2. File 51. pp. 69–72. *Kopiya zapiski Rotshteyna ot 08.11.1921 g.* [A copy of Rothstein's note of 08.11.1921].
37. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 159. List 2. File 51. pp. 88–91. *Zapiska Rotshteyna Chicherinu ot 21.12.1921 g.* [Rothstein's note to Chicherin from 21.12.1921].
38. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 159. List 2. File 51. pp. 144. *Zapiska Chicherina Leninu ot 06.12.1921 g.* [Chicherin's note to Lenin on 06.12.1921].
39. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 159. List 2. File 51. pp. 147. *Zapiska Chicherina v Politbyuro TsK RKP(b) ot 16.01.1922 g.* [Chicherin's note to the Politburo of the RCP (B) of 16.01.1922].
40. Gromyko, A.A. et al. (1960) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy]. Vol. 4. Moscow: Gospolitizdat.
41. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 495. List 90. File 57. pp. 42. *Telegramma Rotshteyna Chicherinu dlya peredachi Kominternu, kopiya Stalinu ot 20.01.1922 g.* [Telegram. Rothstein to Chicherin to transfer it to the Comintern, a copy of Stalin, 20.01.1922].
42. Bidwell, R. (ed.) (1990) Telegram. Mr. Bridgeman to the Marquess Curzon of Kedleston. Tehran, October 6, 1921. In: *British Documents on Foreign affairs: reports and papers from the Foreign Office confidential print*. Pt. II, From the First to the Second World War, Ser. B Turkey, Iran and the Middle East, 1918–1939, Vol. 17, Persia II: A troubled year, July 1921 – June 1922. Frederick, Md.: University publications of America.
43. Bidwell, R. (ed.) (1990) Telegram. Mr. Bridgeman to the Marquess Curzon of Kedleston. Tehran, October 24, 1921. In: *British Documents on Foreign affairs: reports and papers from the Foreign Office confidential print*. Pt. II, From the First to the Second World War, Ser. B Turkey, Iran and the Middle East, 1918–1939, Vol. 17, Persia II: A troubled year, July 1921 – June 1922. Frederick, Md.: University publications of America.
44. Sabahi, H. (1990) *British policy in Persia, 1918–1925*. London: Frank Cass and company limited.
45. Katouzian, H. (2006) *State and Society in Iran: The Eclipse of the Qajars and the Emergence of the Pahlavis*. London: I.B. Tauris.
46. Majd, M.G. (2001) *Great Britain and Reza Shah: the plunder of Iran, 1921–1941*. Gainesville, FL.: University Press of Florida.
47. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVPRF). Fund 4. List 18. Folder 113. File 50713. pp. 22–52. *Politicheskii byulleten' № 4 Polpredstva RSFSR v Persii, mart 1922 g.* [Political Newsletter 4 of the RSFSR embassy in Persia, March 1922].
48. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVPRF). Fund 94. List 4. Folder 105. File 1. pp. 273–291. *Spravka Osetrova "Krizis kabineta v Persii" ot 15.06.1922 g.* [Osetrov's note "Crisis of the Cabinet in Persia" of 15.06.1922].
49. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 2153. pp. 152–188. *Zapiska Karakhana Leninu ot 29.05.1922 g. s prilagaemym pis'mom (kopiyey) B.Z. Shumyatskogo ot 21.05.1922 g.* [Note of Karakhan to Lenin of 29.05.1922, with an attached letter (copy) of B.Z. of Shumyatsky from 21.05.1922].
50. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 2153. pp. 189–191. *Kopiya zapiski Rotshteyna v Politbyuro TsK RKP(b)* [Copy of Rothstein's note to the Politburo of the Central Committee of the RCP (b)].

Received: 18 November 2016

**«БУДЕ НУЖДА ТОГО ТРЕБУЕТ, ТО ГУБЕРНИЮ РАЗДЕЛИТЬ НА ПРОВИНЦИИ...»
(ВНЕДРЕНИЕ НОВОЙ СХЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬСКИМ ТРАНСГРАНИЧЬЕМ
В 1775–1784 гг.)**

*Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых российских учёных МК-8975.2016.6.
«Государственные институты управления Российской империи в освоении Забайкальского трансграничья
(вторая половина XVIII – начало XX в.)».*

Рассматривается история внедрения новой для Забайкальского региона административно-управленческой схемы – провинции. Освещены основные сведения об учреждении, устройстве и компетенции канцелярии и воеводы Удинской провинции. Сделан вывод, что политика обустройства сибирских окраин Российской империи не только не носила инновационного характера с целью развития региона, но даже не адаптировалась к местным социально-экономическим, географическим, этническим, климатическим и прочим особенностям.

Ключевые слова: провинция; провинциальная канцелярия; воевода; комиссар; Забайкалье.

Забайкальский регион на протяжении длительного времени формировался как периферия огромной Российской империи [1. С. 48]. Выполняя роль транзитного коридора для продвижения русских на Амур [2. С. 27] в условиях трансграничного расположения, Забайкалье в значительно большей мере испытывало довлеющую роль государства в своём развитии. Политика формирования административных институтов Забайкалья и общих схем его управления на протяжении всего имперского периода имела ряд значительных отличий, в том числе от центральных сибирских областей.

Ход развития схемы административного управления Забайкальем свидетельствует о её «догоняющей» модели. Административные нововведения внедрялись на восточных окраинах со значительным опозданием и часто в усечённом виде [3. С. 4; 4. С. 86]. Так, в 1719 г. в Российской империи появляются дистрикты. В то время как в 1726 г. на всей западной части Российской империи они упраздняются, в Восточной Сибири дистрикты только организуются. Деление Забайкалья на дистрикты совпало с формированием в 1724 г. Иркутской провинции, когда были выделены Нерчинский уезд во главе с воеводой и Селенгинский дистрикт во главе с земским комиссаром. Впоследствии появляются сведения о сосуществовании одновременно дистриктов и уездов на одной и той же территории, по меньшей мере до середины XVIII в. С 1736 г. Иркутская провинция получила полную независимость от Тобольска и стала управляться особым вице-губернатором, в это же время выделяется Селенгинский уезд, возглавляемый воеводой.

Запоздалое введение новых административных схем обусловлено рядом социально-экономических причин, которые являлись результатом колонизационной и переселенческой политики царского правительства. Сибирские территории с самого начала не могли быть приравнены к западным областям, да и собственно таких задач по уравниванию новых присоединённых территорий не ставилось. Насущной потребностью было создание в Сибири небольшого мобильного аппарата управления для поддержания порядка и соблюдения властных интересов. В большей мере этого удалось достигнуть учреждением в 1851 г. Забайкальской области во главе с военным губерна-

тором. Но попытки организации автономного аппарата управления в Забайкалье предпринимались ещё XVIII в. в виде создания за Байкалом провинции под управлением воеводы.

Изучение «провинциального» периода истории Забайкалья производилось исследователями в контексте рассмотрения других исторических проблем, в частности изучения семейских переселенцев. В 1925 г. вышла работа В.П. Гирченко, посвящённая истории переселения старообрядцев в Забайкалье [5. С. 9–12]. В ней были охарактеризованы некоторые направления деятельности провинциальной канцелярии, особенно переселенческое и фискальное. Достаточно ценными являются сведения о взаимодействии провинциального и сельского начальства в сфере взимания податей и поддержании полицейского порядка. По мнению В.П. Гирченко, одной из важнейших причин учреждения провинции стало значительное увеличение числа населения за счёт ссыльных и интенсификация сельского хозяйства. В изучении истории Удинска в XVIII в. и его управления значителен вклад В.М. Пыкина. В ряде его работ охарактеризованы некоторые общие сведения об устройстве и деятельности Удинской провинциальной канцелярии [6. С. 148; 7. С. 12]. В разработку данной проблемы внесли определённый вклад такие краеведы, как Э.В. Демин, В.А. Байбородин, А.В. Тиваненко и др. Однако на сегодняшний день организация и управление Удинской провинцией не становились предметом специального исследования.

Изучение «провинциального» периода в истории Забайкалья достаточно сложно. Дело в том, что архив провинциальной канцелярии был почти полностью уничтожен пожаром 1787 г. Оставшиеся документы сохранились либо в современных ей учреждениях (Тарбагатайское волостное правление), либо отложились в фонде 88 (Управление Верхнеудинского коменданта) Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ). Несмотря на такое малое число сохранившихся материалов, уцелело большое дело (более семисот листов) № 156 – «Об определении в провинцию воевод с товарищами» (1775–1781). Материалы этого дела послужили основой для написания данной статьи.

Административное реформирование при Екатерине II не было исключительно прерогативой правительства. Губернаторам предлагалось вносить свои коррективы в новое территориальное деление своих губерний [8. С. 117]. Труднодоступность Забайкальских территорий даже для губернского центра представляла серьезную проблему. В течение длительного времени года Забайкалье было полностью блокировано для коммуникации, что совершенно недопустимо для транграничного региона и места ссылки и каторги, которым регион постепенно становился. Губернатор А.И. Бриль (губернаторство 1767–1776 гг.) еще в 1768 г. предложил создать отдельную Удинскую провинцию, объединявшую все Забайкальские земли с центром в г. Удинске. Бюрократическая машина «зажевала» эту идею до 1775 г., когда согласно «Учреждению для управления губерний...» (1775) было постановлено, что «буде нужда того требует, то наместничество или губернию разделить на области или провинции». 31 января того же года императрица подписала указ «О новом разделении Иркутской губернии...». До учреждения провинции в Забайкалье существовали два уезда, которые управлялись воеводами, Удинск являлся пригородом и входил в состав Селенгинского уезда, который, как и Нерчинский, одновременно был дистриктом. Из этой схемы выбивается только Баргузин, не имевший уезда и возглавляемый управителем.

При введении новых административных единиц правительство Екатерины II не упраздняло старые учреждения. Напротив, в законодательстве отмечалось, что, несмотря на введение новой системы управления в тех местах, где это полезно и нужно, старые

учреждения сохранялись на прежних основаниях. Данная законодательная норма характеризует всю запутанность системы управления такими отдаленными регионами, как Забайкалье. Нужно отметить, что внедрение новых учреждений с сохранением укоренившихся – характерная черта внутренней политики Екатерины II [9. С. 335; 10. С. 29].

С открытием 25 сентября 1775 г. провинциальной канцелярии Удинск (позднее Верхнеудинск) стал центром провинции и резиденцией провинциального воеводы, первым из которых стал майор артиллерии Иван Васильевич Тевяшев (Тевяшов) [11. С. 156]. Он как главный начальник провинции напрямую подчинялся Иркутскому губернатору. При воеводе состояли товарищ (заместитель), титулярный советник Ф.И. Нерлов (после коллежский асессор И.В. Ланской; затем капитан В.Л. Воейков), прокурор И.И. Мельгунов, секретарь Г.Н. Удачин и канцелярия. Помещение канцелярии было расположено в комфортабельном по тем временам доме умершего коменданта И.С. Мертвцова [12. Л. 2]. Согласно штатному расписанию [13. Л. 11–11 об.] провинциальная канцелярия делилась на повытья (отделения), каждое из которых ведало определенным родом дел или ветвью управления. В Удинской провинциальной канцелярии по причине немногочисленности штата повытья были сгруппированы следующим образом: 1) оборочное, 2) подушное, 3) ясачное, экономическое и солонное, 4) приходно-расходное, 5) питейное и провиантское, 6) судебное и розыскное. В каждое отделение были определены канцелярские служители (см. таблицу).

Распределение канцелярских служителей по повытьям Удинской провинциальной канцелярии

Понятие	Оборочное	Подушное	Ясачное, экономическое, солонное	Приходно-расходное	Питейное и провиантское	Судебное и розыскное
Канцеляристы	В. Дорофеев – протоколист, нотариус, составление ежемесячных и годовых ведомостей	Размахин Н. – регистратор (оборочного и подушного повытьев), нотариус	И. Арканов	А. Дуткин – приходчик и расходчик и составитель ведомостей денежной казны и ясака		
Подканцеляристы	И. Березовский	И. Тарасов			П. Мальцев	Е. Размахин
Копеисты	А. Суетин	Г. Цынков	М. Суворовцев	Т.П. Калашников		
			П.А. Суриков			

Удинская провинция включила в свой состав три комиссарства: Селенгинское, Нерчинское и Баргузинское. 21 сентября 1775 г. комиссаром Селенгинска назначен поручик Я. Загарин, принявший должность от сына боярского, бывшего за комиссара Д.Ф. Холщевникова (Хощевникова). Последний – яркий пример крайней нехватки квалифицированных кадров в Сибирском управлении. Он неоднократно по приказу воеводы временно принимал в управление разные учреждения и ведомства. Указом от 3 сентября 1775 г. в комиссарство была преобразована бывшая Баргузинская управительская канцелярия [13. Л. 98]. Должность комиссара, вероятно, была передана бывшему до этого управителем Ф. Вернеру с фактическим сохранением прежних функций. Но в связи с поступившими на него жалобами местного общества он в том

же году был снят с должности, а на его место назначен дворянин А. Ловцов. В Нерчинске первоначально на должность комиссара был назначен бывший ранее при городской команде подпоручик С. Карбутов.

В должности комиссаров сохранились черты прежних приказчиков и воевод, в каждом из трёх комиссарств они также фактически ежегодно сменялись. В Селенгинске и Нерчинске комиссары заняли канцелярии прежних воевод, но из-за крайне скудно сохранившихся источников мы не можем точно утверждать, что комиссарами были приняты все воеводские функции по вверенным им комиссарствам. В их руках находились сбор налогов, общее управление городом, суд и др. Канцелярии комиссаров были не в полной мере укомплектованы. Согласно штатам от 15 декабря 1763 г. всем комиссарствам положено иметь 6 канце-

лярских служителей [13. Л. 124]. По факту в том же Селенгинском комиссарстве было только четверо, которые, кроме исполнения прямых обязанностей, разбирали и приводили в порядок архив воеводской канцелярии.

Селенгинск и Нерчинск сохранили важный городской признак сословного самоуправления – ратуши, решавшие фискальные и судебные вопросы, а также вопросы городского хозяйства, миграции и т.д. Военное управление сохранилось в ведении комендантов (Нерчинской, Селенгинской, Удинской, Троицкосавской крепостей). В Удинске существовала провинциальная штатная команда, из которой впоследствии была сформирована комендантом Верхнеудинская городская команда [14. Л. 9–9 об.]. Воевода не являлся воинским начальником как таковым, его должность ограничивалась функциями гражданского управления, о чем свидетельствуют в том числе его промемории в комендантскую канцелярию с сообщениями о необходимости выделения военных чинов для разных нужд. В управлении городами в этот период еще наблюдается определенное несоответствие. Например, город Селенгинск, управлявшийся комиссаром, подчинялся провинциальному воеводе с канцелярией в Удинске, а его население через земскую избу (орган самоуправления в малых поселениях) – Селенгинской ратуше.

Основной задачей провинциального воеводы и его команды было «добропорядочное всего исправление, над всеми тамошними народами смотрение и всех обидимых правосудием удовольствие» [5. С. 9]. О полномочиях воеводы свидетельствует наличие соответствующих повытцев. Для управленческого аппарата XVIII в. характерно соединение исполнительной и судебной власти в одних руках, что было воплощено в институте провинциального воеводы в полной мере. В то же время реформами 1775 г. суд в большей степени был отделен от общей администрации, однако полномочия воеводы не были изменены. Важнейшей функцией воеводы и его команды были отладка сбора и доставки налогов и принятие мер против тех, кто вовремя не уплачивал налоги. Контролировались и так называемые натуральные повинности, например организация подвод для транспортировки грузов или правительственных процессий.

Важнейшей задачей, особенно актуальной для Забайкалья, было регулирование земельных отношений. Учитывая достаточно пестрый состав населения (казаки, инородцы, поселенцы-ссылные, свободные крестьяне), разные типы хозяйствования (хлебопашество, кочевое скотоводство, промыслы), малое число удобных пашенных земель, при абсолютном превалировании аграрного сектора, это был достаточно болезненный вопрос. Постоянно возникающие вопросы о земле усложнялись принадлежностью участков разным сословным группам. Для решения возникающих споров не существовало особого аппарата, всем занималась провинциальная канцелярия. Наличие розыскного повытца свидетельствует об исполнении провинциальным воеводой полицейских функций, реализуемых только на территории провинции, в таких городах, как Удинск, Нерчинск и Селенгинск, полиция находилась в ведении военных комендантов. Пожар-

ная охрана, наиболее близко относящаяся к полиции, в городах также была подчинена комендантам, а в уезде ведалась провинциальной канцелярией. Исключение составили 1776–1779 гг., когда полиция Удинска по предложению губернатора Ф.Г. Немцова была передана от коменданта в ведение воеводы, но по результатам последующих проверок было решено вернуть полицию обратно в ведение коменданта. Канцелярия воеводы организовывала поиск и поимку беглых, принуждая земские избы организовывать караулы и представлять задержанных в город, за ослушание или укрывательство беглых и беспаспортных крестьянам грозили в лучшем случае битье кнутом и ссылка на заводы.

Что же касается соленного, питейного и провиантского – то это повытцы, в которых производились также учет поступления и расхода, организация переправы, хранения и ведение соответствующего делопроизводства. В этот период власти достаточно строго контролировали и регулировали торговлю, в частности продажу хлеба. Важной функцией провинциального начальства была организация доставки почты. До учреждения провинции с отсутствием в городе, кроме управительской канцелярии гражданского управления, почтовая экспедиция состояла в управлении удинской комендантской канцелярии. Согласно ордеру губернатора А.И. Бриля от 12 ноября 1768 г. [15. Л. 21] отправление почт производилось через снаряжаемых удинских солдат и казаков. 29 сентября 1775 г. комендант сообщил воеводе о передаче своих почтовых полномочий ему. За почтмейстера был назначен находящийся при винном подвале смотритель, сын боярский Епифанцов, ему поручалось принимать партикулярные письма, взывать за них деньги и вести документацию и т.д. Кроме всего прочего, воевода исполнял различного рода постановления правительства, а также в условиях постоянных опасностей эпидемий и изотопий наблюдал за санитарным порядком в провинции.

Что касается крестьянского населения Забайкалья, оно было разделено на ведомства, в состав каждого из которых входило несколько волостей. Ведомства управлялись приказными избами (Ильинская, Посольская, Иволгинская, Троицкая, Мухоршибирская и др.), подчинявшимися провинциальной канцелярии. В качестве чиновников крестьяне избирали старосту, выборного и сотского. Приказная изба, в свою очередь, назначала для управления в каждую деревню своего ведомства десятского. Основными задачами приказных изб были сбор податей, распределение земель и сенокосных угодий, исполнение натуральных повинностей и обязательных постановлений правительства. Важной задачей было сохранение благочиния. Старосты должны были иметь наблюдение за порядочной жизнью крестьян, выдачу беглых, за соответствие выстраиваемых зданий утвержденным нормативам. Сотский отвечал за санитарные и противопожарные мероприятия, надзирал за исполнением натуральных повинностей, занимался охраной лесов и т.д. Приказные избы имели некоторые полномочия судить и наказывать за «малые погрешности...» [5. С. 10], например, за пьянство или нерадивое занятие сельским хозяйством крестьян секли или сажали на цепь на несколько дней.

Существовавшая система нередко вызывала общественные негодования, как в случае с Баргузинским комиссаром Ф. Вернером, на которого после отзыва с должности были поданы многочисленные жалобы [13. Л. 133]. Возмущённые жители часто не дожидаясь отставки начальника, отказываясь повиноваться и подавая на него жалобы губернатору. Таков был случай с опять же Баргузинским комиссаром, прапорщиком И. Повалишиным, которому отказались повиноваться местные иноверческие крестьяне и одновременно взбунтовались поселенцы. В такой опасной ситуации воеводская канцелярия не имела ресурсов для действий, лично вмешавшийся губернатор объявил, что принял в управление Баргузинское комиссарство через посланного от него И. Баннера. Немедленно в Баргузин был вызван провинциальный прокурор для организации следствия. Но решение было принято не в пользу общества, вследствие того что наступило время сбора ясака, через два месяца Повалишин был восстановлен в должности комиссара, а сельским старостам и братским выборным были разосланы приказы, чтобы «общества были в должном по законам [комиссару Повалишину] повиновении» [Там же. Л. 403–403 об.].

Нехватка опытных и знающих чиновников привела к тому, что даже обвинённый в лихоимстве (коррупции) чиновник лишь переназначался на другую должность. Наиболее показателен пример Балаганского воеводы капитана морской артиллерии 3-го ранга В.Л. Воейкова, который был обвинён в чинимых им местному обществу обидах и взяточничестве. Он был вызван к губернатору для объяснений, где и сообщил, что просители неоднократно приносили ему деньги без его принуждения. Все принесённое он приказывал возвращать. По рассуждению губернского правления и недостатка, «в таковых чинах [было принято решение] удерживать его превосходительство Воейкова на службе» [13. Л. 460–460 об.]. Но для того чтобы он «не мог произвести смущения в тех селениях от куда на него были принесены жалобы», указом от 11 марта 1779 г. он назначался товарищем Удинского воеводы, а в июне 1782 г. занял его должность.

Внедрённая система просуществовала недолго. Указом 6 марта 1783 г. было организовано Иркутское наместничество, разделённое на 4 области, включавшие 17 уездов [16. С. 91–92]. Провинциальная канцелярия продолжала существовать до начала 1784 г., когда вследствие Его Императорского Величества указа, данного Сенату 6 марта 1783 г., в Верхнеудинске 3 февраля 1784 г. был открыт городской магистрат [17. Л. 1]. Функции городского управления от воеводы были переданы в руки коменданта-городничего [18. С. 66], а земское (уездное) управление передано уездному исправнику.

Таким образом, провинциальная канцелярия как орган управления Забайкальем, был малочисленным и неразветвленным. Это стало результатом невыполнения ряда функций, вседозволенности чиновников, ограничения возможностей улучшения качества службы, усугубляемого сосредоточением административной и судебной власти в одних руках. Время организации Удинской провинции совпадает с введением «Учреждения для управления...» (1775 г.) и отделением суда от административного управления. Это свидетельствует о том, что внедрённая схема управления в значительной мере устарела и не была отрегулирована с учётом опыта предыдущих лет функционирования.

Можно сделать вывод, что политика обустройства сибирских окраин Российской империи не только не носила инновационный характер с целью развития региона, но даже не адаптировалась к местным социально-экономическим, географическим, этническим, климатическим и прочим особенностям. Воспроизведение устаревших схем управления регионами западной части Российской империи производилось в Сибири фактически в неизменном виде, без учёта явных и проверенных недостатков. Несмотря на то что создание автономной модели управления труднодоступными территориями Забайкалья было необходимо, провинция не просуществовала даже десяти лет, что говорит о её полном несоответствии реалиям региона. В то же время провинциальная канцелярия – это первая попытка создания и укрепления вертикали власти в отдалённом трансграничном регионе, что в полной мере было воплощено позднее при создании отдельной Забайкальской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малыгина О.А. Геополитическая стратегия усиления позиций Российской империи в Забайкалье в середине XIX в. // Регион в приграничном пространстве : матер. междунар. науч. конф. Чита : ЗабГУ, 2016. С. 47–49.
2. Мерцалов В.И. Геополитический фактор исторического развития Забайкалья и Читы (1851–1895) // Научный вестник Байкальского государственного университета экономики и права. 2008. № 13. С. 29.
3. Паликова Т.В. Русско-Восточное сотрудничество во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2014. Вып. 2. С. 4–11.
4. Паликова Т.В. Юго-Западное Забайкалье XIX – начала XX в. в условиях трансграничья // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 7. С. 86–90.
5. Гирченко В. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев-семейских. Верхнеудинск : Изд-во Объединённого Прибайкал. Союза кооперативов, 1925. 20 с.
6. Пыкин В.М. Некоторые вопросы народонаселения Удинской провинции (1775–1782 гг.) // Освоение Сибири в панораме столетий: опыт, стратегия, проблемы : материалы науч.-практ. конф. Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2009. С. 148–153.
7. Пыкин В.М. Удинск – Верхнее-Удинск: статус и население во второй половине XVIII в. // Верхнеудинск: веки истории (4 апр. 2014 г., г. Улан-Удэ) : матер. науч.-практ. конф. Улан-Удэ : Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2014. С. 12–17.
8. Готье Ю.В. История Областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т. 1. 492 с.
9. Гагиева А.К. Местное управление в Коми крае в XVIII веке // Историко-педагогические чтения. 2013. № 17. С. 335–343.
10. Контев А.В. Административно-территориальное деление юга Западной Сибири в первой половине XVIII в. По картографическим источникам // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4 (80). С. 29–33.
11. Калашников Т.П. Жизнь незначительного Тимофея Петровича Калашникова простым слогом описанная с 1762 по 1794 год // Русский архив. М., 1904. № 10. С. 147–183.
12. Государственный архив Республики Бурятия (далее – ГАРБ). Ф. 88. Оп. 1. Д. 144.
13. ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 156.

14. ГАРБ. Ф. 306. Оп. 2. Д. 1.
15. ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 36.
16. Гергилев Д.Н. Развитие системы административного управления Сибирью в XVIII – первой трети XIX веков : дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2010. 200 с.
17. ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 238.
18. Евтехов Р.А. Общие сведения о военных комендантах Верхнеудинской трансграничной крепости // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2015. Вып. 1. С. 59–66.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 ноября 2016 г.

“IF NECESSARY, THE GOVERNMENT BE DIVIDED INTO PROVINCES . . .” (IMPLEMENTATION OF THE NEW ADMINISTRATION SCHEME, THE TRANSBAIKAL TRANSBOUNDARY, 1775–1784)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 62–66.

DOI: 10.17223/15617793/414/9

Roman A. Evtekhov, Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: Romachka1818@rambler.ru

Keywords: province; provincial office; governor; commissioner; Transbaikial.

The article discusses the history of the introduction of the province as an administration and management scheme new for the Transbaikial cross-border region. To manage the new territorial unit the Provincial Office was established, headed by the governor, subordinate to the governor of Irkutsk. The aim of the work is to highlight the basic information about the institution, the structure and the competence of the administrative body of Udinsk Province – the Office and the magistrate. The author uses archive, previously unpublished material stored in the regional archive to examine the Office personnel, the main directions of its activities, the structure of divisions and their competence. The paper gives a brief historiography of the study of the topic which indicates its insufficient study. The paper describes the progress of the formation of the province and its administration system. The author identifies the main functions of the provincial authorities: administrative, fiscal, judicial, police and land management functions. According to the author, the few employees of the Provincial Office were not enough for the effective management of the region. All Transbaikial administration scheme is briefly discussed, from commissioners managing individual divisions to peasant self-government in the form of hut clerks. The archive materials indicate numerous abuses by the administrative officials of the province, but due to the small number of staff even convicted officials could again take part in managing the region. This situation often gave rise to open public protests and provoked riots. The establishment of the province in the Transbaikial region, therefore, is the first attempt to make administration of the distant cross-border region autonomous. Despite the fact that for the European Russian the provincial administration system was outdated and had been canceled, for the border regions of Russia bordering this scheme was new. The author concludes that the policy of resettling the Siberian outskirts of the Russian Empire neither was innovative for the development of the region, nor adapted to the local socio-economic, geographic, ethnic, climatic and other features. Besides, the implemented scheme did not undergo any significant changes and amendments based on the experience of its functioning. The province lasted for less than ten years and was abolished, according to the author, because of its complete inconsistency with the local conditions and the actual worthlessness of the scheme as a whole.

REFERENCES

1. Malygina, O.A. (2016) [The geopolitical strategy of strengthening the position of the Russian Empire in the Transbaikial region in the middle of the 19th century.]. *Region v prigranichnom prostranstve* [Region in the border area]. Proceedings of the international conference. Chita: Transbaikial State University. pp. 47–49. (In Russian).
2. Mertsalov, V.I. (2008) Geopoliticheskiy faktor istoricheskogo razvitiya Zabaykal'ya i Chity (1851–1895) [Geopolitical factor of historical development of Transbaikial and Chita (1851–1895)]. *Nauchnyy vestnik Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. 13.
3. Palikova, T.V. (2014) Russko-Vostochnoe sotrudnichestvo vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Russia-East cooperation in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Gumanitarnye issledovaniya Vnutrenney Azii*. 2. pp. 4–11.
4. Palikova, T.V. (2015) Yugo-Zapadnoye Zabaykal'e XIX – nachala XX v. v usloviyakh transgranich'ya [Southwest Transbaikalia of the 19th – early 20th centuries in the cross border conditions]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – The Buryat State University Bulletin*. 7. pp. 86–90.
5. Girchenko, V. (1925) *Iz istorii pereseleniya v Pribaykal'e staroobryadtsev-semeyskikh* [From the history of resettlement in the Baikal of Semey Old Believers]. Verkhneudinsk: Izd-vo Ob"edinennogo Pribaykal. Soyuz kooperativov.
6. Pykin, V.M. (2009) [Some questions of the population of Uda province (1775–1782)]. *Osvoenie Sibiri v panorame stoletiy: opyt, strategiya, problema* [The development of Siberia in the panorama of the centuries: experience, strategy, problem]. Proceedings of the conference. Ulan-Ude: Izd-vo VSGUTU. pp. 148–153. (In Russian).
7. Pykin, V.M. (2014) [Udinsk – Verkhneudinsk: status and the population in the second half of the 18th century]. *Verkhneudinsk: vekhi istorii* [Verkhneudinsk: Milestones]. Proceedings of the conference. 4 April 2014. Ulan-Ude. Ulan-Ude: V.R. Filippov BSAA. pp. 12–17. (In Russian).
8. Got'e, Yu.V. (1913) *Istoriya Oblastnogo upravleniya v Rossii ot Petra I do Ekateriny II* [History of Regional Administration in Russia from Peter I to Catherine II]. Vol. 1. Moscow: Tip. G. Lissnera i File Sobko.
9. Gagieva, A.K. (2013) Mestnoe upravlenie v Komi krae v XVIII veke [Local government in the Komi region in the 18th century]. *Istoriko-pedagogicheskie chteniya*. 17. pp. 335–343.
10. Kontev, A.V. (2013) Administrative-territorial Division of South Western Siberia in the First Half of XVIIIth Century according to Cartographical Sources. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – The News of Altai State University*. 4 (80). pp. 29–33. (In Russian).
11. Kalashnikov, T.P. (1904) Zhizn' neznamenitogo Timofeya Petrovicha Kalashnikova prostym slogom opisannaya s 1762 po 1794 god [Life of the non-famous Timofei Petrovich Kalashnikov described in simple words from 1762 to 1794]. *Russkiy arkhiv*. 10. pp. 147–183.
12. State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 88. List 1. File 144. (In Russian).
13. State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 88. List 1. File 156. (In Russian).
14. State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 306. List 2. File 1. (In Russian).
15. State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 88. List 1. File 36. (In Russian).
16. Gergilev, D.N. (2010) *Razvitie sistemy administrativnogo upravleniya Sibiri v XVIII – pervoy trety XIX vekov* [Development of the system of administration of Siberia in the 18th – the first third of the 19th centuries]. History Cand. Diss. Krasnoyarsk.
17. State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 20. List 1. File 238. (In Russian).
18. Evtekhov, R.A. (2015) Obshchie svedeniya o voennykh komendantakh Verkhneudinskoy transgranichnoy kreposti [General information on the military commandants of the Verkhneudinsk cross-border fortress]. *Gumanitarnye issledovaniya Vnutrenney Azii*. 1. pp. 59–66.

Received: 11 November 2016

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА КАМЧАТКЕ В СЕРЕДИНЕ – КОНЦЕ 1920-х гг.

Прослежено, каким образом под влиянием внешних и внутренних факторов смещались акценты советской миграционной политики в отношении Камчатки. Вплоть до 1927 г. ее территория не рассматривалась в качестве перспективной базы для переселений. Смена внешне- и внутриполитического курса в конце 1920-х гг. послужила причиной кардинальных изменений государственных планов. Район приобрел значение стратегического, началось комплексное освоение его ресурсов, что, в свою очередь, потребовало усиления демографического и трудоворесурсного потенциала. Уже в 1928–1929 гг. появились первые варианты планов переселения на Камчатку, а в 1930 г. начали прибывать первые плановые переселенцы.

Ключевые слова: Камчатка; Дальний Восток; Япония; миграционная политика; переселения.

Исторически сложилось, что интенсивность миграционных процессов на территории России в разные временные периоды зависела от государственной инициативы. Без государственного участия вряд ли было возможно осуществить заселение и освоение необжитых, удаленных от центра районов и обеспечить их устойчивое социально-экономическое развитие. К числу таких территорий в 20-е гг. XX в. относилась Камчатка. С 1922 г. Камчатская губерния¹ административно входила в состав Дальневосточной области (далее – ДВО). Навигация была ограничена шестью месяцами в году. Чтобы попасть в Петропавловск – административный центр, нужно было преодолеть путь по железной дороге до г. Владивостока. Затем предстояло плыть на пароходе. Поездка в северные районы Камчатки занимала до одного года, в южные районы – до 2,5 месяцев. Связь по радио, телеграфу и телефону была очень плохой, а в северных районах отсутствовала. На Камчатке не было шоссейных и проселочных дорог, поэтому сообщение между населенными пунктами внутри полуострова было так же затруднительно, как и с внешними.

Интеграция Камчатки в политическое и социально-экономическое пространство страны в составе Российской империи шла медленными темпами. С приходом советской власти процесс ускорился. При этом усиление государственного интереса к этой территории происходит во второй половине 1920-х гг. Резко изменившаяся внешне- и внутриполитическая концепция советского правительства ускорила реализацию миграционной политики и освоение камчатских ресурсов.

Хотя фактическое осуществление плановых переселений на Камчатку началось с 1930 г., тем не менее, существует необходимость рассмотреть, каким образом происходило вхождение этой территории в орбиту интересов государства. Определение ключевых событий поможет глубже понять его замысел и позволит сформулировать более объективные выводы о целях миграционной политики в отношении Камчатки. Так как в течение рассматриваемого периода Камчатская губерния (впоследствии Камчатский округ) административно входила в состав ДВО (с 1926 г. – Дальневосточный край, ДВК), целесообразно проанализировать изменение статуса Дальнего Востока в контексте внешне- и внутриполитической концепции СССР в середине – конце 1920-х гг.

С окончанием Гражданской войны районы Дальнего Востока начали включаться в систему советских преобразований. Значительная территория региона, его оторванность от центра, протяженные сухопутные и морские границы с азиатскими странами, наличие ресурсоемких, исключительно добывающих отраслей обозначили необходимость выстраивания особой государственной стратегии в данном направлении.

Основная внешнеполитическая задача СССР в первой половине 1920-х гг. заключалась в поиске путей выхода из международной изоляции и налаживании отношений с западноевропейскими странами и США. На Дальнем Востоке ЦК РКП(б) с 1921 по 1925 г. решались вопросы о возвращении КВЖД и северной части о. Сахалина, оккупированного Японией [1. С. 20–21]. Временное безвластие в период Гражданской войны привело к усилению экономических позиций иностранных фирм, особенно в островных, полуостровных окраинных зонах Дальнего Востока – на Камчатке и Сахалине.

В 1925 г. народным комиссаром иностранных дел Г.В. Чичериным была сформулирована основная задача советской дипломатии, которая заключалась в установлении дружеских отношений с Англией, США, Францией, Германией и другими западноевропейскими государствами. От успеха в этом направлении зависело, по мнению Г.В. Чичерина, налаживание связей с Китаем и Японией – стратегическими партнерами СССР на Дальнем Востоке. Сложившаяся в первой половине 1920-х гг. международная обстановка оценивалась как период «мирного сожительства» с капиталистическими странами, который необходимо использовать «для ускорения внутреннего строительства СССР» [Там же]. Дальневосточные сырьевые ресурсы рассматривались советским правительством как один из источников этого «ускорения». Но так как последствия Гражданской войны и интервенции существенно подорвали отечественную экономику, государство не имело возможности осуществлять масштабные капиталовложения для создания крупных отраслей промышленности на Дальнем Востоке. Поэтому в 1920-е гг. одним из способов накопления средств в государственном бюджете стало привлечение иностранного капитала в форме концессий.

В это время начала оформляться государственная миграционная политика в общесоюзном формате².

В октябре 1924 г. Советом Труда и Оборона было принято Постановление «О ближайших задачах колонизации и переселения». В документе впервые были сформулированы и определены главные задачи советской миграционной политики. Ближайшим ее направлением должна была стать разгрузка аграрно-перенаселенных, малоземельных районов страны. Согласно постановлению, в первую очередь должны были заселяться те районы, которые представлялось возможным освоить в кратчайший срок с наименьшей затратой государственных средств. Но ввиду нехватки земель в обжитых районах страны Госпланом СССР в апреле 1925 г. было принято решение о вовлечении в колонизируемый фонд земли и необжитых районов. А в июле 1925 г. декретом ВЦИК и СНК РСФСР объявлялось об открытии планового переселения в районы Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. Стихийное перемещение населения из аграрно-перенаселенных западных районов должно было принять, по замыслу государства, организованный характер [2. С. 66–69].

Таким образом, Декретом 1925 г. было положено начало формирования миграционной политики на Дальнем Востоке. Однако территории Крайнего Севера и северо-востока Дальневосточного региона не были включены в список районов, предполагаемых для переселений. Труднодоступные, удаленные и малоосвоенные, к середине 1920-х гг. они представляли собой глухие окраины без какой-либо инфраструктуры. Формирование населения здесь шло в основном за счет естественного прироста. Переселение самотеком в этом направлении практически не осуществлялось.

Уже в 1925 г. региональными органами, Дальневосточным Земельным Управлением (далее – Дальземуправление) и Дальневосточным экономическим совещанием (далее – Дальэконо) были разработаны два варианта долгосрочного колонизационного плана. Оба плана были рассчитаны на десятилетний срок реализации на Дальнем Востоке. Принципиальное различие лежало в масштабах переселения и в характере самой колонизации [3. 1925. № 12. С. 43, 71]. Дальземуправлением предлагалось за 10 лет вселить на Дальний Восток более миллиона человек, введя в оборот до 60% необжитых земель. Согласно варианту Дальэконо в регион должно было прибыть 40 тыс. чел., из которых 30 тыс. – по сельскохозяйственной линии. Второй план был рассчитан на обжитые районы материковой части: Владивостокский, Хабаровский, Амурский, Сретенский и Читинский округа [Там же. 1926. № 4. С. 15]. Примечательно, что обоими вариантами планов территория Камчатки в качестве района для переселений не рассматривалась.

В соответствии с расчетам Дальэконо быстрое увеличение населения за счет организации переселений должно было произойти лишь в вышеупомянутых округах. Для остальных районов его рост мог быть достигнут только за счет естественного прироста. Так, по оценкам Дальэконо, население Камчатского округа с 1925 по 1935 г. возросло бы с 30 600 до 36 600 чел., Сахалинского, в аналогичный период, с 9 тыс. чел. до 11 тыс. чел. [Там же. 1925. № 4. С. 15].

Таким образом, статус Камчатки как необжитого и труднодоступного района обусловил ее исключение

из перечня перспективных переселенческих баз. Это отвечало государственной установке – заселять в первую очередь наиболее освоенные земледельческие районы.

В поле зрения региональных органов находились наиболее актуальные для решения в данный момент проблемы. К их числу относились варианты развития экономики Камчатки и господство иностранного капитала в рыбной отрасли.

Особо сильные позиции на Камчатке имели японские предприниматели, которые к началу 1920-х гг. стали «монополистами как по добыче, так и по обработке сырья на морском побережье» [4. С. 86]. Согласно Рыболовной конвенции 1907 г. сдача рыболовных участков в конвенционных водах осуществлялась на равных правах между русскими и японскими рыбопромышленниками. Во время Гражданской войны японцам удалось существенно расширить свою деятельность, в том числе и за счет незаконного захвата новых промысловых участков. В течение 1922–1927 гг. шли советско-японские переговоры, на которых японская сторона добивалась сохранения условий Конвенции 1907 г. [Там же. С. 81–85].

Экономическое влияние Японии и варианты освоения ресурсов полуострова неоднократно обсуждались центральными и региональными органами. Только Комиссией по Камчатским делам³ в период с 1923 по 1925 г. было проведено 31 заседание и решено 127 вопросов [5. Оп. 1. Д. 69. Л. 66]. Наиболее целесообразным вариантом, по мнению членов комиссии, могло стать создание государственной организации, которая бы обеспечила комплексное освоение ресурсов Камчатки и снабжение населения. Этому же вопросу в разное время были посвящены доклады и заседания Народного Комиссариата Внешней Торговли, Бюро Съездов Госплана СССР Дальневосточной секции, Дальэконо. Силами разных ведомств был разработан проект плана о создании государственного акционерного общества, в задачи которого должен был войти охват всех сторон народного хозяйства Камчатки с приблизительным капиталом в 8 млн руб. [5. Оп. 1. Д. 69. Л. 66]. Такая огромная сумма, учитывая труднодоступность полуострова и отсутствие какой-либо инфраструктуры, была целесообразной и могла обеспечить экономическое проникновение государства на эту территорию.

Центр понимал необходимость советского присутствия на Камчатке, но в то же время не располагал достаточными средствами на финансирование такого дорогостоящего проекта. Поэтому для ограничения влияния японского капитала в рыбной отрасли Камчатки в мае 1924 г. было основано Охотско-Камчатское акционерное рыбопромышленное общество (ОКАРО), ставшее первым государственным предприятием на полуострове. В основу работы ОКАРО легли эксплуатация рыбных промыслов, снабжение местного населения, а также скупка золота и пушнины. Организация несла большие издержки, не располагала достаточными средствами, опытным штатом служащих и рабочих, пригодных для промысла. Не хватало тоннажа флота для развертывания масштабного лова и сбыта продукции. Чтобы получить обо-

ротные средства, ОКАРО приходилось вести на Усть-Камчатских речных участках добычу сырья, которое продавалось на месте на японские консервные заводы [6. С. 239].

Несмотря на небольшое количество промысловых участков, эксплуатируемых ОКАРО, для их обслуживания требовались рабочие руки. Немногочисленное местное население не стремилось попасть в число работников ОКАРО. По приблизительным оценкам Дальневосточного Революционного Комитета (далее – Дальревком), на Камчатке рыбаков из числа местных насчитывалось около 14 тыс. чел. [5. Оп. 1. Д. 68. Л. 4 об.]. Для них предпочтительным являлся индивидуальный лов или промысел небольшими кооперациями. Добытая рыба сдавалась частникам или ОКАРО. Именно тогда впервые встал вопрос о необходимости обеспечения камчатской государственной промышленности рабочими руками.

Так как в середине 1920-х гг. Камчатка не располагала благоприятными условиями для переселения на постоянное место жительства людей, а ОКАРО – финансовыми возможностями, выходом из сложившейся ситуации стал найм рабочих на сезон. Рабочие вербовались во Владивостоке, затем на пароходе следовали на Камчатку. По окончании путины их вывозили обратно. Помимо русской рабочей силы на камчатских промыслах, как государственных, так и частных, работали японцы. Их высокие производственные навыки, дисциплинированность и непритязательность в быту высоко ценились. К тому же содержание японского рабочего обходилось дешевле на 50 руб. В соотношении русской и японской рабочей силы был существенный разрыв: 1,5 тыс. и 25 тыс. чел. соответственно [Там же]. Следовательно, основной доход от работы на камчатских промыслах получали японцы. По оценкам Госплана СССР, рыбная промышленность Камчатки дала заработок рыбакам в общей сумме 6 млн руб., из них 4 млн руб. получили японские рабочие [5. Оп. 1. Д. 69. Л. 29].

В среде японских рабочих, как на русских, так и на концессионных промыслах, велась активная агитационно-пропагандистская работа. К каждому промысловому участку был приставлен специалист-партиец, ответственный за агитацию. Разрабатывались и специальные инструкции «для вовлечения масс рыбацкого пролетариата во всю политическую борьбу японского рабочего класса» [7. Оп. 1. Д. 25. Л. 15]. Данные эпизоды свидетельствуют о надеждах Советского государства воплотить идею о победе мировой социальной революции на востоке.

Таким образом, неосвоенность Камчатки сдерживала ее социально-экономическое развитие в 1922–1927 гг. Попытка ограничить экономическое влияние Японии на камчатских рыбных промыслах путем создания ОКАРО не увенчалась успехом, и в 1926 г. организация была расформирована. Тем не менее результаты ее деятельности позволили ближе «увидеть» ситуацию и более отчетливо сформулировать проблемы, требующие государственного вмешательства.

Смена курса в отношении дальневосточных территорий происходит в 1927–1929 гг. На фоне ухудшения отношений СССР со странами Тихоокеанского регио-

на, Японией и Китаем, резко изменилась внешнеполитическая концепция, сформулированная Г.В. Чичериным в 1925 г. Был свернут нэп, страна начала готовиться к мобилизации внутренних ресурсов для перехода на рельсы индустриализации.

Новые реалии международной обстановки обусловили необходимость усиления государственных позиций в пограничных районах материковой части Дальневосточного края, а также в тех районах, где влияние противника было наиболее ощутимым – на Камчатке и Сахалине. В таких условиях обозначилась необходимость в разработке продуманных мер, которые могли решить проблему «иностранный враждебного влияния».

Отказ от дальнейшего предоставления концессий японцам мог послужить причиной усугубления внешнеполитической ситуации. Поэтому государством была избрана наиболее оптимальная в сложившихся обстоятельствах стратегия: постепенное ограничение японского влияния на Камчатке через усиление государственного сектора в экономике и обеспечение политического проникновения на территорию путем переселения советских граждан.

Поэтому в июне 1927 г. была создана вторая государственная структура – Акционерное Камчатское общество (далее – АКО, Общество). Учредителями предприятия стали Народный комиссариат внешней и внутренней торговли СССР, Наркомторг РСФСР, ВСНХ СССР, ВСНХ РСФСР, Далькрайисполком, Госторг РСФСР, Совторгфлот. Совет Общества возглавил нарком Внутренней и Внешней торговли А.И. Микоян [8. С. 61–62].

АКО необходимо было развернуть работу более чем по пятнадцати направлениям, в число которых вошла и организация массовых переселений на Камчатку. Для Общества был составлен «Пятилетний план по колонизации Охотско-Камчатского края», который предполагал развитие рыбной промышленности до экспортного уровня и отказ от использования сезонного труда – «главного зла камчатской рыбной отрасли».

Уже в 1928 г. с Японией была заключена новая Рыболовная конвенция. Было учтено ее положительное экономическое значение, которое заключалось в возможности использования иностранной валюты для развития отечественной рыбной промышленности в регионе [4. С. 89].

Параллельно начинает оформляться миграционный сценарий для тех территорий, которые прежде не значились в списке перспективных переселенческих баз.

В августе 1927 г. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) Наркомату труда, ВЦСПС, краевым дальневосточным организациям поручалось «разработать ряд мероприятий, способствующих переселению русских рабочих на Дальний Восток вообще, и особенно на Сахалин и Камчатку, создав для этого соответствующие материальные условия, могущие заинтересовать переселенцев» [5. Оп. 1. Д. 114. Л. 250].

Постановлением СТО СССР (12.04.1928 г.) «О переселении в Дальневосточный край» заселение ДВК признавалось «главнейшей задачей» среди переселенческих фондов общесоюзного значения. Данным По-

становлением Всесоюзному переселенческому комитету необходимо было в 2-недельный срок предоставить перспективный план ассигнований на ближайшее пятилетие и разработать «доклад о формах организации переселений и о тех органах, на которые должно быть возложено проведение переселения этих групп» [5. Оп. 1. Д. 105. Л. 96].

В августе 1928 г. Наркоматом труда была введена в действие инструкция «О порядке переселения в ДВК кустарей, ремесленников, лиц, занимающихся добывающими промыслами и промышленных рабочих» [2. С. 183]. Инструкция определила основную схему переселений на Дальний Восток, в соответствии с которой должна была вестись работа в этом направлении.

В 1929 г. решением Президиума Далькрайисполкома территории Камчатки и Сахалина вошли в список приграничных районов [5. Оп. 1. Д. 126. Л. 105].

В соответствии с изменившейся внешнеполитической обстановкой был подвергнут пересмотру пятилетний план развития Советского Дальнего Востока. Решением Госплана РСФСР Далькрайисполком был обязан «предоставить не позже 01.07.1929 г. доклад о пятилетнем плане развития Советского Дальнего Востока (на 1928/1929 – 1932/1933 гг.) под углом зрения максимального укрепления наших экономических позиций и преграждения японской экспансии с особенно точной проработкой плана сельскохозяйственного переселения и развития всяких промыслов... на Камчатке, в Охотском крае и на Сахалине в целях создания в этих районах усиленного оседания переселенцев из других областей СССР» [5. Оп. 1. Д. 114. Л. 94].

Центральной установкой пересмотренного варианта стало превращение края в «мощный хозяйственный аванпост Советского Союза на берегах Тихого океана». С этой целью намечалось развитие и укрепление экспортных и валютных отраслей хозяйства с «повышенным коэффициентом социалистической реконструкции». Наиболее перспективными из них были обозначены угольная, лесная, рыбная, нефтяная, золотодобыча. Особое значение план придавал политическому укреплению Дальнего Востока, чтобы «всемерно повысить его сопротивляемость агрессивным устремлениям японского империализма» [Там же. Л. 14].

В целях экономического и политического укрепления северных районов Дальневосточного края Планом предполагалось: «Заполнение до 25% рабочей силы на предприятиях японской рыбопромышленности на Камчатке... Создание хотя бы скромной местной базы для снабжения населения сельскохозяйственной продукцией на Камчатке и Сахалине... Увеличение доли оседлой рабочей силы на Сахалине и Камчатке, чтобы до минимума сократить дорогостоящий завоз сезонной рабочей силы» [Там же].

Отсутствие квалифицированных кадров, знакомых с условиями работы на Камчатке, обусловило в первые годы работы АКО значительный удельный вес японской рабочей силы, находившейся в 1928–1929 гг. до 50% [9. Оп. 1. Д. 10. Л. 344].

С ростом напряжения в советско-японских отношениях задача вытеснения японского труда начала приобретать политическую окраску и в дальнейшем ускорила появление планов переселения на Камчатку.

Уже в конце 1920-х гг. стал активно обсуждаться вопрос о вытеснении японской рабочей силы с камчатских рыбных промыслов и замены ее советской. Региональными органами разрабатывались проекты сокращения ввоза японских рабочих [5. Оп. 1. Д. 126. Л. 23, 26].

Форсированию данных мероприятий способствовали и тревожные донесения от Камчатского Окружного бюро ВКП(б). Например, в закрытом письме Крайкому от 20.12.1929 г. упоминались случаи участвовавших забастовок японских рабочих на заводах АКО. Так, «в разгар путины 1929 г. на РКЗ⁴ № 3 в Озерной 27 рабочих-японцев отказались от работы и предъявили ряд требований, которые не входили в коллективный договор». На заводе № 4 бастовали 32 японца, «а четыре человека украли катер и скрылись». При фрахтовке АКО тресколовных шхун у японцев отмечался их агрессивный настрой, «над нашими работниками издевались, допускали угрозы...» [7. Оп. 1. Д. 106. Л. 172 об.].

Факты дезорганизаторской и антисоветской деятельности японцев в территориальных водах Камчатки и Сахалина спустя месяц стали предметом секретного доклада Комиссии ЦИК СССР по обследованию Камчатского и Сахалинского округов Дальневосточного края (от 23.01.1930 г.). В сообщении была подчеркнута исключительная роль Японии в жизни северных округов ДВК. Автор доклада, председатель Камчатско-Сахалинской комиссии ЦИК СССР А.В. Шотман обращал внимание на «активность японцев в своих антисоветских политических мероприятиях», заключавшихся в противопоставлении материальных и культурных условий при концессиях – складывающейся советской модели на Камчатке и Сахалине [5. Оп. 1. Д. 139. Л. 102–118].

А.В. Шотманом был сделан акцент на то, что «наиболее серьезными мерами противодействия японской агрессии до сих пор является организация АКО и АСО⁵, предусматривающих целый комплекс мероприятий по закреплению советского влияния на берегах Тихого океана» [Там же. Л. 119–120].

В заключении доклада Комиссией ЦИК было отмечено, что «крупные заводы на Сахалине и Камчатке с постоянным кадром рабочих являются не меньшим оплотом восточного рубежа СССР, чем части ОДВА⁶» [Там же. Л. 122–123].

Приведенные выдержки свидетельствуют о том, что рост напряжения в советско-японских отношениях способствовал окончательному определению стратегических планов СССР на Дальнем Востоке и его северо-восточных границах. Разворачивание деятельности АКО на Камчатке решало проблему окончательного закрепления территории за Советским государством, обеспечивало его экономическое проникновение, одновременно способствуя ограничению японского капитала. Достичь поставленной цели было невозможно без усиления демографического потенциала. Уже в 1930 г. в структуре АКО были созданы два новых управления: Колонизационное и Переселенческое, которые должны были способствовать созданию на Камчатке «кадра местной наемной рабочей силы». Главная контора Общества была переведена в

г. Петропавловск. А весной 1930 г. Камчатка приняла первых плановых переселенцев.

Таким образом, под влиянием комплекса внешне- и внутрисполитических факторов была решена судьба самых малонаселенных и неосвоенных территорий Дальнего Востока. Смещение акцентов в государственной миграционной концепции во второй половине 1920-х гг.

ускорило интеграцию Камчатки в русло государственных преобразований. Район приобрел значение стратегического, началось освоение его ресурсов. В относительно сжатые сроки (1927–1930 гг.) получила оформление и развитие миграционная политика, которая должна была решить задачи политического и экономического закрепления территории за СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ После восстановления советской власти на Дальнем Востоке Президиум ВЦИК 15 ноября 1922 г. принял Постановление «Об объединении РСФСР и ДВР в качестве Дальневосточной области», в состав которой вошли губернии Прибайкальская, Приамурская, Амурская, Приморская, Камчатская. 6 декабря 1922 г. Камчатская область была переименована в Камчатскую губернию.

4 января 1926 г. постановлением ВЦИК СССР губернский-уездное административное деление заменено окружным и районным, образован Дальневосточный край (ДВК) с административным центром в г. Хабаровске, в состав края вошел Камчатский округ.

² Передвижение населения и внутренние миграции были закреплены в Земельном кодексе РСФСР 1922 г. В этом же году был основан Государственный научно-исследовательский колонизационный институт, позднее переименованный в Институт землеустройства и переселения.

³ Комиссия по Камчатским делам была создана в 1923 г. при Дальневосточном революционном комитете. В 1924 г. была реорганизована в секцию по Камчатским делам при Дальневосточном плановом комитете.

⁴ РКЗ – рыбоконсервный завод.

⁵ АСО – Акционерное Сахалинское Общество, созданное по государственной инициативе в 1929 г. для эксплуатации ресурсов северного Сахалина.

⁶ ОДВА – Особая Дальневосточная армия. Создана в августе 1929 г. приказом Реввоенсовета СССР для обеспечения обороны границ Приморского, Хабаровского краев и Забайкалья. В январе 1930 г. переименована в Особую Краснознаменную Дальневосточную армию (ОКДВА).

ЛИТЕРАТУРА

1. Пикалов Ю.В. Переселенческая политика и изменение социально-классового состава населения Дальнего Востока РСФСР (ноябрь 1922 – июнь 1941 г.). Хабаровск : Изд-во ХГПУ, 2003. 214 с.
2. Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1976. 283 с.
3. Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск : Изд-е Дальневост. краев. исполнит. комитета.
4. Кошкарёва С.Г. Советская концессионная политика на Северо-Востоке страны в 1920–1945 гг. Петропавловск-Камчатский : Изд-во КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. 155 с.
5. Государственный Архив Хабаровского края (далее – ГАХК). Ф. Р-1228. Представительство Дальневосточного Краевого Исполнительного Комитета в Москве.
6. Отчет Дальревкома и Дальэконо за 1923–1924 год / под ред. М.П. Копытина, П.Е. Терлецкого. Владивосток, 1925. 572 с.
7. ГАХК. Ф. П-2. Дальневосточный краевой комитет ВКП(б).
8. Ильина В.А. Акционерное Камчатское общество в хозяйственном освоении и развитии Камчатки в 1927–1941 гг. Петропавловск-Камчатский : Изд-во КамГУ им. Витуса Беринга, 2013. 279 с.
9. Государственный Архив Камчатского края. Ф. Р-541. Камчатская комплексная экспедиция Наркомата Пищевой Промышленности СССР по исследованию Камчатки.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 ноября 2016 г.

EXTERNAL AND INTERNAL FACTORS OF THE SOVIET MIGRATION POLICY FORMATION IN KAMCHATKA IN THE MIDDLE AND LATE 1920S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 67–72.

DOI: 10.17223/15617793/414/10

Victoria O. Elizarova, Kamchatka State University named after Vitus Bering (Petropavlovsk-Kamchatsky, Russian Federation). E-mail: vestnikhel@gmail.com

Keywords: Kamchatka; Far East; Japan; migration policy; migrations.

The article describes the way the Soviet migration policy trends connected with Kamchatka were changing under external and internal factors influence. The research is based on the materials of Khabarovsk and Petropavlovsk-Kamchatsky State Archives and scientific literature. Till 1927, the Soviet state did not suppose Kamchatka to be a prospective territory for transmigration. This territory was not included into the first Soviet Far East migration and colonization plans that appeared in 1925. But such plans for Kamchatka appeared in 1928–1929. The first planned settlers arrived here in 1930. Kamchatka became one of the strategic points and its forced resources development started. The identification of the most important events allowed making objective conclusions about the state migration policy goals and reasons of its forced implementation in Kamchatka in the late 1920s – early 1930s. The external factor was connected with the increase of political strain between the USSR, Japan and China, and a significant Japanese economic influence in Kamchatka. The situation required the strengthening of the state positions in the region. The internal factor was connected with the end of the new economic policy in the late 1920s, the beginning of industrialization, the implementation of the idea of socialism construction in a separate country. These trends of internal policy led to the necessity of the country's internal resources mobilization. That is why the Soviet state chose the reasonable line of a gradual reduction of Japanese economic influence in Kamchatka due to the reinforcement of the state sector in the region's economy and political integration of the peninsula by means of the migration policy. In 1927, a special state agency, the Kamchatka Joint-Stock Company (the Soviet abbreviation AKO), was established. It became the conductor of the state policy, including migration. In Kamchatka the forced development of fishing industry of export level started, and it demanded labor. In 1930, special AKO structures, responsible for the state migration policy implementation, were established. The first planned migrants in Kamchatka appeared in the spring of 1930. The author concluded that in the late

1920s the state's assessment of Kamchatka changed greatly. Under the influence of external and internal factors Kamchatka's geopolitical status increased, active development of its resources started, a large state economic enterprise was founded to represent Soviet interests in the region. Within a short period of time (1927–1930) the state migration policy started because without its implementation the economic and political integration of the territory into the USSR was impossible.

REFERENCES

1. Pikalov, Yu.V. (2003) *Pereselencheskaya politika i izmenenie sotsial'no-klassovogo sostava naseleniya Dal'nego Vostoka RSFSR (noyabr' 1922 – iyun' 1941 g.)* [Resettlement policy and changes in the social and class composition of the Far Eastern population of the RSFSR (November 1922 – June 1941)]. Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical University.
2. Platonov, N.I. (1976) *Pereselencheskaya politika Sovetskogo gosudarstva i ee osushchestvlenie v SSSR (1917 – iyun' 1941 gg.)* [Resettlement policy of the Soviet state and its implementation in the USSR (1917 – June 1941)]. Tomsk: Tomsk State University.
3. *Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka*. (n.d.).
4. Koshkareva, S.G. (2012) *Sovetskaya kontsessionnaya politika na Severo-Vostoke strany v 1920–1945 gg.* [Soviet concession policy in the North-East of the country in 1920–1945]. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatka State University.
5. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R-1228. *Predstavitel'stvo Dal'nevostochnogo Kraevogo Iсполnitel'nogo Komiteta v Moskve* [Representation of the Far East Provincial Executive Committee in Moscow].
6. Kopytin, M.P. & Terletskiy, P.E. (eds) (1925) *Otchet Dal'revkoma i Dal'ekoso za 1923–1924 god* [Report of the Far Eastern Revolution Committee and Dalekoso for 1923–1924]. Vladivostok: Knizhnoe delo.
7. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund P-2. *Dal'nevostochnyy kraevoy komitet VKP(b)* [Far Eastern Regional Committee of the CPSU (b)].
8. Il'ina, V.A. (2013) *Aksionernoe Kamchatskoe obshchestvo v khozyaystvennom osvoenii i razviti Kamchatki v 1927–1941 gg.* [Kamchatka Joint-Stock Company in the economic development of Kamchatka in 1927–1941]. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatka State University.
9. State Archive of Kamchatka Krai. Fund R-541. *Kamchatskaya kompleksnaya ekspeditsiya Narkomata Pishchevoy Promyshlennosti SSSR po issledovaniyu Kamchatki* [Kamchatka complex expedition of the People's Commissariat of the USSR Food Industry to explore Kamchatka].

Received: 18 November 2016

ЯРОСЛАВСКИЙ ДЕМИДОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЛИЦЕЙ В НАЧАЛЕ XX в.

Показана история Ярославского Демидовского юридического лицея в 1900–1914 гг. Дается характеристика учебного процесса и сословного состава учащихся, анализируются квалификация и материальное положение профессорско-преподавательского состава. Отмечены расцвет регионального высшего образования в 1900–1904 и 1908–1913 гг. и упадок 1905–1907 гг., связанный с революцией. Рассматривается студенческое движение в период первой российской революции. Описан вывод о влиянии общероссийских процессов на региональное образование. Подчеркнуто, что Ярославский Демидовский юридический лицей в исследуемое время играл важную роль в системе высшего образования Российской империи.

Ключевые слова: Ярославский Демидовский юридический лицей; учащиеся; профессорско-преподавательский состав; студенческое движение; революция 1905–1907 гг.

Начало XX столетия в Российской империи явилось для высшего образования периодом, когда происходившие в стране общественно-политические и социально-экономические коллизии напрямую затрагивали развитие этого направления в области народного просвещения. Согласно свидетельствам современников, к 1905 г. «русская жизнь приняла совершенно хаотический характер. Каждый день приносит вести всё более и более тревожные, каждый день убеждает, что наш внутренний надлом сделался весьма глубоким и серьёзным... Нельзя назвать почти ни одной отрасли жизни, в которой не замечалось бы смутного расстройств... Забастовки в высших учебных заведениях сделались явлением совершенно нормальным, как ненормальным сделалось спокойное течение дел...» [1. С. 85]. Консервативная печать того времени сетовала на то, что «университеты в последнее время сделались «политическим клубом» [2]. Либералы, в свою очередь, парировали: «Истинной науки наши университеты никогда не знали: её фальсифицировали казённые программы и казённые люди, вооружённые казёнными инструкциями. Университет постоянно был предметом социально-политического надзора, и не было в его истории ни одного момента, когда бы ни делались попытки обратить его в реакционный политический клуб» [1. С. 86].

Хронологические рамки нашего исследования ограничиваются периодом 1900–1914 гг., до начала Первой мировой войны, которая коренным образом повлияла на все сферы жизни российского общества, в том числе и на развитие высшего образования. Ярославский Демидовский юридический лицей переживал в рассматриваемый период как подъемы, так и спады. Совершенствовался учебный процесс, повышалась квалификация профессорско-преподавательского состава, росла численность учащихся. Изучение положения регионального высшего образования, всех сторон студенческой жизни и движения учащейся молодёжи как одной из составляющих истории России начала XX в. является весьма актуальным для современной исторической литературы.

Интерес представляет функционирование Ярославского Демидовского юридического лицея накануне Первой русской революции 1905–1907 гг. В начале XX столетия в лицее преподавались следующие дисциплины: энциклопедия права, история философии права, институции римского права, всеобщая

история права (чтение лекций осуществлял профессор В.Г. Щеглов – директор лицея с 1910 по 1917 г.), история римского права (профессор Н.И. Палиенко), история русского права (профессор Э.Н. Берендтс – директор лицея в 1904–1905 гг.), международное право (публичное и частное) (приват-доцент А.В. Шмидт), римское право (в 1903/04 учебном году профессор И.Я. Гурлянд – доктор полицейского права, в 1906–1911 гг. один из ближайших сотрудников председателя Совета министров Российской империи П.А. Столыпина, в 1904/05 учебном году приват-доцент Б.Н. Фрезе), гражданское право (и.д. профессора В.М. Гордон – выдающийся специалист в области гражданского права и процесса), гражданское судопроизводство, торговое право (в 1903/04 учебном году профессор И.Я. Гурлянд, в 1904/05 – приват-доцент Б.Н. Фрезе), государственное право (В.Г. Щеглов), административное право, политическая экономия, статистика, финансовое право, уголовное право (и.д. профессора Г.С. Фельдштейн), уголовное судопроизводство (приват-доцент Е.Д. Синицкий).

Все эти предметы соответствовали учебным программам юридических факультетов университетов и обеспечивали высокое качество образования студентов Ярославского Демидовского юридического лицея. При наличии преподавателя лицейстам периодически читался курс церковного права. С 1904 г. в лицее стали преподавать французский (возобновлен с XIX в.) и немецкий языки, а с 1910 г. – судебная медицина [3. Л. 1].

Директором лицея с 1885 по 1904 г. был известный историк русского права и видный археолог, лауреат премии Академии наук, кавалер Большой золотой медали Русского археологического общества, профессор С.М. Шпилевский. Его директорство было самым длительным в истории данного ярославского высшего учебного заведения. С 1904/05 учебного года (с 1 июля) директором лицея был назначен уже упоминавшийся профессор Э.Н. Берендтс [4. Л. 1–3] – крупнейший в стране специалист по финляндскому праву, будущий преподаватель Александровского лицея, сенатор уголовного кассационного департамента Временного правительства, министр юстиции в правительстве гетмана Скоропадского на Украине, профессор университета в Любляне, член законодательной комиссии по составлению уголовного кодекса Югославии.

В начале XX в., как и в XIX в., больше половины учащихся платили за свое обучение, малоимущие бы-

ли освобождены от платы за занятия, также существовали специальные именные стипендии для студентов, успешных в учебе. В фонде лицея в Государственном архиве Ярославской области сохранился список учащихся лицея, пользовавшихся стипендиями в 1904–1905 гг. Таких студентов насчитывалось 38 человек: 20 учащихся получали Демидовскую стипендию, 6 – имени Александра III, 2 – Глинки, 2 – Н.И. Демидова, 2 – попечителя П.А. Демидова, 1 – Болдырева, 1 – Топленинова, 1 – Соколова, 1 – архиепископа Ярославского и Ростовского Леонида, 1 – имени Александра I, 1 – Мокиной [5. Л. 1]. Спокойное развитие событий было прервано «Кровавым воскресеньем» в столице.

На расстрел в Петербурге 9 января 1905 г. отечественное студенчество ответило одновременно с рабочими, а кое-где и раньше, массовыми забастовками, носившими политический характер. В это время резко активизировалось участие студентов в общественно-политической жизни Ярославля. В целом студенческое движение в губернском городе подчинялось общероссийским закономерностям политической жизни учащейся молодёжи и прошло в своём развитии те же этапы, что и по всей империи. В общественно-политическом движении начала XX столетия интеллигенция, в том числе студенчество, играла одну из ведущих ролей. Она чутко реагировала на любое проявление произвола в стране.

Студенты, в том числе Ярославского Демидовского юридического лицея, выступили в авангарде антиправительственной борьбы. В начале февраля 1905 г. в лицее, как практически во всех вузах страны, были проведены курсовые совещания студентов по вопросу об отношении к учебным занятиям. На сходках были приняты резолюции, обязывающие прекратить все занятия до введения в стране представительного образа правления. Ввиду этого министром народного просвещения была разослана попечителям учебных округов телеграмма по вопросу о возобновлении занятий в вузах. На предложение министра от многих советов высших учебных заведений поступили ответы, утверждавшие, что «для успокоения студентов и для обеспечения нормального хода занятий в кратчайший срок, при существующих условиях...» нет никакой возможности, и поэтому все учебные занятия будут прекращены до 1 сентября [1. С. 8–9].

Таким образом, подавляющее большинство высших учебных заведений России, включая Ярославский Демидовский юридический лицей, прекратили свои занятия. Интересно отметить, что учебная деятельность была приостановлена не только в университетах, но также и в целом ряде других отечественных вузов – до академии художеств и консерватории включительно. Основываясь на данных, представленных на страницах периодической печати того времени, приведём краткий перечень указанных учебных заведений: «Занятия в институте инженеров путей сообщения прекратились. О времени возобновления занятий ничего не известно; в Московском сельскохозяйственном институте занятия прекращены; в Ярославском лицее занятия прекращены на неопределённое время; совет С.-петербургского политехника

единогласно решил отложить учебные занятия на неопределённое время; на высших женских курсах вывешено объявление: “Начало учебных занятий в текущем году на некоторое время откладывается”; занятия в академии художеств и во всех её вспомогательных учреждениях закрыты впредь до особого распоряжения; студенты Петербургского университета постановили прекратить занятия; студенты Московского университета постановили прекратить занятия...» [6. С. 56–57].

Социалистические студенческие фракции пытались наладить общую координацию действий в среде учащейся молодёжи. В 1906 г. они выдвинули совместный проект организации отечественного студенчества. Однако эти тенденции не получили развития. У социалистических и либеральных партий во многих российских вузах, в том числе Ярославском Демидовском юридическом лицее, были свои фракции, они издавали листовки, проводили сходки, на которых разъясняли свою политическую линию.

Несмотря на политические пертурбации, учебная жизнь в Демидовском лицее продолжилась в 1906/07 учебном году. Статистический анализ сохранившихся списков лицеистов за этот год показывает их социальное происхождение: большинство из дворян, имелись дети священнослужителей, мелких чиновников и даже крестьян. Целый ряд студентов раньше учился в Московском, Санкт-Петербургском, Варшавском, Киевском, Юрьевском, Томском университетах [7. Л. 1–3]. Дело в том, что в революционные годы многие студенты были исключены из столичных и других вышеперечисленных университетов и завершали свое образование в Ярославле.

После событий 3 июня 1907 г. Петербургская университетская группа ПСР отметила в своей прокламации: «Реакционная волна, захлестнувшая всю Россию, докатилась до ненавистных правительству “очагов революции” – наших университетов» [8. № 27175]. Постепенно российские высшие учебные заведения возвращались к мирному учебному процессу и традиционным формам студенческой жизни без революционных потрясений.

Не обошел стороной процесс возвращения к обычному руслу академических занятий и ярославскую высшую школу. Учащиеся вернулись в студенческие аудитории не для митингов и протестов, а для повседневных занятий с профессорами. Как и по всей стране, социальное происхождение ярославских студентов менялось в сторону демократизации. В 1910/11 учебном году в Ярославском Демидовском юридическом лицее обучались 983 студента [9. Л. 1–55]. Случайная выборка из 28 учащихся в указанный временной промежуток по социальному происхождению дала следующие результаты: двое дворян, один сын потомственного почетного гражданина, десять лиц духовного сословия (из них четыре сына священника), один купеческий сын, восемь сыновей чиновников, трое сыновей мещан, двое выходцев из крестьянского сословия, один штабс-капитанский сын. Из них за обучение в сумме по несколько сот рублей платили 16 студентов, 9 были освобождены от платы за обучение, 2 получали стипендию, 1 вычеркнут из списка.

Сплошное «поголовное» изучение студентов за 1910/11 учебный год показывает, что от платы за обучение были освобождены 239 учащихся, а 30 лицеев получали различные стипендии – П.Г. Демидова (20 стипендий), ярославского архиепископа Леониды, С.М. Шпилевского и др. [10. Л. 1–6].

На 1 июля 1911 г. в лицее насчитывалось 946 студентов, из них платили за обучение 626 человек, освобожденных от платы насчитывалось 265, стипендиантов – 26 [11. Л. 53]. Случайная выборка из 20 фамилий привела к таким результатам: 4 – дворяне, 2 – сыновья потомственных почетных граждан, 1 – сын полковника, 1 – капитанский сын, 5 – сыновья священников, 2 – сыны диаконов, 2 – чиновничьи сыновья, 3 – выходцы из мещанского сословия. По вероисповеданию подавляющее большинство православные, изредка – иудеи [10. Л. 1–52].

Анализ вышеприведенных статистических данных показывает всесословный характер обучения в Ярославском Демидовском юридическом лицее в предвоенный период, высокий удельный вес среди учащихся (более 50%) студентов, плативших за свое обучение, и, конечно, не стало неожиданностью выявленное у лицеев явное преобладание господствующей конфессии – православия. Для обучающихся специально читались курсы богословия и церковного законоведения (проф. Темгшковский) [4. Л. 1–3]. Не случайно все преподаватели лицея во главе с тогдашним директором С.М. Шпилевским подписали послание архипастырю в честь его 50-летия служения Церкви [12. Л. 1].

С 1906 г. должность директора юридического лицея занял статский советник, доктор уголовного права М.П. Чубинский – выпускник университета Св. Владимира в Киеве, с содержанием в 4 800 руб. (включая казенную квартиру). Профессором православного богословия стал священник Д.С. Глаголев, выпускник Московской духовной академии (содержание 2 200 руб. плюс казенная квартира). В качестве ординарных профессоров лицея состояли: по кафедре русского права – М.П. Чубинский и коллежский секретарь В.Н. Ширяев, выпускник Ярославского Демидовского юридического лицея (содержание 1 440 руб.). По кафедре церковного права: П.В. Гидулянов, выпускник Московского университета (содержание 2 400 руб.). По кафедре государственного права оставался действительный статский советник В.Г. Щеглов, выпускник Казанского университета (содержание 3 600 руб.). По кафедре политической экономии и статистики – коллежский советник Р.М. Орженцкий, выпускник Новороссийского университета с содержанием в 2 400 руб. По кафедре уголовного права и судопроизводства оставался коллежский секретарь Г.С. Фельдштейн, выпускник Московского университета (содержание 2 400 руб.). По кафедре гражданского права – статский советник С.Е. Сабинин, выпускник Московского университета, имеющий содержание в 2 400 руб. По кафедре общей теории права состоял коллежский

ассессор Ф.В. Тарановский, выпускник Варшавского университета (содержание 2 400 руб.) [13. С. 59–60].

В числе доцентов и приват-доцентов Ярославского Демидовского юридического лицея следует назвать М.П. Бобина (выпускник Харьковского университета, содержание 1 440 руб.) и всё того же Б.Н. Фрезе (выпускник Юрьевского университета, содержание 1 440 руб.), работавших на кафедре римского права. По кафедре административного права служил надворный советник Н.Н. Голубев (выпускник Московского университета, содержание 1 440 руб.). По кафедре финансового права – коллежский ассессор А.Р. Свирщевский (выпускник Московского университета, содержание 1 440 руб.). По кафедре международного права и истории философского права всё так же служил титулярный советник А.В. Шмидт, а уголовный процесс курировал Е.Д. Сеницкий (выпускник Киевского университета Св. Владимира, содержание 1 440 руб.). С 1912 г. в Демидовский юридический лицей на должность приват-доцента кафедры гражданского права пришел юрист Л.С. Таль (с 1914 г. – профессор лицея) – основоположник изучения отечественного трудового права как науки. Лектором немецкого языка являлся коллежский советник П.Р. фон-Глезер (выпускник Юрьевского университета, содержание 1 000 руб.). Лектором французского языка состоял П.А. Шансель (выпускник юридического факультета Парижского университета, содержание 1 000 руб.). Библиотекарем был коллежский секретарь П.Г. Милославов (выпускник Ярославского Демидовского юридического лицея, содержание 700 руб. плюс казенная квартира) [13. С. 59–60].

В рассматриваемое время секретарём совета и управления лицея являлся надворный советник В.Е. Карпов (содержание 1 000 руб. плюс казенная квартира). Должности казначея и бухгалтера совмещал титулярный советник Д.Л. Меньшов (содержание 650 руб.). Экзекутором состоял коллежский ассессор К.К. Бахтияров, выпускник Ярославской духовной семинарии (содержание 800 руб. плюс казенная квартира).

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. В начале XX в. на первый план в Ярославском Демидовском юридическом лицее, наряду с образовательно-исследовательскими функциями, вышла общественно-политическая деятельность. Ярославский Демидовский юридический лицей играл важную роль в системе отечественного высшего образования, его преподаватели являлись выпускниками ведущих университетов и были признанными специалистами в области юриспруденции, широко известными на территории всей Российской империи. Высшая школа Верхневолжского региона, представленная Ярославским Демидовским юридическим лицеем, пережила в начале XX в. подъемы и спады вместе со всей общероссийской системой высшего образования: развитие, близкое к оптимальному в 1900–1904 гг., а также в 1908–1913 гг., и потрясения, связанные с революцией 1905–1907 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Образование. 1905. № 3.
2. Московские ведомости. 1905. № 7.
3. Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф. 571. Оп. 1. Д. 59.

4. ГАЯО. Ф. 571. Оп. 2. Д. 28.
5. ГАЯО. Ф. 571. Оп. 2. Д. 22.
6. Образование. 1905. № 1.
7. ГАЯО. Ф. 571. Оп. 1. Д. 2.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1741. Оп. 1.
9. ГАЯО. Ф. 571. Оп. 1. Д. 33.
10. ГАЯО. Ф. 571. Оп. 1. Д. 31.
11. ГАЯО. Ф. 571. Оп. 1. Д. 32.
12. ГАЯО. Ф. 571. Оп. 2. Д. 33.
13. Справочная книга по Ярославской губернии на 1908 год. Ярославль, 1908.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 ноября 2016 г.

YAROSLAVL DEMIDOV JURIDICAL LYCEUM AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 73–76.

DOI: 10.17223/15617793/414/11

Svetlana Yu. Ierusalimskaya, Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Keywords: Demidov Lyceum; students; faculty; student movement; revolution of 1905–1907.

The article is devoted to the study of the history of a higher education institution – Yaroslavl Demidov Juridical Lyceum at the beginning of the 20th century. The aim of the article is to analyze the trends in the development of regional higher education in this chronological framework by the example of the Demidov Lyceum. The study mainly used archival materials – clerical work documentation and statistical sources. The paper describes the student movement, which was a response to the events of January 9, 1905. The students joined the demonstrations of the workers, and refused to study before the introduction of the country's representative form of government. Russian higher education institutions, including Yaroslavl Demidov Juridical Lyceum, stopped working for about 9 months, until the first of September, 1906. After these events, in the 1906–1907 academic year, higher school students from Moscow, St. Petersburg and other universities expelled for participating in the revolutionary movement joined the numbers of the Yaroslavl Lyceum students. Student unrest stopped after 1907. At the beginning of the century, a significant democratization of education occurred. Analysis of the statistical data leads to a conclusion that there was classless education in the Demidov Lyceum in the prewar period, that more than 50% of its students paid for their education, that there was a scholarship program and a clear predominance of the dominant religion – Orthodoxy. The paper also provides a detailed list of the Lyceum teaching staff and administration who worked at the beginning of the 20th century, reports information about their education, salary and title. Famous lawyers such as Professor S.M. Shpilevsky, a known Russian historian of law and archaeologist, Professor V.M. Gordon, an outstanding expert in civil law, Professor I.Ya. Gurlyand, Doctor of Police Law, in the future one of the closest staff of ministers P.A. Stolypin and B.V. Sturmer, E.N. Berendts, the largest expert in Finnish law in the country, the future senator of the Provisional Government and Minister of Justice in the government of the Hetman P.P. Skoropadsky in the Ukraine, Professor L.S. Tal, the initiator of the study of labor law as a science, and others worked in the lyceum. The author comes to a general conclusion that Yaroslavl Demidov Juridical Lyceum played an important role in the system of domestic higher school, and was one of the centers of legal education. Despite the short-dated decline during the First Russian Revolution in 1905–1907, the regional higher education in the Russian Empire flourished at the beginning of the 20th century, at both the national and the regional levels.

REFERENCES

1. *Obrazovanie*. (1905). 3.
2. *Moskovskie vedomosti*. (1905). 7.
3. State Archive of Yaroslavl Oblast (GAYaO). Fund 571. List 1. File 59. (In Russian).
4. State Archive of Yaroslavl Oblast (GAYaO). Fund 571. List 2. File 28. (In Russian).
5. State Archive of Yaroslavl Oblast (GAYaO). Fund 571. List 2. File 22. (In Russian).
6. *Obrazovanie*. (1905). 1.
7. State Archive of Yaroslavl Oblast (GAYaO). Fund 571. List 1. File 2. (In Russian).
8. State Archive of the Russian Federation. Fund 1741. List 1. (In Russian).
9. State Archive of Yaroslavl Oblast (GAYaO). Fund 571. List 1.D. 33. (In Russian).
10. State Archive of Yaroslavl Oblast (GAYaO). Fund 571. List 1. File 31. (In Russian).
11. State Archive of Yaroslavl Oblast (GAYaO). Fund 571. List 1. File 32. (In Russian).
12. State Archive of Yaroslavl Oblast (GAYaO). Fund 571. List 2. File 33. (In Russian).
13. Morozov, A.P. (1908) *Spravochnaya kniga po Yaroslavskoy gubernii na 1908 god* [Reference book of Yaroslavl Province in 1908]. Yaroslavl: Tipografiya gubernskogo pravleniya.

Received: 11 November 2016

У ИСТОКОВ ГИДРОЭНЕРГЕТИКИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ИЗ ИСТОРИИ ГИДРОТЕХНИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ 1930-х гг.

Рассматриваются исторические аспекты изучения энергетических гидроресурсов на Дальнем Востоке в 1930-е гг. Показано, что с началом форсированной индустриализации развернулись региональные гидротехнические изыскания и исследования с целью выявления источников гидравлической силы для проектирования и строительства гидроэлектростанций. Сделан вывод о том, что исследования гидротехников, проведенные на Дальнем Востоке в годы индустриализации, внесли огромный вклад в изучение энергетического потенциала региона и последующее развитие его гидроэнергетики.

Ключевые слова: гидроэнергетика; гидроэлектростанции; гидротехнические изыскания; индустриализация; электроэнергия; Дальний Восток.

В условиях реализации государственных программ по развитию Дальнего Востока возрастает интерес к историческому опыту хозяйственного освоения и развития этого региона. В исследовании проблем экономического развития дальневосточной части России в 1930-е гг. до сих пор слабо изученным остается один из главных факторов индустриализации – электрификация тяжелой индустрии и других отраслей промышленности. В рамках форсированной индустриализации в качестве одного из составляющих имело место проведение масштабных разведочных и исследовательских работ по всей территории Дальнего Востока, в том числе гидротехнических изысканий с целью выявления источников гидравлической силы для проектирования и строительства гидроэлектростанций. Они включали в себя целый комплекс проводимых инженерных исследований, разработку технико-экономических обоснований объектов, подготовку проектной документации, составление смет для практического осуществления гидроэнергетических сооружений.

Гидроэнергетика сегодня является одним из наиболее эффективных направлений развития электроэнергетики России. На территории Дальнего Востока работают Зейская и Бурейская гидроэлектростанции (ГЭС), а также ряд других малых гидроэнергообъектов. Однако гидроэнергетический потенциал региона освоен всего на 3%, в то время как в Центральной России – на 48%. Более 70% выработки дальневосточной электроэнергии осуществляется на углеводородах. Согласно планам ОАО «РусГидро» к 2020 г. освоение гидропотенциала Дальневосточного федерального округа составит порядка 9%, для чего сегодня проводятся дальнейшие изыскания и разрабатываются проекты новых ГЭС [1. С. 37]. Систематическое исследование гидроэнергоресурсов на Дальнем Востоке началось в 1930-е гг. За развитием гидроэнергетики специалисты в те годы видели будущее электроснабжения народного хозяйства региона, считая, что гидроэлектростанции смогут обеспечить до 40% общего объема производства электроэнергии.

Актуальность темы исследования обусловлена, во-первых, необходимостью осмысления исторического опыта и уроков гидротехнических изыскательских и исследовательских работ 1930-х гг.; во-вторых, возможностью разработки на основе сделанных выводов практических рекомендаций в целях выработки рационального механизма принятия важных экономических решений, а также прогнозирования развития гидроэнергетики Дальневосточного федерального округа.

Предмет исследования данной статьи – изыскательские работы для нужд гидроэнергетики на Дальнем Востоке в 1930-е гг. – не получил достаточного освещения в отечественной историографии, хотя его отдельные составляющие затрагивались как советскими, так и современными авторами. Монография академика В.В. Алексеева [2] посвящена электрификации Сибири и вопросам строительства гидроэлектростанций на востоке России. В трудах А.И. Широкова [3, 4] рассматриваются исторические аспекты научных исследований и изысканий, проводимых на Северо-Востоке СССР во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. В статьях А.В. Маклюкова [5–7] освещаются проблемы развития электроэнергетики и электрификации Дальнего Востока в 1930-е гг. Вопросы истории научного изучения и хозяйственного освоения ресурсов азиатской части России в советский период выступают на настоящий момент одними из ведущих исследовательских направлений среди сибирских историков (А.И. Тимошенко, О.В. Тарасова, А.А. Исаева и др. [8, 9]).

В данной статье автор ставит следующие задачи:

- 1) проанализировать процесс изучения речных гидроресурсов на Дальнем Востоке в конце XIX – первой четверти XX в. и выявить первые гипотезы и планы использования энергии воды в целях электроснабжения и электрификации региона;
- 2) рассмотреть условия и особенности проведения гидротехнических изысканий и исследований в дальневосточной части России в 1930-е гг.;
- 3) показать результаты и значение проведенных в 1930-е гг. изыскательских работ для нужд гидроэнергетики Дальнего Востока.

Для решения поставленных задач использовалась научно-техническая и планово-экономическая документация, сосредоточенная в фондах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), Государственного архива Хабаровского края (ГАХК) и Государственного архива Приморского края (ГАПК). Наибольший интерес представляют архивные документы из РГИА ДВ фонд Р–2848 «Управление уполномоченного Наркомата тяжелой промышленности». Здесь собрана проектная,

технологическая и научно-исследовательская документация, образовавшаяся в результате деятельности научно-исследовательских и проектных организаций союзного подчинения. Основными компонентами научно-технической документации являются проектные задания и технические проекты. Проектные задания состоят из сводных записок, водохозяйственных и энергоэкономических расчётов, сведений об оборудовании, организации и производстве работ и сметно-финансовых сведений. Технические проекты включают в себя сводные записки, технико-экономические и технологические разделы. В них отображаются: краткая история проектирования и решения директивных органов, состав планируемых сооружений, их параметры, стоимость работ и т.д. Архивные документы данного фонда стали для автора источниковой основой для изучения и освещения вопросов гидротехнических изысканий и исследований, проводимых на Дальнем Востоке в 1930-х гг.

Проведенное исследование базируется на принципах историзма и междисциплинарности. Первый позволил рассмотреть процесс изучения речных гидроресурсов и гидроэнергетического потенциала Дальнего Востока с конца XIX в. до конца 1930-х гг. в соответствии с конкретно-исторической ситуацией, с учётом причинно-следственных связей. Второй принцип сыграл решающую роль в освещении проблем, непосредственно не связанных с исторической направленностью работы, например, технических, экономических и других аспектов. С помощью историко-сравнительного метода выявлены закономерности, тенденции и отличительные черты гидротехнических изыскательских работ, проводимых на Дальнем Востоке в рассматриваемый период времени. При помощи проблемно-хронологического метода из единой темы были выделены более узкие вопросы, которые рассматривались в хронологической последовательности.

В России изучение гидроресурсов и строительство первых гидроэлектростанций начались в конце XIX – начале XX в., когда с модернизацией экономики наметилось ускорение развития электроэнергетики как важнейшей составляющей промышленности. Впервые вода как источник электрической энергии стала использоваться в горнодобывающей промышленности Сибири. В 1892 г. на Зыряновском руднике на р. Берёзовка начала работу ГЭС мощностью 150 кВт, для которой построили водохранилище с системой шлюзов. Отсутствие вблизи рудника топливных ресурсов привело руководство горных работ к мысли использовать энергию воды. Электрическая энергия оказалась значительно дешевле паровой. В начале XX в. на Ленских приисках в Восточной Сибири появился первый каскад из шести ГЭС суммарной мощностью 2 800 кВт, что составляло тогда 17,5% мощности всех ГЭС страны. Прииски были максимально электрифицированы, в производстве использовалось до 100 электродвигателей и свыше 20 тыс. лампочек накаливания. К 1914 г. Российская империя занимала третье место в мире по использованию водной энергии после США и Канады. В 1916 г. на территории России действовало 78 тыс. мелких и средних ГЭС общей мощностью 160 тыс. кВт, которые

вырабатывали 35 млн кВт/ч электроэнергии в год [2. С. 19, 23; 10. С. 107]. Что касается гидроэнергетических изысканий в России в начале XX в., планомерных работ в этой области организовано не было, и изыскания производились в зависимости от тех или иных хозяйственных задач текущего момента.

На Дальнем Востоке гидроэнергетика в начале XX в. не получила развитие. Регион являлся слабоосвоенным и слабо освоенным в хозяйственном и промышленном отношении, потребности в энергетических мощностях удовлетворялись мелкими локальными паровыми энергоустановками и отдельными тепловыми станциями. В конце XIX – начале XX в. изучение дальневосточных рек велось только с целью транспортного освоения, изыскания проводились в основном для улучшения судоходных условий. В начале работы носили описательный, географический характер и дополнялись некоторыми геологическими данными. Во время подготовки строительства Транссибирской железной дороги началось систематическое исследование главной водной артерии Дальнего Востока – р. Амур и ее притоков. Водный режим Амура стал изучаться с 1894 г., тогда была организована первая сеть водомерных постов, ведущих наблюдения за уровнем воды в период навигации. В 1901–1910 гг. гидрометрические наблюдения продолжались. В Амурской области под руководством П.П. Стакле открыты 25 водомерных постов, в Приморской области гидрометрической службой А.И. Булгакова – 44 поста и одна гидрометрическая станция на р. Иман [11. С. 46].

Первые гидрометрические наблюдения показали, что большим бедствием для развивающегося хозяйства дальневосточного региона являлись часто повторяющиеся разрушительные наводнения, захватывающие обширные территории. Резкий подъем уровня воды в реках связан с климатическими и физико-географическими особенностями Дальнего Востока. Около 70% годового объема осадков выпадало за 4 теплых месяца: с июня по сентябрь. В таких гидрологических условиях строительство каких-либо гидротехнических сооружений затруднялось. Тем не менее в начале XX в. в целях переселения крестьян на дальневосточных реках стали возводиться первые искусственные объекты. В 1908–1912 гг. создаются Амурская и Приморская гидротехнические партии, которые для защиты населения от наводнений занимались строительством заградительных дамб, нагорных каналов, устройством мостов, спрямлением русла рек и т.д. В частности, такие работы проводились в Хабаровском и Иманском уездах после наводнения 1913 г. [12. С. 142].

Несмотря на строительство различных гидротехнических сооружений в начале XX в., дальневосточным крестьянством энергия воды для генерации электричества не использовалась, хотя водяные установки нередко применялись в хозяйстве. В частности, в Приморской области к 1918 г. работало 195 водяных мельниц [13. С. 142]. В то же время в Сибири, по данным комиссии ГОЭЛРО, в 1920 г. насчитывалось 3 155 вододействующих мелких колесных установок, главным образом водяных мельниц, которые приводили в движение также динамо-машины, вырабаты-

вающие электрический ток [2. С. 46]. На Дальнем Востоке первые сельские генераторы стали устанавливаться в 1918 г. при паровых мельницах. Например, в Амурской области к 1923 г. работало 22 мельницы с силовыми установками [14. С. 479]. Источники не зафиксировано ни одного генератора, работающего от энергии воды. В конце XIX – начале XX в. на Дальнем Востоке в городах, селах, на промышленных предприятиях функционировали исключительно тепловые электростанции – турбинные, паровые и локомобильные.

Перспективы развития гидроэнергетики в России широко обсуждались в первые годы советской власти, особенно в период деятельности комиссии ГОЭЛРО. Согласно плану электрификации страны, утвержденному 22 декабря 1920 г., планировалось строительство 10 крупнейших ГЭС в центральных районах РСФСР [15. С. 14]. Что касается Дальнего Востока, то регион в плане ГОЭЛРО не учитывался. На момент работы комиссии дальневосточная территория входила в состав Дальневосточной республики, включенной в состав РСФСР позже.

Впервые вопрос об использовании воды как источника электрической энергии на Дальнем Востоке поднят в 1924 г. в статье В. Степанова «Вопросы энергетики Амурской губернии в связи с запасами водной энергии», опубликованной в журнале «Экономическая жизнь Дальнего Востока». В ней автор рассматривал перспективы развития фабрично-заводской промышленности в г. Благовещенск, которая потребляла до 70% всей вырабатываемой электроэнергии на тепловых станциях. Строительство на р. Амур ряда водяных электростанций, по мнению автора, позволило бы обеспечить весь город Благовещенск и промышленность губернии дешевым электричеством [16. С. 36–45].

В начале 1924 г. в Приморский отдел мелиорации от Анучинского кооператива с. Анучино поступила заявка на сооружение в селе гидроэлектрической установки для мельницы и электрического освещения домов на 200 ламп накаливания. Это было самое первое в дальневосточном крае предложение осуществить электрификацию села с помощью малой ГЭС [17. С. 101]. Таким образом, в начале 1920-х гг. на Дальнем Востоке возникает спрос на использование энергетических гидроресурсов. Региональная гидроэнергетика могла получить развитие только при государственной поддержке.

Первые экономические исследования в области дальневосточной электроэнергетики по заказу органов власти стали проводиться в начале 1925 г. Тогда Приморское губернское экономическое совещание приняло решение создать комиссию по электрификации края. Ей поручалось провести изучение губернии для определения районов с наибольшим потреблением электроэнергии. Особо выделялся район, включавший в себя Владивосток, Сучан и Никольск-Уссурийск. К работе подключились дальневосточные ученые и специалисты: профессор Государственного Дальневосточного университета В.П. Вологдин, инженер-электротехник В.А. Кравцов, инженер-электромеханик К.В. Ковальский, инженер-теплотехник М.Я. Чернышев и др. [18. Л. 1].

22 января 1925 г. комиссия по электрификации Приморья приступила к работе. В марте–апреле того же года при обследовании ближайших водных источников от г. Никольск-Уссурийска на юге Приморья специалистов привлекла внимание р. Суйфун (ныне р. Раздольная). Детально был обследован участок реки у железнодорожной станции Барановский, в 92 км от г. Владивостока. В.П. Вологдин и В.А. Кравцов составили рабочий проект малой ГЭС. Согласно техническим характеристикам проекта предусматривалось сооружение плотины длиной 300 м с подъемом воды до 3–10 м. Мощность ГЭС проектировалась на 8000 кВт. Станция назначалась для обеспечения электроэнергией участка Никольск–Уссурийск–Угольная–Владивосток [18. Л. 2]. Однако первый проект малой ГЭС на Дальнем Востоке остался в материалах работы комиссии по электрификации Приморья, средств на его реализацию так и не нашлось.

На IX краевой партийной конференции, прошедшей в феврале–марте 1929 г. в г. Хабаровске, утверждён первый пятилетний план развития экономики Дальнего Востока. В плане ставилась задача по созданию электротехнической базы как основы индустриализации края. В постановлении СНК РСФСР от 23 января 1928 г. отмечалось, что электрическое хозяйство на Дальнем Востоке развивается крайне слабо, поэтому Госплану и ВСНХ РСФСР поручалось как можно быстрее приступить к разработке плана электрификации региона. 6 марта 1928 г. при Дальневосточном краевом совете народного хозяйства создан особый сектор по энергетике и электрификации [19. Л. 185].

В декабре 1930 г. Госплан СССР начинает работу по составлению Генерального плана электрификации страны, отвечающего новым задачам модернизации экономики, а также соответствующего новым направлениям в развитии электроэнергетики и научно-техническим достижениям в этой области. На местах партийно-хозяйственным органам поручалось создать специальные комиссии по разработке региональных планов электрификации для сведения их в единый Генплан. Такая комиссия на Дальнем Востоке создана 20 марта 1931 г. по постановлению президиума Далькрайисполкома [20. Л. 183]. Для работы в ней привлекались учёные и специалисты из Дальневосточного политехнического института, Сибирского угольного института, Дальневосточного научно-исследовательского института, Дальневосточного геологоразведочного управления, Тихоокеанского института сельского хозяйства и других организаций. Над Генпланом трудились такие известные сибирские и дальневосточные учёные, как В.П. Вологдин, В.С. Пак, Ф.И. Трухин, В.А. Кравцов, а также ведущие экономисты и политики. Всего в работе приняли участие 119 специалистов [20. Л. 184; 21. Л. 2].

Комиссия по составлению Генплана электрификации Дальневосточного края работала в г. Владивосток в течение 10 дней: с 29 апреля по 9 мая 1931 г. Учёные и специалисты рассматривали различные вопросы энергетического строительства в крае, исходя из местных условий, перспективы исследования и использования энергетических ресурсов. На заседании 30 апреля с докладом «Водно-энергетические ресурсы

Дальнего Востока» выступил А.А. Исполинов – специалист по водному режиму р. Зея, посвятивший многие годы ее изучению. Доклад основывался на данных, предоставленных отделом гидрологии внешних вод Геофизического института, созданного в г. Владивосток в 1930 г. Докладчик отмечал, что Дальневосточный край обладает огромным гидроэнергетическим потенциалом (53 крупные реки), по запасам водной энергии занимает третье место в СССР. Поэтому в развитии энергетического хозяйства региона комиссии Генплана рекомендовалось сделать приоритет на развитии гидроэнергетики. Речь шла о гипотетической возможности строительства 19 ГЭС на крупнейших дальневосточных реках – Амуре, Зеи, Бире, Колыме, Амгуни, Сучане, Аввакумовке и др. Автор доклада отмечал, что строительство плотин на реках, помимо выработки электричества, позволит также избежать тяжелых последствий летних наводнений. Предлагалось перегородить реки Зею, Селемджу и Бурею, так как именно они причиняли главные беды бассейну Амура. После длительного обсуждения доклада, 3 мая 1931 г. комиссия приняла следующую резолюцию: «1. Водно-энергетические запасы вместе с другими энергетическими источниками должны послужить базой электрификации ДВК; 2. Произведенные Геофизическим институтом подсчеты признать приблизительными... необходимы проектно-изыскательские работы» [20. Л. 54, 293 об.].

Следует отметить, что у специалистов с самого начала работы над планом электрификации Дальнего Востока возникло немало трудностей. Главная проблема заключалась в слабой изученности энергетических ресурсов края, особенно гидроресурсов. Как отмечали составители плана, «даже геологами ДВК исследован менее чем на 10%. При таких скудных данных что-либо планировать практически невозможно» [22. Л. 6]. Поэтому рабочая группа наметила только общие направления в области развития электроэнергетики региона. Через 3 месяца, в сентябре 1931 г., комиссия в составе 125 членов продолжила свою работу. В результате был составлен Генеральный план электрификации ДВК до 1945 г., согласно которому планировалось строительство семи ГРЭС, четырех теплоэлектроцентралей и четырех гидроэлектростанций на реках Бира, Селемджа, Зея и Буря (табл. 1). Максимальная суммарная мощность всех ГЭС должна была составлять 772 тыс. кВт. При этом гидроэлектростанциям отводилась ведущая роль в конечной реализации Генплана и создании мощной энергетической базы. Предполагалось, что к 1945 г. ГЭС будут вырабатывать более 40% всей электроэнергии в регионе [23. С. 72–73].

Таблица 1

Список ГЭС по Генеральному плану электрификации Дальневосточного края. 1931 г. [23. С. 72–73].

Река	Планируемая мощность ГЭС, тыс. кВт		
	1932 г.	1937 г.	1945 г.
Бира	–	15	27
Селемджа	–	–	250
Зея	–	–	420
Буря	–	–	75
Итого	–	15	772

Объекты сооружения ГЭС на Дальнем Востоке в Генплане были отмечены лишь приблизительно, прямого практического значения они не имели. Генплан в первую очередь был полезен и ценен с научной точки зрения. В нем впервые были собраны и обобщены материалы о различных энергетических ресурсах Дальнего Востока. На основе материалов комиссии в 1933 г. одним из её участников профессором В.А. Кравцовым издана специальная работа «Энергоресурсы Дальневосточного края» [24], в которой впервые после многолетних трудов была освещена столь сложная тема. Также в попытке создать единую картину развития энергетического хозяйства Дальнего Востока родилось понимание направлений последующей работы в области изучения края, в сфере геологии, гидрологии и географии, которые проводились в 1930-е и последующие годы. В частности, при разработке плана впервые говорилось о том, что колоссальный гидроэнергетический потенциал Дальнего Востока необходимо исследовать, осваивать и за ним стоит будущее электроснабжения народного хозяйства региона. Большая ценность Генплана 1931 г. заключается в том, что он позволил актуализировать и поставить перед партийно-хозяйственными органами конкретные задачи в сфере развития дальневосточной гидроэнергетики.

Необходимо отметить, что работа над Генпланом развернулась уже тогда, когда в Дальневосточном крае начинались проектирование и строительство первых крупных объектов электроэнергетики – тепловых электростанций. В ходе проведения конкретных изыскательских и проектных работ выявлялись разные проблемы, требовавшие вынесения новых решений. На протяжении практически всех первых пятилеток на Дальнем Востоке ежегодно, а иногда и чаще, менялись планы энергетического строительства по тому или иному объекту в зависимости от тех или иных условий и задач по промышленному развитию региона. Поэтому советские хозяйственные органы в рассматриваемый период в своих решениях чаще исходили из текущей ситуации, нежели прибегали к единому, разработанному специалистами в 1931 г. Генплану [7. С. 81].

Проектно-изыскательские исследования гидроэлектростанций в СССР в 1920-е гг. проводились разрозненными проектными группами и техническими отделами разных ведомств. В 1927 г. в составе Главэлектро ВСНХ СССР организован государственный энергостроительный трест Энергострой, при котором в ноябре 1928 г. открылось Ленинградское гидротехническое бюро. Оно занималось исследовательскими и проектировочными работами, связанными с вопросами использования водных сил и построек гидротехнических сооружений. 31 марта 1932 г. образован союзный трест Гидроэлектропроект. В том же году в апреле в г. Хабаровске открылась «секция изучения Амура», для работы в которой были отправлены инженеры-гидротехники из Москвы. С августа 1932 г. начались первые систематические гидротехнические изыскания и исследования рек Дальнего Востока [25. Л. 20; 26. Л. 1; 27].

На первых стадиях изыскательских работ происходил сбор необходимых сведений, производилось

схематичное проектирование. В 1932–1934 гг. Гидроэлектропроект небольшими партиями провел обследования притоков Амура, на основе которых составлены первые технико-экономические доклады и гипотезы. В частности, в 1933 г. пройден участок от р. Бурея до ее притока р. Ниман протяженностью 400 км. В 1934 г. специально изучалась проблема использования гидравлической силы р. Зея, протяженность участка работ составила 680 км. На основе полученных данных была создана первая схема гидроэнергетического использования Зеи. В ней предусматривалось строительство регулирующих плотин, совмещённых с гидроэлектростанциями на средней Зее и Селемдже. Также изучались гидроэнергоресурсы в районе нового строящегося промышленного центра – Комсомольска-на-Амуре. В 1934 г. изыскательные партии Гидроэлектропроекта отправились на р. Горюн и р. Хунгари, где прошли в общей сложности свыше 315 км. В результате этих работ выявлены условия для строительства ГЭС на р. Горюн и составлен ее рабочий проект [25. Л. 20].

В начале 1930-х гг. руководство государственного треста по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы (Дальстрой) задумалось об использовании энергетических гидроресурсов р. Колымы и рек ее бассейна. В 1932–1934 гг. проведены необходимые изыскания и составлен проект строительства Колымской ГЭС недалеко от устья р. Бохапчи. Проект разрабатывался непосредственно ленинградским отделением Гидроэлектропроекта и предусматривал следующие основные технические характеристики гидроэлектростанции. Ее основу должна была составить каменно-набросная плотина высотой 76 м и длиной 540 м. Четыре турбины мощностью 12,5 тыс. кВт каждая должны были обеспечить общую мощность Колымской ГЭС в 50 тыс. кВт. Однако даже не начавшееся строительство ГЭС на стадии технического проектирования оказалось заморожено, поскольку требовало значительных капиталовложений, которые Дальстрою выделены не были [4. С. 178–179].

В середине 1930-х гг. масштабы гидротехнических проектно-изыскательских работ на Дальнем Востоке расширились. В 1935 г. создается Всесоюзный государственный проектно-изыскательский трест Гидроэнергопроект (ГИДЕП), ведомственно подчинявшийся Наркомату тяжелой промышленности (НКТП). В мае 1935 г. в г. Хабаровске вместо секции изучения Амура открывается Дальневосточное отделение Гидроэнергопроекта (ДальГИДЕП). В первые годы происходило его организационное оформление. К 1937 г. в структуру ДальГИДЕП входило пять подразделений с общим штатом 76 чел.: 1) управление отделом (4 чел.); 2) энерго-экономическая группа (6 чел.); 3) гидрологическая группа (59 чел.); 4) топографическая группа (8 чел.); 5) геологическая группа (5 чел.). Кроме того, в проектно-изыскательских партиях во время проведения полевых и исследовательских работ находилось в среднем по 200–270 инженеров, техников и рабочих. Управляющим ДальГИДЕП назначен инженер Г.А. Кудинов, главным инженером – В.П. Нагорный [25. Л. 19, 63; 28. Л. 5 об.].

25 апреля 1935 г. бюро Далькрайкома ВКП(б) поставило задачу по разработке технического проекта Горюнской ГЭС в срок не позже 4-го квартала 1936 г. ГЭС планировалась для электроснабжения г. Комсомольска-на-Амуре, в котором развернулось строительство судостроительного, металлургического, бумажного и аккумуляторного заводов и предприятий двойного назначения, а также начиналось масштабное жилищное строительство. На проведение работ по проектированию Горюнской ГЭС в 1935 г. выделялось 2 150 000 руб. Осенью 1935 г. на р. Горюн отправился первый отряд проектного бюро ДальГИДЕП, но из-за позднего начала работ и наступления холодов намеченная программа выполнена не была. Весной 1936 г. началось обустройство основного рабочего лагеря: построены деревянные бараки, столовая, хлебопекарня и прачечная. К лету 1936 г. в отряде трудились 121 чел., а к началу 1938 г. – 263 чел. [26. Л. 1; 28. Л. 6 об.].

Исследования гидротехников на Дальнем Востоке затруднялись бездорожьем, чрезвычайно низкими температурами зимой и отсутствием картографических сведений. Работы в основном велись в тайге при постоянном передвижении отрядов. Измерительные, топографические и гидрологические приборы поступали со значительным опозданием. Их доставка из Москвы длилась от пяти месяцев до года. Буровое оборудование отсутствовало, работы выполнялись вручную. Тяжелые условия труда, низкие температуры, недостаток инструментов и материалов усугубились острой нехваткой продовольствия, не редко перераставшей в настоящий голод. Гидротехникам и рабочим постоянно приходилось испытывать лишения самых элементарных удобств. Документы сохранили фамилии тех, кто не жалея себя трудился в таких условиях на р. Горюн – старший техник Мельниченко, мастер буровых работ Свечников, рабочие Суркин, Михайлов и др. [28. Л. 6 об.; 29. Л. 6, 8; 30. Л. 8].

Необходимо отметить, что значительный вклад в изучение дальневосточных рек в 1930-е гг. внес Дальневосточный политехнический институт (ДВПИ), который с 1928 г. готовил инженеров гидротехнической специальности. Студенты и выпускники ДВПИ принимали участие в работе проектно-изыскательских партий Гидроэлектропроекта и Гидроэнергопроекта. В 1933 г. квалификацию инженеров-гидротехников получили 10 выпускников. Среди них В.Г. Черненко, который занимался методикой расчетов регулирования стока дальневосточных рек. В период до 1934 г. строительный факультет ДВПИ выпустил 29 гидротехников, но затем их подготовка прекратилась [31. С. 291–292]. В середине 1930-х гг., когда масштабы гидротехнических изысканий увеличились, возникла острая проблема пополнения кадров новых создаваемых организаций и исследовательских партий. Специалистов инженеров-гидротехников в стране было крайне мало, особенно на Дальнем Востоке, где предстояло выполнить колоссальный объем изыскательской и исследовательской работы. Проблема дефицита кадров решалась партийно-хозяйственными и ведомственными органами в основном за счет привлечения специалистов из центра, но на практике это не

приносило ожидаемого результата. Изыскательные партии нередко проводили исследования без сопровождения инженерно-технических работников, что в конечном итоге влияло на качество выполняемых работ.

В результате исследований Гидроэнергопроекта и его дальневосточного отделения в 1936–1938 гг. составлено несколько проектов ГЭС. До стадии технического проектирования удалось довести работы по Горюнской ГЭС. Проект предполагал сооружение плотины длиной в 1 000 м в 36 км от устья р. Горюн и 45 км от г. Комсомольска-на-Амуре. Проектная мощность рассчитывалась на 65 тыс. кВт с ежегодным отпуском 270 млн кВт/ч электроэнергии. Общая стоимость ГЭС оценивалась в 175 млн руб., или 2 750 руб. на 1 установленный киловатт мощности, а себестоимость электроэнергии – 1,2 коп. кВт/ч. Завершение строительства Горюнской ГЭС планировалось на 1941–1943 гг. [26. Л. 3; 32. Л. 1, 3].

В середине 1930-х гг. другой задачей для Гидроэнергопроекта стало изыскание притоков Амура и Усури – рек Хор, Мухен и Кур – с целью выявления гидравлических источников для электроснабжения г. Хабаровска. В мае 1934 г. московская комиссия Главэнерго НКТП рассчитала, что рост потребностей в энергетических мощностях предприятий Хабаровска за четыре года увеличится в шесть раз. Город располагался в значительном отдалении от ближайших месторождений топлива, поэтому специалисты считали нерациональным строительство здесь крупной тепловой электростанции, работающей на привозном топливе. Хабаровская ТЭЦ на 50 тыс. кВт проектировалась для работы на райчихинских углях, месторождение которых находилось в 450 км. В случае возможной войны работа ТЭЦ ставилась под угрозу. Поэтому снабжение города от гидроэлектростанции признавалось наиболее правильным и надежным [26. Л. 3; 33. Л. 11; 34. Л. 41 об.].

В 1936–1938 гг. произведены рекогносцировочные обследования р. Хор и составлены проектные задания сразу двух ГЭС – Сукпойской и Ходовской. Плотины планировалось разместить в 130 и 140 км от г. Хабаровска. Каждая ГЭС рассчитывалась на мощность по 75 тыс. кВт с отпуском 300 млн кВт/ч в год. Длина плотин 900–950 м, напор воды 35 м. К площадкам ГЭС предполагалось проложить подъездные пути и построить рабочий поселок энергетиков. Срок сооружения объектов рассчитывался на 4–5 лет, капиталовложения примерно в 275 млн руб. Запуск первой очереди ГЭС намечался на начало 1942 г. [26. Л. 8–10].

Инженер-гидротехник ДальГИДЕП В.П. Репкин, руководивший работами на р. Хор, отмечал, что сооружение Сукпойской и Ходовской ГЭС, помимо надежного энергоснабжения потребителей, решало и целый ряд других важных хозяйственных задач для Дальнего Востока. Во-первых, во время наводнения предотвращалось затопление заселенной и плодородной долины в низовьях р. Хор. Во-вторых, создавались благоприятные условия судоходства до створа плотин. В-третьих, в орбиту хозяйственного освоения входил лесной массив р. Хор, где можно было построить комбинат целлюлозно-бумажной, лесобработывающей и лесохимической промышленности. И,

в-четвертых, в среднем неосвоенном течении р. Хор мог быть построен первый в крае город гидроэнергетиков. По мнению В.П. Репкина, в развитии электроэнергетики Дальнего Востока непременно необходимо использовать опыт США, где в течение 3–5 лет в непростых гидрологических условиях сооружались ГЭС, в частности такие, как Уиллер-Дам, Боулдер-Дам (плотина Гувера), плотина Форд-Пек (табл. 2). Путь создания гидроэнергетики позволял сохранить на Дальнем Востоке ценное минеральное топливо, необходимое для других отраслей тяжелой промышленности, в первую очередь для металлургии, а также правильнее выстроить и развивать транспортную логистику [26. Л. 14].

Т а б л и ц а 2

Опыт строительства ГЭС в США в 1920–1930-е гг. [26. Л. 14]

Название ГЭС (плотины)	Река	Мощность, тыс. кВт	Напор воды, м	Объем работ, тыс. м ³	Срок строительства, лет
Боулдер-Дам	Колорадо	1 835	220	5 000	4,2
Уиллер-Дам	Теннесси	288	15	420	3
Гранд-Кули	Колумбия	2 100	170	–	5
Форт-Пек	Миссури	400	74	8 780	5

Следует отметить, что на Дальнем Востоке, где в 1930-е гг. на огромной неосвоенной горно-таежной территории возникали отдельные хозяйственные и промышленные комплексы, проблема дорогостоящей и сложной транспортировки топлива была очень острой. Это касалось не только Комсомольска-на-Амуре и Хабаровска, но и других развивающихся экономических зон, в частности г. Советская Гавань. Здесь строились крупные предприятия судостроительной, рыбной, лесной и пищевой промышленности, развивалась жилищно-коммунальная инфраструктура. Уголь для тепловых электростанций и промышленности сюда завозился морем с о. Сахалин и г. Владивосток. Поэтому вопросы развития гидроэнергетики были актуальны на Дальнем Востоке везде, где в годы индустриализации разворачивались промышленные стройки. Перед ДальГИДЕП постоянно ставились задачи для проведения изысканий возможности строительства не только крупных, но и малых ГЭС. Например, для г. Советская Гавань такие изыскания проводились на р. Хаде и р. Тутто, где планировалось сооружение ГЭС на 15 тыс. кВт. Однако проведенные здесь исследования показали, что благоприятные возможности для сооружения даже малых ГЭС отсутствовали [32. Л. 5].

В 1935–1936 гг. рекогносцировочные обследования малых рек проводились в Приморье. По заданию Далькрайисполкома ДальГИДЕП исследовал реки Раковка, Горбуша, Аввакумовка, Сучан и др. Как отмечалось в отчете, гидрологические условия рек Приморья оказались недостаточны благоприятными для широко использования их гидроэнергетических возможностей [34. С. 1]. Специалистов привлекала только одна-единственная р. Тетюхе, где были проведены дополнительные изыскания на протяжении

75 км по течению, после чего стал разрабатываться проект малой ГЭС на 15 тыс. кВт. Она проектировалась для электроснабжения Сихоте-Алинского полиметаллического комбината, развитие которого сдерживалось нехваткой энергетических мощностей. Согласно предварительному проекту пуск Тетюхинской ГЭС планировался на 1942 г. [32. Л. 5].

Таким образом, за первые 4 года работы Дальневосточного отделения Гидроэнергопроекта исследованы десятки крупных и малых дальневосточных рек, подготовлено множество подробных отчетов, топографических, гидрологических и геологических описаний, развернутых карт, составлены несколько проектов крупных и малых ГЭС, намечены перспективы дальнейших исследований (табл. 3). За это время проделан колоссальный объем тяжелой работы.

Таблица 3

**План работ Дальневосточного отделения
Гидроэнергопроекта на 1938 г. [25. Л. 7]**

Объект / вид работ	Стадия проектирования	Объем финансирования работ, тыс. руб.	
		По плану	Необходимо
Горюнская ГЭС	Технический проект	3 000	4 500
Хор	Проектное задание	500	500
Хаде и Тутто	Проектное задание	400	400
Тетюхэ	Проектное задание	400	1 000
Буря	Проектное задание	Не предусмотрено	550
Составление водно-энергетической схемы ДВК	Проектное задание	500	800
Жилищное строительство для персонала ДальГИДЕП	—	Не предусмотрено	1 000
Всего		4 800	8 750

Однако качество исследовательских и проектно-изыскательных работ, проделанных ДальГИДЕП в указанные годы, оказалось в подавляющем большинстве случаев крайне низким. Руководство Гидроэнергопроекта настоятельно требовало скорейшего составления конкретных проектов ГЭС, ускоряя все стадии и сроки выполнения необходимых работ, следуя исключительно цифрам плановых заданий в ущерб планомерному исследованию дальневосточных энергетических гидроресурсов. В результате проекты почти не продвигались выше предварительных стадий, необходимы были постоянные доработки и дополнительные исследования, что требовало соответствующего финансирования. Ситуация осложнялась тем, что с 1937 г. началось резкое сокращение расходов по всем статьям затрат ДальГИДЕП. В табл. 3 приведены данные об объеме выделяемого финансирования для отделения на 1938 г., которые показывают, что в реальности на проведение работ требовалось в 2 раза больше средств. Кроме того, функции и объекты работ дальневосточного отделения стали передаваться другим центральным проектным отделениям Гидроэнергопроекта или сторонним организациям.

Все это в конечном итоге крайне негативно сказалось на проведении всех дальнейших проектно-изыскательских работ, значительно затормозив их [30. Л. 7].

Сокращение финансирования в 1938 г. заставило руководство ДальГИДЕП пойти на крайние меры: снизить объемы и темпы производственных работ, в 2 раза сократить штат инженерно-технических работников, техников и рабочих. В марте 1938 г. управляющий отделением инженер-гидротехник Г.А. Кудинов составил докладную записку на имя наркома НКТП Л.М. Кагановича. В ней он указывал, что «до настоящего времени ДВК не имеет ни одной построенной ГЭС. Руководство Главгидроэнергостроя и Гидроэнергопроекта тормозят изучение гидроресурсов ДВК. Они фактически законсервировали работы ДВО Гидроэнергопроекта. Нужно создать на основе существующего ДВО мощную высококвалифицированную проектно-изыскательную организацию и усилить ассигнования» [25. Л. 75].

Несмотря на просьбы и обращение со стороны Дальневосточного отделения Гидроэнергопроекта, объемы выделяемого финансирования продолжали уменьшаться из года в год. Те объекты, где ДальГИДЕП вел работы над проектированием строительства ГЭС, с 1938 г. передавались новым создаваемым комплексным изыскательным партиям (КИП), которые непосредственно подчинялись центральному управлению Гидроэнергопроекта. В частности, созданы отдельные Горинская КИП, затем Тетюхинская. Основное финансирование на проектно-изыскательские работы стало направляться в эти организации. Так, например, в 1939 г. из 32 335 000 руб. выделенных средств ДальГИДЕП получил 476 000 руб., Горинская КИП – 27 090 000 руб. Фактически деятельность Дальневосточного отделения была сведена к нулю, оно продолжало существовать формально, реально выполняя исследовательские работы в «кабинете» [29. Л. 4].

Создание новых организаций и изыскательских партий, распределение средств в их пользу не принесли ожидаемых результатов. Работы не сдвигались дальше доработки старых технических проектов и подготовки площадок под строительство ГЭС. Главный инженер ДальГИДЕП В.П. Нагорный отмечал в докладе за 1939 г., что «из года в год одни и те же проблемы. Со стороны треста, Главка, Наркомата, а также краевых организаций не обращается должного внимания гидроэнергетике ДВК. На Горюнской ГЭС создано запутанное подчинение в форме “один с сошкой, семеро с ложкой”. Каждая организация получает с Горюна отчисления, работы выполняются гастрольными методами. Ничего не сдвигается с места» [Там же. Л. 8–12].

В итоге затянувшиеся на многие годы работы на Горюнской и Тетюхинской площадках ГЭС в июне 1941 г., когда началась Великая Отечественная война, были полностью прекращены. Позже, уже в разгар войны, в условиях острого энергодефицита по заданию правительства трест Гидроэнергопроект на короткое время вернулся к проектированию ГЭС. В 1943–1944 гг. несколько небольших партий было заброшено на обследование рек Хабаровского и Приморского края с целью выявления возможности быст-

рого сооружения малых ГЭС. Однако строительство требовало немалых финансовых, материальных, людских и, главным образом, временных затрат, что в условиях войны было непозволительной роскошью [6. С. 67; 29. Л. 199, 241].

Таким образом, несмотря на многолетние гидротехнические изыскания и исследования дальневосточных рек, создание различных проектных организаций, выделения огромных средств на проведение сложных работ, гидроэнергетика на Дальнем Востоке в 1930-е гг. так и не получила развитие. В городах, промышленных центрах и селах продолжали строиться исключительно тепловые электростанции – турбинные, локомобильные, дизельные и бензиновые. К 1940 г. в регионе насчитывалось 419 тепловых электропредприятий и ни одной, даже малой и самой примитивной ГЭС. Такая гидроэнергетика оказалась слишком затратной, государство расходовало огромные средства на энергообеспечение потребителей на Дальнем Востоке. Себестоимость региональной электроэнергии превышала средний уровень по РСФСР в 2–6 раз. Высокая стоимость производства электричества была связана с распыленностью энергетической базы на отдельные изолированно работающие предприятия и проблемами обеспечения их топливом. Крупные электростанции Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре и Советской Гавани работали на привозном угле и нефтепродуктах, на транспортировку которых в конце 1930-х гг. излишне расходовалось в год свыше 150 тыс. т топлива и миллионы рублей [5. С. 50].

Главная причина того, почему в 1930-е гг. дальневосточная гидроэнергетика так и не получила старт в развитии, крылась в сложившейся в тот период времени технической политике в сфере развития электроэнергетики. В ее основе лежал ведомственный подход, сущность которого заключалась в том, что электростанции строились отдельно для каждого промышленного потребителя и управлялись разными хозяйственными ведомствами. Такой подход был обусловлен тем, что развитие дальневосточного энергетического хозяйства вплоть до начала 1930-е гг. находилось практически на нулевом уровне, т.е. электротехнической инфраструктуры для форсированной индустриализации на Дальнем Востоке создано не было [Там же. С. 52]. С началом промышленного строительства и создания тяжелой индустрии каждое предприятие или управление по своему усмотрению и там, где считало нужным, строило тепловые электростанции произвольного типа: твердотопливные, дизельные или бензиновые. Сооружение таких автономных энергоисточников обходилось гораздо быстрее и дешевле, чем гидроэлектростанций. В условиях жестких плановых заданий, требовавших скорейшего запуска новых заводов, фабрик, шахт, рудников, времени на многолетние изыскания и составление проектов ГЭС, а тем более их строительства, у партийно-хозяйственных органов не было. Поэтому в реальности в 1930-е гг. развитие дальневосточной гидроэнергетики отодвигалось на второй план или далекую перспективу. В то же время практика показала, особенно в Ве-

ликую Отечественную войну, что упущение с сооружением гидроэлектростанций явилось большой ошибкой.

Итак, на основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1) изучению гидроэнергоресурсов Дальнего Востока в 1930-е гг. предшествовали многолетние наблюдения за водным режимом дальневосточных рек с целью их транспортного освоения. Первые гипотезы и идеи использования энергии воды для электроснабжения отдельных дальневосточных городов или территорий появились достаточно поздно, по сравнению с другими регионами, в частности Сибири. В актуализации вопросов изучения дальневосточных гидроэнергоресурсов большую роль сыграла комиссия по составлению Генерального плана электрификации ДВК;

2) проведение гидротехнических изысканий и исследований на Дальнем Востоке происходило в непростых климатических и физико-географических условиях, в которых приходилось работать советским гидротехникам. Низкие температуры, отсутствие ранее собранных достаточных географических, геологических, картографических и иных сведений – все это в значительной степени усложняло проведение необходимых работ, для которых требовалось значительно больше времени, чем в других регионах СССР;

3) в 1930-е гг. не было наработано достаточного опыта и накоплено необходимых знаний для работы над проектами ГЭС в сложных дальневосточных гидрологических условиях. Свою негативную роль сыграла в те годы техническая политика развития региональной электроэнергетики, в которой гидроэнергетика отводилась на второй план. В результате проектные организации недофинансировались, ставились нереальные сроки выполнения работ, что в конечном итоге сказалось на их качестве. В последующем от многих идей и проектов, разрабатываемых в 1930-е гг., пришлось отказаться из-за их ошибочности и недоработки.

Тем не менее исследования гидротехников, проведенные в годы индустриализации, внесли огромный вклад в дальнейшее изучение энергетического потенциала Дальнего Востока и последующего развития его гидроэнергетики. В частности, в 1950–1960-е гг. собранные данные о р. Зея помогли в проектировании институтом «Гидропроект» первой дальневосточной ГЭС – Зейской, строительство которой развернулось с 1964 по 1980 г. Также в 1930-е гг. за развитием гидроэнергетики специалисты впервые увидели будущее электроснабжения и успешного развития народного хозяйства региона, считая, что гидроэлектростанции смогут обеспечить значительный объем производства дешевой электроэнергии. Сегодня идеи строительства на Дальнем Востоке малых ГЭС, которые вынашивались и разрабатывались в 1930-е гг., не теряют своей актуальности. В условиях реализации современных государственных программ по развитию Дальневосточного федерального округа это направление гидроэнергетики позволит решить многие сложные экономические проблемы, в частности завышенных тарифов на электрическую энергию и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобров Д. Чистая энергия для Дальнего Востока // Энергорынок. 2009. № 6. С. 37–39.
2. Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Ч. 1: 1885–1950. Новосибирск : Наука, 1973. 298 с.
3. Широков А.И. Дальстрой: предыстория и первые десятилетия Магадан : Кордис, 2000. 151 с.
4. Широков А.И. Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920–1950-х гг.: Опыт и уроки истории. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 460 с.
5. Маклюков А.В. Государственная политика в сфере развития электроэнергетики на Дальнем Востоке СССР в 1920–30-е гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 3. С. 46–53.
6. Маклюков А.В. Развитие энергетической базы военно-промышленного производства на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны // Россия и АТР. 2015. № 2. С. 64–75.
7. Маклюков А.В. «Дальневосточный ГОЭЛРО». Из истории планирования электрификации Дальнего Востока в середине 1920-х – начале 1930-х гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2015. № 4. С. 75–83.
8. Разработка и реализация проектов экономической и социальной модернизации Сибири в XX в. / А.А. Долголюк, В.И. Исаев, Н.А. Куперштох, В.Ю. Малов, Р.Е. Романов, О.В. Тарасова, А.И. Тимошенко. Новосибирск, 2015. 240 с.
9. Мобилизационная стратегия хозяйственного освоения Сибири: программы и практики советского периода (1920–1980-е гг.) / отв. ред. А.И. Тимошенко. Новосибирск : Параллель, 2013. 382 с.
10. Бурдин Е.А. Исторические аспекты и динамика развития российской гидроэнергетики в 1900–1980-х гг. (на примере Волжского каскада гидроузлов) // Известия научного центра Российской академии наук. 2010. № 2. С. 107–113.
11. Аржакова С.К. Зимний сток рек криолитозоны России. СПб., 2001. 170 с.
12. Зуева Н.С. Переселенческая политика российского правительства на Дальнем Востоке в период столыпинских реформ : дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 395 с.
13. Настольный календарь – справочник по Дальнему Востоку на 1919 г. Владивосток, 1919. 110 с.
14. Развитие электрификации Советской страны 1921–1925 гг. : сб. докл. и материалов. М., 1956. 703 с.
15. План электрификации РСФСР. Доклад 8-му съезду Советов государственной комиссии по электрификации России. М. : Госполитиздат, 1955. 660 с.
16. Степанов В. Вопросы энергетики Амурской губернии в связи с запасами водной энергии // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1924. № 4. С. 36–45.
17. Кавригин И. Электрификация в деревне // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1924. № 2. С. 101–105.
18. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ). Ф. Р–109. Оп. 1. Д. 1.
19. Государственный архив Хабаровского края (далее – ГАХК). Ф. Р–137. Оп. 4. Д. 5.
20. ГАХК. Ф. Р–353. Оп. 1. Д. 142.
21. Государственный архив Приморского края (далее – ГАПК). Ф. Р–52. Оп. 8. Д. 1.
22. ГАПК. Ф. Р–52. Оп. 8. Д. 3.
23. Генеральный план электрификации СССР. Т. 8, ч. 1. Сводный план электрификации. М. ; Л., 1932. 856 с.
24. Кравцов В.А. Энергоресурсы Дальневосточного края. Владивосток, 1933. 54 с.
25. РГИА ДВ. Ф. Р–2848. Оп. 1. Д. 75.
26. РГИА ДВ. Ф. Р–2848. Оп. 1. Д. 81.
27. РГИА ДВ. Ф. Р–2848. Оп. 1. Д. 70.
28. РГИА ДВ. Ф. Р–2848. Оп. 1. Д. 87.
29. РГИА ДВ. Ф. Р–2848. Оп. 1. Д. 82.
30. Хисамутдинова Н.В. Становления высшего технического образования на Дальнем Востоке России (1918–1941): исторический опыт : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2005. 295 с.
31. ГАХК. Ф. Р–353. Оп. 4. Д. 26.
32. ГАХК. Ф. Р–690. Оп. 1. Д. 9.
33. ГАХК. Ф. Р–690. Оп. 1. Д. 2.
34. Гидростанции на малых реках Амурской и Уссурийской областей. Хабаровск, 1936. 74 с.
35. ГАХК. Ф. Р–1276. Оп. 1. Д. 1.

Статья представлена научной реакцией «История» 2 ноября 2016 г.

AT THE SOURCE OF ELECTRICITY IN THE RUSSIAN FAR EAST: FROM THE HISTORY OF HYDRAULIC ENGINEERING STUDIES OF THE 1930S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 77–86.

DOI: 10.17223/15617793/414/12

Aleksey V. Maklyukov, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

Keywords: hydro power; hydroelectric power; hydraulic research; industrialization; energy; Russian Far East.

The article deals with the historical aspects of the research of hydro power in the Russian Far East in the 1930s. The research topic is relevant as it is necessary to understand the historical experience and lessons of hydraulic engineering studies of the 1930s; it is possible to set practical recommendations on the basis of the findings in order to develop efficient mechanisms for making important economic decisions, as well as to predict hydro power development of the Russian Far East. The subject of study of this article is understudied in the national historiography. The author has the following objectives: 1) to analyze the process of studying the river water resources in the Russian Far East at the end of the 19th – the first quarter of the 20th centuries; 2) to consider the conditions and characteristics of the hydraulic study and research in the far eastern part in the Russia Far East in the 1930s; 3) to show the results and the value of activities for hydro power held in the 1930s in the Russian Far East. As part of industrialization, the country carried out extensive exploration and research throughout the territory of the Russian Far East, including hydraulic investigations to identify the sources of power for the hydraulic design of hydro power plants. The study of hydro power resources of the Russian Far East was preceded by the long-term monitoring of the water regime of the Far East rivers with a view of their transport development. There were hypotheses and projects of using water energy to power individual cities or areas. The committee on the drafting of the General Plan of electrification of the Far Eastern Territory in 1931 played a large role in the mainstreaming of the study of water resources. The research of the energy potential of the Far East rivers began in 1932 by the Gidroelektroproekt [hydro-electro-project] trust. In May 1935, the Far Eastern Branch of the trust was formed. During the first four years, dozens of large and small rivers of the

Far East were investigated, plenty of detailed reports, descriptions and maps were made, a number of large and small projects of hydro power plants were drawn up. However, the quality of design and survey work was extremely low. Despite the lasting hydraulic engineering research and studies, the establishment of various design organizations, the funds to carry out complex works, the hydro-power in the Far East did not develop in the 1930s. The author makes the following conclusions: 1) conducting hydro surveys and studies in the Russian Far East took place in difficult climatic and geographical conditions, in which Soviet hydraulic engineers had to work; 2) in the 1930s there was no sufficient experience and necessary knowledge to work on HPP projects in the complex hydrological conditions of the Far East. However, the research of hydraulic engineers, conducted during industrialization, contributed to further exploration of the energy potential of the Russian Far East and to the subsequent development of its hydro power.

REFERENCES

- Bobrov, D. (2009) Chistaya energiya dlya Dal'nego Vostoka [Clean Energy for the Far East]. *Energorynok*. 6. pp. 37–39.
- Alekseev, V.V. (1973) *Elektrifikatsiya Sibiri. Istoricheskoe issledovanie* [Electrification of Siberia. Historical research]. Vol. 1: 1885–1950. Novosibirsk: Nauka.
- Shirokov, A.I. (2000) *Dal'stroy: predystoriya i pervye desyatiletia* [Dalstroy: Background and the first decades]. Magadan: Kordis.
- Shirokov, A.I. (2009) *Gosudarstvennaya politika na Severo-Vostoke Rossii v 1920–1950-kh gg.: Opyt i uroki istorii* [State policy in the Russian North-East in the 1920s–1950s: experience and lessons of history]. Tomsk: Tomsk State University.
- Maklyukov, A.V. (2015) Gosudarstvennaya politika v sfere razvitiya elektroenergetiki na Dal'nem Vostoke SSSR v 1920–30-e gg. [State policy in the sphere of electric power industry in the Far East of the USSR in the 1920s–1930s]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke – Humanities Research in the Russian Far East*. 3. pp. 46–53.
- Maklyukov, A.V. (2015) Development of power supply sources of military production plants in the Russian Far East during the Great Patriotic War. *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*. 2. pp. 64–75.
- Maklyukov, A.V. (2015) “The Far Eastern GOELRO”. From the history of the planning of electrification of the Far East in the mid-1920s – the beginning of the 1930s. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya – Oikumena. Regional Researches*. 4. pp. 75–83. (In Russian).
- Dolgolyuk, A.A. et al. (2015) *Razrabotka i realizatsiya proektov ekonomicheskoy i sotsial'noy modernizatsii Sibiri v XX v.* [Development and implementation of projects of economic and social modernization of Siberia in the twentieth century]. Novosibirsk: Institute of History SB RAS, Avtograf.
- Timoshenko, A.I. (ed.) (2013) *Mobilizatsionnaya strategiya khozyaystvennogo osvoeniya Sibiri: programmy i praktiki sovetskogo perioda (1920–1980-e gg.)* [The mobilization strategy of economic development of Siberia and the program of the Soviet period of practice (1920s–1980s)]. Novosibirsk: Parallel'.
- Burdin, E.A. (2010) Historical aspects and dynamic of development of Russian hydropower engineering in 1900 1980s (on the example of the Volga hydropower cascade). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN – Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2. pp. 107–113. (In Russian).
- Arzhakova, S.K. (2001) *Zimniy stok rek kriolitozony Rossii* [Winter runoff of Russian permafrost zone rivers]. St. Petersburg: RSHU.
- Zueva, N.S. (2016) *Pereselencheskaya politika rossiysskogo pravitel'stva na Dal'nem Vostoke v period stolypinskikh reform* [Resettlement policy of the Russian government in the Far East in the period of the Stolypin reforms]. History Cand. Diss. Moscow.
- Anon. (1919) *Nastol'nyy kalendar' – spravochnik po Dal'nemu Vostoku na 1919 g.* [Desk calendar, guide to the Far East in 1919]. Vladivostok: izd-e Primorskoj obl. zemskoj upravy.
- Gladkov, I.A. (ed.) (1956) *Razvitie elektrifikatsii Sovetskoy strany 1921–1925 gg.: sb. dok. i materialov* [The development of the electrification of the Soviet country in 1921–1925: documents and materials]. Moscow: Gospolitizdat.
- Anon. (1955) *Plan elektrifikatsii RSFSR. Doklad 8-mu s"ezdu Sovetov gosudarstvennoy komissii po elektrifikatsii Rossii* [Plan of Electrification of the RSFSR. Report to the 8th Congress of Soviets of the State Committee for Electrification of Russia]. Moscow: Gospolitizdat.
- Stepanov, V. (1924) Voprosy energetiki Amurskoy gubernii v svyazi s zapasami vodnoy energii [Energy issues in Amur Province in the context of water power supplies]. *Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka*. 4. pp. 36–45.
- Kavrigina, I. (1924) Elektrifikatsiya v derevne [Electrification in the village]. *Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka*. 2. pp. 101–105.
- Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund R–109. List 1. File 1. (In Russian).
- State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R–137. List 4. File 5. (In Russian).
- State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R–353. List 1. File 142. (In Russian).
- State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R–52. List 8. File 1. (In Russian).
- State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R–52. List 8. File 3. (In Russian).
- Lomov, G.L. (ed.) (1932) *General'nyy plan elektrifikatsii SSSR* [The plan of electrification of the USSR]. Vol. 8. Pt. 1. Moscow; Leningrad: Gos. sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.
- Kravtsov, V.A. (1933) *Energoresursy Dal'nevostochnogo kraja* [Energy resources of the Far Eastern region]. Vladivostok: Khabarovsk: Dal'giz.
- Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund R–2848. List 1. File 75. (In Russian).
- Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund R–2848. List 1. File 81. (In Russian).
- Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund R–2848. List 1. File 70. (In Russian).
- Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund R–2848. List 1. File 87. (In Russian).
- Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund R–2848. List 1. File 82. (In Russian).
- Khisamutdinova, N.V. (2005) *Stanovleniya vysshego tekhnicheskogo obrazovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii (1918–1941): istoricheskiy opyt* [Higher technical education development in the Far East of Russia (1918–1941): historical experience]. History Cand. Diss. Vladivostok.
- State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R–353. List 4. File 26. (In Russian).
- State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R–690. List 1. File 9. (In Russian).
- State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R–690. List 1. File 2. (In Russian).
- Anon. (1936) *Gidrostantsii na mal'kikh rekakh Amurskoy i Ussuriyskoy oblastey* [Hydro power plants on small rivers of the Amur and Ussuri regions]. Khabarovsk.
- State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R–1276. List 1. File 1. (In Russian).

Received: 02 November 2016

ФАКТОРЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ (1940–1990-е гг.)

Рассматриваются основные исторические и социокультурные факторы, а также предпосылки изучения памятников наскального искусства Среднего Енисея в 1940–1990-е гг. На основе деятельности московских, ленинградских, красноярских, хакасских и кемеровских исследователей автором выделены следующие факторы, оказавшие влияние на изучение памятников наскального искусства рассматриваемого региона. К таковым относятся: новостроечные работы, развитие местных центров и личный интерес исследователя.

Ключевые слова: факторы изучения; петроглифы; Средней Енисей; археология; экспедиции.

История изучения памятников наскального искусства в бассейне Среднего Енисея насчитывает уже не одно десятилетие. За эти годы на территории Среднего Енисея провели свои изыскания такие известные исследователи-энтузиасты, как Д.Г. Мессершмидт, Ф.И. Страленберг, Г.Ф. Миллер, А.В. Адрианов, Я.А. Шер, Д.Г. Савинов, М.А. Дэвлет и многие другие. Безусловно, всех их объединяла любовь к древности, поиску, многогранности исторического прошлого данного региона.

В настоящей работе мы попытались осветить факторы, которые сыграли решающую роль в изучении и введении в научный оборот одного из интереснейших археологических материалов – наскальных рисунков (петроглифов) Среднего Енисея в 1940–1990-е гг.

Для начала отметим, что изучение памятников наскального искусства рассматриваемой территории было начато еще в дореволюционный период. Причиной интереса были *государственные потребности*, к таким можно отнести экспедиции Д.Г. Мессершмидта, Ф.И. Страленберга, Г.Ф. Миллера и др., т.е. рассмотрение петроглифов шло в ходе постепенного исследования территории Российской империи на предмет полезных ископаемых, изучения народов и картографирования; *дополнительные* или *вспомогательные*, т.е. в ходе непосредственно полевых раскопок шло постепенное исследование петроглифов, хотя тогда им отводилось не столь значимое место; *личная инициатива исследователей*, в ходе которой местные энтузиасты отмечали значимость рисунков в качестве археологических источников, к таким исследователям-энтузиастам можно отнести Н.М. Ядринцева, И.Т. Савенкова, А.В. Адрианова и многих других.

Безусловно, данные факторы продолжали играть важную роль и в дальнейшем, однако на первый план выдвигаются новые, ранее не прослеживаемые причины.

Приведенные нами ниже факторы расположены по принципу их значимости в деле изучения рисунков в 1940–1990-х гг.

Ведущим стимулом в деле изучения наскальных рисунков являются «новостроечные работы», в первую очередь связанные со строительством важного промышленного объекта – «Красноярской ГЭС». «Новостроечные работы» привели к масштабному, аварийному изучению и введению в научный оборот археологических памятников.

Именно эти работы привели к созданию специализированных отрядов, занимающихся исследованием и

копированием памятников. Под влиянием данного фактора был образован Каменский отряд Красноярской археологической экспедиции (КАЭ) ЛОИА АН СССР, работавший с перерывами в зоне затопления Красноярского водохранилища с 1963 по 1970 г. Руководил работой отряда известный отечественный ученый Яков Абрамович Шер. Перед отрядом стояло несколько задач: во-первых, это полное документирование местонахождений, попадающих под затопление; во-вторых, обследование памятников и выявление особенностей петроглифов, не входящих в зону водохранилища; в-третьих, проведение мониторинга состояния рисунков [1. С. 218].

Одним из значимых элементов в работе Каменского отряда КАЭ ЛОИА стали подготовительные работы по внедрению логико-математической методики классификации рисунков, а также первые попытки выявления количественных закономерностей в распределении рисунков внутри композиции [2. С. 147]. Участники экспедиционных работ являлись также и новаторами в совершенствовании методики исследования наскальных рисунков. Так, копия рисунка, снятая на кальку, тут же заливалась тушью и наклеивалась на лист. Словесное описание производилось под контролем второго лица. Для классификации была разработана специальная шкала вариантов техники выбивки, в которой были предусмотрены различные виды следов инструмента. Широкое распространение во время «аварийных» работ получило фотографирование петроглифов (в одном только 1968 г. было сделано 2 000 фотографий рисунков). С ряда изображений снимались пластмассовые слепки [3. С. 180–182]. Результаты деятельности Каменского отряда нашли свое отражение в выдающейся работе Я.А. Шера «Петроглифы Средней и Центральной Азии» [4].

По мнению ряда исследователей, именно в этот период произошел перелом в отношении к петроглифам Среднего Енисея, выявилась необходимость полной фиксации всех рисунков каждого памятника, а также монографического исследования памятников наскального искусства. Для памятников наскального искусства Сибири этот перелом был связан с именем видного отечественного ученого А.П. Окладникова [5. С. 48].

В качестве второго фактора, появившегося под непосредственным влиянием первого, можно отметить развитие местных центров по изучению наскального искусства, которое привело к всплеску научно-исследовательской деятельности в данном регионе.

Данный фактор достаточно хорошо прослеживается на примере экспедиционных работ красноярских, московских, хакасских, кемеровских археологов.

Ввиду большого количества персоналий, принимавших участие в исследовании рассматриваемого региона, отметим лишь наиболее значимые и масштабные экспедиционные работы.

Даже в период сложных, не только для отечественной науки, но и государства в целом, условий военного времени интерес к древностям Енисея не пропал.

Так в 1939 г. сотрудником Красноярского краеведческого музея В.П. Левашовой был разработан план археологических исследований на территории южной части Красноярского края, рассчитанный на пять лет. План предполагал широкомасштабную работу по учету и обследованию всех археологических памятников данного региона. Важной особенностью плана являлась совместная работа трех музеев: Красноярского, Минусинского и Абаканского. Предполагалась, что каждый отряд пройдет по определенному маршруту. Руководителем экспедиционных работ была назначена сотрудница Красноярского краеведческого музея В.П. Левашова [6. Л. 7].

Из объяснительной записки к маршруту 1940 г. перед экспедицией ставится конкретная задача, вызванная гибелью и уничтожением исторических памятников, — сплошное копирование и учет.

К сожалению, в 1939 г. намеченные планы были скорректированы в виду напряженной ситуации как внутри самой страны, так и за ее пределами. Наблюдалась острая нехватка средств [Там же. Л. 1].

Несмотря на это, коллектив Красноярского краеведческого музея решает выполнить свою часть плана самостоятельно, вне зависимости от других участников намеченной экспедиции. Работы начались в июле–августе 1940 г. Полевые исследования возглавила З.К. Глузская, в то время заведующая отделом краеведческого музея [7. С. 682]. В состав экспедиции была включена и ранее упомянутая В.П. Левашова, которая приняла деятельное участие в корректировке маршрута экспедиции. Маршрут включал в себя следующие пункты: с. Копьево — гора Сулек — с. Подкамень — Ефремкин улус — Усть-Фыркальск — с. Соленоозерное — озеро Ши́ра. Однако сама В.П. Левашова по медицинским показаниям принять участие в экспедиции не смогла [6. Л. 24].

С целью предотвращения актов вандализма участниками экспедиции устанавливались надписи: «Государственный заповедник, ломать, писать строго запрещается» [Там же. Л. 20].

Участники экспедиционных работ отмечали, что отряд испытывает острую нехватку фотографического оборудования и транспорта. Однако при этом работы продолжались и все отмеченные рисунки по маршруту следования экспедиции были эстампированы, сфотографированы, было отмечено превосходство фотофиксации перед методом визуального копирования [Там же. Л. 44].

Отметим еще одного организатора исследований Р.В. Николаева. В 1955 г. им была организована экспедиция, в задачи которой входило: разведывательные работы и учет памятников, расположенных в зоне затопления будущего Красноярского водохранилища;

раскопки могильников карасукской и тагарской эпох в Оглахтинской долине, а также помощь в раскопках Салбыкского кургана [8. Л. 1]. Всего за полевой сезон были исследованы петроглифы в пунктах: с. Мохово, Боярская и Оглахтинская писаницы [9].

При изучении погребений в районе с. Мохово, датируемых карасукско-тагарским временем, была выявлена особенность, которая проявилась в превалировании зооморфных изображений над антропоморфными.

Важным пунктом экспедиционных работ была Боярская писаница. При осмотре писаницы особое внимание было уделено изображениям жилищ. Р.В. Николаев выдвинул предположение о том, что сооружения сложены из бревен. Также он дал описание сцен охоты, изображений тамг [8. Л. 3]. Стоит отметить, что Р.В. Николаев сравнивал свои наблюдения с описаниями, оставленными еще в 1904 г. известным исследователем А.В. Адриановым. Р.В. Николаев отметил, что имеют место расхождения в описании рисунка: «При ряде сходных черт этот рисунок значительно отличается от изображений жилищ на Боярах, описанных Адриановым» [Там же].

Следующим пунктом экспедиции Красноярского краеведческого музея под руководством Р.В. Николаева стала Оглахтинская долина, где на курганных могильниках были зафиксированы рисунки, тамги и тюркские надписи. Было отмечено сходство тамг хакасов с более ранними изображениями тамг, относящимися к тагарской эпохе. На Оглахтах также было отмечено преобладание зооморфных изображений над антропоморфными [Там же. Л. 7–9].

Значимую лепту в дело изучения наскального искусства под влиянием данного фактора внесла Хакасская археологическая экспедиция МГУ под руководством Л.Р. Кызласова совместно с сотрудником Минусинского музея Н.В. Леонтьевым, работы которой пришлось на 1950–1979 гг. В результате экспедиционных работ был собран значительный материал по истории и искусству хакасов, легший в основу совместной монографии Л.Р. Кызласова и Н.В. Леонтьева «Народные рисунки хакасов» [10], до сих пор являющейся наиболее полным собранием по этнографическим изображениям.

В 1959 г. перед Хакасской экспедицией стояла задача найти и исследовать памятники XI–XVIII вв. Для этого был разработан специальный маршрут, в который вошли несколько районов Хакасии: Боградский, Ширинский и Орджоникидзевский. Маршрут пролегал по таким местонахождениям петроглифов, как Оглахты, Сулек, Абакано-Перевоз. В ходе осмотра Сульской писаницы были отмечены факты вандализма в период с 1939 по 1954 г. [11. С. 162]. Важным достижением экспедиционных работ стали масштабное эстампирование и фотографирование петроглифов.

Имел место в деятельности Хакасской экспедиции обмен опытом по изучению наскального искусства. Так, летом 1968 г. на местонахождении Оглахты были выполнены совместные работы с ранее упомянутым Каменским отрядом ЛОИА. В результате были осуществлены совместное копирование и фотографирование наскальных изображений [12. С. 86].

Экспедиционные работы 1970 г. дали значимый результат. Благодаря систематическим археологиче-

ским работам стало возможным научное обоснование этапов исторического развития племен и образования государственности древних хакасов [13].

Нельзя не отметить деятельность Кемеровского центра по изучению наскального искусства, которая началась с Петроглифического отряда КемГУ.

Именно Петроглифический отряд Южносибирской археологической экспедиции под руководством Б.Н. Пяткина, который начал свою деятельность в 1970-х гг., провел наиболее значимые работы по внедрению в научный оборот не только памятников, но и методик копирования этого исторического источника.

Во многом деятельность отряда определялась личностью Б.Н. Пяткина как организатора и энтузиаста. Из воспоминаний участника отряда О.С. Советовой: «Это была очень разносторонняя личность, новатор, который предложил ранее не известные способы копирования и документирования... Он бегал по коридорам университета и зазывал в свой отряд» [14].

В задачи экспедиции входили работы по копированию наиболее известных местонахождений наскального искусства: Шалаболинская писаница, Оглахты, Суханиха, Тепсей и Бычиха.

Широко была применена техника копирования сюжетных композиций на микалентную бумагу.

Одним из первых обследованных и скопированных памятников была Шалаболинская писаница, находящаяся на правом берегу р. Тубы между с. Шалаболино и Ильинка. Эта писаница была издавна известна местным жителям, от которых узнали о ней ученые и путешественники XVIII в. Этот памятник упоминали и приводили отдельные рисунки все исследователи енисейских писаниц. В состав отряда входили профессиональные художники, в том числе В.Ф. Капелько, благодаря которому был внедрен способ копирования на микалентную бумагу [15. С. 106]. В результате в науку вошел новый, более объективный способ копирования изображений, который широко применяется и сегодня.

Были проведены графический и стилистический анализ наскальных рисунков, разработана хронологическая шкала.

В результате деятельности экспедиции был собран значительный комплекс материалов, связанных с наскальными изображениями Среднего Енисея по различным историческим эпохам.

Важным моментом деятельности Петроглифического отряда стало совершенствование методики работы с петроглифами, в результате чего были получены более точные копии изображений, появилась возможность обнаружения множества деталей, незамеченных предшественниками [16. С. 10].

После ухода Б.Н. Пяткина с кафедры руководство отрядом попеременно осуществлялось Я.А. Шером, О.С. Советовой, Е.А. Миклашевич. Однако, по мнению О.С. Советовой, масштабы работ отряда значительно сократились с уходом Пяткина [14].

Следующим фактором, взаимосвязанным с предыдущим, является личный интерес исследователя.

Безусловно, личный интерес присутствует и в организации научных экспедиций, однако там основной движущей силой является так называемый государ-

ственный заказ, организуемый научными учреждениями. В этом факторе значимы личность исследователя, его интерес и желание.

Отметим, что данный фактор пересекается с развитием краеведческого движения, которое приходится на 1930–1990-е гг. [17]. Так, в 1948 г. было принято постановление Совмина СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры», которое давало правовую основу для работы по охране и изучению памятников истории. Все крупнейшие постсоветские и историко-этнографические экспедиции послевоенного времени, особенно в зонах строительства гидроэлектростанций и водохранилищ, с 1940-х по 1980-е гг. финансировались на основе этого документа [18. С. 22].

Среди краеведов можно выделить такую фигуру, как В.А. Зырянов, который в 1940-е гг. занимался обследованием памятников наскального искусства и курганов (более 100 курганов), копировал и фотографировал их. Им были обследованы такие памятники, как Тепсей и Ильинская писаница. Он отмечал, что курганы и петроглифы требуют особой разведки и зарисовки, а также фотофиксации [19. Л. 4, 12].

Говоря о личном интересе исследователя, нельзя не отметить работы на памятниках Среднего Енисея московского ученого Марианны Арташировны Дэвлет. В 70-х гг. прошлого столетия она обследовала один из значимых памятников региона – Боярскую писаницу. Материалы работ были опубликованы в работе «Большая Боярская писаница» [20]. Исследовательница отмечала: «Нельзя не признать, что писаницы в значительной мере отражали реальный мир, окружавший их творцов и служивший питательной почвой их искусства. Однако, как ни заманчиво видеть в рисунках Большой Боярской писаницы изображение реального поселка – так сказать, зеркальное отражение или зарисовку с натуры, – с подобным взглядом вряд ли можно согласиться» [Там же. С. 10].

Особое место в истории изучения памятников наскального искусства занимает деятельность археолога Минусинского краеведческого музея, обследовавшего большинство памятников рассматриваемого региона (Тепсей, Оглахты, Шалаболинская и др.) Н.В. Леонтьева.

В 1971 г. Н.В. Леонтьевым было произведено обследование правобережья Енисея (Малоарбатский писанец, Малый писанец), а в 1974 г. Комарковской писаницы. В ходе работ был применен новый метод копирования на прозрачную полиэтиленовую пленку фломастером или шариковой ручкой. Этот метод, как показала практика, в основном дал удовлетворительный результат. В 1982–1984 гг. им были обследованы и скопированы петроглифы Шишкинской писаницы [21]. Также в 1980-х гг. Николай Владимирович совместно с ленинградским исследователем Н.А. Бокоренко обследовал Кавказскую писаницу. Исследователи отметили особенность памятника, а именно преобладание рисунков, выполненных краской, в то время как для Минусинской котловины характерны выбивка и гравировка [22. С. 87].

Благодаря Н.В. Леонтьеву был собран значительный археологический материал Среднего Енисея.

Таким образом, мы можем отметить, что в рассматриваемый нами хронологический период влияние на исследователей наскального искусства Среднего Енисея оказывали три фактора: *новостроечные работы, разви-*

тие местных центров и личный интерес исследователя. Внутри каждого фактора можно выделить еще более мелкие направления, которые, несомненно, найдут отражение в диссертационном исследовании автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мальцев Р.К. Вклад Каменского отряда Красноярской археологической экспедиции в изучении памятников наскального искусства Среднего Енисея // Материалы LVI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Чита : ЗабГУ, 2016. С. 218–219.
2. Шер Я.А., Григорьев Г.П., Подольский Н.Л. Находки на правобережье Енисея // АО 1966 года. М. : Наука, 1967. С. 145–147.
3. Шер Я.А., Подольский Н.Л., Медведская И.Н., Калашникова Н.М. Енисейские писаницы // АО 1968 года. М. : Наука, 1969. С. 180–182.
4. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М. : Наука, 1980. 328 с.
5. Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово : Николс, 1999. С. 47–74.
6. Материалы археологического обследования южной части Красноярского края – проект пятилетнего плана 1939–1943 // ККМ НА. Оп. 1. Д. 584.
7. Макаров Н.П., Вдовин А.С. Археология в Красноярском музее (1889–1940 гг.) // Человек и древности. Памяти А.А. Формозова (1928–2009). М. : Гриф и К, 2010. С. 678–683.
8. Николаев Р.В. Отчет о полевой работе, проведенной в Хакасии в сентябре–октябре 1955 г. // ККМ НА. Оп. 5. Д. 63.
9. Николаев Р.В. Отчет о полевой археологической работе в 1957 г. (в зоне строительства алюминиевого комбината) и на юге края, в том числе Курагинского, Боградского районов и Оглахты // ККМ НА. Оп. 1. Д. 859.
10. Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В. Народные рисунки хакасов. М. : Наука, 1980. 147 с.
11. Кызласов Л.Р. Хакасская археологическая экспедиция 1958 года (предварительное сообщение) // Ученые записки. Абакан : Хакаское книж. изд-во, 1960. Вып. VIII. С. 163–168.
12. Кызласов Л.Р. Хакасская археологическая экспедиция 1968 года (предварительное сообщение) // Ученые записки. Абакан : Хакаское книж. изд-во, 1970. Вып. XV. С. 84–91.
13. Кызласов Л.Р. Хакасская археологическая экспедиция 1969 года (предварительное сообщение) // Ученые записки. Абакан : Хакаское книж. изд-во, 1971. Вып. XVI. С. 173–176.
14. Интервью с О.С. Советовой, доктором исторических наук, участником Петроглифического отряда КемГУ, президентом САИПИ. Интервьюер Р.К. Мальцев. 15 июля 2016 г.
15. Капелько В.Ф. Эстампажный метод копирования петроглифов (открытие и разработка метода) // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : СО АН СССР, 1985. С. 105–111.
16. Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск : Изд-во Ин-та археол. и этнограф. СО РАН, 2005. 140 с.
17. Рындина Н.В. История развития сибирского краеведения. URL: <http://dopoln.ru/geografiya/210872/index.html> (дата обращения: 18.08.2016).
18. Свинин В.В. Краеведение в Восточной Сибири в XX в. // Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы. Иркутск : Иркут. обл. краевед. музей, 2000. Ч. 2. С. 15–25.
19. Зырянов В.А. Археологический отчет-обследование памятников материальной культуры за 1946 год // АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 617.
20. Дзвлет М.А. Большая Боярская писаница. М. : Наука, 1976. 39 с.
21. Леонтьев Н.В. Отчет о полевых археологических работах 1984 года // АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1232.
22. Леонтьев Н.В., Боковенко Н.А. Кавказская писаница на Тубе // КСИА. М. : Наука, 1985. С. 82–88.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 ноября 2016 г.

FACTORS AND THE BACKGROUND OF THE STUDY OF ROCK ART MONUMENTS OF THE MIDDLE YENISEI (1940S–1990S)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 87–91.

DOI: 10.17223/15617793/414/13

Roman K. Maltsev, Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: mrk1992@mail.ru

Keywords: studying factors; petroglyphs; Middle Yenisei; archeology; expedition.

This article discusses the major historical and socio-cultural factors and the background of the study of the monuments of rock art of the Middle Yenisei in the 1940s–1990s. On the basis of the activities of the Moscow, Leningrad, Krasnoyarsk, Kemerovo and Khakass researchers, the author identified the following factors that influenced the study of rock art sites of the region. These include: new construction works, development of local centers and personal interests to researchers. New construction works primarily concern the construction of an important industrial facility, the Krasnoyarsk Hydro Power Plant. The work led to a large-scale, emergency study and introduction into the scientific circulation of archaeological sites. Under the influence of this factor, the Kamensky unit of the Krasnoyarsk archaeological expedition of the Leningrad branch of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences was formed; it worked in the flood zone of the Krasnoyarsk reservoir from 1963 to 1970 with interruptions. Ya.A. Sher, a known Russian scholar, supervised the work of the unit. The second factor is the development of local centers for the study of rock art, which led to a surge in research activities in the region. Even during the wartime conditions, difficult not only for domestic science, but also for the state as a whole, the interest in the antiquities of the Yenisei did not abate. In 1939, V.P. Levashova, an employee of the Krasnoyarsk regional museum, developed a plan of archaeological research in the territory of the southern part of Krasnoyarsk Krai for up to five years. In 1955, R.V. Nikolaev organized an expedition whose tasks included: exploration works and account of monuments located in the flood zone of the future Krasnoyarsk reservoir. The Khakassia archaeological expedition of Moscow State University headed by L.R. Kyzlasov made a great contribution to the study of rock art. Since the 1970s, the petroglyphic unit of the South Siberian archaeological expedition under the leadership of B.N. Pyatkina began operations; it did the most significant works on the introduction in the scientific use of not only monuments, but also copying techniques. Another factor, interrelated with the previous, is the personal interest of the researcher. This factor is connected with the development of the local lore movement of the 1930s–1990s. V.A. Zyryanov, a prominent ethnographer, studied rock art sites and burial mounds in the 1940s. A special place

in the history of the study of the monuments of rock art belongs to the activities of N.V. Leontiev, an archaeologist of the Minusinsk Museum of Local Lore, who explored most of the monuments of the region. Thanks to him, a significant archaeological material of the Middle Yenisei was collected. Thus, in the chronological period under study, researchers of the Middle Yenisei rock art were influenced by three factors: new construction works, development of local centers and personal interests of researchers.

REFERENCES

1. Mal'tsev, R.K. (2016) [Contribution of the Kamensky unit of Krasnoyarsk archaeological expedition to the study of rock art monuments of the Middle Yenisei]. *Proceedings of the LVI Russian archaeological and ethnographic conference of students and young researchers*. Chita: Transbaikalian State University. pp. 218–219. (In Russian).
2. Sher, Ya.A., Grigor'ev, G.P. & Podol'skiy, N.L. (1967) Nakhodki na pravoberezh'e Eniseya [Findings on the right bank of the Yenisei]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *AO 1966 goda* [Archaeology discoveries of 1966]. Moscow: Nauka.
3. Sher, Ya.A. et al. (1969) Eniseyskie pisanitsy [Yenisei rock engravings]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *AO 1968 goda* [Archaeology discoveries of 1968]. Moscow: Nauka.
4. Sher, Ya.A. (1980) *Petroglify Sredney i Tsentral'noy Azii* [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. Moscow: Nauka.
5. Sovetova, O.S. & Miklashevich, E.A. (1999) Khronologicheskie i stilisticheskie osobennosti sredneeniseyskikh petroglifov [The chronological and stylistic features of the Middle Yenisei petroglyphs]. In: Bobrov, V.V. (ed.) *Arkheologiya, etnografiya i muzeynoe delo* [Archaeology, ethnography and museum science]. Kemerovo: Nikals.
6. KKM NA. List 1. File 584. *Materialy arkheologicheskogo obsledovaniya yuzhnoy chasti Krasnoyarskogo kraya – proekt pyatiletnego plana 1939–1943* [Materials of the archaeological exploration of the southern part of Krasnoyarsk Krai: the draft of the five-year plan, 1939–1943].
7. Makarov, N.P. & Vdovin, A.S. (2010) *Arkheologiya v Krasnoyarskom muzee (1889–1940 gg.)* [Archaeology in Krasnoyarsk Museum (1889–1940)]. In: Kamenetskiy, I.S. & Sorokin, A.N. (eds) *Chelovek i drevnost. Pamyati A.A. Formozova (1928–2009)* [Man and antiquity. In memory of A.A. Formozov (1928–2009)]. Moscow: Grif i K.
8. KKM NA. List 5. File 63. Nikolaev, R.V. (1955) *Otchet o polevoy rabote, provedennoy v Khakasii v sentyabre-oktyabre 1955 g.* [Report on field work carried out in Khakassia in September–October 1955].
9. KKM NA. List 1. File 859. Nikolaev, R.V. (1957) *Otchet o polevoy arkheologicheskoy rabote v 1957 g. (v zone stroitel'stva alyuminievogo kombinata) i na yuge kraya, v tom chisle Kuraginskogo, Bogradskogo rayonov i Oglakhty* [Report on archaeological field work in 1957 (in the area of construction of an aluminum plant) and in the south of the region, including Kuragino, Bogradsky areas and Oglakhta].
10. Kyzlasov, L.R. & Leont'ev, N.V. (1980) *Narodnye risunki khakasov* [Folk paintings of the Khakass]. Moscow: Nauka.
11. Kyzlasov, L.R. (1960) Khakasskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya 1958 goda (predvaritel'noe soobshchenie) [Khakassia archaeological expedition of 1958 (preliminary report)]. *Uchenye zapiski*. 8. pp. 163–168.
12. Kyzlasov, L.R. (1968) Khakasskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya 1968 goda (predvaritel'noe soobshchenie) [Khakassia archaeological expedition of 1968 (preliminary report)]. *Uchenye zapiski*. 15. pp. 84–91.
13. Kyzlasov, L.R. (1971) Khakasskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya 1969 goda (predvaritel'noe soobshchenie) [Khakassia archaeological expedition of 1969 (preliminary report)]. *Uchenye zapiski*. 16. pp. 173–176.
14. Mal'tsev, R.K. (2016) Interview with O.S. Sovetova, Doctor of History, a participant of the petroglyphic unit of Kemerovo State University, President of the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers. 15 July. (In Russian).
15. Kapel'ko, V.F. (1985) Estampazhnyy metod kopirovaniya petroglifov (otkrytie i razrabotka metoda) [Estampage method of copying petroglyphs (method introduction and development)]. In: *Pamyatniki drevnikh kul'tur Sibiri i Dal'nego Vostoka* [The monuments of ancient cultures of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: SB USSR AS.
16. Sovetova, O.S. (2005) *Petroglify tagarskoy epokhi na Enisee (syuzhety i obrazy)* [Petroglyphs of the Tagar era on the Yenisei (plots and images)]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.
17. Ryndina, N.V. (2016) *Istoriya razvitiya sibirskogo kraevedeniya* [The history of the development of the Siberian regional studies]. [Online] Available from: <http://dopoln.ru/geografiya/210872/index.html>. (Accessed: 18th August 2016).
18. Svinin, V.V. (2000) Kraevedenie v Vostochnoy Sibiri v XX v. [Regional studies in eastern Siberia in the 20th century]. In: Madzharov, A.S. et al. (eds) *Irkutskoe kraevedenie 20-kh: vzglyad skvoz' gody* [Irkutsk Regional Studies of the '20s: a look through the years]. Vol. 2. Irkutsk: Irkut. obl. kraeved. muzey.
19. AMKM. Fund 1. List 1. File 617. Zyryanov, V.A. (1946) *Arkheologicheskii otchet-obsledovanie pamyatnikov material'noy kul'tury za 1946 god* [Archaeological report-examination of artefacts for 1946].
20. Devlet, M.A. (1976) *Bol'shaya Boyarskaya pisanitsa* [The Big Boyar rock engravings]. Moscow: Nauka.
21. AMKM. Fund 1. List 1. File 1232. Leont'ev, N.V. (1984) *Otchet o polevykh arkheologicheskikh rabotakh 1984 goda* [Report on archaeological field work in 1984].
22. Leont'ev, N.V. & Bokovenko, N.A. (1985) Kavkazskaya pisanitsa na Tube [Caucasian rock engravings at the Tuba]. *KSIA*. 184. pp. 82–88.

Received: 23 November 2016

ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В АЗИАТСКОЙ РОССИИ В МАТЕРИАЛАХ ВТОРОГО СИБИРСКОГО КОМИТЕТА

На основе делопроизводственных источников рассматривается история создания Второго Сибирского комитета как особого органа управления восточной окраиной империи. Указываются причины его появления, основные направления деятельности. Анализируются программные документы Второго Сибирского комитета по развитию системы образования в Азиатской России. Приводятся сведения относительно мнения региональных властей по вопросам развития системы образования. Рассматривается взаимодействие центральных и региональных властей. Приведены итоги реализации программы в области образования.

Ключевые слова: Азиатская Россия; Второй Сибирский комитет; управление; реформа; система образования.

Со времени образования единого Российского государства в XVI в. и дальнейшего расширения территории складывающейся империи перед властными структурами неизменно вставала проблема властного освоения, а затем и интеграции в империю вновь присоединённых земель и народов, их населяющих. После присоединения к России территории Казанского и Астраханского ханств этнополитическая и этноконфессиональная картина Российского государства существенно изменилась, доля нерусского населения в составе государства резко возросла. Именно с этого времени центральная власть столкнулась с необходимостью учитывать в своей политике возникший этноконфессиональный фактор [1. С. 83–99].

Новая геополитическая реальность на первом этапе интеграции окраинных территорий обуславливала преобладание военно-мобилизационных методов. В ходе государственного строительства эта особенность правительственного курса выразилась в создании приказной системы, сочетающей в себе как общегосударственные, так и территориальные прерогативы. Вот почему первые приказы – Разрядный, Поместный и другие – строили свою деятельность не по территориальному, а по ведомственному принципу, т.е. обладали общегосударственными функциями [2; 3. С. 85–100].

Однако во второй половине XVII в. в условиях совершенствования модели управления и усложнения функций государственного аппарата, стремления к политическому единству огромного, но весьма разнородного по характеру социального устройства и этническому составу населения государства во внутренней политике правительства можно отчетливо наблюдать тенденцию к административно-финансовой унификации и в то же время необходимость учета территориальных и национальных особенностей окраин страны. Вот почему уже в начальный период образования единого российского государства в управленческой практике правительства проявилась тенденция к созданию особых центральных органов управления, но наделенных областной компетенцией, каковым, к примеру, был Сибирский приказ. Практика создания особых комитетов получила дальнейшее развитие в XIX в., в период роста и укрепления бюрократии [4. С. 201–201]. Однако во второй половине XIX столетия практика империи- и нацстроительства на окраинах государства дополнилась и усложнялась не только необходимостью решения задачи экономи-

ческого освоения новых земель в единой связке с Европейской Россией, но и протекала в условиях новых имперских устремлений России на Дальнем Востоке [5]. Именно этими, несомненно важными причинами как внутри-, так и внешнеполитического порядка следует объяснить создание Второго Сибирского комитета в 1852 г.

В начальный период деятельности Второго Сибирского комитета в центре внимания его членов были материалы ревизии Западной Сибири генерал-адъютанта Н.Н. Анненкова. Дело тянулось около 4 лет и сопровождалось обширной перепиской. В двух пространных записках, представленных в Сибирский комитет, Анненков подверг резкой критике существующую систему управления в крае, недвусмысленно заявив, что большинство отмеченных им недостатков сибирского управления происходят от «неприменимости в настоящее время» самого сибирского учреждения 1822 г. Подвергнув, таким образом, сомнению сам принцип целесообразности сохранения «сибирского учреждения» как основного закона деятельности местной администрации, Анненков в то же время не смог предложить взамен какую-либо цельную программу, ограничившись лишь отдельными рекомендациями.

Подобная позиция вызвала резкие возражения члена комитета графа Д.Н. Блудова, занимающего в то время сразу две исключительно важные должности – Главноуправляющего вторым (кодификационным) отделением собственной его императорской канцелярии и председателя Департамента законов Государственного совета. Ко времени назначения во Второй Сибирский комитет Блудов имел большой опыт не только административной, но и законодательной деятельности. Именно под его руководством было подготовлено два издания Свода законов Российской империи 1842 и 1852 гг. Не случайно, что к анализу предложений Анненкова Блудов подошел с позиций не только юриста-теоретика, но и юриста, имеющего большой практический опыт законотворческой деятельности. В нашу задачу не входит подробный анализ полемики между двумя высокопоставленными сановниками – это задача иного исследования. Гораздо более важным представляется тот факт, что Блудов выступил решительным противником предложений Анненкова об отмене тех статей сибирского учреждения, которые констатировали

необходимость учета региональных особенностей в проведении правительственной политики в крае. По сути, это означало отстаивание политики имперского регионализма одним из ведущих чиновников России. В отзыве от 8 ноября 1852 г., направленном в Сибирский комитет, он без обиняков заявил, что «сибирское учреждение так же, как и все учреждения особенные: Кавказское, Закавказское, Бессарабское, Остзейское – есть и... должно быть не что иное как систематическое указание изъятий из общего губернского учреждения...». Этот тезис Д.Н. Блудов – один из наиболее известных и влиятельных юристов России – подкреплял ссылками на отдаленность края от «центрального управления», особенности «его населения и степени промышленности, и общие свойства и быта его жителей».

Анализ предложений Н.Н. Анненкова, проделанный Д.Н. Блудовым, коснулся и вопроса о насаждении в Сибири помещичьего землевладения. «Без сомнения, – отмечал он, – полезно было бы привлечь и образовать в Сибири настоящее дворянское сословие». Однако последнее вовсе не зависит от желания правительства, продолжал Блудов. По мнению критика, «едва ли кто из помещиков внутренних губерний согласится взять во владение пустую землю...» [6. С. 395]. Блудов, правда, допускал возможность и даже целесообразность раздачи служащим в Сибири дворянам земель в собственность в качестве награды за беспорочную службу. В то же время он выражал серьезные сомнения в возможности осуществления этого пожелания на практике в обозримом будущем. «...Прежде такой раздачи правительству необходимо знать, какие и где можно раздавать земли», – заключал он. Территорию Сибири Блудов склонен был рассматривать «как запасной край России», куда традиционно стремится часть населения и европейского центра, спасаясь от малоземелья. Однако подобные откровения Блудова не следует истолковывать прямолинейно. Конечно, в идеале он не возражал видеть в Сибири мощный класс дворян-землевладельцев, к коим принадлежал и сам. Однако, будучи опытным, причем весьма высокопоставленным чиновником, он вполне сознавал утопичность этого желания, прекрасно сознавая, что помещики из Европейской России не поедут в необжитую и плохо заселенную Сибирь. Именно поэтому в конечном итоге он предлагал рассматривать Сибирь как резервный край русской колонизации на востоке, что объективно должно было способствовать усилению позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

С гораздо большей долей консерватизма Блудов высказался по вопросу об открытии в крае университета. «При небольшом числе дворян и вообще людей высших классов в Сибири» существующую там сеть учебных заведений – 3 гимназии, 21 уездное и 45 приходских училищ, 3 частных школы – Блудов считал вполне достаточным, а об открытии «в самой Сибири высшего учебного заведения, университета или лицея», по его мнению, было «еще рано помышлять» [Там же. С. 396]. Гораздо более важным считал он «одобрять, поощрять полезные в сем крае предприятия», содействовать развитию торговли и промышленности, чем заниматься несбыточными мечта-

ниями. Такой взгляд на Сибирь был типичен для представителей высшей Петербургской бюрократии середины XIX столетия. Он отражал общие политические настроения властных структур, связанные со стремлением рассматривать Зауральский край скорее как колонию, нежели составную часть империи. В то же время правительство пыталось найти оптимальные формы взаимодействия центра и регионов. Это выражалось в предоставлении местной бюрократии достаточно широких прав при безусловном контроле из столицы, в разработке специального регионального законодательства, иных действиях.

Замечания на проект Анненкова представил и министр государственных имуществ П.Д. Киселев. Свои «соображения» он сопровождал большим количеством статистических сведений, которые представляют несомненный интерес для исследования вопросов экономического развития Сибири. Тем не менее основное внимание министр уделил вопросу о судьбах крестьянского сословия в Сибири. Здесь следует отметить, что взгляд П.Д. Киселева на судьбы крепостного права в России хорошо известен исследователям. Поэтому, не повторяясь, мы обратимся к той части высказываний министра, которая касается непосредственно Сибири. Краеугольным камнем рассуждений Киселева стала резолюция императора на его доклад, представленный Николаю I еще в сентябре 1839 г. Поводом для доклада послужило предложение министерства государственных имуществ о съемке на планы земель в Сибири. Ознакомившись с ними и в целом одобрив их, император в то же время написал буквально следующее: «...ни в коем случае поселение помещичьих крестьян допущено в Сибири быть не может» [6. С. 421].

Исходя из этой высочайшей резолюции, Киселев и рассматривал предложения ревизовавшего Западную Сибирь генерал-адъютанта Анненкова. Разумеется, министру были знакомы толки о «желательности» распространения на Сибирь помещичьего землевладения. Однако, будучи человеком хорошо информированным о реальном положении помещичьих крестьян Европейской России, он понимал, что крестьянский вопрос в Сибири нельзя ставить и тем более решать по образу и подобию европейского центра. Охарактеризовав все предшествующие попытки распространения на Сибирь крепостного права, Киселев констатировал, что в Западной Сибири помещичье землевладение существует «лишь в виде немногих исключений», а в восточной ее части «подобных владений вовсе нет». К тому же Киселев хорошо помнил полученную еще в 1839 г. резолюцию императора на упомянутом выше всеподданнейшем докладе. Поэтому он категорически заявил, что «о переселении помещичьих крестьян в Сибирь... за последовавшим высочайшим воспрещением не может быть рассуждения...» [Там же. С. 422]. В то же время министр высказал ряд замечаний по организации управления в Сибири. Так, например, полагая, что «состояние... администрации в такой отдаленной стране», как Сибирь, во многом зависит «от привлечения туда хороших и благонамеренных чиновников», он считал возможным наделять последних землей «за усердную

службу...» [6. С. 424]. Как видим, в данном случае мнения Киселева и Блудова совпадали.

Вопрос о преобразовании волостного управления и ссылки министр предлагал рассматривать через призму таких важных, по его мнению, особенностей Сибири, как «отдаленность и обширность края», «разнородность предметов и особенное положение тамошнего управления...». Несмотря на то что это были лишь самые общие высказывания, нельзя не заметить в них признания Киселевым ряда специфических местных обстоятельств, налагавших известное своеобразие на компетенцию и характер деятельности всех звеньев сибирской администрации. По мнению Киселева, все это следовало учитывать правительству при выстраивании взаимоотношений центра и сибирской периферии. Разумеется, самостоятельность местной администрации должна быть строго дозирована, а в конечном итоге подконтрольна высшему правительству. Но даже в таком усеченном виде в рассуждениях одного из самых близких к императору сановников прослеживается тезис о признании ряда важных местных особенностей, которые следовало учитывать на практике.

В конечном итоге П.Д. Киселев высказал свое отношение и к основному документу азиатской эпопеи М.М. Сперанского – «сибирскому учреждению» 1822 г. Если Сибирь и требует улучшений, заключает он, то они, т.е. улучшения, должны заключаться «не столько в перемене существующих учреждений, сколько... в исполнении ныне действующих постановлений...». А если бы вдруг «постановления сии оказались... недостаточными», тогда следовало дополнить их «новыми устройствами».

Таким образом, Киселев высказался против коренного пересмотра «сибирского учреждения» Сперанского, считая более целесообразным дополнить его при необходимости, чем разрабатывать заново. Более подробные рассуждения на этот счет Киселев посчитал излишними.

Обсуждение предложений Анненкова в Сибирском комитете тянулось до 1856 г. При выработке итогового заключения комитет не только учел высказанные суждения Д.Н. Блудова и П.Д. Киселева, но и вновь назначенного министра внутренних дел С.С. Ланского, считавшего «решительно невозможным» изменять «коренные начала сибирского учреждения». Категоричность Ланского, наряду с прочими причинами, объяснялась еще и тем, что он не видел «никакого ручательства» в том, что новые меры окажутся лучше существующих, а потому считал более целесообразным сохранить основы Сибирского учреждения Сперанского [7. Л. 76 об.]. В конечном итоге 8 ноября 1856 г. последовало высочайше утвержденное положение Сибирского комитета, которым предписывалось генерал-губернаторам иметь «строгое наблюдение за точным исполнением правил... 1822 г.». Ответственность за эту работу возлагалась на Советы Главных управлений обеих частей Сибири, которым местные власти должны были предоставлять все необходимые сведения на этот счет [8. С. 987].

Таким образом отметим, что предложения Н.Н. Анненкова о пересмотре основ Сибирского

учреждения не нашли поддержки как отдельных членов, так и Сибирского комитета в целом. В обозримом будущем радикальный пересмотр «сибирского учреждения» не предполагался. Речь шла лишь о частичном изменении системы управления, причем в строго дозированных пределах. Думается, что такой подход объясняется отнюдь не «патологической боязнью нового, свойственной большинству дряхлеющего класса» [9. С. 4–26]. Среди представителей правящей элиты середины XIX в. было немало выдающихся мыслителей, администраторов и управленцев. Представляется, что причины подобного поведения и решения Сибирского комитета – в исповедовании Николаевским самодержавием теории контролируемой модернизации. Применительно к окраинам империи это выражалось в стремлении усилить их связь с центром путем административно-правовой централизации. Однако сама по себе эта система была основана на многочисленных изъятиях из общегосударственных правил, что способствовало усилению тенденций к обособленности регионов.

Лишь в конце XIX в. самодержавие пришло к пониманию того факта, что наиболее перспективным способом укрепления связей регионов с центром является русская колонизация с последующей ассимиляцией этносов в полиэтническом государстве [10. С. 169–201].

В последующие годы вплоть до своего закрытия в 1864 г. Сибирский комитет занимался преимущественно законодательными проектами и вопросами текущего управления краем. Из наиболее значимых нормативных актов, активно обсуждаемых в Сибирском комитете, следует отметить серию законов об изменении административно-территориального деления Сибири.

Именно тогда на карте Сибири появились Амурская, Забайкальская, Приморская и Семипалатинская области с военными губернаторами во главе. Подобные мероприятия вызывались стремлением правительства к усилению административного влияния центра на окраинах империи, с одной стороны, и активизацией внешней политики России и на Дальнем Востоке и в Средней Азии – с другой. В этой связи следует отметить и разработку комитетом законопроектов о преимуществах гражданской службы в Сибири. Хотя впоследствии эти законы неоднократно изменялись и дополнялись правительством, тем не менее, основы законодательства, связанные со стремлением самодержавия привлечь на службу в Азиатскую Россию опытных и грамотных государственных служащих, оставались неизменными.

Немаловажное место в деятельности комитета занимали вопросы экономического развития (прежде всего золотодобычи), а также культурной жизни края, в том числе образования.

В 1853 г. по запросу комитета министерствами и ведомствами, в чьем ведении находились учебные заведения, составлен сводный отчет по состоянию учебного дела в Сибири. Как видно из материалов, на территории Сибири действовали 72 учебных заведения министерства народного просвещения. Из них 3 гимназии с пансионами, 21 городское и 45 приходских училищ, 3 частные школы с общим числом уча-

щихся 3 384 чел. В военном ведомстве состояли кадетский корпус в Омске, 2 полубатальона и 2 роты военных кантонистов, 48 школ Сибирского линейного казачьего войска, 14 школ городских полков с 3 187 учащимися. В ведомстве православного вероисповедания находились духовная семинария в Иркутске и 14 начальных училищ с 1 302 учениками, в горном – окружное училище в Барнауле и 23 начальные школы с 1 920 учениками. В особом управлении состояли девичий институт и сиропитательный дом Елизаветы Медведниковой в Иркутске и 3 детских приюта, в которых обучались 354 чел. Таким образом, по всей Сибири действовали 8 учебных заведений средней школы и 169 начальной, обучались 10 147 чел. [11. Л. 19].

Учитывая статистические данные Ю.А. Гагемейстера по количеству жителей вместе с коренным населением на 1854 г. (2 898 346 чел.), соотношение одного учащегося и общего числа жителей составило 1:286 [12. С. 3]. Памятуя о кадровой проблеме в управленческой сфере, заметим, что в сибирских губерниях исключительно все чиновничьи должности замещались по назначению от правительства. С 1856 г. образование становится обязательным условием при поступлении на государственную службу. Это означало, что будущий чиновник должен был окончить университет, гимназию или уездное (городское) училище или приравненное к ним по статусу учебное заведение. Университет в Сибири отсутствовал, в Западной ее части действовали две гимназии и одиннадцать училищ, в Восточной – Иркутская мужская гимназия и десять уездных училищ в Нерчинске, Иркутске, Енисейске, Верхнеудинске, Троицкосавске, Киренске, Красноярске, Ачинске, Нижнеудинске, Якутске. Очевидно, что вопросы просвещения в Сибири имели особую остроту и государственное значение.

Обобщив полученные сведения, члены Сибирского комитета пришли к единодушному мнению о необходимости развития системы образования.

План Сибирского комитета по развитию системы предполагал увеличение числа приходских начальных училищ, поиск источников финансирования для организации новых мужских гимназий и развития женского образования [13. С. 420]. Относительно подготовки чиновников в плане комитета говорилось о необходимости «дать такое устройство и образование как уездным училищам по городам, так и гимназиям по губерниям, чтобы заведения сии могли образовывать способных и достойных чиновников для службы в Сибири из уроженцев края» [11. Л. 19]. Под устройством понималось введение в учебную программу курсов по правоведению и «бухгалтерии». Также говорилось о дополнительном выделении в Казанском университете мест для выпускников сибирских гимназий либо приеме в другие, подобные учебные заведения «сверх Казанского университета» [Там же]. Членами комитета обсуждались варианты развития национального образования и образования учебного округа с учреждением ведомственных органов управления.

Ознакомившись с планом Сибирского комитета, Министерство народного просвещения изложило ведомственную позицию. Увеличение числа гимназий, открытие университета, организацию учебного округа

сочли возможным в случае формирования в Сибири дворянского сословия. По этому поводу чиновники министерства писали: «В случае подтверждения предположения об образовании там особого дворянского сословия и не иначе, когда сословие будет образовано и когда по этому (открытию университета. – *Прим. автора*) встретится действительная надобность» [11. Л. 23]. Решения кадровой проблемы в управленческой сфере министерство видело в изменении учебного плана гимназий без открытия вуза. Заметим, что критическое отношение министерства к проекту комитета в первую очередь основано на отсутствии в Сибири дворянского сословия, недостаток средств в качестве причины не указывался. Относительно увеличения числа приходских школ министерство принципиальных возражений не имело. Учреждение приходских школ организационно и финансово возлагалось на плечи местных властей. В развитии начального образования участие министерства сокращалось до обеспечения школ учительскими кадрами. В целом относительно планов сибирского комитета министерство заняло пассивную позицию, предполагающую минимальные действия со стороны ведомства.

Неоднозначную оценку планам Сибирского комитета дали генерал-губернаторы Восточной и Западной Сибири, заняв противоположные позиции. Н.Н. Муравьев-Амурский, генерал-губернатор Восточной Сибири, положительно отнесся к предложению об увеличении числа приходских школ, отдав распоряжение по «изысканию средств» [Там же]. Относительно национального образования губернатор считал, что оно возможно лишь после «обращения инородцев в православие», находил «излишним» увеличение числа гимназий и уездных училищ, считал «достаточным» количество женских учебных заведений и «нецелесообразным направлять местную молодежь на учебу в Казанский университет» [Там же. Л. 25].

Особенно остро отреагировал Н.Н. Муравьев-Амурский на вопрос подготовки чиновников из уроженцев Сибири. Он писал, что «совершенно убедился в необходимости, чтобы управление тамошнее состояло не из сибирских уроженцев. ...и даже если и из сибирских... то во всяком случае таких, которые с юных лет удалены были для воспитания с места их родины» [Там же. Л. 17]. Генерал-губернатор был совершенно уверен в пагубных чертах местного населения и высказывался против открытия университета и учреждения учебного округа в Восточной Сибири.

В Западной Сибири проект Сибирского комитета получил поддержку со стороны региональных властей. Предметом обсуждения становится организация учебного округа. Генерал-губернатор Г.Х. Гасфорт выступил с предложением о реорганизации прежней системы управления, введении должности попечителя с передачей ему полномочий губернаторов в области народного просвещения. Инициатива Г.Х. Гасворда совпадала с проектами Сибирского комитета, однако со стороны министерства были встречены разного рода препятствия. Длительная бумажная волокита, поиск источников финансирования, оптимальной формы управления затянули согласование проекта на

пять лет. Результатом длительной переписки становится подписание в 1859 г. «Положения об управлении гражданскими учебными заведениями Западной Сибири» [14. С. 105–107]. Генерал-губернатор возглавил все учебные заведения на правах попечителя. Непосредственный надзор за учебными заведениями возлагался на главного инспектора училищ, который, по сути, становился основным должностным лицом в системе образования на региональном уровне. В 1862 г. полномочия главного инспектора были существенно расширены вплоть до принятия самостоятельных решений во время отсутствия генерал-губернатора. Таким образом, вместо самостоятельного учебного округа в Западной Сибири вводилось особое управление учебными заведениями, которое стало компромиссом между региональной и центральной властью.

Столкнувшись с реальным положением дел в области народного просвещения, члены Сибирского комитета несколько изменили мнение относительно открытия университета в Сибири. На изменение решения повлияла и субъективная позиция генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского. Член Государственного совета Н.Н. Анненков, не отказываясь от идеи открытия университета, считал, что, получив высшее образование и отслужив в чиновниках определенный срок, выпускники уедут в поисках дальнейшей службы в Европейскую Россию. Д.Н. Блудов и В.Н. Панин заняли консервативную позицию. Блудов высказал мнение, что «еще рано помышлять о том», а Панин предлагал готовить чиновников в столице, введя для сибирских уроженцев льготы. Министр государственных имуществ А.А. Зелений считал достоянием открытие дополнительных классов при гимназиях, соглашаясь с мнением министерства народного просвещения. Как видно, члены Сибирского комитета отказались от намерения открыть в Сибири университет, придя к решению улучшить качество образования в гимназиях «но, не приступая ни в коем случае к учреждению в Сибири высшего учебного заведения, потому что оно... не принесет существенной пользы краю, где в настоящее время весьма мало таких лиц, для которых было бы необходимо получить высшее образование» [11. Л. 72].

Широкое обсуждение местных учебных властей получило предложение Сибирского комитета по из-

менению учебных программ гимназий и реальных училищ. Относительно преподавания «форм производства дел и судебного порядка» все директора училищ Восточной Сибири высказались против, называя разные причины. Директор училищ Иркутской губернии К.П. Бобановский указал «малое число обучающихся детей, имеющих право вступать в гражданскую службу» [11. Л. 52]. В Енисейской и Забайкальской области директора посчитали введение правоведения «едва ли полезным». Лишь в Якутии и Кяхтинском градоначальстве сочли «полезным и возможным ввести дополнительные курсы» [Там же]. Преподавание «бухгалтерии» нашли приемлемым все директора, более того, этот курс уже читался в Иркутском уездном училище.

В результате длительных согласований и проволочек программа Сибирского комитета по развитию системы образования получила воплощение в жизнь лишь отчасти. За период деятельности комитета с 1852 по 1864 г. удалось изменить систему управления учебными заведениями в Западной Сибири, открыть женские училища в Иркутске, Николаевске, Омске, Томске, начать переписку по поводу открытия мужской гимназии в Красноярске, незначительно увеличить число приходских училищ. Введение новых практико-ориентированных дисциплин в учебный план гимназий и уездных училищ ограничилось «бухгалтерией».

Анализ проекта Сибирского комитета говорит о понимании правительством ключевых проблем в развитии системы образования, в то же время результаты его реализации указывают на избирательность действий правительства. Преобразования затронули преимущественно городские школы, удовлетворяя потребности служащих и отчасти городского сословия. Сельская школа продолжала развиваться на общественных началах, сохраняя примитивную учебную программу. Отсутствие университета и окружной системы управления препятствовали интеграции региональной образовательной системы в общероссийскую. Обобщая вышесказанное, отметим, что программа Сибирского комитета по развитию системы образования носила прогрессивный характер, но в условиях нерешительной позиции правительства, недостатка финансирования и региональных особенностей была преждевременной и не могла реализоваться в полном объеме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Особые комитеты как органы управления окраинами Российской империи в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Бурятского университета. Сер. 4: История. 2004. Вып. 8. С. 83–99.
2. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Особые комитеты как органы управления окраинами империи. XIX – начала XX вв. Palmarium Akademik Publishing is a trademark of: LAP LAMBERT Akademik Publishing GmbH & Co. KG Heinrich – Bochkinh- Str.8, 66121 Saarbrücken, Germany. 65 с.
3. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Особые комитеты как органы управления окраинами империи XVIII – первой половины XX в. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2014. № 3 (15). С. 85–100.
4. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Азиатская Россия в имперских устремлениях особых комитетов империи во второй половине XIX – начала XX в. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2014. № 4 (16). С. 201–211.
5. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX века. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004.
6. Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения. СПб., 1899. 532 с.
7. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1265. Оп. 2. Д. 64(А). Л. 76 об.
8. Полное собрание законов Российской империи-II. СПб., 1857. Т. 31. С. 987.
9. Кузнецов А.С. Сибирская программа царизма 1852 г. // Очерки истории Сибири. Иркутск, 1971. Вып. 2. С. 4–26.
10. Бахтурина А.Ю. Институты и структуры управления окраинами России XIX – начала XX века // Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2003. С. 169–201.
11. РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 95. Л. 252.
12. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. 2. 1227 с.

13. Волчек В.А. Осуществление имперской политика на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета. Новосибирск, 2006. 420 с.
14. Блинов А.В. Реформы в области управления образованием на территории Западной Сибири // Вестник ТГПУ. 2009. Вып. 12 (90). С. 105–107.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 ноября 2016 г.

ASIAN RUSSIA EDUCATION SYSTEM DEVELOPMENT PROGRAMS IN THE SECOND SIBERIAN COMMITTEE RECORDS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 92–97

DOI: 10.17223/15617793/414/14

Inna N. Mamkina, Transbaikal State University (Chita, Russian Federation); Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: inna-mamkina@yandex.ru

Lev M. Dameshek, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: levdameshek@gmail.com

Irina L. Dameshek, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: dameshek@rambler.ru

Keywords: Asian Russia; Second Siberian Committee; governance; reform; education system.

The issue of government bodies organization and activities on the empire outskirts is considered in the context of indigenous peoples and new lands exploration history and their integration into the empire. The need to take into account territorial and national differences of Asian Russia had led to the formation of special authorities with a special competence, one of which was the Second Siberian Committee. To attain the research objective the authors have made an attempt to give a complex analysis of the Committee history and its activity assessment in the field of the regional education system development. On the basis of the Russian State Historical Archive clerical documentary sources, the published statistical data, and using comparative-historical, retrospective, functional methods, the authors have defined the Second Siberian Committee members' positions concerning Siberia's governance models, determined the main Committee's activity directions, analyzed the program documents related to the education system development. The authors have come to a conclusion that the Siberian Committee's members, guided by the autocracy commitment to the controlled modernization theory, had not supported N.N. Annenkov's proposal to review the Siberian Statute framework of 1822. Only at the end of the 19th century the authorities came to the awareness of the Russian colonization perspectives with the subsequent ethnos assimilation in the poly-ethnic state. The authors focus attention on the Committee's activities in the field of national education development. The data on the Second Siberian Committee projects in the field of education system development are introduced for the first time into the scientific circulation. The authors have determined the main directions of the system changes in the Committee's projects, in particular, the university establishment, the educational district organization, the increased number of secondary and primary educational institutions. Having studied the statistical data on public education, the authors have noted the timeliness of the Committee members' proposals. By reviewing the Siberian Committee's correspondence with the Ministry of Public Education and Eastern and Western Siberia Governor Generals, the authors come to a conclusion about the central and local authorities' ambiguous assessment of projects. The position of the Ministry centered only on the curriculum changes in gymnasia, not on the necessity to increase the number of educational institutions. The authors note that Governor General of Eastern Siberia N.N. Muravyev-Amursky, taking into account the specific local population, did not see any perspective in the education system development. Governor General of Western Siberia G.H. Gasfort, on the contrary, supported the Siberian Committee project and petitioned for its realization. Having investigated the Siberian Committee educational projects results, the authors have come to a conclusion about their partial implementation. The provisions on the educational district and university establishment had not been realized. The Committee projects were rather progressive but could not be fully implemented in the controlled modernization conditions and the lack of funding.

REFERENCES

1. Dameshek, L.M. & Dameshek, I.L. (2004) Osobyte komitety kak organy upravleniya okrainami Rossiyskoy imperii v XVIII – pervoy polovine XIX v. [Special committees as administrative bodies of the outskirts of the Russian Empire in the 18th – first half of 19th centuries]. *Vestnik Buryatskogo universiteta. Ser. 4: Istoriya – The Buryat State University Bulletin. Series 4. History*. 8. pp. 83–99.
2. Dameshek, L.M. & Dameshek, I.L. (n.d.) Osobyte komitety kak organy upravleniya okrainami imperii. XIX – nachala XX vv. [Special committees as control bodies of the border regions of the empire in the 19th – early 20th centuries]. Saarbrücken, Germany: Palmarium Akademik Publishing.
3. Dameshek, L.M. & Dameshek, I.L. (2014) Special Committees as Governing Bodies of Russian Empire's Borderlands in the 18th – First Half of the 19th Centuries. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 3 (15). pp. 85–100. (In Russian).
4. Dameshek, L.M. & Dameshek, I.L. (2014) Asian Russia in the Imperial Objectives of the Special Committees of the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 4 (16). pp. 201–211. (In Russian).
5. Remnev, A.V. (2004) *Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX vekov* [Russian Far East. Imperial geography of power in the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Omsk. State University.
6. Prutchenko, S. (1899) *Sibirskie okrainy. Prilozheniya* [Siberian border regions. Supplements]. St. Petersburg: tip. A.S. Suvorina.
7. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1265. List 2. File 64(A). Page 76 rev. (In Russian).
8. Russian Empire. (1857) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii-II* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire-II]. Vol. 31. St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
9. Kuznetsov, A.S. (1971) Sibirskaya programma tsarizma 1852 g. [Siberian program of Tsarism, 1852]. *Ocherki istorii Sibiri*. 2. pp. 4–26.
10. Bakhturina, A.Yu. (2003) Instituty i struktury upravleniya okrainami Rossii XIX – nachala XX veka [Institutions and the border administration structure Russia in the 19th – early 20th centuries]. In: Pyzhikov, A.V. (ed.) *Administrativno-territorial'noe ustroystvo Rossii. Istoriya i sovremennost'* [The administrative-territorial structure of Russia. History and modernity]. Moscow: Olma-Press.
11. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 84. File 95. Page 252. (In Russian).
12. Gagemeyer, Yu.A. (1854) *Statisticheskoe obozrenie Sibiri* [Statistical Review of Siberia]. Vol. 2. St. Petersburg: tip. II Otd. Sobstv. e. i. vel. kantselyarii.
13. Volchek, V.A. (2006) *Osushchestvlenie imperskoy politik na vostochnykh okrainakh Rossii v deyatelnosti vtorogo sibirskogo komiteta* [Implementation of the imperial policies on the eastern outskirts of Russia in the activities of the Second Siberian Committee]. Novosibirsk: Sibirskaya nauchnaya kniga.
14. Blinov, A.V. (2009) Reformy v Oblasti upravleniya obrazovaniem na territorii Zapadnoy Sibiri [Reforms in the field of education management in the territory of Western Siberia]. *Vestnik TGPU – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 12 (90). pp. 105–107.

Received: 13 November 2016

ОСВОЕНИЕ БАССЕЙНА РЕКИ ВИЛЮЙ ЯКУТСКИМИ РОДАМИ В XVI–XVIII вв.

Рассматриваются ранние этапы освоения якутскими родами бассейна р. Вилюй. На основе письменных и фольклорных источников, а также археологического материала проведена попытка реконструкции социальных и хозяйственных условий XVII–XVIII вв., приведших к распространению якутов на обширные пространства Якутии. Предполагается, что главной причиной передвижений якутов в XVI–XVIII вв. являлся их кочевой образ жизни. Эти перекочевки были запрещены русской администрацией в середине XIX в., что привело к оседанию большей части якутов.

Ключевые слова: якуты; этническая история; Вилюй; вилюйские якуты; история Якутии; этнолокальные группы якутов; родоплеменной состав; кочевание; исторические реконструкции.

Введение. Вилюй протяженностью 2 650 км является крупнейшим левым притоком р. Лена. Её бассейн занимает 454 тыс. км². По широко распространённому в историко-этнографической литературе мнению, якуты до прихода русских казаков в первой половине XVII в. представляли собой компактную группу и проживали в основном на долинах Средней Лены и территории Амгино-Ленского междуречья, в то время как весь бассейн Вилюя был населён тунгусо-манчжурскими племенами, за исключением нескольких якутских родов в его нижнем течении. С критикой подобного мнения выступил Г.В. Ксенофонов в своём труде «Ураанхай сахалар» [1]. В результате глубинного анализа исторических преданий вилюйчан он пришел к выводу, что якуты являлись исконными насельниками бассейна Вилюя. Более того, по мнению автора, Вилюй заселялся колонистами непосредственно из Прибайкалья, и, соответственно, вилюйские якуты являлись более древним подразделением якутского народа. Большинство советских и современных исследователей придерживаются мнения, что массовое переселение якутов на Вилюй началось во второй половине XVII вв., т.е. уже в порусскую эпоху [2–6].

Целью настоящего исследования является изучение ранних этапов истории вилюйских якутов. Мы не можем претендовать на полный и всесторонний охват изучаемой темы ввиду малочисленности оперируемого материала, однако можем внести некоторые коррективы в устоявшиеся в науке взгляды на время и характер освоения якутскими родами новых территорий, а также причин, приведших к этим переселениям.

Для удобства ориентирования в обширном вилюйском крае мы, вслед за Г.В. Ксенофоновым, разделили его на два условных региона: Юго-Западный Вилюй – территория современных Сунтарского, Нюрбинского, и Верхневилуйского районов и Северо-Восточный – Вилюйский и Кобяйский районы. Больше всего вопросов вызывает время миграции якутских родов на территорию Юго-Западного Вилюя, ввиду чего в данной статье основной акцент будет сделан именно на этот регион.

Результаты исследования. Во второй половине 30-х гг. XVII в. русские первопроходцы во главе с Воином Шаховым на Северо-Восточном Вилюе объявляли «пеших якутов» Кокуйского, Кирикского и Осекуйского родов [3. С. 31–34]. Основным занятием этих родов являлось рыболовство, численность их

составляла около 200 человек. К концу 30-х гг. был наложен ясак на 50 человек Тагусского рода «конных якутов». Позднее вместе с тагусцами объединялись якуты Олеской и Оргётской волостей. В 1639 г. в То-гусскую волость, после убийства промысловиков, переселяется кангаласский князец Сахей со своим родом, за которым в 1640 г. был отправлен отряд казаков во главе с Семёном Дежнёвым [7. С. 40]. В документах значится, что сам Сахей объяснял свой переезд «за бедностью». В 1641 г., оценивая общую численность населения вилюйского региона, Воин Шахов пишет: «...иноземцев де с усть Вилюя реки и вверх по Вилюю ясачных и неясачных якутов и тунгусов с 3 000, а ясак де государю дают немногие люди...» и просит послать на подмогу еще полтораста человек, так как «можно сороков 100 и больше собрать на год, а ныне де на усть Вилюя и вверх Вилюя реки иноземцы якуты и тунгусы и по Варке побивают промышленных людей» [1. С. 248–249]. Позднее в земли Средневилуйского и Нижневилуйского зимовий переселялись и другие роды якутов из центральных волостей.

Архивные данные не дают нам повода считать, что якуты переселились на Северо-Восточный Вилюй только в порусскую эпоху. А.И. Гоголев предполагает, что скотоводческие группы могли проникнуть на среднее течение Вилюя в XVI в., что подтверждает археологический материал, обнаруженный в 80-х и 90-х гг. на поселениях Чабыда, Харандас, Нучча-Кюёль-I-II, Хохочой I-II и Сымалыыр (Вилюйский район), относящийся к кулун-атахской культуре XIV–XVI вв., с которой связано происхождение якутского народа на Средней Лене [6. С. 68; 8. С. 206; 9. С. 61]. А.Н. Алексеев также считает, что территория современных Верхневилуйского и Вилюйского районов была заселена якутами задолго до прихода первых русских казаков [10]. Нужно полагать, что пешие якуты Кокуйского, Кирикского и Осекуйского родов являлись потомками носителей средневековой археологической культуры «малых домов», открытой А.П. Окладниковым в низовьях Вилюя и интерпретированной А.И. Гоголевым как бесскотоводческий вариант той же кулун-атахской культуры. Коренные вилюйские роды якутов Б.О. Долгих объединяет часто встречаемый в легендах вилюйчан этнонимом *тумат* [2. С. 468–469].

Главным аргументом тезиса об отсутствии якутов на Юго-Западном Вилюе являются донесения А. Доб-

рынского и М. Васильева, обьясачивших в 1630 г. около устья р. Мархи (совр. Нюрбинский район) только тунгусские роды. Исходя из письменных источников, можно предположить, что впервые якутские племена появились в пределах Юго-Западного Вилюя в связи с восстанием якутов в 1634 г. После снятия двухмесячной осады Якутского острога атаман О. Галкин во главе отряда в 150 человек оправляется в земли кангалассцев – наиболее непокорных из якутских племён. Операция заканчивается провалом, так как все повстанцы отходят за р. Лену и «окружающие Якутский уезд горы, по-видимому, к реке Вилюю» [6. С. 69; 11. С. 69]. Казаки в течение семи дней преследовали отступающих якутов, однако не смогли их догнать и привести под «государеву руку».

В 1641 г., в приведённой выше отписке, Воин Шахов ясно даёт понять, что на верховьях Вилюя и по р. Мархе проживает достаточно большое количество неясных якутов [1. С. 245–251]. Признаёт Шахов и свою беспомощность в покорении этих родов, что неудивительно: в результате шестилетней экспедиции на Северо-Восточном Вилюе из его отряда в 38 человек в живых остаётся всего 15 [7. С. 24]. В 1643 г. переселяются «с прежнего своего житья с Лены реки на Вилюй реку с устья Сины реки кангаласские конные якуты князец Бойдон да Трека и Оросей со многими якутами и стали жить с ясашными тунгусами на их жительство между Вилюем и Варкою» [3. С. 48]. Бойдон не оседает на Вилюе: архивные документы показывают, что бордонцы позже возвращаются на Среднюю Лену [Там же. С. 49]. Несмотря на то что подобные случаи повторялись неоднократно в 40-х и 50-х гг. XVII в., якуты стали постоянными плательщиками ясака в Верхневилуйском зимовье только с 60-х гг. [2. С. 470]. В 1651 и 1652 гг. из-за эпидемии оспы в Олёкминске на Вилюй переселяются якуты князцов Кангаласского и Бордонского волостей Оргузея и Куреяка [3. С. 47; 7. С. 118]. Через несколько лет они возвращаются на Олёкму.

К концу XVII в. население Юго-Западного Вилюя значительно увеличивается за счёт переселенцев из центральных волостей, преимущественно с территории современных Хангаласского (кангалассцы, бордонцы и ярканцы) и Намского (намцы, одейцы и одугейцы) районов [12. С. 94–95]. Колонисты продолжали состоять в ясачных списках своих «подгородних» волостей, что усложняет точное определение численности вилюйских якутов [2. С. 470–471]. Постоянный приток населения в бассейн р. Вилюй и обратный его отток на Среднюю Лену наблюдаются на всем протяжении XVII в. и продолжают до второй половины XVIII в. Статистические данные показывают, что наиболее крупные переселения приходятся на 20-е и 30-е гг. XVIII в. [13. С. 58].

Совсем иная картина освоения Юго-Западного Вилюя излагается в генеалогических преданиях якутов Сунтарского и Нюрбинского районов. Легендарная история приурочивает момент «исхода» якутов на Вилюй ко времени *кыргыс уйэтэ* (як. *век сражений*), т.е. времени межплеменных войн якутов в дорусскую эпоху. Легендарная прародительница сунтарских и нюрбинских якутов туматка *Джархан* после уничто-

жения её племени тунгусами-ныырбагатами спасается бегством, спустившись на лодке-берестянке по Вилюю к р. Лена. Тут её находит тойон кангаласского племени Тыгын и отдаёт в качестве младшей жены (як. *оджолуун*) своему отцу *Мунняну*. От этого брака рождаются несколько сыновей – *Ырыа Быркынаа*, *Тойук Булгудах*, *Босхон Бэлгэти* и *Алаа Кырсын* [14, 15]. Возмужав, братья не сносят притеснений Тыгына и по совету своей матери переселяются на Вилюй. Истребив ныырбагатов, они становятся прародителями вилюйских якутов. По наиболее ранней версии данного фольклорного сюжета, зафиксированной Я.И. Линденау в 40-х гг. XVIII в., Джархан представляется первой женой Мунняна, а её сыновья Каджага и Дедудор – законными его наследниками. Сам Тыгын назван отпрыском от младшей жены из рода *Мэнэ*. Конфликт Тыгына с братьями, по версии Линденау, стал результатом нарушения порядка «престолонаследия»: Муннян, минуя старших сыновей, передал власть над якутами и титул *Тойон-Ууса* (як. *господский род*) своему любимцу Тыгыну [16]. От этой несправедливости среди кангалассцев происходит раскол, приведший к внутриволостной войне, в результате которой сыновья Джархан переселяются со своими сторонниками на Вилюй. Исходя из этих легенд, можно предположить, что переселение якутов на Вилюй произошло к началу становления Тыгына в качестве племенного вождя, т.е. за десятилетия до прихода первых русских казаков. В генеалогических схемах, составленных по казачьим документам, значителен, что одного из сыновей Мунняна (Мундзяка) звали Гадакай, что сопоставимо с фольклорным Каджага Я.И. Линденау [17]. В дополнениях к Актам историческим, связанных с делом Балтуги Тимиреева, поднявшего восстание якутов в 1675–1676 гг., фигурирует князец Ярканской волости Таркай Быркинин, посланный казаками для переговоров с повстанцами. В имени этого князца легко угадывается персонаж вилюйских легенд богач *Таркаайы Баай*, старший сын Ырыа Быркынаа. Там же упоминаются якуты Тюбей Булгудаков и Бюлюсют Кырсынов, которые могли являться сыновьями легендарных Тойука Булгудаха и Алаа Кырсына. Факт того, что некоторые персонажи преданий вилюйчан коррелируются с реальными личностями, жившими в XVII в., даёт нам основание усмотреть в вилюйском цикле легенд определённую долю историчности. Сыновья Джархан не являлись первыми якутами, заселившими Юго-Западный Вилюй. В легендах прослеживается сюжетная линия войны братьев с опередившим их бордонским родом якутов, во главе которых стоял шаман *Тююлээх Тюнюрдээх Тюлюён*. Только после победы над бордонцами сыновья Джархан смогли объявить себя повелителями вилюйского края [14].

В таком случае остаётся открытым вопрос, почему казаки не встретили якутов на территории Юго-Западного Вилюя? Мы можем выдвинуть предположение, что конные группы бордонцев, жарханцев и кангалассцев, которые уже могли обитать на Вилюе, были достаточно мобильными, чтобы по мере продвижения казаков на восток *откочевать* в Центральную Якутию и, соединившись с родственными рода-

ми, встретить чужеземцев на Лене. Мотив возвращения на Среднюю Лену присутствует в фольклоре: Ырья Быркынаа с войском отправляется спасать Тыгына и кангалассцев от нападающих врагов, после победы над которыми следует примирение братьев [14. С. 172]. Ранние исследователи обращали внимание на масштаб расселения якутских родов в короткие сроки на всей территории Якутии. В.Л. Серошевский с удивлением пишет о «чудесном перемещении... огромного количества людей на обширнейшие пространства» [18. С. 214]. Такие «чудесные перемещения», возможно, связаны с некоторыми особенностями ведения скотоводческого хозяйства, которые могли существовать у якутов в XVII в. Якуты, как потомки кочевников центральноазиатских степей, должны были сохранять способности к перекочёвкам на большие расстояния, не ограничиваясь переходами между зимниками и летниками.

По мнению Г.П. Башарина, предки якутов на начальных этапах переселения на территорию Якутии («во времена Эллея» – легендарного первопредка якутов) являлись кочевниками, так как «быстрое расселения скотоводов... в бассейне Средней Лены и на Амгино-Ленском плоскогорье было возможно лишь в условиях передвижения, кочевого образа жизни» [13. С. 88–89]. По мере адаптации южных пришельцев к суровым климатическим и ландшафтным особенностям северных широт кочевание уступило оседлому образу жизни и якуты выработали систему пастбищно-сенокосного скотоводства. Однако отступление кангаласских родов от преследовавших их казаков в описанном выше восстании 1634 г. говорит нам о том, что якуты в это время придерживались традиционных скотоводческих традиций скотоводства. Переселение волостей, численность населения которой доходило до нескольких тысяч человек, с массами конного и рогатого скота в боевых условиях потребовало бы наличия отученной сноровки, слаженности действий, отличного знания местности и значительного количества ездовых лошадей. Казаки не раз жаловались, что объясачивание якутов вызывает определённые трудности, так как они «люди конные» и за ними трудно угнаться: «...на твоих государевых непослушников ходить невозможно, и их огрозить с конем нечем...» [7. С. 67]. Немало способствовало подвижности якутских родов значительное превосходство конного скота над рогатым. К примеру, в конце XVII в. удельный вес рогатого скота Ярканской волости занимал всего 23% от общего поголовья [13. С. 78]; в результате нападения якутов Атамайской и Маганской волостей на тогуусцев было отбито 200 лошадей и всего 10 коров; в 1648–1649 гг. батулинский якут Кункей Тымкин заявлял об угоне 300 лошадей и 110 голов рогатого скота [Там же. С. 72]. Частые передвижения многочисленных якутских родов фиксировались на всём протяжении XVII в. [3. С. 46–49]. Якуты, прибыв на новые земли, не сразу приживались на месте и через некоторое время продолжали движение. Известны «скитания» одейского якута Инелте Делдеева с товарищами, которые в долгих поисках земель «совершали движение с севера на юг и, наоборот, с юга на север, туда и обратно шли месяцами, не имея тёплых помещений и

сена...» [13. С. 65]. Склонность к частой перемене местожительства в XVII в. демонстрируют в основном только жители четырёх крупнейших долин р. Лена – Туймаады, Энциэли, Эркээни и Самартая. Население Амгино-Ленского междуречья, отличающегося обилием *аласов* (небольших термокарстовых ложбин), в этом плане показывает большую статичность – якуты Мегинской, Борогонской, Дюбсюнской, Батурусской, Сыланской и других волостей (несмотря на участие в восстаниях, эпидемии, стремительные темпы роста численности населения и иные факторы) никогда массово не переселялись на новые земли, оставаясь на своих «породных» местах.

Таким образом, мы получаем две группы якутов – «долинных», отличавшихся высокой мобильностью, и «аласных», т.е. статичных. Отголоски такого разделения, видимо, сохранялись и в XVIII в. Так, в описании Якутска, составленном И.К. Кириловым, можно встретить следующее утверждение: «А кругом того города кочуют, а другие жильём живут, иноземцы якуты...» [19. С. 64]. Заметим, что почти все исследователи и путешественники XVIII в. определяли скотоводческое хозяйство якутов как кочевое [Там же. С. 146]. М.Ф. Косарев пишет, что в пределах одного степного общества возможно сосуществование противоположных тенденций: «с одной стороны, тенденция к оседлости (у беднеющей части кочевников, по мере уменьшения количества скота), с другой стороны, возрастание “таборности” (у богатеющей части общества, по мере увеличения численности стад)» [20. С. 47]. В исторических преданиях кангаласский Тыгын предстаёт богатым владельцем бесчисленные табуны и стада с множеством воинов и челяди, в то время как прародители якутов Амгино-Ленского междуречья (Майагатта Бэрт Хара, Батас Мендукээн, Баарагай Баатылы, Ураанай Боотур и др) являются бедняками и рыбаками [4, 14, 21]. В некоторых легендах кангалассцы прямо указываются как «чисто кочевой народ – *кёс дьон*» [22. С. 70].

Следует отметить, что перемещения «долинных» якутов, по всей видимости, не являлись циклическими или сезонными; они совершались от случая к случаю и по разным причинам; эти перекочёвки не были полноценным таборным кочеванием и представляли собой всего лишь его пережитки. Мобильность «долинных» якутов позволила им стать той доминантной группой (по А.В. Головнёву), которая освоила и заселила большую часть пригодных для скотоводства территорий Якутии. Касательно военного превосходства кочевых племён над оседлыми жителями А.В. Головнёв пишет: «Для мобильных агентов управления оседлые селения были удобны не только как “статичная мишень”, но и как надежные уголья, искусственные резервуары пищи и женщин» [23. С. 150]. О подобном отношении «долинных» якутов к жителям восточных волостей повествует множество легенд, в которых воинственные кангалассцы всегда выступают в качестве агрессоров, ведущих хищнические войны [4, 14].

В связи с подвижностью первых колонистов возникают трудности археологической фиксации присутствия якутов в данном регионе. Наиболее древними

археологическими объектами на Юго-Западном Вилюе являются погребения Тымпы и Ойогос-Тумула, обнаруженные на территории Кангаласского и Аканинского наслегов Нюрбинского района и датируемые 1640–1690 и 1510–1670 гг. соответственно [24. С. 66].

Заключение. Таким образом, мы приходим к двум основным выводам. Во-первых, нет сомнения, что Северо-Восточный Вилюй заселялся задолго до прихода первых русских казаков, это подтверждается частично археологическим материалом и подкрепляется письменными источниками. Если у устья Вилюя (Кобяйский район) обитали немногочисленные роды «пеших якутов», занимавшихся рыболовством, то его среднее течение (Вилюйский район) уже было занято скотоводческими родами.

Во-вторых, можно заключить, что Юго-Восточный Вилюй заселялся в несколько этапов: освоение данного региона началось, по всей видимости (по косвенным доказательствам), задолго до появления первопроходцев в Ленском крае и затянулось до второй половины XVIII в., когда намечается окончательная стабилизация численности населения вилюйских улусов. Прекращение перекочёвок якутских родов, возможно, связано со строжайшим запретом русской администрации на перемещения якутов без разрешения со стороны властей, введённом в середине XVIII в. Картина освоения Вилюя якутами, представленная в нашей статье, позволяет значительно расширить изначальный ареал обитания якутских родов в дорусскую эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ксенофонов Г.В. Ураанхай сахалар. Очерки по древней истории якутов. Якутск : Нац. книж. изд-во РС(Я), 1992. 415 с.
2. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М. : Наука, 1960. 623 с.
3. Парникова А.С. Расселение якутов в XVII – начале XX вв. Якутск : Якут. книж. изд-во, 1971. 152 с.
4. Окладников А.П. История Якутии. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. Якутск : ЯКУТГОСИЗДАТ, 1949. 439 с.
5. Константинов И.В. Происхождение якутского народа и ее культуры // Якутия и ее соседи в древности: Труды Приленской археологической экспедиции. Якутск : Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1975. С. 106–173.
6. Гоголев А.И. Обзор этнической истории Западной Якутии (до начала XX в.) // Наука и образование. Якутск : Гос. уч. АН РС(Я), 2008. С. 66–72.
7. Якутия в XVII веке (очерки) : сборник под ред. С.В. Бахрушина и С.А. Токарева. Якутск : Якут. книж. изд-во, 1953. С. 438.
8. Дьяконов В.М. Кулун-атахские памятники долины Туймаады // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. / отв. ред. С.Ф. Татауров, Л.В. Татаурова, Н.А. Томилов. Омск : Ханты-Мансийск : Изд-во Омск. педаг. ун-та, 2002. С. 206–208.
9. Якуты (Саха) / отв. ред. Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, З.П. Соколова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. М. : Наука, 2013. 599 с.
10. Алексеев А.Н. О времени заселения якутами бассейна Среднего Вилюя // Тюркский мир: Монголия и Якутия : сборник. Улан-Батор, 2007. С. 197–201.
11. Миллер Г.Ф. История Сибири / Г.Ф. Миллер; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М. : Вост. лит., 2005. Т. III. 598 с.
12. Николаев С.И. Основные этапы этнической истории вилюйских якутов // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. 1957. Вып. 27. С. 90–98.
13. Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (XV–XVII – середина XIX в.). М. : Арт-Флекс, 2003. 447 с.
14. Элэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов / Г.В. Ксенофонов. М. : Наука, 1977. 247 с.
15. Степанов Н.Т. Ньырбакаан удьурдара (былыргы эһэнээр уонна кэпсээнэр). Якутск : Полиграфист, 1991. 182 с.
16. Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.) : Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан : Книж. изд-во, 1983. 176 с.
17. Токарев С.А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск : Якут. книж. изд-во, 1945. 414 с.
18. Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М. : РОССПЭН, 1993. 713 с.
19. Иванов В.Ф. Историко-этнографическое изучение Якутии XVII–XVIII вв. М. : Наука, 1974. 287 с.
20. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М. : Наука, 1991. 302 с.
21. Ушницкий В.В. Вопросы изучения ранней этнической истории и родового состава народов Якутии. Якутск : ИГиИПМНС СО РАН, 2014. 144 с.
22. Васильев В.Е. Имперская политика России в Якутии: взгляд этнографа на историю российского периода в Северо-Восточной Азии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 1 (10). С. 66–71.
23. Головин А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург : Волот, 2009. 496 с.
24. Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции). Якутск : Издательский дом СВФУ, 2012. 226 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 ноября 2016 г.

EXPLORATION OF THE VILUY RIVER BASIN BY YAKUT CLANS IN THE 16TH–18TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 98–102.

DOI: 10.17223/15617793/414/15

Denis M. Petrov, Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: dmpetrov-92@mail.ru

Keywords: Yakuts; ethnic history; Viluy; Viluy Yakuts; history of Yakutia; ethnocultural groups of Yakuts; tribal structure; nomadism; historical reconstruction.

The article is devoted to the study history of ethnocultural groups of Yakuts in the South-West Viluy. The Viluy River is the largest left tributary of the Lena River. At the end of the 19th century in Suntar, Marhiinsky (Nyurbinsk) Verkhneviluyisky and Sredneviluyisky (Viluysky and Kobyaayskiy) encampments located in its basin, there were about eighty thousand people (a third of the total number of people). This made Viluy district one of the main centers of the Yakut settlement. The historical and ethnographic literature assumed that the Yakut clans massively settled in the Viluy basin after the arrival of the first Russian Cossacks in Yakutia in the middle of the 17th century. This opinion is based on the archival data, and is still regarded as axiomatic. However, most of the historical legends of the Viluy Yakuts state that the settlement of the Viluy River took place in the era of interclan wars before Yaku-

tia's annexation to the Russian state. The idea of the early settlement of the Viluy Basin is supported by the discovery in the North-East Viluy (Verkhneviluy and Viluy areas) of monuments of the Kulun-Atakh archaeological culture, which dates back to the 14th–16th centuries, and which is associated with the origin of the Yakuts in the Middle Lena. At the same time, these cultural monuments are not found in the South-West Viluy (territory of Suntarsky and Nurba areas) and on the territory of the Middle Lena valleys, from where most of the colonists were. The archival data show that the migration of the Yakuts from the Lena River to the South-West Viluy and forth continued for a long time, until the mid-18th century. The analysis of oral and written sources shows that these migrations were connected with the nomadic way of life of the Yakut clans. This explains the absence of the Kulun-Atakh culture in the South-West Viluy because representatives of this culture are characterized by settled economy. The predominance of horses over cattle contributed to the mobility of the Yakut clans, who explored new lands. Thus, it can be concluded that by the arrival of the Russian Cossacks to Yakutia in the middle of the 17th century, the Yakuts had two different types of cattle breeding economy: nomadic and sedentary. Only in the conditions of a nomadic life, the Yakuts could explore the vast expanses of Eastern Siberia. The major reason for Yakuts' migrations was the need for pastures and hunting areas. Russian administration banned unregulated migrations of the Yakuts in the middle of the 18th century. Over time, nomadism gave way to settlement, and its remnants continued to exist only in the most remote and inaccessible regions of Yakutia.

REFERENCES

1. Ksenofontov, G.V. (1992) *Uraankhay sakhalar. Ocherki po drevney istorii yakutov* [Uraankhay sakhalar. Essays on the ancient history of the Yakuts]. Yakutsk: Nats. knizh. izdatel'stvo RS(Ya).
2. Dolgikh, B.O. (1960) *Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v XVII v.* [Clan and tribal structure of the peoples of Siberia in the 17th century]. Moscow: Nauka.
3. Parnikova, A.S. (1971) *Rasselenie yakutov v XVII – nachale XX vv.* [Settling of the Yakuts in the 17th – early 20th centuries]. Yakutsk: Yakut. knizh. Izdatel'stvo.
4. Okladnikov, A.P. (1949) *Istoriya Yakutii. Proshloe Yakutii do prisoedineniya k Russkomu gosudarstvu* [History of Yakutia. Past of Yakutia before annexation to the Russian state]. Yakutsk: YAKUTGOSIZDAT.
5. Konstantinov, I.V. (1975) *Proiskhozhdenie yakutskogo naroda i ee kul'tury* [The origin of the Yakut people and its culture]. In: *Yakutiya i ee sosedi v drevnosti: Trudy Prilenskoy arkhologicheskoy ekspeditsii* [Yakutia and its neighbors in Antiquity: Proceedings of the Lena archaeological expedition]. Yakutsk: YaB SB USSR AS.
6. Gogolev, A.I. (2008) *Obozrenie etnicheskoy istorii Zapadnoy Yakutii (do nachala XX v.)* [Review of the ethnic history of the Western Yakutia (before the beginning of the 20th century)]. *Nauka i obrazovanie*. 3. pp. 66–72.
7. Bakhrushin, S.V. & Tokarev, S.A. (eds) (1953) *Yakutiya v XVII veke (ocherki)* [Yakutia in the 17th century (essays)]. Yakutsk: Yakut. knizh. izdatel'stvo.
8. D'yakonov, V.M. (2002) *Kulun-atakhskie pamyatniki doliny Tuymaady* [Kulun-atakh monuments of the Tuymaada Valley]. In: Tataurov, S.F., Tataurova, L.V. & Tomilov, N.A. (eds) *Integratsiya arkhologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [The integration of archaeological and ethnographic studies]. Omsk; Khanty-Mansiysk: Omsk State Pedagogical University.
9. Alekseev, N.A., Romanova, E.N. & Sokolova, Z.P. (eds) (2013) *Yakuty (Sakha)* [The Yakuts (Sakha)]. Moscow: Nauka.
10. Alekseev, A.N. (2007) *O vremeni zaseleniya yakutami basseyna Srednego Vilyuya* [On the time of the Yakut settlement of the Middle Viluy basin]. In: Vasil'ev, N.I. (ed.) *Tyurkskiy mir: Mongoliya i Yakutiya (sbornik)* [Turkic world: Mongolia and Yakutia (a collection)]. Ulan-Bator.
11. Miller, G.F. (1957) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 3. Moscow: Vostochnaya literatura.
12. Nikolaev, S.I. (1957) *Osnovnye etapy etnicheskoy istorii vilyuysskikh yakutov* [The main stages of the history of ethnic Yakuts of the Viluy]. *Kratkie soobshcheniya In-ta etnografii AN SSSR*. 27. pp. 90–98.
13. Basharin, G.P. (2003) *Istoriya agrarnykh otnosheniy v Yakutii (XV–XVII – seredina XIX v.)* [The history of agrarian relations in Yakutia (15th–17th – the middle of the 19th centuries)]. Moscow: Art-Fleks.
14. Ksenofontov, G.V. (1977) *Elleyada: Materialy po mifologii i legendarnoy istorii yakutov* [Elleyada: Materials on mythology and legendary history of the Yakuts]. Moscow: Nauka.
15. Stepanov, N.T. (1991) *N'yrbakaan ud'uordara (bylyrgy sehenner uonna kepseenner)*. Yakutsk: Poligrafist. (In Yakut).
16. Lindenau, Ya.I. (1983) *Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII v.): Istoriko-etnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka* [Description of Siberia (the first half of the 18th century): Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the North-East]. Magadan: Knizh. izdatel'stvo.
17. Tokarev, S.A. (1945) *Obshchestvennyy stroy yakutov XVII–XVIII vv.* [The social system of the Yakuts of the 17th–18th centuries]. Yakutsk: Yakut. knizh. izdatel'stvo.
18. Seroshevskiy, V.L. (1973) *Yakuty: Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [The Yakuts: Experience of ethnographic research]. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN.
19. Ivanov, V.F. (1974) *Istoriko-etnograficheskoe izuchenie Yakutii XVII–XVIII vv.* [Historical and ethnographic study of Yakutia of the 17th–18th centuries]. Moscow: Nauka.
20. Kosarev, M.F. (1991) *Drevnyaya istoriya Zapadnoy Sibiri: Chelovek i prirodnaya sreda* [The ancient history of Western Siberia: man and the natural environment]. Moscow: Nauka.
21. Ushnitskiy, V.V. (2014) *Voprosy izucheniya ranney etnicheskoy istorii i rodovogo sostava narodov Yakutii* [The study of the early history of ethnic and tribal composition of the peoples of Yakutia]. Yakutsk: Institute of Humanitarian Research and Indigenous Peoples of the North, SB RAS.
22. Vasil'ev, V.E. (2015) *Imperskaya politika Rossii v Yakutii: vzglyad etnografa na istoriyu rossiyskogo perioda v Severo-Vostochnoy Azii* [The imperial policy of Russia in Yakutia: a look of an ethnographer at the history of the Russian period in North-East Asia]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*. 1 (10). pp. 66–71.
23. Golovnev, A.V. (2009) *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoy Evrazii)* [Anthropology of motion (antiquities of Northern Eurasia)]. Ekaterinburg: Volot.
24. Kryubezi, E. & Alekseev, A. (eds) (2012) *Mir drevnikh yakutov: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy (po materialam Sakha-frantsuzskoy arkhologicheskoy ekspeditsii)* [The world of the ancient Yakuts: Experience of interdisciplinary studies (based on Sakha-French archaeological expedition)]. Yakutsk: NEFU.

Received: 11 November 2016

ИСТОРИЯ ЧУЙСКОГО ТРАКТА: ОБЗОР ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Предпринята попытка дать обзор основной литературы по истории строительства и эксплуатации Чуйского тракта. Основные вопросы, которые нашли отражение в историографии: первые упоминания о Чуйском тракте; роль купечества в развитии данного торгового пути; изыскательские работы на рубеже XIX–XX вв.; В.Я. Шишков – «отец» современного Чуйского тракта; «дорога на костях» – строительство дороги государственного значения по новому направлению усилиями Сиблага в 1930-е гг.

Ключевые слова: Чуйский тракт; чуйцы; дорожное строительство; бомы; Сиблаг.

Чуйский тракт – одна из важнейших дорог России, протянулся от Ташанты на границе с Монголией до Новосибирска – столицы Сибирского федерального округа. Эта дорога имеет долгую, как она сама, историю. Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, И.И. Биль, В.Я. Шишков, Н.К. Рерих, В.М. Шукшин и многие другие писатели, историки и публицисты внесли свой вклад в историю данной дороги. Изучением Чуйского тракта занимался целый ряд историков как в дореволюционном и советском, так и в современном периодах. Однако нельзя назвать данную тему тщательно исследованной, так как в литературе нашел отражение лишь ограниченный круг вопросов, связанный с историей строительства и состоянием тракта в период до 1940-х гг.

Одной из первых работ, посвященных Чуйскому тракту, можно назвать доклад штабс-капитана А. Принтца, прочтенный на общем собрании Императорского Русского географического общества 7 октября 1864 г. Автор обосновывает недостатки торговли с Монголией и Китаем через Кяхту и преимущества пути через Бийск. Принтц справедливо отмечает, что географическая отдаленность Кяхты, малонаселенность этого региона, отсутствие должных путей сообщения вызывали необходимость развивать более западные и более близкие к индустриальным центрам торговые дороги. Принтц, основываясь на собственной поездке, оценивал состояние дороги в начале 1860-х гг. следующим образом: «Дорога, или лучше сказать конная тропа, пролегающая по горам и долинам горных речек, в настоящее время не только не удобна, но и представляет значительные затруднения... До с. Мьюты, где находится стан алтайской духовной миссии, дорога колесная, далее же тележная езда становится затруднительной и ей предпочитается верховая» [1. С. 4]. Принтц также отмечает сложность вьючных переходов через перевалы и опасного перевоза через бурную р. Катунь.

Самые ранние работы по истории Чуйского тракта посвящались торговым отношениям с Китаем и Монголией, но, как правило, они несут и описание состояния дороги в этот период. Бийский исправник Е. Замятин приводит даже более ранние сведения о передвижениях предков купцов Хабаровых, которым приходилось отправляться на Алтай зимой, выходя пешком на лыжах до мест в Алтайской волости, а затем продвигаться верхом до урочища Чаган-Узун и далее «в вершины р. Чу» [2. С. 225]. Замятин обосновывает выгодность торговли по Чуйскому торговому пути

многократными прибылями, которые имеют купцы, и благосостоянием инородцев. Он также предложил план по улучшению торговли на р. Чуе, важное место в котором отводилось устройству дороги от Бийска до Кош-Агача, при этом отмечая, что дорога за пределами российской территории на Кобдо и Улясутай представляется еще более сложной. «Чтобы иметь понятие о современном состоянии пути на Кош-Агач, нужно видеть его в натуре; каждое же описание может показаться невероятным, так например, на чуйских бормах есть места, где вьючная и верховая лошади проходят по скале, отвесно упадающей к реке. Пробираясь по неровной каменистой тропинке, лошади прыгают с камня на камень от 1 до 3 четвертей шириною, по временам ударяясь боком о скале, поднимающуюся вверх от тропинки. Проезжая по таким путям, самый отличный верховой ездок рискует на каждом шагу упасть с лошади и убится до смерти» [2. С. 239]. Замятин также отмечает, что крестьяне не сумеют в скором времени выполнить собственными силами исправление дороги, а потребность в исправлении дороги ощущается уже давно, особенно торговцами, сделавшими подписку на ее исправление.

В 1860–1870-е гг. целый ряд путешествий по Алтаю совершил В.В. Радлов. Они вылились в написание статьи для Императорского Русского географического общества и в издание книги на немецком языке «Aus Sibirien». В «Записках ИРГО» Радлов практически не касается состояния дороги, концентрируясь на торговых и этнических аспектах. Однако сообщает: «...купец из Бийска отправляет товары свои в телеги, а из деревни Шебалиной до Малой Улимень – на таратайках, оттуда на Чую – на вьючных лошадях и от Чуйской степи – на верблюдах» [3. С. 375]. Это небольшое, но очень информативное сообщение дает понятие об участках, на которые можно условно поделить Чуйский тракт, а также о состоянии дорожного полотна. Радлов также указывает самые затруднительные места на пути: «вершина реки Себэ [Семинский перевал], где огромные каменистые болота даже опасны во время ненастья, очень крутой подъем и спуск при переправе от реки Малого Улгемена к Большому; бом или обрывистая скала на правом берегу Катунь версты четыре от переправы Куркечу [Коркечу], чрезвычайно крутой подъем и спуск у перевала от реки Салджара; скала у борма Бичин-кая выше устья реки Ини по правому берегу Катунь; восемь больших бормов на берегах реки Чуи ниже устья Айгулака» [Там же. С. 377]. Стоит заметить, что Радлов пришел

к выводу о невозможности исправления данных участков так, чтобы по ним можно было проехать на телегах (или по крайней мере окупаемости подобных исправлений). Более тщательное географическое описание Чуйского тракта с общими характеристиками местности и состояния дороги на отдельных участках содержится в дневниках путешествия Радлова [4].

Близкие по духу описания путешествий по Алтаю, в которых содержатся рассказы о состоянии Чуйского тракта, окружающей местности, населения и торговых контактов, имеют место в работах видных ученых рубежа XIX–XX вв. – Г.Н. Потанина [5], Н.М. Ядринцева [6], В.В. Сапожникова [7]. Труды последнего из перечисленных представляют для изучения истории Чуйского тракта особый интерес. Так как Сапожников дал очень подробное описание сел и дороги между ними от Бийска до Кош-Агача с указанием расценок на перевозки, недостатков тех или иных участков пути, а также альтернативных вариантов маршрутов обхода наиболее сложных участков Чуйского тракта. Не менее важным и интересным представляется общая характеристика дорог на Алтае, их достоинств и недостатков, которые, по мнению профессора Сапожникова, имели место быть.

Одно из самых ранних исследований в литературе, предметом которого является не русско-монгольская торговля, а сам Чуйский тракт, принадлежит перу Г. Ба-ова. Основываясь на свидетельствах Швецова, Ба-ов отмечает, что 235 из 490–500 верст тракта приходится на выючный путь, оставшаяся часть – это вполне удовлетворительный земский тракт, который местами приходит в абсолютную негодность осенью и весной, когда перевалы представляются непроходимыми. Автор приводит данные, что путь выючным становится даже не после Онгудая, а после дер. Хабаровой (и продолжается вплоть до Кош-Агача), при этом перевозки по данному участку осложняются ввиду крайне малой заселенности окрестных территорий. Ба-ов заверяет в сносности пути по Чуйскому тракту, приводя в аргумент следующее: «...редкий год Чуйским трактом не проезжает одного или нескольких колесных экипажей, в которых торгующие с Китаем провозят свои семьи. Это доказывает, что Чуйский путь не так уж страшен и что его колесный путь по нему является вполне возможным» [8. С. 80]. Однако ряд перевалов, бомов и переправ заметно осложняют передвижение, категорически исключая колесный. Особое место в своей статье автор отводит дискуссии, касающейся должного устройства колесного пути на Кош-Агач, отправке в разные годы нескольких изыскательских групп, а также выработке трассировки и смет на строительство. Приведенные Ба-овым данные позволяют говорить о довольно несерьезном отношении государственных органов и многих чиновников к исправлению Чуйского тракта, так как, как правило, дальше изыскательских работ дело не сдвигалось (даже по минимальным сметам) вплоть до рубежа XIX и XX вв.

Обзор истории, касающейся Чуйского тракта, подобно Ба-ову дает и Н.Г. Чмелев в двух своих статьях в «Сибирском наблюдателе». Работы этих исследователей близки по своему содержанию, но Чмелев под-

нимает еще несколько важных вопросов. Во-первых, это устройство переправ через Катунь и Чую, а во-вторых, это отсутствие почтовой и телеграфной связи на Алтае, которые создавали дополнительные трудности купцам и путешественникам по Чуйскому тракту. Также особо ценными представляются таможенные данные, которые показывают пропускную способность и востребованность Чуйского торгового пути. Данные таможен позволяют разрешить еще один вопрос, касающийся окупаемости строительных работ на тракте. Однако, как показала практика, работы по улучшению пути в Монголию будут иметь скорее не экономический, а военно-стратегический мотив [9, 10].

Одним из «отцов» Чуйского колесного тракта в литературе часто называют инженера И.И. Билия, который был приглашен для изыскательских работ в 1900 г. Биль впоследствии опубликовал целую статью в «Алтайском сборнике», которая представляет собой не только дневник поездок и работ инженера, но и предшествующую историю тракта. В статье отмечаются работы, которые ранее проводились на тракте для исправления: «Все прежние исправления состояли в удалении сильно мешающих выступов скал, которые можно было разбить молотами, и в удалении не особенно крупных камней... В самых опасных... местах устраивались незатейливые перила...» [11. С. 67]. Биль также отмечает и другие слабые стороны тракта, например мосты на р. Чуе (которые содержал проект Вараксина). Остро перед изыскателями стоял финансовый вопрос, так как предыдущие изыскатели называли смету до 430 тыс. руб., поэтому мы можем наблюдать, за счет чего Биль заметно сократил требуемую сумму до 80 тыс. руб. В целом работа богата сообщениями о проблемах в выборе направлений пути, переправ через реки, которые должны быть максимально дешевыми, но, тем не менее, предоставлять возможность на всем протяжении пути вести тележное движение.

В советский период большая часть работ по истории Чуйского тракта вышла в 1970–1980-е гг. Единственным исключением можно назвать работу Д. Кашинцева, опубликованную в 1925 г. [12]. Однако наиболее заслуживающими внимания являются работы Д.И. Табаева, в которых приводятся некоторые не очень однозначные факты. Так, первые упоминания о Чуйском тракте, вернее тропе, он относит к XIV–XV вв. [13. С. 12]. Из классового антагонизма автор практически не замечает, что одна из ведущих ролей в развитии Чуйского тракта принадлежит купечеству. Центром внимания автора являлось строительство Чуйского тракта в 1920–1930-е гг., но и здесь не отмечается ведущий вклад в строительство правобережного варианта Чуйского тракта заключенных «Сиблага», которые были брошены на самые сложные участки пути. Взамен этого Д.И. Табаев использует лозунговую формулировку «Решено было пробивать горы, и советские люди пошли на штурм вековых неприступных скал, горных ущелий и бомов» [Там же. С. 21]. Историю Чуйского тракта с 40-х гг. XX в. Табаев практически не рассматривает, ограничиваясь приведением лишь нескольких фактов. Это наблюдается и в его более поздней работе «Чуйский тракт» [14].

Важными представляются работы бийских краеведов, которые освещали многие аспекты строительства и функционирования Чуйского тракта. Крупнейшим исследователем 1980-х гг. был сотрудник Бийского краеведческого музея В.Н. Шипилов [15]. В своих работах он впервые дает описание положения заключенных – строителей Чуйского тракта в 1930-е гг. В сочетании с художественным талантом его статьи показывают некогда запретные темы для исследователей. Широкому освещению со стороны краеведа подверглись изыскательские работы 1913–1914 гг. под руководством В.Я. Шишкова, в которых автор освещает в том числе и личную жизнь инженера [16]. В разные годы Шипилов сделал попытку осветить и иные фрагменты истории Чуйского тракта: его перевалы [17], паромные переправы [18], устройство таможи [19], подготовку шоферов и автомехаников [20] для обслуживания дороги, легендарного персонажа шофера Кольку Снегирева [21] и др. Несмотря на недостатки, связанные с публицистическим стилем данных работ, труды Шипилова – это важнейшие (часто единственные) сообщения в литературе о некоторых сюжетах истории Чуйского тракта.

В 1990–2000-е гг. краеведы также время от времени публиковали статьи по истории тракта. Объем и глубина сведений часто оставляют желать лучшего, но некоторые статьи заслуживают внимания. Наиболее частыми сюжетами становятся следующие: Чуйский тракт в 1920–1930-е гг., «Сиблаг» на строительстве дороги и судьбы заключенных, а также русско-монгольская торговля и ее значение для нашего государства. Проблемы восстановления дороги после Гражданской войны, дискуссии вокруг перехода на правобережный вариант (предложенный еще В.Я. Шишковым) освещены в работе В. Исупова [22]. В статье Исупова излагаются многие проблемы, с которыми сталкивались как местные власти, так и дорожные рабочие. Описаны остро стоящие проблемы финансирования, борьба чиновников за изменение направлений на отдельных участках трассы, а также сложности ручного труда. О судьбах отдельных людей, попавших волею судьбы на строительство «дороги на костях» в качестве заключенных, встречаются в небольших изданиях и исследованиях довольно часто. Однако наиболее показательной среди ряда других является статья протоиерея Георгия Крейдунa, в которой показана судьба иеромонаха Киприяна (Нелидова), канонизированного в лике преподобномучеников в 2002 г. Арестованный в Москве, он оказался на строительстве Чуйского тракта в районе борма Кор-Кечу. Информация о тяжелых условиях жизни заключенных в «командировке», подробные планы расположения лагеря и свидетельства современников событий делают статью чрезвычайно ценной [23].

Чуйский тракт – также одна из тем исследования видного алтайского историка профессора А.В. Старцева, специалиста в области русско-монгольской торговли. Ряд его работ, касающихся состояния дороги и торговли по ней во второй половине XIX – начале XX в., послужили базисом для многих последующих исследований. История развития Кош-Агача как торговых ворот в Монголию и Китай [24], инфраструкту-

ра русско-монгольской торговли – это темы, широко освещенные Старцевым, который, привлекая широкие архивные материалы, а также труды современников строительства, изыскателей и чиновников, дал емкий анализ происходившим на тракте событиям [25].

В 2000-е гг. одним из крупнейших исследователей истории Чуйского тракта стала заведующая отделом музея Чуйского тракта Бийского краеведческого музея Е.А. Грехова – автор ряда публикаций краеведческого характера в местных изданиях, а также книги «Чуйский тракт до монгольской границы» [26]. На ее полях отражаются основные этапы строительства, обзор истории и содержания Чуйского тракта. Несмотря на тот факт, что история строительства и эксплуатации в послевоенный период практически отсутствует в работе Греховой, данная книга, благодаря хорошему литературному языку, представляется наиболее значимой для широкой аудитории. Вместе с тем в ней представлен анализ фольклора, связанного с историей дороги. Наряду с историческим описанием тракта Грехова дает подробное описание флоры вокруг дороги.

Попытку всестороннего освещения Чуйского тракта, а также развития всей транспортной сети Алтая предприняли в 2000-е гг. А.А. Завьялов и Т.С. Пустогачева. Завьялов посвятил основные сюжеты своих работ поиску роли государства и частных лиц в строительстве дорог на Алтае в конце XIX – начале XX в. Применительно к Чуйскому тракту он отмечает особый вклад купечества в функционирование и поддержание в исправном состоянии этой дороги. Особое внимание исследователь уделил вопросу о паромных переправах через Катунь, оценив экономическую составляющую этого вопроса, а также дискуссии вокруг их содержания [27].

Самый широкий круг вопросов по истории тракта освещает Т.С. Пустогачева. Работа «Проблемы развития Чуйского тракта в 60–90-е гг. XIX в.» представляет собой обобщение целого ряда имеющихся публикаций по этому вопросу. В каких-то моментах работа Т.С. Пустогачевой противоречит некоторым свидетельствам современников, приведенным в начале нашей статьи, в частности в том, что «Чуйский тракт представлял собой дорогу, слабо приспособленную для передвижения» [28. С. 44]. Более заслуживающими внимания представляются работы Пустогачевой по истории Чуйского тракта в 1920–1930-е гг., основанные на архивных материалах, в частности касающихся проблем перехода трассы с левого берега Катунь на правый, а также возможности проведения тракта, минуя крупные села Онгудай и Шебалино [29, 30].

Одной из последних обобщающих работ, вышедших в 2015 г., является книга А.М. Малолетко [31], где представлен краткий обзор истории дороги. В книге содержатся некоторые аспекты истории Чуйского тракта в период после Великой Отечественной войны, что является фактически абсолютно неизученной областью и придает изданию особую ценность.

Таким образом, несмотря на то, что Чуйский тракт является весьма популярной темой в исторической литературе, многие вопросы до сих пор оказались не

рассмотрены. Лишь периоды со второй половины XIX до начала XX в. и 20–30-е гг. XX в. имеют многостороннее освещение. Однако вопросы, касающиеся за-

трат на содержание, технологии строительства, пропускной способности легендарного тракта, и ряд иных также требуют дополнительного рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Принтц А. Торговля русских с китайцами на реке Чуе и поездка в г. Хобдо // Известия Императорского Русского географического общества. СПб., 1865. Т. 1, вып. 1. Отдел 2. С. 1–14.
2. Замятин Е. О торговле бийских купцов с китайцами и монголами на Кош-Агаче, в долине реки Чу // Памятная книжка Томской губернии на 1871 год. Томск : Губернская типография, 1871. С. 225–241.
3. Радлов В.В. Торговые сношения России с Западной Монголией и их будущность // Записки Императорского Русского географического общества по отделению статистики. СПб., 1871. Т. 2. С. 339–383.
4. Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника / пер. с нем. К.Д. Цивинной и Б.Е. Чистовой. М. : Наука, 1989. 749 с.
5. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. В четырех выпусках. СПб., 1881–1883.
6. Ядринцев Н.М. Сочинения. Т. 1: Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее / под ред. С.Г. Пархимовича. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 480 с.
7. Сапожников В.В. Пути по Русскому Алтаю. Томск, 1912. 170 с.
8. Ба-ов. Чуйский торговый путь в Монголию (Его настоящее как вьючного пути и будущее как колесного) // Дорожник по Сибири и Азиатской России. Томск, 1899. Кн. II (март–апрель). С. 74–86.
9. Чмелев Н.Г. Чуйский тракт и наша торговля в Китайской империи // Сибирский наблюдатель. Томск: Паровая Типо-Литография П.И. Макушина, 1902. Кн. 5. С. 23–32.
10. Чмелев Н.Г. Чуйский тракт и наша торговля в Северо-Западной Монголии и Китайской империи // Сибирский наблюдатель. Томск : Паровая Типо-Литография П.И. Макушина, 1902. Кн. 7. С. 21–26.
11. Биль И.И. О проведении колесного пути от Онгудая до Кош-Агача по так называемому Чуйскому тракту // Алтайский сборник. Барнаул : Типо-Литография Главного Управления Алтайского округа, 1903. С. 65–79.
12. Кашинцев Д. Чуйский тракт в Монголию // Новый Восток. М., 1925. Кн. 8–9. С. 133–144.
13. Табаев Д.И. Из истории строительства Чуйского тракта // Ученые записки. Барнаул, 1969. Вып. VIII. С. 12–22.
14. Табаев Д.И. Чуйский тракт. Горно-Алтайск, 1975. 80 с.
15. Шипилов В. Этот суровый Чуйский тракт // Бийский рабочий. 1990. 8 авг. С. 3.
16. Шипилов В. Изыскатели. Новые страницы из жизни В.Я. Шишкова // Красное знамя. Томск. 1988. 16 сент.
17. Шипилов В. Перевалы Чуйского тракта // Бийский рабочий. 1986. 20 марта. С. 3.
18. Шипилов В.Н. Паромы Чуйского тракта // Бийский рабочий. 1985. 10 дек. С. 2.
19. Шипилов В. Таможня. Документальный рассказ // Бийский рабочий. 1985. 5 янв. С. 3.
20. Шипилов В. Авторемонтники // Бийский рабочий. 1984. 25 мая. С. 3.
21. Шипилов В. Из жизни Кольки Снегирева // Бийский рабочий. 1988. 27 янв.
22. Исупов В. Века и версты Чуйского тракта // Деловой Бийск. 2010. № 35. С. 8–9.
23. Священник Георгий Крейдун. «Командировка» Сиблага у бона Кор-Кечу на строительстве Чуйского тракта – место мученического подвига иеромонаха Киприяна (Нелидова) // Василий Гришаев. Невинно убиенные. Барнаул, 2004. С. 223–230.
24. Старцев А. Кош-Агач: торговые ворота в Китай // Алтайская правда. 1988. 18 сент.
25. Старцев А.В. Строительство Чуйского тракта во второй половине XIX – начале XX в. // Ползуновский вестник. 2004. № 3. С. 276–282.
26. Грехова Е.А. Чуйский тракт до монгольской границы. Историко-краеведческий очерк. Бийск, 2006. 100 с.
27. Завьялов А.А. Строительство Чуйского колесного тракта в конце XIX – начале XX века: государственная политика и частная инициатива // Мир Евразии. 2008. № 1 (1). С. 51–54.
28. Пустогачева Т.С. Проблемы развития Чуйского тракта в 60–90-е гг. XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 1 (13). С. 41–44.
29. Пустогачева Т.С. История строительства Чуйского тракта в 30-е гг. XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2011. № 1 (7) : в 3 ч. Ч. II. С. 167–170.
30. Пустогачева Т.С. Строительство Чуйского тракта в первой трети XX в.: варианты, дискуссии // Мир Евразии. 2009. № 1 (4). С. 53–57.
31. Малолетко А.М. Чуйский тракт: Времена. Имена. Томск, 2015. 88 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 января 2016 г.

THE HISTORY OF THE CHUYA HIGHWAY: REVIEW OF THE MAIN LITERATURE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 103–107.

DOI: 10.17223/15617793/414/16

Mikhail V. Podrezov, Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russian Federation). E-mail: misha_1101@mail.ru

Keywords: Chuya Highway; Chuya people; road construction; bombs; Siblag.

The article gives the review of the main literature on the history of construction and operation of the Chuya Highway, one of the most important roads in Russia stretched from Novosibirsk to Tashanta on the border with Mongolia. It is possible to allocate three stages of great interest in this subject in scientific and publicistic literature: the second half of the 19th – early 20th centuries; 1970s–1980s; 1990s–2000s. These stages are characterized by interests of researchers in specific plots from the history of the Chuya Highway. Considering the first stage (the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries), a large amount of literature is considered in the review. Authors of these works, as a rule, are travelers across the Altai and the Chuya Highway, engineers-researchers and authorities including A. Printts, E. Zamyatin, V.V. Radlov, G.N. Potanin, N.M. Yadrintsev, V.V. Sapozhnikov, Mr. Ba-ov, N.G. Chmелеv, I.I. Beale. Most works have a descriptive character where the main problems are specified (the road on the bombs, passes, condition of the road etc.). Merchants and travelers on the Chuya Highway faced them. Many authors consider the merchants' role in the functioning of the Highway, and also an urgent need for the fastest transformation of the road for transport with wheels. The second stage (1970s–1980s) is the works of D.I. Tabayev and V.N. Shipilov, Soviet researchers of the Chuya Highway. If Tabayev does attempt to write a full-fledged history of the Chuya Highway (adding class antagonism and ignoring many events), the local historian V.N. Shipilov is the author of a number of small articles on small plots from the Highway history – from Siblag (a correctional labor camp) to the history of a well-known song about the driver Kolka Snegirev. Considering the third stage (1990s–2000s), there are works of prominent modern researchers of the history of the Highway V. Isupov, A.V. Startsev,

E.A. Grekhova, A.A. Zavyalov, T.S. Pustogacheva and A.M. Maloletko. Independently there is a research of Archpriest G. Kreydun showing the destiny of the celibate priest Kipriyan (Nelidov) who was among the prisoners sent for the construction of the Highway in the 1930s. Most of the above authors, mainly, consider the history of the pre-revolutionary period in the history of the road. Pustogacheva also describes in detail the construction of the Chuya Highway in the 1920s–1930s. Small generalizing works were written by E.A. Grekhova and A.M. Maloletko. The author comes to a conclusion that the history of the Chuya Highway is a very popular subject in literature, but previous research does not cover a number of issues. Only the periods from the second half of the 19th to the beginning of the 20th c. and the 1920s–1930s are comprehensively analyzed. Issues concerning maintenance costs, construction technology, and the legendary road capacity demand additional consideration.

REFERENCES

1. Printts, A. (1865) Torgovlya russkikh s kitaytsami na reke Chue i poezdka v g. Khobdo [Russian Trade with China at the Chuya River and the trip to Hobdo]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1:1:2. pp. 1–14.
2. Zamyatin, E. (1871) O torgovle biyskikh kuptsov s kitaytsami i mongolami na Kosh-Agache, v doline reki Chu [On trade of Biysk merchants with the Chinese and the Mongols in the Kosh-Agach, in the valley of the Chu River]. In: *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1871 god* [Memorial book of Tomsk Province for 1871]. Tomsk: Gubernskaya tipografiya.
3. Radlov, V.V. (1871) Torgovye snosheniya Rossii s Zapadnoy Mongoliey i ikh budushchnost' [Trade relations between Russia and Western Mongolia and their future]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu statistiki*. 2. pp. 339–383.
4. Radlov, V.V. (1989) *Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika* [From Siberia. Pages of the diary]. Translated from German by K.D. Tsivina & B.E. Chistova. Moscow: Nauka.
5. Potanin, G.N. (1881–1883) *Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii. V chetyrekh vypuskakh* [Essays on Northwestern Mongolia. In four vols]. St. Petersburg: tipografiya V. Kirshbauma.
6. Yadrintsev, N.M. (2000) *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. Tyumen: Izd-vo Yu. Mandriki.
7. Sapozhnikov, V.V. (1912) *Puti po Russkomu Altayu* [Roads along Russian Altai]. Tomsk: Tipolitogr. Sib. T-va Pechatnogo dela.
8. Ba-ov. (1899) Chuyskiy torgovyy put' v Mongoliyu (Ego nastoyashchee kak v'yuchnogo puti i budushchee kak kolesnogo) [The Chuya trade route to Mongolia (Its present as a pack way, and future as a wheel way)]. *Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoy Rossii*. II (March–April). pp. 74–86.
9. Chmelev, N.G. (1902) Chuyskiy trakt i nasha torgovlya v Kitayskoy imperii [The Chuya Highway and our trade in the Chinese Empire]. *Sibirskiy nablyudatel'*. 5. pp. 23–32.
10. Chmelev, N.G. (1902) Chuyskiy trakt i nasha torgovlya v Severo-Zapadnoy Mongolii i Kitayskoy imperii [The Chuya Highway and our trade in the North-Western Mongolia and the Chinese Empire]. *Sibirskiy nablyudatel'*. 7. pp. 21–26.
11. Beale, I.I. (1903) O provedenii kolesnogo puti ot Ongudaya do Kosh-Agacha po tak nazyvaemomu Chuyskomu traktu [On constructing a wheel road from Ongudai to Kosh-Agach along the so-called Chuya Highway]. In: *Altayskiy sbornik* [Altai collection]. Barnaul: Tipo-Litografiya Glavnogo Upravleniya Altayskogo okruga.
12. Kashintsev, D. (1925) Chuyskiy trakt v Mongoliyu [The Chuya Highway to Mongolia]. *Novyy Vostok*. 8–9. pp. 133–144.
13. Tabaev, D.I. (1969) Iz istorii stroitel'stva Chuyskogo trakta [From the history of the construction of the Chuya Highway]. *Uchenye zapiski*. VIII. pp. 12–22.
14. Tabaev, D.I. (1975) *Chuyskiy trakt* [The Chuya Highway]. Gorno-Altaysk: Alt. kn. izdatel'stvo. Gorno-Alt. otd-nie.
15. Shipilov, V. (1990) Etot surovyy Chuyskiy trakt [This severe Chuya Highway]. *Biyskiy rabochiy*. 8 August. pp. 3.
16. Shipilov, V. (1988) Izyskateli. Novye stranitsy iz zhizni V.Ya. Shishkova [Prospectors. New pages from the life of V.Ya. Shishkov]. *Krasnoe znamya*. 16 September.
17. Shipilov, V. (1986) Perevaly Chuyskogo trakta [The Chuya Highway passes]. *Biyskiy rabochiy*. 20 March. pp. 3.
18. Shipilov, V.N. (1985) Paromy Chuyskogo trakta [The Chuya Highway ferries]. *Biyskiy rabochiy*. 10 December. pp. 2.
19. Shipilov, V. (1985) Tamozhnya. Dokumental'nyy rasskaz [Customs. A documentary story]. *Biyskiy rabochiy*. 5 January. pp. 3.
20. Shipilov, V. (1984) Avtoremontniki [Automechanics]. *Biyskiy rabochiy*. 25 March. pp. 3.
21. Shipilov, V. (1988) Iz zhizni Kol'ki Snegireva [From the life of Kol'ka Snegirev]. *Biyskiy rabochiy*. 27 January.
22. Isupov, V. (2010) Veka i versty Chuyskogo trakta [Ages and miles of the Chuya Highway]. *Delovoy Biysk*. 35. pp. 8–9.
23. Kreydun, G., priest. (2004) "Komandirovka" Siblaga u boma Kor-Kechu na stroitel'stve Chuyskogo trakta – mesto muchenicheskogo podviga ieromonakha Kipriyana (Nelidova) ["Business Trip" of Siblag at Korkechu bom during the construction of the Chuya Highway – a place of martyrdom of priest Cyprian (Nelidov)]. In: Grishaev, V. *Nevinno ubiennye* [Innocent victims]. Barnaul: Barnaul'skaya eparkhiya.
24. Startsev, A. (1988) Kosh-Agach: torgovye vorota v Kitay [Kosh-Agach: a trading gateway to China]. *Altayskaya pravda*. 18 September.
25. Startsev, A.V. (2004) Stroitel'stvo Chuyskogo trakta vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Construction of the Chuya Highway in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Polzunovskiy vestnik*. 3. pp. 276–282.
26. Grekhova, E.A. (2006) *Chuyskiy trakt do mongol'skoy granitsy. Istoriko-kraevedcheskiy ocherk* [The Chuya Highway before the Mongolian border. A local history essay]. Biysk: Izdatel'skiy dom "Biya".
27. Zavyalov, A.A. (2008) Stroitel'stvo Chuyskogo kolesnogo trakta v kontse XIX – nachale XX veka: gosudarstvennaya politika i chastnaya initsiativa [Construction of the Chuya wheel road at the end of the 19th – early 20th centuries: state policy and private initiative]. *Mir Evrazii*. 1 (1). pp. 51–54.
28. Pustogacheva, T.S. (2011) Problemy razvitiya Chuyskogo trakta v 60–90-e gg. XIX v. [Problems of the Chuya Highway development in the 1860s–1890s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1 (13). pp. 41–44.
29. Pustogacheva, T.S. (2011) Istoriya stroitel'stva Chuyskogo trakta v 30-e gg. XX v. [History of the Chuya Highway construction in the 1930s]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 1 (7):II. pp. 167–170.
30. Pustogacheva, T.S. (2009) Stroitel'stvo Chuyskogo trakta v pervoy treti XX v.: varianty, diskussii [The Chuya Highway construction in the first third of the 20th century]. *Mir Evrazii*. 1 (4). pp. 53–57.
31. Maloletko, A.M. (2016) *Chuyskiy trakt: Vremena. Imena* [The Chuya Highway: Times. Names]. Tomsk: [s.n.].

Received: 27 January 2016

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ПРАВО СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВ В ЗАПИСКАХ РОССИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVIII в.

Исследование проведено в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2016–2017 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих 10 университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ (проект № 16-01-0022).

Анализируются сведения российских путешественников (дипломатов, торговцев, ученых), посетивших среднеазиатские государства в XVIII в. (Бухарское и Хивинское ханство и «Ташкентское владение»), о государственном устройстве и правовом регулировании в этих государствах. В отличие от сохранившихся до нашего времени исторических хроник и официальных документов среднеазиатского происхождения (создатели которых были склонны идеализировать политико-правовую ситуацию в своих государствах), российские очевидцы, целью которых было получение объективной информации, описывают реальное положение дел, что позволяет считать их сведения объективными и весьма ценными.

Ключевые слова: Российская империя; ханства Средней Азии; традиционная государственность; мусульманское право; российские путешественники XVIII в.

Изучение политической истории центрально-азиатских государств имеет в России давние традиции. Известно и введено в оборот немало количество источников по истории среднеазиатских ханств. Среди этих источников – исторические сочинения и хроника местных авторов (начиная с современников событий и до авторов первой четверти XX в.), свидетельства иностранных современников, официальные документы (актовые материалы). Таким образом, политическая история среднеазиатских ханств освещена сравнительно неплохо, и исследователи продолжают изучение этих аспектов, опираясь на многочисленные источники – архивные и уже введенные в научный оборот.

Гораздо более скудно освещены вопросы государственного устройства и правового развития ханств – в первую очередь из-за отсутствия аутентичных источников. Нельзя утверждать, что от таких могущественных государств Средней Азии XVIII в., как Бухарское и Хивинское ханства или «Ташкентское владение»¹, до нашего времени не сохранилось правовых документов (как это произошло, например, с такими государствами, как Золотая Орда или Чагатайский улус XIII – начала XVI в.). Но эти документы, равно как и исторические источники среднеазиатского происхождения, на наш взгляд, несколько односторонне освещают правовое развитие ханств Средней Азии.

В самом деле, основными юридическими документами этих государств, сохранившимися до нашего времени от рассматриваемого периода, являются, во-первых, ханские ярлыки, во-вторых, разного рода правовые акты, издававшиеся представителями мусульманской администрации (казийские документы и т.п.). Среднеазиатские монархи старались позиционировать себя как ревностных приверженцев ислама и в своих указах-ярлыках подчеркивали это постоянными отсылками к нормам шариата (пусть даже по своей сути эти указы и противоречили основным принципам мусульманского права). Казии же целиком и полностью основывали свою правоприменительную практику на шариате, что находило прямое отражение и в издаваемых ими нормативных актах. Аналогич-

ным образом придворные авторы среднеазиатских ханов в своих исторических сочинениях стремились поддержать имидж монархов как ревнителей и защитников ислама, а образ государств – как оплота мусульманской веры. Естественно, правовая ситуация в этих правовых документах и исторических сочинениях в значительной степени идеализировалась.

В результате исследователи, работающие с этими текстами, поневоле становятся заложниками стереотипа о том, что политико-правовые отношения в государствах Средней Азии (в первую очередь в Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах) строились исключительно на принципах мусульманской государственности права [1]. При этом практически нет восточных источников, которые позволили бы сформировать представление о том, насколько в этих государствах учитывались старинные местные тюрко-монгольские традиции, в какой степени на их правовое развитие повлияло имперское («чингизидское») прошлое и т.д.

Чтобы хотя бы в некоторой степени преодолеть стереотип о доминировании исключительно мусульманского права в упомянутых ханствах, расширить имеющееся представление об их правовом развитии, необходимо более широко привлекать иностранные источники, а именно свидетельства иностранных современников, лично побывавших, соответственно, в Бухаре и Хиве и / или Коканде и вовлеченных в правоотношения с местным населением. При этом речь идет не о выходцах из других стран мусульманского Востока (ведь и они порой были склонны идеализировать правовую ситуацию в государствах своих единоверцев), а о представителях иной религиозной и правовой культуры. В качестве примера мы намерены рассмотреть записки российских путешественников, большое число которых побывало в XVIII в. в различных среднеазиатских государствах. Так, в Бухарском ханстве побывали посол Петра I Флорис Беневи (1724–1725 гг.), пленный сергент русской армии Филипп Ефремов (1774–1782 гг.), переводчик оренбургской администрации Мендиар Бекчурин (1781 г.), инженер Тимофей Бурнашев и сержант Алексей Без-

носиков (1794 г.). Хивинское ханство посетили тот же Ф. Беневени (1725 г.), поручик Дмитрий Гладышев и геодезист Иван Муравин (1741 г.), купец Данила Рукавкин и оренбургские чиновники Петр Чучалов и Яков Гуляев (1753–1754 гг.), военный врач Егор Бланкеннагель (1793–1794 гг.). В Ташкенте побывали поручик Карл Миллер (1738–1739 гг.), купец Шубай Арсланов (1741–1742 гг.), атаман Дмитрий Телятников и сержант Алексей Безносиков (1796–1797 гг.), инженеры Т. Бурнашев и Михаил Поспелов (1800 г.). Как видим, среди путешественников были дипломаты, торговцы, ученые, причем их миссии нередко преследовали также и научно-исследовательские цели [2. С. 18–22, 26–29].

Записки упомянутых путешественников уже неоднократно использовались исследователями политической истории государств Средней Азии и их отношений с Российской империей – политических, дипломатических, экономических (см., например: [3. С. 60–94; 4. С. 18, 63–68; 5. С. 378–407, 434–435, 454–460; 6. С. 34–89]). Однако, насколько нам известно, они не привлекали внимания в качестве источника о государственности и праве среднеазиатских ханств рассматриваемого периода. Конечно, материалы путешественников отнюдь не содержат целостной и всесторонней характеристики государственной и правовой системы среднеазиатских ханств в рассматриваемый период. Эти сведения отрывочны и в большинстве случаев отражают те сферы правоотношений (и конкретные правоотношения), в которые непосредственно вовлекались авторы. Тем не менее, на наш взгляд, тем ценнее эта информация, поскольку позволяет совместить данные различных авторов, дополнив (а в некоторых случаях и проверив) одни сведения другими.

Кроме того, очень важным моментом представляется и то, что иностранные современники имели дело не с формально действующим законодательством, а с реально применявшимися на практике правовыми принципами и нормами, т.е. «живым» правом, и это существенно повышает ценность их сведений правового характера. Их информация представляется объективной в связи с тем, что, во-первых, ее носители были иностранцами и, соответственно, не были заинтересованы в формировании «мусульманского» имиджа среднеазиатских монархов; во-вторых, будучи дипломатами и нередко разведчиками, они должны были донести до российских властей наиболее правдивые сведения, позволяющие и в дальнейшем эффективно выстраивать отношения с монархами Средней Азии.

Сведения российских путешественников позволяют сделать вывод, что традиционная система власти и управления в ханствах Средней Азии, складывавшаяся столетиями, к XVIII в. находилась в глубоком кризисе, в результате которого «природные ханы» (потомки Чингисхана) все более и более отщесались от власти влиятельными представителями местных элит.

Поначалу этот процесс происходил в форме борьбы разных претендентов-Чингизидов на престол, каждого из которых поддерживали представители влиятельных кланов, в результате чего то или иное ханство фактически раскалывалось надвое. Так, бла-

годаря Ф. Беневени, мы узнаем, что в 1720-е гг. бухарский хан Абулфаиз боролся с претендентом на трон султаном Раджабом, обосновавшимся в Самарканде. Впрочем, и в Хивинском ханстве складывалась аналогичная ситуация: хан Ширгази, занимавший трон в Хиве и поддерживавший претензии своего родственника Раджаба на бухарский трон, сам противостоял претенденту Шах-Тимур-султану, который признавался ханом жителями так называемого Аральского владения, т.е. области с центром в г. Кунград, в течение веков находившихся в оппозиции к столичным властям [7. С. 65, 77–78].

Естественно, претенденты, стремясь привлечь на свою сторону влиятельных сторонников, были вынуждены предоставлять предводителям кочевых кланов различные льготы и привилегии, а также делиться с ними властью. В результате уже в 1740–1770-е гг. фактически управление в среднеазиатских ханствах перешло в руки могущественных родоплеменных вождей, при которых ханы царствовали лишь номинально. Хивинцы вообще стали приглашать на трон представителей разных ветвей Чингизидов – потомков прежних хивинских ханов, казахских и каракалпакских султанов [8. С. 206]. Естественно, такие монархи не имели реальной опоры в Хиве и были вынуждены выполнять волю пригласивших и поддерживавших их представителей местной знати, которые легко могли свергнуть одного хана и пригласить на трон другого [9. С. 94, 96]².

Даже решительные и энергичные монархи, старавшиеся вернуть себе реальную власть, в конечном счете проигрывали в борьбе с влиятельными временщиками. Так, российские посланцы Д. Гладышев и И. Муравин сообщают о попытках властного и амбициозного казахского хана Абулхаира, ставшего в 1740 г. ханом Хивы, взять власть в свои руки и для этого готового сделать ханство даже вассалом Российской империи³. Однако могущественная хивинская знать, преимущественно узбекского происхождения, отрицательно отнеслась к такому решению и готова была признать власть персидского Надир-шаха, как раз в это время осуществлявшего завоевание Средней Азии, но не перейти под власть России. В результате хан, который едва не был арестован и передан персам, предпочел бежать из Хивы, найдя убежище во враждебном ей «Аральском владении» [10. С. 12–15].

В конце 1753 – начале 1754 г. еще один казахский хан Хивы, Каип, попытался избавиться от опеки предводителей узбекского клана мангытов и приказал казнить около 60 членов этого рода. Это привело к восстанию против него родственников казненных, которые сумели объединить в борьбе против хана и хивинских узбеков, и их постоянных противников – население «Аральского владения». Хану удалось сохранить власть, лишь переманив на свою сторону туркменскую знать, для подкупа которой он даже конфисковал деньги и имущество русского каравана под предводительством Д. Рукавкина, П. Чучалова и Я. Гуляева, который в это недоброе время как раз оказался в Хиве [11. С. 70, 74, 88].

В Бухаре ситуация выглядела более стабильной: здесь все же сохранялась видимость правления мест-

ной ханской династии, хотя даже для иностранцев не было секретом, что реальной власти у хана нет. Так, военнопленный Ф. Ефремов, несколько лет вынужденный служить в бухарской армии, отмечал, что хан полностью «подвластен» аталыку [12. С. 130]. А переводчик М. Бекчурин сообщает, что официальный представитель Бухарского ханства, ведший с ним переговоры в 1781 г., прямо ему заявил, «что хан у них никакой власти не имеет, а правит всеми делами аталык Даниял-бий Мангыт. Он властен хана пожаловать и разжаловать, а только де держут хана для одного виду». Соответственно, все ключевые должности были заняты родственниками и сторонниками Данияла [13. С. 301].

Однако наиболее радикально повели себя подданные казахских ханов Старшего жуза, правивших в первой половине XVIII в. в Ташкенте. Согласно сообщениям К. Миллера и Ш. Арсланова, представители местной элиты, надеясь на покровительство западно-монгольского Джунгарского ханства, убили хана Жолыбарса, а его соправителя Жаубасара изгнали из города, после чего власть надолго перешла в руки местного «магистрата» в составе нескольких сановников, осуществлявших власть коллегиально [14. С. 45; 15. С. 89–90]. Кажется, это был первый в истории Средней Азии случай, когда потомки Чингисхана отстранялись от трона не в пользу своих родственников, а представителей другой династии. Даже когда власть «магистрата» пала, монархи-Чингизиды не вернули себе Ташкент: трон занял потомок одного ташкентского сановника Юнус-ходжа, установивший теократическую монархию, в которой, впрочем, сочетались элементы как мусульманской, так и тюрко-монгольской государственности.

Поскольку к числу основных целей российских миссий в ханствах Средней Азии относились установление и развитие торговых связей, путешественники много внимания уделяли вопросу регулирования торговой деятельности и налогообложению. Традиционный торговый налог, еще со времен Монгольской империи и Золотой Орды известный под названием «тамга», взимался в ханствах Средней Азии и в XVIII в. под видом «подати по промыслу» (в мусульманской правовой традиции – *зьякет*), стандартная ставка которой была 1/40, или 2,5% от стоимости товаров или производимой ремесленной продукции [7. С. 72; 13. С. 304; 15. С. 140; 16. С. 100]. В качестве дополнительного дохода в ханскую казну существовала особая пошлина за размещение товаров на складах при караван-сараях [16. С. 73]. И если в Бухаре и Хиве существовали более-менее фиксированные ставки подобных налогов, то в Ташкенте (особенно при Юнус-ходже) эти ставки могли устанавливаться по усмотрению правителя, а сами сборщики, пользуясь неопределенностью налогового регулирования, в свою очередь могли взимать с плательщиков столько, сколько считали нужным, а также не сдавать полностью собранное в казну правителя [17. С. 167; 18. С. 139–140].

Наряду с торговыми пошлинами в среднеазиатских ханствах взимались налоги с земли и урожая (в мусульманской правовой традиции – *харадж*, в тюрко-монгольской – *тагар*), традиционно составлявший 1/10 от урожая. Кочевники платили традиционный

для тюрко-монгольского общества сбор («копчур») в размере одной головы скота со 100 голов [13. С. 304; 16. С. 100; 18. С. 140]. Особыми налогами облагались иноверцы: В Бухаре взималась подушная подать с евреев, составлявшая 35 таньга в год (скорее всего, речь идет и *джизье* – налоге с немусульманских подданных в государствах ислама) [13. С. 304; 16. С. 66]. Ташкентский правитель Юнус-ходжа, пользуясь своим статусом не только светского, но и духовного лидера, мог позволить вводить новые налоги и сборы, формально не предусмотренные шариатом, в результате в Ташкенте взимались также сбор с домов («налог на недвижимость», 2,5 таньга в месяц), брачный сбор (25 таньга); города, подчиняющиеся Ташкенту, вносили дань тканями и халатами [17. С. 167; 18. С. 139–140].

Также российские очевидцы обращали внимание на то, что принципы договоров в среднеазиатской торговле не действуют. Покупатель мог взять товар и, не расплатившись за него полностью, вернуть прежнему владельцу в течение любого срока, даже через три года – и суд в этом случае примет решение в его пользу [7. С. 71; 16. С. 80–81].

Сами же суды представляли собой сложную систему, причем далеко не всегда подданные среднеазиатских монархов обращались в суд казиев, судивших на основе шариата. Высшей инстанцией традиционно являлся сам монарх (или временщик), формально следовавший принципам мусульманского права, но фактически выносивший решения на основе собственно го усмотрения [11. С. 70; 13. С. 301; 18. С. 138].

Казийские суды являлись основной инстанцией для оседлого населения Средней Азии («сартов»), тогда как у кочевников споры решали выборные судьи (*бии*) на основе обычного права. Попытки навязать один вид суда тем, кто отдавал предпочтение другому, порой приводили к острым конфликтам. Так, К. Миллер называет в качестве повода для убийства ташкентского хана Жолыбарса его «неправый суд» [14. С. 45]: по всей видимости, речь идет о попытках казахской правящей верхушки привнести в судебную практику Ташкента принципы суда на основе обычного права тюрко-монгольских кочевников.

Учитывая сложность и запутанность судебной системы, не приходится удивляться тому, что в среднеазиатских ханствах не было четкого представления о видах преступлений и принципах наказания за них. Хань (а в Бухаре и аталык), как правило, рассматривавшие наиболее серьезные преступления, в том числе государственную измену, убийства, фальшивомонетничество, чаще всего приговаривали к смертной казни – мужчин обычно вешали (нередко предварительно перерезав горло), а женщин забивали камнями. По сведениям Т. Бурнашева, уже в конце XVIII в. в Бухаре также практиковалось сбрасывание с минарета [11. С. 70; 12. С. 135; 16. С. 97; 17. С. 176]. За менее тяжкие преступления (нарушение религиозных установлений, мелкие кражи, обмеривание и обвешивание, неуплата налогов и т.п.) судили либо ханские чиновники, или судьи-казии, как правило, выносившие приговоры, связанные с телесными наказаниями и штрафами [16. С. 67; 18. С. 138–139].

Тюремное заключение (печально известные зинданы и «змеиные ямы», ярко описанные западными путешественниками по Средней Азии XIX в.) в XVIII в., по-видимому, не получило еще широкого распространения: российские очевидцы о нем не упоминают, а единственными, кто оказывался под стражей, как ни странно, бывали обычно они сами. Так, П. Чучалов и Я. Гуляев были размещены в Хиве «на квартире», но под караулом из девяти стражников, жестко пресекавших их попытки выйти в город [11. С. 72]. Точно так же под караулом находился и врач Е. Бланкеннагель, посетивший Хиву с целью оказания медицинской помощи дяде могущественного временщика Аваз-бия, при этом стражникам было велено не только не выпускать самого медика, но и не пропускать к нему никого из русских пленников, пребывавших в это время в Хиве [9. С. 87].

Довольно противоречивые сведения приводят российские путешественники относительно семейно-правовых отношений. Так, Ф. Ефремов отмечает, что развод в Бухаре очень прост: «И буде жена не полюбится мужу, то скажет: „мне тебя совсем не надобно“, а буде дом собственный его, то жен из него выгоняют, после чего дни через два или три женятся на другой. И ежели в том несогласии дойдет до суда, то и суд скажет, что ежели жена не полюбила, можно жениться на другой» [12. С. 144]. А.Т. Бурнашев дает совершенно другую картину: «Если муж не имеет к своей жене супружеской склонности, то наказывается духовным покаянием, иногда же и телесно. <...> Они [женщины. – Р.П.], приходя к судье, снимают башмак с правой ноги и кладут его перед ним, оборотя вверх подошвою. Судья знает уже, в чем состоит дело, и потому, не тревожа стыдливости просительницы, тот же час посылает за виновным, делает ему пристойный выговор и старается советом или наказанием обратить к порядочной жизни и восстановить согласие между мужем и женой». Сообщает он также, что за супружескую неверность могли приговорить к смертной каз-

ни [16. С. 92]. Надо полагать, подобное ужесточение ответственности за нарушения в семейной сфере по сравнению с ситуацией пятнадцатилетней давности, описанной Ф. Ефремовым, связано с тем, что в это время аталыком Бухары являлся уже не Даниял-бий, а его сын Шах-Мурад (прав. 1785–1800), всячески старавшийся увеличить значение норм шариата в политической и общественной жизни⁴. Вместе с тем нельзя не отметить, что и в этот период узбекские женщины, как видим, могли сами защищать свои интересы в суде – это дает основание полагать, что, наряду с шариатом, в семейно-правовых отношениях сохранялись и элементы обычного тюрко-монгольского права.

Таким образом, записки российских дипломатов являются весьма ценным дополнением к официальным восточным источникам – хроникам, историческим сочинениям, актовым материалам, содержащим сведения об особенностях государственного устройства и правового развития среднеазиатских ханств в XVIII в. Их главная ценность заключается в отражении политико-правовых реалий, а не официальной придворной идеологии, характерной для трудов среднеазиатских сановников и придворных историков.

На основании их сведений можно сделать вывод, что в ханствах Средней Азии, несмотря на официальный статус в них мусульманского права как единственной правовой системы, довольно широко применялись нормы и принципы обычного права тюрко-монгольских кочевников, а также нормы «ханского права», частично унаследованные от прежних государств Чингизидов, частично вновь установленные в результате волеизъявления среднеазиатских монархов. Эта особенность государственного и правового развития Бухарского и Хивинского ханств, а также и «Ташкентского владения» сохранялась не только в правление потомков Чингис-хана (пусть даже и номинальное), но и после того, как на рубеже XVIII–XIX вв. их официально сменили на троне представители других правящих династий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под названием «Ташкентского владения» в XVIII – начале XIX в. фигурировало обширное государство, сначала управлявшееся казахскими ханами, а затем сменившими их правителями среднеазиатского происхождения, которые не носили ханского титула: в официальной русской документации и последующей историографии они фигурировали как «владельцы».

² Неслучайно политическая ситуация в Хиве 1740–1770-х гг. получила в восточной историографической традиции меткое название «ханбази», т.е. «игра в ханы».

³ Сам Абулхаир являлся первым из казахских правителей, признавших сюзеренитет Российской империи: в 1731 г. возглавляемый им Младший жуз вошел в состав России.

⁴ Характеристику Шах-Мурада и его деятельности см., например: [19. С. 50, 52].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лунев Ю.Ф. Государство и право узбекских ханств с XVI по XIX век. М. : АСТ, 2004. 216 с.
2. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию / сост. О.В. Маслова. Ташкент : Изд-во САГУ, 1955. Ч. I. 1715–1856. 83 с.
3. Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. 215 с.
4. Михалева Г.А. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Ташкент : Фан, 1982. 92 с.
5. Ниязатов М. Россия в сердце Азии: диалог цивилизаций (IX–XVIII вв.). СПб. : Петербургское Востоковедение, 2013. 512 с.
6. Соколов Ю. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент : Узбекистан, 1965. 190 с.
7. Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М. : Наука, 1986. 159 с.
8. Описание пути от Оренбурга к Хиве и Бухарам с принадлежащими обстоятельствами бывшего при отправленном в 1753 году из Оренбурга в те места купеческом караване Самарского купца Данилы Рукавкина // Московский любопытный месяцеслов на 1776 год. М. : Моск. ун-т, 1776. С. 203–214.
9. Путевые заметки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793–1794 гг. / прим. В.В. Григорьева // Вестник Императорского Русского географического общества. 1858. Ч. XXII, вып. 3. Отд. 2. С. 87–116.

10. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах Гладышевым и Муравиным / изд. Я.В. Ханьков. СПб., 1851. 85 + 4 с.
11. К истории наших сношений с Хивой. Донесение переводчика Гуляева и канцеляриста Чучалова канцелярии Оренбургского губернатора о прибытии их в Хиву, о событиях, происходивших в это время в Хивинском ханстве, и о стеснениях, каким они подвергались по распоряжению хана / сообщ. А. Добросмыслова // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год XIV. Ташкент, 1910. С. 69–81.
12. Российского унтер-офицера, который ныне прапорщиком, девятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим в Санкт-Петербурге 1784 года // Русская старина. 1893. Т. LXXIX, вып. 7. С. 125–149.
13. Журнал, учиненный с описанием из держанных коллежским регистратором и переводчиком Мендиаром Бекчуриним во время путешествия по порученной ему секретной экспедиции в Бухарию по возвращению в Оренбург записок лежащему тракту (Посольство переводчика Бекчурина в Бухару в 1781 году) / пред. С. Жуковского // Восточный сборник. СПб., 1916. Кн. II. С. 273–340.
14. Материалы поездки поручика Пензенского гарнизонного пехотного полка Карла Миллера и геодезиста подпоручика Алексея Кушелева с торговым караваном из Оренбурга в Ташкент (29 августа 1738 г. – 5 июня 1739 г.) // Восточный сборник. СПб., 1916. Кн. II. С. 32–55.
15. «Сказка» вятского купца татарина Шубая Арасланова о его поездке с торговым караваном в 1741–1742 гг. в Ташкент // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Алматы : Дайк-Пресс, 2007. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века. С. 86–100.
16. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары и обратно в 1795 году / подг. Г. Спасским // Сибирский вестник. 1818. № 2. С. 37–74; № 3. С. 75–110.
17. Материалы поездки казачьего атамана подпоручика Дмитрия Телятникова и сержанта Алексея Безносикова с Иртышской линии в Ташкентское владение к правителю Юнус-ходже (30 мая 1796 г. – 23 июля 1797 г.) // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Алматы : Дайк-Пресс, 2007. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века. С. 153–179.
18. Непубликованные записки о поездке горных чиновников Т.С. Бурнашева и М.С. Пospelova через Казахскую степь и Ташкент в 1800 г. / подгот. к изд. Б.Т. Жанаева // История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Караганда : Экожан, 2013. Вып. 3. С. 114–169.
19. Мирза Абдал'Азим Сами. Та'рих-и салатин-и мангитийа (История мангытских государей) / пер. Л.М. Епифановой. М. : Наука, 1962. 182 + 152 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 декабря 2016 г.

THE STATE STRUCTURE AND LAW OF CENTRAL ASIA KHANATES IN THE NOTES OF RUSSIAN TRAVELERS OF THE 18TH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 108–113.

DOI: 10.17223/15617793/414/17

Roman Yu. Pochekaev, Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ropot@mail.ru

Keywords: Russian empire; Central Asia Khanates; traditional state; Islamic law; Russian travelers of the 18th century.

The article is an analysis of the political and legal situation in Central Asian khanates of the 18th c. as it was described by Russian travelers. The aim of the research is to clarify if the Islamic political and legal tradition was in fact the only normative base to regulate social relations in Central Asia as it is stated in the official legal documents and court historical chronicles of these khanates. The sources the author of the article used are travel notes and reports of Russian travelers (diplomats, traders, scientists) who visited Central Asian states in the 18th c.: Florio Beneveni (Bukhara and Khiva, 1724–1725), Karl Miller (Tashkent, 1738–1739), Dmitriy Gladyshev and Ivan Muravin (Khiva, 1740–1741), Shubai Arslanov (Tashkent, 1741–1742), Danila Rukavkin, Pyotr Chuchalov and Yakov Guliyev (Khiva, 1753–1754), Philip Efremov (Bukhara, 1774–1782), Mendiary Bekchurin (Bukhara, 1781), Egor Blankenagel (Khiva, 1793–1794), Timofei Burnashov (Bukhara, with Alexei Beznosikov, 1795, and Tashkent, with Mikhail Pospelov, 1800), Dmitriy Telyatnikov and Alexei Beznosikov (Tashkent, 1796–1797). Our knowledge about the state structure of the Central Asian khanates of the 18th c. is based mainly on the information of Central Asian chronicles, but their authors (court historians and officials) often embellished the real situation. As for the law of these states during this period, it is described poorly and not impartially as main sources on it are official documents of khans' chancelleries and the judicial practice of Shariat courts (cadis); they make an impression that the norms of Islamic law were the only legal base in these states. But if we use the information of Russian travelers in Bukhara, Khiva and Tashkent of the 18th c., we could find quite a different situation. Most of their notes were already used by historians as sources on the political history of Central Asia and its relations with Russia, but still were not studied as a source on the state structure and law of these khanates. Meanwhile, these notes contain valuable and sometimes unique information on specific features and problems of the state structure and the legal system. Russian witnesses wrote about the weakness of khans' (descendants of Genghis Khan) power, the influence of powerful high officials and tribal leaders, the problems in relations between central and local authorities as well as between khans' administration and nomadic subjects of khanates who regularly recognized their vassalage to khans nominally. Diplomats and traders gave detailed characteristics of the legal regulation of trade, of the taxation system in the khanates. They also described the judicial system, where courts on the basis of customary law and khans' courts widely functioned, as well as Islamic courts of cadis. Several travelers gave interesting information on the system of crimes and punishments. On the basis of the information of Russian travelers the author finds that the Central Asian khanates of the 18th c. widely used not only Islamic principles of governance, legal regulation and court procedure but also customs of Turkic-Mongol nomads and khans' legislation.

REFERENCES

1. Lunev, Yu.F. (2004) *Gosudarstvo i pravo uzbekskikh khanstv s XVI po XIX veka* [State and law of the Uzbek khanates from the 16th to the 19th centuries]. Moscow: AST.
2. Maslova, O.V. (1955) *Obzor russkikh puteshestviy i ekspeditsiy v Srednyuyu Aziyu* [Review of the Russian travels and expeditions to Central Asia]. Vol. 1. Tashkent: Central Asian State University.
3. Zhukovskiy, S.V. (1915) *Snosheniya Rossii s Bukharoy i Khivoy za poslednee trekhstolietie* [Russia's relations with Bukhara and Khiva in recent tercentenary]. Petrograd.
4. Mikhaleva, G.A. (1982) *Torgovye i posol'skie svyazi Rossii so sredneaziatскими khanstvami cherez Orenburg (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [Trade and ambassadorial ties with the Central Asian khanates of Russia via Orenburg (second half of the 18th – first half of the 19th centuries)]. Tashkent: Fan.

5. Niyazmatov, M. (2013) *Rossiya v serdtse Azii: dialog tsivilizatsiy (IX–XVIII vv.)* [Russia in the heart of Asia: dialogue of civilizations (9th–18th centuries)]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
6. Sokolov, Yu. (1965) *Tashkent, tashkenttsy i Rossiya* [Tashkent, its residents and Russia]. Tashkent: Uzbekistan.
7. Volovnikov, V.G. (ed.) (1986) *Poslannik Petra I na Vostoke. Posol'stvo Florio Beneveni v Persiyu i Bukharu v 1718–1725 godakh* [The Messenger of Peter I in the East. Mission of Florio Beneveni to Persia and Bokhara in 1718–1725]. Moscow: Nauka.
8. Rukavin, D. (1776) *Opisanie puti ot Orenburga k Khive i Bukharam s prinadlezhashchimi obstoyatel'stvy byvshego pri otpravlennoy v 1753 godu iz Orenburga v te mesta kupecheskom karavane Samarskogo kuptsa Danily Rukavkina* [Description of the route from Orenburg to Khiva and Bukhara in details by Samara merchant Danil Rukavkin, part of a merchant caravan sent in 1753 from Orenburg to those places]. In: *Moskovskiy lyubopytnyy mesyatseslov na 1776 god* [Moscow curious almanac for 1776]. Moscow: Moscow University.
9. Blankennagel. (1858) *Putevye zametki mayora Blankennagelya o Khive v 1793–1794 gg.* [Travel notes of Major Blankennagel of Khiva in 1793–1794]. *Vestnik Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. XXII:3:2. pp. 87–116.
10. Khanykov, Ya.V. (1851) *Poezdka iz Orska v Khivu i obratno, sovershennaya v 1740–1741 godakh Gladyshevym i Muravinyam* [The trip of Gladyshev Muravin from Orsk to Khiva and back, 1740–1741]. St. Petersburg: tipografiya ministerstva vnutrennikh del.
11. Dobrosmyslov, A. (1910) *K istorii nashikh snosheniy s Khivoy. Donesenie perevodchika Gulyaeva i kantselyarista Chuchalova kantselyarii Orenburgskogo gubernatora o pribytii ikh v Khivu, o sobytiyakh, proiskhodivshikh v eto vremya v Khivinskom khanstve, i o stesneniyakh, kakim oni podvergalis' po rasporyazheniyu khana* [On the history of our relations with Khiva. A report of the interpreter Gulyaev and the clerk Chuchalova of the Governor of Orenburg on their arrival to Khiva, the events that took place at this time in the Khiva Khanate, and on oppression they had experiences by the order of the Khan]. *Protokoly zasedaniy i soobshcheniya chlenov Turkestanskogo kruzhka lyubiteley arkheologii*. XIV. pp. 69–81.
12. Anon. (1893) *Rossiyskogo unter-ofitsera, kotoryy nyne praporshchikom, devyatiletnee stranstvovanie i priklyucheniya v Bukharii, Khive, Persii i Indii i vozvrashchenie ottuda cherez Angliyu v Rossiyu, pisannoe im samim v Sankt-Peterburge 1784 goda* [A story by a Russian non-commissioned officer, a warrant officer now, of the nine years of wandering and adventure in Bukhara, Khiva, Persia and India, and return to Russia via England, written by him in St. Petersburg, 1784]. *Russkaya starina*. LXXIX:7. pp. 125–149.
13. Anon. (1916) *Zhurnal, uchinennyy s opisaniem iz derzhannykh kollezhskim registratorom i perevodchikom Mendiarm Bekchurinyam vo vremya puteshestviya po poruchennoy emu sekretnoy ekspeditsii v Bukhariyu po vozvrashcheniyu v Orenburg zapisok lezhashchemu traktu (Posol'stvo perevodchika Bekchurina v Bukharu v 1781 godu)* [Journal compiled with the description of the notes of the collegiate registrar and interpreter Mendiarm Bekchurin on his secret expedition to Bukhara after his return to Orenburg (Mission of interpreter Bekchurin to Bukhara in 1781)]. *Vostochnyy sbornik*. II. pp. 273–340.
14. Anon. (1916) *Materialy poezdki poruchika Penzenskogo garnizonnogo pekhotnogo polka Karla Millera i geodezista podporuchika Aleksey Kuseleva s torgovym karavanom iz Orenburga v Tashkent (29 avgusta 1738 g. – 5 iyunya 1739 g.)* [Materials of the trip of Lieutenant Karl Miller of the Penza Infantry Garrison and of the surveyor Lieutenant Alexei Kuselev with a trade caravan from Orenburg to Tashkent (August 29, 1738 – June 5, 1739)]. *Vostochnyy sbornik*. II. pp. 32–55.
15. Tasmagambetov, I.N. (2007) “Skazka” vyatskogo kuptsa tatarina Shubaya Araslanova o ego poezdke s torgovym karavanom v 1741–1742 gg. v Tashkent [A “tale” of the Vyatka merchant Tatar Shubay Araslanov on his trip to Tashkent with a trade caravan in 1741–1742]. In: *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov* [History of Kazakhstan in the Russian sources of the 16th–20th centuries]. Vol. 6. Almaty: Dayk-Press.
16. Spasskiy, G. (1818) *Puteshestvie ot Sibirskoy linii do goroda Bukhary i obratno v 1795 godu* [Travel from the Siberian line to the city of Bukhara and back in 1795]. *Sibirskiy vestnik*. 2. pp. 37–74; 3. pp. 75–110.
17. Tasmagambetov, I.N. (2007) *Materialy poezdki kazach'ego atamana podporuchika Dmitriya Telyatnikova i serzhanta Aleksey Beznosikova s Irtyshskoy linii v Tashkentskoe vladenie k pravatelyu Yunus-khodzhe (30 maya 1796 g. – 23 iyulya 1797 g.)* [Materials of the trip of Cossack Ataman Lieutenant Dmitry Telyatnikov and Sergeant Alexei Beznosikov from the Irtysh line to Tashkent to the ruler Yunus-Hodge (May 30, 1796 – July 23, 1797)]. In: *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov* [History of Kazakhstan in the Russian sources of the 16th–20th centuries]. Vol. 6. Almaty: Dayk-Press.
18. Zhanaeva, B.T. (2013) *Neopublikovannyye zapiski o poezdke gornyykh chinovnikov T.S. Burnasheva i M.S. Pospelova cherez Kazakhskuyu step' i Tashkent v 1800 g.* [Unpublished notes about the trip of mountain officials T.S. Burnashev and M.S. Pospelov through the Kazakh steppe and Tashkent in 1800]. In: *Istoriya Kazakhstana v dokumentakh i materialakh: Al'manakh* [History of Kazakhstan in documents and materials: Almanac]. Vol. 3. Karaganda: Ekozhn.
19. Abdal'Azim Sami, M. (1962) *Istoriya mangytskikh gosudarey* [History of Mangyt sovereigns]. Translated by L.M. Epifanova. Moscow: Nauka.

Received: 08 December 2016

ИЗГОЙСТВО И МАРГИНАЛЬНОСТЬ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Рассматривается проблема использования понятия маргинальности в исторической науке. Исследуется феномен изгойства в социальном пространстве Древней Руси, изучается возможность рассмотрения изгойства как проявления маргинальности. Приводятся факты положительного отношения к князьям-изгоям летописцев и населения. Делается вывод о влиянии христианских установок на изменения в поведении мелких князей, а также о затруднениях в принятии этих установок более сильными. Проводится мысль о продуктивности понятия маргинальности в изучении средневековой истории.

Ключевые слова: маргинальность; изгойство; девиация; чужак; княжеские усобицы; князья-изгои.

Понятийный аппарат историка меняется не только в связи с полученным новым знанием, но и, в большей степени, под влиянием мировоззрения настоящего времени. «Феодализм», «ментальность», «феномен», «казус» один за другим вторгаются в наше исследовательское поле, уходят или остаются. Но есть и другие понятия, рожденные самой эпохой. Они тоже приходят и уходят. И возникает вопрос, что они могут дать исследователю? Какую пользу могут принести для изучения, например Древней Руси, чуждые эпохе, но близкие по значению современные понятия и концепты?

Изгойство – древнее понятие, претерпевшее за свою многовековую историю серьезную эволюцию в сторону расширения первоначального смысла. Изгой – отщепенец, лишённый рода насильно, первоначально «выжитый из рода, не пользующийся уходом» [1]. Сравнимо с сербохорватским изрод, «выродок» [Там же]. Изгой означает буквально «лишенный жизненной силы рода, традиции, а значит, и права на жизнь». Слово «изгой» того же корня, что и жизнь, жити (только в другой огласовке).

В церковном уставе князя Всеволода сказано: «Изгои трои: попов сын грамоте не умеет, холоп из холопства выкупится, купец одождает; а се и четвёртое изгойство и к себе приложим: аще князь осиротеет», т.е. лишится владений [2. С. 157]. Эти лица относятся к числу поставленных под особое покровительство церкви. Н.В. Калачов, исходя из того, что Русская Правда назначает плату за убийство только в том случае, когда нет мстителя за убитого, видит в изгоях людей, вышедших вследствие преступления, удали или по иной причине из рода и потому лишенных защиты рода. При господстве родовых отношений такой человек стоял вне закона [3. С. 57].

В.В. Колесов сближает понятие «изгой» с понятием «сиротство». Сирота (от древнего корня сир-) – человек без рода и племени, т.е. «лишенный родных, близких». Один из первых новгородских епископов (XI в.) Лука Жидята просил владетелей «к сиротам своим быть милостивыми» – как бы сверху, с амвона, внемля богу, призывал господ к милосердию. В XIV в. в берестяных грамотах находим и самоучительные характеристики их авторов, такие как «горюн» и «сирота» [4. С. 183]. По мнению А.Е. Преснякова, в XV в. слово «сирота» уже стало термином, которым заменили старое слово «изгой» [5. С. 48]. Но сирота не имел средств к существованию (отчины и дедины), изгой же не имел рода, родства и Родины,

почему изгоем со временем стали называть человека, стоящего вне закона. «“Изгой” известен издавна, изгои были и в родовом обществе, а вот “сирота” в социальном средневековом смысле – порождение нового общественного быта» [4. С. 184], считал В.В. Колесов. Однако нам такое разделение кажется несколько искусственным, и вот почему. На протяжении истории Древней Руси эти понятия часто смешивались и упоминались в одном ряду. Например, Б.Д. Греков считал изгоев всего лишь определённой категорией зависимых крестьян [6. С. 247–255]. Возможно, одно время изгоем считался общинник, лишённый земли, но не лишённый свободы и личных прав. И дальнейший путь изгоев мог быть разным: кто-то рвал общинные связи, чтобы вступить в дружину, кто-то попадал на крестьянскую работу во владения знати [7. С. 19]. Как отмечал И.Я. Фроянов, изгои могли быть как зависимыми, так и свободными, «изгойство Пространной Правды – не рудиментарное наследие старины, а жизнеспособный социальный феномен, вскормленный современностью» [8. С. 279]. По мнению М.Б. Свердлова, «изгойство, вероятно, было широким, охватывающим различные социальные группы явлением» [9. С. 188]. Свердлов полагал также, что изгои – это не название особой социальной категории, а общее обозначение группы людей, меняющих общественное положение [Там же. С. 189]. Сходной точки зрения придерживался А.В. Майоров, утверждавший, что «изгои совершенно особая общественная категория, не имеющая, в отличие от остальных общественных групп, определенной социально-ролевой основы» [10. С. 30–42].

Относительно категории «людей» исследовал проблему изгойства А.В. Скобелев. С его точки зрения, «в период социального “одиночества”, когда людин был “изжит” из одного коллектива, но еще не поступил в другой, он и был изгоем. Несмотря на равную виру, людин по своему социальному статусу стоял гораздо выше, чем изгой, который потенциально являлся закупом или холопом как в родственном коллективе, так и в церковной организации или в княжеском хозяйстве» [11. С. 19]. Принимая тезис о «социальном одиночестве», все же нужно отметить, что средой людинов понятие изгойства не исчерпывалось.

Если рассматривать этимологию, интересна близость слову «изгой» слова «изверг» (изверег). Извергом назывался: 1) выкидыш, мертворожденный ребенок; 2) отверженный, изгой. В Псалтыри XV в. говорится: «Извергов от ложесн церква». В Книге бесед

Аввакума: «Над всем всех любовью окрыляй, мняся яко изверг от всех» (1675 г.). В Повести об Ульяне Осорьбиной: «Но убо наставит мя честная и милостливая она душа и вразумит мя, своего сына по плоти, по духу же рабичища или некоего изверга и непотребна, еже вообразите о ней слово» (XVII в.). Изверг сравнимо также с выверг, изворог, извраг [12. С. 109].

У слов «изгой» и «изверг» много общего. Так, изгойством называли: 1) положение, состояние изгоя; 2) плату, выкуп (за выход из холопства): «И се паки горее всего емлющим изгойство на искупающихся от работы» [13. С. 842]; «Иже кто выкупается на свободу, то толико же дать на себе, колико же дано на нем; потом же, будя свободен ти добуде детей, то начнут имати изгойство на низ: то обрящутся продающе кровь неповинну» [Там же. С. 843]. Извергати и изверзати – то же, что и изгонять, лишать сана: «Аще ли который от тех игумен, или поп, или чернец иметь отыматися мирьскими властелины от святителя, такового божественная правила извергають и отлучають» (1392 г.) [14. С. 229]. «[Патриархи] извергають его [Никона] из архиерейства, что ему к тому архиерейская не действовати» (1666 г.). Извергнути и изверзнути – то же, что изгнать, выгнать, грубо удалить: «Мних аще прекословит игумену своему, да изверзнуть его из монастыря» (XV в.) [12. С. 109].

Конечно, изменения слов, их преобразования и плохое состояние источников не позволяют нам с уверенностью говорить о изначальных значениях всех этих слов, о их точном значении для каждого конкретного периода истории Руси. Однако вполне представим общий характер рассмотренных слов и понятий. То есть изгой, изверг, раб, сирота, враг и непотребный на Руси обнаруживают определённое типологическое сходство. Это сходство – в соотношении с чужим, с чужаком, с отделением от других, с одиночеством и отрицательной оценкой общества. «Свой – всегда свой, он указывается без всякой оценки и уточнений... Чужак же всегда имел оценочные определения. Собственно, именно с подобных оценочных признаков позднее и “снимается” представление о чужом – это диво “чуждое”, чудо-юдо по началу, а потом и “странное” (ибо приходит с чужой стороны), а позже ещё и “кромешное”, ибо таится в “укромё” и “окромё” нас, т.е. вне нашего мира – кромешная сила, опричное зло (“опричники”), которых остерегаются как чужого, странного, кромешного, чуждого. Но как ни расширяется мир в глазах человека, в этом мире всегда остаётся нечто – чужое, неясное, что в сознании и отмечают тёмной краской» [4. С. 169].

Этот чуждый мир очень разнообразен, не зря его представители имеют столько имён. И всё-таки его можно свести к всего двум значительным группам, они достаточно хорошо различимы. Первая группа – это те, кто находятся в оппозиции к обществу, чья позиция по этому поводу по большей мере ясна. Сюда можно отнести врагов, разбойников, всех, кто стремится к разрушению общества, привнесению в него беспорядка. Наиболее близким социологическим термином здесь будет *девиация*, т.е. противопоставление себя обществу. «Девиантность – в упрощённом понимании – поведение, идущее вразрез с основными

нормами, принятыми в конкретном обществе или группе, в рамках которых такое поведение проявляется» [15]. Девиация всегда ситуативна и контекстуальна. «Девиантное (отклоняющееся) поведение – действия, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе (социальной группе) нормам и ожиданиям и приводящее нарушителя к изоляции, лечению, исправлению и наказанию. Ряд исследователей, вслед за Э. Дюркгеймом, считают, что при нормальных условиях функционирования социальной организации девиантное поведение встречается не так уж часто, но в условиях социальной дезорганизации, когда нормативный контроль ослабевает, возрастает вероятность проявления девиации. К таким ситуациям можно отнести стресс, внутригрупповые и межгрупповые конфликты, резкие изменения в обществе» [16. С. 98].

Девиантное поведение можно наблюдать как в современном обществе, так и в средневековом. Во всех случаях оно характеризуется сознательным и демонстративным нарушением норм общества, игнорированием его ценностей, разрушительными тенденциями. Вторую группу составляют индивиды лишь частично десоциализированные, возможно, исключённые из своей страты, но отнюдь не считающие себя «сопротивниками» самому обществу. Эти индивиды скорее желают не разрушить общественный порядок, а найти своё место в нём. Это и изгой, и сирота, и выкупившиеся рабы. Перечень можно продолжать очень долго, но каким словом, понятием можно охватить их все? Древнерусские понятия, очень чёткие семантически, сильно затрудняют поиск. Да и имеет ли это смысл, если для современности такое понятие уже найдено и, более того, широко употребляемо. Это – понятие *маргинальности*. Оно выгодно отличает акцент на мировоззрении, поиске идентичности в момент кризиса, связанного с неопределённостью своего положения, неудовлетворенностью им. Другими словами, маргинальность можно выразить как кризисное состояние неуверенности, неопределённости или самоопределения человека в мире [17]. Отождествив изгойство с маргинальностью, применительно к средневековым крестьянам, мы можем лучше понять, почему речь всякий раз идет о понижении статуса, если об имущественном или правовом поражении говорить однозначно сложно. Или, наоборот, почему потеря родового имущества ставит князя в положение изгоя (маргинала) относительно своего рода.

В историографии вопрос о княжеском изгойстве был поставлен С.М. Соловьёвым. У него изгоем назывался князь, лишившийся старшинства в родовой лестнице [18]. Однако некоторым исследователям существование такого порядка наследования представляется сомнительным [19. С. 154; 20. С. 143]. Коль скоро в представлениях современников такой лестницы трудно обнаружить, то можем ли мы говорить о князьях-изгоях? Вполне возможно, что под это понятие необходимо подвести новое основание. Князем-изгоем, на наш взгляд, следует называть такого князя, который считал себя (и воспринимался окружающими) обделённым достоянием династии. Под достоянием здесь следует понимать, прежде всего, символический ка-

питал, хотя он и был напрямую связан с реальным богатством и размером надела. Большую роль в занятии столов играл субъективный фактор, многое зависело от личного характера и удачливости князей.

Обычно явление изгойства видят уже после смерти Владимира, при отделении Полоцкого княжества в пользу Изяслава, старшего сына Владимира Святого, умершего при жизни отца. Однако нет никаких указаний на то, что Изяслав или его сын Брячислав были недовольны сложившимся положением. Поход Брячислава на Новгород в 1021 г. выглядит как вполне обычный набег с целью захвата богатств и полона. Так же и Мстислав, хотя и пытался занять Киев, в общем, был доволен своим огромным Черниговским уделом. Зато положение Святополка, изгнанного братом, действительно могло рассматриваться современниками и им самим как несправедливое, особенно учитывая то, что Борис и Глеб были, по-видимому, убиты людьми Ярослава [21. С. 336–355]. К сожалению, позиция летописца не даёт нам возможность анализировать данное обстоятельство более тщательно.

Впервые о возможности обиды и изгнания говорится в так называемом завещании Ярослава: «И так разделит между ними города, запретив им переступать пределы других братьев и изгонять их, и сказал Изяславу: “Если кто захочет обидеть брата своего, ты помогай тому, кого обижают”» [22. С. 203]. Обиду летописец, устами Ярослава, представляет как нарушение отцовского завещания, нарушение принципа братской любви. Позже обида выглядит как территориальная претензия, связанная с княжеским достоинством. Так, в 1100 г. на съезде в Уветичах князья потребовали от Давыда Игоревича предьявить им свои обиды. Н.Ш. Коллманн, обращаясь к тексту Русской Правды, соотносит обиду с понятием личной чести. Цитируя Элизабет Кохен, она пишет, что «честь с её нормами, с её риторикой и её сильным эмоциональным зарядом предлагала набор ресурсов для разрешения межличностных раздоров» [23. С. 55].

В этом есть немалая доля истины. Если рассматривать обиду через призму личного достоинства, то получается, что Ярослав не просто завещал заступаться за братьев, но беспокоился прежде всего о чести обижаемых, тесно связанной с долей наследства династии. Однако князья, стремясь к власти, заботились прежде всего о себе. То, что им приходилось делить власть с более слабыми, наносило их чести ущерб. По мнению А.В. Назаренко, избивать братьев Ярополка, а впоследствии Святополка побуждало то, что «ни тот ни другой, не были реальными правителями всей Руси при жизни братьев» [24. С. 153]. Необходимо добавить, что их власть над собственным уделом также находилась под угрозой.

При изменении ситуации в связи со смертью некоторых братьев завещание Ярослава больше не могло регулировать взаимоотношения его потомков. И вот уже в 1064 г. «Бежал Ростислав, сын Владимиров, внук Ярославов, в Тмутаракань, и с ним бежали Порей и Вышата, сын Остромира, воеводы новгородского. И, придя, выгнал Глеба из Тмутаракани, а сам сел на его место» [22. С. 205]. Отношение летописца к Ростиславу явно благожелательное, он признаёт за

ним храбрость, уважительность к старшим и нигде не обвиняет его в начале усобиц. А описывая смерть князя от рук греческого котопана, он даёт ему такую характеристику: «Был Ростислав муж доблестный, воинственный, прекрасен сложением и красив лицом и милостив к убогим» [22. С. 207]. И при этом немного выше отмечает, что «в те же времена было знамение на западе, звезда великая, с лучами как бы кровавыми; с вечера всходила она на небо после захода солнца, и так было 7 дней. Знамение это было не к добру, после того были усобицы многие и нашествие поганых на Русскую землю» [Там же. С. 205]. То есть вина за усобицы лежит вовсе не на начавшим их Ростиславе.

Самой яркой фигурой среди изгоев, несомненно, был князь полоцкий Всеслав. Полоцкое княжество держали потомки Изяслава, старшего сына Владимира Святого, умершего при жизни отца. После смерти Владимира Полоцкая земля отделяется. Всеслав был князь весьма предприимчивый. В 1065 г. он осаждал безуспешно Псков, в 1066 г. ограбил Новгород. Был побеждён Ярославичами, но после известного их поражения от половцев был посажен киевлянами на княжество. Сидел, правда, недолго, а потом был изгнан и из Киева и из Полоцка. Всеслав бежит, а в 1069 г. является под Новгород с толпами финского племени води или вожан (ближайшего к Новгороду и издавна находившегося с ним в соединении!) [18. С. 673]. Новгородцы победили, а Всеслава отпустили «ради бога». Всеслав был богатырь, внушал к себе всеобщее уважение, о нём ходили дивные предания. Интересно, что молва приписывала Всеславу рождение от волхования. Именно о нём шла слава как об оборотне. Вот как описывает «Слово о полку Игореве» бегство Всеслава в Полоцк: «обернувшись волком, побежал он ночью из Белгорода, закутанный в синюю мглу». Волк-оборотень в мифологии мог олицетворять преступника-изгоя. «Представление о превращении человека в волка, выступающего одновременно в роли жертвы (изгоя, преследуемого) и хищника (убийцы, преследователя), объединяет многие мифы о волке и соответствующие обряды» [25. С. 242].

Возвращаясь к позиции летописца, мы видим, что захват Всеславом Новгорода опять же не имеет каких-либо моральных коннотаций: «Начал междоусобную войну Всеслав Полоцкий, сын Брячислава и занял Новгород» [22. С. 207]. За то нарушение крестоцелования по отношению к нему русскими князьями даёт повод к их осуждению: «Всеслав же сел в Киеве. Этим Бог явил силу креста, потому что Изяслав целовал крест Всеславу, а потом схватил его: из-за того и навел Бог поганых, Всеслава же явно избавил крест честной! Ибо в день Воздвижения Всеслав, вздохнув, сказал: “О крест честной! Так как верил я в тебя, ты и избавил меня от этой темницы”. Бог же показал силу креста в поученье земле Русской, чтобы не преступали честного креста, целовав его» [Там же. С. 213].

То, что летописец так благожелательно относится к Ростиславу, может свидетельствовать о том, что изгнание Глеба лишь прибавляло ему чести. То же и с Всеславом. Кто же тогда, по мнению летописца, начинал усобицы? Судя по всему – нарушители крестоцелования. Такой обман наносил княжескому до-

стоинству ущерб не меньший, чем поражение и бегство от «поганных».

Характерно, что Изяслав, хоть и преступавший крестоцелование, заслужил у летописца положительную характеристику. И, возможно, именно благодаря тому, что был часто изгоняем. Сначала его изгнали киевляне, затем брат Святослав. Собираясь помогать изгнанному такими же изгоями Всеволоду, Изяслав говорит: «Брат, не тужи. Видишь ли, сколько всего со мной приключилось: не выгнали ли меня сначала и не разграбили ли мое имущество? А затем, в чем провинился я во второй раз? Не был ли я изгнан вами, братьями моими? Не скитался ли я по чужим землям, лишенный имения, не сделал никакого зла?» [22. С. 237].

Речь Изяслава упирает именно на моменты безвинности изгнания, несомненно, перекликаясь с мотивом «безвинно убиенных» Бориса и Глеба. Неправедливость такого изгнания для летописца очевидна. Ещё более откровенна для нас посмертная характеристика Изяслава: «Был же Изяслав муж красив видом и телом велик, незлобив нравом, ложь ненавидел, любя правду. Ибо не было в нем хитрости, но был прост умом, не воздавал злом за зло. Сколько ведь зла сотворили ему киевляне: самого выгнали, а дом его разграбили, — и не воздал им злом за зло. Если же кто скажет вам: “Воинов порубил”, то не он это сделал, а сын его. Наконец, братья прогнали его и ходил он по чужой земле, скитаясь. И когда вновь сидел на столе своем, а Всеволод побежденный пришел к нему, не сказал ему: “Сколько от вас натерпелся?”, не воздал злом на зло, но утешил... Поистине, если и сотворил он на свете этом какое прегрешение, простится ему, потому что положил голову свою за брата своего, не стремясь ни к большему владению, ни к большему богатству, но за братню обиду» [Там же. С. 239]. Оставив добродетель Изяслава на совести летописца, ещё раз отметим, что и сам он был «обижен» и голову сложил за «братню обиду», «любви же ради князь сей пролил кровь свою за брата своего, исполняя заповедь Господню» [Там же. С. 241].

Показательна история сына Изяслава — Ярополка, посаженного отцом во Владимире. Сначала его выгнали бежавшие от него же Ростиславичи. Когда же Всеволод помог ему вернуть Владимир, Ярополк хотел идти на него, «послушав злых советников». Будучи после этого прогнан со стола, он через некоторое время вернулся, примирившись с родней, но вскоре был убит «проклятым Нерадцом». И вот такая характеристика даётся Ярополку: «Многие беды испытав, безвинно прогнанный братьями своими, обиженный, ограбленный, затем и смерть горькую принял, но вечной жизни и покоя сподобился. Так был блаженный князь этот тих, кроток, смирен и братолюбив, десятину давал святой Богородице от всего своего достояния ежегодно и всегда молил Бога, говоря: “Господи, Боже мой! Прими молитву мою и дай мне смерть такую же, как и братьям моим Борису и Глебу, от чужой руки, да омою грехи свои все своею кровью и избавлюсь от суетного этого света и мятежного, от сети вражеской”. Просимого им не лишил его милостивый Бог» [Там же. С. 243]. Судя же по всему предыдущему тексту летописи, единственными «заслугами» это-

го князя были его изгнанничество и неожиданная смерть.

Итак, церковные летописцы относились к князьям-изгоям сочувственно, как к обиженным, нуждающимся в защите. Широкие же массы населения вряд ли разбирались во всех тонкостях родовых взаимоотношений и оценивали князей по их личностным характеристикам, а не по их правам. Косвенным подтверждением этому могут служить многочисленные изгнания горожанами неугодных князей, приглашения на княжеское место изгоев.

На окраинах же русской земли и среди инородцев князья-изгои оказывались ещё более востребованными. Не случайно они часто возглавляют в набегах половцев, а города Тмутаракань и Берлад становятся самым притягательным местом не только для бежавших князей, но и вообще всех изгнанников и недовольных, из которых и формировались новые дружины.

Практически все усобицы, начиная с Ярослава Мудрого до смерти Мстислава Великого, происходили из-за изгоев. Княжеские съезды, договоры, крестоцелования были призваны решать проблему изгойства. Наиболее крупные и сильные князья-изгои добились признания своих прав. Но конечно, это не решило проблему многих других князей, продолжавших активно «мутить воду». Например, Иван Ростиславович Галицкий по прозвищу Берладник. Изначально он вовсе не был бездомным, княжил в Звенигороде, но сбежал оттуда, всю жизнь добиваясь Галича или другой большой земли. Другому князю-изгою Юрию (сыну Боголюбского) сосватали грузинскую царицу Тамару, но через некоторое время он был изгнан и оттуда, ещё дважды возвращался, пытаясь снова утвердиться на Грузинском престоле [18. С. 702].

При Андрее Боголюбском обособление земель окончательно стало нормой, перестало быть признаком изгойства. Изгои, конечно, появляются по-прежнему, но с мельчанием князей и новыми отношениями в их среде всё более распространяются служилые и бродячие князья-изгои. В служилых превращались родственники северных самовластцев. Тот же Берладник «принужден был служить разным князьям русским» [Там же. С. 487]. Бродячие князья встречались не реже. Например, после того как Бела III выгоняет из Галича князя Романа, «Роман с теми из Галицких бояр, которые Perezвали его к себе, скитался по разным странам ища волости» [Там же. С. 549].

Изгойство в княжеской среде воспринималось как сиротство, было практически синонимично ему, хотя у таких князей оставались и родственники и средства к существованию. Князья-изгои были люди с рождения привыкшие считать, что им причитается какая-то часть из достояния рода и поэтому неожиданная потеря прав на это вызывала живой протест. Анализируя сюжет о лишении на собрании князей Давыда Игоревича его владений — Владимира Волынского, А.С. Щавелев отмечает, что князь фактически изгонялся из рода, лишался прав Рюрикoviча за совершенное преступление (ослепление Василька Ростиславича), что было обставлено даже особым ритуалом [26. С. 58].

Обращает на себя внимание тот факт, что долгое время большинство князей, учитывая непрерывно

меняющийся баланс сил, потенциально могли стать изгоями, лишиться главенствующего стола, а то и самой отчины, оказаться без надела, а то и вовсе на чужбине. Можно сказать, что положение многих князей на социопсихологическом уровне было маргинальным, неопределённым. Поведенческие характеристики маргиналов могут отличаться большой разнообразностью [27. С. 59], но учитывая, что князья относятся к высшему и очень активному социальному слою общества, можно выделить следующие, активизирующиеся у них в состоянии неопределённости поведенческие характеристики: агрессивность, беспокойство, честолюбие, чувствительность. Субъективные характеристики маргиналов, такие как моральные дилеммы, психологическая раздвоенность, также вполне приложимы к князьям-изгоям. Несомненно, что активное переосмысление и принятие установок на братскую любовь и смирение, образцом которого стали Борис и Глеб, давали слабейшим ту новую установку, которая позволяла позитивно идентифицировать себя в рамках новой христианской культуры, сделать маргинальное положение общественно значимым. Это был адекватный ответ на вызов, защита от тревожности через любовь и подчинение старшему. А.В. Назаренко отмечает, что сеньорат – «заключительный, итоговый этап эволюции *corpus fratrum*» [24. С. 153], т.е. принципа равного соучастия братьев в управлении не только на Руси, но и в западных странах.

В то же время проблема более сильных князей, нашедших идентификацию в рамках правителя княжества, оказалась нерешенной. Эти правители, имея веский символический и экономический капитал, являясь главами сильнейших семейств, по-прежнему идентифицировали себя как претенденты на всё достоинство династии. И жестокая борьба между князьями прекратилась только с угасанием династии в XVI в.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что княжеское изгойство, широко распространённое на

Руси, не было отвлечённым культурным и социальным феноменом. Оно вполне вписывалось в рамки тех представлений о «своих» и «чужих», которые бытовали в народном сознании и которые мы связываем с феноменом маргинальности. Князья-изгои становились центром притяжения других отверженных, попавших в двойственную, неопределённую ситуацию. Вместе они боролись за место под солнцем, за то, чтобы вернуть своё место или получить новое. В условиях традиционного общества такие изменения почти всегда оказывались связаны с понижением статуса, потерей прав и имущества. Часть мелких князей-изгоев была вынуждена менять собственные представления о норме, свои установки и идти на службу к более сильным. Весь вопрос в том, к каким последствиям для властных отношений приводило это приспособление, ведь служба была связана с понижением статуса, а не его повышением. Судьба же тех, кто не смог приспособиться, более ясна. Они превращались в разбойников и бродяг, становились в девиантную позицию и исчезали.

Понятие маргинальности не только помогает объяснить, почему неграмотный попович, выкупившийся холоп, разорившийся купец и осиротевший князь могли быть обозначены изгоями, но и какие общие психологические и поведенческие доминанты могли наблюдаться у этих и других людей, попавших в неопределённую, кризисную психологическую и социальную ситуацию.

В то же время различие маргинальности и девиации достаточно условно. Причины маргинального и девиантного поведения, как и само такое поведение, достаточно схожи. Возможно, девиация представляет собой лишь крайнее проявление маргинальности. В любом случае понятия маргинальности и девиации вполне применимы к средневековой истории, а феномен маргинальности, проявлением которого является и изгойство, – необходимый элемент динамики развития общества, нуждающийся в дальнейшем изучении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1986. Т. 2 (Е–Муж).
2. Шапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.
3. Калачов Н.В. О значении изгоев и состоянии изгойства в Древней Руси // Архив историко-юридических сведений относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. М., 1850. Кн. 1. С. 57–72.
4. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб. : Филол. фак-т СПб. гос. ун-та, 2000.
5. Пресняков А.Е. Княжеское право Древней Руси. СПб., 1909.
6. Греков Б.Д. Киевская Русь. Л. : Госполитиздат, 1953. С. 247–255.
7. Котляров А.Н. Проблемы русского феодализма : метод. рекомендации. Томск, 1991. Вып. 3.
8. Фроянов И.Я. Киевская Русь: главные черты социально-экономического строя. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999.
9. Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л. : Наука, 1983.
10. Майоров А.В. Социологические особенности древнерусского изгойства // Наукові праці Історичного факультету Запорізького держ. ун-ту / ред. кол.: Ф.Г. Турченко (та ін.). Запоріжжя, 1993. Вип. 1. С. 30–42.
11. Скобелев А.В. «Люди» в системе социальных связей восточнославянского общества VI – первой трети XII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2010.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1979. Вып. 6.
13. Наставления духовнику // Русская историческая библиотека. Т. 6, ч. 1. Памятники древнерусского канонического права (XI–XV в.). СПб., 1880.
14. Грамота митрополита Киприана // Русская историческая библиотека. Т. 6, ч. 1. Памятники древнерусского канонического права (XI–XV в.). СПб., 1880.
15. Лоусон Т., Гэррод Д. Социология. А–Я: Словарь-справочник. М. : Факр-Пресс, 2000.
16. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. СПб. : Прайм Еврознак, 2006.
17. Сайнаков Н.А. Маргинальность как понятие. Методологические перспективы в историческом исследовании // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 97–101.
18. Соловьев С.М. Сочинения : в 18 кн. М. : Голос ; Колокол-Пресс, 1993–1998. Т. 1, кн. 2. URL: http://militera.lib.ru/common/solovyev1/02_02.html

19. Толочко П.П. Киев и Южная Русь в период феодальной раздробленности // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974.
20. Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси (до конца XVII века). Юрьев, 1907. Т. 1.
21. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.) : курс лекций. М., 2001.
22. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII вв. СПб., 1997.
23. Коллманн Н.Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001.
24. Назаренко А.В. Родовой сюзеренитет рюриковичей над Русью // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. М., 1985.
25. Иванов В.В. Волк // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. М. : Рос. энциклопедия, 1994. Т. 1: А–К.
26. Щавелев А.С. Формы мести и наказания в междукняжеских отношениях Рюриковичей // Средневековая Русь. 2009. № 8.
27. Попова И.П. Маргинальность и особенности её проявления в современном российском обществе : дис. . канд. социол. наук. М., 1994.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 июня 2016 г.

IZGOISTVO AND MARGINALITY IN THE SOCIAL SPACE OF ANCIENT RUSSIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 114–120.

DOI: 10.17223/15617793/414/18

Nikolai A. Sainakov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lesomir@mail.ru

Keywords: Russian medieval history; izgoi; marginality; outlaws; deviation; princes; outlaw princes; izgoi princes.

The present article considers the problem of the use of the concept of marginality in historical science. It also analyzes a phenomenon in the social space of ancient Russia and a possibility of considering *izgoistvo* (the outcast status) as a manifestation of marginality. The word *izgoistvo* referred to representatives of different social groups in Ancient Russia. The term *izgoi* (outcast) could be used for defining a person ransomed from slavery, an illiterate clergyman, a prince deprived of his land etc. The etymology of the word *izgoi* is connected with deprivation of the clan membership and has a negative connotation. The specific position of izgois in society is emphasized in historiography. It is noticeable that *izgois*, slaves, orphans or enemies in Russia had a typological analogy with strangers, they found themselves isolated and were often seen negatively or leniently in society. Therefore, izgois could be regarded as marginal persons. Although marginal persons often demonstrate deviant behavior, their most important task is not to confront the society, but to find the rightful place in it. Despite the fact that the concept of marginality was not used in Ancient Russia, it can be regarded as a convenient tool for historians trying to cognize the past. This article focuses on izgoi princes. The increasing number of princes from the Rurik clan resulted in the fragmentation of the princes' domains, the rules of inheritance became complicated, and many princes did not receive a domain, or their domains were seized by more powerful princes. From the socio-psychological point of view, many princes felt insecure and occupied a marginal position. There was a great deal of diversity in behavioral characteristics of marginal persons. Taking into account the fact that princes belonged to the high and very active stratum of society, the following behavioral characteristics activating in the state of uncertainty can be identified: aggressiveness, anxiety, ambition, sensitivity. Subjective characteristics of marginal persons, such as moral dilemmas, psychological duality, are also applicable to izgoi princes. Such “disadvantaged” princes became very aggressive and tried to restore their rights on clan inheritance. Though izgoi princes often initiated cruel intestine wars, the status of unfairly disadvantaged persons guaranteed them the sympathy of chroniclers and the population. The Christian idea of humbleness and love, based on the cult of Saints Boris and Gleb, contributed to the fact that a number of princes accepted the decline of their status. Princes unable to accept new conditions turned into robbers and tramps, took a deviant position and disappeared. The final conclusion of the article is the idea of the productivity of the concept of marginality in the study of medieval history. This concept allows not only explaining why people from different social groups could be called izgois, but also identifying general psychological and behavioral dominants of people who got into an uncertain, critical social and psychological situation. Izgoi princes had to find a new place in the social system or disappear.

REFERENCES

1. Vasmer, M. (1986) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian language: in 4 vols] Vol. 2. Moscow: Progress.
2. Shchapov, Ya.N. (1976) *Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv.* [Old Russian princely charters of the 11th–15th centuries]. Moscow: Nauka.
3. Kalachov, N.V. (1850) O znachenii izgoev i sostoyanii izgoystva v Drevney Rusi [The significance of outcasts and the outcast state in Ancient Russia]. In: *Arkhiv istoriko-yuridicheskikh svedeniy otnosyashchikhsya do Rossii, izdavaemyy Nikolaem Kalachovym* [Archive of historical and legal information related to Russia, published by Nikolay Kalachov]. Vol. 1. Moscow: Tip. Aleksandra Semena.
4. Kolesov, V.V. (2000) *Drevnyaya Rus': nasledie v slove. Mir cheloveka* [Ancient Rus: Heritage in the word. World of man]. St. Petersburg: Filol. fak-t St. Petersburg State University.
5. Presnyakov, A.E. (1909) *Knyazhoe pravo Drevney Rusi* [Prince rights of Ancient Rus]. St. Petersburg: Tipografiya M.A. Aleksandrova.
6. Grekov, B.D. (1953) *Kievskaya Rus'* [Kievan Rus]. Leningrad: Gospolitizdat.
7. Kotlyarov, A.N. (1991) *Problemy russkogo feodalizma: metodicheskie rekomendatsii* [Russian feudalism Problems: guidelines]. Vol. 3. Tomsk.
8. Froyanov, I.Ya. (1983) *Kievskaya Rus': glavnye cherty sotsial'no-ekonomicheskogo stroya* [Kievan Rus: the main features of the socio-economic system]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
9. Sverdlov, M.B. (1983) *Genesis i struktura feodal'nogo obshchestva v Drevney Rusi* [Genesis and structure of feudal society in Ancient Russia]. Leningrad: Nauka.
10. Mayorov, A.V. (1993) *Sotsiologicheskie osobennosti drevnerusskogo izgoystva* [Sociological characteristics of outcasts in Ancient Russia]. *Naukovyi pratsi Istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo derzh. un-tu*. 1. pp. 30–42.
11. Skobelev, A.V. (2010) “Lyudi” v sisteme sotsial'nykh svyazey vostochnoslavianskogo obshchestva VI – pervoy treti XII v. [“People” in the system of social relations of Eastern Slavic society in the 6th – the first third of the 12th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Izhevsk.
12. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1979) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian of the 11th–17th centuries]. Vol. 6. Moscow: Nauka.
13. Anon. (1880) *Nastavleniya dukhovniku* [Guidelines for a confessor]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. 6. Pt. 1. St. Petersburg: Tip. Imperatorskoy Akademii Nauk.
14. Anon. (1880) *Gramota mitropolita Kipriana* [The letter of Metropolitan Cyprian]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. 6. Pt. 1. St. Petersburg: Tip. Imperatorskoy Akademii Nauk.
15. Lawson, T. & Gerrod, D. (2000) *Sotsiologiya. A–Ya: Slovar'-spravochnik* [Sociology. A–Z: reference dictionary]. Translated from English. Moscow: Fakt-Press.

16. Meshcheryakov, B.G. & Zinchenko, V.P. (2006) *Bol'shoy psikhologicheskiy slovar'* [The big psychology dictionary]. St. Petersburg: Praym Evroznak
17. Saynakov, N.A. (2013) Definition of Marginality. Methodological perspectives in historical studies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 375. pp. 97–101. (In Russian).
18. Solov'ev, S.M. (1993) *Sochineniya: v 18 kn.* [Works: in 18 books]. Vol. 1. Book 2. Moscow: Golos; Kolokol-Press. [Online] Available from: http://militera.lib.ru/common/solovyev1/02_02.html.
19. Tolochko, P.P. (1974) Kiev i Yuzhnaya Rus' v period feodal'noy razdroblennosti [Kiev and South Russia in the period of feudal fragmentation]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Pol'sha i Rus' . Cherty obshchnosti i svoeobraziya v istoricheskom razvitií Rusi i Pol'shi XII–XIV vv.* [Poland and Rus. Common and diverse features in the historical development of Russia and Poland in the 12th–14th centuries]. Moscow: Nauka.
20. D'yakonov, M. (1907) *Ocherki obshchestvennogo i gosudarstvennogo stroya Drevney Rusi (do kontsa XVII veka)* [Essays on social and political system of Ancient Russia (until the end of the 17th century)]. Vol. 1. Yurev: Tip. Ed. Bergmana.
21. Danilevskiy, I.N. (2001) *Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII vv.): kurs lektsiy* [Ancient Russia in the eyes of contemporaries and descendants (9th–12th centuries): lectures]. Moscow: Aspekt Press.
22. Likhachev, D.S. et al. (eds) (1997) *Povest' vremennykh let* [Tale of Bygone Years]. In: *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of the Literature of Ancient Rus]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka.
23. Kollmann, N.Sh. (2001) *Soedinennye chest'yu. Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii rannego novogo vremeni* [By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia]. Translated from English by A.B. Kamenskiy. Moscow: Drevnekhraanilishche.
24. Nazarenko, A.V. (1985) Rodovoy syuzerenitet ryurikovichy nad Rus'yu [Generic suzerainty of the Ruriks over Russia]. In: Novosel'tsev, A.P. (ed.) *Drevneyshie gosudarstva na territorii SSSR: Materialy i issledovaniya* [The oldest states in the territory of the USSR: Materials and research]. Moscow: Nauka.
25. Ivanov, V.V. (1994) Volk [Wolf]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira. Entsiklopediya: v 2 t.* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: Ros. entsiklopediya.
26. Shchavalev, A.S. (2009) Formy mesti i nakazaniya v mezhduknyazheskikh otnosheniyakh Ryurikovichy [Forms of retaliation and punishment in inter-princely relations of the Ruriks]. *Srednevekovaya Rus'*. 8.
27. Popova, I.P. (1994) *Marginal'nost' i osobennosti ee proyavleniya v sovremennom rossiyskom obshchestve* [Marginality and its features in the modern Russian society]. Sociology Cand. Diss. Moscow.

Received: 29 June 2016

БОРЬБА С ЖИЛИЩНЫМ КРИЗИСОМ В КУЗБАССЕ В ПЕРИОД 1920–1922 гг.

Рассматриваются решения органов центральной власти Советской республики и действия сибирских властей, направленные на преодоление жилищного кризиса в Кузбассе в период 1920–1922 гг. Сформулированы причины жилищного кризиса. Анализируются процесс расквартирования на угольных коях горнорабочих и членов их семей, а также выселение с территории рудников нетрудового элемента. Определяются удельный вес жилого фонда промышленных районов в масштабах Кузбасса и характер строительства нового жилья в Южно-Кузнецком районе. Сделан вывод о том, что меры, принятые властями, позволили за счет ухудшения жилищно-бытовых условий местного населения разместить в крайне стесненных условиях жилищного фонда необходимое для угледобывающих предприятий количество рабсилы.

Ключевые слова: жилищный кризис; Кузбасс; угольная промышленность.

Жилищный вопрос, остро стоящий в Кузбассе в период восстановления народного хозяйства 1920–1926 гг., получил широкое освещение в периодической печати и научных исследованиях, посвященных становлению данного промышленного центра Сибири. Такие авторы, как В.М. Бажанов, Б. Циприс, А.С. Московский, Е.А. Кривошеева, Н.П. Шуранов, Е.Б. Каймашикова и др., описывая жилищно-бытовые условия трудящихся угольных рудников Кузбасса, подчеркивали острую нехватку жилья в тот период времени. Несмотря на глубину проблемы, специалисты рассматривали вопрос обеспечения жильем шахтеров и их семей как второстепенный, концентрируя внимание на эволюции индустриального Кузбасса. Поэтому, несмотря на значительное количество публикаций, до сих пор отсутствует труд, который позволяет составить общую картину жилищного кризиса, разразившегося в Кузбассе в 1920–1922 гг. Мы попытаемся восполнить этот пробел.

В данной работе на основе архивных источников, хранящихся в фондах Сибревкома (Ф. Р-1), Исполкома Западно-Сибирского Крайсовета (Ф. Р-532), Западно-Сибирского краевого отдела РКП (Ф. Р-288), Сиббюро ЦК РКП(б) (Ф. П-1), Томского Губисполкома (Ф. Р-173), Томской агентурной конторы Сибирского областного управления по топливу (Ф. Р-272), Правления угольных копей Западной Сибири (Ф. Р-100), Кузбасстреста (Ф. Р-86) и Управления Сибирской трудовой армии (Ф. 234) анализируется наиболее тяжелый период жилищного кризиса в Кузбассе.

В первые годы восстановления народного хозяйства в Кузбассе во всех без исключения промышленных районах бассейна стояла проблема социально-экономического и санитарного характера, выражавшаяся в остром дефиците жилищного фонда. Топливный кризис в Сибири в 1920–1922 гг., протекавший сначала в условиях военного коммунизма, а затем НЭПа, стал причиной колебаний количества трудовых ресурсов в Кузнецком бассейне [1. С. 76]. Для увеличения добычи угля требовались дополнительные трудовые ресурсы, местные кадровые резервы были крайне скудны, выход из создавшегося положения был найден в концентрации в Кузбассе рабсилы из других районов страны. Трудовая мобилизация крестьян Томской губернии на угледобывающие предприятия Сибири в 1920 г., а затем направление в 1921 г. трудармейцев Сибирской трудовой армии (Сибтрудармии) и миграция рабочих из европейской

части страны ухудшили жилищные условия проживания населения промышленных районов Кузбасса. В свою очередь новая экономическая политика государства способствовала в 1922 г. возвращению на родину части вынужденных переселенцев, работавших на предприятиях Кузбасса, и незначительному улучшению показателей обеспечения жильем рабочих.

В начале 1920-х гг. при решении жилищного вопроса руководство страны делало упор не на строительство нового жилья, а на перераспределение уже существующего жилого фонда, его сохранение и восстановление, подобная тенденция была характерна и для Сибири [2. С. 53]. Жилищный вопрос в Кузбассе решался в том же ключе, но имел свои особенности. Из-за острого жилищного кризиса для увеличения жилого фонда на угольных рудниках в качестве жилья использовались помещения, не предусмотренные для этих целей, например здания школ и больниц, а также железнодорожные вагоны и землянки.

Анализируя общее положение дел в каменноугольной промышленности Сибири в 1925 г., В.М. Бажанов в работе «Положение и перспективы каменноугольной промышленности в Сибири» [3] заострял внимание на жилищном кризисе в Кузбассе. Сравнивая ситуацию с Донецким бассейном, он считал, что вопрос обеспечения жильем шахтеров в Кузнецком бассейне обстоял значительно хуже. По мнению автора, если жилищный кризис в Донбассе был вызван тем, что за время Первой мировой войны и революции жилища разрушались и восстановление их не велось, то в Кузбассе на обострение жилищного кризиса повлияли увеличение населения на каменноугольных коях, размещение на территории рудников различных организаций, а также крайне недостаточные размеры строительства нового жилья, все перечисленное в совокупности привело к «страшной скученности населения» [3. С. 26, 28].

Анализ социально-экономического положения в угольной промышленности Кузнецкого бассейна в рассматриваемый период позволяет выделить три основные причины жилищного кризиса в Кузбассе. К первой относятся ограниченное количество жилфонда, имевшегося на тот момент в рудничных поселках, и неудовлетворительное состояние значительной части жилых помещений, в том числе большое количество землянок и железнодорожных вагонов в Южно-Кузнецком районе, приспособленных для временного проживания рабочих. Вторая причина – высокая

плотность размещения населения в промышленных районах, спровоцированная прибытием большого количества трудовых ресурсов из разных районов Сибири и голодающих губерний Поволжья и Урала для работы на угледобывающих предприятиях Кузнецкого бассейна и строительства железной дороги Кольчугино – Прокопьевские копи. Третья причина – отсутствие масштабного жилищного строительства в Кузбассе в тот период.

В связи с тем что в рассматриваемый период на нужды железных дорог Сибири уходило до 90% добытого угля в Кузбассе, существовала прямая зависимость между производством каменного угля и регулярным движением железнодорожного транспорта [4. С. 80]. Центральные органы власти Советской республики в 1920–1921 гг. в целях бесперебойной поставки запасов хлеба из Сибири в европейскую часть страны по Транссибирской железнодорожной магистрали неоднократно принимали декреты, направленные прямо или косвенно на стабилизацию добычи в Кузбассе каменного угля, являвшегося основным топливом для железнодорожного транспорта.

Действуя в рамках постановлений СНК и Совета Труда и Оборона (СТО) РСФСР, Сибревком через подчиненные ему органы власти и Правление угольных копей Кузнецкого бассейна (Сибуголь) увеличил количество горнорабочих на предприятиях Кузбасса и рабсилы на кольчугинской новостройке. Для решения вопроса по расквартированию рабочих в каменноугольных районах был принят ряд мер, санкционированных центральной властью. Во-первых, был сокращен объем жилого помещения, приходящегося на одного человека. Это повлекло за собой уплотнение населения, проживавшего в рудничных поселках, и ухудшение бытовых условий. Во-вторых, была высвобождена имевшаяся жилая площадь за счет сокращения численности населения, проживавшего на территории рудников и не имевшего отношения к добыче угля. В-третьих, сокращен штат советских и социальных учреждений и организаций, предусматривавший последующее отселение сокращенных лиц. В некоторых случаях выселению за пределы рудничных поселков подверглась часть этих организаций.

Значительные изменения контингента рабочих начались с ноября 1920 г., когда на рудники Кузнецкого бассейна стали поступать мобилизованные по трудовой повинности крестьяне Томской губернии для пополнения состава горнорабочих, чьи ряды сильно поредели после репатриации военнопленных Первой мировой войны. После окончания срока исполнения трудовой повинности крестьян отпустили с производства, а им на смену весной 1921 г. прибыл личный состав частей Сибтрудармии. С июля 1921 г. в Кузбасс начинают поступать партии переселенцев. В отличие от контингента мобилизованных крестьян и трудармейцев, состоящих только из мужчин, которые размещались в общежитиях по казарменному принципу, рабочие-переселенцы приехали в Кузбасс со своими семьями, что в условиях ограниченного жилищного фонда рудников обусловило дополнительные трудности при расквартировании.

В начале ноября 1920 г. для выяснения причин падения добычи угля в Кузбассе на Анжеро-Судженские копи выезжала комиссия Сибревкома и Сиббюро РКП(б), по результатам ее работы член Сибревкома В.М. Косарев в газете «Советская Сибирь» за 24 ноября 1920 г. в статье «На копиях» определил ряд проблем, имевшихся на рудниках Северной группы Кузнецкого бассейна. Наряду с вопросами трудовой дисциплины, снабжения продовольствием и производственной одеждой им отдельно рассматривался «самый вопиющий вопрос – жилищный» [5]. В статье отмечалось, что ввиду малого количества жилых домов для рабочих и их семей необходимо строительство нового жилья, но из-за отсутствия строительных рабочих и дефицита стройматериалов осуществить постройку новых домов невозможно.

В целях повышения производительности труда и увеличения добычи угля в Кузнецком бассейне СТО принимает ряд постановлений, в которых существенное место занимает жилищный вопрос. Так, для изменения условий проживания горнорабочих в рудничных поселках 24 ноября 1920 г. было принято Постановление «О мерах по преодолению жилищного кризиса в Кузнецком бассейне» [6. С. 396–397]. Данное постановление преследовало цель освободить рудничные посёлки от населения, не работающего на предприятиях каменноугольной промышленности, и на высвободившиеся жилые площади расселить горнорабочих с их семьями. В нём признавалось право проживания в рудничных посёлках и получения продовольственного пайка кроме самих рабочих, трудившихся на копиях, также неработоспособных членов их семей по прямой линии родства. В качестве временной меры на период 1921–1922 гг. для уплотнения населения в рудничных посёлках сокращалась установленная ранее норма жилплощади на человека до 1 кубической сажени (1 кубическая сажень в пересчете на 1 квадратный метр = 4,552 м²). (Здесь и далее по тексту жилая площадь после перевода из кубических и квадратных саженей указана в квадратных метрах.) Главному комитету по всеобщей трудовой повинности предписывалось направлять в Кузнецкий бассейн мобилизованных горнорабочих лишь с теми членами семьи, которые состояли с ними в родстве по прямой линии.

Расположенные в Кузнецком бассейне территориальные исполкомы в соответствии с этим постановлением должны были принять в срочном порядке меры для уплотнения ближайших к рудникам посёлков и деревень для расселения в них рабочих и членов их семей. Кроме этого, местные исполкомы по согласованию с рудничными комитетами обязывались муниципализировать находящиеся на территории рудников частновладельческие строения за исключением домов, принадлежащих крестьянам, занимавшимся хлебопашеством.

Исполнение этого постановления в Кузбассе началось по мере прибытия на рудники новых рабочих из числа мобилизованных крестьян Томского, Мариинского, Кузнецкого, Щегловского и Каинского уездов Томской губернии. Угледобывающие предприятияполнились на 3 212 чел. [7. С. 30]. Количество при-

бывающих трудмобилизованных в каменноугольные районы Кузбасса зачастую расходилось с числом запланированной рабсилы, поэтому местные органы власти при реализации установок Центра исходили в первую очередь из реального соотношения прибывших новых рабочих и имеющегося на руднике жилого фонда. К примеру, на Кольчугинском руднике в ходе исполнения постановления СТО принимали решения по отселению без особого рвения и лояльно по отношению к местному населению. В январе 1921 г., отвечая на запрос Сибугля о разгрузке квартир на территории Кольчугинского рудника, сообщалось о выполнении постановления, но с оговорками. В частности, ссылаясь на тот факт, что на копи вместо предполагавшихся 1 500 новых рабочих прибыли лишь 500 чел., было принято решение не выселять из своих жилищ жён красноармейцев и несколько десятков инвалидов [8. Л. 9].

Ситуация по размещению вновь прибывающей рабсилы обострилась с направлением весной 1921 г. в Кузбасс трудармейцев Сибтрудармии (Контингент трудовых частей Сибтрудармии находился в Кузбассе с апреля по декабрь 1921 г.). К 15 мая личный состав трудовых войск в Кузнецком бассейне насчитывал 14 176 чел. [7. С. 31]. Расселение трудармейцев практически во всех рудничных поселках и близлежащих деревнях было связано с проблемой ограниченных жилищных возможностей местных властей. Так, например, председатель Райугля Южно-Кузнецкого района Рудовский, обращаясь в Томский Губисполком, в телеграмме за 11 марта 1921 г., ссылаясь на перенаселенность поселка, просил не вселять в пос. Прокопьево 410 чел. трудармейцев и размещать там же 600 лошадей одной из прибывающих трудовых частей Сибтрудармии, подкрепляя свою просьбу предположением, что в случае вселения трудовой части в поселок «рабочие будут вытеснены из квартир и вынуждены разойтись по деревням, что прекратит работу рудника» [9. Л. 31].

Те части, местом дислокации которых были населенные пункты Кузбасса, чаще всего расселяли трудармейцев по частным квартирам крестьян и рабочих по 3–4 человека [10. Л. 25]. В Анжеро-Судженском районе часть подразделений трудармейцев располагалась в помещениях школ [11]. Значительная часть трудармейцев, находившиеся в Южно-Кузнецком районе, была расселена по 20–25 чел. в вагоны-теплушки, которые были направлены в Кузнецкий бассейн в качестве временного жилья Постановлением СТО от 12.01.1921 г. «О восстановлении каменноугольной промышленности Кузнецкого бассейна» [12. С. 319–321]. В вагонах отсутствовало отопление, не было освещения, в дождливую погоду они сильно протекали [13. Л. 11]. Небольшая часть трудармейцев располагалась в полевых условиях.

Параллельно с привлечением к работам в Кузбассе трудармейцев летом 1921 г. по линии Наркомтруда производилась вербовка рабочей силы в губерниях Поволжья и Урала. Основу рабочей силы составляли рабочие-татары, мигрировавшие на копи Кузбасса вместе с семьями. В период с июля по сентябрь эшелонами в Кузбасс из Казанской губернии были пере-

брошены 4 369 чел. (подсчитано автором) [14. Л. 75, 87, 89, 135; 15. Л. 10, 16, 26, 34, 49, 127].

С прибытием новых трудовых ресурсов ситуация по размещению в рудничных поселках осложнялась. Для расквартирования вновь прибывающих не хватало жилищного фонда, поэтому местные власти начали высвобождение имеющихся жилых помещений путем выселения с территории рудника населения, не участвовавшего в добыче угля. Так, из протокола № 25 заседания Анжеро-Судженского Исполкома от 25.08.1921 г. следовало: «Признать выселение инвалидов и не трудового элемента необходимым, а больше семейных по желанию рабочего и по усмотрению Рудуправления» [16. Л. 9].

В конце сентября Райуголь Северной группы рудников исчерпал возможность расселения прибывающих рабочих и их семей. В связи с этим направленная в Анжеро-Судженск партия рабочих из 46 чел. и 144 членов семей, прибывшая в Сибирь из Башкирской Республики, 26 сентября 1921 г. была отправлена по распоряжению Управления Анжеро-Судженской группы рудников обратно в Сибкомтруд (г. Новониколаевск). В сопроводительном письме указывалось, что причиной этому стало значительное количество больных среди приехавших рабочих, а также то, что «все указанные рабочие имеют большие семьи, но квартир в распоряжении Анжерских копей не имеется» [14. Л. 22].

Проблемы дефицита жилых помещений испытывали все каменноугольные бассейны страны. Для решения проблемы нехватки жилья для горнорабочих каменноугольной промышленности 25 октября 1921 г. СТО принимает Постановление «По жилищному вопросу на каменноугольных рудниках» [17. Л. 3]. Этим постановлением санкционировалось выселение из рудничных поселков лиц, не состоящих в прямом родстве с рабочими и служащими угледобывающих предприятий. Также под выселение с территории рудника попадали организации, не имеющие прямого отношения к добыче угля. В примечании постановления определялся круг лиц, которым разрешалось проживание в рудничных квартирах рабочего или служащего, к ним относились его или его жены дед, бабка, мать, отец и неработоспособные дети.

Председатель Сибревкома С.Е. Чуцаев совместно с председателем Томского Губисполкома Н.П. Тепловым путем переговоров «по прямому проводу» 25 ноября 1921 г. согласовали действия по выполнению постановления в части, касавшейся сокращения штатов советских учреждений, освобождения максимального числа квартир и выселения лишних элементов в копейских районах Кузбасса [Там же. Л. 10]. Цель – освобождение помещений для размещения в них рабочих и членов их семей. Для реализации этой задачи была сформирована комиссия с представителями Сибревкома, Сиббюро ЦК горнорабочих, Губисполкома и Сибугля.

Выехав в Центральную группу рудников и изучив обстановку в Кольчугино, члены комиссии наметили необходимые мероприятия, которые позволили воплотить в жизнь постановление СТО по решению жилищного вопроса и одновременно вести борьбу с эпи-

демией тифа, занесенную в конце декабря 1919 г. в Кузбасс отступающими частями армии Колчака [18].

Согласно сведениям за 15 декабря 1921 г., на Кольчугинском руднике числились 2 802 рабочих и служащих, кроме того, на руднике проживали 10 299 членов их семей, всего 13 101 чел. [17. Л. 83]. Кольчугинский рудник располагал в то время жилым фондом в размере 17 400,3 м² [Там же. Л. 84]. Надо отметить, что в сравнении с результатами переписи населения 1920 г., по которой на руднике проживали 5 578 чел. [19. С. 46], количество жителей в течение 1 года увеличилось более чем в 2 раза.

По результатам пересмотра всего имеющегося жилого фонда и определения насущной потребности жилья для рабочих 19 декабря 1921 г., на Кольчугинском руднике состоялось заседание местных органов власти, Райугля и объединенной комиссии Сибревкома и Сиббюро ЦК горнорабочих. В ходе заседания были приняты решения, на основании которых местные власти провели мероприятия по принудительному выселению с территории рудника неработающего элемента, в том числе 500 инвалидов и высвобождению помещений, ранее занятых разными организациями, которые не имели прямого отношения к добыче угля [17. Л. 13–14]. В частности, были освобождены 487,1 м², ранее занятых пунктом особого отдела и комсомола. Сельскую школу в доме на церковной площади было решено очистить под помещения для рабочих, а учащихся перевести в другую школу, организовав там занятия в две смены [Там же. Л. 12]. В деревню Егозово были переселены детский приют,

насчитывавший в тот момент 100 детей, ранее занимавший 11 комнат площадью 286,8 м², и госпиталь с тифозными больными, располагавшийся в доме площадью 259,5 м² [17. Л. 13].

В отношении владельцев недвижимости, находившейся на территории рудника, Рудуправлению было предоставлено право самостоятельного установления сроков их выселения. При этом осуществлялось отчуждение жилых построек в пользу рудника по «справедливой оценке» стоимости и без права для владельцев недвижимости сноса своих построек или продажи на сторону. Проведенные мероприятия по высвобождению помещений позволили местным властям начать 23 декабря 1921 г. расквартирование 500 чел. [Там же. Л. 26]. В сведениях за 31 декабря 1921 г. об изыскании квартирной площади для расквартирования горнорабочего населения сообщалось, что в ходе мероприятий по отселению изыскано 2 612,4 м² жилой площади для расселения 689 чел. [Там же. Л. 85].

В своем докладе от 12.01.1922 г. возглавлявший комиссию уполномоченный Сибревкома Бондарь-Диброво оценивал положение с жильем как катастрофическое. Единственно верным решением он считал возвести в 1922 г. на Кольчугинском руднике новые 28 991,7 м² жилых помещений [20. Л. 28].

Исходя из показателей имевшегося жилого фонда и количества населения, проживавшего на руднике, а также установленный в тот период минимальный размер жилплощади на одного человека в 4,552 м², можно проследить динамику жилищного кризиса на Кольчугинском руднике в период 1921–1922 гг. (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Обеспеченность жильем населения Кольчугинского рудника в 1921–1922 гг.* [17. Л. 83–84; 21. Л. 75 об.]

Месяц и год	Население, чел.					Жилфонд, м ²	Обеспеченность жильем (при минимальной норме 4,552 м ² на 1 чел.)		Дефицит жилья	
	рабочие		члены семей		всего					
	чел.	%	чел.	%						
Декабрь 1921	2 802	21,4	10 299	78,6	13101	17 400,3	3 822	29,2	42 238,0	70,8
Октябрь 1922	2 885	36,3	5 055	63,7	7940	20 848,2	4 580	57,7	15 294,7	42,3

* Расчеты автора на основе сведений о количестве занятых в производстве рабочих и служащих на Кольчугинском руднике (на 15.12.1921 г.) и наличии жилплощади; данных «О жилищных условиях на рудниках» (доклад секции по использованию рабочей силы и быта работников в комиссию по обследованию АИК «Кузбасс» и Кузбассстреста в 1924 г.).

Приведенные в табл. 1 показатели за декабрь 1921 г. свидетельствуют о дефиците жилого фонда в размере 42 238,0 м² и возможностях Рудуправления обеспечить казенным жильем менее 30% населения в 1921 г. Исходя из того, что по имеющейся на руднике жилплощади и числящегося населения на 1 чел. приходилось по 1,3 м², можно предположить, что значительная часть горнорабочих проживала вне территории рудника. Показатели за октябрь 1922 г. о наличии жилфонда, обеспечения жильем населения и дефиците жилья в сравнении с декабрем 1921 г. имеют положительную динамику. Так, в частности жилфонд Кольчугинского рудника увеличился на 3 447,9 м², количество населения, обеспеченного казенными квартирами, – на 757 чел., а дефицит жилья сократился на 28,5%, но, тем не менее, нехватка жилья была чрезмерно высокой и составляла 42,3%, т.е. порядка 3 360 чел. не были обеспечены каким-либо жильем.

Надо заметить, что на ситуацию значительно повлияло уменьшение населения Кольчугинских копей на 5 161 чел., вызванное отъездом на родину бывших рабочих-трудоустроенцев и части рабочих вместе с членами своих семей. На основании вышесказанного можно сделать вывод, что самый тяжелый период жилищного кризиса на Кольчугинском руднике пришелся на зиму 1921–1922 гг.

С теми же полномочиями и подобными целями другая комиссия выезжала на копи Анжеро-Судженского района, насчитывавшего в то время порядка 33 тыс. чел. [22. Л. 5]. Комиссией было установлено, что всего советскими учреждениями, партийными и профессиональными организациями была занята следующая площадь помещений: в Анжерском районе – 6 065,4 м²; в Судженском районе – 5 522,7 м² [23. Л. 120 об.]. С одной стороны, в условиях жилищного кризиса такое количество помещений могло значи-

тельно уменьшить дефицит жилья для рабочих, с другой – в число организаций, не связанных с угледобычей, входили школы, больницы и помещения при них, вплоть до покойницкой. Как отмечала в докладе комиссия, такие помещения «даже при царизме под жилье рабочих не использовали» [Там же. Л. 121].

Из числившихся на коях 1 051 инвалида было выселено 437 чел. [Там же. Л. 122]. Особое внимание в работе комиссии было уделено вопросам сокращения штатов учреждений и организаций, не имеющих отношения к добыче угля. Так, например, по новым штатам исполком был сокращен до 16 чел., милиция – с 240 до 51 чел., а в учреждениях образования штаты были сокращены на 25% [Там же. Л. 120]. Проводя сокращение штатов, местные власти рассчитывали освободить жилые помещения за счет сокращенных лиц. Всего сотрудники этих организаций вместе с членами своих семей занимали жилую площадь в размере 7 144,7 м² [Там же. Л. 120 об.]. Однако вопреки ожиданиям властей, попавшие под сокращение сотрудники не покидали рудник, а практически сразу устраивались работать на местные предприятия, таким образом, население рудника фактически не уменьшалось, а жилая площадь не высвобождалась [Там же. Л. 120].

Высокая плотность проживания в жилых помещениях также способствовала росту тифозной эпидемии на Анжеро-Судженских коях. Так, если на 21 ноября 1921 г. было 19 больных, то к 1 декабря их число возросло до 268 чел. [Там же. Л. 123].

Комиссия пришла к выводам, что сокращение советских учреждений и парторганизаций не даст желаемых результатов, а лишь частично улучшит положение уже находящихся на предприятиях рабочих; прием новых кадров невозможен; для того, чтобы увеличить число рабочих на 500 чел., необходимо построить 84 новых четырёхквартирных дома [Там же. Л. 121].

Наиболее остро проблема обеспечения жильем горнорабочих стояла на юге Кузбасса. В связи с тем, что Южно-Кузнецкий район только в 1917 г. начал разработку угольных пластов и до 1921 г. работы Южной группы носили разведочный характер, требовавшие немногочисленного штата рабочих, Прокопьевский и Киселевский рудники имели небольшой жилищный фонд [3. С. 12]. В силу этого обстоятельства в 1921 г. для жилья вновь прибывших рабочих использовались железнодорожные вагоны, принадлежащие кольчугинской новостройке, а также помещения, принадлежащие крестьянам близлежащих к рудникам населенных пунктов сел Усятское и Прокопье-

во, а также деревни Лучшево, расположенные от рудника соответственно на расстоянии 2, 6 и 9 верст [24. Л. 86]. Для обеспечения жильем шахтеров осенью 1921 г. в Прокопьево были переброшены из Томска несколько «ижевских барак» [25. Л. 114].

По докладу Управляющего Южной группы рудников Аристов, к 1 декабря 1921 г. на рудниках Южной группы находились порядка 4 615 рабочих и трудармейцев, которые размещались в прилегающих поселках, а также в бараках и в 96 железнодорожных вагонах, приспособленных под жилье [26. Л. 74]. Из-за чрезмерной плотности размещения в жилых помещениях рабочих и служащих только за ноябрь месяц усилились тифозные заболевания: по Прокопьевску на 10%; по Киселевску – 5%, грозившие сокращением угледобычи [Там же. Л. 75].

На Прокопьевском руднике функционировали 1 амбулатория и 2 больницы: заразная на 50 коек и общая на 10 коек. Общая больница помещалась в ветхом крестьянском доме и не соответствовала своему назначению. За июль–сентябрь 1922 г. в больнице на излечении находились 175 тифозных и 99 незаразных больных. При больнице отсутствовало родильное отделение, поэтому «роженицам приходилось разрешаться в вагонах при страшной скученности населения» [27. Л. 4].

Учитывая вышесказанное, Райуголь Южной группы остро нуждался в новом жилье, однако существовали объективные причины, которые мешали развернуть широкое строительство жилых домов для рабочих и членов их семей. Так, из-за недостатка квалифицированных строительных рабочих Управление Южной группой вынуждено было прибегать к услугам местных наемных рабочих из числа крестьян, которые при недостаточном их количестве имели низкую квалификацию как рабочие-строители. В дополнение к этому Южная группа испытывала недостаток в лесных строительных материалах из-за того, что доставка строительного леса в Прокопьево осуществлялась гужевым транспортом на расстояние 20 верст или по железной дороге из Томской и Енисейской губерний [24. Л. 86–86 об.].

Ввиду ограниченности времени, рабочих и материальных средств в Южной группе рудников, было решено в первую очередь строить полуземляные, глиносоломенные и глинохворостяные бараки [Там же. Л. 86 об.]. Для размещения рабочих и их семей на Прокопьевском руднике в 1922 г. было построено новое жилье, что во вновь отстроенных казенных квартирах были размещены порядка 1 110 чел. (табл. 2).

Таблица 2

Строительство жилья на Прокопьевском руднике по смете 1921/22 операционного года* [27. Л. 4]

Тип дома	План строительства по смете 1921/22 опер. года, м ²	Построено за строительный сезон 1921/22 опер. года		Распределение общего объема построенного жилья, %
		м ²	%	
Глинобитный	5 122,9	4 033,1	78,7	80,7
Деревянный	1 315,5	965,0	73,4	19,3
Всего	6 438,4	4 998,1	77,6	100

* Расчеты автора на основе результатов ревизии Южной группы Кузбасстреста (доклад зам. уполномоченного НК РКИ по Сибири И.А. Итунина в Сибревком, январь 1923 г.).

Как видно из табл. 2, жилищный фонд Прокопьевского рудника увеличился на 4 998,1 м². Всего по сме-

те строительство было выполнено на 77,6%. Из общего объема построенного жилья на долю глинобитных

домов приходилось 80,7% и лишь 19,3% были деревянными, что свидетельствует о подавляющем преобладании вновь возведенного временного жилья.

Несмотря на увеличение квартирного фонда – это было недостаточно, чтобы полностью удовлетворить потребности населения Прокопьевского рудника. Так, выступая на II съезде представителей каменноугольной промышленности Кузбасса 3–9 декабря 1922 г., технический руководитель Южной группы Охрименко отмечал плохие жилищные условия, в которых проживали горнорабочие и члены их семей. В частности, из-за острого дефицита жилых помещений на душу населения копей приходилось всего 3,2–3,6 м², часть рабочих и служащих проживали в плохих деревенских избах [28. Л. 43]. Жилищный вопрос усугублялся тем обстоятельством, что трудящиеся жили в 7 и 9 верстах от места работы. Крестьяне, являвшиеся собственниками домов, не получавшие никакой

материальной компенсации от властей за использование жилой площади, чинили всякие неудобства служащим и рабочим, занимавших комнаты в их домах с целью их «выжимания» [28]. Выражалось это в ломке печей, удалении тепловых рам, использовании помещений сотрудника для личных надобностей.

По данным специального обследования, в 1922 г. в Прокопьевском районе большинство населения жило в землянках и необорудованных вагонах. В декабре 1923 г. в Прокопьевске в землянках продолжали жить 42% всех рабочих, в Ленинске – 39% [29. С. 146].

Размер жилищного фонда в Кузнецком бассейне на 1 октября 1922 г. и число лиц, проживавших на территории рудников, позволяют нам подсчитать примерное количество населения, обеспеченного жильем, а средний показатель жилплощади, приходящийся на 1 чел., дает представление о тяжелом жилищном кризисе в Кузнецком бассейне (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Жилищные условия в промышленных районах Кузбасса на 1 октября 1922 г.* [21. Л. 75 об.]

Промышленный район Кузбасса	Жилой фонд		Население		Обеспеченность жильем (при норме 4,552 м ²)		Средний размер жил. площади на 1 чел., м ²
	м ²	%	чел.	%	чел.	%	
Анжеро-Судженский	84 767,3	63,9	21 510	57,7	18 622	86,6	3,9
Ленинский (быв. Кольчугинский)	20 848,2	15,7	7 940	21,3	4 580	57,7	2,6
Южно-Кузнецкий (Прокопьевский и Киселевский рудники)	11 584,8	8,7	3 301	8,8	2 545	77,1	3,5
Кемеровский	15 522,3	11,7	4 548	12,2	3 410	75	3,4
Всего	132 722,6	100	37 299	100	29 157	78,2	3,56

* Расчеты автора на основе данных «О жилищных условиях на рудниках» (доклад секции по использованию рабочей силы и быта работников в комиссию РКИ по обследованию АИК «Кузбасс» и Кузбасстреста в 1924 г.).

Как видно из показателей табл. 3, к 1 октября 1922 г. наибольший объем жилого фонда в 63,9% находился в Анжеро-Судженском районе, в помещениях которого было расквартировано 57,7% населения, включавшего рабочих и служащих каменноугольной промышленности, а также членов их семей. Меньше всего жилья было в Южно-Кузнецком районе, в сумме на Прокопьевский и Киселевский рудники приходилось 8,7% жилого фонда, имевшегося в то время в Кузбассе. При минимальной норме жилой площади на 1 чел. в 4,552 м² казенными квартирами могли быть обеспечены порядка 29 157 чел., что составляло 78,2% населения рудников Кузбасса. В среднем по всем промышленным районам Кузбасса на 1 чел. приходилось по 3,56 м², что было ниже установленной нормы на 21,8%, хуже всего в этом отношении дела обстояли в Ленинском районе, где на 1 чел. приходилось лишь 2,6 м².

Тяжелые жилищные условия, на наш взгляд, стали одной из причин оттока населения с копей Кузбасса. Общая тенденция уменьшения населения прослеживается в большинстве промышленных районов. Так, если в Анжеро-Судженском районе в начале 1922 г. население насчитывало 33 тыс. чел., то к 1 октября 1922 г. осталось 21 510 чел., по Ленинскому району уменьшение с 13 101 чел. в декабре 1921 г. до 7 940 на 1 октября 1922 г., по Южно-Кузнецкому району – с 4 615 чел. до 3 301.

Подводя итоги действий Сибирских органов власти и Сибугля в 1920–1922 гг. в рамках борьбы с жилищным кризисом в Кузбассе, следует сказать, что исчерпав все имевшиеся жилищные ресурсы, на ка-

менноугольных копях было размещено такое количество вновь прибывшей рабсилы, которое было способно увеличить и стабилизировать производство каменного угля. Об этом свидетельствует увеличение добычи угля в Кузбассе на 127,8 тыс. т в 1921/22 операционном году, что больше на 14% в сравнении с предыдущим годом [30. С. 28. Табл. 2].

В основном задача расквартирования была решена за счет ухудшения условий проживания местного населения. Местные рабочие вместе с семьями вынуждены были смириться с подселением к ним новых жильцов. Неработающее население подверглось выселению из рудничных поселков, в том числе дети и инвалиды. Крестьяне-домовладельцы лишились своих домов, находившихся на территории рудников. На долгосрочный постой в крестьянские избы близлежащих сел и деревень была размещена часть рабочих и служащих. Вновь прибывшие рабочие и члены их семей размещались в крайне неблагоприятных жилищно-бытовых условиях без соблюдения минимальных санитарных норм жилплощади, приходящейся на одного человека, зачастую в помещениях, не приспособленных для проживания. Часть переселенцев в Кольчугино и Прокопьево была вынуждена строить землянки «самосильно», а затем селиться в них вместе с семьями [31. С. 85].

В целом борьба с жилищным кризисом в Кузбассе на протяжении 1920–1922 гг. проходила в условиях жесткого сопряжения проблем переизбытка населения рудничных поселков, дефицита жилья и решения производственных задач угледобывающих предприятий.

Целью реализованных мероприятий, направленных на преодоление жилищного кризиса, являлось не улучшение жилищных условий проживания населения, а размещение в Кузнецком бассейне рабсилы, способной выполнять производственную программу.

В перипетиях борьбы с жилищным кризисом проявился самый насущный вывод: дальнейшее развитие каменноугольной промышленности Кузбасса без масштабного строительства жилья для горнорабочих было невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заболотская К.А. Угольная промышленность Сибири (конец 1890 – начало 1990-х гг.). Кемерово, 1995. 342 с.
2. Захарова Т.В. Государственная жилищная политика в Горном Алтае в 1920–1930-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 1 (13). С. 53–58.
3. Бажанов В.М. Положение и перспективы каменноугольной промышленности в Сибири. Л., 1925. 64 с.
4. Бажанов В.М. Каменноугольная промышленность СССР. М., 1925. 92 с.
5. Советская Сибирь. 1920. 24 нояб.
6. Декреты Советской власти. М., 1983. Т. XI. Октябрь – ноябрь 1920 г. 467 с.
7. Сарин Д.П. Пополнение трудовых ресурсов Кузбасса в условиях военного коммунизма // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4 (64). Т. 1. С. 28–34.
8. Государственный архив Кемеровской области (далее – ГАКО). Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 20.
9. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 55.
10. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 234. Оп. 1. Д. 90.
11. Советская Сибирь. 1921. 21 сент.
12. Декреты Советской власти. М., 1986. Т. XII, Дек. 1920 г. – январь 1921 г. 428 с.
13. РГВА. Ф. 234. Оп. 1. Д. 89.
14. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 274.
15. ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 296.
16. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 196.
17. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 736.
18. Галкин Н.В. Первая жизнь инженера Лоханского // Кузбасс. 2012. 15 мая.
19. Кольчугинский миллиард. Новосибирск, 2008. 220 с.
20. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 834.
21. ГАНО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 100.
22. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 302.
23. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 96.
24. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 392.
25. ГАТО. Ф. Р-272. Оп. 1. Д. 70.
26. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 507.
27. ГАНО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 98.
28. ГАКО. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 36.
29. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.) / отв. ред. А.С. Московский. Новосибирск, 1982. 425 с.
30. Вторая угольная база СССР Кузбасс // Кузбасс в цифрах / под ред. М.С. Строилова. Новосибирск, 1935. Ч. 3. 86 с.
31. Каймашикова Е.Б. История становления и развития угольно-металлургических городов Кузбасса в 20-е – середине 80-х гг. XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2004.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 февраля 2016 г.

THE STRUGGLE AGAINST THE HOUSING CRISIS IN KUZBASS IN 1920–1922

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 121–128.

DOI: 10.17223/15617793/414/19

Dmitriy P. Sarin, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: sarin.d@mail.ru

Keywords: housing crisis; Kuzbass; coal mining.

This article examines the situation with providing housing for the population in the coal districts of the Kuznetsk Basin in 1920–1922. The author singles out three reasons of the housing crisis in Kuzbass: housing shortage, surplus population in the mines and the lack of large-scale construction of new housing. He also highlights the link between bread supplies from Siberia to the European part of Russia and concentration of the workforce from different parts of the country in the coal mining industry of Kuzbass because of the fuel crisis. The article is concerned with the decisions and actions of both central authorities of the Soviet Republic and Siberian ones aimed at overcoming the housing crisis in Kuzbass. The main purpose of the activities undertaken by the authorities was not improvement of the living conditions of the coal mines population, but placement of miners and members of their families, coming from different regions of Siberia and the famine-stricken provinces of the Volga and the Urals, in already existing residential and non-residential premises. An acute shortage of housing made the local authorities forcibly move inoperable population, including children and the disabled, from the territory of the coal mines. Newly arrived workforce was resettled in emptied living spaces. Based on the compilation of the archival material of Кемерово, Novosibirsk and Tomsk Oblasts, as well as the Russian State Military Archive, the article analyzes the existence of housing, the ability to provide the population of the mine towns of the Kuznetsk Basin with government-owned apartments. During the study, the most acute period of the housing crisis in the Kolchugino mine, 1921–1922, has been established. The most miserable housing situation was in the mines of the South Group where the majority of miners lived in railway wagons and dugouts. For improving the living conditions of miners in the South-Kuznetsk area in 1922, new housing units were built at the Prokopyevsky mine. Due to the lack of construction workers and building materials, as well as time pressures, there were built half-earthen, clay straw, clay brushwood barracks there. New temporary shelters covered 4998.1 m², which provided housing for 1100 people. In the paper, the proportion of the housing stock of each industrial area across the Kuznetsk Basin has been determined. There has been revealed a general tendency for the outflow of human resources from the industrial areas of Kuzbass in 1922. On the basis of the available information on housing, the number of population and parameters of minimum acceptable housing per person, it has been estimated that by 1 October 1922, 29,157 persons were provided with government-owned apartments, i.e.

78.2 % of the Kuzbass population. The author concludes that the measures taken by the authorities allowed accommodating the required number of the cheap workforce in the very cramped housing conditions due to the deterioration of the living conditions. The study results broaden the idea of the formation of Kuzbass as the industrial center of Siberia.

REFERENCES

1. Zabolotskaya, K.A. (1995) *Ugol'naya promyshlennost' Sibiri (konets 1890 – nachalo 1990-kh gg.)* [The coal industry in Siberia (the end of the 1890s – early 1990s)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
2. Zakharova, T.V. (2011) The state housing policy in Gorny Altai in 1920–1930ies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1 (13). pp. 53–58. (In Russian).
3. Bazhanov, V.M. (1925) *Polozhenie i perspektivy kamennougol'noy promyshlennosti v Sibiri* [The situation and prospects of the coal industry in Siberia]. Leningrad: [s.n.].
4. Bazhanov, V.M. (1925) *Kamennougol'naya promyshlennost' SSSR* [The coal industry of the USSR]. Moscow: [s.n.].
5. *Sovetskaya Sibir'*. (1920). 24 November.
6. Anon. (1983) *Dekrety Sovetskoy vlasti* [The decrees of the Soviet power]. Vol. 11. Moscow: Politizdat.
7. Sarin, D.P. (2015) Labour resources replenishment in Kuzbass under the conditions of war communism. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 4 (64):1. pp. 28–34. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.21603/2078-8975-2015-4-28-34>
8. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-100. List 1. File 20. (In Russian).
9. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-173. List 1. File 55. (In Russian).
10. Russian State Military Archive (RGVA). Fund 234. List 1. File 90. (In Russian).
11. *Sovetskaya Sibir'*. (1921). 21 September.
12. Anon. (1986) *Dekrety Sovetskoy vlasti* [The decrees of the Soviet power]. Vol. 12. Moscow: Politizdat.
13. Russian State Military Archive (RGVA). Fund 234. List 1. File 89. (In Russian).
14. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-532. List 1. File 274. (In Russian).
15. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-532. List 1. File 296. (In Russian).
16. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-173. List 1. File 196. (In Russian).
17. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1. List 1. File 736. (In Russian).
18. Galkin, N.V. (2012) *Pervaya zhizn' inzhenera Lokhanskogo* [The first life of engineer Lokhanskiy]. *Kuzbass*. 15 May.
19. Sungurov, Yu. (2008) *Kol'chuginskiy milliard* [Kolchuginsk billion]. Novosibirsk: Priobskie vedomosti.
20. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1. List 1. File 834. (In Russian).
21. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-288. List 1. File 100. (In Russian).
22. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-1. List 2. File 302. (In Russian).
23. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-1. List 1. File 96. (In Russian).
24. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-1. List 2. File 392. (In Russian).
25. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-272. List 1. File 70. (In Russian).
26. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1. List 1. File 507. (In Russian).
27. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-288. List 1. File 98. (In Russian).
28. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-86. List 1. File 36. (In Russian).
29. Moskovskiy, A.S. (ed.) (1982) *Rabochiy klass Sibiri v period stroitel'stva sotsializma (1917–1937 gg.)* [The working class of Siberia in the period of socialist construction (1917–1937)]. Novosibirsk: Nauka.
30. Stroilov, M.S. (ed.) (1935) *Vtoraya ugol'naya baza SSSR Kuzbass* [The second USSR coal base, Kuzbass]. Vol. 3. Novosibirsk: Kuzbassugol', ONTI.
31. Kaymashnikova, E.B. (2004) *Istoriya stanovleniya i razvitiya ugol'no-metallurgicheskikh gorodov Kuzbassa v 20-e – seredine 80-kh gg. XX v.* [The history of formation and development of coal and steel towns of Kuzbass in the 1920s – mid-1980s]. History Cand. Diss. Kemerovo.

Received: 12 February 2016

СЕТЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ «ШКОЛА – ВЕДУЩИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»: ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Рассматриваются изменения в сетевом взаимодействии учреждений общего образования и Томского государственного университета в связи с переходом последнего в статус ведущего исследовательского университета. Анализируется, как стратегия трансформации университета в инновационную корпорацию, курс на создание вокруг себя адекватного научно-образовательного сообщества потребовали перестройки системы отношений со школами региона, актуализировали необходимость определения их места в новой кооперации.

Ключевые слова: исследовательский университет; идентификация; взаимодействие; школа.

Вопросы взаимодействия школ и вузов в последние полтора десятилетия привлекли внимание как теоретиков, так и практиков отечественного образования, специалистов в области управления образованием. К активному сотрудничеству школы и вузы подтолкнуло введение компетентностной модели образования, предполагающей трансформацию традиционных представлений об учебной деятельности, переход от трансляции предметных знаний к обучению их использования на практике. В решении этой сложной задачи учреждения среднего и высшего образования начали вступать в различные виды взаимодействия, создавая в рамках профильных классов старшей школы сетевые образовательные проекты, программы, модули.

Сетевыми эти формы взаимодействия, как известно, стали называться потому, что создавались на основе взаимовыгодных «горизонтальных» связей, минуя органы управления образованием. Вузы помогали школам квалифицированными преподавателями, программами и оборудованием, школы «поставляли» вузам хорошо подготовленных абитуриентов, в первую очередь, отличавшихся высокими показателями ЕГЭ. Заметный вклад в разработку и внедрение различных сетевых форм сотрудничества внесли томские педагоги и исследователи, особенно представители ТГУ, силами которых были созданы и описаны разнообразные прецеденты подобного взаимодействия [1], изучены проблемы, обозначены перспективы сотрудничества школ и вузов в регионе [2].

Разработка данной тематики в региональном образовании получила новый импульс в связи с изменениями в развитии двух ведущих университетов Томска – государственного классического и политехнического. Изменения связаны с успешным участием вузов в проекте «5 TOP-100», предполагающем получение статуса ведущего исследовательского университета и права бороться за высокие мировые рейтинги. Новые целевые установки подтолкнули томские вузы не только к интенсификации своей деятельности, но и к разработке своего особого пути к достижению поставленной цели, осмыслению специфики своего развития, формированию «своего» места среди наиболее успешных университетов мира. В этот процесс самоидентификации ведущих университетов уже вовле-

каются и будут в дальнейшем вовлекаться различные учреждения общего образования, перед которыми возникают аналогичные задачи самоопределения. В данной публикации на примере взаимодействия ТГУ и учреждений общего образования хотелось бы обратить внимание на трудности, которые актуализируются на этом пути, и возможностях их преодоления.

Переход ТГУ в статус ведущего университета, постановка принципиально новых, чрезвычайно сложных стратегических целей актуализировали задачи поиска дополнительных ресурсов развития, разработки особых механизмов повышения конкурентоспособности, формирования нового уклада жизни и деятельности университета. Решение перечисленных задач потребовало реализации целого комплекса проектов, направленных на создание особой модели развития исследовательского университета, основанной на «перестройке базовых процессов ТГУ в логике производства инноваций» [3], «выращивании» сотрудниками новых форм своей профессиональной деятельности. В образовательной сфере в качестве фундамента внутренних корпоративных стандартов университета были заявлены принципы междисциплинарности, индивидуализации, открытости и ориентация на формирование проектных, исследовательских, инновационно-предпринимательских компетенций.

Новый курс развития и потребности в дополнительных ресурсах оказали влияние на обновление руководством ТГУ стратегии взаимодействия университета со школами региона. Опираясь на положения дорожной карты реализации проекта «5 TOP-100», руководители блока, отвечающего за учебную работу в университете, сформулировали новые запросы к школьному образованию следующим образом: «Система общего образования рассматривается университетом не только как поставщик сильных абитуриентов с высокими показателями ЕГЭ, но и как партнер в создании системы выявления талантливых детей и молодежи, их раннего привлечения в университетскую среду для формирования “своего” абитуриента, т.е. мотивированного и подготовленного к обучению по внутренним корпоративным стандартам университета» [4. С. 3].

В.В. Дёминым и Е.А. Сухановой была заявлена готовность университета самому выступить в качестве ресурса развития региональной системы общего обра-

зования. «Сетевое взаимодействие университета с организациями общего и дополнительного образования, органами управления образованием, – заявили они, – рассматривается как составная часть третьей роли университета, а именно как механизм формирования и развития интеллектуального ресурса региона» [4. С. 4].

Сформулировав обновленные запросы к взаимодействию с системой общего образования, руководство ТГУ закономерно оказалось перед сложной проблемой поиска новых партнеров. Сложность данной проблемы, на наш взгляд, заключается в необходимости решения, по крайней мере, двух не простых задач. Во-первых, необходимо определить и привлечь к сотрудничеству достаточно широкий круг «своих» партнеров, имеющих целевые установки и ресурсы для подготовки абитуриентов, соответствующих «внутренним корпоративным стандартам университета». А во-вторых, необходимо создать устойчивую «систему» вовлечения предполагаемых абитуриентов в университетскую среду. Фактически речь идет о том, что ТГУ, чтобы стать университетом «мирового уровня», нужны не отдельные партнеры, способные и внутренне мотивированные к участию в формировании университетом «своего» абитуриента, нужен собственный корпоративный сектор в региональной системе общего образования, ориентированный на инновационное развитие.

В определенной мере эта идея просматривается в статье уже упомянутых авторов из руководства ТГУ, в которой в качестве ближайшей перспективы указывается необходимость «сформировать вокруг университета профессиональное научно-образовательное сообщество, имеющее единое представление о задачах современного образования и способах их реализации, а также желание и готовность влиять на решение актуальных задач развития системы образования в целом» [Там же. С. 5].

Таким образом, в дополнение к уже традиционной задаче набора абитуриентов-высокобалльников в ТГУ были выдвинуты новые: набор абитуриентов, соответствующих корпоративным стандартам инновационного университета, и формирование вокруг университета сообщества учреждений региональной системы общего образования, ориентированного на инновационное развитие.

Сопоставление традиционных и новых задач в развитии взаимодействия «школа – ТГУ» невольно подталкивает к мысли, что новые задачи требуют новых стратегий и новых типов взаимодействия в указанной связке образовательных учреждений. В этой мысли особенно утверждаешься при помещении перечисленных задач в контекст типологии эмпирических моделей взаимодействия «вуз – школа», разработанной в начале 2010-х гг. профессором ТГУ Г.Н. Прозументовой. В этой типологии выделены некоторые характерные особенности взаимодействия между учреждениями общего и высшего образования по целевым установкам, системности отношений, инновационному потенциалу.

В первой группе характерными для взаимодействия образовательных учреждений являются случай-

ные связи. Такое взаимодействие возникает «по ситуации», основывается преимущественно на личных контактах и характеризуется прагматичной ориентацией на повышение результатов ЕГЭ, увеличение количества учащихся, поступающих в вузы.

Во второй группе преобладает стратегия продуманного «использования друг друга» для решения каждым учреждением своих задач: взаимодействие фокусируется на решении задачи успешного поступления учащихся в вузы и «набора» абитуриентов. Поэтому школы развивают отношения с престижными вузами, создают профильные классы, что обеспечивает им не только высокий процент «поступающих», но и репутацию учреждения с высоким качеством образования. Вузы получают хорошо подготовленных учащихся и репутацию образовательного учреждения, принимающего абитуриентов с высоким баллом ЕГЭ.

Для третьей группы отношений определяющим является «поглощение» вузом школы: взаимодействие определяется своеобразным «подтягиванием» задач общего образования к задаче подготовки и успешного обучения учащихся в вузе. Такая модель часто проявляется во взаимодействии вузов и старшей ступени школы или в создании отдельных, самостоятельных образовательных учреждений при вузах (лицей, гимназии).

Четвертую модель характеризует ориентир учреждений на «совместное производство» инновационных разработок, обеспечивающих повышение качества образования, создание новых образовательных услуг и становление образования как области инновационного развития. В таком взаимодействии ставятся общие для школы и вуза задачи совершенствования образовательного процесса, проектируются, апробируются разные модели организации образования, создаются и внедряются инновационные разработки, обеспечивающие повышение качества образования.

Пятая модель нацелена на совместное формирование «образовательного сообщества» как субъекта управления образованием в региональном образовательном пространстве. Наиболее подготовленным к такой совместной работе со стороны системы общего образования являются школы-лаборатории. При взаимодействии школ-лабораторий и вузов создаются не только инновационные разработки, повышающие качество образования, но и субъекты (группы, команды), обладающие потенциалом изменения качества образования, преодоления учрежденческих границ, «эгоизма» образовательных учреждений [5. С. 186].

Данная типология моделей взаимодействия «школа – вуз» интересна тем, что ее можно рассматривать одновременно как инструмент идентификации партнеров и как средство продуманного формирования идентификационной группы. Последнее становится возможным в силу того, что в типологии не только зафиксированы разные качества взаимодействия учреждений образования, но, что особенно актуально, четко прописан вектор движения и пошаговые ориентиры для развития этого взаимодействия: от случайных, очень «корыстных», разноцелевых связей к выработке общей стратегической линии по созданию «образовательного сообщества», объединенного задачей построения инновационного сектора в регионе.

Сложность применения данной типологии к опыту университета связана с тем, что в настоящее время в вопросах взаимодействия ТГУ с учреждениями общего образования сложились два подхода. Первый подход, обладающий повышенной актуальностью, исходит из обязательств, которые университет как участник проекта «5 TOP-100» взял на себя по приему абитуриентов. Согласно этим обязательствам, прописанным в «дорожной карте» программы повышения конкурентоспособности, к 2020 г. планируется довести средний балл ЕГЭ поступающих в ТГУ на бюджетные места до 76 [3]. В связи с чем особый интерес для университета представляет традиционный тип партнеров – учреждения общего образования, которые достигают особых успехов в подготовке «высокобалльников». В приведенной типологии взаимодействия «школа – вуз» эти учреждения расположены в основном во второй и третьей группах. Именно в двух указанных группах, как показывает практика набора абитуриентов, по преимуществу сосредоточен основной костяк «высокобалльников» г. Томска.

Второй подход в работе ТГУ с партнерами из системы общего образования продолжает намеченную в предыдущие годы линию сотрудничества в инновационной деятельности. Она опирается на «стратегию «совместного производства» образовательных продуктов (технологий, проектов, программ)», которые могут «повлиять на качество общего образования за счет расширения школьной программы и фокусировки форм и способов образовательной деятельности на проектно-исследовательской области» [4. С. 5]. К числу школ, уже вовлеченных в реализацию данной стратегии, в университете относят, в первую очередь, школы-лаборатории ТГУ – школа «Эврика-развития», СОШ № 49 (Школа совместной деятельности), Северская гимназия. Именно на эту группу учреждений из пятой модели указывала Г.Н. Прозументова как на самых перспективных партнеров по взаимодействию с точки зрения развития инновационного потенциала образования.

«Взаимодействие в этой модели, – писала она, – выражается в сильных синергетических эффектах, которые не присущи какой-либо одной из взаимодействующих сторон, а являются именно эффектами взаимодействия, порождаются ими» [5. С. 183]. По мнению Г.Н. Прозументовой, в рамках этой модели создаются три важнейших составляющих развития потенциала взаимодействия «школа – вуз»: 1) «антропологический потенциал образования, т.е. потенциал осмысленного участия и “личного присутствия” человека в организации образования», 2) «гуманитарный потенциал, т.е. потенциал влияния сообществ на организацию образования», 3) «потенциал самоорганизации и синергизма, т.е. выделение взаимодействия, совместности как предмета образования и условия изменения его качества» [Там же. С. 187]. К сожалению, взаимодействие между университетом и школами-лабораториями в последние два-три года по разным причинам заметно ослабло, потеряло былую интенсивность и систематичность. В то же время проведенная в феврале 2016 г. в Томске Международная тьюторская конференция «Многообразие и индивиду-

ализация как возможность становления образовательной культуры» с активным участием школ-лабораторий показала высокий инновационный потенциал развития сотрудничества университета с этими учреждениями общего образования.

Не хотелось бы вводить жестких разграничений между двумя указанными подходами, но все-таки необходимо отметить, что за ними стоят ориентации на учреждения общего образования с очень разными целевыми и ценностными установками, так как система овладения инициативными компетенциями и система «натаскивания» на успешное прохождение ЕГЭ имеют существенные различия. (Характерными в этой связи представляются результаты анализа сформированности проектных, исследовательских, коммуникативных компетенций у участников знаковых для ТГУ образовательных событий (Форсайт-сессия, Молодежный форум), проведенных весной 2016 г. Из числа приглашенных – учащиеся старших классов ведущих гимназий и лицеев г. Томска, только треть показала успешные результаты.)

Однако не только отмеченная разновекторность в отношениях с учреждениями общего образования затрудняет формирование университетом собственно корпоративного сектора инновационного образования в регионе. Следует сказать и о невятной политике (если о таковой вообще можно говорить) самих учреждений общего образования в отношениях с ТГУ в его новом статусе. Подавляющее большинство из них продолжает традиционно рассматривать университет в основном как реципиента будущих абитуриентов, очень ограниченно используя его ресурсы в обновлении содержания школьного образования, совместной разработке новых образовательных проектов и программ, повышении квалификации педагогов и управленцев в рамках требований новых ФГОС и т.д.

Создается впечатление, что сложившиеся в отношениях ТГУ и школ региона «недопонимание» и разнонаправленность интересов, препятствующие формированию осознанной и устойчивой принадлежности к региональному инновационному сообществу, в немалой степени обусловлены дефицитом системных форм взаимодействия. Подобный дефицит выражается в отсутствии организационной основы для систематического и всестороннего обсуждения ее участниками актуальных для них ценностей и целей образования, разработки и коррекции стратегии совместного развития, подготовки инновационных проектов и программ. Представляется, что одним из средств восполнения данного дефицита могло бы стать создание силами ТГУ и его партнеров регионального Института взаимодействия учреждений общего и высшего образования, основанного на сетевых принципах. В основе такого Института могут быть положены две ключевые установки.

Во-первых, центральное место в его деятельности должна занять идея создания «образовательного сообщества», в которое могут входить различные неформальные группы и официальные учреждения, выступающие с инициативами по развитию образования в регионе. Реализация данной установки позволит задать ценностные приоритеты в деятельности парт-

неров по Институту, сосредоточив их на задачах создания инновационного сектора в региональном образовании. (Понятно, что взаимодействие ТГУ со школами в подготовке абитуриентов-высокобалльников не снимается с повестки дня, но оно начинает приобретать другие параметры. С одной стороны, в школах-лабораториях уже накоплен опыт разработки программ по подготовке к ЕГЭ с использованием современных образовательных технологий. С другой стороны, формат единого государственного экзамена в настоящее время испытывает заметную трансформацию – сокращение репродуктивных и расширение творческих заданий. Вероятно, эта тенденция в дальнейшем еще более прочно свяжет успешность окончания школы с овладением инновационными компетенциями.)

Во-вторых, все партнеры по Институту, исходя из принципов сетевого сотрудничества, должны получить право участвовать во всех формах и на всех уровнях его деятельности. Это значит, что они будут иметь возможность принять участие в разработке, реализации, управлении и исследовании основных форм инновационной деятельности по развитию образования в регионе – образовательных событий, проектов, программ, стратегий. Данная возможность неограниченного участия в работе Института одновременно становится и основанием для выбора поля деятельности его «сотрудников». Схематично эту возможность можно выразить следующим образом:

**Уровни и формы взаимодействия
в образовательном сообществе**

Уровни Формы	Разра- ботка	Реали- зация	Управле- ние	Исследо- вание
Образовательное событие				
Образовательный проект				
Образовательная программа				
Образовательная стратегия				

В развернутом виде информация, составленная на основе карты, даст комплексное представление о деятельности участников сообщества, об их тактических установках и предоставит возможность сделать собственный выбор относительно своего места, роли и

содержания деятельности в образовательном сообществе региона. Думается, что предлагаемая матрица может послужить в качестве идентификационной карты и выполнять функцию еще одного инструмента самоопределения для установления принадлежности участника образования к инновационному сообществу.

Проводя различия в уже описанных средствах идентификации, следует сказать, что если типология первичных моделей взаимодействия «школа – вуз» Г.Н. Прокументовой может рассматриваться, прежде всего, как инструмент для выбора ценностных ориентиров, то карта определения уровней и форм взаимодействия рассчитана на «перевод» ценностных ориентиров в деятельностную форму и построение собственных «каналов входа» в региональное инновационное сообщество. Создание Института взаимодействия учреждений общего и высшего образования будет особенно актуально, если принять во внимание те бурные изменения, которые сейчас происходят как в университетской среде, так и в системе общего образования. Новые повороты в реформировании обеих систем образования, несомненно, каждый раз будут заново поднимать идентификационные проблемы, требовать перенастройки отношений в региональном инновационном сообществе и разработки более эффективных форм взаимодействия их представителей.

Институт, построенный на сетевых принципах взаимодействия, привлечет учреждения общего и высшего образования, прежде всего, возможностью самого разнообразного сотрудничества с университетом. Эта возможность в особой мере будет способствовать более успешной реализации третьей роли ТГУ по развитию интеллектуального ресурса региона, в значительной мере поможет формированию «вокруг университета профессионального научно-образовательного сообщества, имеющего единое представление о задачах современного образования и способах их реализации». Взяв курс на трансформацию своей корпоративной идентичности, на превращение в активно развивающуюся инновационную корпорацию, университет может использовать накопленный опыт взаимодействия со школами для распространения своих принципов в системе общего образования, для создания в регионе единого инновационного образовательного комплекса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современный университет – школа: прецеденты и феномены взаимодействия / под ред. Г.Н. Прокументовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007.
2. Взаимодействие вузов и школ для становления Открытого образовательного пространства: потенциал, проблемы, задачи управления / под ред. Г.Н. Прокументовой. Томск : ТМЛ-Пресс, 2013.
3. План мероприятий по реализации программы повышения конкурентоспособности («дорожной карты») федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» на 2013–2020 гг. (2-й этап – 2015–2016 гг.) Томск, 2015. URL: viu.tsu.ru
4. Демин В.В., Суханова Е.А. Сетевое взаимодействие классического исследовательского университета и системы общего образования: опыт и перспективы // Информатика и образование. 2015. № 6. С. 3–6.
5. Прокументова Г.Н. Потенциал взаимодействия вузов и школ: эмпирические модели // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 358. С. 182–187.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 ноября 2016 г.

THE “SCHOOL AND LEADING RESEARCH UNIVERSITY” NETWORK INTERACTION: IDENTIFICATION ASPECTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 129–133.

DOI: 10.17223/15617793/414/20

Viktor Yu. Sokolov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sokvu@yandex.ru

Keywords: leading research university; identification; interaction; school.

The purpose of this article is to consider changes in the network interaction of institutions of general education and Tomsk State University in connection with the latter obtaining the status of a leading research university. The sources for this article were statements in the press of the leaders of the University on the issues of network interaction of the University with institutions of general education, publications of University professors on the topic of the study and participant observation of the author of this article. Regarding the latter source, the author is the head of one of the network programs (TSU – School 49, Tomsk) and a participant of the project “Interaction of TSU with the system of general education”. Networking of institutions of general and higher education have been actively developed and studied in our country since the beginning of the 2000s. The active cooperation of schools and universities was prompted by the introduction of the competence model of education, the transition from the traditional translation and reproduction of subject knowledge to the teaching of the use of knowledge in practice. Mutual interest caused network cooperation: schools needed new curricula, qualified teachers, equipment, universities needed applicants that have mastered relevant competencies. Tomsk teachers and researchers made a significant contribution to the development and implementation of various network forms of cooperation, particularly active in this direction were the staff of Tomsk State University, who described the precedents, identified the problems and outlined the prospects of cooperation between schools and universities in the region. It seems that the main factor of changes in the interaction of TSU with the institutions of general education in the last three years is the transition to transforming the University into an innovative corporation. A new course, on the one hand, demanded restructuring the system of relations of the University with schools of the region, on the other hand, actualized the problem of the identity of schools in relation to the new cooperation. However, the vast majority of schools in the region continue to traditionally consider the University as a recipient of future entrants and make a very limited use of its innovative resources. In the author’s opinion, an important reason for such a “neglect” of the new role of TSU is the shortage of effective forms of self-identification, in which the University and schools could present their positions, engage in dialogue to understand each other, develop joint projects and programmes. A platform for dialogue could be set up by TSU and its partner in the form of the Regional Institute of Interaction of Institutions of General and Higher Education based on network principles. The establishment of this Institute will be particularly relevant and promising, taking into account the rapid changes that are taking place within the University environment and in the general education system. These changes at every turn will re-raise identification problems.

REFERENCES

1. Prozumentova, G.N. (ed.) (2007) *Sovremennyy universitet – shkola: pretsedenty i fenomeny vzaimodeystviya* [Modern university – school: precedent phenomena and interactions]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Prozumentova, G.N. (ed.) (2013) *Vzaimodeystvie vuzov i shkol dlya stanovleniya Otkrytogo obrazovatel'nogo prostranstva: potentsial, problemy, zadachi upravleniya* [Interaction of universities and schools for the development of open educational space: potential problems and tasks of management]. Tomsk: TML-Press.
3. Tomsk State University. (2015) *Plan meropriyatiy po realizatsii programmy povysheniya konkurentosposobnosti (“dorozhnoy karty”) federal'nogo gosudarstvennogo avtonomnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya “Natsional'nyy issledovatel'skiy Tomskiy gosudarstvennyy universitet” na 2013–2020 gg. (2-y etap – 2015–2016 gg.)* [The Roadmap of the Federal State Autonomous Institution of Higher Education “National Research Tomsk State University” for 2013–2020. (2nd stage: 2015–2016)]. Tomsk: Tomsk State University. [Online] Available from: viu.tsu.ru.
4. Demin, V.V. & Sukhanova, E.A. (2015) Setevoye vzaimodeystvie klassicheskogo issledovatel'skogo universiteta i sistemy obshchego obrazovaniya: opyt i perspektivy [Networking of a classic research university and general education: experience and prospects]. *Informatika i obrazovanie*. 6. pp. 3–6.
5. Prozumentova, G.N. (2012) Interaction potential of universities and schools: empirical models. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 358. pp. 182–187. (In Russian).

Received: 11 November 2016

ДРЕЙФ ЭТНИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ НЕФТЕГАЗОВОГО ОСВОЕНИЯ И УРБАНИЗАЦИИ ХАНТЫ-МАНСЬСКОГО ОКРУГА (1960–1980-е гг.)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 15-11-86001, тип проекта: «а(р)»).

Предпринимается попытка историко-динамического анализа этничности в период нефтегазового освоения и урбанизации Ханты-Мансийского автономного округа в 1960–1980-х гг. Выявляются особенности этнической динамики в разрезе базовых и молодых городов округа. Раскрывается взаимосвязь этничности с производственной идентификацией в нефтедобывающих и строительных отраслях региона. Сделаны выводы о том, что нефтегазовое освоение привело к формированию полиэтничного общества в Ханты-Мансийском округе.

Ключевые слова: Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс; нефтегазовое освоение; нефтяные города; производственная идентичность; урбанизация; этничность.

Изучение трансформации этнической идентичности в контексте урбанизационных процессов является приоритетной проблематикой в исследованиях антропологии города. В условиях глобализации проблема сохранения этнической идентификации особенно актуальна. Данная тема подразумевает, что главной исследовательской целью историка является выявление реакций этничности к всепоглощающим процессам адаптации и аккультурации.

И здесь российский город как изучаемый объект, в отличие, например, от американских поселений, затрудняет историко-этнографическое исследование тем, что представляет собой систему с дисперсным характером расселения этнических групп в пределах городской черты [1. С. 139]. Для преодоления этого объективного барьера В.В. Поддубиков призывает очерчивать предметную область изучением этничности коренных народностей, этнических групп мигрантов, диаспор в городах и того, как сохраняется или трансформируется их этническая идентичность, этнокультурные традиции и какая вырабатывается стратегия участия в смешанных браках.

Учитывая специфику отечественных источников, которые насыщены статистической и учетной информацией, также представляется репрезентативным исследовать количественную динамику этничности, тем более если принять во внимание, что концепт «этничность» обозначает сущность динамичного явления, а не его статичный образ [2. С. 46]. Историко-динамический анализ этничности Ханты-Мансийского автономного округа (далее – ХМАО) в контексте урбанизации и нефтегазового освоения основывается в первую очередь на данных всесоюзных переписей населения и областного статического управления. К сожалению, в рамках советского периода фактически отсутствуют социологические исследования национального состава рабочих и их семей, приезжавших строить Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. Вместе с тем сплошной количественный анализ дает возможность показать всю панораму этнического разнообразия региона.

С самого начала нефтегазового освоения ХМАО выступил магнитом, притягивающим население из многих регионов страны с различной этнической принадлежностью. Уже перепись населения 1959 г. зафиксировала весьма пестрый национальный состав округа, что было результатом сталинских спецпересе-

лений и начавшейся в 1950-х гг. миграцией в отрасли лесопромышленности и геологоразведки. В этнической структуре региона преобладал удельный вес русских (72,5%), коренных национальностей ханты, манси и ненцев (14,5%), украинцев (3,5%), татар (2,4%), коми и коми-пермяков (2,3%), немцев (1,7%) и белорусов (1,0%) (см. табл. 1 [3. С. 130; 4. С. 12]. Эти и дальнейшие расчеты произведены на основании таблиц).

Развитие нефтедобывающей промышленности в начале 1960-х гг. способствовало масштабной миграции рабочей силы в ХМАО, которая стала резко менять этнический состав населения региона. Миграционный обмен в ХМАО осуществлялся практически со всеми регионами СССР. По данным 1965 г., наибольший миграционный приток в округ установился с областями Западной Сибири (29,2% от общего притока населения), Урала (23,4%), Поволжья (16,4%), Казахстана (6,2%), Волго-Вятского района (3,5%) и Северного Кавказа (3,3%) [5. С. 64–65, 72].

Квалифицированные кадры для нефтяной и газовой промышленности давали Башкирия, Татария, Куйбышевская область, Краснодарский край, Чечено-Ингушетия – их удельный вес во внешней миграции в нефтяные центры Нефтеюганск, Урай, Сургут, Мегион и Нижневартовск составлял 14–32%. Трудовые ресурсы для обслуживания и строительства формировались главным образом за счет мигрантов из областей Урала, Западной Сибири и Казахстана [Там же. С. 78–79, 85]. Из большинства районов приезжали в основном представители русской национальности и часть украинцев. Из Поволжья ехали преимущественно татарские и башкирские специалисты-нефтяники, а Кавказ давал пестрый состав мигрантов из русских, украинцев, азербайджанцев.

Перепись населения 1970 г. сообщала, что из всего мигрирующего населения ХМАО (74 427 чел.) больше всего было представителей от Тюменской области (30%), Западно-Сибирского экономического района (21%), других регионов РСФСР (37%), главным образом из Поволжского и Уральского районов, и союзных республик (12%), по большей части из Казахстана и Украины [6. Л. 5, 11]. Перепись населения 1970 г. также зафиксировала этнический состав мигрирующего населения в ХМАО. Согласно ее данным, русские были наибольшей группой в миграционном потоке (78,8%). Значительным среди мигрантов был

удельный вес татар (6,1%) и украинцев (5,6%). Миграция затронула и коренные народности ханты (1,0%), манси (0,7%), коми (0,4%). Прочие этносы среди мигрантов составляли 7,2% [6. Л. 6–7]. По под-

счетам Г.Ю. Колевой, к 1970 г. наиболее быстро увеличивающимися этническими группами были татары (увеличились в 4,8 раза), украинцы и белорусы (в 2 раза) [7. С. 179].

Т а б л и ц а 1

Национальный состав населения ХМАО в 1959–1989 гг. (по данным переписей населения)

Национальность	1959 г.		1970 г.		1979 г.		1989 г.		Темпы роста, 1989 г. к 1959 г.
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	%
Все население	123 926	100	271 157	100	570 763	100	1 282 396	100	1 034
Русские	89 813	72,5	208 500	76,9	423 792	74,2	850 297	66,3	946
Украинцы	4 363	3,5	9 986	3,7	45 484	8,0	148 317	11,6	3 399
Татары	2 938	2,4	14 046	5,2	36 898	6,5	97 689	7,6	3 325
Башкиры	91	0,07	1 244	0,4	7 522	1,3	31 151	2,4	34 231
Белорусы	1 281	1,0	3 362	1,2	7 555	1,3	27 775	2,2	2 168
Чуваши	289	0,2	1 929	0,7	4 739	0,8	14 000	1,1	4 844
Азербайджанцы			136	0,05	1 263	0,2	12 846	1,0	
Молдаване	564	0,4	579	0,2	1735	0,3	10 406	0,8	1 845
Немцы	2059	1,7	2 069	0,8	3 499	0,6	8 929	0,7	433
Мордва	125	0,1	1 162	0,4	3 155	0,5	7 107	0,5	5 685
Марийцы			712	0,3	1 791	0,3	5 801	0,4	
Удмурты			1 304	0,5	2 029	0,3	3 956	0,3	
Коми	2821	2,3	3 150	1,2	3 105	0,5	3 436	0,3	214
Коми-пермяки			466	0,2	1 335	0,2	2 607	0,2	
Казахи	102	0,08	179	0,07	563	0,1	3 126	0,2	3064
Лезгины			44	0,02	216	0,04	3 091	0,2	
Кумыки					89	0,01	3 077	0,2	
Чеченцы			68	0,02	269	0,05	2 845	0,2	
Армяне			147	0,05	893	0,1	2 490	0,2	
Евреи	197	0,1	250	0,09	978	0,2	2 053	0,2	1042
Другие национальности	1 354	1,1	1 978	0,7	5 475	1,0	21 799	1,7	1609
Ханты	17 929	14,5	12 222	4,5	11 219	2,0	11 892	0,9	109
Манси			6 684	2,5	6 156	1,1	6 562	0,5	
Ненцы			940	0,3	1 003	0,2	1 144	0,1	

Согласно исследованиям Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР во второй половине 1960-х гг. наибольшее число приезжих были выходцами из городов и сел Западной Сибири (45,8%), вторым по значимости регионом-донором выступало Поволжье (20,2%), а потом – Урал (16,8%) [8. С. 74–75]. К сожалению, данные социологические исследования не уделяли внимания национальному составу мигрантов, поэтому об этнической составляющей этих миграционных потоков мы можем только предполагать. Но в целом ясно, что большая часть мигрантов пополнялась из близлежащих регионов, в которых проживало русское население.

Бурный рост населения посредством миграции в начальный период нефтегазового освоения поменял соотношение долей в национальной структуре ХМАО (табл. 1). В 1970 г. на 4% вырос удельный вес русских (до 76,9%), второе место продолжали держать коренные этносы округа (7,3%), но их доля сократилась в два раза. Значительной стала представительность татар (5,2%). Большинство национальностей увеличили свои доли, кроме молдаван, немцев, коми, коми-пермяков и евреев.

В 1970-е гг. последовали изменения, связанные с усилением внешнего миграционного потока, в первую очередь из Украины. По этой причине доля русских в регионе стала сокращаться, а представительство украинцев расти. В 1979 г. удельный вес русского населения составлял 74,2%, а доля украинцев стала второй по значимости (8,0%), обогнав долю татар

(6,5%). В целом остальные этносы (кроме немцев, удмуртов, коми) также усилили свои представительства. Доля коренных национальностей вновь уменьшилась (3,3%) и стала четвертой по значимости.

В 1980-х гг., когда миграция в регион достигла наибольших показателей, основными регионами-донорами рабочей силы, по данным Н.Ю. Гавриловой и В.П. Карпова, продолжали выступать Западная Сибирь, Урал, Поволжье, Казахстан, Северный Кавказ и Украина [9. С. 187–188]. Однако переселенцев из близлежащих областей становилось меньше, и основной поток мигрантов стали давать дальние регионы, особенно Украина, Татарстан, Башкирия, Белоруссия. Это привело к тому, что удельный вес русских в национальном составе населения стал стремительно сокращаться и к 1989 г. упал на 8% (до 66,3%), а украинцы (11,6%) и татары (7,6%) упрочили свое этническое представительство в ХМАО. Значительными стали доли башкир (2,4%) и белорусов (2,2%). Эти изменения привели к уменьшению удельного веса коренных национальностей до 1,5%.

В абсолютных показателях практически все этносы имели рост населения. В 1959–1989 гг. среди основных национальностей наибольшие темпы роста были у башкир (их количество выросло в 342 раза), мордвы (в 56 раз), чувашей (в 48 раз), украинцев и татар (в 33 раза соответственно). В период 1970–1989 гг. в ХМАО впервые начался рост численности выходцев из Восточного Кавказа. Так, по подсчетам В.А. Тена, увеличилось число чеченцев – в 41 раз,

лезгин – в 70, кумыков – в 80, азербайджанцев – в 94 раза [10. С. 13–14].

Однако нефтегазовое освоение привело к численному сокращению коренных народов округа – ханты и манси. С точки зрения миграционных потоков они являлись самыми стабильными этносами ХМАО и составляли значительную часть сельского населения округа, продолжая заниматься традиционными промыслами. Ханты, манси и ненцы практически не были задействованы в отраслях нефтедобычи, поэтому в основном оставались в селе и не переезжали в строящиеся города. Среди всех этносов ХМАО, несмотря на политику перевода коренного населения на оседлость, только народности Севера продолжали жить в традиционном обществе и в незначительной степени были вовлечены в процесс урбанизации. Как справедливо замечали Н.А. Аитов и Е.Н. Икингрин, разделение на город и деревню отражало и сами национальные различия округа [11. С. 59].

Основной тенденцией в динамике национальной структуры городского населения ХМАО было усиление полиэтничности. Дифференциация населения происходила посредством падения доли русских (с 84,1% в 1959 г. до 66,3% в 1989 г.) и увеличения удельного веса других народов, в первую очередь украинцев, татар, башкир, белорусов, чувашей, азербайджанцев и молдаван (см. табл. 2 [4. С. 12; 12. Л. 66–67; 13. С. 93–94]). В абсолютных числах в результате индустриального освоения шло продвижение на Север русского, татарского и украинского населения, а также выходцев народов Поволжья [14. С. 100].

Процент русских среди городского населения ХМАО был на 15–20% ниже по сравнению с другими районами Западной Сибири и в целом по РСФСР. Меньше доля русских среди горожан в Западной Сибири была только в Ямало-Ненецком округе, где она колебалась от 70,1 до 63,2% [15. С. 40–41]. Еще одной важной тенденцией в 1959–1989 гг. являлось постоянное уменьшение представительности коренных народностей в этническом составе городских поселений округа (с 3,5 до 0,6%).

В 1959–1970 гг. наибольшая доля после русских в городах округа принадлежала татарам (3,4% в 1959 г. и 6,3% в 1970 г.). Далее шли украинцы (2,9% в 1959 г. и 4,0% в 1970 г.). В 1979–1989 гг. место татар заняли украинцы (8,4% в 1979 г. и 11,9% в 1989 г.). Татары переместились на третье место (7,1% в 1979 г. и 7,9% в 1989 г.).

Высокий уровень полиэтничности показывал удельный вес других неосновных национальностей округа, который в 1959–1989 гг. вырос с 1,1 до 2,9%. В 1989 г. в городах эта доля вышла на четвертое место. В 1989 г. значительными также были доли башкир (2,6%), белорусов (2,2%), чувашей (1,1%) и азербайджанцев (1,1%). В 1980-х гг. заметно увеличилось количество народностей, которые приезжали возводить города от строительных организаций советских республик – узбеков (1 948 чел.), литовцев (1 052 чел.), латышей (424 чел.), эстонцев (237 чел.). С середины 1970-х гг. на стройках Сургута, Урая и Нефтеюганска работали болгарские строители. На январь 1987 г. в Сургуте насчитывалось 784 болгарина. Затем их доля сократилась, и в 1989 г. в городах округа проживал

431 чел. [16. С. 136]. Среди других национальностей, чья родина была за пределами Советского Союза, в 1989 г. в городском населении округа преобладали немцы (8 137 чел.), поляки (1 804 чел.), греки (1 099 чел.), корейцы (416 чел.).

Этническая пестрота нефтегазового освоения в 1980-х гг. была результатом изменения в стратегии развития нефтегазового региона, которая отразилась в партийно-правительственном Постановлении № 241 от 20 марта 1980 г. «О неотложных мерах по усилению строительства в районе Западно-Сибирского нефтегазового комплекса» [17. Л. 202–229]. Причиной кризиса в нефтяной отрасли признавалось отставание строительства объектов производственного и непроизводственного назначения, в силу чего индустриальной опорой комплекса объявлялась строительная отрасль, а к развитию строительной индустрии дополнительно привлекались организации и предприятия республик Советского Союза и крупнейших городов и областей РСФСР. Предприятия Мосгорисполкома строили в Нижневартовске, Минтяжстроя СССР из Свердловской области в Мегионе и Нягане, Минпромстроя СССР из Пермской области в Радужном, Минстроя СССР из Новосибирской области в Нефтеюганске, Минтяжстроя СССР из Челябинской области в Пыть-Яхе, Совета министров Белорусской ССР в Лангепасе, Совета министров Узбекской ССР в Нягане, Советов министров Азербайджанской, Литовской, Латвийской и Эстонской ССР в Когалыме [18. Л. 54–59]. Тем самым строители формировали новый этнический состав в ХМАО.

Важные особенности этнической динамики выделяются в разрезе городов. До нефтегазового освоения русские были доминирующим этносом в городских поселениях ХМАО. В 1959 г. в Сургуте титульная нация составляла 89,1% (5 373 чел.) от всего населения, в Ханты-Мансийске – 84,4% (17 446 чел.), а в Березово – 78,9% (5 328 чел.). Значительный удельный вес также имели следующие народности: украинцы (2,9%), ханты (1,9%), татары (1,2%) – в Сургуте; коми (5,1%), украинцы (4,1%), татары (3,0%), ханты (2,2%), манси (1,4%) – в Березово; татары (4,2%), ханты (2,6%), украинцы (2,5%), манси (1,1%) – в Ханты-Мансийске [19. Л. 100, 103, 121].

В период нефтегазового освоения города нефтяников стали настоящими «плавильными котлами» народов, проживающих в СССР. Этнический состав Сургута, Нижневартовска и Нефтеюганска включал чуть ли не все народы и национальности Советского Союза. Перепись населения 1989 г. зафиксировала, что в Сургуте и Нижневартовске проживали представители более 100 национальностей, а всего в ХМАО постоянно проживали представители 124 национальностей [10. С. 11]. Заключение межнациональных браков стало распространенным явлением в регионе. Доля таких браков в округе достигала 31%, в то время как в других регионах Западной Сибири она была в два раза меньше [15. С. 43].

Организовывали этот «котел» масштабные и стремительные миграционные процессы. Только в Урае, куда прекратились большие потоки мигрантов, в связи с падением нефтедобычи, смешение этносов прекратилось. В 1979 г. в этом городе был наибольший

процент русских – 80,5% (17 312 чел.). Самая низкая доля русских была в Нижневартовске – 71,6% (78 400 чел.), но именно в центре Саяногорска в 1970-х гг. ярче всего проявилось этническое многообразие. В 1979 г. наиболее значительный удельный вес татар был в Нефтеюганске (10,3% – 5 418 чел.), украинцев – в Сургуте (9,8% – 10 499 чел.), башкир – в Нижневартовске (2,5% – 2 699 чел.), белорусов – в Сургуте (1,7% – 1 829 чел.), чувашей – в Нефтеюганске (1,2% – 610 чел.), мордвы – в Нижневартовске (0,9% – 960 чел.). Доля коренных народов в нефтяных городах была ничтожной – 0,1–0,2%, кроме Урая, где процент манси достигал 0,6% (140 чел.) [20. Л. 60–114].

В конце 1980-х гг. структура населения по основным национальностям в базовых нефтяных городах Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске и Мегионе была следующей: доля русских составляла – 64,8–69,0%, украинцев – 9,8–13,7%, татар – 5,5–11,3%, башкир – 1,6–3,7%, белорусов – 1,3–2,1%, чувашей – 1,0–1,4%, азербайджанцев – до 1,2%, молдаван – до 1,1%. Доля русских в Урае также сократилась до 76,9%. Согласно данным со-

циолога Г.Ф. Куцева, мигранты, прибывающие в середине 1980-х гг. в базовый город Сургут, были в основном выходцами из Тюменской области – 36,6% (от всего числа мигрантов), Украины и Молдавии – 17,8%, Поволжья – 12,9%, Урала и Западной Сибири – 8,4%, Центрального и Северо-Западного районов СССР – 8,0%, Северного Кавказа – 6,4% [21. С. 41]. Главная тенденция в базовых нефтяных городах ХМАО была связана с уменьшением представительности русских и увеличением удельного веса остальных народов.

Для новообразованных в 1980-х гг. городов соотношение родных районов мигрантов было другим. Так, в Когалыме основную долю составляли мигранты из Поволжья – 31,2%, из Украины и Молдавии – 24,1%, Урала и Западной Сибири – 11,3%, Центра и Северо-Западного района СССР – 11,1%, Тюменской области – 6,7%, Северного Кавказа – 6,2% [21. С. 41]. Это было связано с тем, что в небольших городах нефтяников требовались в первую очередь квалифицированные кадры для нефтегазовых отраслей, которые сосредотачивались в Поволжье.

Таблица 2

Национальный состав городского населения ХМАО в 1959–1989 гг. (по данным переписей населения)

Национальность	1959 г.		1970 г.		1979 г.		1989 г.	
	Число лиц	%	Число лиц, тыс. чел.	%	Число лиц	%	Число лиц	%
Все население	33 464	100	170,6	100	446 034	100	1 166 339	100
Народности Севера (ханты, манси, ненцы)	1 185	3,5	3,4	2,0	4424	1,0	6 788	0,6
Русские	28 147	84,1	138,7	81,3	336 104	75,3	773 468	66,3
Украинцы	962	2,9	6,8	4,0	37 612	8,4	139 087	11,9
Белорусы	187	0,5	2,1	1,2	5 899	1,3	25 474	2,2
Татары	1 143	3,4	10,7	6,3	31 910	7,1	92 822	7,9
Башкиры	9	0,03			6 511	1,4	29 916	2,6
Чуваши	41	0,1			3 841	0,9	13 086	1,1
Коми и коми-пермяки	442	1,3	1,0	0,6	1 906	0,4	3 625	0,3
Мордва	24	0,07			2 707	0,6	6 649	0,6
Молдаване	172	0,5			1 291	0,3	9 739	0,8
Евреи	100	0,3			910	0,2	1 985	0,2
Немцы	679	2,0			2 803	0,6	8 137	0,7
Азербайджанцы					1 114	0,2	12 435	1,1
Удмурты					1 554	0,3	3 540	0,3
Марийцы					1 366	0,3	5 313	0,4
Другие национальности	373	1,1	7,9	4,6	6 082	1,4	34 275	2,9

Таблица 3

Распределение городского населения ХМАО по национальности и родному языку ХМАО

Национальность	Перепись населения 1979 г.				Перепись населения 1989 г.			
	Разговаривающие на языке своей национальности		Разговаривающие на русском языке		Разговаривающие на языке своей национальности		Разговаривающие на русском языке	
	Абсолютные показатели	Удельный вес от всего населения своей национальности, %	Абсолютные показатели	Удельный вес от всего населения своей национальности, %	Абсолютные показатели	Удельный вес от всего населения своей национальности, %	Абсолютные показатели	Удельный вес от всего населения своей национальности, %
Все городское население ХМАО	409 095	91,7	36182	8,1	1 033 766	88,6	128 549	11,0
Русские	336 028	99,9	–	–	772 913	99,9	–	–
Украинцы	24 881	66,1	12 719	33,8	89 614	64,4	49 365	35,4
Белорусы	3 066	51,9	2 817	47,7	13 686	53,7	11 710	45,9
Азербайджанцы	929	83,4	184	16,5	10 874	87,4	1 532	12,3
Башкиры	4 866	74,7	1207	18,5	21 717	72,5	6 109	20,4
Татары	25 624	80,3	6269	19,6	71 511	77,0	21 181	22,8
Чуваши	2 330	60,6	1505	39,1	7 850	59,9	5 198	39,7
Манси	619	33,7	1216	66,2	631	23,4	2 051	76,3
Ханты	1 004	43,6	1299	56,4	1 517	40,5	2 215	59,2
Немцы	763	27,2	2036	76,6	1 767	21,7	6 353	78,0

В молодых нефтяных городах (которые получили городской статус в 1980-х гг.) Лангепасе, Радужном, Когалыме, Покачи, Лянторе, Мамонтово доля русских лишь незначительно превышала половину – 49,4–56,8%. В них же был высокий процент украинцев (11,2–18,6%) и татар (8,0–11,0%).

В 1989 г. наибольшие доли основных этносов были в городах: русских – в Ханты-Мансийске (82,3% – 29 218 чел.), украинцев – в Лянторе (18,6% – 4 162 чел.), татар – в Нефтеюганске (11,3% – 1 248 чел.), башкир – в Мегионе (3,7% – 1 497 чел.). В Лангепасе много было белорусов (17,1% – 4 432 чел.), поскольку организации из Белорусской республики строили этот город [22. Л. 19–24].

Таким образом, к нефтедобывающей промышленности привязывались рабочие, как правило, из четырех основных этносов – русских, украинцев, татар, башкир. Именно их представители были наиболее квалифицированными специалистами в нефтедобывающей отрасли. Так, в начале 1980-х гг. этнический состав нефтяников более чем на 90% состоял из русских (68%), украинцев (10,3%), татар (9,6%), башкир (2,4%). Следует отметить, что в единичных случаях в нефтедобыче были задействованы представители коренных народов Севера (0,4%). Если же возьмем строительную отрасль, то в ней этнический состав был более разнообразным, что определялось за счет большего удельного веса украинцев (23,2%), белорусов (3,2%), евреев (1,3%) и других национальностей (4,4%), в то время как «нефтяные» народы имели меньшую долю в строительстве по сравнению с нефтедобывающей отраслью: русские – 63,1%, татары – 3,8%, башкиры – 0,8% [14. С. 99].

Чем больше города нефтяников были задействованы в нефтедобывающем и строительном производствах, тем ниже в них была доля русских. Это показывают данные по удельному весу русского населения в городах, чья градообразующая база основана в том числе на других индустриальных отраслях: железнодорожном транспорте (в Пыть-Яхе доля русских составляла 61,6%), газотранспортировке (Белоярском – 67,8%, Комсомольском – 75,0%), лесной отрасли (Нягане – 67,3%, Советском – 76,1%, Ханты-Мансийске – 82,3%) [22. Л. 19–24].

Остается открытым вопрос о том, насколько сильно была выражена этническая идентичность у различных народов, приезжавших в ХМАО в период нефтегазового освоения. Представляется, что ответ могут дать данные распределения городского населения по родному языку, зафиксированные в переписях 1979 и 1989 гг. (см. табл. 3 [22. Л. 19–24; 23. Л. 25–27]). Если согласиться с тем, что этническая идентификация определеннее проявляется у разговаривающих в повседневной жизни на родном языке, то в таком случае «включенность» в этничность была высокой у азербайджанцев (83–87%), говоривших на родном языке, татар (77–80%), башкир (72–74%) и чуть меньше среди марийцев (67–68%), украинцев (64–66%), удмуртов (59%), белорусов (51–53%).

Однако данные переписей свидетельствуют, что в 1980-х гг. в процессе урбанизации, несмотря на увеличение миграционного потока и числа представите-

лей разных национальностей, а также уменьшения удельного веса русских, этническая идентификация среди переселенцев постепенно ослабевала. Об этом говорит процесс уменьшения процентных долей владеющих родным языком среди украинцев (на 1,7%), башкир (на 2,2%), татар (на 3,3%), чувашей (на 0,7%), немцев (на 5,5%) и увеличение у этих народов представителей, разговаривающих на русском языке. Эта тенденция также была характерна и для коренных народностей ХМАО, проживающих в городах: среди манси количество говоривших на родном языке сократилось на 10,3%, а среди ханты – на 3,1%. Вместе с тем к такой интерпретации нужно относиться с осторожностью, потому что корреляция между этничностью и владением родным языком не является абсолютной.

Динамика цифр национальностей, осуществлявших нефтегазовое освоение ХМАО в советский период, раскрывает структуралистскую картину этнического фактора в миграции и урбанизации региона. Как показал в своем труде философ М.Г. Ганопольский, в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе наблюдался особый механизм становления полиэтнических сообществ, интегрировавшихся в региональные общности индустриального типа [24. С. 109–137]. С одной стороны, в ХМАО осуществлялась идентификация социальных общностей по профессиональному признаку в условиях индустриального освоения и деятельности производственных объединений и главков (нефтяники, газовики, геологи, строители, энергетики), но с другой – генетическая природа формирования городов обусловила организацию национально-этнических общностей [25. С. 45–48]. Синтез производственных и этнических идентичностей не был новым явлением в ХМАО, прежде он реализовывался в рамках политики формирования лояльного трудового населения в период сталинских спецпереселений, например при депортации калмыков [26. С. 92–94]. Но теперь, в условиях создания нефтегазового комплекса, трудовая специализация и этничность соединялись не репрессированными и насильственными методами, а масштабной и хаотичной миграцией и урбанизацией.

В контексте нефтегазовой индустриализации и становления городской среды происходил симбиоз производственной идентичности и этничности за счет миграции национальностей, проживающих в нефтедобывающих районах страны. На начальных этапах нефтегазового освоения Западной Сибири представители татар, башкир, азербайджанцев или иных этносов, но родом из нефтедобывающих регионов страны (Поволжья, Чечено-Ингушетии, Азербайджана), обладали необходимым трудовым опытом в нефтегазодобыче, были преимущественно специалистами-нефтяниками, которые и заложили формирование новой производственной элиты. В то время как масса русского населения обеспечивала пополнение основной рабочей силы из ближайших областей Западной Сибири и Урала.

С конца 1970-х гг. решающее значение для развития нефтегазового комплекса обрела строительная отрасль, задачей которой становилось масштабное

обновление производственной, транспортной, жилищной и социокультурной инфраструктуры региона. Это привело к новой миграционной волне, в которой было задействовано уже большее количество национальностей. В этот период усилилось этническое разнообразие региона. Особую роль стали играть украинцы, белорусы, прибалтийские народы, узбеки, азербайджанцы. Русские продолжали оставаться главным этносом, строящим нефтегазовый комплекс, наибольший вклад среди них вносили строители из Свердловской, Пермской, Челябинской и Новосибирской областей.

Таким образом, в Ханты-Мансийском округе в период нефтегазового освоения сформировалось

полиэтническое общество, что особенно проявлялось в городах. Основными этносами выступали русские, украинцы, татары, белорусы и башкиры. Доля русских в нефтяных городах округа неизменно уменьшалась, а удельный вес других этносов повышался. В абсолютных величинах почти все этносы преумножили свое представительство, за исключением коренных народов Севера. Нефтедобывающая промышленность и строительство в значительной степени предопределили этничность населения ХМАО, тем самым этническая палитра в регионе стала отражением производственной идентификации переселенцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поддубиков В.В. Этнокультурное пространство российского города: некоторые проблемы этнологического исследования // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 137–147.
2. Головин А.В. Дрейф этничности // Уральский исторический вестник. 2009. № 4 (25). С. 46–55.
3. 65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу (Информационно-статистический сборник). Сургут : Северный дом, 1995. 278 с.
4. Народное хозяйство Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области за шесть лет семилетки (1959–1964 гг.) // ЦСУ – РСФСР Статистическое управление Тюменской области. Тюмень : [б.и.], 1965. 95 с.
5. Мисевич К.Н., Чуднова В.И. Население районов современного промышленного освоения Севера Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1973. 209 с.
6. Государственный архив Тюменской области (далее – ГАТО). Ф. 1112. Оп. 6. Д. 27.
7. Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960–2000-е гг.). Тюмень : Вектор Бук, 2010. 258 с.
8. Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. М. : Статистика, 1976. 167 с.
9. Гаврилова Н.Ю., Карпов В.П. Основные тенденции в формировании населения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири в 60–80-е годы // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Тюмень : Мандрика, 2003. Вып. 5. С. 179–198.
10. Эволюция этнокультурного облика Югры в конце XX – начале XXI века (на материале сургутского региона). Сургут : Изд-во СурГУ; ООО «Таймер», 2007. 248 с.
11. Аитов Н.А., Икинтин Е.Н. Общее и особенное в социальной защите населения северных городов // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Тюмень : Изд-во Юрия Мандрики, 2001. Вып. 4. С. 59–62.
12. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 6. Д. 14.
13. Национальный состав населения Тюменской области. Всесоюзная перепись 1989 г. // Госкомстат РСФСР. Тюменское областное управление статистики. Тюмень : [б.и.], 1990. 214 с.
14. Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. 283 с.
15. Карпунина И.Б., Мелентьева А.П. Русские в Западной Сибири в 1960–1980-е гг.: основные демографические тенденции // Русский этнос Сибири в XX веке : сб. науч. тр. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2004. С. 39–61.
16. Яцун К.С. Болгарские строители в Тюменской области (1976–1991 гг.) как пример организованной трудовой миграции // Динамика миграции населения и проблемы современного развития Западной Сибири : сб. тез. докл. регион. науч.-практ. конф. Сургут. 21–22 ноября 2002 г. Сургут : Изд-во СурГУ, 2002. С. 133–137.
17. ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1673.
18. ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1007.
19. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 9.
20. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 142.
21. Куцев Г.Ф. Человек в северном городе. Свердловск : Средне-Урал. книж. изд-во, 1987. 224 с.
22. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 188.
23. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 125.
24. Ганопольский М.Г. Региональный этнос: истоки, становление, развитие. Тюмень : ТюмГНГУ, 1998. 160 с.
25. Волосникова Е.А. Северный город: жизнедеятельность социальных общностей. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2010. 244 с.
26. Иванов А.С. «Изыть, как антисоветский элемент...»: Калмыки в государственной политике (1943–1959 гг.) / под ред. Б.У. Серазетдинова ; Научный совет при Президиуме РАН по проблемам военной истории. М. : [б.и.], 2014. 294 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 31 октября 2016 г.

ETHNICITY DRIFT IN THE OIL AND GAS DEVELOPMENT AND URBANIZATION OF THE KHANTY-MANSI OKRUG (1960S–1980S)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 134–140.

DOI: 10.17223/15617793/414/21

Igor N. Stas, Surgut State University (Surgut, Russian Federation). E-mail: igor.stas@mail.ru

Keywords: West Siberian oil and gas complex; oil and gas development; oil city; production identity; urbanization; ethnicity.

The article attempts a historical-dynamic analysis of ethnicity in the period of oil and gas development and urbanization of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug (KHMAO) in the 1960s–1980s. The work is written on the basis of quantitative and statistical methods of the study of the materials of 1959, 1970, 1979 and 1989 censuses found in the State Archive of Tyumen Oblast and published in collections of the Statistics Department of Tyumen Oblast. The main stages of the formation of the ethnic structure of the population of KHMAO are identified. The main trend in the dynamics of the national structure of the urban population of KHMAO was the strengthening of multi-ethnicity through the fall in the share of the Russians and the increase of the share of other peoples, especially the Ukrainians, the Tatars, the Bashkirs, the Belarusians, the Chuvash, the Azerbaijani and the Moldovans. But in absolute

terms, in 1959–1989, almost all the ethnic groups showed population growth, except the indigenous peoples of the area – the Khanty and the Mansi. The characteristics of the ethnic dynamics in the context of the basic and youngest cities in the region are identified. From 1959 to 1970 the largest share of the population in the cities of the district after the Russians belonged to the Tatars. Then came the Ukrainians. In 1979–1989, the place of the Tatars was taken by the Ukrainians. The Tatars became the third largest population group. The interconnection of ethnicity with production identification in oil and construction industries in the region is shown. At the initial stages, the interconnection was caused by the migration of ethnic groups living in the oil-producing areas of the country: the Tatars, the Bashkirs, the Azerbaijanis and other ethnic groups originally from oil-producing regions (the Volga region, Chechnya-Ingushetia, Azerbaijan). In the early 1980s, the increasing multi-ethnicity of the population in KHAMAO was the result of a change in the strategy of oil and gas development in the region, whereas the construction industry was announced to be the industrial support of the West Siberian oil and gas complex, and organizations and enterprises of the republics of the Soviet Union and the largest cities and regions of the RSFSR were additionally involved in the development of the construction industry. Thus, builders came to play a crucial role in the formation of the polyethnic composition of the population of KHAMAO. Urbanization of the region led to the gradual weakening of ethnic identification in the Soviet period. This is indirectly indicated by the reduced number of people speaking their native language among the Ukrainians, the Bashkirs, the Tatars, the Chuvash, the Germans, and the increased number of these peoples' representatives speaking the Russian language. The author comes to a conclusion that oil and gas development was carried out through the migration of ethnic Russians, Ukrainians, Tatars, Belarusians, Bashkirs, which led to the formation of a multiethnic society in KHAMAO. The main trend was to reduce the specific share of the Russian population and to increase the proportion of other ethnic groups. However, in absolute numbers most nationalities increased their population in the region, except for the indigenous peoples of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug. The ethnic palette in the region was a reflection of production identification of migrants working in the oil industry and in the construction industry.

REFERENCES

1. Poddubikov, V.V. (2010) Etnokul'turnoe prostranstvo rossiyskogo goroda: nekotorye problemy etnologicheskogo issledovaniya [Russian ethno-cultural space of the city: some problems of ethnological studies]. *Antropologicheskii forum*. 12. pp. 137–147.
2. Golovnev, A.V. (2009) Dreyf etnichnosti [Drift of ethnicity]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 4 (25). pp. 46–55.
3. Anon. (1995) *65 let Khanty-Mansiyskomu avtonomnomu okrugu (Informatsionno-statisticheskii sbornik)* [65 years of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug (information and statistical compilation)]. Surgut: Severnyy dom.
4. Anon. (1965) Narodnoe khozyaystvo Khanty-Mansiyskogo natsional'nogo okruga Tyumenskoy oblasti za shest' let semiletki (1959–1964 gg.) [The national economy of the Khanty-Mansi National District of Tyumen Oblast for six years of the seven-year period (1959–1964)]. In: *TsSU – RSFSR Statisticheskoe upravlenie Tyumenskoy oblasti* [CSD – RSFSR, the Statistical Office of Tyumen Oblast]. Tyumen: [s.n.].
5. Misevich, K.N. & Chudnova, V.I. (1973) *Naselenie rayonov sovremennogo promyshlennogo osvoeniya Severa Zapadnoy Sibiri* [The population of the area of modern industrial development of the North of Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
6. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 1112. List 6. File 27. (In Russian).
7. Koleva, G.Yu. (2010) *Zapadno-Sibirskiy neftegazodobyvayushchiy rayon: ekonomicheskoe i sotsial'noe razvitiye (1960–2000-e gg.)* [West Siberian oil and gas producing region: economic and social development (1960s–2000s)]. Tyumen: Vektor Buk.
8. Malinin, E.D. & Ushakov, A.K. (1976) *Naselenie Sibiri* [The population of Siberia]. Moscow: Statistika.
9. Gavrilova, N.Yu. & Karpov, V.P. (2003) Osnovnye tendentsii v formirovaniye naseleniya neftegazodobyvayushchikh rayonov Zapadnoy Sibiri v 60–80-e gody [Major trends in the formation of public oil and gas regions of Western Siberia in the '60s–'80s]. In: Solodkin, Ya.G. (ed.) *Zapadnaya Sibir': istoriya i sovremennost': Kraevedcheskie zapiski* [Western Siberia: history and modernity: Local history notes]. Vol. 5. Tyumen: Mandrika.
10. Ten, V.A. (ed.) (2007) *Evolutsiya etnokul'turnogo oblika Yugry v kontse XX – nachale XXI veka (na materiale surgutskogo regiona)* [Evolution of ethnocultural Ugra appearance at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries (based on the Surgut region)]. Surgut: Surgut State University.
11. Aitov, N.A. & Ikingrin, E.N. (2001) Obshchee i osobennoe v sotsial'noy zashchite naseleniya severnykh gorodov [The general and special social protection of the population of northern cities]. In: Solodkin, Ya.G. (ed.) *Zapadnaya Sibir': istoriya i sovremennost': Kraevedcheskie zapiski* [Western Siberia: history and modernity: Local history notes]. Vol. 4. Tyumen: Mandrika.
12. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 1112. List 6. File 14. (In Russian).
13. State Statistics Committee of the RSFSR. (1990) *Natsional'nyy sostav naseleniya Tyumenskoy oblasti. Vsesoyuznaya perepis' 1989 g.* [National composition of the population of Tyumen Oblast. All-Union census of 1989]. Tyumen: [s.n.].
14. Gavrilova, N.Yu. (2002) *Sotsial'noe razvitiye neftegazodobyvayushchikh rayonov Zapadnoy Sibiri (1964–1985 gg.)* [Social development of oil and gas regions of Western Siberia (1964–1985)]. Tyumen: Tyumen Oil and Gas University.
15. Karpunina, I.B. & Melent'eva, A.P. (2004) Russkie v Zapadnoy Sibiri v 1960–1980-e gg.: osnovnye demograficheskie tendentsii [Russian Western Siberia in the 1960s–1980s: basic demographic trends]. In: Lamin, V.A. & Bazarov, B.V. (eds) *Russkiy etnos Sibiri v XX veke* [Russian ethnos in Siberia in the 20th century]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
16. Yatsun, K.S. (2002) Bolgarskie stroiteli v Tyumenskoy oblasti (1976–1991 gg.) kak primer organizovannoy trudovoy migratsii [Bulgarian builders in Tyumen Oblast as an example of organized labor migration]. *Dinamika migratsii naseleniya i problemy sovremennogo razvitiya Zapadnoy Sibiri* [Dynamics of migration and problems of modern development in Western Siberia (1976–1991)]. Proceedings of the regional conference. Surgut. 21–22 November 2002. Surgut: Surgut State University. pp. 133–137. (In Russian).
17. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 814. List 5. File 1673. (In Russian).
18. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 814. List 5. File 1007. (In Russian).
19. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 1112. List 11. File 9. (In Russian).
20. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 1112. List 11. File 142. (In Russian).
21. Kutsev, G.F. (1987) *Chelovek v severnom gorode* [Man in a northern city]. Sverdlovsk: Sredne-Ural. knizh. izdatel'stvo.
22. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 1112. List 11. File 188. (In Russian).
23. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 1112. List 11. File 125. (In Russian).
24. Ganopol'skiy, M.G. (1998) *Regional'nyy etos: istoki, stanovleniye, razvitiye* [Regional ethos: origins, formation and development]. Tyumen: Tyumen Oil and Gas University.
25. Volosnikova, E.A. (2010) *Severnyy gorod: zhiznedeiyatel'nost' sotsial'nykh obshchnostey* [Northern City: life activities of social communities]. Ekaterinburg: Humanities University.
26. Ivanov, A.S. (2014) *“Iz”yat’, kak antisovetskii element...”: Kalmyki v gosudarstvennoy politike (1943–1959 gg.)* [“Confiscate as an anti-Soviet element...”: the Kalmyks in state policy (1943–1959)]. Moscow: [s.n.].

Received: 31 October 2016

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ-СТУДЕНТОВ В ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

Представлены особенности этнокультурной адаптации мигрантов-студентов в местную среду. Было выявлено, что процесс адаптации в новом социальном статусе и иноэтническом окружении у студентов-мигрантов связан с проблемами личной и финансовой неустойчивости. Обучение в вузе студентов-мигрантов предъявляет новый комплекс требований к воспитательной и учебной работе. Также отмечается, что студенты-мигранты наиболее подвержены эмоциональному переживанию социальной нестабильности и тем самым испытывают психологический кризис. Эти факторы актуализируют исследования по данной теме.

Ключевые слова: мигрант; студенческая миграция; этнокультурная адаптация; псевдоадаптация.

Специфику развития современных миграционных процессов в Еврейской автономной области (ЕАО) обуславливают такие факторы, как удаленность региона от центра России, его приграничное положение, особая история организации и развития ЕАО как субъекта Российской Федерации.

В силу того, что ЕАО находится на границе с Китаем, решение миграционных, демографических и социальных проблем имеет стратегическое значение не только для области, но и для всей России.

На современном этапе происходит интенсификация и студенческой миграции. Большинство представителей молодого поколения получают образование в других странах. Многие студенты-мигранты, обучаясь в чужих для них этнокультурных условиях, остаются замкнутыми в своей этнической среде на фазе псевдоадаптации. Этот факт еще раз подчеркивает необходимость проведения различного рода исследований по оптимизации этнокультурной адаптации студентов-мигрантов в иноэтнических условиях.

Цель статьи – выявить особенности этнокультурной адаптации иностранных студентов в ЕАО.

Для диагностики особенностей этнокультурной адаптации иностранных студентов применялись некоторые компоненты методики Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой [1. С. 140], в основе которой лежит рассмотрение типов этнической идентичности. Данная методика позволяет выявить изменения этнического самосознания в новой для мигрантов среде.

Особой категорией мигрантов являются студенты. Исследователи О.Г. Доморовская и В.И. Мареев выделяют следующие критерии студентов-мигрантов:

- 1) особая половозрастная группа;
- 2) вовлеченность в образовательный процесс (какие формы и методы обучения предпочитает обучающийся);
- 3) особенности ценностных ориентаций (мотивы выбора направленности профессиональной подготовки, самого образовательного учреждения);
- 4) социально-психологическое самочувствие (студенческая активность);
- 5) уровень терпимости к другим этносам;
- 6) осознание собственной этнической идентичности [2. С. 61].

В 2014 г. в единственном высшем учебном заведении ЕАО – Приамурском государственном университете имени Шолом-Алейхема (далее – ПГУ) по про-

граммам высшего образования обучались 104 иностранных гражданина, что почти в 2 раза больше, чем в 2013 г. Подавляющее большинство (80%) иностранных студентов составляют граждане Китая. Некоторые мигранты, завершившие обучение в биробиджанском вузе, приглашены и работают на местных предприятиях и в учреждениях области по специальности. Фактически в 2015 г. в университете обучались 72 иностранных студента, из них: КНР – 59, Украина – 5, Азербайджан – 2, Таджикистан – 2, Израиль – 1, Армения – 1, Казахстан – 1, Узбекистан – 1. Востребованными специальностями являются: педагогика, менеджмент, реклама и связи с общественностью. В 2015 г. преподавательскую деятельность в ПГУ осуществляли 2 преподавателя – гражданина КНР [3. С. 8–9].

На обучение в высших учебных заведениях есть стабильный спрос, который объясняется развитием двустороннего экономического сотрудничества [4. С. 285–289]. В свою очередь, такое сотрудничество порождает потребность в будущем в профессиональных кадрах. Кроме того, обмен опытом полезен для обеих стран. Еврейская АО часто взаимодействует с некоторыми вузами Китая. Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема активно сотрудничает с Цзямусским, Яньбяньским, Хэганским, Хэйхэским университетами, Харбинским педагогическим университетом, Хэйлунцзянским сельскохозяйственным профессионально-техническим институтом. Сотрудничество ведется как в рамках обмена преподавателями, так и обмена студентами. Кроме того, проводятся совместные научно-практические исследования, организуются международные научные конференции и студенческие олимпиады.

В марте 2016 г. состоялся рабочий визит представителей биробиджанского университета в Цзямусский университет и Хэганский педагогический институт. Во время делегации были обсуждены следующие вопросы: реализация совместных образовательных программ как для студентов ПГУ в КНР, так и для китайских студентов в России; организация летних школ по изучению русского и китайского языков; обмен как преподавателями, так и студентами. Обсудили вопросы обучения молодых китайских преподавателей, владеющих русским языком, в аспирантуре ПГУ, ведения совместных научных исследований и публикаций, проведение научно-практических конференций.

Также были затронуты вопросы совместной реализации и участия вузов в спортивных, творческих мероприятиях. Кроме того, было принято решение продолжать те проекты, которые уже совместно реализуются, например Международная олимпиада по математике и программированию среди студентов России и Китая и др. [5].

Стимулом для обучения в России для мигрантов является интерес к самобытной культуре страны. Многим молодым людям необходим диплом о высшем образовании для дальнейшего успешного трудоустройства.

Мигранты из Китая выбирают обучение в ЕАО, прежде всего, из-за приграничного положения области к КНР. Мигрантам-студентам для поступления в вуз не нужно сдавать экзамен по русскому языку, необходимо предъявить аттестат об окончании среднеобразовательной школы или диплом об окончании высшего учебного заведения.

Мигранты, прибывшие с целью обучения, довольно часто оказываются не в состоянии овладеть азами русского языка. Многие опросы, проводимые экспертами, подтверждают данный факт. Например, в 2007 г. производился опрос среди китайских студентов (общее количество респондентов – 200 чел.) в Москве и в трех дальневосточных городах. По результатам данного опроса, только 9% студентов-мигрантов оценивают свои знания русского языка «хорошо», 66% отметили, что их уровень знания русского языка «плохой» [4. С. 285–289].

В Приамурском государственном университете имени Шолом-Алейхема тоже провели такое исследование: из 59 опрошенных китайских студентов 32% отметили хорошее знания русского языка, 68% – уровень «ниже среднего».

Обучение русскому языку иностранных студентов в биробиджанском вузе основано не на изучении теоретической системы русского языка. Главный принцип обучения – коммуникативный (понимание речи на слух, овладение чтением на русском языке, овладение интерпретацией текста на русском). Также мигранты-студенты изучают основы грамматики русского языка.

По словам преподавателей вуза, обучающих китайских студентов русскому языку, самым сложным для студентов являются письмо и устная речь. Знания на практике достаточно тяжело применить для иностранцев. Однако со стороны студентов-мигрантов проявляется немалое уважение к произведениям русской литературы. Например, студенты из Китая знакомы с произведениями А.С. Пушкина, А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и др. (с некоторыми – еще со школьной скамьи). Иностранным студентам пока под силу для чтения сокращенные адаптированные тексты на русском языке. К тому же иностранные студенты беседуют на русском языке в основном только на занятиях, а во внеурочное время им комфортнее общаться на своем родном языке [6]. Тем не менее в биробиджанском вузе в марте 2016 г. проводилась олимпиада по знанию русского языка и русской культуры для иностранных студентов. В интеллектуальных состязаниях приняли участие студенты-

бакалавры трех курсов и слушатели подготовительного отделения. В результате победителями стали студенты-китайцы второго и третьего курсов [7].

Процесс адаптации в новом социальном статусе и иноэтническом окружении у студентов-мигрантов связан с проблемами личной и финансовой неустроенности. Обучение в вузе студентов-мигрантов предъявляет новый комплекс требований к воспитательной и учебной работе. Многие исследователи считают, что студентов-мигрантов можно отнести к «группе риска». Учитывая их этнокультурные особенности, студенты-мигранты наиболее подвержены эмоциональному переживанию социальной нестабильности и тем самым испытывают психологический кризис [8. С. 169].

Отношение со стороны местных жителей 93% студентов из КНР оценили как «положительное», остальные отметили как «лояльное». Большинство китайских студентов (80%) объединяются со студентами своей же этнической группы, прежде всего, для преодоления психологического дискомфорта. Многие студенты отметили, что с некоторыми проблемами им помогают справляться преподаватели университета (67%).

Студенты выделили главные причины получения знаний русского языка и русской культуры. Во-первых, это необходимо для облегчения процесса общения с русскими, так как «мы соседи с вашим государством» (92%). Во-вторых, им это нужно для «удовлетворения собственного желания узнать больше о соседней культуре» (22%). В-третьих, некоторые из студентов планируют остаться в области для дальнейшего проживания и трудоустройства (9%). В-четвертых, китайцы мотивировали свое желание возможным приобретением новых дружеских знакомств в области (65%).

Про свою этническую культуру китайские студенты также не забывают (число поддерживающих свои этнокультурные традиции – 95%). Они привозят с собой этническую бытовую атрибутику – одежду, аксессуары, посуду, продукты и т.д.

Со стороны китайских студентов, хоть и не так часто, но все же проявляется желание приобщиться к местной культуре. Университет со своей стороны также делает шаги к этому, приглашая иностранных студентов на праздники, демонстрирующие местную этнокультурную жизнь. Например, в марте 2014 г. проводилось празднование Масленицы в университетском дворе главного корпуса ПГУ. Был так называемый уличный праздник, богатый разнообразными компонентами, связанными с традициями и особенностями Масленицы (танцы, хороводы, прыжки, перетягивание каната, сжигание чучела и др.), после чего всех гостей праздника пригласили в столовую отведать блинов. Русские их ели руками, а большинство китайских ребят – вилкой или ложкой. Многие из китайских студентов отметили, что обычно у них на родине таких конкурсов, шумных празднеств не проводится, они по традиции отмечают праздники в тихом семейном кругу [9]. Также китайских студентов знакомили с такими праздниками, как Новый год, День Победы и т.д.

Нечастое проявление желания приобщиться к местным культурным традициям со стороны иностранных студентов объясняется их закрытостью, особенностями этнической культуры. В 2015 г. китайские студенты не принимали участия в региональном фестивале «Этносфера».

Таким образом, можно согласиться с утверждением Н.В. Чесноковой [10. С. 85] о том, что китайские студенты одновременно и хорошо и плохо адаптируемы к иноэтничной среде, новым окружающим условиям жизни. Главным образом, китайские студенты испытывают психологическое напряжение из-за языкового барьера, хотя данный фактор относится ко всем категориям мигрантов. Студентам тяжелее адаптироваться в силу их возрастной категории, небольшого жизненного опыта. Помогают справиться с проблемами адаптации китайским студентам преподаватели, русские студенты, которые относятся к ним вполне дружелюбно.

Также можно согласиться с Н.В. Чесноковой и в том, что в целом в случае со студентами и многими трудовыми сезонными мигрантами можно говорить не о полной адаптации, а о псевдоадаптации. Несмотря на то что в определении уровня адаптации присутствуют субъективные признаки (интерес к русской культуре, русскому языку, людям), объективных гораздо меньше: активное ведение межкультурных диа-

логов, вовлеченность в этнокультурные мероприятия. Китайцы не склоняются к активному обмену этнокультурной информацией как основе межэтнического диалога. Для многих характерна адаптация на уровне приспособления к новым окружающим условиям, и не более того [10. С. 85].

Для оптимизации процесса этнокультурной адаптации студентов-мигрантов возможным было бы увеличение часов для дополнительных занятий по изучению русского языка и русской культуры; активное вовлечение студентов-мигрантов в проведение этнокультурных мероприятий; регулярное проведение консультаций с приезжими иностранными студентами по психологической поддержке; регулярное прогнозирование проблем в обучении и обустройстве обучающихся в вузе мигрантов путем проведения различных психологических тренингов.

Получение образования играет немаловажное стратегическое значение в процессе адаптации мигрантов в новой окружающей среде. Это объясняется тем, что именно образовательная система становится уникальной возможностью для осмысленного планомерного воздействия на процесс формирования и развития жизненных ориентиров молодежи. Для молодого поколения высшее образование считается гарантией стабильного будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Прокофьева Т.Ю., Кравцова О.А. Психодиагностика толерантности личности. М.: Смысл, 2008. 172 с.
2. Мареев В.И. Социально-педагогические условия адаптации студентов мигрантов в культурно-образовательном пространстве вуза. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. 160 с.
3. Доклад о миграционной ситуации в Еврейской автономной области, основных результатах деятельности ОФМС России по Еврейской автономной области за 2015 г. URL: https://79.fms.gov.ru/upload/site79/document_file/o_migr.situacii_i_RD_1512_Birobidzhan_EAO.pdf
4. Ларин А.Г. Китайская образовательная миграция в России. Общество и государство в Китае: XLII научная конференция: Часть 2 / Ин-т востоковедения РАН. М.: Учреждение Российской академии наук Институт востоковедения (ИБ РАН), 2012. Ученые записки Отдела Китая ИБ РАН. Вып. 6. 385 с.
5. Китайские преподаватели пополнят ряды аспирантов базового вуза ЕАО. URL: <http://eaomedia.ru/news/society/24.03.2016/496462/kitayskie-prepodavateli-popolnyat-ryadi-aspirantov-bazovogo-vuza-eao.html>
6. Маркелова Е. «Я русский бы выучил только за то...» // Биробиджанская звезда. 2014. 19 февр. № 13 (17199).
7. Олимпиада в ЕАО выявила лучших знатоков русского языка среди китайских студентов. URL: <http://www.eaomedia.ru/news/society/07.04.2016/499156/olimpiada-v-eao-viyavila-luchshih-znatokov-russkogo-yazika-sredi-kitayskih-studentov.html>
8. Донских Т.П. Социально-психологическая адаптация студента-мигранта в новых социокультурных условиях // Вестник ОГУ. Декабрь 2010. № 12 (118). С. 167–172.
9. Маркелова Е. Широкая масленица – азиатский взгляд // Биробиджанская звезда. 2014. 5 марта. № 17 (17203).
10. Чеснокова Н.В. Этнокультурные аспекты адаптации китайских студентов в России // Ойкумена. 2012. № 1 (20). С. 80–86.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 октября 2016 г.

ETHNO-CULTURAL ADAPTATION OF MIGRANT STUDENTS IN THE JEWISH AUTONOMOUS OBLAST

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 141–144.

DOI: 10.17223/15617793/414/22

Ekaterina V. Titova, Amur State University named for Sholom Aleichem (Birobidzhan, Russian Federation). E-mail: efimovaekaterina91@yandex.ru

Keywords: migrants; student migration; ethno-cultural adaptation; pseudodiphtheria.

The purpose of the research is to identify the features of ethno-cultural adaptation of foreign students in the Jewish Autonomous Oblast. The sources of information employed in the course of this study were publications in the periodicals of Birobidzhan which cover ethno-cultural events associated with the problems of the regulation of migration in the region as well as personal data from a survey of migrant students of the local university. The development of inter-ethnic communication as a basis of peaceful coexistence of people in today's globalized world is a fundamental concept of the recognition of the equality of all cultures which have an equal right to development. The Jewish Autonomous Oblast is located on the border with another populated country (China), it has a strategic importance for the country. Ethno-cultural adaptation of migrants in the local environment, new for them, happens under the influence of a number of interrelated processes – ethno-cultural self-organization and rational state regulation. Adaptation to a new social status, in the new ethical environment, among migrant students is associated with the problems of personal and financial insecurity. Education of migrant students at schools presents a new set of requirements for the educational and academic work. On the basis of their ethnic and cultural peculiarities, migrant students are most susceptible to the emotional experience of social instability and thus experience a psychological crisis. In case of students and many seasonal labor migrants it is not possible to talk about com-

plete adaptation, only about pseudo-adaptation. Though there are subjective indicators in determining the level of adaptation (interest in Russian culture, Russian language, people), objective indicators are still very few: active intercultural dialogue, involvement in ethno-cultural events. Many migrants adapt at the level of adjustment to the new environment, and nothing more. The author concludes that in order to optimize ethno-cultural adaptation of migrant students, it could be possible to increase hours for additional studies of the Russian language and Russian culture; to actively involve migrant students in the organization of ethno-cultural activities; to have regular consultations with visiting foreign students to provide psychological support in adaptation; to predict regular problems in training and settling down of migrant students in the university through a variety of psychological trainings. Receiving education plays an important strategic role in the adaptation of migrants in the new environment. It can be explained by the fact that the educational system becomes a unique opportunity for a meaningful systematic impact on the process of formation and development of young people life goals.

REFERENCES

1. Soldatova, G.U. et al. (2008) *Psikhodiagnostika tolerantnosti lichnosti* [Psychodiagnosis of personality tolerance]. Moscow: Smysl.
2. Mareev, V.I. (2012) *Sotsial'no-pedagogicheskie usloviya adaptatsii studentov migrantov v kul'turno-obrazovatel'nom prostranstve vuza* [Social-pedagogical conditions of adaptation of students of migrant workers in the cultural and educational space of the university]. 2nd ed. Moscow: Flinta: Nauka.
3. Jewish Autonomous Oblast FMS. (2015) *Doklad o migratsionnoy situatsii v Evreyskoy avtonomnoy oblasti, osnovnykh rezul'tatakh deyatelnosti OFMS Rossii po Evreyskoy avtonomnoy oblasti za 2015 g.* [Report on the migration situation in the Jewish Autonomous Oblast, the main results of operations of the Russian FMS in the Jewish Autonomous Oblast for 2015]. [Online] Available from: https://79.fms.gov.ru/upload/site79/document_file/_o_migr.situacii_i_RD_1512_Birobidzhan_EAO.pdf.
4. Larin, A.G. (2012) [Chinese educational migration in Russia]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and state in China]. Proceeding of the XLII conference. Vol. 2. Moscow: IOS RAS. (In Russian).
5. Eaomedia.ru. (2016) *Kitayskie prepodavateli popolnyat ryady aspirantov bazovogo vuza EAO* [Chinese teachers will join the ranks of postgraduates graduate of the basic JAO university]. [Online] Available from: <http://eaomedia.ru/news/society/24.03.2016/496462/kitayskie-prepodavateli-popolnyat-ryadi-aspirantov-bazovogo-vuza-eao.html>.
6. Markelova, E. (2014) "Ya russkiy by vyuchil tol'ko za to..." ["I would learn Russian just to . . ."]. *Birobidzhanskaya zvezda*. 13 (17199). 19 February.
7. Eaomedia.ru. (2016) *Olimpiada v EAO vyyavila luchshikh znatokov russkogo yazyka sredi kitayskikh studentov* [Olympics in JAO has identified the best experts of the Russian language among Chinese students]. [Online] Available from: <http://www.eaomedia.ru/news/society/07.04.2016/499156/olimpiada-v-eao-viyavila-luchshih-znatokov-russkogo-yazyka-sredi-kitayskih-studentov.html>.
8. Donskikh, T.P. (2010) *Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya studenta-migranta v novykh sotsiokul'turnykh usloviyakh* [Socio-psychological adaptation of migrant students in the new socio-cultural conditions]. *Vestnik OGU*. 12 (118). December. pp. 167–172.
9. Markelova, E. (2014) *Shirokaya maslenitsa – aziatskiy vzglyad* [Broad Maslenitsa – an Asian view]. *Birobidzhanskaya zvezda*. 17 (17203). 5 March.
10. Chesnokova, N.V. (2012) *Etnokul'turnye aspekty adaptatsii kitayskikh studentov v Rossii* [Ethno-cultural aspects of the adaptation of Chinese students in Russia]. *Oykumena*. 1 (20). pp. 80–86.

Received: 03 October 2016

ТРАДИЦИИ ПРАЗДНОВАНИЯ ЮБИЛЕЙНЫХ ДАТ В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Изучено празднование 300-летнего юбилея правящей династии Романовых в Тобольской губернии. Описаны городские торжества, которые прошли в учебных учреждениях региона, а также ряд различных мероприятий, приуроченных к знаменательной дате (частичная амнистия заключенных, депутация от губернии на празднества в Санкт-Петербург и др.). Актуальность исследования заключается в выделении ряда особенностей, характерных для проведения 300-летнего юбилея в Тобольской губернии, а также традиции проведения других аналогичных торжеств, проходивших в регионе в обозначенных хронологических границах.

Ключевые слова: Романовы; юбилей; Тобольская губерния; особенности; праздники; город.

В 1913 г. по всей стране проводились мероприятия, посвященные празднованию 300-летия династии Романовых. Не обошло это стороной и Тобольскую губернию. В крае, несмотря на неурожайный 1911 г., праздничные мероприятия не были отменены, пройдя с 21 по 23 февраля 1913 г. в запланированном порядке. Согласно свидетельствам современников, событие «отличалось особой торжественностью и сердечностью, и население к значению чествуемого события относилось с таким проникновенным чувством» [1. С. 1].

В мужской православной гимназии Тобольска были учреждены две стипендии для бесплатного обучения бедных учеников, также планировалось открыть шестое начальное училище, которому предлагалось дать название «Романовский».

В Кургане была учреждена одна стипендия при местной гимназии в 150 руб., а также выдвинута инициатива с прошением присвоить имя Михаила Федоровича третьему приходскому училищу. В Таре состоялось открытие памятника в качестве бюста основателя правящего дома. Городские власти Тюмени предложили женское и мужское приходские училища именовать «в память царствования дома Романовых». Ялуторовская дума приняла решение переименовать две местные улицы в Александровскую и Царскую.

17 февраля 1913 г. в Тобольске в здании народной аудитории поставлены пьеса «Жизнь за царя», спектакль в честь юбилея, а также организован маскарад. Во всех церквях 20 февраля были совершены торжественные панихиды по всем скончавшимся правителям Романовых. 21 февраля проведены молебны, божественные литургии, парад войск Тобольского гарнизона, крестные ходы, праздничный публичный акт из трех отделений по специальной программе (исполнение государственного гимна, чтение очерка из истории правления монархов, хоровое пение учащихся епархиального училища, духовной семинарии, гимназии и пр.), вечер танцев для воспитанников. 22 февраля в общественном собрании состоялся бесплатный утренний спектакль для горожан, устроен вечер в гимназии для женщин. Наконец, 23 февраля организован бал для учеников низших отделений средних учебных заведений и начальных школ, а в приходских училищах – музыкально-литературные утренники [2. С. 3].

В честь 300-летнего юбилея был издан правительственный манифест, провозглашавший частичную амнистию для некоторых заключенных. Руководству-

ясь документами, в Тобольске освободили 84 арестанта, в Тюмени – 70, в Кургане – 144 и др. [3. С. 3; 4. С. 3]. Кроме этого, в дни празднеств губернатор провел торжественное сельскохозяйственное совещание (одно из первых в своем роде публичное награждение специалистов отрасли), где вручил особые дипломы и денежные премии за образцовое содержание хозяйств [5. С. 3].

В Тобольской губернии был также создан специальный комитет для сбора средств, требовавшихся особой депутации для прибытия на торжества в Санкт-Петербург и поднесения Николаю II списка иконы Абалакской Божьей матери. В короткие сроки деньги были собраны. От светской власти в состав депутации вошли головы трех крупнейших городов региона (Тобольска, Кургана, Тюмени) [6. С. 2; 7. С. 2; 8. С. 2], от духовенства епархии делегирован протоиерей Д. Смирнов. Сама икона находилась в серебряной ризе, обрамленной золотыми венцами, вставками из драгоценных сибирских камней общей стоимостью в 1 тыс. руб. Ее изготовила известная московская фирма «П.И. Оловянишников и сыновья». Еще 12 февраля 1913 г. тобольская делегация приехала в столицу. 21 февраля она присутствовала на праздничном богослужении в Казанском соборе Санкт-Петербурга, где участвовали Николай II со своей семьей, а также иные члены династии, высшие чиновники, иерархи Русской православной церкви, послы иностранных государств и пр. 22 февраля представители Тобольской губернии попали на аудиенцию к императору в Зимний дворец, где Д. Смирнов подарил монарху привезенный список иконы Божьей матери. После окончания официальной части мероприятия был устроен праздничный завтрак, а на выходе все участники получили юбилейный памятный жетон, «жалуемый государем императором на память всем приносившим ему поздравления» [9. С. 1–3, 5, 8, 10, 13].

В целом юбилей 300-летия Дома Романовых в Тобольской губернии проходил с размахом при активном участии общества. В том же Санкт-Петербурге и других крупных городах действовали строгие меры полицейского контроля: толпа во многом была разбавлена агентами охранного отделения, допуск на основные массовые торжества был возможен только по пригласительным билетам. Поэтому в таких городах многие обыватели в празднике не участвовали. По словам лидера московских кадетов Н.И. Астрова, в

праздновании юбилея «энтузиазма, подъема, оживления, даже интереса – никакого» [10. С. 81]. Один из представителей самой правящей династии вспоминал: «Я вынес впечатление, что юбилей Дома Романовых прошел без особого подъема... Конечно, в театре приглашенная публика кричала “ура”, оркестр играл гимн, но настроения не было. Все было по-казенному, не чувствовалось, что вся Россия единодушно празднует юбилей своей династии» [11. С. 94]. Целью проведения праздника, по мнению современного исследователя, стал «показ народу пути к лучшему будущему через веру в Бога, царя и Отечество, напомнить в нынешнее лихое время, как была преодолена прежняя Смута» [12. С. 42–51]. Однако инициатива проведения праздника исходила сверху. Тем не менее по всему краю устраивались населенные пункты, активизировались представители культурной сферы, в досуге горожан появилось некоторое разнообразие.

В дни юбилеев великих отечественных поэтов в ряде сибирских городов было принято организовывать литературные праздники. К элементам воспитания таких мероприятий относилось то, что зачастую они проходили в учебных учреждениях. Там озвучивалась биография поэта, читались его самые известные произведения, также лучшие по результатам обучения ученики награждались юбилейными медалями. В честь покойных знаменитых людей устраивали чаепития, служили панихиды и пр.

Кроме общегосударственных и престольных широко также отмечались достопамятные дни и местные праздники. Например, в Тобольске вспоминали о посещении города разными царственными особами: 2 июня – в честь наследника Александра Николаевича (1873 г.), 23 июля – великого князя Владимира Александровича (1868 г.), 1 июля – великого князя Алексея Александровича (1873 г.), 10 июля – великого князя Николая Александровича (1891 г.) [13. С. 201–205; 14. С. 1787–1799].

Кроме этого, проводились крестные ходы во время чествования победы Ермака в 1582 г. над силами Кулума при Чувашском мысе [15. С. 331].

Пристальное внимание уделялось такому мероприятию, как крестные ходы. Как правило, они со-

провождали важные для города открытия и устойчиво оставались традицией в течение всего исследуемого времени. Это было праздничное религиозное шествие священнослужителей при массовом стечении жителей, которое проводилось из одного исторического и культового места в другое, с христианскими святынями огромной сакральной значимости (хоругви, иконы, кресты). Традиционно во главе процессии находились духовенство и чиновники, затем шли купцы, а после – все остальные.

В Тобольске и городских окрестностях к 1893 г. в течение года проходило до 16 крестных шествий с культовыми хоругвями: для освящения воды перед Крещением – из Богоявленской церкви к реке Иртыш; с иконой Почаевской Божьей Матери – из Софийско-Успенского собора по подгорной и нагорной частями города, а также из Петропавловской церкви в Апостола-Андреевскую и обратная процессия; ряд шествий с Абалакской иконой Божьей Матери и др. [16. С. 31; 17. С. 440]. С 1863 г. в Кургане указ Святейшего Синода разрешил проводить крестные ходы вокруг города, используя список иконы Абалакской Божьей Матери, которую переносили в местный Богородице-Рождественский храм [18. С. 19]. В период пребывания любой иконы в городских церквях служились молебны, а сами образа вносили в дома и другие места, где совершались ритуальные обряды [19. С. 60–65].

Наряду с тем, что торжества в честь 300-летия правления династии Романовых прошли во многом типично, можно выделить характерные особенности празднования в Тобольской губернии. Так, деятельное участие в организации и проведении приняли представители органов местного городского самоуправления (стипендии, переименования объектов и пр.). Кроме этого, частными случаями стала массовая амнистия заключенных, а также публичные награждения и поездка делегации края на масштабные празднования в Санкт-Петербург. Наряду со значимым событием стоит отметить специфику при проведении других юбилейных торжеств (памятных дат из биографий известных людей), достопамятных событий, а также традиции проведения крестных ходов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очерк празднования 300-летия царствования Дома Романовых в Тобольской губернии // Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 г. Тобольск : Губернская типография, 1914. 313 с.
2. Хроника // Сибирская торговая газета (далее – СТГ). 1913. № 44.
3. Городская хроника // Сибирский листок (далее – СЛ). 1913. № 26.
4. Хроника // СТГ. 1913. № 43.
5. Городская хроника // СЛ. 1913. № 112.
6. Городская хроника // СЛ. 1913. № 8.
7. Городская хроника // СЛ. 1913. № 11.
8. Хроника // СТГ. 1913. № 8.
9. Смирнов Д. Моя поездка на Романовские празднества в Санкт-Петербург. Тобольск : Губернская типография, 1913. 38 с.
10. Розенталь И.С. Массовые представления о власти: Москва, начало XX в. // Армагеддон: Актуальные проблемы истории, философии, культурологии. М., 1999. Кн. 4. С. 69–94.
11. Гавриил Константинович (вел. кн.). В мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1955. 106 с.
12. Цимбаев К.Н. Православная Церковь и государственные юбилеи Императорской России // Отечественная история. 2005. № 6. С. 42–51.
13. Томилов И.С. Отражение путешествия Великого князя Владимира Александровича по Западной Сибири на страницах «Тобольских губернских ведомостей» // Тобольск научный-2014 : материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. 2014. С. 201–205.
14. Valitov A.A., Tomilov I.S. Residents' participation in the celebration of the Tobolsk province in tercentenary of Romanovs' house // Журнал Сибирского федерального университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. Т. 6, № 12. С. 1787–1799.
15. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. М. : Типография В. Грачева и комп., 1862. 420 с.
16. Адрес-календарь Тобольской губернии за 1893 г. Тобольск : Тобольская губернская типография, 1893. 61 с.
17. Памятная книжка Тобольской губернии на 1864 г. Тобольск : Типография Тобольского губернского правления, 1864. С. 455 с.
18. Извещения // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 5.

THE TRADITION OF CELEBRATING ANNIVERSARIES IN TOBOLSK PROVINCE IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 145–147.

DOI: 10.17223/15617793/414/23

Igor S. Tomilov, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: igor.tomilov.85@mail.ru

Darya Yu. Fedotova, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: igor.tomilov.85@mail.ru

Keywords: the Romanovs; anniversary; Tobolsk Province; features; festivals; city.

The article is devoted to the celebration of the 300th anniversary of the Romanov dynasty on the territory of Tobolsk Province. The relevance of the work is determined by the detection of characteristic features of the events in the region, as well as their comparison with other similar mass celebrations held in the designated spatio-temporal framework. The object of study is the townspeople of Tobolsk Province who participated in festive and entertaining events dedicated to important anniversaries in the 19th–20th centuries. The subject is the traditions and peculiarities of the events. The territorial boundaries are limited to Tobolsk Province, a sparsely populated and underdeveloped provincial region of the Russian Empire. The chronological boundaries of the late 19th – early 20th centuries are due to the ambitious modernization process that took place in the country. The massive advances affected almost all spheres of life of the population and brought to the fore new transformation values and caused, on the other hand, the extinction of traditional occupations and attitudes of society. The methodological basis of the study takes into account the urban area of the theory of modernization of a traditional society, the use of which is due to the dynamism of urban society. In the course of performing the tasks of the study, the authors also relied on the totality of findings and concepts on the history of Russian urbanism, including updated approaches to aspects of everyday life. The complexity of the studied object requires the use of practices of the interdisciplinary approach in cultural studies, geography, urban studies and other sciences. The use of the local approach is appropriate in relation to the city as a social organism embedded in the local periphery. An emphasis is made on the influence of the “new Imperial history” in relation to the factors of the formation and elements of the studied object. Finally, to separate the topic from the broad category of urban culture and to emphasize its values, methods and techniques of the problem-chronological approach were applied. The source base of the study includes reference and statistical materials (commemorative books, directories), periodicals (*Sibirskaya trgovaya gazeta*, *Sibirskiy listok*, *Tobol'skie gubernskie vedomosti*), documents of personal origin (memoirs), historical essays and notes. In the course of the analysis the following results were obtained. Along with the fact that celebrations dedicated to the 300th anniversary of the Romanov dynasty were largely typical, it is possible to identify characteristic features of the celebration in Tobolsk Province. Thus, representatives of the local urban government took an active part in the organization and conduct of events (scholarships, renaming objects, etc.). In addition, special cases were the mass amnesty of prisoners and public awards. A delegation from the region visited the large-scale celebration in St. Petersburg. Along with the significant event, other anniversary celebrations (important dates from biographies of famous people), memorable events and the traditions of holding processions are also specific.

REFERENCES

1. Yuferov, E.G. (ed.) (1914) Ocherk prazdnovaniya 300-letiya tsarstvovaniya Doma Romanovykh v Tobol'skoy gubernii [Essay on the 300th anniversary of the reign of the Romanov dynasty in Tobolsk Province]. In: *Pamyatnaya knizhka Tobol'skoy gubernii na 1914g.* [Memorial book of Tobolsk Province in 1914]. Tobolsk: Gubernskaya tipografiya.
2. *Sibirskaya trgovaya gazeta*. (1913) Khronika [Chronicle]. *Sibirskaya trgovaya gazeta*. 44.
3. *Sibirskiy listok*. (1913) Gorodskaya khronika [City chronicle]. *Sibirskiy listok*. 26.
4. *Sibirskaya trgovaya gazeta*. (1913) Khronika [Chronicle]. *Sibirskaya trgovaya gazeta*. 43.
5. *Sibirskiy listok*. (1913) Gorodskaya khronika [City chronicle]. *Sibirskiy listok*. 112.
6. *Sibirskiy listok*. (1913) Gorodskaya khronika [City chronicle]. *Sibirskiy listok*. 8.
7. *Sibirskiy listok*. (1913) Gorodskaya khronika [City chronicle]. *Sibirskiy listok*. 11.
8. *Sibirskaya trgovaya gazeta*. (1913) Khronika [Chronicle]. *Sibirskaya trgovaya gazeta*. 8.
9. Smirno, D. (1913) *Moya poezdka na Romanovskie prazdnestva v Sankt-Peterburg* [My trip to the Romanov celebrations in St. Petersburg]. Tobolsk: Gubernskaya tipografiya.
10. Rozental', I.S. (1999) Massovye predstavleniya o vlasti: Moskva, nachalo XX v. [Mass notions of power: Moscow, the beginning of the 20th century]. In: *Armageddon: Aktual'nye problemy istorii, filosofii, kul'turologii* [Armageddon: topical problems of history, philosophy, and cultural studies]. Vol. 4. Moscow: Signal".
11. Gavril Konstantinovich (Grand Prince). (1955) *V mramornom dvortse. Iz khroniki nashey sem'i* [The marble palace. From the chronicles of our family]. New York: Izd-vo im. Chekhova.
12. Tsimbaev, K.N. (2005) Pravoslavnyye Tserkov' i gosudarstvennyye yubilei Imperatorskoy Rossii [Orthodox Church and state anniversaries of Imperial Russia]. *Otechestvennaya istoriya*. 6. pp. 42–51.
13. Tomilov, I.S. (2014) Otrazhenie puteshestviya Velikogo knyazya Vladimira Aleksandrovicha po Zapadnoy Sibiri na stranitsakh "Tobol'skikh gubernskikh vedomostey" = [Reflection of the travel of Grand Duke Vladimir Alexandrovich in Western Siberia in the pages of Tobol'skie gubernskie vedomosti]. *Proceedings of the 11th All-Russian conference with international participation*. Tobolsk: Print-Ekspress. pp. 201–205. (In Russian).
14. Valitov, A.A. & Tomilov, I.S. (2013) Residents' participation in the celebration of the Tobolsk province in tercentenary of Romanovs' house. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities*. 6:12. pp. 1787–1799.
15. Zavalishin, I.I. (1862) *Opisanie Zapadnoy Sibiri* [Description of Western Siberia]. Moscow: Tipografiya V. Gracheva i komp.
16. Anon. (1893) *Adres-kalendar' Tobol'skoy gubernii za 1893 g.* [Calendar of Tobolsk Province for 1893]. Tobolsk: Tobol'skaya gubernskaya tipografiya.
17. Il'in, V. & Anuchin, E. (1864) *Pamyatnaya knizhka Tobol'skoy gubernii na 1864 g.* [The memorial book of Tobolsk Province in 1864]. Tobolsk: Tipografiya Tobol'skogo gubernskogo pravleniya.
18. Tobol'skie gubernskie vedomosti. (1863) Izveshcheniya [Notices]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*. 5.
19. Valitov, A.A. & Fedotova, D.Yu. (2016) Krestnye khody v Tobol'skoy gubernii kak forma ritual'noy povsednevnoy kul'tury na rubezhe XIX–XX vv. [Processions in Tobolsk Province as a form of ritual everyday culture at the turn of 20th century]. *Kul'turnoe nasledie Rossii*. 2. pp. 60–65.

Received: 09 November 2016

ТОМСК – ЦЕНТР ЗАЩИТЫ ДИССЕРТАЦИОННЫХ РАБОТ НА ВОСТОКЕ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Исследование выполнено в рамках государственного задания подведомственных Минобрнауки РФ образовательных организаций по проекту 33.1687.2017/ПЧ «Интеллектуальный и ресурсный потенциал Северной Азии: исторический опыт развития и ответы на вызовы современности».

На материалах периодической печати, архивных документов, воспоминаний исследуется динамика защит диссертационных работ в ученых советах томских и эвакуированных в город вузов и НИИ в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Анализируются факторы, способствовавшие повышению статуса Томска в военные годы как центра защит диссертационных работ на востоке СССР. Отмечаются особенности организации защит в условиях военного времени. Приводятся количественные показатели защит кандидатских и докторских диссертаций за рассматриваемый период по вузам, специальностям, составу соискателей.

Ключевые слова: Томск; Великая Отечественная война; защита диссертации; ученые советы; вузы.

Для любых научных сообществ особую важность имеет показатель приращения элементов – способности системы не просто готовить новые кадры, но и встраивать их в научно-исследовательский контекст, обеспечивая связь между поколениями, сохранение научных традиций, поддержание жизнеспособности парадигм.

В статье на основании статистики защит кандидатских и докторских диссертаций в ученых советах томских и эвакуированных в этот город вузов и НИИ рассматривается то, как названную выше функцию осуществляло научное сообщество г. Томска в годы Великой Отечественной войны.

Накануне и в годы войны Томск был крупным центром защит диссертационных работ и подготовки научных кадров высшей квалификации на востоке страны – Сибири и Дальнего Востока, Казахстана и республик Средней Азии. Этому способствовал ряд предпосылок, как историко-генетических, так и ситуативных.

К первой группе можно отнести научные и образовательные традиции Томска, его репутацию как старейшего университетского центра Сибири. За дореволюционный период и в 1920–1930-х гг. город воспитал плеяду ученых. Здесь сформировался целый ряд научных направлений и школ, таких как Томская научная школа физики твердого тела В.Д. Кузнецова, Сибирская ботаническая школа, основателем которой был П.Н. Крылов, Сибирская горно-геологическая школа, зарождение которой традиционно связывают с именем В.А. Обручева, медицинские научные школы (Сибирская физиологическая школа Б.И. Баяндурова, Томская хирургическая школа А.Г. Савиных и др.).

За 20 лет советской власти значительно вырос научно-образовательный потенциал города, укрепилась материально-техническая база вузов, лабораторий и научно-исследовательских институтов. Все это в совокупности с ореолом «Сибирских Афин» позволяло многим молодым ученым из разных точек СССР считать за честь защиту диссертации в Томске.

Играли свою роль и чисто практические соображения. Связано это было с тем, что ученые некоторых специальностей просто не имели возможности защититься в родных городах. Так, например, учрежден-

ный в 1935 г. Новосибирский медицинский институт (НМИ) лишь в начале 1960-х гг. получил право принимать к защите кандидатские и докторские диссертации [1]. В то же время Томский медицинский институт (ТМИ), созданный в 1930 г. на базе лечебно-профилактического и незадолго до этого открытого санитарно-гигиенического факультетов Томского государственного университета (ТГУ), на протяжении всего довоенного периода был единственным сибирским медицинским вузом, где происходила защита кандидатских и докторских диссертаций [2. С. 55]. Учитывая особую важность медицинских специальностей в военное время, ТМИ в 1941–1945 гг. стал центром притяжения для молодых научно-медицинских кадров не только Томска, но и всей Сибири.

Наряду с общевузовскими в годы войны в ТГУ функционировали и факультетские ученые советы, на которых проводились защиты кандидатских диссертаций. Так, на основании приказа Всесоюзного комитета по делам высшей школы (ВКВШ) при СНК СССР от 4.04.1942 г. за № 20/Т ТГУ было дано право проводить защиты диссертаций на соискание ученой степени кандидата биологических и физико-математических наук на заседаниях ученых советов соответствующих факультетов «с последующим утверждением Советом университета» [3. Л. 2].

Весной 1942 г. для этой цели был сформирован Ученый совет физико-математического факультета ТГУ, в состав которого вошли 14 человек. Среди них были профессор-физики В.Д. Кузнецов (зав. кафедрой металлофизики), В.М. Кудрявцева (декан факультета, зав. кафедрой оптики и спектроскопии), М.А. Большанина (зав. кафедрой экспериментальной физики), профессор-математик Н.П. Романов (зав. кафедрой алгебры и теории чисел), а также доценты М.С. Горохов (зав. кафедрой баллистики), Е.Н. Аравийская (зав. кафедрой общей математики), В.А. Жданов (зав. кафедрой теоретической физики) и др. Совет принимал диссертации по таким специальностям, как «математический анализ», «геометрия», «алгебра и теория чисел», «астрофизика», «теоретическая механика», «теоретическая физика», «экспериментальная физика» [4. Л. 397].

Тогда же был сформирован Ученый совет биологического факультета в составе 23 человек. В него

вошли декан факультета, заведующий кафедрой ихтиологии, гидробиологии и дарвинизма Б.Г. Иоганзен, а также профессор М.Д. Рузский (зав. кафедрой зоологии беспозвоночных животных), профессор Б.П. Токин (зав. кафедрой динамики развития животных организмов), доцент В.А. Пегель (зав. кафедрой физиологии животных), профессор В.В. Ревердатто (зав. кафедрой высших растений), профессор А.И. Купцов (зав. кафедрой селекции и генетики), доцент Л.В. Шумилова (зав. кафедрой геоботаники и географии растений) и др. В состав Совета вошел и недавно эвакуированный из блокадного Ленинграда профессор А.А. Заварзин, зачисленный в штат университета профессором кафедры динамики развития животных организмов. На факультетском Совете проводились защиты кандидатских диссертаций по специальностям «Зоология» и «Ботаника» [4. Л. 396].

Докторские диссертации традиционно защищались на заседаниях ученых советов вузов. В их состав входили крупные томские ученые: уже упомянутый директор Сибирского физико-технического института (СФТИ) при ТГУ, профессор В.Д. Кузнецов, знаменитый профессор-биолог Б.П. Токин, старейшие томские профессора зоолог М.Д. Рузский и «первый математик Сибири» Ф.Э. Молин, профессор Томского индустриального института (ТИИ) Н.И. Карташов, профессор-фармаколог Н.В. Вершинин и др.

С прибытием эвакуированных ученых состав Советов пополнился профессорами из Европейской России, зачисленными в штаты вузов Томска, – В.А. Измайльским, А.И. Неусыхиним, А.И. Белецким и др.

Забегая вперед, скажем, что Томский государственный университет был лидером по количеству защит среди не только томских, но и вузов других городов Сибири, в том числе и Новосибирска. Анализ деятельности общего и специализированных советов вуза, специальностей защит позволяет нам сделать вывод о том, что в рассматриваемый период ТГУ как классический университет отличался наибольшим дисциплинарным разнообразием выпускаемых научных кадров высшей квалификации. При его ученых советах (общем и факультетских) защищались по различным специальностям физико-математических, биологических, геолого-минералогических, химических, филологических и исторических наук.

Большей монолитностью в этом смысле отличались индустриальный институт, где защищались диссертации по техническим, химическим и геолого-минералогическим специальностям, и ТМИ (по медицинским, а также биологическим специальностям). В Томском государственном педагогическом институте (ТГПИ) за годы войны прошла всего одна защита в будущем известного лингвиста, а тогда аспирантки Е.А. Поповой кандидатской диссертации на тему «Русизмы в английском языке» [5].

Условия Томского научно-образовательного комплекса, таким образом, в предвоенный период и в годы войны давали возможности для защиты диссертаций по довольно широкому для провинциального города тех времен спектру научных специальностей, что, соответственно, предопределяло статус Томска как центра не только подготовки научных кадров, но

и места защиты диссертационных работ учеными всего Сибирского региона.

Ситуативные предпосылки были связаны, во-первых, с общей мобилизацией тыла, возрастанием его значения как «третьего фронта», что не могло не способствовать активизации подготовки «научной смены».

Необходимость обслуживания резко возросшего промышленного комплекса региона создавала для сибирских ученых в военные годы широкое поле для исследовательской деятельности, давала материал для разнообразных исследовательских разработок и в то же время приложение для уже имеющихся научных идей и проектов.

Немаловажное значение для динамики защит научных кадров в Томске на начальном этапе войны имела эвакуация в этот город ВКВШ при СНК СССР, фактически имевшего статус наркомата. Он находился в Томске с осени 1941 г. до мая 1942 г. и занимал бывшее здание Дома ученых на ул. Советской. Как вспоминала Л.М. Житник, в ВКВШ в то время «рассматривались только докторские диссертации, кандидатские рассматривались только в качестве контроля, если поступала какая-нибудь кляуза или еще что-нибудь только в порядке исключения» [6. Л. 11].

В период пребывания ВКВШ в Томске к работе в его экспертных комиссиях по рассмотрению докторских диссертаций привлекались местные ученые. Та же Л.М. Житник, которая работала в то время помощником инспектора ВКВШ, вспоминала, какой объем диссертаций приходилось рассматривать членам комиссии. Заседания экспертных комиссий, по ее словам, проходили 2 раза в месяц, на каждом рассматривалось до 16 диссертаций. Для членов комиссий «на голодный желудок» это было тяжелым трудом [Там же. Л. 12].

В экспертные комиссии ВКВШ входили профессор ВИАМа Б.И. Лаврентьев, профессор ТМИ А.Г. Савиных, Н.И. Карташов и др. Профессор ТМИ Н.В. Вершинин, помимо работы в экспертной комиссии, входил также в состав президиума и пленума ВКВШ.

Стоит также отметить, что свои ученые советы имели эвакуированные в Томск из европейской части СССР Московский институт инженеров железнодорожного транспорта (МЭМИИТ), Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ). Однако в них осуществлялись защиты работ в основном собственных сотрудников, что по количеству значительно уступало местным вузам.

Все вышеперечисленные факторы и предпосылки способствовали тому, что в годы Великой Отечественной войны Томск достиг довольно высоких по военным меркам показателей в защите диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук не только в Сибири, но и в целом по стране.

Переходя непосредственно к статистике защит, следует отметить, что информация о дате и месте защиты, ученой степени, соискателе и теме диссертации, официальных оппонентах сообщалась обычно за десять, а иногда и меньше дней в томской газете «Красное знамя».

На основании этих объявлений можно не только получить количественные данные об общем числе защит за время войны в советах вузов и НИИ, где они проводились, но и проанализировать, по каким специ-

альностям проходили защиты. Все это позволяет проследить динамику аттестации научных кадров высшей квалификации в форме защит в рассматриваемый период. Подсчет проведен на материалах этих объявлений в газете «Красное знамя». Правда, стоит сразу же оговорить, что иногда объявленные защиты либо откладывались на более поздний срок, либо отменялись, о чем извещала та же газета.

Как удалось установить, всего за годы Великой Отечественной войны при ученых советах томских и эвакуированных в город вузах и НИИ состоялось 229 защит. Из них, естественно, подавляющая часть пришлось на защиту кандидатских диссертаций (176). Число защит докторских диссертаций составило 53.

Период 1942–1943 гг. был отмечен наивысшей концентрацией научных кадров в городе, что было связано с масштабной эвакуацией первого года войны. Это же время стало и наиболее продуктивным по количеству защит. Несмотря на призыв в армию части оспереженных ученых и преподавателей, профессорско-преподавательский корпус томских вузов пополнился за счет эвакуированных и оказавшихся в Томске в силу других обстоятельств ученых. Так, в Томске стали работать профессор-математик П.К. Рашевский (МГУ), профессор-лингвист А.П. Дульзон (Саратовский пединститут) [7. Л. 6 об.], профессор-химик В.А. Измаильский, историк-медиевист, профессор А.И. Неусыхин (МГУ), его коллега профессор Э.Н. Ярошевский (Академия им. И.В. Сталина, Московский пединститут усовершенствования учителей) и др. [8. С. 162, 315, 495]. Как правило, они вводились в советы вузов и принимали участие в процедурах защит. Многие из них также осуществляли научное руководство аспирантами.

Проследим динамику защит по годам и вузам. С начала войны и до конца 1941 г. состоялось 25 защит, в том числе 9 докторских диссертаций. В 1942 г. их число составило уже 69, из которых 47 – на соискание ученой степени кандидата наук, 22 – доктора. В 1943 г. эти показатели снизились до 60 защит (47 кандидатских и 13 докторских работ).

Этот спад в динамике защит объяснялся начавшейся к тому времени эвакуацией. Отток научных кадров хотя и сказался в первое время на показателях защит, но благодаря наметившемуся росту числа собственных профессоров и докторов наук уже в 1944 г., число защит увеличилось до 65, причем 55 из них составили кандидатские диссертации. (Необходимо заметить, что в это время защиты проходили исключительно в советах местных вузов.) В последние месяцы войны наблюдался спад: за первые четыре месяца 1945 г. состоялось всего 10 защит кандидатских диссертаций. По всей вероятности, сказалась общая усталость от напряжения военного времени.

Что касается эвакуированных вузов и НИИ, то за все время их пребывания в Томске в них состоялось всего 14 защит (10 кандидатских и 4 докторских). Проходили они в ученых советах МЭМИИТа и ВИЭМа. Причем в последнем состоялось всего 2 защиты, обе на соискание ученой степени доктора медицинских наук. Первая прошла 30 июня 1942 г., когда защищался Л.И. Фалин – заведующий кафедрой

гистологии Казахского медицинского института (КМИ), эвакуированный в Казахстан из Смоленска (Смоленский мединститут). Официальными оппонентами выступили: член-корреспондент АН СССР, профессор Б.И. Лаврентьев, профессора А.А. Заварзина, Л.М. Шабад. Защита проходила в здании патолого-анатомического корпуса ТМИ (Московский тракт, 4) [9]. 14 ноября того же года в том же совете, на этот раз в Актовом зале ТМИ, состоялась публичная защита диссертации доцента ВИЭМа Б.Г. Гефена (официальные оппоненты: член-корреспондент АН СССР, профессор Б.И. Лаврентьев, профессора Л.И. Шабад и Д.Д. Яблоков) [10].

В Ученом совете МЭМИИТа в период эвакуации состоялось 12 защит, из них 2 – на соискание ученой степени доктора технических наук (доцент Томского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта М.Я. Суздальцев [11] и доцент МЭМИИТа Р.А. Воронов [12]).

Стоит отметить, что в Ученом совете МЭМИИТа диссертации защищали в основном научные сотрудники и инженеры этого же вуза и несколько соискателей со стороны, как правило, работники железнодорожного транспорта.

Наиболее широкие возможности для соискателей в плане специальностей, по которым устраивали защиты, предоставлял ТГУ. Только в его советах можно было защищать диссертации на ученые степени доктора и кандидата физико-математических наук.

Ученый совет ТИИ предоставлял возможность защит диссертаций на соискание степеней доктора и кандидата технических, геолого-минералогических и химических наук. В ТМИ в дополнение к медицинским специальностям принимались к защите диссертации по биологическим наукам, которые, однако, составили незначительную долю от общей статистики защит по вузу.

Если обратимся к статистике по специальностям, то именно по медицинским наукам в годы войны было проведено наибольшее количество защит – всего 61: из них 39 на степень кандидата, 22 – доктора наук. Почти все они проходили в Ученом совете ТМИ, за исключением 2 в Ученом совете ВИЭМа. Это объяснялось не только тем, что этот вуз славился своими научными школами, но и нахождением в Томске в годы войны многих госпиталей: среди соискателей ученых степеней было немало военных врачей.

По техническим наукам за годы войны состоялось 58 защит (12 докторских и 46 кандидатских). Из них большая часть была организована в Ученом совете ТИИ – 36 кандидатских и 10 докторских диссертаций.

По физико-математическим специальностям в Ученом совете ТГУ было проведено 32 защиты (26 кандидатских и 6 докторских).

Защиты диссертаций на степень доктора и кандидата геолого-минералогических наук проходили как в ТГУ, так и в ТИИ. Всего с июня 1941 по май 1945 г. состоялось 19 защит на ученую степень кандидата и 3 – на степень доктора геолого-минералогических наук.

По биологическим наукам только трое за рассматриваемый период защищались в медицинском институте, остальные – в университете. Всего 28 человек: 19 – на степень кандидата в Ученом совете биологи-

ческого факультета и 9 – на степень доктора биологических наук в Ученом совете вуза.

Сложнее обстояла ситуация с аттестацией научных кадров высшей квалификации по химическим наукам. За все военные годы в ТГУ и ТИИ по ним состоялось всего 6 защит, в том числе 5 на соискание ученой степени кандидата и 1 – доктора химических наук (А.П. Бунтин).

Аналогичной была картина защит по гуманитарным специальностям – филологии и истории. Это объяснялось тем, что исторический факультет был открыт в ТГУ только в 1940 г. (с 1941 г. – историко-филологический). Краткий период существования факультета был недостаточен для складывания сильного профессорско-преподавательского состава. Однако с началом войны на факультете стали работать эвакуированные в Томск профессора. Кроме упомянутого выше профессора А.И. Неусыхина, в годы войны «большую и плодотворную работу в области руководства диссертантами» провел эвакуированный в Томск из Харькова весной 1941 г. академик АН УССР, профессор А.И. Белецкий [13. Л. 51]. В период работы в Томске он заведовал кафедрой русского языка и литературы на историко-филологическом факультете ТГУ (до ноября 1943 г.). Белецкий также входил в состав Ученого совета ТГУ [8. С. 47].

Всего в Совете ТГУ за годы войны было защищено 17 кандидатских диссертаций по гуманитарным специальностям, из них 9 принадлежали аспирантам и преподавателям ТГПИ. Заметим, за период с 1930 по июнь 1941 г. сотрудниками того же вуза было защищено всего 4 диссертации [7. Л. 6 об.]. Единственная докторская диссертация по филологии, представленная в совет ТГУ в годы войны, была отклонена (Н.А. Фомин).

О том, как проходили в военное время защиты, оставила свои воспоминания известный историк-медиевист, ученица академика Е.А. Косминского Е.В. Гутнова. Гутнова была эвакуирована из Москвы в Томск осенью 1941 г. 18 ноября 1942 г. в Ученом совете ТГУ она защитила диссертацию «Томас Карлейль как историк» на ученую степень кандидата исторических наук. Публичная защита проходила в здании СФТИ. Официальными оппонентами выступили профессор А.И. Неусыхин и Ф.А. Хейфец [15].

«В памятном 1942 году, – вспоминала Е.В. Гутнова, – я стала кандидатом исторических наук и чувствовала удовлетворение, что сумела подготовить работу в таких трудных, мучительных условиях» [14. С. 221]. Защита, по ее воспоминаниям, была связана с рядом трудностей, так как в совете «в то время тон задавали ученые-естественники, весьма скептически относящиеся к истории». Особое место среди них занимал профессор В.Д. Кузнецов, «пользовавшийся в университете непререкаемым авторитетом». Однако «к чести Томского университетского совета все эти побочные соображения не сыграли в его решении особой роли». Е.В. Гутнова получила всего несколько голосов «против», и «даже старый Кузнецов проголосовал “за”». Она связывала свою удачную защиту и с выступлениями оппонентов, и со своими ответами, и

с самым именем Карлейля, «которое в этом старом культурном городе знали многие» [14. С. 221].

После защиты Е.В. Гутнову дома ждал «праздничный вечер», куда она пригласила «своих сострадателей во время этой процедуры»: профессоров Э.Г. Гриневича, Ф.А. Хейфец, А.И. Белецкого и др. Однако, как пишет она, учитывая военное время, стол был скромным: «бутылка водки на всех, вареная картошка с маслом и селедкой, дрожжевой паштет». «По тем временам, однако, – вспоминает Гутнова, – это выглядело неплохо – свет горел, в комнате было тепло. Все веселились, поздравляли меня, вспоминали подробности моего диспута и, конечно, пили за благополучный исход Сталинградской битвы, которая все длилась и длилась. Но хорошо уже было то, что Сталинград еще сопротивлялся; это вселяло какие-то смутные надежды на поворот в войне» [Там же. С. 221–222].

В вузах Томска того времени все же наиболее востребованы были специальности естественных, технических и физико-математических наук, тематика которых напрямую связана с решением задач военного времени.

Если во второй половине 1941 г. в томских вузах защищались в основном местные кадры и приезжие из Новосибирска (по медицинским специальностям), то для периода 1942–1944 гг. было характерно обилие соискателей из самых разных городов Сибири и Урала: Иркутска, Кемерово, Омска, Сталинска (ныне Новокузнецк), Енисейска, Хабаровска, Улан-Удэ, Челябинска.

Нередки были случаи, когда защищать диссертации в Томск приезжали соискатели ученой степени из Казахстана и Средней Азии. Так, 7 июля 1944 г. в большой химической аудитории индустриального института состоялась публичная защита диссертации горного инженера, сотрудника Карагандинского научно-исследовательского угольного института (КНИУИ) И.М. Печука. Тема его диссертации – «Проветривание подземными вентиляторами». Его оппонентами выступили специалисты в области горного дела г. Томска профессора ТИИ Н.А. Чинакал, Д.А. Стрельников. Отзыв на работу прислал член и заместитель председателя Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Сибири и Казахстана на нужды обороны, академик А.А. Скочинский [16]. Печук известен как один из основоположников современной дегазации угольных шахт, теории и практики борьбы с внезапными выбросами угля и газа, предупреждения эндогенных пожаров. На заключительном этапе войны он был участником восстановления угольных шахт Донбасса.

Ранее, 7 июля 1943 г., в Ученом совете ТГУ диссертацию «О периодических и аperiodических свободных колебаниях» на соискание ученой степени доктора физико-математических наук защитил профессор Самаркандского государственного университета И.С. Куклес (официальные оппоненты: профессора-доктора Ф.И. Френкель, П.К. Рашевский, А.П. Норден) [17]. Куклес известен как организатор Самаркандского математического общества, а также как руководитель Самаркандской научной математической школы.

В Томске в годы войны также защищали докторские диссертации научный сотрудник Казахстанского филиала АН СССР Г.Н. Самохвалов (биологические науки, ТГУ) [18], сотрудник Одесского медицинского института, находившийся в то время в эвакуации в Алма-Ате, В.А. Тригер (медицинские науки, ТМИ) [19], упомянутый уже сотрудник КМИ Л.И. Фалин.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в годы Великой Отечественной войны прирост научных кадров высшей квалификации в ряде восточных регионов СССР был обеспечен за счет ученых советов томских вузов. Ученые же советы эвакуированных вузов были ориентированы на защиту диссертаций в основном собственных сотрудников.

Следует обратить внимание и на то, что как подготовка, так и защита диссертационных работ в период Великой Отечественной войны проходили в тяжелых условиях. Нередко ученые вынуждены были совмещать работу над исследованиями с чисто практической деятельностью, направленной на помощь фронту, промышленности, транспорту, сельскому хозяйству. Однако именно она давала обильный материал для диссертационных исследований, что видно из тематик целого ряда работ.

Еще в начале войны вузы г. Томска перестроили планы научно-исследовательской работы в соответствии с задачами военного времени. Затронуло это и тематику кандидатских и докторских диссертаций.

Так, диссертационные исследования сотрудников транспортных вузов г. Томска были направлены на совершенствование работы паровозного транспорта, разработку технологий мобильного ремонта вагонов, модернизацию котельных установок. Все это соответствовало задачам, которые стояли перед учеными-транспортниками ТЭМИИТа и МЭМИИТа в годы Великой Отечественной войны.

Например, директор ТЭМИИТа доцент А.Д. Белоусов в конце 1942 г. защитил диссертацию на ученую степень доктора технических наук в Совете ТИИ на тему «Паросушение и канализация пара на паровозах» [20]. Что касается практической стороны деятельности Белоусова и его коллег по институту, то в это же время они предложили новую конструкцию для ликвидации явления «бросания» воды в регуляторную головку паровозных котлов Д и НС. Данная конструкция обеспечивала устойчивое повышение температуры перегретого пара, что в конечном итоге усиливало общую мощность паровоза [21. Л. 20].

Технические науки были связаны и с горнорудным делом: предупреждением эндогенных пожаров (доцент П.А. Леонов, кандидатская диссертация), разработкой крутопадающих пластов в Кузбассе системой наклонных слоев (В.Ф. Парусимов, кандидатская диссертация), методами испытаний и способами оборудования разведочных газовых скважин (Н.П. Максимов-Пугачев, докторская диссертация) и т.д.

Соискатели степеней кандидата и доктора геолого-минералогических наук в практической сфере своей деятельности занимались поиском местных заменителей топлива, новых месторождений полезных ископаемых, разработкой и изучением уже открытых месторождений. В то же время геологи посвятили свои ис-

следования таким проблемам, как структуры рудных полей месторождений олова Калбинского хребта (В.И. Кузнецов), палеонтология и стратиграфия девона Алтая (Л.Л. Халфин), геология Ново-Осинского каменноугольного месторождения Кузбасса (И.Н. Звонарев) и т.д.

Время войны было отмечено для Томска, как и для многих других городов тыла, тяжелыми материально-бытовыми условиями. Это наложило свой отпечаток и на оформление самих диссертаций. Острый дефицит бумажной продукции предопределял то, что работы перепечатывались в основном на бумаге плохого качества, нередко с обеих сторон листа. Уменьшились и объемы диссертаций. Рассылка авторефератов не требовалась.

Сами защиты, особенно в начальный период войны, проходили в холодных, плохо отапливаемых помещениях. Так, Ученый совет медицинского института обыкновенно организовывал защиты в Актном зале главного корпуса института. В университете, который долгое время был лишен главного здания, приспособленного под эвакуированный в Томск оптико-механический завод из Московской области, защиты устраивались чаще всего в здании СФТИ, в индустриальном институте – в большой или малой химических аудиториях химического корпуса вуза.

Защиты носили публичный характер: все желающие могли заранее ознакомиться с текстами диссертаций, которые были доступны, как правило, в библиотеках вузов, о чем, как уже было сказано выше, заранее оповещала городская газета «Красное знамя».

Ученые, которые привлекались к защитами в качестве официальных оппонентов, получали за это скромное вознаграждение: за оппонирование кандидатской диссертации – 200 руб. [3. Л. 5; 4. Л. 11], докторской – 250 руб. [3. Л. 307; 4. Л. 287]. Реально на эти деньги можно было купить на томском рынке полведра картофеля.

В качестве оппонентов в годы войны чаще всего выступали томские профессора В.Д. Кузнецов, Б.П. Токин, Н.П. Романов, М.Д. Рузский и др.

Однако временами приходилось привлекать оппонентов из других городов. Так произошло в случае с профессором ТГУ К.Л. Бaeвым, который защищал диссертацию «О влиянии сжатия планеты на движение близких к ней спутников» на соискание степени доктора физико-математических наук в конце марта 1943 г. [22]. В связи с нехваткой в Томске специалистов по этой теме был приглашен профессор В.П. Ветчинкин из Новосибирска. Плату за оппонирование он получал традиционную – 250 руб. К этому прилагались 26 руб. суточных (за 10 суток получил 260 руб.), квартирные по 7 руб. (всего 63 руб.), а также плата за проезд в мягком вагоне из Новосибирска в Томска в размере 147 руб. 70 коп. [3. Л. 241]. Все расходы оплачивал университет.

Издredка найти оппонента не удавалось. Так случилось, например, в 1944 г. с диссертацией на степень доктора биологических наук научного сотрудника Всесоюзного института защиты растений Н.М. Эдельмана.

Отклонение диссертаций учеными советами вузов города в рассматриваемый период было скорее ис-

ключением, чем правилом. Как уже отмечалось выше, была отклонена диссертация Н.А. Фомина на соискание степени доктора филологических наук (тема: «Качественно-количественный анализ и синтез стенографических систем»). Он защищался в один день с К.Л. Баевым, который выступил его официальным оппонентом, наряду с тем же В.П. Ветчинкиным, и профессором П.И. Каганом. Несмотря на положительные отзывы официальных оппонентов, Ученый совет ТГУ принял решение «отклонить соискание Н.А. Фоминым степени доктора филологических наук» [23. Л. 8].

Была отклонена и кандидатская диссертация Н.А. Никулина («О геометрическом построении алгебраических кривых»). На этот раз причиной стал отрицательный отзыв официального оппонента профессора П.К. Рашевского [Там же].

Имели место случаи, когда диссертации не утверждались ВКВШ (диссертация зав. кафедрой геодезии ТИИ В.С. Нуварьева [24. С. 2], старшего преподавателя ТГПИ И.Е. Пастикова [Там же. С. 68]).

Подведем итоги деятельности томских диссертационных советов. Опираясь на данные систематического указателя «Диссертации, защищенные в Томском государственном университете в 1935–1950 гг.», мы можем определить число удостоенных ученых степеней кандидата и доктора наук в результате защиты в ученых советах ТГУ за военное время – 87. При этом всего в советах ТГУ общее количество объявленных защит составило 95. Не были утверждены ВКВШ 2 диссертации, а 6 защит либо не состоялись, либо были отклонены советами вуза. По нашему мнению, количество защищенных диссертаций в ТГУ, приведенное в книге «Томский университет. 1880–1980» (14 докторских и 46 кандидатских диссертаций), не совсем точно [25. С. 215].

Сотрудниками ТИИ за все годы войны было защищено 8 докторских и 21 кандидатская диссертация

[26. С. 196], сотрудниками ТМИ – 10 докторских и 26 кандидатских диссертаций [27. С. 22].

Всего только за 1942–1943 гг. научными работниками вузов г. Томска было защищено 14 докторских и 31 кандидатская диссертация. Для сравнения: за тот же период в г. Новосибирске защитилось (как местными, так и приезжими) лишь 11 диссертаций (8 кандидатских и 3 докторских) [28. Л. 4].

Довоенные показатели защит в г. Томске также значительно уступают статистике времен войны, что закономерно вытекает из сложившейся в городе обстановки и факторов усиления Томска как центра защиты диссертационных работ в годы Великой Отечественной войны.

Развитие научно-исследовательского потенциала, обогащение профессорско-преподавательского состава приезжими учеными в судьбе Томска не один раз были связаны с беспокойными периодами отечественной истории.

Так было и в годы Гражданской войны, когда в Томске оказались ученые со всех концов России, которые объединились вокруг созданного тогда Института исследования Сибири (1919–1921 гг.). Так произошло и в годы Великой Отечественной войны, когда в Томске при численности населения порядка 150 тыс. человек насчитывалось около 900 научных работников, проделавших большую работу по усилению «третьего фронта».

Подтверждением заметно возросшего статуса Томска как крупнейшего научного центра на востоке страны стала и его популярность среди соискателей ученых степеней из Урала, Сибири, Дальнего Востока, республик Средней Азии и Казахстана. Именно в Томске у них прошел важный для каждого ученого этап в творческой деятельности – защита докторской или кандидатской диссертации, которые часто становились отправным пунктом для новых идей и научных разработок.

ЛИТЕРАТУРА

1. К 80-летию Новосибирского государственного медицинского университета // OHNRC. Россия, Санкт-Петербург. URL: <http://www.congress.niimt.ru/anniversary/ngmu/> (дата обращения: 22.11.2016).
2. Томский медицинский институт, 1888–1988: сто лет со дня основания. Исторический очерк / под ред. М.А. Медведева. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 210 с.
3. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 19. Д. 2.
4. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 19. Д. 1.
5. Красное знамя. Орган Томского горкома ВКП(б) и городского совета депутатов трудящихся (с августа 1944 г. – Томского обкома ВКП(б) и областного совета депутатов трудящихся). Томск, 1943. 11 марта.
6. Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 5651. Оп. 1. Д. 32.
7. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 327.
8. Профессора Томского университета: Биографический словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун, А.В. Литвинов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. 544 с.
9. Красное знамя. 1942. 24 июня.
10. Красное знамя. 1942. 10 нояб.
11. Красное знамя. 1942. 12 июля.
12. Красное знамя. 1942. 12 мая.
13. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. П-4. Оп. 8. Д. 270.
14. Пережитое / Е.В. Гутнова. М. : РОССПЭН, 2001. 464 с.
15. Красное знамя. 1942. 5 нояб.
16. Красное знамя. 1944. 4 июля.
17. Красное знамя. 1943. 27 июня.
18. Красное знамя. 1942. 15 марта.
19. Красное знамя. 1944. 19 янв.
20. Красное знамя. 1942. 21 дек.
21. ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 1.
22. Красное знамя. 1943. 21 марта.

23. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 2100.
24. Диссертации, защищенные в Томском государственном университете за 1935–1950 гг.: систематический указатель. Томск : ТГУ, 1951. 77 с.
25. Томский университет. 1880–1980. Томск : ТГУ, 1980. 432 с.
26. Томский политехнический университет 1896–1996: исторический очерк / под ред. А.В. Гагарина. Томск : ТПУ, 1996. 448 с.
27. Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878–2013): Биографический словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, Г.И. Мендрина, А.И. Венгеровский, В.В. Новицкий. 2-е изд., испр. и доп. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Т. 1. 488 с.
28. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 268.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 декабря 2016 г.

TOMSK AS THE CENTER OF DISSERTATION DEFENSES IN THE EAST OF THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 148–155.

DOI: 10.17223/15617793/414/24

Sergey F. Fominykh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergei.fominykh1940@mail.ru

Aleksey O. Stepnov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ASAO@yandex.ru

Keywords: Tomsk; Great Patriotic War; defense of dissertations; academic council; universities.

The article studies the performance and dynamics of dissertation defenses by Tomsk and nonresident scholars in academic councils of universities and research institutes, local and evacuated to the city, during the Great Patriotic War of 1941–1945 on the material of periodicals, archival documents, memoirs. The factors and assumptions are analyzed that contributed to the fact that before and during the War Tomsk became the center of Candidate and Doctor degree dissertation defenses in the East of the Soviet Union. It is emphasized that both historical-genetic and situational conditions were of special importance in the formation of this status. Historical-genetic conditions were connected with the academic traditions of Tomsk, its reputation as the oldest university center in Siberia, as well as the fact that it was possible to defend some dissertations in some specialties only in this city at the time. Situational conditions were connected with the large-scale evacuation of universities, research institutes, the All-Union Committee on Higher Education of the USSR Council of People's Commissars, as well as a number of prominent scholars from universities of the European part of the USSR, to Tomsk during the first year of the war. During the war, scholars from the cities of Siberia, the Far East, Kazakhstan and Central Asian republics defended dissertations in Tomsk. The article presents the statistics of dissertation defenses in the academic councils of Tomsk universities during the war. It was calculated on the basis of announcements of forthcoming defenses published in the newspaper *Krasnoe znamya*. The statistics is analyzed by the obtained degrees, universities, specialties. It is concluded that Tomsk State University had the widest possible range of disciplines, including humanitarian ones. During the war years, the university had the greatest number of defenses for both Candidate and Doctor of Sciences degrees. In the Academic Council of Tomsk Industrial Institute dissertations in technical, geologic-mineralogical and physic-mathematical sciences were defended. The largest number of dissertations in medical sciences was defended in the Academic Council of Tomsk Medical Institute. There were fewer defenses in the All-Union Institute of Experimental Medicine evacuated to Tomsk. In the Academic Council of Moscow Electromechanical Institute of Railway Transport Engineers dissertations in technical specialties were defended. Based on the number of defenses of Candidate and Doctor degree dissertations, taking into account their specialties, the authors of the article conclude that during the years of the Great Patriotic War the increase of highly qualified academic personnel in a number of Soviet eastern regions was largely provided by the academic councils of Tomsk universities. It is emphasized that the preparation and defense of dissertations in Tomsk in the war years took place in difficult conditions. Based on the analysis of the topics of dissertations in technical and geological and mineralogical sciences, it is concluded that the applicants for the academic degrees often had to combine research activities with practical work to help the rear and front in the interests of the defense. The statistics of dissertation defenses allows to judge about the dynamics of training of highly qualified academic personnel in the war years.

REFERENCES

1. OHNRC. (2015) *K 80-letiyu Novosibirskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta* [On the 80th anniversary of Novosibirsk State Medical University]. [Online] Available from: <http://www.congress.niimt.ru/anniversary/ngmu/>. (Accessed: 22nd November 2016).
2. Medvedev, M.A. (ed.) (1992) *Tomskiy meditsinskiy institut, 1888–1988: sto let so dnya osnovaniya. Istoricheskiy ocherk* [Tomsk Medical Institute, 1888–1988: one hundred years since its foundation. Historical essay]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
3. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 19. File 2. (In Russian).
4. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 19. File 1. (In Russian).
5. *Krasnoe znamya*. (1943). 11 March.
6. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 5651. List 1. File 32. (In Russian).
7. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 327. (In Russian).
8. Fominykh, S.F. et al. (1998) *Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar'* [Professor of Tomsk University: A Biographical Dictionary]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
9. *Krasnoe znamya*. (1942). 24 June.
10. *Krasnoe znamya*. (1942). 10 November.
11. *Krasnoe znamya*. (1942). 12 July.
12. *Krasnoe znamya*. (1942). 12 May.
13. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-4. List 8. File 270. (In Russian).
14. Gutnova, E.V. (2001) *Perezhito* [The experiences]. Moscow: ROSSPEN.
15. *Krasnoe znamya*. (1942). 5 November.
16. *Krasnoe znamya*. (1944). 4 July.
17. *Krasnoe znamya*. (1943). 27 June.
18. *Krasnoe znamya*. (1942). 15 March.
19. *Krasnoe znamya*. (1944). 19 January.
20. *Krasnoe znamya*. (1942). 21 December.
21. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1078. List 1. File 1. (In Russian).

22. *Krasnoe znamya*. (1943). 21 March.
23. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 2100. (In Russian).
24. Aksenova, N.N. (1951) *Dissertatsii, zashchishchennyye v Tomskom gosudarstvennom universitete za 1935–1950 gg.: sistemicheskiy ukazatel'* [Dissertations defended in Tomsk State University in 1935–1950: systematic index]. Tomsk: Tomsk State University.
25. Plotnikova, M.E. (ed.) (1980) *Tomskiy universitet. 1880–1980* [Tomsk University. 1880–1980]. Tomsk: Tomsk State University.
26. Gagarin, A.V. (ed.) (1996) *Tomskiy politekhnicheskiy universitet 1896–1996: istoricheskiy ocherk* [Tomsk Polytechnic University 1896–1996: historical essay]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
27. Fominykh, S.F. et al. (2013) *Professora meditsinskogo fakul'teta Imperatorskogo (gosudarstvennogo) Tomskogo universiteta – Tomskogo meditsinskogo instituta – Sibirskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta (1878–2013): Biograficheskiy slovar'* [Professors of the Medical Faculty of the Imperial (State) Tomsk University – Tomsk Medical Institute – the Siberian State Medical University (1878–2013): A Biographical Dictionary]. 2nd ed. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
28. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-4. List 8. File 268. (In Russian).

Received: 08 December 2016

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВРЕМЯ РЕЖИМА АТАМАНА Г.М. СЕМЕНОВА (ОСЕНЬ 1918 – весна 1919 гг.)

Проанализировано развитие органов здравоохранения на территории Забайкальской области в начале Гражданской войны. На основе обширного фактического материала раскрыта сущность производившихся в 1918–1919 гг. реформ в медицинской сфере. Анализируются причинно-следственные связи происходивших перемен. Разбираются такие разделы, как управление здравоохранением, функционирование медицинской сети, решение кадровой проблемы, обеспеченность медикаментами, борьба с эпидемиями, санитарно-гигиенические мероприятия, борьба с проституцией, помощь военнопленным Первой мировой войны.

Ключевые слова: Забайкальская область; здравоохранение; медицина; Гражданская война; атаман Г.М. Семенов.

Актуальность данной работы обусловлена двумя причинами. Приближающийся столетний юбилей революционных событий в России неизбежно вызывает интерес к истории Гражданской войны. Вторая причина заключается в отсутствии исследований по данной тематике. Практически сразу же после утверждения Советской власти в Забайкалье и до конца 1980-х гг. все, что было связано с «семеновщиной», объявлялось враждебным по идеологическим причинам, поэтому в исторических изданиях этого времени период 1918–1920 гг. либо упоминается вскользь, либо освещается в черных тонах. Даже в обобщающих работах по истории Читинской области и Республики Бурятия, в разделах, посвященных культурной или социальной работе, отсутствует информация о здравоохранении исследуемого периода. На этом фоне выделяются работы К.И. Журавлевой; один из разделов ее докторской диссертации был посвящен эпохе Октябрьской революции и Гражданской войны [1, 2].

К.И. Журавлева рассматривает организацию медицинской помощи только с одной стороны – советской. После снятия цензурных ограничений появилась возможность для исследования белой государственности, что и наблюдается в настоящее время, но, к сожалению, основной упор делается на политической и экономической истории. Достаточно взглянуть на крупнейшие коллективные монографии по истории региона таких ученых, как Б.В. Базаров, Н.В. Гордеев, А.В. Константинов, Н.Н. Константинова и др., чтобы убедиться в этом [3–5]. Лишь в медицинской энциклопедии Забайкалья [6], краеведческих публикациях Р.И. Цуприк [7], диссертации Д.Б. Батоева [8] и монографии А.М. Романова [9] наблюдаются небольшие фрагменты исследуемой проблематики, в основном на уровне отдельных биографий и учреждений. В силу этого история здравоохранения Забайкальской области при режиме атамана Г.М. Семенова до сих пор остается «белым пятном» отечественной истории.

Как известно, в августе 1918 г. войска восставшего чехословацкого корпуса и Временного Сибирского правительства свергают советскую власть в Забайкальской области. 26 августа они вошли в Читу. Одновременно с юга наступал Особый Маньчжурский отряд атамана Г.М. Семенова, передовые части которого вошли в Читу 6 сентября 1918 г. С этого времени и до октября 1920 г. в Забайкалье утвердился режим атамана Г.М. Семенова. Началось формирование белой государственности на рыночных отношениях и

принципах, утвердившихся после Февральской революции. Несмотря на некоторые трения, атаман признавал верховенство Временного Сибирского правительства. Пришедший к власти в ноябре 1918 г. адмирал А.В. Колчак из-за проблем со снабжением обвинил атамана в измене. До мая 1919 г. сохранялось напряжение между Омском и Читой, что сказывалось на экономическом положении в регионе. Администрации атамана приходилось самостоятельно решать хозяйственные и социальные проблемы, в том числе по восстановлению органов здравоохранения.

Медицинские организации в Забайкальской области осенью 1918 г. пришлось воссоздавать практически из руин. При Управлении областью был сохранен врачебно-санитарный отдел, который еще с 18 июня возглавлял доктор П.К. Флегонтов, выполнявший, по сути, обязанности областного врачебного инспектора. Именно это учреждение должно было на деле контролировать все медицинские организации в регионе, но в силу хронического отсутствия средств реальная власть сосредоточивается в руках городских и земских самоуправлений.

Что собой представляла система здравоохранения в Забайкалье в период Гражданской войны? Описать довольно сложно из-за отсутствия каких-либо надежных источников. Если останавливаться только на крупных больницах (более 10 кроватей), то в Забайкалье числилось: за земской организацией шесть больниц, за Забайкальским казачьим войском – три, за городскими самоуправлениями – пять, за Красным Крестом – две, за железной дорогой – девять, за военными – пять, за тюрьмами – три. Врачебные участки в сельской местности мало изменились с довоенного времени. Радиус большинства из них колебался от 30 до 1 тыс. верст с населением в среднем около 50 тыс. чел. В таком случае медицинский персонал просто растворялся в массе населения, разбросанного на огромной территории, и не мог оказать необходимую помощь всем нуждающимся в ней.

Крупнейшим лечебным учреждением в регионе был Читинский военный госпиталь, возглавляемый до марта 1919 г. доктором В.К. Бремом, а после его отъезда в Омск на должность дивизионного врача – доктором Я.М. Фаворским. Госпиталь имел отделения в Антипихе и Песчанке, где располагались казармы солдат и лагеря военнопленных. Рассчитан он был на 400 кроватей с терапевтическим, хирургическим, кожно-венерологическим, ушным, глазным и зараз-

ным отделениями, но в случае необходимости мог быть развернут до 1 тыс. чел. В штате должно было быть 13 врачей, но полного штата в течение 1918–1920-х гг. не наблюдалось. Самая большая городская больница на 110 кроватей была в Чите. Эту больницу практически с основания возглавлял А.Л. Цейтлин, которого знали не только по медицинскому делу, но и по активной политической и общественной деятельности [7. С. 388–389]. Центральным больничным учреждением для крестьян и инородцев в области была земская больница на 48 кроватей, созданная на земские средства в 1916 г. и перебравшаяся в собственное здание в конце 1918 г. Благодаря заведующему этой больницы, доктору медицины В.А. Бурмакину, здание было электрифицировано, подведено водяное отопление. Однако из-за нехватки средств не успели построить прачечную, кухню, баню, колодец, следствием чего стали постоянная зависимость учреждения от посторонних организаций и дополнительные расходы [7. С. 385–386].

Кроме того, с 1913 г. недалеко от Читы была организована Читинская противочумная станция, которую с 1917 г. возглавлял талантливый исследователь доктор А.Л. Василевский. 12 августа была произведена первая прививка от бешенства, что и ознаменовало открытие нового учреждения – пастеровской станции, которая была прикреплена к бактериологической лаборатории, действовавшей при противочумной станции. Возглавлял ее все тот же А.Л. Василевский [10. С. 59–73]. Из трех химико-бактериологических лабораторий в Забайкальской области к 1918 г. осталась одна, да и то обслуживала она только судебно-медицинское дело, хотя числилась на балансе земской управы. Врачебно-санитарному бюро подчинялся аптекарский склад. В городах действовало 14 нормальных аптек, а в сельской местности – 12 сельских [11. Л. 78, 112]. Никаких учебных заведений для подготовки медицинских кадров в Забайкалье не имелось. Конечно, всего перечисленного не могло хватить для квалифицированной медицинской помощи населению, превышавшему по численности 1 млн чел. Во многом обусловлено это было тем, что регион в течение всего его существования в рамках Российской империи рассматривался не иначе, как край каторги и ссылки, что исключало проведение каких-либо улучшений.

В Забайкалье имелись также организации Красного Креста. Читинская община имени великой княжны Марии Николаевны насчитывала свыше 60 сестер. При общине существовала небольшая лечебница на 25 кроватей, которая за годы войны была перепрофилирована в военный хирургический лазарет. Возглавлял ее талантливый хирург А.И. Христов. В Верхнеудинске аналогичная община была вдвое меньше и содержала лазарет на 46 кроватей, который в основном обслуживал нужды военных. Лазарет возглавлял врач К.И. Легков, прослуживший в городе свыше 20 лет. Сестры милосердия из общины вызывались по заявкам как различными учреждениями, так и частными лицами в зависимости от необходимости в их услугах.

Значительную медицинскую организацию содержала Забайкальская железная дорога. Крупные больницы были в Чите (на 80 кроватей), Верхнеудинске (на 60), Хил-

ке (на 30) и в Оловянной (на 50 кроватей). Данные лечебные учреждения обслуживали в основном нужды служащих железной дороги и пассажиров, принимая остальных за отдельную плату [12. 4 марта. С. 3].

Информация о гражданском секторе будет неполной, если не упомянуть о частных клиниках и частнопрактикующих врачах и фельдшерах. Частной практикой занимался едва ли не каждый врач в свободное от службы время. Обычно принимали у себя дома или на съемной квартире, иногда в номерах гостиниц. Данное занятие приносило дополнительный доход, позволявший существенно пополнить семейный бюджет в условиях постоянно растущих цен. Местные газеты пестрили объявлениями. По взаимной договоренности объявления давались краткими, чтобы не переманивать друг у друга пациентов. Обычно врач ограничивался своей фамилией, званием, специализацией, временем приема, адресом и телефоном. В Чите частной практикой занимались врачи А.И. Христов, Н.А. Михалев, Я.М. Фаворский, Г.М. Криворучко, П.В. Сиверин, П.И. Макарова-Соболева, зубные врачи С.Д. Шпизман, М.Г. Николаева, акушерки Е.И. Нейланд, Т.В. Эпштейн и многие другие. В Верхнеудинске частнопрактикующих было значительно меньше: врачи К.И. Легков, М.В. Танский, М.А. Екатеринин, женщина-врач С.Д. Пандре, зубные врачи А.Е. Цукасова и Е.М. Мильштейн.

Некоторые врачи образуют частные лечебницы и амбулатории. Например, В.А. Бурмакин еще в феврале 1918 г. открыл урологическую лечебницу на 10 кроватей в собственном доме. Известная в Чите акушерка Р.Р. Юдович содержала родильный приют с общими и отдельными палатами. Более десяти лет работала частная амбулатория врачей И.М. Буторина, Г.И. Барбаса, И.Я. Каплунова и Н.К. Щербакова. Свои услуги предлагал электролечебный кабинет доктора М.С. Гурьевича. В гостинице «Даурия» был образован кабинет врачей О.Г. Пана, В.М. Аристов и А.Б. Гельбарта. Фельдшера редко давали объявления. Они предпочитали работать в Бюро дежурств Общества помощников врачей, которое исполняло обязанности скорой помощи. Среди частнопрактикующих врачей можно было встретить титулованных медицинских работников, которые бежали в Читу исключительно ради спасения жизни. В обычных условиях их приезд в Забайкалье был просто невозможен. К примеру, можно назвать Д.Н. Корелкина, ранее занимавшего должность ассистента кафедры внутренних болезней Казанского университета. Ординаторами в этом же университете были О.Г. Пан и В.М. Аристов. Ординатором городской больницы в Варшаве был А.Б. Гельбарт. Среди менее известных лиц – врачи С.К. Сажин, В.И. Ишерский, зубные врачи Л.В. Белокрыльцева-Матвеева, Д.Н. Раппопорт и др.

В 1918 г. сибирский рынок медицинских услуг из-за попустительств властей оказался открытым для иностранных врачей. В Забайкалье хлынул поток японских медицинских работников. Первоначально они работали по съемным квартирам, как и русские врачи. В прессе упоминаются имена японских врачей М. Минами, К. Яомото, Я.Г. Хасагава, зубных врачей Ч. Чиемура, Х. Нагаока, Иета и др. Инте-

ресно отметить, что японские врачи не стеснялись рекламировать свои услуги, по-восточному цветасто зазывая потенциальных клиентов. Такие объявления резко контрастировали с русской рекламой медицинских услуг, построенной на самоограничениях. К чести российских врачей, они не стали уподобляться своим коллегам из Японии и сохранили врачебную этику даже в условиях отсутствия внешнего контроля. Военные японские врачи (Ногано, Осава) неоднократно предоставляли местным медицинским организациям мелкие услуги, передавая в дар рентгеновские трубки, марлю, корпию и другие материалы. Вскоре они поставили перед городской думой вопрос об открытии лечебницы при японском военном госпитале для бесплатного лечения беднейшего населения города. В декабре 1918 г. такое разрешение они получают. Лечебница была открыта в пассаже Второва. Чаще всего в лечебницу обращались буряты с глазными болезнями. На станции Маньчжурия работала японская лечебница «Кубо» доктора К. Аmano. Таким образом, японцы покупали доверие местного населения. Вслед за японцами особые госпитали были открыты американским Красным Крестом в Чите и Верхнеудинске [5. С. 61; 13. 29 нояб. С. 3].

Кроме дипломированных иностранных врачей в регион проникает ряд сомнительных врачей. Так, например, доктор Так Кункиси заявлял, что лечит по восточной медицине внутренние, женские и венерические болезни. При этом для лечения триппера использовал вливание препаратов 606 и 914 «по американскому способу». Не нужно быть особо сведущим в медицине, чтобы понять, что восточная медицина не имеет ничего общего ни с «американским способом», ни с препаратами из европейской медицины. Немного сдержаннее был азиатский доктор Пак-Иамун. Встречались и доморощенные шарлатаны. К таковым относится, например, гипнотизер С.А. Шорников, который брался излечить любые хронические заболевания. Конечно, общая разруха и бесхозяйственность неизбежно порождали такие нежелательные элементы. Только в июле 1919 г. было дано распоряжение о том, что печатать объявления о медицинской практике имеют право только лица, предоставившие Забайкальскому врачебному отделению соответствующие документы [12. 12 июля. С. 4].

События начального периода Гражданской войны в Забайкальской области не прошли даром для организаций здравоохранения. Часть лечебных учреждений была разграблена во время военных действий. Так обстояло дело в Цугольском дацане, Суворовском и Александро-Заводском приемных покоях и ряде фельдшерских амбулаторий по Акшинскому тракту и селениях вдоль Онона и Аргуни. На восстановление каждой амбулатории потребовалось около 2 тыс. руб. [14. Л. 123–125]. Судя по публикациям в прессе, лечебные заведения по Акшинскому тракту и в Цугольском дацане к ноябрю 1918 г. уже функционировали. Здания приемных покоев часто использовали под постой военных частей. Более всего в этом плане страдала железнодорожная больница на станции Оловянная, которая была использована японскими войсками как казарма [15. 24 окт. С. 3]. Новая власть явно

стремилась показать свою заботу о народном здравии, поэтому на первых порах наблюдаются потуги по восстановлению существовавшего до большевиков строя медицинских организаций.

Сразу же после утверждения режима атамана Г.М. Семенова была объявлена мобилизация. В составе областного по воинской повинности присутствия входил врач, бывший врачебный инспектор В.А. Бурмакин, которого позднее заменил санитарный врач города Читы А.И. Лепин. Медосмотр призывников осуществляли уездные и городские врачи. В силу отсутствия в области полноценной бактериологической лаборатории врач мог лишь внешне осмотреть мобилизованных солдат, что было чревато последствиями, учитывая скученность военнослужащих и казарменный быт, но, к счастью, значительных вспышек заболеваний в войсках не возникло.

Ядром армии атамана был особый Маньчжурский отряд. Историк А.М. Романов в своем специальном исследовании этого воинского формирования писал, что в отряд входила санитарно-эвакуационная часть, начальником которой являлся военный врач А.В. Филиппов. На станции Маньчжурия был развернут стационарный госпиталь. Здесь работали в качестве добровольцев врачи-специалисты: Трифанова-Сотникова, К. Усачевская, Логиновский; зауряд-врачи (врачи ускоренных выпусков): Крамарь, А. Фалин; студенты-медики: П. Лукин, Т. Савченко; фельдшеры: Петаев, И. Трухин, А. Крачковский, Т. Фирсов, К. Эпов; фельдшер-фармацевт Б. Агарков. В помощь к ним были направлены японскими союзниками врачи Симоно, Нобутеру Ирие, Осамото (Ли). Кроме того, имелись санитарный поезд (комендант Федоров) и ряд передовых санитарных транспортов при фронтовых частях, где работали фельдшеры (А. Пьянников, М. Глушков) и сестры милосердия (М. Нехорошева, М. Шайдурова, Е. Литвинцева, Р. Николла). Многие медсестры были женами офицеров [9. С. 99–100, 130]. Позднее, в ноябре 1918 г., в Чите был открыт лазарет имени атамана Г.М. Семенова, который обслуживался персоналом из особого Маньчжурского отряда. Данное учреждение, естественно, старались привести в наилучшее состояние. В мае 1919 г. военное ведомство на время военных действий забрало рентгеновский и электролечебный кабинеты, находившиеся в частной собственности врача С.П. Серебренникова. Несмотря на сопротивление владельца, в сентябре 1920 г. аппаратура вместе с учреждением были вывезены из Читы, но попали в зону боевых действий на станции Даурия. Оборудование кабинетов было сожжено [16. Л. 120, 127].

В силу того, что в Особом Маньчжурском отряде уже имелись медицинские кадры, вновь отобработанные медики вошли в состав 4-го Восточно-Сибирского и 5-го Приамурского корпусов, на базе которых в декабре 1918 г. была создана Отдельная Восточно-Сибирская армия. Старшим врачом 1-й Забайкальской казачьей дивизии назначается бывший врач Верхнеудинского уезда Г.И. Георгианц. Врач того же уезда К.Н. Терентьев попал на службу в 29-й Троицковский полк, расквартированный в Сретенске. Бывший консультант Читинской железнодорожной больницы

офтальмолог Н.Н. Макаров определен в Читинский военный госпиталь [11. Л. 22]. Проследить судьбу всех не представляется возможным. Практически все они работали в пределах Забайкальской области.

С октября 1918 г. в военные госпитали начинают поступать раненые солдаты и офицеры из-под Самары, Уфы и Перми. В основном в Забайкалье попадали военнослужащие, имевшие легкие ранения, что связано с удаленностью театра военных действий. Обычно с военно-санитарным поездом прибывали 70–100 чел. После излечения они проходили врачебный осмотр и, как правило, пополняли ряды местных воинских частей [13. 24 окт. С. 3]. Встречались и курьезные случаи, свидетельствующие об отсутствии должного порядка в военных лечебных учреждениях. Так, член коммунистической партии Е.Д. Куликова, работавшая в качестве конспирации сестрой милосердия в гарнизонном госпитале в Сретенске, случайно узнала, что среди больных в тифозном бараке лежит 21 красноармеец из Казанской губернии, которые притворяются, что не знают русский язык, боясь за свою жизнь. Вероятно, вследствие спешного отступления Красной армии из Уфы их просто бросили, а впоследствии не разобравшись, кто находится в теплушках, отправили на восток. Большинство раненых и персонал разбежались по дороге. Остались только сыпнотифозные, которых и доставили в Сретенск. Борясь за их жизнь, Е.Д. Куликова добилась от врача госпиталя назначения «трезвых татар» взамен «русских пьяниц» на должность санитаров, благодаря чему они выжили [17. С. 95]. Вообще среди медицинских работников чаще всего встречались те, кто просто боролся за жизнь человека без оглядки на его партийную принадлежность. Порой, рискуя своей жизнью, они спасали белых от красных и красных от белых. Гораздо рельефнее это стало проявляться позднее, когда в Забайкалье непосредственно начались военные действия.

Однако кроме военной медицины имелась еще и гражданская. Возрождение гражданской медицинской организации после изгнания большевиков можно рассмотреть на примере земства. Уже 29 августа состоялось заседание Врачебно-санитарного отдела, где председатель Читинской уездной земской управы доктор П.Я. Каплунов выступил с докладом о восстановлении земства в Забайкальской области. После недолгого совещания было решено вернуться к старой организации в виде врачебно-санитарного совета при губернском земстве с совещательными правами в вопросах распорядительного и финансового характера и решающими в вопросах чисто медицинских. Состав совета сохранялся тот, который был утвержден еще в ноябре 1917 г. Все, кто попал в совет позже, распускались. Кроме того, возвращалось Санитарное бюро из двух врачей и одного фельдшера в качестве исполнительного органа. Возглавил бюро врач Д.В. Писарев, а его помощниками были избраны врач И.М. Буторин и фельдшер А.А. Филинов [18. Л. 351].

В течение осени 1918 – зимы 1919 г. шло формирование земских организаций, комплектование кадров, разделение полномочий. Только 27 февраля 1919 г. на заседании 3-го чрезвычайного земского собрания Забайкальской области удалось определить-

ся с функциями областного и уездных земств. В ведение областного земства перешли: 1) земская больница в Чите с превращением ее в хирургическую; 2) психиатрическая больница; 3) все курортные учреждения; 4) центральный аптекарский склад и выработка противодифтерийной сыворотки; 5) санитарная статистика и надзор; 6) противоэпидемические мероприятия. Практически вся сеть медицинских учреждений в сельской местности переходит вместе с персоналом в ведение земства [19. Л. 35 об.–37].

По данным Д.В. Писарева, осенью 1918 г. в земстве работали 28 врачей, в то время как требовалось 65. Распределены они были неравномерно: в Западном Забайкалье (Бурятия) числились 9 чел., а в Восточном – 19. При этом сам Писарев надеялся на скорое заполнение ставок, так как в регион стали прибывать медицинские кадры из Маньчжурии и Западной Сибири. Фельдшеров в регионе насчитывалось 181 чел. (61 в Западном Забайкалье и 120 – в Восточном). Всего же по штату было положено 222. При этом большинство фельдшеров (до 60%) относились к числу ротных фельдшеров и повивальных бабок, имевших низкую квалификацию. Для нормализации положения Писарев запретил принимать медперсонал в Восточном Забайкалье, давая приоритет западным уездам [14. Л. 117–118].

Земской организации подчинялись четыре уездные больницы в Сретенске, Кяхте, Красном Яре и Акше. В 9 селениях располагались небольшие лечебницы на 10 кроватей. На общественные и кооперативные средства содержались врачебные амбулатории в 11 селениях и 4 станицах. К концу 1918 г. планировалось открыть еще 8 таких амбулаторий. До февраля 1919 г. бывшая казачья войсковая психиатрическая больница также входила в состав земских организаций. Состояние земской медицины стоит назвать критическим. Если в период формирования осенью 1918 г. еще шли разговоры о расширении сети больниц и амбулаторий, то весной 1919 г. над большинством учреждений висел дамоклов меч сокращений вследствие отсутствия финансирования. Пережив два переворота и чувствуя шаткость белой государственности, население на местах не спешило платить налоги. По данным представителя забайкальского земства А.П. Круковского, озвученным 25 мая 1919 г. на 3-м казачьем круге, крестьяне оплатили 26% земских повинностей, инородцы – 5%, а казаки – 3% [12. 28 мая. С. 2]. Следствием этого стало то, что земство сокращает расходы прежде всего тех территорий, которые отказывали в финансировании, т.е. казачьи отделы. Так возник конфликт земской организации с забайкальским казачеством.

24 февраля 1919 г. хозяйственное правление Забайкальского казачьего войска заявляет земству об изъятии у него бывших войсковых больниц. Начинается, говоря современным языком, рейдерский захват лечебных заведений. В ряде местностей захват предотвратил закрытие этих учреждений из-за полного истощения средств, как это было с больницей в Кяхте. Следствием этого стало решение, принятое 3 марта 1919 г. на 3-м чрезвычайном земском собрании Забайкальской области: «Не препятствовать принятию уполномоченным войскового хозяйственного

правления войсковых больниц не производя, вместе с тем, никакой официальной сдачи имущества, т.к. согласно заявлению областной земской управы, после изгнания большевиков и само земство ни от кого имущество не принимало, подобрав лишь то, что было брошено на произвол судьбы» [19. Л. 42, 46].

Правление Забайкальского казачьего войска объясняло свои действия тем, что земство ничуть не улучшило постановку здравоохранения в казачьих станицах. Более того, оно обвиняло земскую управу в закрытии ряда лечебных учреждений. «В Сретенске, по распоряжению Нерчинской уездной земской управы, закрыта войсковая больница, в Акше закрыта тоже уездная земская больница, в Нерчинском Заводе функционирует только потому, что там вменено в обязанность каждому желающему лечиться приготовить и принести для себя все необходимое, в Троицкосавске тоже если не закрыта, то вот-вот закроют, а из 16 приемных покоев почти ни один не работает» [12. 6 марта. С. 3]. Данное нападение на земство отчасти предвзятое. Дело в том, что упомянутые учреждения были закрыты при советской власти весной-летом 1918 г., и нападки на земство в этом случае голословны. Казачество стремилось восстановиться в полном объеме и просто искало причины для нападков на земскую организацию, поощряя неуплату податей, создавая искусственно ситуацию, из которой земство не сможет выйти. В конце мая 1919 г. на 3-м войсковом круге выступали делегаты от казачьих станиц и все как один «хоронили земство». В итоге вновь было восстановлена казачья медицинская организация. Большинство войсковых лечебных учреждений было восстановлено, но в целом это только ослабило медицинские силы в регионе, и без того сильно распыленные.

Значительные проблемы имелись и в поставках медикаментов, медицинских товаров и средств поддержания гигиены. Отчасти это было следствием национализации аптечной сети при режиме, установленном советской властью. Помощь обещали оказать союзники атамана Г.М. Семенова – японцы, но пока товары попали на местный рынок, прошел довольно продолжительный промежуток времени. Первое время некоторую помощь предоставляли японские военные. Так, в конце октября в честь рождения японского императора генерал Ооба передал в качестве подарка городскому голове Читы бинты, корпию и гигроскопическую вату. Чуть позже командование 3-й японской дивизии вручило городскому голове пять ящиков перевязочных материалов [13. 6 нояб. С. 3]. После того, как местные рентгеновские аппараты вышли из строя, японские военные власти пришли на выручку как Читинскому военному госпиталю, так и лазарету Красного Креста.

Услуги военных из Японии не были лишними, но, тем не менее, не решали всех проблем. Цены на лекарства оказались взвинченными до предела. Глава земской медицины Д.В. Писарев писал в отчете: «Цены на медикаменты носят часто явно спекулятивный характер. При закупке их где попало происходит громадная переплата земских денег. Например, Приморская областная управа предлагает сейчас на месте во Владивостоке вату по 1 руб. 50 коп. за фунт [около 410 г], а в Чите средняя ее стоимость 15–18 руб. фунт.

Оптовая закупка медикаментов складом для всех уездных земств во много понизит стоимость их...» [14. Л. 25]. Благодаря поездке врача А.Л. Цейтлина во Владивосток удалось наладить контакт с Приморской областной управой, которая согласилась поставлять медицинские товары из Японии и США, но из-за небольшого оборотного капитала потребовала наличный расчет. То же самое пытается осуществить и земство Верхнеудинского уезда, действуя через посредство кооперации [15. 30 окт. С. 4]. Только накануне новогодних праздников аптеки и магазины извещают клиентов о получении больших партий медикаментов и средств поддержания гигиены. Тем не менее полностью снять с повестки дня проблему устойчивого снабжения региона медикаментами решить не удалось.

Зарубежные общественные организации внесли значительную лепту в подготовку поставок медицинских товаров. В основном они работали на фронт, но встречались и такие, которые помогали и гражданскому населению. Например, Японское общество оказания экономической помощи Сибири нашло возможность снабдить города Забайкалья бесплатными медикаментами и инструментами. В Читу было отправлено 162 ящика, в Верхнеудинск – 82, столько же в Нерчинск. Все материалы были распределены специальными комиссиями между гражданскими и военными лечебными учреждениями [12. 25 июня. С. 4].

От японцев стремились не отставать и американцы. Одной из задач Американского Красного Креста в Сибири (руководитель врач-миссионер Рудольф Теслер) была организация помощи гражданскому населению. Под воздействием Красного Креста американские фирмы стали завозить во Владивосток все необходимое и продавать по себестоимости. Отсюда медицинские товары уже могли свободно расходиться вдоль по Транссибу [15. 24 окт. С. 3]. Вдобавок краснокрестовская организация формирует особые поезда, доставлявшие в города Сибири и Дальнего Востока одежду, питание и медикаменты. Один из таких поездов был разграблен недалеко от Читы семеновцами, что вызвало оживленную переписку с колчаковской администрацией, но серьезного последствия данный инцидент не имел [20. Р. 316]. Содействие поставкам лекарств оказала еще одна американская общественная организация – Христианской союз молодежи. В частности, через этот союз удалось заказать и доставить все необходимое для больниц и амбулаторий Забайкальского казачьего войска [12. 16 марта. С. 3].

Вакцину и сыворотки забайкальская врачебная инспекция обычно получала из западных областей страны, но в условиях Гражданской войны традиционные связи были нарушены. В октябре 1918 г. в Петровско-Заводском уезде вспыхнула эпидемия дифтерии. Врач И.П. Рута не смог найти в Чите сыворотки против этой болезни. С огромным трудом ее удалось приобрести в Верхнеудинске, но в крайне ограниченном количестве. Требовались срочные меры, поскольку приближалась зима – время, изобиловавшее эпидемическими болезнями. Д.В. Писарев в начале 1919 г. констатировал: «В Томске, ранее поставлявшем противодифтерийную сыворотку, наотрез отказались дать ее более 200 флаконов. Ввиду этого областная зем-

ская управа, пользуясь опять-таки лабораторией доктора Василевского и его специальными знаниями, решило открыть сывороточное отделение пока для производства только антидифтерийной сывотки. Но дело еще не окончательно налажено: из четырех требующихся для производства лошадей приобретена только одна...» [14. Л. 24]. Следом за этим А.Л. Василевскому удалось запустить производство тетравакцины, способной противостоять холере и всем видам тифа. Ее сразу же начинают приобретать войска [12. 31 янв. С. 3]. Позднее лаборатория смогла расширить свою деятельность и выпускать другие виды прививочного материала. Таким образом, вынужденная замкнутость Забайкалья способствовала организации собственной лаборатории, которая сделала регион независимым от поставок извне вакцин и сывоток.

Многие проблемы, вставшие перед органами здравоохранения, носили социальный характер, и решить их в одиночку было просто невозможно. Необходимы были усилия целого ряда учреждений, как государственных, так и общественных. Среди наиболее острых проблем можно выделить такие, как содержание детских приютов, призрение престарелых, легализация проституции и помощь ветеранам Первой мировой войны, возвращающимся из германского плена. До установления режима атамана Г.М. Семенова в Чите имелось четыре детских приюта: Мариинский, Приют при доме трудолюбия, Ясли для грудного ребенка и «Интернационал». Все они едва сводили концы с концами и просили поддержки от властей. На заседании городской думы 4 октября 1918 г. было сообщено, что содержание приюта «Интернационал», рассчитанного на 120 детей, потребует 10 тыс. руб. в месяц, а Ясли для грудного ребенка на 20 детей, кроме месячного содержания в 2,6 тыс. руб., вызовут дополнительные траты вследствие наличия долгов в 40 тыс. руб. Вдобавок гласный А.А. Филинов отметил, что в последнем приюте из 300 детей ни один не вырос, за исключением трех, отданных на воспитание. Связано это было, прежде всего, с отсутствием молочной кухни. Тем не менее данный факт позволил кадету П.П. Малых назвать ясли «замаскированным похоронным бюро». В итоге было решено Ясли для грудного ребенка при Братстве Кирилла и Мефодия закрыть, а для подкидышей открыть приют при Читинской городской больнице. «Интернационал» был переименован в «Читинский городской приют» [13. 8 окт. С. 3]. С этого времени эти два приюта содержались за счет города и небольших ассигнований от земства.

Частный Мариинский приют, а также Приют при доме трудолюбия дошли до крайности. Заведующие Кудлаева и Л.Н. Эльбакьянц пытались искать благотворителей, несколько раз организовывали спектакли с привлечением лучших артистов города, но по причине обилия такого рода мероприятий доход от них оказался небольшим. Его едва хватало на покупку хлеба, отчего дети в зимние месяцы 1919 г. голодали. Небольшие единовременные выплаты из городского бюджета также не решали проблему. В феврале 1919 г. управляющий областью С.А. Таскин потребовал от колчаковского правительства 550 тыс. руб. на содержание трех приютов города Читы. Ответа обна-

ружить не удалось, но учитывая то, что в прессе перестали появляться объявления о помощи и благотворительных спектаклях, финансирование было выделено [13. 21 нояб. С. 4; 21. С. 80–81].

Как таковых богаделен в Забайкальской области не имелось. За престарелыми людьми должны были следить их родственники или местные самоуправления. В период гражданской нестабильности жители деревень и городских окраин стали избавляться от своих немощных родственников. Их привозили в зимнее время к больницам, высаживали и бросали на произвол судьбы. Руководители больниц вынуждены были пускать их и выделять места, содержать, что сказывалось на финансовом положении возглавляемых ими учреждений. Глава Земской больницы В.А. Бурмакин в марте 1919 г. докладывал, что из 33 пациентов стационара 9 являются стариками-инвалидами, неспособными к труду. При этом он утверждал, что были установлены случаи, когда их родственники оказывались людьми весьма состоятельными [22. Л. 58]. В общем, несмотря на принудительную отправку стариков на попечение родни, толку из этого выходило мало. Поток со временем только нарастал.

Официальная проституция была ликвидирована летом 1917 г. и признавалась одним из величайших завоеваний Февральской революции. Однако атаман Г.М. Семенов, опиравшийся на большой воинский контингент, столкнулся с неприятным последствием пребывания в городе молодых вооруженных людей, которые испытывали потребности в интимной сфере, но не могли их удовлетворить. Венгерский военнопленный Эндре Шик, живший осенью 1918 г. на станции Хилок, в своих мемуарах писал, что после нескольких изнасилований, окончившихся смертью, местные девушки, чтобы сохранить жизнь, перестали оказывать сопротивление военным [23. С. 176]. Довольно сильно была распространена тайная проституция. Беженки, вдовы и другие деклассированные элементы вынуждены были зарабатывать на жизнь продажей своего тела. Встречались и оригинальные случаи. Тот же Э. Шик упоминает свою знакомую полячку Яденьку, которая мечтала скопить деньги на возвращение в Польшу. Днем она работала в аптеке, которая служила ей ширмой для знакомств, а вечером на дому принимала «клиентов» [Там же. С. 360–361]. Немецкий военнопленный Э. Двингер, находившийся в лагере для военнопленных в Даурии, свидетельствует о том, как через лагерную охрану удалось протаскать в казармы трех проституток, которые согласились «обслужить» всех желающих офицеров [24. С. 293–301]. Таких свидетельств не так уж и много, но подобного рода темы уж слишком интимны, чтобы мемуаристы могли о них свободно говорить. С точки зрения врачей тайная проституция была вредна тем, что способствовала распространению венерических заболеваний. Вероятно, масштаб тайной проституции был довольно велик. Об этом, в частности, свидетельствует доклад доктора А.Л. Василевского на заседании общества врачей о тайной и явной проституциях в связи с открытием домов терпимости (борделей), состоявшемся 22 декабря 1918 г. После бурного обсуждения содержания доклада была вынесена резо-

люция о нежелательности легализации проституции [12. 29 янв. С. 3]. Вероятно, это было продиктовано нежеланием врачей проводить медосмотры проституток, за которые им никто не платил. К тому же моральная ответственность целиком падала на них. Несмотря на решение общества врачей, семеновская администрация решает открыть публичные дома, чтобы таким образом не вызывать лишних конфликтов армии с гражданским населением.

Возвращение военнопленных Первой мировой войны требует более пристального внимания, хотя это событие не вызвало активной деятельности медицинских организаций. Пленные возвращались на родину из лагерей Германии и Австро-Венгрии, где они провели несколько лет, живя в самых суровых условиях. Слабое питание и чрезмерная скученность ослабили здоровье заключенных. По этой причине они легко заболели тифом, туберкулезом, инфлюэнцей (гриппом) и другими болезнями. После заключения мира в Брест-Литовске 3 марта 1918 г. началась их репатриация, но Гражданская война в России прервала этот процесс. Зимой 1918–1919 гг. русские военнопленные, пользуясь тем, что в Германии и Австро-Венгрии начались революционные потрясения, своими силами пробиваются на родину. В европейской части России им никто не организовывал помощи. Забайкальцам пришлось просачиваться сквозь линию фронта на Волге и Урале, чтобы пробраться в Сибирь. Только на линии Транссиба они начали получать в небольшом количестве помощь для продвижения в родные края. В Читу первые, наиболее сильные военнопленные попадают только к концу декабря 1918 г.

Известие об их прибытии реанимировало несколько учреждений, которые уже прекратили свою деятельность. В первую очередь было восстановлено местное управление Красного Креста. За счет благотворительности был организован бесплатный приемник, где можно было переночевать. Здесь же предоставлялось питание, а в случае необходимости – лечение [Там же. 1 марта. С. 3]. Самую существенную помощь оказал местный отдел помощи русским пленным при читинском отделе Всероссийского союза городов. Репатрианты по прибытии получали на станции Чита-2 питание, а после явки к воинскому начальнику доставлялись в баню, где получали взамен обносков чистое белье и мыло. На месте бывших солдат кормили военное ведомство и Красный Крест. На дорогу же отдел изготавливал подорожники, в которые входили чай, сахар, белый хлеб, вареное или жареное мясо. Военным, кроме того, предоставляли бесплатные железнодорожные билеты до места жительства и суточные деньги. Городская управа по требованию управляющего областью организовала перевозку военнопленных до родных селений гужевым транспортом [13. 26 дек. С. 3]. Некоторое участие приняли также Союз увечных воинов, американский Союз христианской молодежи, кооперативные организации. Финансовые средства для указанных целей в основном получали от благотворительности, организации увеселений, процентного отчисления от жалования служащих и т.д. Городской управе за счет проведения благотворительного вечера в пользу военно-

пленных удалось собрать 31 тыс. руб., Красному Кресту – 13 тыс., отделу помощи русским пленным – 11 тыс., еще 47 тыс. руб. по подписным листам. Медицинские силы Забайкалья остались практически безучастны к работе вышеперечисленных организаций, а между тем военнопленные способствовали заносу в регион сыпного тифа. Возможно, если бы был своевременно налажен санитарный надзор при въезде в Забайкальскую область и соответствующий медицинский осмотр, то эпидемии можно было избежать.

Поток бывших военнопленных, следующих в Сибирь, уменьшался каждый последующий месяц. По неполным данным отдела призрения Омского министерства внутренних дел, через Челябинск и Екатеринбург в январе 1919 г. прошли 42 тыс. пленных, в феврале – 36 тыс., в марте – 16 тыс., в апреле – 6 тыс. Объяснялось это тем, что большевики задерживают их и заставляют вступать в свои войска [12. 21 мая. С. 1–2]. На деле же причиной сокращения потока репатриантов являлось мнение стран Антанты, которые считали, что русские пленные симпатизируют режиму большевиков, поэтому они навязали Германии Комиссию по репатриации русских военнопленных, которая в январе 1919 г. запретила обмен пленными до мая 1920 г. [25. С. 32]. Уже летом 1919 г. в Забайкалье прибывают лишь единицы бывших военнопленных, вследствие чего все действовавшие здесь организации сворачивают или изменяют свою деятельность.

Эпидемии были всегда едва ли не обязательным явлением в Забайкальской области. Один врач и два три фельдшера на 50 тыс. чел. населения не в силах были остановить массовые заболевания. Однако период Гражданской войны оказался еще более масштабным по числу заболевших. В октябре 1918 г. инфлюэнца (грипп) охватила Монголию и приграничные территории Забайкалья. Особенно пострадал Акшинский уезд, где ежедневно хоронили по три-четыре человека. Сказывалось отсутствие лекарств. В следующем месяце эпидемия захлестнула всю область. Доктор А.Л. Василевский во время доклада обществу врачей сообщал, что особенно часто у пациентов встречались сильные невралгические боли, что подтверждали врачи Г.М. Криворучко и М.Д. Разгильдеев. Позднее стало известно о том, что эпидемия инфлюэнцы прошла по всему земному шару и вошла в историю под названием «испанка». Она унесла в могилу, по разным подсчетам, от 50 до 100 млн чел.

Тем не менее большую озабоченность врачей вызвала начавшаяся в декабре эпидемия сыпного тифа. Довольно сложно указать источник распространения заразы. Известно, что еще в сентябре эпидемия вспыхнула в Омске. Также имеются сведения, что среди эвакуированных из-под Самары раненых было немало больных сыпным тифом. Есть все основания считать, что вместе с ранеными в Забайкалье был завезен и тиф, если бы не одно «но». В декабре, когда с поездов стали снимать первых больных, в область стали прибывать партии военнопленных Первой мировой войны, среди которых сыпной тиф был чрезвычайно распространен. Кроме того, не исключено, что пробираясь через линию фронта, они могли заражаться от тех же солдат. Первоначально власти практиче-

ски никак не реагировали на эпидемию. Больных безвозмездно помещали в обычных больницах, которые содержались главным образом за счет специального налога – больничного сбора, обязательного для всех горожан, за исключением детей и подростков до 17 лет, а также военнослужащих и железнодорожников, имеющих собственные лечебные заведения. С неимущих городская управа снимала недоимки персонально [13. 23 окт. С. 3]. Эпидемия значительно увеличила расходы, и больничный сбор уже не покрывал всех расходов. Из Омска были затребованы 125 тыс. руб. на борьбу с тифом.

Только 17 января произошло первое совещание всех заинтересованных ведомств у управляющего областью С.А. Таскина. Здесь было сообщено о том, что Омск перевел в распоряжение местной власти всего 60 тыс. руб. Было решено в ближайшее время открыть больницу для сыпнотифозных больных. Однако больницы стали открывать только после очередного совещания, состоявшегося 24 января 1919 г. В Чите наметили открыть лечебное заведение на 25 кроватей, в Нерчинске и Бушулее по 10 кроватей. В Сретенске за неимением возможности обратились к военным, которые стали принимать гражданских в гарнизонный лазарет. Западные регионы области должны были выкручиваться самостоятельно. Им предполагалось выделить небольшие суммы из тех денег, которые предоставил Омск. В Чите была установлена дезинфекционная камера для обеззараживания вещей и одежды [12. 2 февр. С. 3]. Были организованы два врачебно-санитарных (летучих) отряда, персонал которых застраховали на 20 тыс. руб. [19. Л. 37].

Поскольку риск заразиться и погибнуть от тифа был велик, то жалование персонала было повышенным. К примеру, врач на железной дороге самое большое получал 750 руб. в месяц, в летучем отряде – 1 500 руб. В конечном итоге в Чите в городской больнице заразное отделение полностью отвели под больных сыпным тифом. То же самое сделали в Читинском военном госпитале. Плюс к этому бывшую казачью психиатрическую больницу, из которой вывезли всех больных в земскую психиатрическую больницу, также решили использовать под сыпнотифозных. На заседании городской думы 28 февраля в связи с тем, что эпидемия не спадает, принимается предложение о ремонте бывшего приюта для арестантских детей и приспособлении его для сыпнотифозного барака на 50 мест при городской больнице [12. 4 марта. С. 3]. В Верхнеудинске борьбу с эпидемией взяло на себя местное общество врачей, в Нерчинске такую же обязанность взял на себя комитет по борьбе с сыпным тифом. В остальных регионах эти заботы выполняла местная администрация. На железной дороге были убраны мягкие вагоны, солдатам и офицерам запретили продолжительные отлучки. Терапевтическое отделение больницы на станции Хилок отдали под больных сыпным тифом. Байкальскую и Карымскую переселенческую больницы преобразовали в сыпнотифозные. На земские деньги была открыта единственная за это время лечебница в Тывгетуге [19. Л. 50]. Принятые меры способствовали тому, чтобы все заболевшие могли быть приняты на лечение в указанных лечебных заведениях бесплатно.

Чтобы обезопасить область от новых потоков больных, следующих из западных регионов, учреждается санитарный пост на станции Мысовая, но из-за громадных потоков людей с этой задачей он плохо справлялся. По требованию японских военных, боявшихся заноса заразы в Маньчжурию, на станции Борзя был учрежден карантин. Японские и русские врачи осматривали пассажиров и в случае обнаружения больных отправляли их на станцию Маньчжурия к участковому врачу КВЖД, который направлял их в эпидемический барак при больнице [12. 26 янв. С. 3]. Вследствие огромного скопления людей, несмотря на более жесткий контроль, принятые меры здесь также не давали должного эффекта. Ежедневно с переполненных поездов снимали больных, главным образом военнопленных и спекулянтов.

Еще одной мерой для борьбы с тифом была активная агитационная кампания. Врачи при учебных заведениях знакомили учеников с сущностью заболевания, говорили о мерах гигиены и санитарии, благодаря которым можно избежать инфицирования. В местных газетах помещались статьи врачей с подобного же рода информацией. Все заборы Читы были обклеены листовками от санитарного отдела городской управы, где содержались призывы соблюдать личную гигиену, граждан предостерегали от дальних путешествий по железной дороге и посещения мест значительного скопления людей [Там же. 12 февр. С. 4]. Это была действенная мера по ознакомлению населения с сущностью инфекции.

Численность заболевших по области установить практически невозможно по причине отсутствия точной регистрации. Однако некоторые сведения все же имеются. По подсчетам доктора В. Ишерского [26. С. 399–434], в Чите переболели 215 чел., 20% из них были приезжими. Пик эпидемии пришелся на март месяц, когда заболели 66 чел. В мае заболевания резко снижаются, и в летние месяцы наблюдались лишь единичные случаи. Смертность составляла 7%. По Забайкальской области на 7 марта числились 252 сыпнотифозных больных: в Читинском уезде – 91, Верхнеудинском – 70, Нерчинском – 23, Селенгинском – 12, Троицкосавском – 6 и еще 50 на пропускных пунктах [Там же. 11 марта. С. 3]. Таким образом, больше всего заболеваний приходилось на западные регионы, вдоль железной дороги, а также Читы, куда устремлялись все приехавшие в Забайкалье. Селенгинск и Троицкосавск, далеко отстоявшие от путей сообщения, были затронуты слабо.

Болезнь, как известно, не щадит никого. Среди медицинского персонала стали появляться первые жертвы. 9 февраля 1919 г. в Троицкосавске умирает заведующий эпидемическим баракком врач П.Н. Лисицын вместе со своей женой [12. 11 марта. С. 3]. Их дети также перенесли заболевание тифом. Для медицинского персонала области данный случай был наглядным примером того, что в случае гибели медработника его семья была обречена. Не существовало никакой социальной помощи, страховки, пенсии. Врач рисковал не только своей жизнью, но и благополучием своих близких. Сиротам Лисицыным была выделена из эпидемических средств 1 тыс. руб. одновременно, что фактически обрекало детей спустя некоторое время на нищенское существование.

Через месяц на 66-м году жизни умер помощник главного врача Березовского военного госпиталя А.Е. Корсунский. Вообще люди старше 50 лет редко переносили это заболевание, и гибель Корсунского была логичным подтверждением тому. В психиатрической больнице последовательно умерли заразившиеся от сыпнотифозных больных фельдшеры В.Д. Рогалев и К.И. Акулов. В городской больнице Читы 7 апреля 1919 г. от брюшного и сыпного тифов скончалась сестра милосердия В.П. Павлуцкая [7. С. 258]. Перечесать все имена невозможно, однако гибель медперсонала тяжело отражалась на состоянии здравоохранения и моральном духе людей, оставшихся в строю.

В связи с гибелью медперсонала, заменить который было нечем, заведующий врачебно-санитарным отделом в начале марта 1919 г. предложил земской управе пригласить на службу студентов 5-го курса медицинского факультета Томского университета в качестве эпидемических врачей. Однако управа отказалась от этой идеи вследствие отсутствия средств, о чем оповестило Омск, указывая, что самостоятельно бороться с эпидемией не в состоянии [12. 29 янв. Л. 41]. Таким образом, упор был сделан на те кадры, которые работали в регионе.

Уже в феврале 1919 г. С.А. Таскин обратился в Омск с ходатайством о разрешении вопроса страхования медицинского персонала. Однако ответных мер не последовало. В результате городские и земские самоуправления стали брать на себя вопросы страхования. Во всяком случае, в Чите и Верхнеудинске городские думы застраховали медицинский персонал больниц и летучих отрядов. Земство на 3-м чрезвычайном собрании 3 марта 1919 г. постановило выдать из запасных сумм семьям фельдшеров В.Д. Рогалева и К.И. Акулова единовременное пособие по 2 тыс. руб. и сверх этого на каждого ребенка еще по 500 руб. Это правило тут же решили распространить на все случаи гибели земского медперсонала от сыпного тифа [19. Л. 46]. Совет министров в Омске утвердил законопроект об обеспечении семей лиц медицинского и служительского персонала, умерших от заразных эпидемических заболеваний, только в апреле 1919 г. [12. 15 апр. С. 2], что сняло с повестки дня обсуждавшийся вопрос о пенсионной кассе.

Сыпной тиф медики часто называли паразитарным, поскольку переносился он в основном такими паразитами, как вши. Педикулез появляется у человека в результате нарушения санитарно-гигиенических правил. Редкая смена белья, чрезмерная скученность, нерегулярное омовение тела, антисанитарное состояние дворов и жилых помещений способствовали распространению болезни. Все перечисленные причины и раньше наблюдались в городах Забайкалья. Однако в период Гражданской войны сюда направляется поток беженцев, эвакуируют раненых, концентрируются военные части, а жилой фонд практически остается неизменным, что приводит к увеличению плотности населения. Банное дело, водоснабжение и ассенизационные работы были вечной бедой всех российских городов. Эта часть городского хозяйства отнимала львиную долю бюджета, а в случае непредвиденных ситуаций ее неизбежно бросали на самотек.

Бани во все времена вызывали нарекания горожан. Жаловались на грязь, малое количество теплой воды, грубость банщиков, отсутствие освещения и т.д. Но когда в конце января из-за дефицита с топливом была закрыта самая крупная в Чите баня Байбородина, ситуация оказалась критической. Несмотря на то что единственные оставшиеся в городе Центральные бани стали работать по 14 часов в сутки, около них стали собираться длинные очереди людей. При таком ажиотаже помещения просто невозможно было приводить в порядок [12. 31 янв. С. 3].

Обеспечение населения водой также оказалось под ударом. Обычно городские власти отдавали работу по доставке воды обывателям подрядчику, который обязывался соблюдать санитарные требования и содержать определенное количество водовозов. В условиях нестабильной обстановки водовозы начинают избегать посещения определенных улиц и домов, конфликты с ними только ухудшали обстановку. В такой ситуации горожане стали заниматься «самоснабжением», т.е. ходить за водой самостоятельно, но у колодцев встречали все тех же водовозов, стремившихся образовать монополию и тем завязать цены, поэтому эти встречи редко были дружелюбными. В начале февраля в газете «Забайкальская новь» появилась статья «Необходимые меры», подписанная инициалами «Г.К.» (вероятно, бывший читинский санитарный врач Г.М. Криворучко). Автор указывал на беспорядки администрации: «Городской управе не следует ограничиваться философическими lamentациями об удручающих заботах, а принять решительные меры к доставке воды на дом водовозами. Ведь добрая треть населения сидит сейчас без воды и не моется не потому, что удручена заботами в годы народных бедствий, а по более простой причине – в виду отсутствия воды» [Там же. 12 февр. С. 2].

Удивление вызывает то, что на совещаниях у С.А. Таскина эти вопросы вообще не поднимались, а читинская управа принимает конкретные решения только на заседании 28 февраля. Только после этого, уже в марте месяце, бани Байбородина были вновь открыты, им обеспечили непрерывную доставку топлива. Для полноценного снабжения населения водой привлекли силы вольного пожарного общества [Там же. 4 марта. С. 3]. Данные запоздалые меры серьезно облегчили положение горожан. Появилась возможность соблюдать личную гигиену.

Сложнее было с ассенизационными работами. Своего обоза город не имел. Горожане нанимали частников, бравшихся за эту черную работу, но в условиях войны русские редко соглашались, а китайцев было немного, поэтому цены быстро росли. В марте уже просили по 20 руб. с воза. Очистка двора обходилась минимум в 120–150 руб., что было непосильно для большинства обывателей. На этом проблемы не заканчивались. Ассенизаторы, вычистив двор и желая сэкономить время, сваливали нечистоты там, где придется, отчего вся нагорная часть Читы, в особенности лес за Новобульварной улицей, были завалены навозом, мусором и трупами павших животных [12. 1 марта. С. 3]. Такое встречалось и раньше, но подобный размах наблюдался впервые.

Официальное предупреждение о штрафе в 3 тыс. руб. или аресте на три месяца вступило в силу только с 1 мая 1919 г. [Там же. 7 мая. С. 3]. В течение последующего времени начальник милиции еженедельно печатал в газетах объявления о лицах, оштрафованных им. Данные меры должны были послужить предупреждением для остальных. Схожие проблемы наблюдались и в других городах Забайкалья, особенно в Верхнеудинске и Нерчинске. В целом работы по наведению санитарного порядка следует признать эффективными, но запоздалыми. Пожалуй, более быстрое реагирование на возникающие беспорядки в хозяйственной жизни городов способствовали бы тому, что эпидемия тифа не смогла бы найти для себя благодатной почвы.

Таким образом, здравоохранение Забайкальской области перенесло на себе все результаты развала государственности. Переворот августа 1918 г. и приход к власти атамана Г.М. Семенова хотя и спасли медицинские структуры от самоликвидации, но не улучшили состояние отрасли в целом. Свержение советской власти не означало возврата к модели, утвержденной после Февральской революции. Городские и земские самоуправления оказались в зависимости от исполнительной власти. Лечебные заведения разделили различные ведомства, что ослабило влияние врачебно-санитарного совета. В результате он не мог ни отстаивать свои интересы перед управлением обла-

сти, ни аккумулировать ресурсы для решения ключевых вопросов, возникающих перед медицинской организацией Забайкальской области.

Мобилизация медперсонала в армию, массовые эпидемии, отсутствие твердого финансирования, усиление роли казачества, возвращение военнопленных из германских лагерей и другие проблемы потребовали их решения в сжатые сроки, с чем, к сожалению, органы здравоохранения по целому ряду причин не всегда справлялись. Вкупе создается впечатление развала и дезорганизации медицинского дела в регионе, хотя и предпринимаются лихорадочные попытки исправить ситуацию среди руководителей крупнейших учреждений (П.К. Флегонтов, Д.В. Писарев, В.А. Бурмакин, М.В. Танский, К.И. Легков). К весне 1919 г., после запоздало принятых мер, ситуацию удалось стабилизировать ценой больших потерь как среди населения, так и со стороны медработников. Тем не менее наблюдались и положительные моменты. Дефицит медикаментов вынудил органы управления здравоохранением организовать пастеровскую станцию и сыровоточное отделение, благодаря которым удалось наладить производство сывороток и вакцин. Упрочились связи с японскими и американскими медицинскими организациями. Удалось сохранить практически все больницы и амбулатории, благодаря чему уцелела база, на которой в последующем начнется формирование новой системы охраны народного здоровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журавлева К.И. Здравоохранение и здоровье населения Забайкалья (1765–1965) : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Чита, 1966. 32 с.
2. Журавлева К.И. Здравоохранение в Забайкалье в годы Гражданской войны, интервенции и Дальневосточной республики (1918–1922) // Проблемы краеведения : материалы к I Забайкал. краевед. конф. / отв. ред. А.И. Сизиков. Чита : Городская типография управления по печати, 1966. С. 42–45.
3. История Бурятии : в 3 т. / отв. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 3: XX–XXI вв. 464 с.
4. Очерки истории Забайкальского края / под ред. Н.В. Гордеева. Чита : Экспресс-издательство, 2009. 440 с.
5. Константинов А.В., Константинова Н.Н. Забайкалье: Ступени истории (1917–1922). Чита : Экспресс-издательство, 2009. 192 с.
6. Малая энциклопедия Забайкалья. Здравоохранение и медицина / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. С. 12–23.
7. Цуприк Р.И. Литературное, историческое и медицинское краеведение / сост. Н.А. Бурдиян, Г.И. Погодаева ; отв. ред. М.В. Константинов. Чита : Изд-во ЗабГУ, 2014. 456 с.
8. Батоев Д.Б. История организации и развития здравоохранения, формирование его кадров в Бурятии: Конец XVIII в. – 1960-е гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2002. 212 с.
9. Романов А.М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова. Иркутск: Оттиск, 2013. 308 с.
10. Георгиевский А. Пастеровская станция города Читы за 1918, 1919, 1920 и 1921 год // Медицинский журнал Забайкальского общества врачей. 1922. № 1. С. 59–73.
11. Государственный архив Забайкальского края (далее – ГАЗК). Ф. 1 вр. Оп. 1. Д. 831.
12. Забайкальская новь. Чита, 1919.
13. Забайкальская новь. Чита, 1918.
14. ГАЗК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 74.
15. Прибайкальская жизнь. Верхнеудинск, 1918.
16. ГАЗК. Ф. 1 вр. Оп. 2. Д. 846.
17. Красногвардейцы и партизаны : сборник воспоминаний участников Гражданской войны в Забайкалье. Чита: Книж. изд-во, 1957. 140 с.
18. ГАЗК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 55.
19. ГАЗК. Ф. р-3. Оп. 1. Д. 8.
20. Graves W.S. America's Siberian Adventure. 1918–1920. N.Y., 1941. 363 p.
21. Общее дело: Жизнь и деятельность известных врачей Забайкалья Е.В. и А.Н. Бек / авт.-сост. Е.К. Андрусевич. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. 216 с.
22. ГАЗК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 42.
23. Шик Э. Годы испытаний. Мемуары. М. : Воениздат, 1969. 600 с.
24. Двингер Э. Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. / пер. Е. Захарова. М. : Центрполиграф, 2004. 350 с.
25. Бюньон Ф. Международный Комитет Красного Креста и Советский Союз (1917–1991). М. : Международный Комитет Красного Креста, 2000. 96 с.
26. Ишерский В. Первая сыпнотифозная эпидемия в Чите и сопровождавшего ее возвратного тифа // Медицинский журнал Забайкальского общества врачей. 1923. № 5. С. 399–410.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 ноября 2016 г.

HEALTH CARE IN ZABAIKALSKAYA OBLAST DURING THE REGIME OF ATAMAN G.M. SEMENOV (FALL 1918 – SPRING 1919)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 156–166.

DOI: 10.17223/15617793/414/25

The article is devoted to the history of public health in Zabaikalskaya Oblast from the coming to power of Ataman G.M. Semenov to the normalization of relations between him and Admiral A.V. Kolchak in May 1919. The work is written on the basis of the first published archival materials, memoirs of contemporaries and data of periodicals. The attempt of the Zabaikalskaya Oblast administration to return to the model of health that emerged after the February revolution of 1917 is discussed. On the basis of extensive factual material the author reveals the essence of the 1918–1919 reforms in the medical field. The cause-and-effect relations of the occurring changes are analyzed. Information about military medicine and mobilization of health personnel in the Separate Eastern Siberian Army is considered. Attention is drawn to the conflict between the regional Zemstvo and the Zabaikalsky Cossack management; it led to the formation of an independent medical service for the Cossacks. The work of private practitioners is also described. Activities of foreign health workers is comprehensively studied. Information on establishing logistics in the region with medicine and medical goods is given. An important role in this work was played by the American Red Cross, the Young Men Christian Association, the Japanese Society for Economic Aid to Siberia and a number of other public organizations. Much of their work was to combat the epidemics in the winter of 1918–1919. In this regard, the causes of diseases, the scope of the disaster, mortality and control measures are analyzed. Information is provided about the sanitary cleaning in the cities, the opening of washing houses, the delivery of clean water to the population, the promotion of healthy lifestyles. Insufficient funding, lack of medicine, mobilization of health workers, mass migration of people, apathy of the military and civil administrations of Zabaikalskaya Oblast had a negative impact on fighting the infection. Despite the death of many health workers, belated, but effective measures were taken by the spring of 1919 which could cope with the flow of the diseases and suppress the epidemic. The article also provides data on social work: the condition of the kindergartens, the work of prisoners of war during the First World War, the legalization of prostitution. It also covers the scientific activities of the Zabaykalsky Society of Doctors. In conclusion, it is noted that the return to the democratic model of health organization, created after February 1917, did not happen. Zemstvo and urban self-government were pressed by the administration and due to financial dependence could not make independent decisions. Medical forces were weakened by the fact that medical institutions were passed on to different departments. Some positive facts do not change the overall picture of the decline and collapse of the system of health care in the remote Russian province.

REFERENCES

1. Zhuravleva, K.I. (1966) *Zdravookhranenie i zdorov'e naseleniya Zabaykal'ya (1765–1965)* [Health care and public health of Transbaikalia population (1765–1965)]. Abstract of Medicine Dr. Diss. Chita.
2. Zhuravleva, K.I. (1966) *Zdravookhranenie v Zabaykal'e v gody Grazhdanskoy voyny, interventsii i Dal'nevostochnoy respubliki (1918–1922)* [Health care in the Transbaikal region during the Civil War, the Intervention and the Far Eastern Republic (1918–1922)]. *Problemy kraevedeniya* [Problems of Local History]. Proceedings of the I Transbaikal region studies conference. Chita: Gorodskaya tipografiya upravleniya po pechaty. pp. 42–45. (In Russian).
3. Bazarov, B.V. (ed.) (2011) *Istoriya Buryatii: v 3 t.* [History of Buryatia: in 3 vols]. Vol. 3. Ulan-Ude: BRC SB RAS.
4. Gordeev, N.V. (ed.) (2009) *Ocherki istorii Zabaykal'skogo kraia* [Essays on the history of Transbaikal Krai]. Chita: Ekspress-izdatel'stvo.
5. Konstantinov, A.V. & Konstantinova, N.N. (2009) *Zabaykal'e: Stupeni istorii (1917–1922)* [Transbaikal: Stages of history (1917–1922)]. Chita: Ekspress-izdatel'stvo.
6. Geniatulin, R.F. (ed.) (2011) *Malaya entsiklopediya Zabaykal'ya. Zdravookhranenie i meditsina* [Small Encyclopedia of Transbaikal. Health and Medicine]. Novosibirsk: Nauka.
7. Tsuprik, R.I. (2014) *Literaturnoe, istoricheskoe i meditsinskoe kraevedenie* [Literary, historical and medical regional studies]. Chita: Transbaikal State University.
8. Batoev, D.B. (2002) *Istoriya organizatsii i razvitiya zdravookhraneniya, formirovaniye ego kadrov v Buryatii: Konets XVIII v. – 1960-e gg.* [The history of the organization and development of public health, the formation of its personnel in Buryatia: the end of the 18th century – the 1960s]. History Dr. Diss. Ulan-Ude.
9. Romanov, A.M. (2013) *Osobyi Man'chzhurskiy otryad atamana Semenova* [Special Manchurian detachment of Ataman Semyonov]. Irkutsk: Otkritsk.
10. Georgievskiy, A. (1922) Pasterovskaya stantsiya goroda Chity za 1918, 1919, 1920 i 1921 god [Sterilizing station of Chita in 1918, 1919, 1920 and 1921]. *Meditsinskiy zhurnal Zabaykal'skogo obshchestva vrachev*. 1. pp. 59–73.
11. State Archive of Zabaykalsky Krai (GAZK). Fund 1 vr. List 1. File 831. (In Russian).
12. *Zabaykal'skaya nov'*. (1919).
13. *Zabaykal'skaya nov'*. (1918).
14. State Archive of Zabaykalsky Krai (GAZK). Fund 165. List 1. File 74. (In Russian).
15. *Pribaykal'skaya zhizn'*. (1918).
16. State Archive of Zabaykalsky Krai (GAZK). Fund 1 vr. List 2. File 846. (In Russian).
17. Berg, A. & Kuydin, V. (eds) (1957) *Krasnogvardeytsy i partizany: sbornik vospominaniy uchastnikov Grazhdanskoy voyny v Zabaykal'e* [The Red guards and partisans: a collection of memoirs of participants of the Civil War in the Transbaikal region]. Chita: Knizh. izdatel'stvo.
18. State Archive of Zabaykalsky Krai (GAZK). Fund 165. List 1. File 55. (In Russian).
19. State Archive of Zabaykalsky Krai (GAZK). Fund r-3. List 1. File 8. (In Russian).
20. Graves, W.S. (1941) *America's Siberian Adventure. 1918–1920*. New York: Peter Smith.
21. Andrushevich, E.K. (1996) *Obshchee delo: Zhizn' i deyatel'nost' izvestnykh vrachev Zabaykal'ya E.V. i A.N. Bek* [A common cause: The life and work of famous Transbaikal doctors E.V. and A.N. Beck]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
22. State Archive of Zabaykalsky Krai (GAZK). Fund 165. List 1. File 42. (In Russian).
23. Shik, E. (1969) *Gody ispytaniy. Memuary* [Years of trials. Memoirs]. Moscow: Voenizdat.
24. Dwinger, E. (2004) *Armia za kolyuchey provolokoy. Dnevnik nemetskogo voennoplennogo v Rossii 1915–1918 gg.* [Army behind barbed wire. Diary of a German prisoner of war in Russia in 1915–1918]. Translated from German by E. Zakharova. Moscow: Tsentrpoligraf.
25. Bugnion, F. (2000) *Mezhdunarodnyy Komitet Krasnogo Kresta i Sovetskiy Soyuz (1917–1991)* [The International Committee of the Red Cross and the Soviet Union (1917–1991)]. Moscow: International Committee of the Red Cross.
26. Isherskiy, V. (1923) Pervaya synnotifoznaya epidemiya v Chite i soprovozhdayshego ee vozvratnogo tifa [The first typhus epidemic in Chita and its accompanying relapsing fever]. *Meditsinskiy zhurnal Zabaykal'skogo obshchestva vrachev*. 5. pp. 399–410.

ДИКИЕ И ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ В СТРАТЕГИЯХ ВЫЖИВАНИЯ И АДАПТАЦИОННЫХ ПРАКТИКАХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1941–1945 гг.: ОТВЕТ УСТНОЙ ИСТОРИИ НА АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01019 а1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» (рук. д-р ист. наук Т.К. Щеглова).

На основе экспедиционных материалов демонстрируется значение устной истории как метода и источника для антропоцентрической реконструкции культуры жизнеобеспечения тылового земледельческого общества юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Рассматриваются вопросы взаимоотношений деревенского социума с окружающим ландшафтом и адаптационные практики в условиях голода и холода по линии «крестьянская семья и общество – дикие звери (волк, суслик) и домашние животные (собака, корова)» в борьбе за ренту при ограниченных возможностях семейного производства в колхозном и совхозном обществе.

Ключевые слова: земледельческое общество; колхозная семья; война; стратегии выживания; белковая пища; коженное и меховое сырье; волки; суслики; собаки; коровы.

Антропологический переворот в исторической науке поставил в центр изучения человека. Важнейшими вопросами антропологических исследований являются адаптационные механизмы культуры жизнеобеспечения земледельческого населения Сибири в периоды ухудшения условий жизнедеятельности и хозяйствования. В XX столетии к таким периодам относились годы войн, репрессий и многочисленных кардинальных переустройств сельского общества. Их исследование возможно в междисциплинарном взаимодействии антропологии и устной истории как нового метода и источника социогуманитарных исследований. В отличие от других видов документов, источники, создаваемые на основе различных видов опроса, отличаются человеческим измерением прошлого, основанным на эмпирическом опыте.

Устная история формируется как «история снизу вверх» (жизненный опыт человека на повседневном уровне), как «история изнутри» (непосредственного участника исторических событий), «как история сверху вниз» (представления и опыт людей от власти). Автор публикации давно пишет о том, что «информация для реконструкции недавнего прошлого хранится не только в архивах, но и в окружающем историка мире: коллективной и индивидуальной памяти человека, в культурном ландшафте каждого населенного пункта, в семейных преданиях и семейных архивах. Именно с этими источниками историки не достаточно умеют работать, в том числе методически и научно грамотно получать информацию с помощью опроса ее носителей» [1. С. 210].

Именно создаваемые опросом «человеческие документы» позволяют реализовать современные антропологические и гуманистические подходы «Человек в истории», «История в человеке» за «счет введение в научный оборот устных интервью с ранее «немолчующими», «безгласными», «безголосыми» слоями общества, «безмолвствующим большинством». «История снизу вверх» как исследовательский подход позволяет ученому услышать и увидеть то, что изучаемое общество не сумело или о чем не

позаботилось в силу разных причин о себе рассказать; фиксировать социально-культурную информацию тех членов общества индивидов или социумов, которые не смогли оставить свой «письменный след» в архивах [1. С. 212].

Материалы интервью многолетних авторских историко-этнографических экспедиций (1990–2015 гг.) являются антропоцентрическими документами, позволяющими сделать вывод об адаптационных практиках и замещающих технологиях сельского земледельческого населения с опорой на возможности «кормящего ландшафта» в борьбе с холодом и голодом в ходе тех исторических событий, которые сопровождалась неблагоприятными условиями, как это было в годы Великой Отечественной войны. Среди повседневных практик в это время в системе питания фиксируются развитие собирательства трав-дикоросов, ягод, грибов; развитие ловчих, лесных и соляных промыслов (суслики, сурки), рыболовства, охоты. Для возведения жилища отмечено использование таких строительных материалов, как дерн, глина, солома, «колья», камыш; для отопления жилища – применение хвороста, сучьев, шишек, полыни, соломы, коровьих «лепешек» и т.д.

В этом смысле одним из путей адаптации являлись обращение земледельческого населения к возможностям «кормящего ландшафта» и «откат» к крестьянской традиционной системе преодоления трудностей. Работа в этом направлении показала, что существовали определенные различия в условиях жизни в годы войны между народами-земледельцами и народами-скотоводами. К первой группе мы относим народы юга Западной Сибири в зоне преимущественно земледельческого развития с преобладанием традиционного крестьянского труда ратника-пахаря. Для них, как известно, характерны черты культуры оседлых земледельцев со стационарным проживанием в постоянных поселениях. Это и русские, и мордва, и немцы, и украинцы, и другие народы Верхнего Приобья, являвшиеся как старожилы, так и насильственно переселенным в ходе депортаций и репрессий населением.

ем. Иная ситуация была у скотоводческих сообществ сопредельных территорий Верхнего Прииртышья, представленных казаками-скотоводами. В годы войны их культура, основанная на «симбиозе» человеческого сообщества со скотом, оказалась более адаптирована к военным условиям. Этот сравнительный аспект требует самостоятельных исследований, выявления как сходных, так и отличительных черт. И продвижение в этом направлении возможно с помощью технологий устной истории, создания архивов устных источников представителей скотоводческих и земледельческих культур [2]. Государственные фондохранилища, нацеленные на обеспечение документацией административных запросов, мало ориентированы на создание антропоцентрических источников. В этом заинтересованы исследователи, прежде всего, занимающиеся изучением недавнего прошлого.

В отношении земледельческого населения новые источники, создаваемые с помощью методов устной истории под руководством и при участии автора публикации, позволяют обратить внимание научного сообщества на потенциал традиционной культуры земледельцев, благодаря которому деревенское сообщество выработало жизненные стратегии в борьбе с голодом и холодом при минимуме помощи государства, сконцентрировавшего усилия на решении вопросов обеспечения фронта.

При этом требует самостоятельного изучения позиция государства, которую можно назвать своеобразным откатом, выражающимся в призывах к региональным властям повернуться к традициям крестьянского производства (после социалистической модернизации сельского хозяйства и крестьянского общества 1930-х гг.) с опорой на собственные силы (вопреки предвоенной политике раскрестьянивания). Имеются в виду попытки государства организовать в регионах производство деревянной обуви или на деревянной подошве; изготовление щелока и мыла из природных материалов, а также хвойного порошка в качестве витаминного средства и др. Издавались многочисленные постановления об использовании коров в колхозном производстве и на приусадебном подворье.

Однако если по нормативно-распорядительным указаниям и отчетам администраций существует архивный материал как на уровне федеральных, так и региональных фондохранилищ, то о повседневных практиках адаптации к неблагоприятным условиям на уровне крестьянской семьи большим подспорьем являются новые источники, основанные на эмпирическом опыте – материалы интервью (устные исторические источники). Их анализ показывает, что в конкуренции вокруг ресурсной ренты в годы войны у земледельческого населения с домашними животными отношения приобретают форму симбиоза, а с дикими хищниками обостряется борьба не только за природные ресурсы, но и за источники белка.

В качестве основного конкурента человека в борьбе за белковые ресурсы в годы войны выступал волк. Контент-анализ интервью всех возрастных категорий респондентов юга Западной Сибири показывает расширение ареала охоты хищников с его приближением к деревне. «Овечек держали, смотря как-то волк забе-

рется, сожрет. Вот, сараи то были какие [непрочные, чаще всего плетенные и мазанные]!? Сараюшки! А тогда волки ходили... залазили» [3].

Увеличение поголовья диких волков и сокращение поголовья домашнего скота способствовали тому, что волки в годы войны плотно «окружили» поселения, которые стали концентрацией «белковой пищи». При этом отношения человека с хищником складывались не столь однозначные. Зафиксированные истории показывают, что волки не трогали человека. «А волки!? Да, было волков! Страшно было... Один раз мама погнала овечек... там 6 км было до совхоза идти с выпасов. А я [иду к ней навстречу]. А, она, волчица, вывела своих трех волчат и по берегу речки идет. А мама кричит: “Манька вернись, Манька вернись”. Но меня она не тронула, она так пошла и пошла» [Там же]. Такие истории не единичны и требуют осмысления, особенно в свете междисциплинарных диспутов о волках, в частности – регулировании их численности, в общем – в вопросах сохранения экосистем и вмешательства человека в их функционирование.

По материалам интервью выявляются несколько мест встречи человека и хищника в борьбе за белковую ренту – это производственный сектор общественного хозяйства со скотными дворами (кошарами), места выпасов скота и пастбища и личное подворье колхозника. Половозрастной и гендерный перекос оседлого деревенского сообщества с преобладанием женщин, подростков, детей и мужчин-инвалидов ослабил земледельческое население. Мобилизация мужчин привела и к тому, что сельское общество осталось безоружным в борьбе с хищником. По словам респондентов, «ни стрелять нечем было. Не было тогда никого ни ружья, того. Тогда одни бабы были, да этот дед – старик» [4].

Для волков объектом охоты, как показывают устные свидетельства, был мелкий скот – овцы и телята, местами концентрации которых являлись выпасы, а из скотных дворов – кошары и телятники. В производственном секторе основная работа после мобилизации мужчин легла на женщин. А главным орудием борьбы, как и в традиционном крестьянском обществе, являлись огонь и свет, в других случаях – громкие звуки (звон железных предметов утвари или орудий производства). В одном из устных источниках так описывается типичный случай: «Мама сторожила [кошару с овцами]. Идет, и за ней собака идет. Анка звали. Она: “Тяв-тяв, тяв-тяв”, а туда [вперед] боится [идти]. Мама туда фонарь [посветила], он выходит, волк, и попер на маму. Мама ему фонарь... Говорят што [волк] боится [света, огня]. Он не боялся, тогда не боялись ни огня эти волки, никого не боялись. Мама пятилась-пятилась, упала... Ей этот фонарь, он толи отскачил, толи... Она тогда кричала... все люди высказали, которые там работали ночью. Услыхал бригадир, ну и отогнали этого волка» [4].

Военное время обострило ситуацию борьбы за белковую ренту. Потеря общественного имущества признавалась вредительством и порчей, а работников колхозов и совхозов судили за это. Поярок судили за гибель телят; овцеводов – за гибель ягненка. Страх наказания для земледельческого общества стал важным

аргументом в борьбе с волками: «И волки были, и они [овцы] дохли, и бригадир ругался. Один раз бригадир как на маму заматерился... ягненка [дохлого хватает] подходит, маму [бьет им], а я как подбежала как толконякнула его, так он улетел. А он на меня матерком: “Выблядок!” На маму [замахнулся], на меня и тоже хотел этим ягненком. А я не дала маму бить. А он меня не стал бить, и мы погнали с мамой овечек» [4].

Как показывают устные источники, голод волков и страх человека перед военным судом делали и тех и других более бесстрашными: «Эта Манька караулит, а он, змей, подкрался, схватил ягненка, на плечо завалял и попер. И она поперлась за ним. Там она перлась, он бежал, и прямо близко бежали. Ямы их, норы. Она бежала за ним, и он забежал в нору, залез, а ягненка бросил на улице. Машка взяла этого ягненка и домой принесла, но он задавил его уже. Принесла бригадире показывать, а то скажут, что сожрали, страшно это было [потерять скот совхозного стада]» [Там же].

Главным аргументом развернувшейся борьбы человека и хищника стал голод. Борьба с голодом одинаково и для человека, и для волка обострялась зимой, когда природные ресурсы были ограничены. К этому времени основным источником питания для крестьянской семьи являлись летние заготовки и домашнее подворье, а у волков подрастали летние выводки, охота же по глубокому снегу ограничивала возможности волчьих стай, толкая их в места концентрации домашнего скота. Поэтому территориями борьбы между человеком и хищником являлись кошары, скотные дворы или домашние стайки. «Зимние волчьи охоты» совпадали с обрядностью земледельческого календаря, что делало более частыми встречи человека и животного: «Они выведутся, особенно в феврале... когда Святки, когда они гуляют эти волки. Такая орава на Золотушку [поселок]» [Там же]. Респонденты рассказывали, что во время святочных шуликований или рождественских славилков люди сталкивались с волками в границах жилой среды.

В условиях конкуренции между волчьими стаями и человеческим сообществом союзником человека и в прямом и переносном смысле выступила собака. Она оказалась в центре антропоцентричной модели земледельческого социума военного времени, а устные свидетельства позволяют анализировать антропогенные факторы повседневной военной жизни. Они демонстрируют, что во время войны поголовье собак выросло, так как их стали разводить для разных целей. Их использовали как пастухов колхозного скота, как сторожей личного и колхозного подворья, как источник сырья для пошива одежды, головных уборов, обуви, рукавиц и т.д.

Увеличивали значение собак в войну необходимость замещения мускульной силы в колхозном и домашнем производстве и потребность замещения овчин и кож домашнего скота собачьими шкурами и т.д. Есть устные свидетельства, что на Алтай в годы войны привозили специально выученных пастушьчих собак с навыками пастыбы скота, но они не были готовы к борьбе с хищниками. Один из респондентов так описывал взаимоотношения человека, пастушьчих

ей собаки и волка в данном случае: «А сколько собак было!? Привозили, даже из Москвы собак этих овечек караулить... А [волки], все они прямо придут и задавят [овец]. И вот один был кобель Тарзан, серый, такой же, как волк. Они его [пса] не трогали. И сестра моя старшая... погнала [овец]. И они, три штуки [напали]... И он, змей, никого не гоняет... Ну че делать? Она отбивалась, отбивалась, кричала-кричала, двое отошли волков... а третий уцепился за барана и тащит... Тогда сестра, у нее фуфайка была... она как бросила на него, на этого на волка, на барана, и волк отскочил. Тамарка тогда схватила этого барана и тогда крикнула этому Тарзану: “Тони!” Он [это] хорошо понимал. “Тони домой!” И он как закрутил эту отару, и домой. А этого барана она кое-как приперла на ту JURKE. Он [волк] его задавил, а надо же отдать, а то скажут, что ты продала его [барана] или куда-нибудь. Надо бригадире показать» [4].

В годы войны отмечалось не свойственное земледельческому населению использование собак в качестве транспортного средства. В данном случае можно говорить о замещающих технологиях и адаптации колхозно-крестьянского общества к условиям ликвидации земледельческого сообщества традиционной тягловой силой. Как известно, в традиционной крестьянской культуре сибирского населения основным тяглом являлась лошадь. В период коллективизации и раскулачивания крестьянская семья лишилась лошадей, а в годы войны лишилось лошадей и обобщественное колхозно-совхозное производство. Поэтому одним из транспортных средств стала собака. Чаще всего фиксируется использование собак детьми, прежде всего для перевозки топлива в зимнее время на самодельном «возке», или «саночках». На них ездили по глубокому снегу за хворостом, валежником, сухостоем, сучьями. В годы войны заготовка и доставка топлива превратились в трудовые обязанности детей. Респондент так рассказывал: «Дети... запрягали собаку в сани. И на ней возили ветки деревьев, сучки для топки, добывали пропитание» [5. Сапа (Ковтун) Марфа Иосифовна]. Устные свидетельства показывают, что при этом собака использовалась только для перевозки топлива, сами дети шли рядом. Катание на собачьих упряжках фиксируется только как забава детей в зимнее время. По устным свидетельствам можно восстановить и приспособления для запряжения собак. По описанию одного из респондентов, они были похожи на конскую упряжь: «Собаке [глухонемой брат] сшил хомут, ошейник, санки сделал. Он у нас... рукодельный... Берет этого кобельшка, ведет, приезжает туда, сразу там нарубает как в печку ложить...» [3].

Одной из замещающих технологий в повседневных практиках военного времени было разведение собак с целью получения сырья (шкур) для изготовления зимнего гардероба. «Собак держали, потощо собаку убьють и сошьот себе эти рукавички-мохнашки¹... Для этого держали. Собаки, большие, у каждого были» [6. Бурматова Мария Никифоровна. С. 299].

Война и предвоенные коллективизация и раскулачивание, существенно ограничив семейное скотоводство, лишили сельскую семью мехового и кожевенного сырья, которое в традиционном крестьянском об-

ществе шло на изготовление зимнего гардероба и повседневной обуви. Чаще всего отмечается замещение скотских кож собачьими шкурами при изготовлении обуви. Наибольшее распространение получили «собачины» – обутки с верхом в виде чулок под колено с завязками (чулки-голеньища), шерстью вовнутрь. По словам респондентов, такая обувь была теплой. Технология выделки собачьих шкур была идентичной традиционной выделке скотских кож и овчин с сохранением меха и шерсти: «Опару сделают, намажут. Суток двое простоят, а потом очухают их литовками... Царапали их... они сделаются мякенькие...» [5. Бурматова Мария Никифоровна. С. 299]. Также из шкур собак шили рукавицы, шапки и даже шубы для взрослых и детей.

Вместе с тем анализ устных исторических источников показал, что более широкий, чем с собаками, спектр взаимоотношений по линии «человек – животные» в земледельческом обществе существовал с крупным рогатым скотом (КРС). Симбиозом можно назвать отношения сельской семьи и сельского общества с коровами. Коровы в годы войны имели многофункциональное значение в человеческом социуме: источник белка (молоко, но не мясо), основная тягловая сила в семейном и общественном производстве, источник топлива («коровьи лепешки», или глызы, кизяки и т.д.), источник шерсти для изготовления детских мячиков и др. В редких случаях забоя КРС, чаще его падежа, – изготовление обуви (кожа). Контент-анализ материалов интервью показывает, что земледельцы называли их ласково – «коровушка», «кормилица» («коровушка-кормилица»), «труженица», «спасительница», и высоко оценивали их значение в борьбе с голодом и холодом: «У бабушки с братьями была коровка, именно она помогала выжить в голодные военные годы» [5. Худокормова (Дворянкина) Анна Семёновна]. В повседневной практике зафиксированы разнообразные случаи непосредственного спасения человека коровами: «В 1941 г. нас выслали в Сибирь... Там женщины построили землянку, в которой жили мама, я и моя сестра. Однажды ночью сильно шел дождь, и землянка обвалилась. Тогда мы пошли на ферму, стали между коров, чтобы согреться...» [Там же. Гибельгаус (Вайцель) Мария Ивановна].

Функциональное использование КРС было связано прежде всего с тягловыми возможностями коров, которые эксплуатировались и в домашнем, и в общественном производстве. Например, если детьми и подростками для перевозки топлива использовались собаки, то коров запрягали для заготовки топлива в свободное время чаще взрослые: «...женщины, которые работали до самого позднего, приходили домой, запрягали коров и ехали еще за хворостом в колки» [6. Галина Прокопьевна Кондрашова. С. 178]; «На этой корове привозили солому, мякину, полынь для топки печи» [5. Герман Андрей Алексеевич].

В военное время для сельской семьи корова служила основным транспортом: «По ночам мама часто... охраняла ток с хлебом. Мы дома одни оставались. Сами хозяйничали. Запряжем, бывало, ночью свою корову и поедем собирать полынь, чтобы протопить печку наутро.... И пашни с огородами на ней

пахали, и грузы она перевозила, и при этом много молока давала. Корова и большой плодородный огород помогли нам выжить [5. Герасименко (Трифонов) Дарья Николаевна]. А учитывая, что урожайность огородов также зависела от вспашки, то и здесь большую роль сыграли коровы: «Огороды пахали на своих коровах. 4 двора складываются. Запрягают 4 коровы – плуг сзади и вот тут две коровы и тут две коровы. Одна женщина идет впереди, ведет. Эта – с этого бока, эта – с этого бока, а четвертая – сзади. Вот так пахали огород... Огороды были небольшие. Но лопатой копать?! Вперед [раньше] копали лопатой, а попробуйте лопатой перекопать весь огород? А потом стали на коровах...» [7]. В годы войны традиция удобрять огороды коровьим навозом прервалась, так как коровий навоз из коровников и кошар, в соответствии с постановлениями партии и правительства, без остатка уходил на отопление учреждений образования, медицины и здравоохранения, в первую очередь им обеспечивали детские учреждения (школы, детдома и др.) и работников этой сферы (учителей, библиотекарей, фельдшеров и др.), а оставшийся навоз разрешали развозить колхозникам на изготовление кизяка для отопления домов.

Традиции использования КРС в качестве тягловой силы были известны земледельческому населению Сибири до войны благодаря двум факторам. Во-первых, культурному взаимодействию сибирских старожилов юга Западной Сибири в ходе массовых крестьянских переселений с носителями южнороссийских степных культур. Во-вторых, главным образом предвоенному опыту насаждения тягловой силы коров в период коллективизации и массового голода в ряде регионов Европейской России, например в Поволжье. В годы войны государство потребовало заменить в общественном производстве конскую и машинно-тракторную тягу коровами и быками и на поле, и на покосе, и на уборке. Появились постановления и инструкции по использованию коров, а также отчеты, выговоры и судебные решения за неисполнение постановлений. Их названия говорят сами за себя, например Постановление Исполнительного Комитета Чистозерного районного Совета депутатов трудящихся и бюро ВКП(б) (Новосибирская область) от 23 июня 1942 г. «Об использовании коров на сельскохозяйственных работах» [8. Л. 41]. В общественном производстве (колхозы, совхозы) появляется категория «рабочий бык» (кастрированные быки). Использовались даже стельные коровы, «за исключением коров и нетелей, имеющих беременность свыше шести месяцев, новотельных коров в течение двух месяцев после отела, высокопродуктивных и племенных коров, быков-производителей и молодняк в возрасте менее полутора лет». А далее, согласно инструкциям (Облисполком Томской области), рекомендовалось изготовить для крупной рогатого скота упряжь, выделенный для работы крупный рогатый скот подбирать в пары по возрасту, живому весу, а коров – и по времени отела; совместно со скотниками приучить коров к работе в упряжке; использовать коров, главным образом, на легких транспортных работах, бороновании и мягкой пахоте легкими плугами. Для дой-

ных коров дневную работу коров разбить на 2–3 равных периода с промежутками между ними для отдыха, кормления и дойки в 2–3 часа; для стельных коров и молодняка установить рабочий день не более 6 часов, а также нормы выработки для коров и молодняка в размере, не превышающем 1/3 норм выработки для лошадей [9].

Для колхозного производства в годы войны обязали использовать не только обобществленный скот, но и домашний крупный рогатый скот. Например, Томский облисполком и Бюро обкома ВКП(б) «устанавливают, что при недостатке рабочих лошадей и волов, особенно в районах, не обслуживаемых МТС, затруднения с живым тяглом могут быть решены только за счет широкого привлечения к сельскохозяйственным работам коров как с колхозных ферм, так и особенно коров личного пользования колхозников». Рекомендовать правлениям колхозов привлечь к полевым работам бычков и коров колхозников, установить такой порядок, чтобы колхозники работали на принадлежащих им коровах... Председатель Томского облисполкома В. Куперт, секретарь Томского обкома ВКП(б) А. Семин» [Там же].

О широкой практике привлечения домашних коров к колхозному производству говорят многочисленные устные свидетельства: «Корову мама брала с собой на работу, потому что корова должна была трудиться» [5. Герман Андрей Алексеевич]; «сено на своих коровах скирдовали у [в] колхозах... В тележку запрягали свою корову, ехали и сено возили...» [7].

Наконец, коровы давали крестьянской семье молоко – главный источник животного белка. Молоко было основой детского питания в годы войны – его пили и варили на нем, до масла, сметаны и творога доходило редко. Чаще рассказывали, что его разбавляли водой, чтобы хватало надолго, так как молоко входило в военные и сельскохозяйственные обязательные налоги для крестьянского двора... [10]. Коровьим навозом, как было сказано выше, отапливали жилье. При этом использовали и остатки несъеденного сена и соломы. В народе их звали «объедья» – толстые стебли сухостоя, с которыми коровы не могли справиться. Но основой топлива являлся коровий навоз из скотных дворов поле зимнего стойлового содержания, который шел на изготовление кизяка, а в летнее время обязанностью детей был сбор засохших экскрементов («коровьи лепешки», или глыбы) в местах прогона и пастбы скота (их заготавливали на зиму) [11]. В устных свидетельствах отмечается и распределение сфер деятельности в борьбе за «коровьи отходы» по линии межгрупповых и межличностных взаимоотношений в детской и подростковой среде. Например, в годы войны возникало распределение между детьми и подростками территорий по сбору «коровьих лепешек». По рассказам детей, это сводилось к контролю над тропами, по которым выгоняли коров на выпас или водопой. Важно было заметить место, где это произошло, и не прокараулить, когда они «застынут». Дети старались иметь свои территории, соперничали из-за сбора «лепешек»: «стадо пройдет, телята ходять... день, два пройдет, пойдешь с мешком, собираешь...» [12].

Таким образом, обжитое пространство и окружающий природный ландшафт стали главными источниками системы жизнеобеспечения земледельческого населения и одновременно полем сражения, особенно для детей, и за съедобные растения, и за топливо, и за белковую ренту «кормящего ландшафта» деревни как альтернативу производимому на домашнем подворье животному белку. Так, в годы войны было зафиксировано распределение между подростками кустов с гнездами птиц для сбора яиц. Но наиболее доступным для них источником животного белка стали суслики. В предвоенное и военное время поголовье этих грызунов увеличилось. В войну, по словам респондентов, «суслики спасли деревню». При этом благоприятно сложились все факторы – и их многочисленность, и несложные орудия ловли, и легкость добычи, и качественное диетическое мясо. Автор, опираясь на устные исторические источники, собственно выделил ловлю сусликов в самостоятельный промысел в годы Великой Отечественной войны. Охарактеризованы половозрастные группы участников в соответствии с целями ловли сусликов, установлены временные рамки промысла, его виды, выявлены орудия и способы промысла в разных природно-географических условиях. Кроме того, описаны способы и рецепты введения субпродуктов сусличьего промысла в семейную и колхозную бригадную систему питания и заготовок на зиму [13]. Вот только шкурки сусликов, как установил автор, не нашли широкого применения в силу их непрочности. Они, по шкале меховщиков, занимали одно из последних мест, уступая другим грызунам, в том числе зайцам, белкам. Тем не менее в годы войны суслики, по словам респондентов, стали сырьем для изготовления и зимнего гардероба, особенно детского (шапки, шубки, рукавички), и обуви [10].

Конкурентами за мясо сусликов у детей выступали и хищники, и домашние собаки. Первые являлись сдерживающим фактором «детских промыслов». «А весной-то свиней выгоняли пасть... Околок у нас был, а в околке много корней, а свиньи корни ковыряют. И вот я... пасу этих свиней. А волков было, деточка, ой страсть. И вот однажды... а у нас была собачка черненькая, Жучка... А сусликов было тьма. Такие желтые. Их ели тогда. Они жирные, хорошие... Собачка-то эта бегают и прыгают и сусликов-то и мышей ловит. А я гляжу: “Ой, – говорю, – Жучка к тебе бежит... какой-то Дружок”. Когда я глянула – это не собака, а волк... Вот, ка-ак крикнула! Он от нее [Жучки] прям близко. Может, метров пять, может, шесть. Я как крикнула: “Жучка!”, а Жучка и этот волк – ко мне. Вот, знаете, как я кричала! Тут огороды у нас близко, старики пололи. Как дедушка бежит Малахов Иван Васильевич да кричит: “Нина, не кричи. Нина, не кричи!”. Если бы дедушка не успел, я не знаю бы, кого бы он [съел]» [6. Грачева Нина Федоровна. С. 114].

В заключение необходимо отметить, что исследование культуры жизнеобеспечения земледельческого населения сибирской тыловой деревни при междисциплинарном взаимодействии антропологии и устной истории открыло перспективы для изучения антропологических аспектов жизнедеятельности земледельче-

ского общества в годы войны, связанных с повседневными практиками борьбы с голодом и холодом с опорой на домашнее производство и окружающий ландшафт. Особое место в адаптации к ухудшившимся условиям жизнедеятельности занимали животные, как дикие, так и домашние. За источники «природной ренты» с одними устанавливались отношения симбиоза, с другими – соперничества. Примером борьбы человека за белковую пищу являлось учащение контактов и схваток с волками, которые в условиях сокращения поголовья домашнего и колхозного скота составили прямую конкуренцию человеку. Усугубили ситуацию для человека в годы войны введение жесткого контроля за поголовьем скота с целью выполнения сельским двором высоких военных налогов, а также наказаний за потерю поголовья общественного скота и другие факторы.

Примеры симбиозных отношений наблюдаются по линиям «человек – собака» и «человек – корова». Наряду с охранным и пастушечьим назначением собак стали выращивать для получения шкур. В этом проявлялись адаптационные свойства крестьянского общества, которое в отсутствие домашнего скотоводства и запрета на использование кожевенного сырья, связанного с обязательными натуральными налогами (кожами, овчинами, молоком, яйцами и т.п.), нашло

замену скотских кож и овчин собачьими. Заместительные технологии фиксируются в процессе выделки их шкур на зимний гардероб и обувь. В качестве заместительных технологий выступали и использование домашних животных – КРС и собак – в качестве тяглого и транспортного средства, использование в качестве топлива отходов скотоводческих подворий (в условиях запрета заготавливать дрова для отопления). Окружающая среда выступала и в летнее (выпаса), и в зимнее время (сено) источником пропитания коров.

В прямом смысле и человек питался дарами природы. И не только растительной пищей (дикоросами, ягодами, грибами, плодами), но и животной. Главным источником в летнее время для земледельческого населения Сибири стали суслики; их даже засаливали на зиму. И как показывают исследования, этим их значение не ограничивается. Шкурки использовались для пошива гардероба и обуви, особенно для детей. Как и в случае с коровами (детские мячи из коровьей шерсти), они нашли применение в детских играх и забавах – сусликов использовали как живые игрушки, запрягая в игрушечные тележки. В случае с дикими животными человек выступал в роли потребителя, используя все источники животного белка, и в этой сфере у него тоже обострялись отношения с хищниками за источники белковой пищи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щеглова Т.К. «Человек в истории» и «История в человеке». Возможности и перспективы устной истории // Алтайская деревня в рассказах ее жителей / под науч. ред. Т.К. Щегловой, Л.М. Дмитриевой. Барнаул : Алт. дом печати, 2012. С. 209–219.
2. Щеглова Т.К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны. Научные и методические материалы. Барнаул : АЗБУКА, 2015. 132 с.
3. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015. Краснощекровский район, с. Усть-Козлуха. Харлова Мария Егоровна, 1933 г.р.
4. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015. Краснощекровский район, с. Усть-Козлуха. Харлова Мария Евдокимовна, 1936 г.р.
5. Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ч. 1: Женщина и война. Ч. 2: Дети войны: рукопись // Архивный отдел администрации Романовского района. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.
6. Алтайская деревня в рассказах ее жителей / под науч. ред. Т.К. Щегловой, Л.М. Дмитриевой. Барнаул : Алт. дом печати, 2012. 448 с.
7. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014. Романовский район, п. Майский. Дворянкина Мария Тихоновна, 1933 г.р.
8. Муниципальный архив Чистозерской администрации. Ф. 245. Оп. 1. Д. 3.
9. Война. Время томское. 1945 год // Городской портал tomsk.ru. URL: <http://www.tomsk.ru/news/view/102245>
10. Щеглова Т.К. Система жизнеобеспечения и адаптационные практики сельского населения тыловой деревни Сибири на примере собирательства и ловчих промыслов: новые источники, методы и подходы // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов : сб. ст. / отв. ред. А.Ш. Кабиров. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 379–389.
11. Щеглова Т.К. Культура славянских сообществ Сибири в XX веке: новые подходы и перспективы в научно-исследовательском проекте «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга. Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 3 (9). С. 40–49.
12. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014. Романовский район, с. Гуселегово. Сычева Раиса Дмитриевна, 1927 г.р.
13. Щеглова Т.К. Сусличьи промыслы и система питания колхозной семьи русского населения в годы Великой Отечественной войны: участники, способы, орудия ловли // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2015 г.: этнография, устная история. Вып. 11 : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. Павлодар, 21–22 апреля, 2016 г. Т. 1 / под ред. Т.К. Щегловой, М.А. Демина, И.В. Толпеко, Т.Н. Смагулова, Е.К. Абеуовой. Павлодар : ПГПИ ; Барнаул : АлтГПУ, 2016. С. 152–163.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 ноября 2016 г.

WILD AND DOMESTIC ANIMALS IN THE SURVIVAL STRATEGIES AND ADAPTATION PRACTICES OF THE AGRICULTURAL POPULATION OF THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA IN 1941–1945: ORAL HISTORY ANSWERS TO ANTHROPOLOGICAL CHALLENGES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 167–173.

DOI: 10.17223/15617793/414/26

Tatiana K. Shcheglova, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: tk_altai@mail.ru

Keywords: agricultural society; collective farm family; war; survival strategies; protein food; leather and fur raw materials; wolves; gophers; dogs; cows.

The aim of the research is the traditional life sustaining culture of the agrarian population of Siberia in the conditions of cardinal reorganizations and massive cataclysms of the 20th century from the point of view of interaction between people and wild and domestic animals in the context of survival strategies during the war years after the liquidation of individual farms. The main sources of this research are the materials of field research in the Altai in 1990–2016 with the use of the ethnographic and oral history methods and archive documents (the State Archive of Altai Krai). The author suggests a hypothesis that during the war the state (after defarm-

ing) made local authorities rely on their own sources and natural resources, which returned rural population to the traditions of peasant household. The situation when particular relations between agrarian population and domestic and wild animals are developed is being analyzed. Relations with wolves are considered as an independent research problem. The articles points out the expansion of the hunting area of predators. They approached villages that, with the reduction of livestock, became places of concentration of “protein food”, while the demographic imbalance weakened the settled rural population. The places of struggle between men and predators are brought to light – the manufacturing sector of collective farms with barnyards, pastures and individual farmsteads; the objects of struggle were small size cattle, the implements of struggle were fire, light, loud sounds. It is stated that relations between the human community and wolf packs aggravated in winter when natural resources were limited. It coincided with the ritual activity of the agricultural folk calendar of holidays and made collisions of men and predators more frequent. The second topic was relations of the rural community with dogs, whose number increased in the 1940s. The article describes their use as shepherds of collective farm cattle and watchers at individual farmsteads. The role of dogs as the source of raw materials (skins, wool) with the lack of byproducts of cattle breeding is considered. The article points out the use of dog skin and wool for sewing clothes and headwear. The use of dogs as transport means with homemade carriages, which is not characteristic of settled agrarian population, is also mentioned. Special attention is paid to the role of great cattle (especially cows) in the system of life sustaining of the rear village. It is proved that they were not only the source of protein (milk, but not meat), but the main burden cattle in individual and collective farmsteads, the most important source of fuel (“cow patties” and dung cakes); their skins were used in footwear manufacturing, their wool in game-playing culture for making balls for children. A conclusion is made that the wolf turned into the main competitor of man for the natural rent, but man developed a sort of symbiosis with cows and dogs, their functions in individual and collective households extended; their significance in everyday adaptation practices of the struggle with hunger and cold grew greatly.

REFERENCES

1. Shcheglova, T.K. (2012) “Chelovek v istorii” i “Istoriya v cheloveke”. Vozmozhnosti i perspektivy ustnoy istorii [“Man in history” and “history in man”. Opportunities and prospects of oral history]. In: Shcheglova, T.K. & Dmitrieva, L.M. (eds) *Altayskaya derevnya v rasskazakh ee zhiteley* [Altai village in the stories of its inhabitants]. Barnaul: Alt. dom pečati.
2. Shcheglova, T.K. (2015) *Etnografiya russkogo krest'yanstva yuga Zapadnoy Sibiri v XX stoletii: kul'tura zhizneobespecheniya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Nauchnye i metodicheskie materialy* [Ethnography of the Russian peasantry of the south of Western Siberia in the 20th century: the culture of life support during the Great Patriotic War. Scientific and methodical materials]. Barnaul: AZBUKA.
3. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Local History Laboratory of Altai State Pedagogical University. Fund 1. *Materialy IEE 2015. Krasnoshchekovskiy rayon, s. Ust'-Kozlukha. Kharlova Mariya Egorovna, 1933 g.r.* [Materials of the history and ethnography expedition, 2015. Krasnoshchekovskiy District, v. Ust-Kozluha. Maria Egorovna Kharlova, born in 1933].
4. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Local History Laboratory of Altai State Pedagogical University. Fund 1. *Materialy IEE 2015. Krasnoshchekovskiy rayon, s. Ust'-Kozlukha. Kharlova Mariya Evdokimovna, 1936 g.r.* [Materials of the history and ethnography expedition, 2015. Krasnoshchekovskiy District, v. Ust-Kozluha. Maria Evdokimovna Kharlova, born in 1936].
5. Archive Department of Romanovskiy District Administration. Fund R-67. List 1. File 47. *Sbornik vospominaniy grazhdan Romanovskogo rayona o sobytiyakh Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. Ch. 1: Zhenshchina i voyna. Ch. 2: Deti voyny: rukopis'* [Memoirs of the Romanovskiy district citizens about the events of the Great Patriotic War of 1941–1945. Part 1: Women and War. Part 2: Children of War: manuscript].
6. Shcheglova, T.K. & Dmitrieva, L.M. (eds) (2012) *Altayskaya derevnya v rasskazakh ee zhiteley* [Altai village in the stories of its inhabitants]. Barnaul: Alt. dom pečati.
7. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Local History Laboratory of Altai State Pedagogical University. Fund 1. *Materialy IEE 2014. Romanovskiy rayon, p. Mayskiy. Dvoryankina Mariya Tikhonovna, 1933 g.r.* [Materials of the history and ethnography expedition, 2015. Romanovskiy District, v. Mayskiy. Maria Tikhonovna Dvoryankina, born in 1933].
8. Municipal Archive of Chistoozersk Administration. Fund 245. List 1. File 3. (In Russian).
9. Tomsk.ru. (2015) *Voyna. Vremya tomskoe. 1945 god* [War. Tomsk Time. 1945]. [Online] Available from: <http://www.tomsk.ru/news/view/102245>
10. Shcheglova, T.K. (2015) Sistema zhizneobespecheniya i adaptatsionnye praktiki sel'skogo naseleniya tylovoy derevni Sibiri na primere sobiratel'stva i lovchikh promyslov: novye istochniki, metody i podkhody [The life support system and adaptation practices of the rural population of the rear village in Siberia by an example of gathering and hunting industries: new sources, methods and approaches]. In: Kabiroya, A.Sh. (ed.) *Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 gg. v sud'bah narodov i regionov* [The Great Patriotic War of 1941–1945. in the fate of nations and regions]. Kazan: Sh. Mardzhani Institute of History, RT AS.
11. Shcheglova, T.K. (2015) Culture of Slavonic communities in Siberia in the XX century: new approaches and perspectives of scientific and research project “Culture of sustainment of rural Russian population of the south of Western Europe during the Great Patriotic War: traditions and innovations”. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 3 (9). pp. 40–49. (In Russian).
12. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Local History Laboratory of Altai State Pedagogical University. Fund 1. *Materialy IEE 2014. Romanovskiy rayon, s. Guseletovo. Sycheva Raisa Dmitrievna, 1927 g.r.* [Materials of the history and ethnography expedition, 2015. Romanovskiy District, v. Guseletovo. Raisa Dmitrievna Sycheva, born in 1927].
13. Shcheglova, T.K. (2016) Suslich'i promysly i sistema pitaniya kolkhoznoy sem'i russkogo naseleniya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: uchastniki, sposoby, orudiya lovli [Gopher industry and the system of collective farm Russian families supply during the Great Patriotic War: participants, methods and tools of hunting]. In: Shcheglova, T.G. et al. (eds) *Polevye issledovaniya v Priirtysh'e, Verkhnem Priob'e i na Altae 2015 g.: etnografiya, ustnaya istoriya* [Field studies in the Irtysh, the Upper Ob and the Altai in 2015: ethnography, oral history]. Vol. 11. Pavlodar: Pavlodar State Pedagogical Institute; Barnaul: Altai State Pedagogical University.

Received: 8 November 2016

ПРАВО

УДК 343.98

Т.А. Алексеева

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ОСОБЕННОСТИ УСТНОЙ РЕЧИ ДОПРАШИВАЕМОГО: ЛИЧНОСТЬ ДОПРАШИВАЕМОГО И СИТУАЦИЯ ДОПРОСА

Рассматриваются основные факторы, влияющие на особенности устной речи допрашиваемого: ситуативный и личностный. В качестве стрессовой для человека ситуации анализируется ситуация допроса, характеризующаяся конфликтным состоянием участников. Личностный фактор рассматривается через призму психотипологических особенностей допрашиваемого, его речевой модели поведения. Обозначены особенности допроса с тактико-криминалистической точки зрения и проанализированы типологические подходы к изучению личности допрашиваемого.

Ключевые слова: устная речь; допрос; поведение; личность допрашиваемого; психологический тип.

Традиционно устная речь изучается в рамках фonoскопических исследований, однако анализ особенностей устной речи может производиться не только специалистами и экспертами при производстве экспертизы, но и самим следователем непосредственно в процессе допроса. Опираясь на знания об особенностях устной речи допрашиваемого, следователь может сделать вывод о его эмоциональном состоянии, определить верную тактику допроса с конкретным лицом, чтобы расположить его к даче истинных показаний и, наконец, выявить ложную информацию. Одной из задач, стоящих перед следователем при производстве допроса, является изучение личности допрашиваемого, что возможно также при помощи анализа устной речи и выявления типовой речевой модели лица. Под типовой речевой моделью понимаются сформировавшиеся в течение длительного периода особенности устной речи, обусловленные психическими свойствами личности и наиболее проявляющиеся в состоянии покоя [1. С. 199].

Проблема состоит в том, что существует огромное количество ситуаций, в которых каждый человек будет вести себя и говорить несколько отлично от типовой модели. Естественно, невозможно исследовать и описать речевые особенности каждого человека в рамках всех ситуаций, в которых проявляются особенности устной речи. К тому же неизбежно возникает проблема в определении того, что же повлияло на конечный результат в большей степени: личность человека или обстоятельства, в которых он находился.

Говоря о признаках и особенностях устной речи, необходимо определить те факторы, которые влияют на нее в большей степени. Почему и при каких обстоятельствах люди говорят по-разному? Человек выстраивает свою речь, подбирает определенные слова в зависимости от тех обстоятельств, в которых он находится. Следовательно, первым фактором, влияющим на речь человека, является ситуация, в данном случае мы будем рассматривать ситуацию допроса. Вторым фактором является тип личности человека с его особенностями речевого поведения.

Рассмотрим тактико-криминалистические особенности допроса.

1. Допрос при производстве расследования – это процесс получения показаний от лица, обладающего

сведениями, имеющими значение для расследуемого дела. Это самый распространенный способ получения доказательств и в то же время одно из самых сложных следственных действий, его производство требует от следователя высокой общей и профессиональной культуры, глубокого знания психологии людей, мастерского владения тактико-криминалистическими приемами допроса. Сложность допроса заключается не только в том, что следователю в ряде случаев противостоит человек, не желающий говорить правду и даже вообще не желающий давать показания, но и в том, что в показаниях человека, искренне стремящегося сообщить все известное ему по делу, могут быть ошибки и искажения, заблуждения и вымысел, которые надлежит своевременно обнаружить и учесть при оценке и использовании показаний.

Допрос представляет собой процесс передачи следователю допрашиваемым информации о событии или связанных с ним обстоятельствах и лицах. Эта информация поступает к допрашиваемому в момент восприятия им тех или иных явлений или предметов, запоминается им и затем при допросе воспроизводится и передается следователю. Процесс формирования показаний – от восприятия до передачи информации – носит психологический характер, на всем его протяжении на психику человека влияют многочисленные объективные и субъективные факторы, действие которых в конечном счете, отражается, так или иначе, на полноте и объективности показаний [2. С. 167]. Готовясь к допросу, собирая сведения о личности допрашиваемого, следователь должен уделить внимание установлению психологического портрета человека, с которым предстоит общение в ходе допроса [3. С. 117]. Это позволит ему разобраться в поведении допрашиваемого, определить оптимальную линию поведения; избрать тактические приемы, которые помогут установить мотивы, цели, причину преступления, наличие или отсутствие вины; устранить факторы, мешающие допрашиваемому рассказать правду.

2. Допрос характеризуется конфликтным характером и состоянием стресса. Даже добросовестный допрашиваемый чувствует волнение от того, что ему придется пройти процедуру допроса, что ему не поверят, поэтому он заранее готовится к тому, что следователь будет вести себя агрессивно, подавлять его,

хотя это в большинстве случаев и не соответствует действительности. В случае допроса конфликт следует рассматривать как психологический процесс, в ходе которого стороны стремятся добиться результата, характеризующегося противоположными интересами и мотивами участия.

В условиях конфликтной ситуации С.К. Питерцев и А.А. Степанов рекомендуют использовать следующие тактические приемы: предъявление доказательств; доверительная беседа; снятие напряженности; использование положительных качеств личности допрашиваемого; пресечение лжи; выжидание; допущение легенды; внезапность вопроса или предъявление вещественного доказательства; отвлечение внимания; использование принципа инерции при переходе от правдивых воспоминаний на отвлеченную тему к предмету допроса; использование слабых мест личности допрашиваемого; повторение допроса; демонстрация возможностей следователя; создание у допрашиваемого преувеличенного представления об осведомленности следователя [4. С. 46–75].

Важно отметить, что существует необходимость научной (психологической, криминалистической) разработки средств, приемов и методов действий следователя в конфликтной ситуации. Основными направлениями таких исследований могут быть: 1) разработка методики анализа конфликтных ситуаций и принятия процессуальных и тактических решений; 2) разработка средств и методов воздействия на конфликтную ситуацию с целью изменения ее в благоприятную для следствия сторону; 3) разработка приемов и методов управляющих воздействий на допрашиваемое лицо с целью получения наибольшего преимущества следователем [5. С. 84–85].

Е.И. Замылин отмечает, что восстановление эмоционального состояния допрашиваемого является одним из условий результативности допроса и применения методов психологического воздействия. Правомерное воздействие окажется эффективным, если будут созданы условия, при которых допрашиваемый сам не желал бы, чтобы на него воздействовали. В противном случае могут наступить смысловые и эмоциональные барьеры. Причина возникновения смыслового барьера – разговор со следователем на разных уровнях понимания. Эмоциональный барьер – такое состояние, когда допрашиваемого невозможно убедить никакими логическими доводами [6. С. 32].

3. Допрос требует от следователя осуществления определенного анализа информации, полученной при производстве рассматриваемого следственного действия. Подобный анализ целесообразно реализовывать в контексте конкретных стадий коммуникативного следственного действия. Каждая стадия допроса имеет свои особенности, которыми определяется раскрытие внешних и внутренних (психологических) факторов.

Согласимся с выделением следующих стадий допроса:

- 1) вводная (подготовительная) стадия – это аналитическая часть допроса;
- 2) стадия свободного рассказа;
- 3) стадия уточняющих вопросов;
- 4) стадия дополнительных вопросов [7. С. 160–182].

Говоря о значимости каждой из указанных стадий, нельзя однозначно утверждать о главенствующей роли одной из них. Дополнительное внимание и важность конкретной стадии допроса зависят как от типа допрашиваемого (добросовестный, недобросовестный, несовершеннолетний), особенностей его личности, так и от следственной ситуации.

Первая, вводная, стадия допроса необходима для получения биографических сведений от допрашиваемого лица, но это только внешняя сторона. Подтекстом указанного этапа допроса, его внутренним содержанием, является определение собеседниками линии своего дальнейшего поведения по отношению друг к другу. На этом этапе определяются такие общие параметры беседы, как ее темп, ритм, уровень напряженности, основные состояния собеседников и основные аргументы, которыми они будут убеждать друг друга в своей правоте. Кроме того, эта стадия не исключает выяснения дополнительных сведений о личности допрашиваемого до непосредственного проведения допроса, с тем чтобы определить особенности психологического типа допрашиваемого и предположить его речевое поведение.

Во второй стадии допроса следователь получает от допрашиваемого основную информацию, необходимую для расследования и раскрытия преступления, при условии правильной ее организации и благодаря тактическим приемам, основанным на глубоко индивидуальном подходе к личности допрашиваемого. Стадия свободного рассказа предоставляет широкие возможности для анализа следователем речи лица, дающего показания. В основе допроса лежат личное восприятие человеком каких-либо обстоятельств уголовного дела и последующая их передача следователю. В условиях тактической свободы выбора допрос по существу дела целесообразно начинать предложением допрашиваемому лицу рассказать все ему известное об обстоятельствах, подлежащих доказыванию. В ходе свободного рассказа нередко удается получить важные сведения благодаря умению следователя выслушать допрашиваемого [8. С. 132–137].

При эффективной подготовке следователь к началу стадии свободного рассказа уже должен иметь представление об особенностях личности допрашиваемого, в том числе и признаках речи, указывающих на ложь. Одним из эффективных тактических приемов этой стадии является выяснение обстоятельств преступного события у лица, не желающего давать показания. Суть его состоит в следующем: человек не хочет говорить о преступлении, поэтому он говорит о себе. Задача следователя повести допрос последовательно в три этапа: 1) разговор о человеке; 2) разговор об отношении человека к преступному событию; 3) разговор о преступном событии [7. С. 165–173].

Кроме того, стадия свободного рассказа является наиболее оптимальной для использования методики анализа утверждений [9]. Для эффективного ее применения достаточно выслушать допрашиваемого, не перебивая его, и соотнести объем рассказанной информации до преступного события, во время совершения преступного события и после. Значительное сокращение объема одной из частей рассказа говорит

об утаивании или сообщении ложной информации. Важно предоставить возможность допрашиваемому рассказать все, что он считает нужным, не перебивая его, чтобы получить точную информацию не только о самом преступном событии, но и о личности допрашиваемого, отследить его речевые особенности и их изменения.

На третьей стадии допроса всю полученную информацию следователь сопоставляет с уже имеющейся в деле, а затем приступает к уточнению всех неточностей. Основная сложность получения показаний здесь состоит в том, чтобы отличить заведомую ложь от фантазии свидетеля, отделить достоверные показания от вымышленных. В этой ситуации от следователя требуется умение формулировать и задавать допрашиваемому контрольные и уточняющие вопросы [10. С. 59–61].

Четвертая стадия предполагает активный допрос лица, дающего показания, путем выяснения с помощью дополнительных вопросов обстоятельств преступления, о которых допрашиваемый умалчал.

Опытные следователи варьируют свои модели поведения в процессе коммуникативных следственных действий, применяя те или иные тактические приемы в зависимости от особенностей личности допрашиваемого и особенностей своего характера, темперамента, поэтому наиболее эффективное воздействие при производстве допроса – это индивидуальное воздействие, которое можно осуществить в рамках типологического подхода. Учитывая допрос как специфическую ситуацию и личность допрашиваемого, необходимо разработать ряд индивидуальных тактических приемов, исходя из психологического типа допрашиваемого, что конкретизирует выбор тактического приема и повысит его эффективность.

4. Трактовка содержания допроса как взаимодействия следователя и допрашиваемого указывает, что допрос – не пассивное получение информации, имеющей значение для дела, а активная деятельность участвующих в нем лиц. Характер взаимодействия в ходе допроса связан с поведением допрашиваемого. Свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый не остаются безразличными к содержанию того, что они сообщают. При этом лицо, как правило, желает сохранить, отстоять заранее избранную им позицию. Результат допроса зависит не только от допрашиваемого, но и от того, кто допрашивает. Для того чтобы во время допроса добиться результатов, следователь должен найти психологический подход к допрашиваемому, выбрать наилучшую форму общения.

Психологический контакт представляет собой взаимодействие следователя и лица, дающего показания, целью которого является получение интересующей следователя информации при помощи анализа как речи, так и мимики, жестов. Установление психологического контакта – это длительный процесс, подготовка к которому начинается на стадии коммуникативных следственных действий с определения личностных особенностей лица, дающего показания.

Сложность установления контакта усугубляется тем, что допрос рассматривают как своеобразный поединок со следователем, победив в котором допраши-

ваемые надеются либо полностью уйти от предусмотренной для них уголовной ответственности, либо в какой-то мере смягчить свою ответственность. Следователь же зачастую старается на первоначальном допросе достичь максимально возможного результата, что не всегда возможно и логически не следует из сложившейся следственной ситуации [11. С. 131–138].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для наиболее эффективного применения тактических приемов при производстве допроса в целом и для установления психологического контакта в частности необходим индивидуальный подход, т.е. сами тактические приемы должны быть скорректированы в зависимости от личностных качеств, психологического типа допрашиваемого. Подобная конкретизация приведет к совершенствованию способов проведения допроса, усилению тактического воздействия со стороны следователя на допрашиваемое лицо и, следовательно, увеличению вероятности того, что выбранный тактический прием подействует.

Как уже было отмечено, при подготовке к допросу необходимо изучить личность допрашиваемого лица. Анализ литературы и практики показывает, что в качестве основных источников получения информации о личности допрашиваемого называются материалы уголовного дела, личное дело допрашиваемого, результаты бесед с его коллегами и т.д. Наряду с указанными сведениями для тактики допроса могут оказаться полезными и сведения о характере, темпераменте, наклонностях, привычках, физических и психических недостатках, особенностях поведения. К особенностям поведения относятся и особенности устной речи преступника, которые следователь может выяснить посредством общения с ним, как в процессе допроса, так и во время неформального разговора. Результаты анализа символического значения слов допрашиваемого и определение в дальнейшем его психологического типа будут являться одним из источников информации о личности преступника [12].

Вопрос о психологии допрашиваемого является не только специальным (в том смысле, что требует использования специальных психологических познаний), но и исключительно важным в аспекте подготовки к допросу, определения предстоящей линии поведения, выбора адекватных тактических приемов и т.д. Учитывая это, следователю необходимо разбираться в психологических личностных особенностях допрашиваемого.

Особенностью криминалистического изучения личности является то, что в ходе проведения следственных и иных процессуальных действий зачастую одновременно применяются различные методы изучения личности, использование которых допускается условиями данного действия. Так, например, допрос по своей сути представляет разновидность такого известного в общей и судебной психологии метода изучения, как беседа. В ходе беседы имеются возможности выяснить достаточно широкий круг сведений о личности любого собеседника, тем более допрашиваемого лица, а особенно обвиняемого. Так, можно составить представление об уровне его интеллектуального развития, профессиональных знаниях, отноше-

нии к другим людям, в том числе и к соучастникам преступления, если таковые имеются, о его мировоззрении, понимании правовых и нравственных норм, отношении к религии и морали, способности давать оценки своим действиям и поступкам, правдивости или лживости человека. Беседа позволяет узнать психологические и характерологические качества личности, его темперамент, составить представление о волевых качествах и эмоциональном состоянии [13. С. 238–239].

Взятые следователем на вооружение прикладные психологические методики могут служить той опорной базой, на основе которой им производится оценка степени выраженности тех или иных личностных черт и особенностей находящегося перед ним субъекта. В частности, в процессе беседы на отвлеченные темы, предлагаемой в тактике допроса с целью знакомства с допрашиваемым и установлением с ним психологического контакта, следует включать вопросы, действия, реакция на которые свидетельствует о типе темперамента. Например, общаясь с человеком, следует обращать внимание:

- на легкость возникновения волнения (холерики, меланхолики), страха (меланхолики); или подобные реакции наблюдаются при действии сильного раздражителя (флегматики, сангвиники);

- длительность возникающих чувств и переживаний (меланхолики, флегматики) или их кратковременный характер (холерики и сангвиники); легкость переключения с одной темы (вопроса) разговора на другую (сангвиники и холерики);

- темп речи, экспрессивность движений и мимики (быстрый темп, эмоциональность высказываний, богатая мимика характерны для сангвиников и холериков; замедленность речи, сдержанность эмоциональных проявлений отличают флегматиков и меланхоликов) и т.д. [14. С. 104].

На этапе планирования проведения допроса следователю следует определиться в таком вопросе, как стиль общения с лицом – темп коммуникации, степень доминирования, вербальные и невербальные особенности общения. Следователю следует полагаться на результаты наблюдений за допрашиваемым лицом и собственный опыт общения. Кроме того, представляется, что результаты наблюдений следователя за допрашиваемым более подходят для решения тактических задач допроса, так как во время общения следователь, как и любой человек, соотносит свое поведение с реакцией другой стороны, участвующей в общении, и определяет возможные для себя способы воздействия на нее. Следовательно, дать однозначные рекомендации по ведению допроса, установлению психологического контакта, воздействию на допрашиваемого, приемлемые для всех и каждого, практически невозможно вследствие большой вариативности свойств человеческой личности. Однако так как в поведении людей прослеживаются определенные закономерности, позволяющие строить типологии личности, то можно дать общие рекомендации по основным направлениям воздействия на проверяемого того или иного типа, которые помогут следователю в определении, выборе решения.

В связи с вышеизложенным предлагается строить тактику производства допроса на базе оптимальной

для расследования психологической типологии, отражающей внешние проявления психологических свойств личности [15. С. 101–104].

Оптимальность также предполагает доступность для понимания следователя, простоту использования на практике, возможность для самостоятельного анализа и получения выводов на основе имеющейся информации о допрашиваемом.

Работа над получением сведений о характере и психологических особенностях личности допрашиваемого должна вестись на основе определенной системы, позволяющей упорядочить информацию, получаемую следователем в ходе расследования уголовного дела. Как в криминалистике в целом, так и в криминалистической тактике в частности одним из аспектов изучения личности участников уголовного процесса является типология. Необходимость типологии как познавательного приема очевидна: она позволяет вычленить и исследовать психологические особенности, обуславливающие в свою очередь особенности в поведении лиц, относящихся к определенному типу, в целях построения тактики того или иного следственного действия, проводимого с участием данного лица [Там же. С. 129].

Единой общепризнанной собственно криминалистической типологии личности на сегодняшний день не существует, хотя в последние годы и предпринимаются попытки ее создания. По этой причине в криминалистике широко применяются типологии, разработанные и применяемые в других целях науками о человеке.

Ученые выделяют различные типологические подходы в зависимости от целей исследования. Так, например, коллектив авторов во главе с Е.П. Ищенко [16] рассматривает использование акцентуаций характера личности преступников в методике расследования преступлений. Л.Ю. Кирюшина [17] в своей работе основывается на делении допрашиваемых по половому признаку. Л.И. Полтавцева [18] применяет типологический подход, описывая психологические основы производства отдельных следственных действий. Коллектив авторов во главе с С.Э. Ворониным [19] использует типологический подход для характеристики личности организатора преступного сообщества.

Использование типологического подхода в криминалистике также было описано в диссертационных исследованиях томских криминалистов: И.В. Чадновой [15], И.Т. Кривошеина [20], Р.Л. Ахмедшина [21], Д.А. Мезинова [22], И.И. Тазина [23].

Большую известность и широкое применение, в том числе и в криминалистике, получила типология, предложенная К.Г. Юнгом [24]. Преимущества указанной типологии в том, что в ее основу положен такой критерий, как направленность сознания. Это позволяет определить особенности восприятия и обработки информации, поступающей из внешнего мира, особенности поведения, прогнозируемость поступков и действий человека.

Люди с доминирующей направленностью интереса к внешнему миру, непосредственно самому объекту (другим людям, предметам) характеризуются экстравертной установкой, люди с доминирующей направленностью интереса к своему внутреннему ми-

ру, свойству объекта (к своим чувствам, мыслям, предчувствиям) – интровертной установкой.

Недостатком типологии К.Г. Юнга, с точки зрения использования ее при допросе, является ограниченный выбор, т.е. следователь может опираться в своих наблюдениях только на два типа личности: экстравертный и интровертный. На взгляд автора, использование всего двух типов личности недостаточно, так как оно не сможет передать многообразие ситуаций, с которыми следователь сталкивается при производстве допроса. В то же время криминалистические исследования, основанные на большом количестве типов личности (от 16 и более), будут слишком сложны для использования следователями в своей работе.

И.Т. Кривошеин [25] в своей монографии «Теоретические и прикладные проблемы допроса обвиняемого» выделяет два основных типа личности допрашиваемого: интеллектуально-волевой и интеллектуально-эмоциональный.

Достоинством указанного типологического подхода является его простота. Следователь, руководствуясь указанной типологией, без особых затруднений сможет отнести допрашиваемого к одному из типов и выстроить линию проведения допроса.

Недостатком является то, что деление типов допрашиваемых только по двум основаниям допускает некоторую ограниченность следователя в соотношении допрашиваемого лица с предложенными типами и не в полной мере отображает многообразие свойств личности допрашиваемого.

Р.Л. Ахмедшин [21] предложил авторскую структуру криминалистической характеристики личности преступника, в которой выделены следующие элементы:

- личностный уровень ценности преступника (что представляет интерес для человека во внешнем мире);
- личностный уровень отношений преступника (чем руководствуется человек для достижения своего интереса);
- личностный уровень притязаний преступника (как реализует человек свой интерес).

Достоинством подхода является максимальная индивидуализация, т.е. проведение допроса основывается на уникальности личности допрашиваемого, а тактические приемы подбираются к каждому допрашиваемому отдельно, что повышает их эффективность.

Недостатками подхода являются его чрезмерная индивидуалистичность механизма воздействия, отсутствие типовых подходов к личности допрашиваемого.

Автором статьи для изучения личности допрашиваемого предлагается использовать типологическую классификацию акцентуированных психологических типов К. Леонгарда [26]. Акцентуация – это свойство характера личности, которое развито в чрезмерной степени. Опираясь на экстравертные и интровертные типы и развивая типологический подход К.Г. Юнга и К. Леонгарда, можно выделить пять экстравертных и пять интровертных психологических типов: эпилептоид, гипертим, застревающий, циклоид, истероид, параноид, сензитив, гипотим, шизоид, конформный.

Недостатком подхода, основанного на акцентуированных типах, является его ограниченность, в то же время достоинство указанной типологии состоит в ее

доступности как начинающему, так и опытному следователю. Каждый психологический тип характеризуется своими уникальными особенностями поведения и речи, которые легко можно идентифицировать в процессе беседы и последующих допросах.

Тем не менее в последнее время в криминалистической науке появляются работы, основанные на типологическом подходе акцентуированных личностей, предложенном К. Леонгардом. Рассматриваемый подход оптимален для использования в области криминалистики, так как:

- 1) применяется в криминалистических исследованиях, в том числе смежных с наукой о человеке;
- 2) имеет практическую направленность;
- 3) ввиду выделения небольшого количества психологических типов (десять) доступен для освоения лицами, не имеющими психологического образования;
- 4) имеется достаточное количество криминологических исследований личности преступника, использующих типологический подход [27].

Акцентуации характера включают в себя психологические, социально-психологические и физиологические качества, проявляющиеся непосредственно в характере, а также в деятельности, в том числе и преступной. Для криминалистики важно, что крайние формы акцентуации характеров реализуются в противоправных действиях и зачастую становятся препятствием адаптации человека в окружающей среде. В этом случае огромную роль играют слабые места у акцентуированных личностей, определяющие их мотивацию и способ действий [16. С. 240].

Использование типологии акцентуированных личностей практическими работниками правоохранительных органов при производстве допроса позволит повысить его результативность. Имея представление об особенностях речи каждого психологического типа, следователь сможет соотнести их с речью допрашиваемого лица, следовательно, правильно выбрать тактику допроса и дальнейшего поведения при производстве следственных действий, а также выяснить достоверность полученной в ходе рассматриваемого следственного действия информации. Типологический подход достаточно широко представлен в исследованиях ученых-криминалистов, в том числе и томской школы, что говорит о преемственности исследований и системном подходе к изучению личности допрашиваемого лица.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. При расследовании преступлений одним из наиболее важных источников информации по делу являются устные показания допрашиваемых лиц, а одним из распространенных коммуникативных следственных является допрос, в процессе которого следователь получает не только информацию о расследуемом преступлении, но и о личности допрашиваемого.

2. Устная речь является одним из навыков человека и обладает следующими криминалистически значимыми свойствами: универсальность, автоматизированность, индивидуальность и относительная наглядность. Указанные свойства позволяют проанализировать особенности устной речи допрашиваемого лица.

3. Факторами, влияющими на особенности устной речи, являются допрос как стрессовая ситуация и личность допрашиваемого. В процессе допроса важно найти индивидуальный подход к каждому допрашиваемому, что возможно при помощи типологического подхода.

4. Одной из тенденций в криминалистической тактике является индивидуализация тактического

приема. Типологический подход позволяет не только определить типовую речевую модель допрашиваемого, но и на этом основании сделать вывод о типовых свойствах личности допрашиваемого с тем, чтобы детализировать тактические приемы и провести индивидуальное правомерное воздействие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Т.А., Ахмедшин Р.Л., Юань В.Л. Полнотруктурная модель механизма отражения личности в следах преступления // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 197–203.
2. Коновалова В.Е. Психология в расследовании преступлений. Харьков, 1978.
3. Тямкин А.В., Цыкова Г.Е. Тактические приемы разоблачения ложных показаний при допросе // Вестник Воронежского института МВД России. Воронеж, 2012.
4. Питерцев С.К., Степанов А.А. Тактика допроса на предварительном следствии. СПб., 2001.
5. Баев О.Я. Конфликтные ситуации на предварительном следствии (Основы предупреждения и разрешения). Воронеж, 1984.
6. Замылин Е.И. Тактико-психологические основы допроса в конфликтной ситуации : учеб. пособие. Волгоград, 1998.
7. Ахмедшин Р.Л. Юридическая психология : курс лекций. Томск, 2011.
8. Семенцов В.А. Новое следственное действие – проверка показаний на полиграфе // Российский юридический журнал. Екатеринбург, 2010. С. 132–137.
9. Susan H., Adams M.A. Statement Analysis: What Do Suspects' Words Really Reveal? // FBI Law Enforcement Bulletin. October. 1996. P. 12–20.
10. Корчагин А.Ю. О тактике допроса подсудимого, потерпевшего и свидетелей в суде // Российская юстиция. 2007. № 4. С. 59–61.
11. Князьков А.С. Общие тактико-криминалистические положения: понятие и содержание // Сибирский юридический вестник. 2010. № 3. С. 131–138.
12. Алексеева Т.А. Криминалистическая характеристика содержательности как структурного элемента устной речи // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2014. № 378. С. 159–161.
13. Ведерников Н.Т. Избранные труды. Томск, 2009. Т. 1.
14. Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого. Томск, 1978.
15. Чаднова И.В. Проверка и уточнение показаний на месте : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003.
16. Криминалистика : учеб. / под ред. Е.П. Ищенко. М., 2000.
17. Кирюшина Л.Ю. Личность женщины в механизме преступления и её значение для криминалистической методики расследования преступлений отдельного вида : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007.
18. Полтавцева Л.И. Интеграция достижений психологии в криминалистику : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2003.
19. Воронин С.Э., Воронина Е.С., Железняков А.М. Организация преступного сообщества: уголовно-правовые и криминалистические аспекты. Красноярск, 2015.
20. Кривошеин И.Т. Криминалистическая характеристика личности обвиняемого и тактика его допроса : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1991.
21. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006.
22. Мезинов Д.А. Преступная мотивация как объект познания в криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999.
23. Тазин И.И. Криминалистическая характеристика мотивационно-смысловой сферы личности преступника : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006.
24. Юнг К.Г. Психологические типы. М., 1997.
25. Кривошеин И.Т. Теоретические и прикладные проблемы допроса обвиняемого. Томск, 2001.
26. Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов н/Д : Феникс, 2000.
27. Ахмедшин Р.Л., Алексеева Т.А. Проблемы криминалистической типологизации личности // Алтайский юридический вестник. 2014. № 3 (7). С. 91–93.

Статья представлена научной редакцией «Право» 6 ноября 2016 г.

FACTORS DETERMINING THE FEATURES OF THE ORAL SPEECH OF THE INTERROGATED: THE IDENTITY OF THE INTERROGATED AND THE SITUATION OF INTERROGATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 174–180.

DOI: 10.17223/15617793/414/27

Tatyana A. Alekseeva, Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tan-yaalek@yandex.ru

Keyword: oral speech; interrogation; behavior; personality of the interrogated; psychological type.

One of the challenges the investigator faces in the production of interrogation is the study of the individual being interrogated and establishing psychological contact with them. The article indicates two main factors that determine the characteristics of the testimony of the interrogated: the personality of the interrogated and the situation of interrogation. Interrogation is characterized by conflict and stress by nature. Even diligent persons feels anxiety during interrogation as they will have to answer questions, they prepare for the fact that the investigator will suppress their will, although this is not true. In this regard, it is important for the investigator to know the features of the speech of an interrogated person; its analysis will help determine the typological features of the person. The author considers tactical and forensic features of interrogation. They include the complexity of interrogation as a process of obtaining the testimony of a person having information relevant to the case under investigation; the conflict nature of interrogation; the need for the production of the considered communicative investigative action within certain stages; the active nature of interrogation. The article focuses on the specifics of the approach to the interrogated person as an object of forensic investigation, the need for a typological approach in the production of interrogation. The main approach to the study of the speech of the interrogated became that of orientation of the person by Jung and that of accented personalities by K. Leonhard. The need to use the typological approach is conditioned by the fact that during interrogation, in order to increase its effectiveness, the investigator must obtain information about the psychological traits that characterize the behavior of the person being interrogated to personalize the establishment of a psychological

contact and predict the future behavior of the interrogated. Using the typology of accented personalities by practitioners of law enforcement agencies during interrogation will improve its effectiveness. Having an idea about the features of speech of each psychological type, the investigator will be able to compare them with the speech of the interrogated person and, therefore, choose the right tactics for further interrogation and behavior during investigative actions, as well as ensure the accuracy of information obtained in the course of the investigative action. The typological approach is widely represented in the study of forensic scientists, including the Tomsk school, indicating the continuity of research and a systematic approach to the study of the personality of the interrogated person.

REFERENCES

1. Alekseeva, T.A., Akhmedshin, R.L. & Yuan', V.L. (2015) A full-structured model of the personality reflection mechanism in the traces of a crime. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 397. pp. 197–203. (In Russian).
2. Konovalova, V.E. (1978) *Psikhologiya v rassledovanii prestupleniy* [Psychology in the investigation of crimes]. Kharkov: Vishcha shkola.
3. Tyamkin, A.V. & Tsykova, G.E. (2012) Tactical methods of the false testimony unmasking at interrogation. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*. 2. (In Russian).
4. Pitertsev, S.K. & Stepanov, A.A. (2001) *Taktika doprosa na predvaritel'nom sledstvii* [Interrogation tactics during the preliminary investigation]. St. Petersburg: Piter.
5. Baev, O.Ya. (1984) *Konfliktnye situatsii na predvaritel'nom sledstvii (Osnovy preduprezhdeniya i razresheniya)* [Conflict situations in the preliminary investigation (Fundamentals of prevention and resolution)]. Voronezh: Voronezh State University.
6. Zamylin, E.I. (1998) *Taktiko-psikhologicheskie osnovy doprosa v konfliktnoy situatsii* [Tactical and psychological bases of interrogation in a conflict situation]. Volgograd: Volgograd Juridical Institute of the Russian Interior Ministry.
7. Akhmedshin, R.L. (2011) *Yuridicheskaya psikhologiya: kurs lektsiy* [Legal psychology: a course of lectures]. Tomsk: El' Kontent.
8. Sementsov, V.A. (2010) New investigation activity – examination of evidence using polygraph. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 5. pp. 132–137. (In Russian).
9. Susan, H. & Adams, M.A. (1996) Statement Analysis: What Do Suspects' Words Really Reveal? *FBI Law Enforcement Bulletin*. October. pp. 12–20.
10. Korchagin, A.Yu. (2007) O taktike doprosa podsudimogo, poterpevshego i svideteley v sude [On the tactics of the interrogation of the defendant, victim and witnesses in court]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 4. pp. 59–61.
11. Knyaz'kov, A.S. (2010) General Tactical Criminalistical Regulations: Concept and Content *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*. 3. pp. 131–138. (In Russian).
12. Alekseeva, T.A. (2014) The criminalistic description of richness of content as a structural element of speech. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 378. pp. 159–161. (In Russian).
13. Vedernikov, N.T. (2009) *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
14. Vedernikov, N.T. (1978) *Lichnost' obvinyaemogo i podsudimogo* [The personality of the accused and the defendant]. Tomsk: Tomsk State University.
15. Chadnova, I.V. (2003) *Proverka i utochnenie pokazaniy na meste* [Check and specification of testimony at the site]. Law Cand. Diss. Tomsk.
16. Ishchenko, E.P. (ed.) (2000) *Kriminalistika* [Criminal law science]. Moscow: Yurist'.
17. Kiryushina, L.Yu. (2007) *Lichnost' zhenshchiny v mekhanizme prestupleniya i ee znachenie dlya kriminalisticheskoy metodiki rassledovaniya prestupleniy ot del'nogo vida* [Personality of the woman in the mechanism of a crime and its importance for the forensic techniques of investigation of crimes of a separate kind]. Abstract of Law Cand. Diss. Barnaul.
18. Poltavtseva, L.I. (2003) *Integratsiya dostizheniy psikhologii v kriminalistiku* [Integrating psychology advances in criminology]. Law Dr. Diss. Volgograd.
19. Voronin, S.E., Voronina, E.S. & Zheleznyakov, A.M. (2015) *Organizatsiya prestupnogo soobshchestva: ugolovno-pravovye i kriminalisticheskie aspekty* [Organization of a criminal community: the criminal legal and forensic aspects]. Krasnoyarsk: Siberian Institute of Business, Management and Psychology.
20. Krivoshein, I.T. (1991) *Kriminalisticheskaya kharakteristika lichnosti obvinyaemogo i taktika ego doprosa* [Forensic characterization of accused persons and their interrogation tactics]. Law Cand. Diss. Tomsk.
21. Akhmedshin, R.L. (2006) *Kriminalisticheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika* [Forensic characterization of criminal's personality]. Law Dr. Diss. Tomsk.
22. Mezinov, D.A. (1999) *Prestupnaya motivatsiya kak ob'ekt poznaniya v kriminalistike* [Criminal motivation as an object of knowledge in criminal law science]. Law Cand. Diss. Tomsk.
23. Tazin, I.I. (2006) *Kriminalisticheskaya kharakteristika motivatsionno-smyslovoy sfery lichnosti prestupnika* [Forensic characterization of the motivational-semantic sphere of the personality of the criminal]. Law Cand. Diss. Tomsk.
24. Yung, C.G. (1997) *Psikhologicheskie tipy* [Psychological types]. Translated from English. Moscow: AST.
25. Krivoshein, I.T. (2001) *Teoreticheskie i prikladnye problemy doprosa obvinyaemogo* [Theoretical and applied problems of interrogation of the accused]. Tomsk: Tomsk State University.
26. Leonhard, K. (2000) *Aksentuirovannye lichnosti* [Accented personalities]. Rostov-on-Don: Feniks.
27. Akhmedshin, R.L. & Alekseeva, T.A. (2014) Problemy kriminalisticheskoy tipologizatsii lichnosti [Problems of criminological typology of personality]. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik*. 3 (7). pp. 91–93.

Received: 06 November 2016

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В РАССМОТРЕНИИ СУДОМ ЕГО ЗАЯВЛЕНИЯ ОБ ОБРАЩЕНИИ ИМУЩЕСТВА В ДОХОД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК СРЕДСТВО ПРЕСЕЧЕНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ

Исследованы проблемы противодействия прокуратуры России коррупционным правонарушениям в сфере государственной (муниципальной) службы в виде приобретения служащим имущества на незаконные доходы путем обращения в суд с иском об обращении этого имущества в доход государства. Выявлены особенности подготовки заявлений в суд, доказывания незаконности приобретения имущества, сохранности имущества до момента исполнения решения суда. Сделан вывод о том, что инициирование прокурором рассмотрения дела позволяет пресечь указанные нарушения коррупционного характера, а также способствует эффективному предупреждению аналогичных правонарушений в будущем.

Ключевые слова: прокурор; коррупционные правонарушения; государственная (муниципальная) служба; заявление в суд; доказывание; обращение имущества в доход Российской Федерации.

В настоящее время в мире одной из наиболее злободневных проблем является проблема коррупции. Особое значение борьба с коррупцией приобретает для восстановления законности в сфере государственной (муниципальной) службы.

Одними из важнейших направлений этой деятельности являются контроль за доходами, расходами и обязательствами имущественного характера служащих и принятие мер в случае выявления нарушений требований законодательства.

Так, в Республике Беларусь для усиления контроля за расходами должностных лиц законодательно сформирован перечень сведений о доходах и имуществе, подлежащих декларированию. Предусмотрены иные механизмы, которые предоставляют возможность ежегодно контролировать состояние активов должностных лиц, а в случае их внезапного увеличения – обеспечить реальную возможность проверки пояснений об источниках доходов. Это обязанность давать пояснения об источниках доходов, декларировать сведения о долях в уставных фондах и акциях хозяйственных товариществ и обществ независимо от их стоимости. Также национальное законодательство содержит гражданско-правовой механизм изъятия по решению суда имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы. Активная роль принадлежит прокурору [1].

Прокуратурой Республики Казахстан на постоянной основе проводится антикоррупционный мониторинг, в том числе своевременности предоставления налоговой отчетности государственными служащими в соответствии со ст. 11 Закона Республики Казахстан «О противодействии коррупции» в целях осуществления финансового контроля [2]. На основании ч. 1 ст. 25 указанного Закона в случаях отказа добровольно сдать незаконно полученное имущество или оплатить государству его стоимость или стоимость незаконно полученных услуг в результате коррупционных правонарушений их взыскание осуществляется на основании решения суда, вступившего в законную силу, по иску прокурора, органов государственных доходов либо других государственных органов и должностных лиц, уполномоченных на это законом. Указанные органы до вынесения судом решения при-

нимают меры по сохранности имущества, принадлежащего правонарушителю. Согласно ч. 1 ст. 26 названного Закона сделки, договоры, совершенные в результате коррупционных правонарушений, признаются судом недействительными по иску прокурора, уполномоченных государственных органов, заинтересованных лиц.

В Российской Федерации в силу п. 4 ст. 6 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [3] лица, занимающие определенные должности либо претендующие на должности государственной (муниципальной) службы, обязаны представлять сведения о доходах, расходах и обязательствах имущественного характера не только в отношении себя, но и в отношении супруга и несовершеннолетних детей в порядке, предусмотренном ст. 8.1 данного Закона.

Особым случаем является предусмотренное Федеральным законом от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [4] в подпункте «ж» п. 1 ч. 1 ст. 2, ч. 1 ст. 3 превышение общей суммы сделок по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), совершенных служащим, его супругом и (или) несовершеннолетними детьми в течение календарного года, предшествующего году представления сведений, над общим доходом служащего и его супруга за три последних года, предшествующих отчетному периоду. В такой ситуации служащий обязан в установленные сроки предоставлять сведения о доходах и расходах своих, супруга и несовершеннолетних детей по каждой сделке и об источниках получения средств, за счет которых совершены эти сделки.

Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ в ч. 1 ст. 16 квалифицирует неисполнение данной обязанности в качестве правонарушения.

Кроме этого, Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ в п. 4 ст. 6 определяет как правонарушение представление служащим недостоверной информации о своих доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а также представления заведомо ложных сведений о доходах, расходах,

об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруга и несовершеннолетних детей.

Кроме этого, достаточная информация о том, что лицом, замещающим (занимающим) одну из должностей, указанных в п. 1 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ, его супругом или несовершеннолетними детьми в течение отчетного периода совершены сделки по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций) на общую сумму, превышающую общий доход данного лица и его супруга за три последних года, предшествующих отчетному периоду, является основанием для принятия решения об осуществлении контроля за расходами лица, а также за расходами его супруга и несовершеннолетних детей (ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ).

Далее на основании ст. 7 Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ органы, подразделения и должностные лица, ответственные за профилактику коррупционных и иных правонарушений, не позднее чем через два рабочих дня со дня получения решения об осуществлении контроля за расходами определенного лица обязаны уведомить его в письменной форме о принятом решении и о необходимости представить сведения, предусмотренные п. 1 ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ. Представленные сведения проверяются путем направления запросов в федеральные органы исполнительной власти.

Согласно ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ в рамках контроля за расходами лица, замещающего (занимающего) одну из должностей, указанных в п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона, в связи с осуществлением контроля за его расходами, а также за расходами его супруга и несовершеннолетних детей обязано представлять сведения о его расходах, а также о расходах его супруга и несовершеннолетних детей по каждой сделке по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), совершенной им, его супругом и (или) несовершеннолетними детьми в течение отчетного периода, если общая сумма таких сделок превышает общий доход данного лица и его супруга за три последних года, предшествующих отчетному периоду; об источниках получения средств, за счет которых совершена сделка.

Часть 1 ст. 16 Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ квалифицирует неисполнение этой обязанности в качестве правонарушения.

При наличии оснований в силу п. 2 ч. 3 ст. 13 Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ по результатам контроля за расходами служащего и членов его семьи решается вопрос о направлении собранных материалов в прокуратуру.

При получении материалов контроля за расходами конкретного служащего на основании ст. 17 Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ Генеральный прокурор Российской Федерации или подчиненные ему прокуроры в порядке гражданского судопроиз-

водства обращаются в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), в отношении которых лицом, замещающим (занимающим) одну из должностей, указанных в п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона, не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы.

В случае, если не установлены основания обращения в суд с указанными требованиями, составляется заключение, которое согласовывается с прокурором субъекта Российской Федерации (приравненным к нему прокурором) и направляется в Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

Также право прокурора на обращение в суд с иском в интересах Российской Федерации установлено ч. 1 ст. 45 ГПК РФ [5]. Такие дела вошли в практику судов общей юрисдикции достаточно недавно, в связи с чем прокурорская и судебная практика находится в стадии формирования.

По информации Генеральной прокуратуры Российской Федерации, на 30 мая 2016 г. прокуроры направили в суды 11 исков об обращении имущества в доход Российской Федерации на сумму почти 34,5 млн руб. А за весь период реализации прокурорами полномочий в данной сфере к настоящему времени судами удовлетворены 9 исков в отношении 22 объектов имущества на сумму 71,2 млн руб. [6].

Нами были проанализированы решения районных судов, акты судов апелляционной и кассационной инстанции различных регионов Российской Федерации по искам прокуроров районов, прокуроров субъектов Российской Федерации (их заместителей): Астраханской области [7], Камчатского края [8], Карачаево-Черкесской Республики [9], Краснодарского края [10], Орловской области [11], Приморского края [12], Самарской [13], Саратовской [14], Свердловской [15], Ульяновской областей [16].

Прокуроры формулируют требования следующим образом: обратить в доход Российской Федерации имущество [7, 9, 11–14, 16], в случае невозможности обращения в доход государства имущества – взыскать его стоимость [15].

Но помимо указанного требования также имеют место следующие связанные с этим требования прокуроров:

- о признании недействительным договора купли-продажи имущества (укажем, что помимо подобных договоров ответчиками заключаются договоры займа, соглашения об отступном, которые прокуроры также требуют признать незаконными [11]);

- о применении последствий недействительности сделки [Там же];

- о признании недействительной записи о регистрации автомобиля ОГИБДД (если спорным имуществом является автомобиль) [15];

- о признании недействительной и аннулировании записи о государственной регистрации прав на имущество (в отношении недвижимости) [11].

Первое требование прокурора почти по всем искам удовлетворяется [8, 9, 13], имущество обращается в

доход Российской Федерации, по одному из дел в связи с невозможностью обращения в доход государства имущества взыскана его стоимость [15].

Суды обосновывают решения об обращении имущества в доход государства нормами Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ, ст. 235 ГК РФ [12, 16, 17].

Также суды признают недействительным договор купли-продажи имущества (а также незаконные договоры займа, соглашения об отступном [11]). Так, по одному из дел суд поддержал прокурора и расценил договор займа в качестве мнимой сделки, соглашения об отступном – как недействительную сделку [Там же].

По делам, инициированным прокурорами, суды применяют последствия недействительности сделки.

В указанных аспектах позиции прокуроров и суда не различаются. В то же время имеются вопросы, по которым нет единого мнения в прокурорской и судебной практике.

По одному из дел суд применил гл. 60 ГК РФ о неосновательном обогащении [15], хотя прокурор не указывал этого. Данное мнение и применение норм гл. 60 ГК РФ к правоотношениям в рамках 230-ФЗ представляются не вполне обоснованными. В рамках такого подхода предмет доказывания будет другой, чем по делам об обращении имущества в доход Российской Федерации, изменяются особенности доказывания и обязанности по доказыванию.

Как показало изучение практики рассмотрения дел указанной категории, суды отказывают в признании недействительной записи о регистрации автомобиля ОГИБДД (в решении суда обоснование не приведено [15]), в признании недействительной и аннулировании записи о государственной регистрации прав на имущество как не основанных на нормах законов [11]. Данный вопрос разрешается в соответствии с абзацами 2, 4 п. 52 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 10/22.

Представляется важным проанализировать состав участвующих в деле лиц.

Пункт 3.9 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 14.04.2015 № 179 требует привлекать к участию в деле в качестве свидетелей представителей органов (организаций), направивших материал в прокуратуру.

Судами к участию в деле в качестве третьих лиц без самостоятельных требований привлекаются родственники, члены семьи, иные физические лица, которые участвовали в приобретении имущества, с которыми заключали договоры, которые дарили денежные средства и др.

Кроме этого, судом для получения сведений об объектах недвижимого имущества и в связи с необходимостью внести изменения в сведения о регистрации имущества в дело в качестве третьих лиц без самостоятельных требований привлекаются территориальные органы Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии [11, 18].

В связи с тем что решается вопрос об обращении имущества в доход государства, привлекаются территориальные органы Федерального агентства по управлению государственным имуществом в субъектах Российской Федерации.

К исковому заявлению должны прилагаться документы, доказывающие наличие принятого в установленном порядке решения об осуществлении контроля за расходами служащего и членов его семьи, сведения о доходах и имуществе служащего и членов его семьи, объяснения служащего, иные необходимые документы (перечислены в приложении к приказу Генерального прокурора Российской Федерации от 14.04.2015 № 179). Отметим, что органы власти приняли меры обеспечения полноты материалов в данной области, сформировали перечень документов, которые должны быть представлены прокурорам [19].

Обязанность доказывания законности приобретения имущества ст. 56 ГПК РФ возлагает на служащего.

В качестве доказательств судами изучаются представленные служащим и членами его семьи документы: договоры, расписки, документы об источниках средств на приобретение имущества, копии дел правоустанавливающих документов на недвижимость, объяснения, справки, сведения о доходах и др.

Данные доказательства собираются на стадии осуществления контроля за расходами служащего, а прокурор на основании ст. 17 Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ получает собранные материалы проверки. В связи с этим обязанность своевременно и полно формировать данные материалы возлагается на лиц, осуществляющих контроль за расходами служащего. Поэтому пункты 3.4, 3.6, 3.7 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 14.04.2015 № 179 «О реализации прокурорами полномочий, предусмотренных Федеральным законом от 03.12.2012 № 230-ФЗ “О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам”, и об организации прокурорского надзора за исполнением данного Федерального закона» акцентируют внимание прокуроров на оценке соблюдения сроков и порядка направления таких материалов в прокуратуру, на полноте представленных материалов, необходимости принимать меры к получению недостающих документов.

Актуальна проблема сохранения имущества ответчика в ходе осуществления контроля за расходами и рассмотрения дела судом. При этом в ходе осуществления контроля за расходами, рассмотрения дела судом служащий имеет возможность распорядиться имуществом. Необходимо заявлять ходатайство о применении обеспечительных мер и аресте имущества [15].

В судебном заседании опрашиваются члены семьи, родственники, стороны сделок, которые могут сообщить сведения о фактах заключения договоров, передачи денежных средств и др. Их показания оцениваются критически, сопоставляются с письменными доказательствами по делу.

По одному делу по ходатайству прокурора проводились технические экспертизы для установления давности выполнения подписей на документах (иск прокурора был удовлетворен, и суммы оплаты экспертиз были взысканы с ответчиков) [11].

В связи с невозможностью обращения в доход Российской Федерации имущества по причине неустановления местонахождения автомобиля судом с

ответчика была взыскана его стоимость на момент покупки [15].

Представляется, что обеспечительные меры, принятые судом по ходатайству прокурора, предупредят подобные ситуации, п. 3.8 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 14.04.2015 № 179 указывает на необходимость обеспечительных мер по каждому иску прокуроров.

Еще одна проблема может быть связана со спорным движимым имуществом. Например, если в ходе рассмотрения дела судом или исполнения решения суда спорный автомобиль будет похищен и местонахождение его не будет установлено, то решение суда не будет исполнено.

На связанную с этим проблему указывает начальник управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации, который отметил, что законодательно не установлена возможность изменить способ исполнения требований прокурора и в случае неустановления места нахождения имущества – взыскать его стоимость [6, 20]. Генеральная прокуратура Российской Федерации совместно с иными государственными органами формируют соответствующие изменения в действующее законодательство [6].

В результате изучения прокурорской и судебной практики установлено, что имели место решения судов первой инстанции об отказе прокурору в иске, которые были отменены вышестоящими судами с вынесением решений об удовлетворении исков прокуроров [7] либо направлением дела на новое рассмотрение [10]. Чаще суды первой инстанции и вышестоящие суды занимали единую позицию о законности и обоснованности требований прокурора и удовлетворяли иски [12, 14, 16].

Отметим, что неполнота правового регулирования правоотношений по противодействию коррупции была отмечена также участниками прошедшего в Москве 23–24 апреля 2015 г. четвертого Евразийского антикоррупционного форума «Предупреждение коррупции: новые подходы», организованного Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации совместно со Счетной палатой России при поддержке Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

В пунктах 11, 15 Рекомендаций по противодействию коррупции, выработанных участниками форума, указано, что в целях развития общей и частной превенции коррупции наряду с уголовным преследованием физических лиц, совершивших коррупционные преступления, целесообразно рассмотреть вопрос о совершенствовании правовых механизмов обращения в доход государства активов, в отношении которых в соответствии с законодательством о противодействии коррупции не представлено обоснования их приобретения на законные доходы. Для этого предлагается:

а) закрепить в ГПК РФ право прокурора на обращение в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации соответствующего имущества;

б) определить порядок управления таким имуществом и его реализации;

в) разработать методические рекомендации по обращению в доход государства имущества, в отношении которого в соответствии с законодательством о противодействии коррупции не представлено обоснования его приобретения на законные доходы [17].

Анализируя указанные рекомендации, отметим, что по изученным делам суды не отказывали в принятии заявлений прокуроров, формулировка ст. 17 Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ не вызвала противоположного толкования. Полагаем, что необходимость дополнительно закреплять право прокурора на обращение в суд с иском по делам коррупционного характера в настоящее время прокурорской и судебной практикой не определена.

Два других положения направлены на обеспечение реального исполнения решений судов по искам прокуроров об обращении в доход государства имущества, в отношении которого в соответствии с законодательством о противодействии коррупции не представлено обоснования его приобретения на законные доходы, и представляются важными.

Другой аспект деятельности прокурора по обращению имущества в доход Российской Федерации состоит в том, что исковую работу прокуроров необходимо оценивать не только как меры по устранению выявленных нарушений, но и как меры по предупреждению коррупционных правонарушений.

Научные исследования показывают, что в сфере коррупционных правонарушений предупреждение является не менее важным аспектом, чем выявление и пресечение совершенных правонарушений.

В научных публикациях сравниваются два возможных способа противодействия коррупции: концентрация деятельности на последствиях правонарушений либо на превентивных мерах.

Так, сотрудниками Института государственной службы и управления РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации в 2012 г. проведено исследование способов борьбы с коррупцией в системе государственной гражданской службы в части работы с кадрами путем опроса служащих и экспертов. Установлено, что опрошенные лица наравне с мерами по выявлению правонарушений коррупционного характера и усилению санкций считают важными такие меры предупреждения правонарушений, как тщательный отбор претендентов на должности государственной гражданской службы, широкое использование ротации кадров на всех уровнях, антикоррупционная профилактика, профилактика конфликтов интересов в системе государственной гражданской службы, меры поощрения. В целом результаты исследования показали, что наибольший эффект в борьбе с коррупцией могут дать взвешенная и современная кадровая политика, а также положительная (поощрение) и отрицательная (наказание) мотивация государственных гражданских служащих на антикоррупционное поведение [21].

Также указывают, что установление правил декларирования доходов государственных служащих по источникам доходов, а не по имуществу является одним из компонентов превентивных действий против коррупции [22].

Представляется, что рассмотрение судом исков прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества лиц, совершивших коррупционные правонарушения, и доведение сведений о результатах данной работы являются серьезной мерой профилактики подобных нарушений.

Такой вывод позволяют сделать следующие обстоятельства. Пункт 4 ст. 6 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ указывает, что предоставление сведений о доходах, расходах и обязательствах имущественного характера служащего и членов его семьи является одной из мер противодействия коррупции.

О решениях судов информируются средства массовой информации, на сайтах прокуратур размещается информация о результатах рассмотрения исков

прокурора, результаты исследования деятельности по противодействию коррупции в аспекте судебного порядка устранения правонарушений и привлечения к ответственности виновных лиц находят отражение в научно-практических публикациях.

Эти меры способствуют максимально широкому доведению до общества и каждого служащего информации о негативных последствиях коррупционных правонарушений, направлены на выработку соответствующей мотивации служащих.

Необходимо также отметить актуальность устранения пробелов в законодательстве и наработки положительной прокурорской и судебной практики применения мер гражданско-правовой ответственности к виновным лицам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Генеральный прокурор Республики Беларусь принимает участие в ежегодной конференции Международной ассоциации органов по борьбе с коррупцией. URL: <http://www.prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=39941#doc> (дата обращения: 20.10.2016).
2. Официальный сайт прокуратуры Республики Казахстан. URL: <http://prokuror.gov.kz/rus/o-prokurature/voprosy-protivodeystviya-korrupcii/akim-selskogo-okruga-privlechen-k-administrativnoy> (дата обращения: 20.10.2016).
3. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52. Ст. 6228.
4. Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 50. Ст. 6953.
5. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
6. Русецкий А.Е. Если расходы больше доходов // Прокурор. 2016. № 2.
7. Постановление Президиума Астраханского областного суда от 19.07.2016 № 44Г-19/2016.
8. Решение Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 26.06.2016 по делу № 2-4238/2016.
9. Решение Хабезского районного суда Карачаево-Черкесской Республики от 22.04.2016 по делу № 2-107/2016.
10. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 24.05.2016 по делу № 33-8353/2016.
11. Решение Заводского районного суда г. Орла по делу № 2-1073/2015 от 14.12.2015 по делу № 2-280.
12. Апелляционное определение Приморского краевого суда от 11.08.2015 по делу № 33-6347/2015.
13. Решение Сызранского городского суда Самарской области от 05.05.2016 по делу № 2-1509/2016.
14. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 08.06.2016 по делу № 33-4004/2016.
15. Решение Ивдельского городского суда г. Свердловска от 14.09.2015 по делу № 2-280/2015.
16. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 05.04.2016 по делу № 33-1458/2016.
17. Официальный сайт Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. URL: http://www.izak.ru/theme/upload/rekomendacii-foruma_66aa87f17ba4c1eb1f9a3307141f4e43.pdf (дата обращения: 20.10.2016).
18. Решение Засвияжского районного суда г. Ульяновска от 10.12.2015 по делу № 2-5114/2015.
19. Приказ Минтруда России от 31.03.2015 № 206н «Об утверждении инструктивно-методических указаний о порядке подготовки и направления в органы прокуратуры Российской Федерации материалов, необходимых для обращения прокурора в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), в отношении которых не представлены сведения, подтверждающие их приобретение на законные доходы».
20. Определение Приморского краевого суда от 05.04.2016 по делу № 33-3288.
21. Магомедов К.О. Об эффективности противодействия коррупции в государственных органах власти // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 201–212.
22. Александров В.И. Формирование структуры противодействия коррупции в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 2. С. 39–52.

Статья представлена научной редакцией «Право» 26 ноября 2016 г.

FEATURES OF PROSECUTORS' PARTICIPATION IN THE COURT EXAMINATION OF STATEMENTS ON FORFEITURE TO THE RUSSIAN FEDERATION OF PROPERTY AS A MEANS TO STOP AND PREVENT CORRUPTION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 181–186.

DOI: 10.17223/15617793/414/28

Irina I. Golovko, Saint Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the General Prosecutor of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: irinaivanovna2009@yandex.ru

Keywords: prosecutor; corruption; state (municipal) service; petition; proving; forfeiture of property to the Russian Federation.

The aim of this work is to determine the features of the preparation of such statements by the Prosecutor to the court, to adopt a unified approach in the formulation of the requirements, to establish the circle of persons involved in the case and the peculiarities of proceedings in cases of this kind. The subject of the work is corruption. It is a major problem of modern society. Corruption in the system of state (municipal) services is the most dangerous. To prevent corruption, officials are entrusted with serious responsibilities and limitations in connection with their official position. In the framework of corruption prevention, officials, their spouses and minor children provide information about their income and expenses. If incompleteness, inaccuracy of information about the income or

expenses of an official are identified, inspections are held to verify information. Further, the income, expenses, property-related obligations and transactions of officials are monitored, and measures are taken in case of violations of law requirements. Wrongfully obtained property of officials, members of their family is subject to forfeiture to the state. The law assigns the right to appeal to the court of such a request to the General Prosecutor of the Russian Federation and subordinate prosecutors. The results of the work are the following. The normative acts, departmental acts and acts of courts of different regions of Russia for the specified category have been studied. The list of documents attached to the statement to the court is determined by Order 179 of the General Prosecutor of the Russian Federation. The law imposes the burden of the proof of legality of acquisition of property on an official. In this regard, the Prosecutor involved in the case must carefully examine the evidence, request the application of interim measures, if necessary, initiate an examination of the documents, acquire information about the origin of assets and funds for its acquisition. An obligatory participant in the process is the Federal Agency for State Property Management. It is established that at the stage of execution of the decision there may be problems associated with the loss of the seized property. The solution of the problem is contributed to by the rules of law about the possibility to change the method of the decision execution and to recover the cost of the property. Such rules are being developed by the General Prosecutor of the Russian Federation. The author concludes that features of cases of this kind lie in the distribution of responsibilities for proving, the need to carefully check information about the income and expenses of officials (members of their family). There are problems associated with the lack of completeness of the legal regulation of the enforcement of court decisions. The claims of prosecutors on forfeiture to the Russian Federation of property of persons who committed corruption offences are not the only means to restrain and eliminate corruption offenses, but also a serious measure to prevent similar violations by other officials.

REFERENCES

1. The official website of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. (n.d.) *General'nyy prokuror Respubliki Belarus' prinimaet uchastie v ezhegodnoy konferentsii Mezhdunarodnoy assotsiatsii organov po bor'be s korruptsiyey* [Attorney General of the Republic of Belarus takes part in the annual conference of the International Association of Anti-Corruption]. [Online] Available from: <http://www.prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=39941#doc>. (Accessed: 20th October 2016).
2. The official website of the Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan. (2016) *Akim sel'skogo okruga privlechen k administrativnoy otvetstvennosti za nesvoyevremennoye predostavleniye nalogovoy deklaratsii* [Akim of a Rural District brought to administrative responsibility for untimely submission of tax returns]. [Online] Available from: <http://prokuror.gov.kz/rus/o-prokurature/voprosy-protivodeystviya-korruptcii/akim-selskogo-okruga-privlechen-k-administrativnoy>. (Accessed: 20th October 2016).
3. Russian Federation. (2008) Federal'nyy zakon ot 25.12.2008 № 273-FZ "O protivodeystvii korruptsii" [Federal Law 273-FZ of 25.12.2008 "On Combating Corruption"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 52. Art. 6228.
4. Russian Federation. (2012) Federal'nyy zakon ot 03.12.2012 № 230-FZ "O kontrole za sootvetstviem rashodov lits, zameshchayushchikh gosudarstvennyye dolzhnosti, i inyykh lits ikh dokhodam" [Federal Law 230-FZ of 03.12.2012 "About control of compliance of expenses of persons replacing holding state positions and other persons to their income"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 50. Art. 6953.
5. Russian Federation. (2002) "Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii" ot 14.11.2002 № 138-FZ [The Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002, 138-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 46. Art. 4532.
6. Rusetskiy, A.E. (2016) Esli rashody bol'she dokhodov [If expenses are greater than income]. *Prokuror*. 2.
7. Resolution 44g-19/2016 of the Presidium of the Astrakhan Regional Court of 19.07.2016. (In Russian).
8. Decision of the Petropavlovsk-Kamchatsky City Court of Kamchatka Territory of 26.06.2016 on Case 2-4238/2016. (In Russian).
9. Decision of the Khabezsky District Court of the Republic of Karachay-Cherkessia of 22.04.2016 on Case 2-107/2016. (In Russian).
10. Appellate decision of the Krasnodar Regional Court of 24.05.2016 on Case 33-8353/2016. (In Russian).
11. Decision of the Zavadski District Court of Orel on Case 2-1073/2015 of 14.12.2015 on Case 2-280. (In Russian).
12. Appellate decision of the Primorsky Regional Court of 11.08.2015 on Case 33-6347/2015. (In Russian).
13. Decision of the Syzran City Court of Samara Oblast of 05.05.2016 on Case 2-1509/2016. (In Russian).
14. Appellate decision of the Saratov Regional Court of 08.06.2016 on Case 33-4004/2016. (In Russian).
15. Decision of the Ivdelsky City Court of Sverdlovsk of 14.09.2015 on Case 2-280/2015. (In Russian).
16. Appellate decision of the Ulyanovsk Regional Court of 05.04.2016 on Case 33-1458/2016. (In Russian).
17. The official site of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. (2015) *Rekomendatsii Chetvertogo Yevraziyskogo antikorrupcionnogo foruma "Preduprezhdeniye korruptsii: novyye podkhody"* [Recommendations of the Fourth Eurasian Anti-Corruption Forum "Prevention of Corruption: New Approaches"]. [Online] Available from: http://www.izak.ru/theme/upload/rekomendacii-foruma_66aa87f17ba4c1eb1f9a3307141f4e43.pdf. (Accessed: 20th October 2016).
18. Decision of the Zsiviyazhsky District Court of Ulyanovsk of 10.12.2015 on Case 2-5114/2015. (In Russian).
19. RF Ministry of Labor. (2015) *Order 206n of 31.03.2015 "On the approval of instructional guidelines on the preparation and submission to the bodies of the Russian Federation Prosecutor's Office of materials necessary for the prosecutor's claim to the court on forfeiture to the Russian Federation of land and other property, vehicles, securities, shares (participation interests, stakes in authorized (share) capitals of organizations), for which no details confirming their acquisition from lawful income are presented"*. [Online] Available from: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/394>. (In Russian).
20. Decision of the Primorsky Regional Court of 05.04.2016 on Case 33-3288. (In Russian).
21. Magomedov, K.O. (2014) On effectiveness of corruption counteraction in public administration. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya – Public Administration Issues*. 3. pp. 201–212. (In Russian).
22. Aleksandrov, V.I. (2011) Formirovaniye struktury protivodeystviya korruptsii v Rossii [Formation of anti-corruption structures in Russia]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya – Public Administration Issues*. 2. pp. 39–52.

Received: 26 November 2016

ИЗМЕНЕНИЕ ПЕРЕЧНЯ КАССАЦИОННЫХ ОСНОВАНИЙ ПЕРЕСМОТРА ПРИГОВОРА, ПОСТАНОВЛЕННОГО В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-03-00413 «Злоупотребление правом в уголовном процессе: системные и несистемные проявления, их предотвращение и пересечение».

Рассматриваются изменения, внесенные Федеральным законом от 03.07.2016 № 322-ФЗ в установленный перечень кассационных оснований отмены приговора, постановленного в особом порядке. Анализируются основные противоречия между этими изменениями и сущностью современного кассационного производства. Формулируется вывод о необходимости включения данных новелл из ст. 401.6 и 401.15 УПК РФ и дополнении современного перечня вновь открывшихся обстоятельств соответствующим основанием.

Ключевые слова: производство в суде кассационной инстанции; кассационные основания; досудебное соглашение о сотрудничестве; злоупотребление правом.

Вопросы обжалования приговоров, постановленных в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, представляются актуальными в настоящее время. Ведь производство по такому уголовному делу лишено существенных гарантий достижения истины, и возможные судебные ошибки, возникающие в результате постановления приговора, могут быть выявлены спустя продолжительное время, когда будет рассмотрено и разрешено то уголовное дело, расследованию которого содействовал обвиняемый, заключивший досудебное соглашение о сотрудничестве. Самым существенным недостатком данного производства является «отсутствие гарантий правдивости показаний лица, сотрудничающего со следствием. Поскольку данное лицо в силу привлечения его самого к уголовной ответственности находится в зависимом положении от органов предварительного расследования и прокурора (в том числе и после вынесения обвинительного приговора в силу законодательно закрепленной возможности его пересмотра), сведения, сообщаемые им в отношении иных лиц, могут не соответствовать действительности, что, поскольку не всегда наличествует возможность проверки и подтверждения их иными средствами доказывания, содержит риск осуждения невиновных лиц» [1. С. 239].

В связи с этим особо дискуссионной являлась норма ст. 317.8 УПК РФ, в соответствии с которой приговор, вынесенный в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, мог быть пересмотрен по правилам раздела XV УПК РФ, если будет установлено, что лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, умышленно сообщило ложные сведения или умышленно скрыло от следствия какие-либо существенные сведения. Данное положение рассматривается Конституционным Судом Российской Федерации как своеобразная санкция в отношении такого лица: «Соответственно, если это лицо, в том числе исходя из превратно понятых целей, ради которых заключается досудебное соглашение о сотрудничестве, будет давать в отношении своих соучастников заведомо ложные обвинительные показания или утаивать сведения, свидетельствующие в их пользу, такие действия должны рас-

сматриваться как не меньшее нарушение условий соглашения, чем сообщение заведомо искаженных сведений в интересах оправдания соучастников или уменьшения степени их вины, и влечь для него установленные законом последствия – расторжение соглашения, судебное разбирательство дела в обычном порядке или пересмотр судебного решения в части назначенного ему наказания» [2]. Такое положение можно рассматривать и как меру предупреждения злоупотребления обвиняемым своим правом на заявление ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, условия и обязательства которого он заведомо не сможет исполнить.

Основной вопрос, который возникал ранее, был связан с тем, в каком порядке должен пересматриваться такой приговор: кассационном, надзорном или при возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств? С одной стороны, данный вопрос возникал в связи с тем, что раздел XV УПК РФ содержит нормы, регулирующие все три вида проверочных производств. С другой стороны, ни в одном из этих производств не были специально предусмотрены нормы, прямо корреспондирующие ст. 317.8 УПК РФ.

Данный вопрос был разрешен законодателем в Федеральном законе от 03.07.2016 № 322-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» (далее – Закон № 322) [3]. В соответствии с ним был дополнен перечень кассационных (ст. 401.6, ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ) и надзорных оснований (ч. 1 ст. 412.9 УПК РФ) пересмотра приговора, постановленного в особом порядке, в связи с нарушением условий или невыполнением обязательств лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве.

При этом законодателем использована особая терминология («нарушение условий и невыполнение обязательств»), которая не в полной мере корреспондирует основаниям пересмотра приговора, указанным в ст. 317.8 УПК РФ. Их анализ приводит к выводу, что эти термины неравнозначны и «нарушение условий или невыполнение обязательств» должны пони-

маться шире, чем «умышленное несообщение существенных сведений или сообщение заведомо ложных сведений». Следовательно, позицию законодателя можно истолковать в том смысле, что основания пересмотра приговора, указанные в ст. 317.8 УПК РФ, расширены им применительно к кассационному и надзорному производству. Такой же позиции придерживается и Конституционный Суд Российской Федерации: «...выявление данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, относит к числу оснований отмены или изменения судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном порядке (пункт 6 статьи 389.15, часть первая статьи 401.15 и часть первая статьи 412.9)... а также закрепляет возможность пересмотра вынесенного приговора, если после назначения такому лицу наказания будет обнаружено, что оно умышленно сообщило ложные сведения или умышленно скрыло от следствия какие-либо существенные сведения (статья 317.8). В качестве специфического материального последствия невыполнения вытекающих из досудебного соглашения о сотрудничестве обязательств, выразившегося в предоставлении заключившим его лицом ложных сведений или в сокрытии от следователя либо прокурора каких-либо иных существенных обстоятельств совершения преступления, Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает назначение наказания в общем порядке (статья 63.1)» [2].

Из этого можно сделать вывод, что в настоящее время основаниями отмены или изменения приговора в судах кассационной инстанции могут выступать как факты умышленного несообщения подсудимым существенных сведений или сообщения им ложных сведений, так и иные факты нарушения им условий или неисполнения обязательств, предусмотренных заключенным досудебным соглашением о сотрудничестве (в дальнейшем, если специально не указано иное, все эти виды нарушений будут объединяться термином «нарушение условий досудебного соглашения о сотрудничестве»). Однако такое положение вызывает ряд теоретических и практических возражений.

Прежде всего необходимо отметить, что решение вопроса о нарушении условий досудебного соглашения о сотрудничестве не соответствует установленному нормативно предмету проверочной деятельности суда кассационной инстанции. Так, согласно ст. 401.1 УПК РФ суд кассационной инстанции должен проверять лишь законность обжалованного приговора, вступившего в законную силу. При этом законность приговора зависит лишь от тех действий, которые осуществляются публичными субъектами, ведущими производство по уголовному делу, — органами предварительного расследования и судом. Следовательно, вопрос о законности приговора может возникнуть лишь в связи с тем, что суд не установил факт несоблюдения подсудимым условий досудебного соглашения о сотрудничестве и не вынес постановление о назначении судебного заседания в общем порядке. Но, как представляется, правильность установления таких фактов должна входить в понятие обос-

нованности приговора, как и любых фактов, подлежащих доказыванию, а значит, проверить эту сторону приговора суда первой инстанции суд кассационной инстанции не вправе.

Кроме того, суд кассационной инстанции не уполномочен на производство судебного следствия и непосредственное исследование доказательств, так как для решения вопроса о законности или незаконности приговора в этом нет необходимости. Но чтобы установить, были ли нарушены условия досудебного соглашения о сотрудничестве, необходимо исследовать доказательства, подтверждающие это. Думается, что установить этот факт не в состоянии и суд первой инстанции, рассматривающий уголовное дело в особом порядке. Ведь к этому моменту не разрешены те уголовные дела, по которым оказывалось содействие лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве. Следовательно, если государственный обвинитель подтверждает в судебном заседании соблюдение подсудимым всех условий досудебного соглашения о сотрудничестве, то никаких реальных правовых средств для проверки этого закон суду не предоставляет. А раз и суд первой инстанции не может установить такие факты с достоверностью, то тем более этого не может сделать суд кассационной инстанции, который поставлен в значительно более худшие условия в связи с абсолютным запретом на исследование любых доказательств.

Более того, очевидно, что раз нарушения подсудимым условий досудебного соглашения о сотрудничестве не могут быть установлены в ходе судебного заседания в особом порядке, они должны быть выявлены по результатам рассматривания того уголовного дела, по которому подсудимый оказывал сотрудничество органам предварительного расследования. А значит, в материалах уголовного дела, по которому было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, нет соответствующих доказательств, подтверждающих умышленные действия подсудимого. Исходя из буквального толкования ч. 1 ст. 401.8, п. 2 ч. 2 ст. 401.8, ч. 1, 2 ст. 401.16 УПК РФ, следует, что суд кассационной инстанции проверяет в судебном заседании материалы именно того уголовного дела, по которому был вынесен обжалованный в кассационном порядке приговор. Иными словами, если будет обжалован приговор, постановленный в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, то суд кассационной инстанции будет проверять лишь материалы уголовного дела, выделенного в отношении обвиняемого, заключившего такое соглашение. Но из этих материалов не могут быть установлены обстоятельства, свидетельствующие о нарушении условий досудебного соглашения о сотрудничестве. В связи с этим нельзя согласиться с мнением нескольких авторов, полагающих, что такие нарушения могут содержаться в материалах выделенного в отдельное производство уголовного дела, а также следствием из этой посылки — возложение на суд первой инстанции, рассматривающий уголовное дело в особом порядке, ответственности за их оставление без внимания [4. С. 157; 5. С. 14; 6. С. 85].

Еще одним противоречием является установление в кассационном производстве срока для отмены приговора в связи с поворотом к худшему. Получается, что если факт нарушения условий досудебного соглашения о сотрудничестве будет установлен за пределами года с момента вступления приговора, постановленного в особом порядке, в законную силу, такое нарушение не может повлечь отмену приговора. Такое положение нельзя признать оправданным, поскольку рассмотрение уголовного дела, по которому заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, объективно происходит раньше, чем рассмотрение в общем порядке того уголовного дела, по которому было оказано содействие обвиняемым. В связи с этим правила об ограничении срока поворота к худшему в суде кассационной инстанции могут фактически блокировать возможность отмены приговора, постановленного в особом порядке, в случае нарушения условий досудебного соглашения о сотрудничестве.

Вызывает возражение и закрепление этого нового кассационного основания одновременно в ст. 401.6 УПК РФ и ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ. Получается, что нарушение условий досудебного соглашения о сотрудничестве является как обычным кассационным основанием, так и основанием поворота к худшему в суде кассационной инстанции. При этом под обычными кассационными основаниями (ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ) понимаются те основания, которые не должны влечь ухудшение положения осужденного. Но возможно ли это при пересмотре приговора в связи с нарушением условий досудебного соглашения о сотрудничестве? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к материально-правовым и процессуально-правовым последствиям нарушения лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, своих обязанностей.

В статье 63.1 УК РФ закреплено, что при установлении факта сообщения лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, заведомо ложных сведений или сокрытия существенных сведений, к нему не применяются положения о назначении наказания, предусмотренные ч. 2–4 ст. 62 УК РФ (назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств) и ст. 64 УК РФ (назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление). Исходя из содержания указанных норм, следует, что их применение уже судом первой инстанции ограничено определенными условиями. Так, для сокращения максимального размера наказания по ч. 2 ст. 62 УК РФ необходимо, чтобы отсутствовали отягчающие наказание обстоятельства. Для сокращения размера наказания по правилам ч. 4 ст. 62 УК РФ необходимо, чтобы лицо осуждалось за преступление, за которое установлено наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни. Применение же ст. 64 УК РФ вообще относится к дискреционному усмотрению суда первой инстанции.

Получается, что последствием установления кассационного основания, связанного с нарушением условий досудебного соглашения о сотрудничестве в виде сообщения заведомо ложных сведений или сокрытия существенных сведений, должна явиться от-

мена приговора суда первой инстанции с возвращением дела на новое рассмотрение. При этом отменен может быть лишь такой приговор суда первой инстанции, в котором есть ссылка на положения ч. 2, 4 ст. 62 и 64 УК РФ. Возвращение дела на новое судебное разбирательство производится в таком случае с тем, чтобы судом первой инстанции были исключены указания на смягчающие нормы УК РФ и был решен вопрос об усилении назначенного наказания. Бесспорно, что при этом судом кассационной инстанции ставится вопрос об ухудшении положения осужденного, а значит, включение нового кассационного основания в ст. 401.6 вполне согласуется с нормами уголовного закона.

Но может ли быть отменен или изменен приговор, постановленный по уголовному делу, по которому заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, по данному кассационному основанию без решения вопроса об ухудшении положения осужденного? Как представляется, этот вопрос может возникнуть в отношении тех приговоров судов первой инстанции, в которых не применялись положения ч. 2, 4 ст. 62 УК РФ и ст. 64 УК РФ. Нужно ли отменять или изменять такие приговоры? Ведь, как было отмечено ранее, уголовный закон связывает нарушение лишь части условий досудебного соглашения о сотрудничестве (сообщение заведомо ложных сведений или несообщение существенных сведений) только с неприменением определенных смягчающих норм УК РФ. Возникают ли какие-либо процессуальные последствия нарушений условий досудебного соглашения о сотрудничестве? Этот вопрос был разрешен в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации: «По смыслу статьи... 317.7 УПК РФ, если установлено, что... подсудимым не соблюдены все условия и не выполнены все обязательства, предусмотренные заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве, суд принимает решение о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначает судебное разбирательство в общем порядке» [7].

Из этого разъяснения можно сделать вывод, что отмена приговора в связи с нарушением условий досудебного соглашения о сотрудничестве возможна без ухудшения положения осужденного для рассмотрения уголовного дела в общем порядке. Но какой будет результат такого рассмотрения? Согласно другому разъяснению Верховного Суда Российской Федерации суд первой инстанции не может ухудшить положение осужденного, если приговор не был отменен по основаниям, указанным в ст. 401.6 УПК РФ [8]. Следовательно, суд первой инстанции в таком случае не может изменить квалификацию преступления на более тяжкое, усилить наказание, принять решение об исключении смягчающего обстоятельства (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ), если оно ранее было признано судом первой инстанции, рассматривавшим уголовное дело в особом порядке. Не может суд первой инстанции и взыскать с осужденного процессуальные издержки, поскольку такое решение тоже ухудшает его положение, ведь ранее он был от них освобожден на основании ч. 10 ст. 316 УПК РФ.

Иными словами, фактически суду первой инстанции остается в таком случае лишь подтвердить ту квалификацию и то наказание, которые были назначены ранее в особом порядке, или снизить их. А такой результат никак не соответствует той цели, для которой отменяется приговор суда первой инстанции в связи с нарушением условий досудебного соглашения о сотрудничестве. Из этого, как представляется, следует, что суду кассационной инстанции даже при отсутствии нарушений, указанных в ст. 63.1 УК РФ, следует отменять приговор суда первой инстанции при установлении нарушений условий досудебного соглашения о сотрудничестве со ссылкой на ст. 401.6 УПК РФ, а не на ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ.

Таким образом, закрепление нового кассационного основания в ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ излишне, оно должно считаться лишь основанием поворота к худшему.

В связи с отмеченными противоречиями между современным содержанием кассационного производства и наделением его полномочиями по отмене приговора в связи с нарушением условий досудебного соглашения о сотрудничестве возникает вопрос: все-таки в каком производстве из раздела XV УПК РФ должны проверяться приговоры в случаях установления таких нарушений?

В связи с тем, что предмет проверочной деятельности (законность обжалованного судебного акта), отсутствие возможности непосредственного исследования доказательств, проверка материалов лишь того уголовного дела, по которому был обжалован судебный акт и сроки поворота к худшему тождественны в надзорном производстве по сравнению с кассационным, необходимо признать, что нарушение условий досудебного соглашения о сотрудничестве не может устанавливаться и судом надзорной инстанции. Более того, согласно положениям ч. 3 ст. 412.9 УПК РФ, в суд надзорной инстанции могут быть обжалованы лишь приговоры областного суда, если они ранее пересматривались Верховным Судом Российской Федерации в апелляционном порядке. Судебные решения районных судов и мировых судей не могут пересматриваться в надзорном порядке. Соответственно, это также свидетельствует о нецелесообразности расширения перечня надзорных оснований отмены приговора за счет включения в их число нарушений условий досудебного соглашения о сотрудничестве. Ведь в таком случае возможность устранения этих нарушений будет связываться с уровнем суда, постановившего приговор в особом порядке, и с тем, пересматривался ли он судом апелляционной инстанции.

Из всех стадий уголовного процесса, в которых может быть проверен приговор, вступивший в законную силу, после исключения кассационного и надзорного производств остается лишь возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. И, как представляется, именно в ходе данной проверочной процедуры должно устанавливаться наличие или отсутствие нарушений условий досудебного соглашения о сотрудничестве.

Сама формулировка этого основания – нарушение условий досудебного соглашения о сотрудничестве –

очень близка к сути данной процедуры (процедуры возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств), поскольку в данном производстве доказываются наличие новых или вновь открывшихся обстоятельств. Кроме того, и порядок исчисления сроков, в течение которых допускается такой пересмотр, закрепленный ч. 3 ст. 414 УПК РФ, существенно отличается от такого же порядка, установленного в кассационном и надзорном производстве (ст. 401.6, ч. 2 ст. 412.9 УПК РФ). Однако пересмотр приговора и в этом порядке вызывает определенные вопросы. Самым главным из них следует признать вопрос о том, к каким обстоятельствам, новым или вновь открывшимся, следует отнести факты нарушения лицом условий досудебного соглашения о сотрудничестве?

И.И. Лодыженская и Г.П. Панфилов считают, что такие факты должны считаться новыми обстоятельствами [9. С. 167–168]. Но с данной позицией нельзя согласиться. Исходя из легального определения новых и вновь открывшихся обстоятельств, закрепленного в ч. 2 ст. 413 УПК РФ, вытекает, что обстоятельства, связанные с нарушением условий досудебного соглашения о сотрудничестве, следует отнести к вновь открывшимся, так как они объективно существовали на момент рассмотрения судом первой инстанции уголовного дела в особом порядке.

Кроме того, указанные нарушения, как и все вновь открывшиеся обстоятельства, должны устанавливаться приговором суда, вступившим в законную силу. Применительно к нарушению условий досудебного соглашения о сотрудничестве они должны быть установлены в приговоре по тому уголовному делу, содействие в расследовании которого оказывал обвиняемый. Предварительное расследование таких обстоятельств (которое осуществляется в отношении новых обстоятельств) здесь будет излишним.

Последний аргумент связан с тем, что в отличие от новых обстоятельств вновь открывшиеся могут влечь как улучшение, так и ухудшение положения осужденного при новом судебном разбирательстве в суде первой инстанции. Новые же обстоятельства могут влечь ухудшение положения осужденного, только если они связаны с установлением новых общественно опасных последствий преступления, являющихся основанием для предъявления лицу обвинения в совершении более тяжкого преступления. Однако очевидно, что нарушение условий досудебного соглашения о сотрудничестве не может влечь предъявление ему нового обвинения и не связано с установлением новых последствий совершенного им преступления.

При этом нельзя не отметить, что согласно современному законодательству перечень вновь открывшихся обстоятельств, в отличие от новых, является закрытым и расширительному толкованию не подлежит. Следовательно, необходимо дополнить перечень вновь открывшихся обстоятельств таким, как нарушение лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, условий и невыполнение им обязательств такого соглашения.

Таким образом, закрепление нового кассационного основания, связанного с нарушением условий досудеб-

ного соглашения о сотрудничестве, противоречит ряду положений современного кассационного производства:

1) установление таких нарушений не входит в предмет проверочной деятельности суда кассационной инстанции, так как не связано с законностью приговора;

2) их установление не может быть произведено судом кассационной инстанции, поскольку этот суд не обладает полномочиями по производству судебного следствия и непосредственному исследованию доказательств;

3) такие нарушения могут быть установлены лишь посредством изучения материалов уголовного дела, по которому было оказано содействие обвиняемым, но суд кассационной инстанции лишен возможности их истребовать;

4) установленный в ст. 401.6 УПК РФ срок для отмены приговора в связи с поворотом к худшему фактически может препятствовать отмене приговора, по-

становленного в особом порядке, в связи с нарушением условий досудебного соглашения о сотрудничестве, поскольку такие нарушения могут быть выявлены значительно позже.

Кроме того, закрепление нарушения условий досудебного соглашения о сотрудничестве как кассационного основания в ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ представляется излишним, поскольку результатом установления таких нарушений должна выступать отмена приговора с направлением уголовного дела на новое судебное разбирательство для решения вопроса об усилении наказания осужденному (поворот к худшему).

В связи с этим предлагается исключить установление факта нарушения лицом, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, условий и обязательств такого соглашения из перечня кассационных (а значит, и надзорных) оснований и нормативно закрепить их как новую разновидность вновь открывшихся обстоятельств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пилюк А.В. Типология современного уголовного процесса и проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовного дела в судопроизводстве Российской Федерации. М. : Юрлитинформ, 2013. 264 с.
2. По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.07.2016 № 17-П // Российская газета. 2016. 4 авг. № 171.
3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: Федеральный закон от 03.07.2016 № 322-ФЗ // Российская газета. 2016. 8 июля. № 149.
4. Головинская И.В., Головинский М.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве. Владимир : ВИТ-принт, 2011. 192 с.
5. Смирнов А.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 5–14.
6. Федотова Д.В. Особенности пересмотра приговоров, постановлений и решений, вынесенных в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 6. С. 82–87.
7. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 16 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 9.
8. О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 2 (ред. от 03.03.2015) // КонсультантПлюс: Справочно-правовая система. М. : КонсультантПлюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 04.10.2016).
9. Лодыженская И.И., Панфилов Г.П. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правоприменения и пути их преодоления // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1. С. 159–170.

Статья представлена научной редакцией «Право» 16 ноября 2016 г.

A CHANGE IN THE LIST OF THE GROUNDS FOR A CASSATION REVIEW OF A VERDICT RULED BY A COURT IN A SPECIAL ORDER OWING TO A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 187–192.

DOI: 10.17223/15617793/414/29

Mikhail E. Nekhoroshikh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mihaneh_92@mail.ru

Keywords: procedure in cassation courts; cassation grounds; pre-trial cooperation agreement; abuse of right.

This article examines the issues of appealing against verdicts ruled in a special order owing to a pre-trial agreement of cooperation. The author considers the provisions of Federal Law 322-FZ of July 03, 2016, which has resolved a long-standing question about the possibility of an appeal against verdicts, which entered into force, in case of a violation of the conditions of pre-trial agreements of cooperation made by convicts. In accordance with this law, the list of grounds for a cassation and a supervisory review of verdicts has been supplemented appropriately. The author identifies the constitutional legal meaning of consolidation of the ground as a way to prevent the abuse by the accused of their rights to conclude a pre-trial cooperation agreement. The study of the provisions of the law and the essence of the modern cassation proceedings shows the main problems of the application of the new cassation ground: 1) detection of violations by convicts of the conditions of pre-trial agreements of cooperation is not an object of cassation court activities, as it is not connected with the lawfulness of a verdict; 2) their examination cannot be made by the court of cassation, because such a court has no authority to exercise a judicial investigation and check the evidence presented in a case; 3) such violations can be established only through the study of the materials of a criminal case, in which the defendant assisted a criminal investigation, but the cassation court is prohibited to claim them; 4) a special period of overturning a verdict in connection with a turn for the worse might actually impede the overturning of a verdict ruled by the court in a special order, in connection with the violation of the conditions of pre-trial agreement of cooperation, because these violations could be detected much later. In addition, the introduction of the violation of the conditions of pre-trial agreement of cooperation as a reason to appeal in Part One of Article 401.15 of the Code of Crimi-

nal Procedure of the Russian Federation (ordinary cassation grounds) is considered superfluous, because the end result of the establishment of such violations must be the overturning of a verdict and the directing of a criminal case to a new trial to strengthen the punishment of a convict (a turn for the worse). In conclusion, it is proposed to exclude the establishment of the violation of the conditions of pre-trial agreement of cooperation by a defendant from the list of cassation (and supervisory) grounds and fix them as a new type of newly discovered circumstances.

REFERENCES

1. Piyuk, A.V. (2013) *Tipologiya sovremennogo ugolovnogogo protsesssa i problemy primeneniya uproshchennykh form razresheniya ugolovnogogo dela v sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii* [Typology of modern criminal procedure and problems of the application of simplified forms of criminal case resolution in the courts of the Russian Federation]. Moscow: Yurlitinform.
2. Rossiyskaya gazeta. (2016) Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy chastey vtoroy i vos'moy stat'i 56, chasty vtoroy stat'i 278 i glavy 40.1 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina D.V. Usenko: Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 20.07.2016 № 17-P [On the constitutionality of the provisions of Parts 7 and 8 of Article 56, Part 2 of Article 278 and Chapter 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the citizen D.V. Usenko: Decision of the Constitutional Court 17-P of 20.07.2016]. *Rossiyskaya gazeta*. 4 August. 171.
3. Rossiyskaya gazeta. (2016) O vnesenii izmeneniy v Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii po voprosu sovershenstvovaniya poryadka sudoproizvodstva pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve: Federal'nyy zakon ot 03.07.2016 № 322-FZ [On amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on measures to improve the order of proceedings in case of the pre-trial cooperation agreement: Federal Law 322-FZ of 03.07.2016]. *Rossiyskaya gazeta*. 8 July. 149.
4. Golovinskaya, I.V. & Golovinskiy, M.M. (2011) *Dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve* [Pre-trial cooperation agreement]. Vladimir: VIT-print.
5. Smirnov, A.V. (2009) Osoby poryadok prinyatiya sudebnogo resheniya pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve [The special order of the court decision at the conclusion of the pre-trial cooperation agreement]. *Ugolovnyy protsess*. 10. pp. 5–14.
6. Fedotova, D.V. (2012) Osobennosti peresmotra prigovorov, postanovleniy i resheniy, vynesennykh v otnoshenii litsa, s kotorym zaklyucheno dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve [Features of the revision of sentences, judgments and decisions made in relation to a person that concluded the pre-trial cooperation agreement]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. 6. pp. 82–87.
7. The Supreme Court of the Russian Federation. (2012) O praktike primeneniya sudami osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva ugolovnykh del pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 28.06.2012 № 16 [On the court practice of special order of criminal trial at the conclusion of the pre-trial cooperation agreement: Resolution 16 of the Plenum of the RF Supreme Court of 28.06.2012]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 9.
8. Konsul'tantPlyus. (2015) *O primenении norm glavy 47.1 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, reguliruyushchikh proizvodstvo v sude kassatsionnoy instantsii: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 28.01.2014 № 2 (red. ot 03.03.2015)* [On the application of the rules of Chapter 47.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing the proceedings in the court of cassation: Resolution 2 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.01.2014 (as amended on 03.03.2015)]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
9. Lodyzhenskaya, I.I. & Panfilov, G.P. (2016) Dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve: problemy pravoprimeneniya i puti ikh preodoleniya [Pre-trial cooperation agreement: enforcement problems and ways to overcome them]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*. 1. pp. 159–170.

Received: 16 November 2016

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АДАМОВ Александр Александрович – канд. ист. наук, руководитель научной группы по этноархеологическим исследованиям Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук. E-mail: profi1204@yandex.ru

АЛЕКСЕЕВА Татьяна Александровна – ассистент кафедры геоинформатики и кадастра Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: tanyaalek@yandex.ru

БЕЗНИН Михаил Алексеевич – д-р ист. наук, зав. кафедрой отечественной истории Вологодского государственного университета. E-mail: beznin@uni-vologda.ac.ru

ГОЛОВКО Ирина Ивановна – канд. юрид. наук, доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. E-mail: irinaivanovna2009@yandex.ru

ДАМЕШЕК Ирина Львовна – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и методики Иркутского государственного университета. E-mail: dameshek@rambler.ru

ДАМЕШЕК Лев Михайлович – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории России Иркутского государственного университета. E-mail: levdameshkek@gmail.com

ДАНИЛОВ Петр Григорьевич – науч. сотр. Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук. E-mail: danilovpg@mail.ru

ДЁМИН Юрий Александрович – канд. ист. наук, доцент кафедры социально-экономических дисциплин Иркутского государственного университета. E-mail: yademin1980@yandex.ru; ddeminzz@mail.ru

ДИДЕНКО Вероника Викторовна – аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: monikunulo@mail.ru

ДИМОНИ Татьяна Михайловна – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета. E-mail: dimonitm@yandex.ru

ЕВТЕХОВ Роман Артурович – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ). E-mail: Romachka1818@rambler.ru

ЕЛИЗАРОВА Виктория Олеговна – аспирант, ассистент кафедры истории и философии Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга (г. Петропавловск-Камчатский). E-mail: vestnikhel@gmail.com

ИЕРУСАЛИМСКАЯ Светлана Юрьевна – д-р ист. наук, ведущий эксперт Центра поддержки технологий и инноваций Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

МАКЛЮКОВ Алексей Владимирович – канд. ист. наук, мл. науч. сотр. отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток). E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

МАЛЫЦЕВ Роман Константинович – аспирант кафедры культурологии Кемеровского государственного института культуры. E-mail: mrk1992@mail.ru

МАМКИНА Инна Николаевна – канд. ист. наук, зав. кафедрой теории государства и права Забайкальского государственного университета (г. Чита); докторант кафедры истории России Иркутского государственного университета. E-mail: inna-mamkina@yandex.ru

НЕХОРОШИХ Михаил Евгеньевич – аспирант кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета. E-mail: mihaneh_92@mail.ru

ПАВЛОВИЧ Кристина Константиновна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: pavlovitch.cristina@yandex.ru

ПЕТРОВ Денис Михайлович – лаборант сектора археологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук. E-mail: dmpetrov-92@mail.ru

ПОДРЕЗОВ Михаил Владимирович – аспирант Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (г. Бийск). E-mail: misha_1101@mail.ru

ПОРШНЕВА Алиса Сергеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: alice-porshneva@yandex.ru

ПОЧЕКАЕВ Роман Юлианович – канд. юрид. наук, зав. кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург). E-mail: ropot@mail.ru.

САЙНАКОВ Николай Александрович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: lesomir@mail.ru

САРИН Дмитрий Петрович – аспирант кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета. E-mail: sarin.d@mail.ru.

СОКОЛОВ Виктор Юрьевич – канд. ист. наук, доцент кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: sokvu@yandex.ru

СТАСЬ Игорь Николаевич – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры всеобщей истории и археологии, ст. науч. сотр. Югорской лаборатории археологии и этнологии Сургутского государственного университета. E-mail: igor.stas@mail.ru

СТЕПНОВ Алексей Олегович – магистрант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: ASAOM@yandex.ru

ТИТОВА Екатерина Валерьевна – аспирант кафедры истории и архивоведения Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема (г. Биробиджан). E-mail: efimovaekaterina91@yandex.ru

ТОМИЛОВ Игорь Сергеевич – мл. науч. сотр. Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук. E-mail: igor.tomilov.85@mail.ru

ТУПОВА Екатерина Владимировна – аспирант школы филологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: katya.tupova@gmail.com

ТУРОВА Наталья Петровна – мл. науч. сотр. Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук. E-mail: turova2707@yandex.ru

ФЕДОТОВА Дарья Юрьевна – мл. науч. сотр. Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук. E-mail: igor.tomilov.85@mail.ru

ФОМИНЫХ Сергей Фёдорович – д-р ист. наук, зав. кафедрой современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

ШАЛАМОВ Владимир Александрович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета. E-mail: Wladimir13x@ya.ru

ЩЕГЛОВА Татьяна Кирилловна – д-р ист. наук, зав. кафедрой отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул). E-mail: tk_altai@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2017 № 414 Январь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 20 января 2017 г. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Усл. печ. л. 22,7. Тираж 250 экз.
Заказ № 2352. Цена свободная.
Дата выхода в свет 31 января 2017 г.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, К.В. Полькина
Корректор – Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. **Учредитель – Томский государственный университет.** «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Founder – Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru